

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

НОВАЯ СЕРИЯ
Т. I (XXVI)

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

MEMOIRS
OF THE ORIENTAL DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(PETERSBURG)

The Division was founded by Academician Vasily K. Rastvorov in 1828

Новая серия
177-й выпуск
Volume I (XXVI)

Издательство Санкт-Петербургского
2002 2003

ORIENTAL DEPARTMENT OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SANKT-PETERSBURG BRANCH OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**MEMOIRS
OF THE ORIENTAL DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY**

The Edition was founded by Academician Viktor R. Rozen in 1886

New Series
Volume I (XXVI)

Sankt-Petersburg
2002

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ЗВОРАО)**

Издание основано академиком В. Р. Розеном в 1886 г.

Новая серия
Том I (XXVI)

Санкт-Петербург
2002

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 01-01-16092д)*

Редакционная коллегия:
В. М. Массон (ответственный редактор),
В. П. Никоноров (секретарь),
А. А. Иванов, Н. А. Лазаревская,
Л. Н. Меньшиков

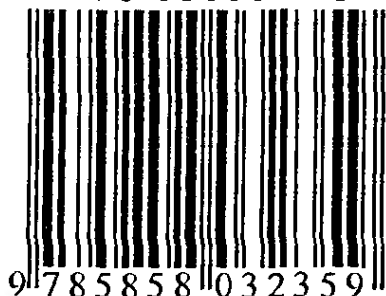
Editorial Board:
Vadim M. Masson (Editor-in-Chief),
Valerii P. Nikonorov (Secretary),
Anatoly A. Ivanov, Natal'ya A. Lazarevskaya,
Lev N. Men'shikov

Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. I (XXVI). — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 560 с.

Настоящий том является продолжением авторитетнейшего издания отечественного востоковедения, последний том которого под номером XXV вышел в свет в далеком 1921 г. В новой серии этого издания, организованной с целью продолжения прерванной традиции прежних ЗВОРАО, публикуются разработки российских ученых и их коллег из ближнего зарубежья в области изучения древностей Востока, в том числе археологии, истории, нумизматики, филологии, эпиграфики и сфрагистики, а также культурного наследия.

**Исключительное право на распространение
настоящего издания в России и за ее пределами
принадлежит издательству
«Петербургское Востоковедение»**

ISBN 5-85803-235-9

© Восточное отделение Российского
археологического общества, 2002
© Петербургское Востоковедение, 2002

Зарегистрированная торговая марка

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	11
-----------------------	----

Статьи и заметки

<i>О. Ф. Акимушкин</i> (Санкт-Петербург). «Хасанат ал-абрар» шайха Мухаммад-Мурāда Кашмйрй — редкая агиография конца XVII в. шайхов братства нақшбандийа-муджаддийа . . .	13
<i>Н. Альмеева</i> (Санкт-Петербург). «Культурные слои» традиционного музыкального сознания (исламо-христианское пограничье в Среднем Поволжье и татарский песенный фольклор)	25
<i>А. А. Амбарцумян</i> (Санкт-Петербург). Этноним «хйаона» в Авесте	35
<i>Ю. А. Виноградов</i> (Санкт-Петербург). Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове	73
<i>Т. И. Виноградова</i> (Санкт-Петербург). Надписи и тексты китайских народных картин <i>няньхуа</i>	82
Ю. А. Заднепровский (Санкт-Петербург). Спорные вопросы изучения красноангобированной керамики Ферганы.	95
<i>Н. В. Ивочкина</i> (Санкт-Петербург). Китайская медная монета как модель мира	112
<i>Дж. Я. Ильясов, Р. Имамбердыев</i> (Ташкент, Узбекистан). Новые арабские надписи на глазурованной керамике Бинкета . . .	124
<i>Н. В. Козырева</i> (Санкт-Петербург). Старовавилонские печати с именем бога Амурру из собрания Государственного Эрмитажа	134
<i>А. И. Колесников</i> (Санкт-Петербург). Изучение среднеиранской нумизматики в XIX в.	148
Б. Д. Кочнев (Самарканд, Узбекистан). Кто был победителем Бука-Будрача: из истории Караханидов.	171
<i>Б. А. Литвинский</i> (Москва). Бактрийцы на охоте	181
<i>А. К. Нефёдкин</i> (Санкт-Петербург). Оборона и осада у оленных чукчей (вторая половина XVII—XVIII в.)	214
<i>В. П. Никонов</i> (Санкт-Петербург). Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции.	223
<i>И. В. Пьянков</i> (Великий Новгород). Гализоны — халибы — мосхи (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II—I тыс. до н. э.)	324

<i>Э. В. Ртвеладзе</i> (Ташкент, Узбекистан). О периодизации истории денежного обращения в Среднеазиатском Двуречье в древности	343
<i>Н. Ф. Саввониди</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о распространении идей христианства в Северном Причерноморье в римское время	362
<i>В. Свентославский</i> (Лодзь, Польша). Боевые газы в военном деле татаро-монголов	373
<i>А. И. Торгоев</i> (Бишкек, Кыргызстан). Редкий бронзовый кувшин из Чуйской долины	380
<i>С. А. Франузов</i> (Санкт-Петербург). Значение материалов Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) для изучения Южной Аравии (эпиграфический аспект)	385
<i>Н. А. Хан</i> (Киров). Наукометрическое измерение кадрового потенциала археологии Средней Азии в советский период	394
<i>Ю. С. Худяков</i> (Новосибирск). Археологические коллекции в музеях Северного Китая (По материалам экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь»)	401
<i>П. В. Шувалов</i> (Санкт-Петербург). Враги Империи (по трактату Псевдо-Маврикия)	422
<i>А. Я. Щетенко</i> (Санкт-Петербург). Культурное наследие древнеиндийской цивилизации (по данным археологии)	453

Выдающиеся отечественные ориенталисты

<i>Н. Е. Васильева</i> (Санкт-Петербург). Виктор Романович Розен — основатель русской школы востоковедения	488
<i>Н. А. Лазаревская</i> (Санкт-Петербург). Исследователь Средней Азии Николай Иванович Веселовский (по материалам фотоархива ИИМК РАН)	494
<i>В. М. Массон</i> (Санкт-Петербург). Иосиф Абгарович Орбели и археологическая наука	498
<i>В. А. Якобсон</i> (Санкт-Петербург). Игорь Михайлович Дьяконов — историк	501

Научная жизнь

<i>Д. Абдуллоев</i> (Санкт-Петербург). Международная конференция, посвященная 1100-летию образования государства Саманидов	508
<i>В. М. Массон, В. П. Никоиоров</i> (Санкт-Петербург). Международная конференция «Культурное наследие Востока»	509

Научное пространство СНГ

<i>А. Аширов</i> (Ашгабат, Туркменистан). Национальный Институт рукописей Туркменистана им. Туркменбаши	512
---	-----

<i>Г. Исмаиладзе</i> (Баку, Азербайджан). Университет Хазар — новое высшее учебное заведение Азербайджана	513
---	-----

Personalia

<i>Л. М. Всевиов, В. П. Никоноров</i> (Санкт-Петербург). Памяти Татьяны Николаевны Заднепровской (1926—2001)	515
--	-----

Новые книги (рецензии и аниотации)

<i>К. М. Байпаков</i> (Алматы, Казахстан). Новые книги по археологии Казахстана	521
<i>Ю. Г. Кутимов</i> (Санкт-Петербург). Серия «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана»	525
<i>В. М. Массон</i> (Санкт-Петербург). Рец. на кн.: <i>Prospection archéologiques en Bactriane Orientale. Vol. 2: Lyonnet B. Céramique peuplent du chalcholithque à la conquête arabe. Paris, 1997; Vol. 3: Gardin J.-C. Description des sites et notes de synthèse. Paris, 1998</i>	529
<i>В. А. Мешкерис</i> (Санкт-Петербург). Восточная музыкальная археология в немецком двухтомном издании « <i>Studien zur Musikarchäologie</i> »	531
<i>Б. Я. Ставиский</i> (Москва). Новые книги о древней Центральной Азии	535
<i>А. Я. Щетенко</i> (Санкт-Петербург). Рец. на кн.: <i>Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1985—1987 / Составители: Р. Ш. Левина, Л. М. Всевиов. СПб. 1999</i>	539
Список сокращений	545

CONTENTS

From the Editorial Board	11
------------------------------------	----

Articles and Notes

<i>O. F. Akimushkin</i> (Sankt-Petersburg). The «Hasanat al-abrar» of the shaikh Muhammad-Murad Kashmiri — a rare late 17th-century hagiography of the Naqshbandiya-Mujaddidiyya brotherhood	13
<i>N. Al'meeva</i> (Sankt-Petersburg). «Cultural layers» of traditional musical consciousness (An Islam-Christian Borderland in the Middle Volga area and Tatar song folklore)	25
<i>A. A. Ambartsumian</i> (Sankt-Petersburg). An ethnonym «Hyaona» in the Avesta.	35
<i>Yu. A. Vinogradov</i> (Sankt-Petersburg). Saltovo-Maiatsk Culture complexes of the settlement of Artiushchenko I on the Taman peninsula	73
<i>T. I. Vinogradova</i> (Sankt-Petersburg). Inscriptions and texts on the Chinese popular woodblock prints <i>nianhua</i>	82
<i>Yu. A. Zadneprovsky</i> (Sankt-Petersburg). Disputable problems in the study of red-angob pottery of Ferghana	95
<i>N. V. Ivochkina</i> (Sankt-Petersburg). Chinese bronze coin as a World model	112
<i>J. Ya. Ilyasov, R. Imamberdyev</i> (Tashkent, Uzbekistan). New arabic inscriptions on glazed pottery of Binkath	124
<i>N. V. Kozyreva</i> (Sankt-Petersburg). Two Old Babylonian seals with the name of the god Amurru from the Hermitage collection. . .	134
<i>A. I. Kolesnikov</i> (Sankt-Petersburg). The studies on Middle-Iranian numismatics in the 19th century	148
<i>B. D. Kochnev</i> (Samarkand, Uzbekistan). Who was the conqueror of Buqa-Budrach: from Qara-Khanid history	171
<i>B. A. Litvinsky</i> (Moscow). The hunting Bactrians.	181
<i>A. K. Nefedkin</i> (Sankt-Petersburg). Defence and siege of the nomadic Chukchi people (second half of the 17th — 18th centuries) . .	214
<i>V. P. Nikonorov</i> (Sankt-Petersburg). Warfare of the European Huns in the light of the data of Graeco-Latin literary tradition	223
<i>I. V. P'iankov</i> (Velikiĭ Novgorod). Halizones — Chalybes — Moschi (On the Circum-Pontic caste of metallurgists of the late 2nd — 1st millinnia B.C.)	324

<i>E. V. Rtveldze</i> (Tashkent, Uzbekistan). On the division into periods of the history of coin circulation in the Middle Asian Two-River area in Antiquity.	343
<i>N. F. Savvonidi</i> (Sankt-Petersburg). On the spread of the Christian notions in the Northern Pontic area during Roman times.	362
<i>W. Świątosławski</i> (Łódź, Poland). Poisonous gases in Tartar-Mongol warfare	373
<i>A. I. Torgoev</i> (Bishkek, Kyrgyzstan). A rare bronze jug from the Chui valley	380
<i>S. A. Frantsouzoff</i> (Sankt-Petersburg). The significance of the Soviet-Yemenite complex expedition (SOYCE) for the study of Southern Arabia (An epigraphic aspect)	385
<i>N. A. Khan</i> (Kirov). Science-metrical measuring of cadre potential for the archaeology of Middle Asia in the Soviet period	394
<i>Yu. S. Khudiakov</i> (Novosibirsk). Archaeological collections in the museums of Northern China (according to materials of the UNESCO expedition «The Great Silk route»)	401
<i>P. V. Shuvalov</i> (Sankt-Petersburg). Enemies of the Empire (The neighbouring peoples in Pseudo-Maurice's treatise)	422
<i>A. Ya. Shchetenko</i> (Sankt-Petersburg). Cultural heritage of the Ancient Indian civilisation (according to archaeological data)	453

Outstanding Russian Orientalists

<i>N. Ye. Vasil'eva</i> (Sankt-Petersburg). Viktor Ivanovich Rozen as a founder of the School of Oriental studies in Russia	488
<i>N. A. Lazarevskaya</i> (Sankt-Petersburg). Nikolai Ivanovich Veselovsky as an explorer of Middle Asia (according to data from the Photo Archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)	494
<i>V. M. Masson</i> (Sankt-Petersburg). Iosif Abgarovich Orbeli and archaeology	498
<i>V. A. Yakobson</i> (Sankt-Petersburg). Igor' Mikhailovich D'iakonov as a historian.	501

Scientific Life

<i>D. Abdulloev</i> (Sankt-Petersburg). The International conference devoted to the 1100th anniversary of the formation of the Samanid state	508
<i>V. M. Masson, V. P. Nikonorov</i> (Sankt-Petersburg). The International conference «The Cultural Heritage of the East»	509

The CIS scientific Space

<i>A. Ashirov</i> (Ashgabat, Turkmenistan). The Turkmenbashi National Institute of manuscripts of Turkmenistan	512
--	-----

<i>G. Ismailzade</i> (Baku, Azerbaijan). The University Khazar — a new high educational institution of Azerbaijan	513
---	-----

Personalia

<i>L. M. Vsevirov, V. P. Nikonorov</i> (Sankt-Petersburg). In Memory of Tat'iana Nikolaevna Zadneprovskaya (1926—2001)	515
--	-----

New books (revues and annotations)

<i>K. M. Baipakov</i> (Almaty, Kazakhstan). New Books on the archaeology of Kazakhstan	521
<i>Yu. G. Kutimov</i> (Sankt-Petersburg). The Series «Osh-3000 and cultural heritage of the peoples of Kyrghyzstan»	525
<i>V. M. Masson</i> (Sankt-Petersburg). Rec. ad op.: Prospections archéologiques en Bactriane Orientale. Vol. 2. Lyonnet B. Céramique peuplent du chalcholithque à la conquête arabe. Paris, 1997; Vol. 3. Gardin J.-C. Description des sites et notes de synthèse. Paris 1998	529
<i>V. A. Meshkeris</i> (Sankt-Petersburg). Music archaeology of the East in the German two-volume edition «Studien zur Musikarchäologie»	531
<i>B. Ya. Stavisky</i> (Moscow). New books about ancient Central Asia . .	535
<i>A. Ya. Shchetenko</i> (Sankt-Petersburg). Rec. ad. op.: Sovetskaia arheologicheskaja literatura: bibliograficheskiï ukazatel'. 1985—1987 / By R. Sh. Levina, L. M. Vsevirov. Sankt-Petersburg 1999	539
List of abbreviations.	545

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга является продолжением традиционного издания отечественной гуманитарной науки. Российское археологическое общество (РАО) было утверждено в 1859 г. Александром II и именовалось, как находящееся под высочайшим покровительством, «Императорским». С активным развитием отечественной науки Общество быстро набирало силу. В 1861 г. в его составе были образованы три отделения: Отделение древней и классической археологии, Отделение русской и славянской археологии и Отделение восточной археологии (ВОРАО). В деятельности последнего активное участие принимали практически все ведущие российские востоковеды, и оно стало своего рода отечественным аналогом научных «Азиатских обществ» Западной Европы. Достаточно упомянуть, что в его составе работали такие выдающиеся ученые, как арабисты В. Р. Розен и И. Ю. Крачковский, индолог Ф. И. Щербатской, тюрколог А. Н. Самойлович, китаист В. М. Алексеев, монголист В. Я. Владимирцов, кавказоведы Н. Я. Марр и И. А. Орбели, историки древнего и средневекового Востока В. В. Бартольд и Б. А. Тураев, археолог Н. И. Веселовский и многие другие.

Вместе с политическими переменами РАО пережило, как и вся российская наука, целую серию трансформаций и организационных преобразований. Само РАО было преобразовано в Государственную академию истории материальной культуры, ставшую впоследствии Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН), которые в полной мере сохранили традиции и положение правопреемника первого государственного археологического учреждения России. ВОРАО сменяется т. н. Коллегией востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР и в конечном итоге, вместе с библиотекой и собранием восточных рукописей, сохраняется как учреждение, носящее ныне название Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (СПбФ ИВ) РАН.

В сентябре 1998 г. на общем собрании ученых Санкт-Петербурга, изучающих восточные древности и работающих в основном в Институте истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН и Государственном Эрмитаже (ГЭ), было заново образовано Восточное отделение Российского ар-

хеологического общества (ВОРАО) как продолжатель и правопреемник структуры, ведущей свое начало с 1861 г. В состав правления вошли академики РАЕН В. М. Массон (ИИМК РАН), Л. Н. Меньшиков (СПбФ ИВ РАН) и А. А. Иванов (ГЭ). Председателем ВОРАО был избран В. М. Массон, ученым секретарем — В. П. Никоноров (ИИМК РАН).

В ноябре 1998 г. ВОРАО при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 99-01-1433 г.) провело в Санкт-Петербурге международную конференцию «Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций»*. В качестве одной из важных задач деятельности Общества рассматривается возобновление публикации «Записок Восточного отделения Российского археологического общества» (ЗВОРАО) как регулярного периодического издания. Последний том ЗВОРАО (номер XXV) вышел в свет в 1921 г. Том XXVI был сдан в набор, но работа была прекращена и в свет этот том вышел лишь в 1925 г., уже в иной организационной ситуации, получив наименование «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН» с порядковым номером 1.

Настоящее издание, являющееся прямым продолжением прерванной традиции, открывает новую серию ЗВОРАО. Жанр прежних Записок был достаточно широк, поскольку ВОРАО было в те времена одновременно центром всего востоковедения в широком смысле слова. В уставе ВОРАО, утвержденном в 1998 г., подчеркивается, что деятельность Отделения направлена на изучение древностей Востока, в том числе археологии, истории, нумизматики, эпиграфики, сфрагистики, культурного наследия. Продолжая прежние традиции, новая серия ЗВОРАО будет частично публиковать филолого-лингвистические разработки, но в ином, нежели прежде, объеме, поскольку сейчас уже появились специализированные издания соответствующего профиля, как, например, «*Manuscripta Orientalia*».

Инициаторы восстановления ВОРАО надеются, что возобновление издания ЗВОРАО будет способствовать новым успехам отечественного востоковедения.

Руководство ВОРАО выражает глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку публикации тома I (XXVI) новой серии ЗВОРАО. Редакционная коллегия ЗВОРАО благодарит также члена Союза архитекторов России А. В. Сильнова за большую помощь в подготовке иллюстративных материалов.

* См. сообщение об этой конференции в разделе «Научная жизнь».

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

«ХАСАНĀТ АЛ-АБРĀР» ШАЙХА МУХАММАД-МУРĀДА КАШМĪРĪ — РЕДКАЯ АГИОГРАФИЯ КОНЦА XVII В. ШАЙХОВ БРАТСТВА НАҚШБАНДИЙА-МУДЖАДДИДИЙА

О. Ф. Акимущкин (Санкт-Петербург)

Полное название сочинения, представленного в собрании Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН рукописью под шифром С 1529, — «Хасанāt ал-абрār мин насамāt ал-муқаррабйн» («Прелестные деяния праведников под водительством приближенных [к Аллаху]») ¹. Следует отметить, что в тексте данного списка, который, как выяснилось в процессе изучения, является авторским черновиком ², автор не приводит своего имени, но в ходе повествования он цитирует письма, адресованные ему его наставником-муришдом шайхом 'Абд ал-Ахадом б. Мухаммад-Са'йдом ³, в которых последний, обращаясь к наше-

¹ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 2: Биографические сочинения. М., 1961. С. 148—150; Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог) / Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. Ч. I. М., 1964. № 1046. Под указанным названием сочинение не удалось обнаружить ни в одном из доступных мне справочников. Вместе с тем известный иранский библиограф Ахмад Монзави (Фехрест-е муштарак-е носхаха-йе хатти-йе фарси-йе Пакистан. Дж. II. Карачи, 1369/1990. С. 944) отмечает труд шайха Мухаммад-Мурāда Кашмīрī нақшбанди-йи муджаддиди «Хасанāt ал-муқаррабйн», заверченный им в 1124/1712 г. Эти сведения сообщил мне проф. Девин Д. Деуиз (Блумингтон, Индиана), за что выражаю ему искреннюю признательность. Судя по приведенной А. Монзави дате завершения, указанный им труд является либо второй, либо расширенной редакцией сочинения, представленного нашим списком.

² Подробнее о рукописи С 1529 см. ниже.

³ Внук основателя самостоятельной ветви (впоследствии — братства) *нақшбанди-муджаддиди* шайха Ахмада Фāрāқи Сирхīндī (14 шаввāла 971—28 сафара 1034/26 мая 1564—10 декабря 1624), прозванный «обновителем второго тысячелетия» (*муджаддид-и алф-и сāни*). С его именем связано окончательное оформление доктринальной концепции мусульманского мистицизма «Вахдат аш-шухūd» («Единство свидетельства»), в которой он выступил бескомпромиссным и яростным противником доктрины «Вахдат ал-вуджūd» («Единственность бытия»), разработанной еще Ибн 'Арабī (1165—1240) и его последователями. По его утверждению, доктрина Великого шайха покоится исключительно на субъективном опыте. Поэтому все мистические «состояния и озарения», ведущие к духовному «соединению» с Аллāхом (*иттихād*), являются лишь наваждением и миражом.

му автору, именует его шайхом Мухаммад-Мурāдом⁴. Кроме того в предисловии, написанном уже после завершения труда⁵, а также перед *басмалой*⁶ и в отдельной главе, в которой он рассказывает о себе самом⁷, он указывает свое полное имя — шайх Мухаммад-Мурād б. муфти Тāхир Кашмирй. Помимо сведений автобиографического порядка, которые сообщает Мухаммад-Мурād и которые мы почерпнули из его произведения⁸, некоторые данные о нем приводят как его *мурй*-ученик Мухаммад-А'зам в своем труде по истории Кашмира «Вāқи'āt-и Кашмир», составленном в 1160/1747 г.⁹, так и Мухаммад-Гулām Сарвар в агиографии «Хазйнат ал-асфийā», написанной в 1281/1864-65 г. Последний отмечает также, что Мухаммад-А'зам посвятил своему наставнику-*муршиду* особое сочинение, названное им «Файз-и Мурād», в котором он описывает жизненный путь и деяния своего шайха¹⁰.

Итак, Мухаммад-Мурād родился в Кашмире в 1059/1649 г. в семье известного местного богослова-эрудита муфти Мухаммад-Тāхира, который обладал *хирқа-йи ифтā'*, т. е. исключительным правом делать богословско-правовое заключение с целью разъяснения применения на практике тех или иных норм и предписаний шарй'ата либо истолкования с позиций последнего какого-либо казуса. Следуя по стопам отца, он рано проявил склонность к изучению религиозных наук и в результате получил солидное духовное образование. Еще в юности он самостоятельно приобщил-

Конечная цель мистического совершенствования, по его мнению, заключается в «служении Аллāху» (*'абдийат*), которое ниспосылается мистiku по прохождении этапов «единства бытия» (*вуджудийат*) и «общего представления» (*зиллийат*). Духовные откровения свыше, ведущие к познанию тайн божественного бытия, могут выпадать на долю человека только в том случае, если он строго придерживается норм и предписаний шарй'ата. Свои взгляды Ахмад Сирхиндй излагал в многочисленных письмах-посланиях (*мактубāt ва 'арй'из*), которые впоследствии были собраны его учениками в четыре тома. Согласно нашему автору (л. 239а—б), том первый содержит 20 *'арйзе* и 293 *мактуб*, второй — 99 писем-посланий, третий — 114 и четвертый — 14. Подробнее см.: Rizvi S. A. A. Muslim revivalist movement in Northern India in the XVIIth and XVIIIth centuries. Lucknow, 1966. P. 202—329.

⁴ Рук., л. 355а.

⁵ Рук., л. 5а: вставка по-арабски на полях: «Я — немощный бедняк Мухаммад-Мурād б. муфти Тāхир Кашмирй».

⁶ Рук., л. 5б.

⁷ Рук., л. 407а: вставка на полях.

⁸ Рук., л. 3а—б, 5а, 83б, 114б—115а, 116б, 131б, 157б, 331б, 346б, 378б, 381а, 382б, 399а, 400б, 407б—410б.

⁹ Рук. СПбФ ИВ РАН В 663, л. 163б 171б, 240б 241а, 269а. О рукописи и сочинении см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: Исторические сочинения. М., 1975. С. 379—380. № 496; см. также: Каталог ПТР, № 4556; Storey C. A. Persian Literature. A bio-bibliographical Survey. L. Vol. I, pt. 1, fasc. 3. 1939. P. 683—684. № 880 (далее: Storey. Pl.).

¹⁰ Хазйнат ал-асфийā'. Т. 1. Каунпур, 1894. С. 658—659. Storey. Pl. Vol. I, pt. 2. 1953. P. 1043—1044.

ся к мистической практике и, согласно сообщению Мухаммад-А'зама, благодаря строгому подвижничеству в течение двух лет удостоился познать состояние хал, т. е. духовное единение в экстатическом состоянии с Единосущим. Будучи первоначально ревностным последователем доктринальных положений и традиционных взглядов братства *кубравийа*, Мухаммад-Мурад тщательно изучал труды шайхов этого братства, посещал места, где они жили и вели миссионерскую деятельность, а также *мазары*, где они успокоились. В результате он собрал значительный материал и приступил к составлению родословной (*шаджара*) всех шайхов *кубравийа*. Он пишет, что, когда он был полностью захвачен этой работой и дошел до линии гератских «любимцев Аллāха» (*авлийā*), ему было видение основателя ветви *кубравийа-хамаданийа* шайха амйра 'Али б. Шихаб ад-Дина Хамаданй (1314—1385)¹¹, после чего он так и не завершил начатого, и более того, не смог написать ни строчки в течение последующих 13 лет¹². В месяце сафаре 1081/июне-июле 1670 г. во время наместничества Сайф-хāна в Кашмире¹³ в эту историческую область в сопровождении 40 муридов и значительного числа челяди прибыли сыновья шайха Мухаммад-Са'йда¹⁴ и внуки Ахмада Сирхиндй 'Абд ал-Ахад и Са'д ад-Дйн Мухаммад¹⁵. Их появление в Кашмире (точно так же, как в последующие годы и других представителей клана Ахмада Сирхиндй) было продиктовано чисто прагматическими целями: рекрутировать новых сторонников в братстве *накибандийа-муджсаддийа* и тем самым расширить влияние указанного братства в регионе, где изначально были весьма прочны позиции и влияние ветви *кубравийа-хамаданийа*. В конце месяца рабй' ас-санй 1081/

¹¹ DeWeese D. Sayyid 'Alī Hamadānī and Kubrawī Hagiographical Traditions // The Legacy of megalaeval Persian Sufism (ed. by L. Levisohn). L.; N. Y., 1992. P. 121—158.

¹² Рук., л. 407а—б.

¹³ Сайф-хāн б. Тарбийат-хāн занимал пост наместника Кашмира с 1076 по 1088/1665—1678 гг. с перерывом на два года (1079—1080/1669—1070 гг.).

¹⁴ Второй сын Ахмада Сирхиндй родился в шаввале 1005/мае 1597 г. Он получил известность как широко эрудированный знаток мусульманского религиозного права (*фикх*), умер, возвращаясь из Дели в Сирхинд, в 1072/1661-62 г. Подробнее о нем см.: Rizvi. Revivalist movement. P. 378—381; *Idem*. A History of Sufism in India. Vol. II. Delhi, 1983. P. 241—243.

¹⁵ Сыновья шайха Мухаммад-Са'йда (см. примеч. 14), пятый и четвертый, соответственно. Согласно нашему автору 'Абд ал-Ахад родился в 1047/1637-38 г., совершил паломничество в Хиджāз вместе со своим отцом в 1067/1656-57 г. и написал трактат об этом *хаджже*. Муршинд и наставник нашего автора действовал так же, как шайх братства *кādирийа*, и инициировал в него многих членов. См. рук., л. 330б—331б, 333а—363а. С. А. А. Ризви приводит дату его кончины, указывая 1142/1729-30 г. (Rizvi. A History of Sufism. V. II. P. 244). В анонимном сочинении, составленном в Стамбуле около 1240/1824-25 г. и посвященном биографиям шайхов *накибандийа* и *муджсаддийа* (Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и перендских рукописей... С. 156—158. № 205. Рук. С. 2019, л. 256), отмечается, что 'Абд ал-Ахад умер вскоре после 1100/1698-99 г.

сентябрь 1670 г. названные выше шайхи отправились обратно в Сирхинд, а в числе вновь обращенных *мурїдов* их сопровождал Мухаммад-Мурād, который, сопроводив их до резиденции-обитали, возвратился в Кашмир. На родине он пробыл недолго, и 20 раджаба (3 декабря) того же года мы вновь встречаем его в Сирхинде, где он состоит при *мазāре* Ахмада Сирхиндї в течение полутора лет. В родные края Мухаммад-Мурād вернулся уже в ранге *халїфа*-заместителя принципала на месте, обладающего правом инициировать новых членов и руководить ими. Спустя три года он вновь появляется в Дели, где в течение года состоит *мурїдом* при шайхе Шарафандūзе накшбандї. Далее он, согласно Мухаммаду Сарвару, 14 лет провел в одной из мечетей Кашмира, пропагандируя воззрения своих наставников¹⁶. Благодаря руководству этого шайха и помощи хвādжи Худжжаталлāха Накшбанда Мухаммад-Мурād «постиг совершенства пути мистического познания братства *муджаддидийа*»¹⁷. В Кашмире, согласно «Хазїнāt», шайх Мухаммад-Ризā даровал ему *хирқа-йи хилāфат* таких братств, как *кубравийа*, *сухравардийа* и *чиштийа*¹⁸. Таким образом, он имел ранг *халїфа* четырех братств и с 1085/1674-75 г. считался *мурїдом* шайха 'Абд ал-Аҳада б. Мухаммад-Са'йда.

По всей видимости, Мухаммад-Мурād не был удивлен предложением своего *муришда* написать труд о деяниях шайхов братства *накшбандийа* и его ветви *накшбандийа-муджаддидийа*, поскольку он уже обладал подобным опытом. Он приступил к написанию труда и с этой целью совершил ряд поездок по Северной Индии и Кашмиру, где в основном протекала подвижническая деятельность шайхов указанной линии, посещал основанные ими обители (*хāнгāх*) и места их погребения, собирал, записывая, устные рассказы и предания об их чудесных деяниях (*карāmāt*) и состоял в интенсивной переписке с членами многочисленного клана Ахмада Сирхиндї. Наконец, он широко использовал в своем труде как устные разъяснения своих наставников (в основном шайха 'Абд ал-Аҳада), которые делали их «прилюдно и в личных беседах», так и доктринальные трактаты основателя ветви и его непосредственных преемников¹⁹. 20 джумādā I 1093/27 мая 1682 г. он завершил «в весьма короткое время» свой основной труд²⁰. Каким образом сложилась дальнейшая судьба Мухаммад-Мурāда, нам

¹⁶ Хазїнāt. С. 658.

¹⁷ Там же. С. 658. Указанный хвādжа Худжжаталлāх Накшбанд (зў-л-қа'да 1034-9 муҳаррама 1115/сентябрь 1625—25 мая 1703) сыном шайха Мухаммад-Ма'сўма (11 шаввāла 1007-9 рабї' I 1079/7 мая 1599—17 августа 1668), который стал главой (*кутб*) *муджаддидийа* после смерти Ахмада Сирхиндї.

¹⁸ Там же. С. 659.

¹⁹ Наш автор имел в виду шайха Мухаммад-Ма'сўма (см. примеч. 17).

²⁰ Автор анонимного сочинения — рук. СПбФ ИВ РАН (С 2019, л. 526) — указывает, что труд был посвящен 'Абд ал-Аҳду.

неизвестно. Можем только добавить, что под конец своей жизни он возвратился в Кашмир, где и скончался 5 шаввāла 1134/14 июля 1722 г. в возрасте 75 полных лет ²¹.

Несколько слов о его письменном наследии. Помимо «Хасанāt ал-абрār» и незавершенной «Родословной шахов кубравийа», упомянутой нами выше, перу Мухаммад-Мурāда принадлежит ряд трактатов и сочинений этико-суфийского содержания, в числе которых он сам отмечает: 1. «Рисāла-йи дураp ан-назм» («Послание о нанизанных жемчужинах»). В этом трактате он рассматривает восемь известных положений школы *хвāджагāн*, сформулированных ‘Абд ал-Хāлиқом Гидждувāнй (ум. между 1204—1220) и три постулата, добавленных к ним впоследствии Баха ад-Дйном Нақшбандом (1318—1389) ²²; 2. Комментарий (без особого названия) на двустишие (*байт*) из «Маснавй-йи ма’навй» Джалāl ад-Дйна Рӯмй (1207—1273) ²³; 3. Составленное им собрание писем-посланий (*мактубāt*), посланных нашему автору его *муришдом* ‘Абд ал-Аҳадом ²⁴. Кроме того, Мухаммад А’зам особо выделяет его труд «Туфхат ал-фуқарā» (Подарок принявшим обет добровольной бедности), который, судя по названию, отличается своим содержанием от агиографии «Хасанāt ал-абрār» ²⁵. Если исходить из замечания А. Монзави (см. выше), то, видимо, в 1124/1712 г., т. е. спустя 31 год, он переработал «Хасанāt ал-абрār», дав сочинению новое, несколько видоизмененное название «Хасанāt ал-муқаррабйн» (Прелестные деяния приближенных к [Аллаху]).

II

Как уже указывалось выше, рассматриваемый труд носит название «Хасанāt ал-абрār мин насамāt ал-муқаррабйн» ²⁶. Первоначально Мухаммад-Мурād решил составить последовательное жизнеописание всех шайхов братства *хвāджагāн-нақшбандийа* по

²¹ Эту дату приводит Мухаммад-А’зам Кашмирй (Вāқи’āt. Л. 241а). Она представляется нам предпочтительней в силу того, что Мухаммад-А’зам был *мурйдом* Мухаммад-Мурāда и, как он сам сообщает, сопровождал тело своего *муришда* к месту погребения. Кроме того, он приводит две хронограммы (*тārйх*) на дату смерти наставника: «шах-и акāбир» и «мухаррам аз худā вай бӯда». Сумма числовых значений букв каждой из них равна 1134. Однако Мухаммад-Гулām Сарвар (Хазйнāt. С. 659) отмечает, что Мухаммад-Мурād умер в возрасте 75 лет 17 раджаба 1131/5 июля 1719 г.

²² Говоря об этом трактате, автор выразил надежду поместить его в конце «Хасанāt ал-абрār» (рук., л. 83б). Однако в нашем списке черновой авторской копии трактат не представлен.

²³ Рук., л. 346б.

²⁴ Рук., л. 410б.

²⁵ Вāқи’āt, л. 269а.

²⁶ Упомянутый выше анонимный автор, весьма основательно использовавший «Хасанāt ал-абрār», именует его просто «Мақāmāt-и шайх Мурād Кашмирй (рук. СПбФ ИВ РАН С 2019, л. 256, 526, 55а).

восходящей линии от Пророка, но в процессе работы он ограничил свою задачу, заметив, что «всех упомянуть просто невозможно». В этой связи он включил в агиографию только тех подвижников, чьи биографии смог найти в привлеченных им источниках и чья деятельность протекала в период времени от Мухаммада до шайхов ответвления *муджадидийа*. При этом он сознательно стремился уделять особое внимание шайхам-выходцам из Сирхинда, т. е. Ахмаду Сирхиндй, его преемникам, сыновьям, внукам и правнукам, его и их заместителям (*халифá*) и последователям (*асхãб*)²⁷. При составлении своего произведения Мухаммад-Мурãд широко использовал как письменные источники, так и записи своих личных бесед со многими современными ему шайхами. Число привлеченных им источников составило 27, но перечень основных он приводит в предисловии, где называет нижеследующие труды²⁸: 1. «Нафахãт ал-унс» ‘Абд ар-Рахмãна Джãмй (1414—1492); 2. «Рашахãт ‘айн ал-хайат» Вã‘иза Кãшифй (1463—1532); 3. «Тазкират ал-авлийã» Фарйд ад-Дйна ‘Аттãра (ум. 1220); 4. «Кашф ал-махджуб» ал-Худжвйрй (ум. ок. 1074); 5. «Шавãхид ан-нубувват» ‘Абд ар-Рахмãна Джãмй; 6. «Мақãмãт-и шайх Нақшбанд», видимо, «Анис ат-талибйи», Салãх б. Мубарака ал-Бухãрй (первая треть XV в.); 7. «Мақãмãт-и саййид амйр Кулãл» Шихãб ад-Дйна (ум. 1437); 8. «Раудат аш-шухадã’» Хусайна Вã‘иза Кãшифй (ум. 1504); 9. «Фасл ал-хитãб» хвãджи Мухаммада Пãрсã (ум. 1420); 10. «Вирд ал-мурйдин» шайха Бãбã Дãудã Кашмйрй Хãкй (ум. 1586); 11. «Рисãла-йи Йавãкйт ал-Харамайн» хвãджй Мухаммад-‘Убайдаллãха (1628—1672)²⁹; 12. «Насамãт ал-қудс» Мухаммад-Хãшима ал-Бадахшãнй Кишмй (ум. ок. 1643); 13. «Рисãла-йи Бахã’ййã» Абӯ-л-Кãсима б. Мухаммада б. Мас’уда (первая половина XV в.)³⁰. Помимо отмеченных сочинений суфийского содержания, Мухаммад-Мурãд неоднократно ссылается на четыре тома писем-посланий (*мактубãт*) Ахмада Сирхиндй и на три тома аналогичного жанра *мактубãт*,

²⁷ «Особенно о тех, кто ко времени сего пишущего пребывает в здравии души и телом» (рук., л. 36).

²⁸ Намн сохранена последовательность авторского перечня (л. За—б).

²⁹ Этот трактат, написанный на арабском языке, представляет собой описание паломничества в Мекку и Медину отца автора, руководителя ветви *накишбандийа-муджадидийа* шайха Мухаммад-Ма’сума, предпринятое в 1656—1658 гг. Его перевод на персидский язык был осуществлен в 1071/1660—1661 г. *мурйдом* автора Мухаммад-Шãкиром б. шайх Бãдр ад-Дйном Ахмадã и получил название «Хасанãт ал-Харамайн» («Красоты двух священных городов»). Список этого сочинения представлен в собрании СПбФ ИВ РАН, нифр В 2145, л. 1696—2036. Список датирован 1299/1881—1882 г., но является копией со списка, исполненного 12 джумãдã II 1080/8 октября 1670 г. См.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Вып. 2. № 193; Каталог ПТР. № 1047.

³⁰ См.: *Storey. Pl. I. Pt. 2. P. 954, 964, 938, 948, 987—990, 1061; Стори Ч. А.* Персидская литература. Библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. Ч. I. М., 1972. С. 561—565, 623—627; *Жуковский В. А.* Раскрытие скрытого за завесой (Кашф ал-Махджуб). Л., 1926.

написанные третьим сыном последнего и его восприемником в качестве кутба шайхом Муҳаммад-Ма'сūмом (1599—1668). Однако основным и, можно сказать, базовым первоисточником для Муҳаммад-Мурāда послужило отмеченное выше сочинение Муҳаммад-Хāшима Кишмī «Насамāt ал-қудс». Он практически почти полностью инкорпорировал (начиная с л. 115а) в свой труд вторую книгу (*мақāла*) этого произведения³¹. Наш автор при этом заметил: «Когда автор уже приступил к исполнению задуманного; как у него в руках оказалась книга „Насамāt“, автор коей был одним из *мурīдов* шайха Муҳаммада Бāқйбиллāха и *халифа* Аҳмада Фāрўқй. В книге содержались сведения о великих шайхах [нақшбандийа] и они были изложены точно таким же образом, каким хотелось самому автору. Поэтому он написал [здесь] все сообразно второй мақāла „Насамāt ал-қудс“, заимствовав то, что счел необходимым, и добавив то, чего в ней не было [и не могло быть]»³². Следует отметить, что Муҳаммад-Мурād, рассказывая о суфийских аскетах, подвижниках и шайхах, всегда указывает источник почерпнутых сведений. Факт весьма редкий для литератора его времени.

Рассматриваемое сочинение делится на множество различных по объему и содержанию глав, главок и параграфов, которые все без различия обозначаются одним и тем же словом — *хасана*³³. Всему сочинению предшествует детальный *фихрист*, который содержит имена 122 шайхов, чьи биографии включены в настоящий труд. *Фихрист* был составлен одним из владельцев списка, который опустил в нем имя хвādжи Муҳаммада Пāрса³⁴.

При оценке труда как агиографического и отчасти исторического источника нетрудно заметить, что он отчетливо разделяется на две неодинаковые как по объему, так и по своему содержательному значению части. Первая, занимающая почти три четверти сочинения и посвященная биографиям шайхов, включая жизне-

³¹ Эта книга (*мақāла*) состоит из трех разделов (*мақсад*), которые содержат жизнеописание а). Шайха Муҳаммад-Зāхида Вахшī и его последователей (л. 116а); б). Хвādжи Муҳаммад-Бāқйбиллāха Беранга и его *мурīдов* и последователей (л. 131б); в). предков Аҳмада Сирхиндī, его самого, его прямых потомков, *асхāбов* и *халифā* (л. 166б). См.: Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области // ЗВОИРАО. Т. 22. 1914. С. 306—308; Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Т. 1: История, биографии, география. Л., 1962. № 147. С. 343—351; Storey. Pl. I. Pt. 2. P. 987—990.

³² Рук., л. 114б—115а.

³³ Переписывая в черновик своего труда вторую книгу «Насамāt ал-қудс», Муҳаммад-Мурād сохранял при этом номинацию глав (*фақл*) и параграфов этого сочинения (*насамā*). По завершении этой работы он не только оставил указание переписчику (поля на л. 115а) для изготовления белой копии: «Помни, что отсюда вместо „насамā“ должно писать „хасана“, но и повсеместно и последовательно зачеркнул первое, надписав сверху второе.

³⁴ Форзацные л. 01б—02а. Они были подклеены позднее и не имеют как восточной, так и европейской фолианты.

описание Аҳмада Сирхиндӣ, компилятивна и не представляет особого интереса, поскольку составлена на основании широко известных письменных (кстати, дошедших до нас) источников. Она включает в себе три раздела из четырех, на которые уже композиционно делится сочинение:

I. Л. 16—5а. Введение и предисловие автора³⁵, в котором приводятся несколько духовных генеалогий (*силсила*) братства накшбандийа и его ответвлений. Л. 7а—131б. Жизнеописания четырех праведных халифов, одиннадцати шиитских имамов и сорока известных суфиев, аскетов и подвижников от Ма'рӯфа Кархӣ (л. 58а) до хвādжи Латӣфа Кандибādāmӣ (ум. 1024/1615), ученика Хвādжа-гӣ-йи Амкӣнагӣ б. Дарвйш-Муҳаммад (ум. 1008/1599—1600).

II. Л. 131б—166б. Биографии хвādжи Муҳаммада Бāқӣбиллāха (ум. 25 джумādā II 1012/30 ноября 1603), его двух сыновей 'Убайдаллāха, известного как Хвādжа Калāн, и 'Абдаллāха, известного как Хвādжа Хӯрд, *мурӣдов*, *халифа* и последователей³⁶.

III. Л. 166б—314а. Биографии³⁷ шайха Аҳмада Фāрӯқӣ-йи Сирхиндӣ (1566—1624), его предков и 24 его халифā и сподвижников (л. 272 а)³⁸.

Совершенно иной характер носит вторая часть сочинения, включающая в себя рассказы о сыновьях и внуках Аҳмада Сирхиндӣ. В эту часть входит четвертый композиционный раздел.

IV. Жизнеописание шести сыновей Аҳмада Сирхиндӣ, из которых двое — Муҳаммад-Фаррух и Муҳаммад-'Йсā — только названы, поскольку они умерли в детстве (л. 314а), и 14 внуков: Л. 314а. Старший сын — Муҳаммад-Сāдиқ (1000—9 рабӣ' I 1025.1591—27 марта 1616); л. 318а. Второй сын — Муҳаммад-Са'йд (шаввāl 1005—1072/май 1597—1662), известный как Хāзин ар-рахмат. Автор, перечислив восемь сыновей последнего — Шах-'Абдаллāха, Шāх-Лутфаллāха, Фаррух-шāха, Са'д ад-Дйна Муҳаммада, 'Абд ал-Аҳада. Муҳаммад-Халилаллāха, Мийāн Йа'қуба и Мийāн Тақӣ. — привел биографические сведения только о четверых: л. 325б. Шайх Фаррух-шāх; л. 330б. Са'д ад-Дйн Муҳаммад; л. 331б. Шайх Муҳаммад-Халилаллāх; л. 333а. Шайх 'Абд ал-Аҳад — *муршид* и наставник автора, который весьма подробно останавливается на его взглядах и деятельности.

³⁵ Предисловие не имеет восточной фолнации, поскольку автор написал его уже после того, как был завершен корпус сочинения, были проставлены листы и ему было дано название. Европейская фолнация была проставлена в рукописи в то время, когда она поступила в Азиатский музей РАН (ныне СПбФ ИВ РАН).

³⁶ Подзаголовок: «*Мақсад 2 из второй мақāла*» [«Насамāt ал-қудс»].

³⁷ Подзаголовок с пометой: «Имению этот третий *мақед* из второй *мақāла* явился причиной написания сей книги». Видимо, в данном случае наш автор слово в слово повторил свой первоисточник, т. е. «Насамāt».

³⁸ Ср. перечень их имен, приведенный при описании списка «Зубдат ал-мақā-мāt» в кн.: *Catalogue of the Arabic and Persian Manuscripts in the Oriental Public Library of Bankipore. Vol. VIII. Calcutta, 1925. № 672. P. 45—47.*

Л. 366а. Третий сын — шайх Мухаммад-Ма'сӯм (11 шаввāла 1007—9 рабӣ' I 1079/7 мая 1599—17 августа 1668), преемник Ахмада Сирхиндӣ по руководству ветви *нақибандийа-муджсаддидийа* и его шести сыновей: л. 378 а. Шайх Мухаммад-Сибгаталлāх (1032—1120/1622—1709); л. 381а. Шайх Худжжаталлāх, известный как Мухаммад Нақшбанд (зӯ-л-қа'да 1034—9 муҳаррама 1115/август 1625—25 мая 1703); л. 399а. Шайх 'Убайдаллāх, известный как Мийāн Хазрат (1 ша'бāна 1037—19 рабӣ' I 1083/6 апреля 1628—15 июля 1672); л. 403а. Шайх Мухаммад-Ашраф (1048—1117/1638—1706); л. 403б. Шайх Сайф ад-Дйн Мухаммад (1049—26 джумāдā I 1096/1639—30 апреля 1685); л. 405а. Шайх Мухаммад-Сиддӣқ (1057—5 джумāдā II 1130/1647—6 мая 1718).

Л. 406а. Биография четвертого сына Ахмада Сирхиндӣ шайха Мухаммад-Йаҳйи, известного как Мийāн-шāх (р. 1022/1613)³⁹.

Л. 407а. Автобиографические заметки составителя рассматриваемого труда Мухаммад-Мурāда б. муфтӣ Тāхира Кашмӣрӣ.

«Хасанāt ал-абрār» Мухаммад-Мурāда Кашмӣрӣ, написанное через 56 лет после «Зубдат ал-мақāmāt» Мухаммад-Хāшима Кишмӣ⁴⁰ и приблизительно через 40 лет после «Хазарāt ал-қудс» Бадр ад-Дйна Сирхиндӣ⁴¹, представляет интерес именно своей оригинальной частью, которая является важным продолжением упомянутых агиографических произведений.

Начало предисловия после басмалы (л. 1б):

Начало корпуса сочинения после басмалы (л. 5б):

III

Сочинение представлено авторской черновой копией. Список несомненно индийского происхождения; он не датирован; на форзацном л. 01а имеется помета позднейшего владельца о рождении сына Мухаммад-'Асима в ночь на четверг 18 джамāдā II 1114/9 октября 1702 г. Рукопись изобилует множеством дополнений и исправлений на полях и в тексте, восходящих в подавляющем числе к автору; часть оставленных автором чистых листов была

³⁹ Судя по описаниям в доступных нам каталогах персидских рукописей, а также в научной литературе, автор первым по времени привел сравнительно подробную биографию шайха Мухаммад-Йаҳйи. Представляется излишним привести здесь помету, оставленную одним из владельцев списка на форзацном листе 02б: «Сыновья и потомки [Мухаммад-] Йаҳйи. Первый сын — Зийā ад-Дйн Йūsуф, сын которого Мухаммад-Бақир, сын которого Шāх-Нисār-Ахмад, сын которого Нисār-Ризā. Второй сын шайха [Мухаммад-] Йаҳйи-шайх Зайн ал-'Абидйн, сын которого Мухаммад-Роушан, у которого два сына: первый — Шāх-Гулāм-Ахмад, сын которого Шāх-Ваджж-н Ахмад, сын которого Вазӣр-Ахмад. Второй сын Мухаммад-Роушана — Хāджжӣ Мухаммадӣ».

⁴⁰ Storey. Pl. I. Pt. 2. P. 988; Миклухо-Маклай Н. Д. Вып. 2. № 188; Каталог ПТР. № 2167.

⁴¹ Storey. Pl. I. Pt. 2. P. 1002; Миклухо-Маклай Н. Д. Вып. 2. № 192; Каталог ПТР. № 1050.

впоследствии дописана позднейшими владельцами. См. л. 5а, 6а, 17а, 29б, 38а—39а, 50б, 55а, 60а, 84а, 86а, 93б, 94а, 106б, 111б, 153а, 170а, 176а, 185а—б, 222а, 235б, 246а, 251б, 277а, 279а—284б, 290а—б, 313б, 324б, 325а, 330б, 331а, 359а, 376а, 378б, 381а, 383б, 385а, 398б, 411б.

Настоящий список С 1529 (старый шифр Nov. 1125) принадлежит к коллекции, собранной в Бухаре В. А. Ивановым в 1915 г. (л. 01а, запись В. А. Иванова: № 797, Бухара, 8/Х 1915). Текст писан характерным индийским *наста'лиқом* на тонкой слаболощеной коричневатого оттенка бумаге индийского же производства. Чернила черные; главы, их подразделы и параграфы писаны красными чернилами, ими же надчеркнуты фразы на арабском языке (стихи из Корана, *хадйсы* и т. п.). 411 листов + 2 форзацных листа в начале списка, содержащие *фихрист*, и 1 лист в конце. Размеры листа — 24,5 × 15,5 см; размер текста — 19,5 × 11 см, 18 строк на странице. Фолиация восточная и европейская. Восточная фолиация показывает, что первоначально в рукописи (не считая предисловия, которое ее не имело) было 422 листа. Рукопись частично расшита (л. 115—157); л. 306—313 выпадают; лакуны после л. 365, 401, 404—406; нет конца; перебиты листы, правильный порядок: 1—119, 128—133, 127, 120—126, 134—411. Переплет восточный, картонный (*мукавва*); края переплета и задник из красной, тонкой выделки, кожи. Рукопись была заново переплетена в Средней Азии (по всей видимости, в Бухаре не ранее начала XIX в.). При этом пострадал текст, расположенный на полях сочинения.

В заключение к изложенному нами выше следует добавить, что труд Мухаммад-Мурāда Кашмйрй несомненное значение не только с точки зрения политической и идеологической борьбы, которую постоянно вело братство *нақшбандийа* за распространение своего влияния среди различных слоев индийского социума, но еще и как ценный источник по истории деятельности этого братства в Индии за сто с небольшим лет, прошедших после того, как оно утвердилось на субконтиненте во второй половине XVI в., дав при этом жизнь новой ветви братства — *нақшбандийа-муджаддийа*.

THE «HASANAT AL-ABRAR» OF THE SHAIKH
MUHAMMAD-MURAD KASHMIRI —
A RARE LATE 17th-CENTURY HAGIOGRAPHY
OF THE NAQSHBANDIYA-MUJADDIDIYYA BROTHERHOOD

by
O. F. Akimushkin (Sankt-Petersburg)

The full title of the work represented by manuscript С 1529 in the collection of the Sankt-Petersburg Branch of the Institute of Oriental

Studies is «Hasanat al-abrar min nasamat al-muqqarabin» («Marvelous Deeds of the Righteous under the Leadership of Those Close [to Allah]»). In the main body of the text, which is an authorial rough draft, the author does not give his name. However, he cites there letters addressed to him by his spiritual teacher (murshid), shaikh ‘Abd al-Ahad b. Muhammad Sa‘id, in which the latter addresses the author as shaikh Muhammad Murad. This name, before the basmala and in a chapter where he writes about himself, is given fully as shaikh Muhammad Murad b. mufti Tahir Kashmiri. In addition to the information Muhammad Murad provides about himself in this work, some facts about him are given by his disciple (murid) Muhammad A‘zam in his history of Kashmir, Waqi‘at-i Kashmir, compiled in 1160/1747, and by Muhammad Ghulam Sarwar in the hagiography «Khazinat al-asfiya», written in 1281/1864–65.

Muhammad Murad was born in Kashmir in 1059/1649 into the family of a well-known local theologian and learned man, the mufti Muhammad Tahir, who possessed the right of *khirqa-yi ifta’*. Following his father's footsteps, Muhammad Murad early demonstrated a propensity for religious studies and received a solid religious education. First a zealous follower of the Kubrawiyya brotherhood doctrine. Muhammad Murad carefully studied works by the shaikhs of the brotherhood, visited their dwellings, journeyed to the mazars where they had been buried, and carried out missionary activities. As a result, he collected a large amount of material and began to compile a genealogy (*shajara*) of all the Kubrawiyya shaikhs.

In Safar 1081/June-July 1670, during Sayf-khan's governorship in Kashmir, the sons of shaikh Muhammad Sa‘id and the grandsons of Ahmad Sirhindi, ‘Abd al-Ahad and Sa‘id al-Din Muhammad arrived in this area, accompanied by 40 murids and a large retinue. At the end of Rabi‘ II 1081/September 1670, the above-mentioned shaikhs finished their mission and returned to Sirhind. Among their newly converted murids was Muhammad Murad, who even accompanied them to their residence. He returned home as *khalifa* (deputy) of the shaikh with the right of initiating new members of the brotherhood and their guidance. Three years later, he left for Delhi to spend one year as a murid of the Naqshbandiyya shaikh Sharafanduz. In Kashmir, according to the *Hasanat al-abrar*, shaikh Muhammad Rida bestowed on him the *khirqa-yi khilafat* of such brotherhoods as the Kubrawiyya, Suhrawardiyya, and Chishtiyya. Hence, after 1085/1674–75, Muhammad Murad held the rank of *khilafa* in four brotherhoods and was considered as a murid of shaikh ‘Abd al-Ahad b. Muhammad Sa‘id.

By all appearances, Muhammad Murad was not surprised by his murshid's proposal to write a work on the deeds of the shaikhs of the Naqshbandiyya brotherhood and its Naqshbandiyya-Mujaddidiyya branch, as he already had experience in the field. He began to write the

work, undertaking a number of journeys in Northern India and Kashmir, where shaikhs in the branch generally conducted their activities] On 20 Jumada I 1093/27 May 1682, Muhammad Murad completed his major work «in very short order». We know practically nothing of his later years. We can only state that he returned to Kashmir near the end of his life and died there on 5 Shawwal 1134/14 July 1722 at the age of 75.

As was noted above, the full title of Muhammad Murad's work is *Hasanat al-abrar min nasamat al-muqarrabin* [25]. An original idea was to compile a thorough biography of all the shaikhs in the Khwajagan-Naqshbandiyya brotherhood from the Prophet on down. But the author limited his task in the course of his work, noting that «it is simply impossible to treat all of them». Therefore, he included in his hagiography only those ascetics whose biographies he was able to find in the sources he used and whose activities were conducted in the period between the Prophet and the shaikhs of the Mujaddidiyya branch. Moreover, he strove to accord special attention to shaikhs from Sirhind, that is, Ahmad Sirhindi, his successors, sons, grandsons, and great-grandsons, as well as their deputies (khalifa) and followers (ashab). Muhammad Murad made broad use both of written sources and notes of his personal discussions with many shaikhs among his contemporaries. He employed 27 sources, but a list of the main sources in the introduction, includes only 13 ones.

The work by Muhammad Murad is divided into numerous chapters, sub-chapters and internal sections that differ in length and content. They are all indicated by the same word — *hasana*.

In evaluating the work as a hagiographic and, in part, historical source, one easily notes that it is clearly divided into two parts of unequal size and significance. The first, which occupies nearly three quarters of the work and treats the biographies of shaikhs, including Ahmad Sirhindi, is compilation and of little interest, as it is based on well known extant writings. This part contains three of the four sections which make up the work (ff. 16–314a).

The second part of the work is of an entirely different nature; it contains tales about the sons and grandsons of Ahmad Sirhindi. This part constitutes the fourth section. Lives of the six sons of Ahmad Sirhindi, of whom two, Muhammad Farrukh and Muhammad 'Isa, are merely named, as they died in childhood, and 14 grandsons (ff. 314a–411b).

Aside from the indubitable significance of Muhammad Murad Kashmiri's work for the study of the political and ideological struggle the Naqshbandiyya brotherhood waged to expand its influence within Indian society, the work is also of interest as a valuable historical source. It provides valuable information on more than 100 years of the brotherhood's activity in India after it had established itself on the subcontinent in the second half of the 16th century, creating a new branch of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya brotherhood.

**«КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ» ТРАДИЦИОННОГО
МУЗЫКАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
(ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
И ТАТАРСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР) ***

Н. Альмеева (Санкт-Петербург)

Археологический аспект изучения музыки устной традиции, несмотря на кажущуюся его экзотичность, не новость для науки. Он очень конкретен, когда речь идет об ископаемых предметах культуры (инструментах, скульптурах). Более метафоричен он применительно к анализу музыкальной памяти этноса, которая, как правило, исторически многослойна. Если археология в целом — это наука о древностях вообще, и не только материальных и ископаемых (Массон 1996: 4—5), то самые нематериальные древности, конечно, звучащие: слово и музыка устной традиции, хранимые человеческой памятью. Продолжительность музыкальной памяти человечества способна поражать: для фольклористов уже привычна эта аксиома, но все же отметим ее еще раз. Если осмыслить, какие отдаленные исторические (а главное — доисторические, по М. Элиаде) эпохи она отражает, то в этом аспекте для музыкальной археологии даже в начале XXI в., право же, есть работа. Такая постановка вопроса правомерна для очень многих народов Евразии, имеющих обрядовый фольклор, особенно на территории Восточной Европы, и особенно на территории России.

Будучи древней контактной зоной, Волго-Камье (Поволжье и Урал) представляет собой единую историко-этнографическую область. Ее образуют культуры ряда этносов — финно-угорских (удмурты, мари, мордва) и тюркских (татары, чувашаи, башкиры). Безусловно, сюда следует отнести и ногайцев, расселенных в Нижнем Поволжье, чье культурное влияние на регион пока недооценивалось музыкальной фольклористикой. Складывавшаяся в течение двух с половиной тысячелетий и сложившаяся к XVI в., эта историко-этнографическая область была впоследствии закреплена там средневековыми мусульманскими государствами (Волжская Булгария — IX—XIII вв., Казанское ханство — XV—XVI вв.), многонациональными, но веротерпимыми. Ислам — государственная религия — сосуществовал там с ранним

* Настоящая статья представляет собой полный текст доклада, прочитанного на Международной конференции «Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций», проходившей в ноябре 1999 г. в Санкт-Петербурге.

христианством, иудаизмом, буддизмом и язычеством (Исламо-христианское пограничье... 1994: 8). После падения Казанского ханства (1552) и присоединения края к Российскому государству, в результате активной миссионерской деятельности русской православной церкви Среднее Поволжье предстает как исламо-христианское пограничье, хотя реально оно исламо-христиано-языческое. Крещение коснулось всех народов региона. Но культуры мари, удмуртов, мордвы, чуваш — несмотря на их субэтническое диалектное членение — являются не пограничьем, а христиано-языческой «амальгамой», как и многие культуры крещеных народов православной России. О башкирской обрядовой культуре можно сказать, что она является мусульмано-языческой амальгамой. Собственно исламо-христианское пограничье прошло именно через татарский этнос: он состоит из татар-мусульман (казанских и мишарей), которых подавляющее большинство, и татар-кряшен (крещеных татар)¹, которых меньшинство. Другими словами, диалектное членение татар Волго-Камья имеет в том числе и конфессиональный характер. Культура татар-кряшен еще окончательно не идентифицирована, и ее место в структуре общетатарской культуры и региона предстоит определить. И практически никогда в процессе такой идентификации не используются данные музыки устной традиции, которые, как известно, могут выступать как антропологический признак (Земцовский 1988; 1991; 1992). Песенный фольклор этих субэтносов различается во многих отношениях, а именно: фольклор татар-мусульман в отношении музыкального стиля достаточно монолитен, и главное его отличие — пентатонный колорит и традиция сольного исполнительства. Фольклорное наследие татар-кряшен, расселенных с ними в одном ареале, по соседству, и не имеющих радикальных антропологических (краниологических) отличий (Халиков А. 1989: 31—36), предстает как принципиальная стилевая многослойность. Песенная культура кряшен производит впечатление, образно говоря, «археологического раскопа», в котором видны (слышны) различные «культурные слои» (ладовые, тембровые), в том числе и очень древние, чудесным образом сосуществующие в музыкальном сознании носителей. Один из крупнейших этномузыкологов Европы, венгерский композитор З. Кодай, чьи научные работы имеют прямое отношение к музыкальному фольклору Среднего Поволжья, в своей главной книге отметил, что в фольклоре венгров не один, а целый ряд стилей (Кодай 1961: 25). То же самое можно сказать и о кряшенах.

Исследователи татарского фольклора рассматривали фольклорное наследие кряшен исключительно как часть «единого и неделимого» татарского фольклора (Нигмедзянов 1980; Исхакова-Вамба 1997). Я исхожу из того, что кряшены и казанские татары культивируют принципиально разные традиции вокального интонирования — это та кар-

¹ Термин «кряшен» имеет на сегодня две этимологии: 1) крещеный и 2) керанты, керен — реликтовый этноним (Глухов, 1990; *Tatarica* 1998: 308—309), который созвучен самоназванию этой этно-конфессиональной группы «керэшен».

тина, которую мы застали на сегодняшней день. Причины таких различий — в ментальной сфере, а музыкальная ментальность обусловлена различиями типов культурных традиций.

Сравнивая наши субэтноты, мы сопоставляем разностадиальный фольклор. Он разностадиален по определению (обрядовый фольклор — лирика), даже безотносительно к субэтническому членению. В случае с кряшенами мы имеем дело с архаическими (доисторическими?) формами исполнительства (сакральный тембр в сочетании с архаическим многоголосием — гетерофонией), которые были распространены в обрядовых земледельческих культурах Евразии, но в цивилизованной Европе вытеснены индустриальной культурой. Кряшены имеют традицию общинно-родового (донационального) обрядового пения, характерную для земледельческих культур. Характерна микролокальность обрядовых песенных типов в территориальных группах кряшен, которая, возможно, воспроизводит картину расселения родов. В случае с татарами-мусульманами доминирующая в их фольклоре протяжная лирика общепризнанно считается поздним явлением, а празднование календарно приуроченных татарских земледельческих праздников предпосевного и посевного периода сабантуй и жиен, совпадающих по времени с аналогичными праздниками всех народов региона (весна — начало лета) у мусульман не сопровождается обрядовым интонированием «языческого» типа. У татар-мусульман нет архаических форм пения родовой общины. Ислам (суннитской ветви), принятый в Волжской Булгарии как государственная религия в 922 г., прочно проник в жизнь татар-мусульман, поэтому у них в качестве обрядового пения выступает сольная напевная речитация Корана. Их лирика — общенациональная. Собственно, лирика (т. н. умеренные и протяжные напевы) и представляет в общественном сознании «лицо» татарской музыки. Праздники, приуроченные к мусульманскому календарю, имеют специальные напевы, примыкающие к слою «книжного пения» татар, и не присущи кряшенам. То есть тип архаического обрядового интонирования у казанских татар-мусульман отсутствует, и слой архаических обрядовых жанров у них как бы отсечен. Но поскольку этногенез и мусульман и кряшен одинаково связан с этническими процессами в Волго-Камье, нам очень важно соотнести эти две традиции и поставить вопрос об их соотношении — историческом, типологическом, стадиальном, генетическом.

Две сравниваемые традиции не только разностадиальны по сути своей, но и представляют исторически различные системы функционирования.

«Культурные слои» музыки устной традиции казанских татар-мусульман

1. Напевы, связанные с книжной культурой Ислама:
 - а) речитация Корана;
 - б) речитация книг (средневековых сказаний, романов); байты; мусульманские духовные стихи (мунажаты).

2. Лирика:

- а) с равномерной метрикой (поволжского типа);
- б) импровизационные протяжные напевы (лирика приуральского типа).

3. Такмаки, плясовые напевы.

Тотальная пентатонность и традиция сольного исполнительства — это главные качества музыки устной традиции казанских татар-мусульман, делающие ее монолитной на слух. Хотя, конечно, даже в пределах пентатонного колорита стилевой пласт «книжного пения» имеет свои явные отличия, скажем, от светской лирики или плясовых такмаков. Первый пласт связывает культуру казанских татар с мусульманской цивилизацией. Причем, эта музыка не является арабской (за исключением небольшого количества речитаций Корана, перенятых служителями культа по месту их обучения, например в Каире). Более жесткое уточнение генезиса этого пласта еще только предстоит нашей науке, но индоиранская почва традиции, подготовленная на несколько столетий раньше, могла быть субстратом этой культуры (Макаров 1997). Удивительный парадокс: у численно преобладающих татар-мусульман музыка устной традиции более монолитна по стилю. У немногочисленных кряшен — жанрово-стилевое многообразие и даже пестрота.

«Культурные слои» музыки устной традиции кряшен

1. Архаика, восходящая к языческим аграрным культам.
2. Семейно-обрядовое пение, лирика (специфическая, кряшенская).
3. Православное пение.
4. Общенациональные татарские песни позднего происхождения.

В первый пункт входят протяжные календарно приуроченные формульные (до-мелодические) напевы (весенне-летние хороводы, святочные напевы «нардуган» и масленичные). В различных территориальных группах кряшен этот пласт характеризуется особенной ладомелодической пестротой — от ангемитонности до принципиальной гемитонности, а порой и с микроинтерваликой; ритуальным «языческим» тембром; заклинательными интонациями; архаическим гетерофонным многоголосием. Во втором пункте (свадебные, гостевые, застольные, лирические) господствует уже собственно мелодия, хотя и распетая также гетерофонно. Нет гемитонной, тем более микроинтервальной «терпкости» предыдущего пласта. Здесь ясно выражена пентатонная ладовая окраска. Время развертывания напева обусловлено ритмическими клише сложносоставных асимметричных структур (ср. с пунктом «лирика с равномерной ритмикой» у казанских татар). Интервально активный интонационный словарь отличается от характерной интонационной поступенности казанско-татарских песен. Третий слой — православное пение, в основе своей церковное, но при этом оно несет в себе черты традиционного интонирования кряшен. Наконец, четвер-

тый слой образуется общенациональными татарскими песнями, которые известны во всех ареалах проживания татар. Вот уж где все четыре слоя представляют различные музыкально-стилевые миры! Кроме того, вышеперечисленный их порядок, вероятно, воспроизводит и хронологию их появления в традиции, т. к. календарное интонирование стадийно более архаично, нежели представленные у кряшен свадебные и застольные песни, хотя даты рождения и того и другого теряются в глубине веков. Появление православного пения можно хронологически увязать с двумя волнами крещения — в XVI и XVIII вв.

Наконец, общетатарские напевы появляются в репертуаре кряшен сначала как следствие социального сближения татар разных групп, а затем благодаря средствам массовой информации.

Моя экспедиционная работа с кряшенами (1978—1999) показала, что в их сознании разделяются понятия «кряшенский напев» и «татарский напев». Это выступает проявлением не только микроэтнического самосознания («Мы — кряшены»), но и стилевой (а для нас в конечном итоге — культурологической) самоидентификации, основанной на специфике кряшенской мелодики в сочетании с кряшенским исполнительством (обрядовые напевы в специфическом звукоизвлечении).

Если в экспедиции попросить кряшена спеть «любимое», он может запеть общеизвестную и эффектную для записи татарскую песню. Но если цель экспедиции — традиционные обрядовые напевы, то достаточно скорректировать ситуацию фразой: «Мне нужны напевы кряшен». Информанту становится понятно, что речь идет о другом «культурном слое», о напевах, приуроченных к обрядовой системе кряшен и образующих более глубокий пласт их традиционной музыкальной памяти. Почему более глубокий? Потому что напевы кряшен в контексте татарской культуры воспринимаются как а) архаика вообще и б) как архаика татарского фольклора в частности. А верхний слой — это как раз общетатарские напевы, не привязанные к обрядовым ситуациям. Итак, можно сказать, что кряшены сами стратифицируют свою музыкальную память.

Другой вопрос: как эти традиции соотносятся генетически? И в каком плане фольклор кряшен может быть рассмотрен как архаика татарского фольклора? Этот вопрос — ключевой в деле культурной идентификации древнего фольклора кряшен. Учитывая общность антропологических типов татар различных конфессиональных групп, а также многовековую традицию земледелия у татар-мусульман Волго-Камья, хочется думать, что у казанских татар-мусульман до принятия ислама существовал обрядовый фольклор (Халиков Н. 1981). Каким он был и как интонировался, можно лишь предполагать. Не хотелось бы на этом этапе изучения давать прямолинейный и однозначный ответ и ставить точки над *i*, тем самым закрывая этот вопрос навсегда. По большому счету, многоэтапное решение этой задачи еще впереди, оно требует широких межнациональных исследований обрядового мелоса народов Волго-Уральского региона, тюрков Сибири, ногайцев с

привлечением старовенгерского материала. Требуется и неоднозначная интерпретация данных этнической истории региона с дальнейшим проецированием их на музыкальный фольклор.

Говоря, что кряшены и татары-мусульмане культивируют различные системы интонирования, мы констатируем ту картину, которую застали сегодня. И констатировать можно следующее. Архаика пентатонных мелодий в традиционной татарской музыке (в отличие от кряшен) занимает не столь большое место. Я бы сказала, что эта линия пентатонной формульности просматривается там как пунктирный след, т. е. в виде реально ощутимого, но отдаленного сходства некоторых татарских песен с песнями кряшен. С другой стороны, часть традиционных песен кряшен (и немалая) несет в себе интонационную лексику татарской песенности (в общепринятом понимании) и татарский музыкальный смысл. Последний обозначается в татарской среде понятием «мон»; это этически очень высокое и важное понятие татарской музыкальной эстетики фигурирует и в традиционной эстетике кряшен. И это как раз то, что сближает музыку татар-мусульман и кряшен. Но гемитонный календарный пласт кряшен генетически никак не связан с «татарской пентатоникой». Он находится очень далеко от привычного представления о татарском мелосе, прямо сказать — это просто другой звуковой мир, тяготеющий как раз к древнему слою языческого евразийского пения. Прежде исследователи татарского фольклора трактовали любые непентатонные проявления в традиции кряшен как русское влияние, видимо, как следствие крещения (Нигмедзянов 1982: 84). Открытие же огромного, мощного в своем стилевом единстве и энергетике пласта календарного пения у кряшен (Альмеева 1997; 1998) позволяет расставить совершенно иные культурологические акценты, а именно: календарный пласт пения кряшен является частью региональной музыкальной архаики со всем его этнокультурным контекстом.

Такая музыковедческая метафора, как «стилевой пласт», употребляемая по отношению к фольклору, имеет вполне археологический характер и смысл. Зачастую понятие стилевого пласта может выступать как аналог понятия «культурный слой» в археологии. Сосуществование столь разных стилевых пластов в одной песенной традиции есть сосуществование параллельных звуковых «миров» с отличной друг от друга внутренней структурой. Поражает как раз совмещение этих «миров» в музыкальном сознании одних и тех же традиционных носителей, так же как способность носителей перемещаться из одного «мира» в «параллельный», ибо каждый из выделенных нами стилевых пластов означает принципиально разное музыкальное мышление.

Стилевые пласты музыкального фольклора могут отражать звучания не только а) разных исторических эпох (стадий), но и б) разных этнических миров. Находящийся на границе Европы и Азии Волго-Камский регион является многовековой зоной контактирования ряда европейских и азиатских этнических массивов, это древнейшая кон-

тактная зона. Несмотря на многокомпонентность этнической истории Поволжья (участие в этногенезе народов края сармато-алан и хазар, ранних индоевропейцев, индоиранцев, гуннов), многие этнонимы регион не сохранил. И на сегодня названный регион — это, прежде всего, тюрко-финноугорский конгломерат. Но очень велик соблазн спроецировать археологические и антропологические данные региона на данные музыкального фольклора. Песенная традиция кряшен как часть общерегиональной музыкальной архаики дает для этого определенное основание. Архаический пласт обрядового пения кряшен частично нуждается в этнической идентификации, хотя в фольклоре, как и в археологии, такая идентификация не всегда возможна. Предварительно можно поставить вопрос о том, что календарное пение кряшен частично ассоциируется с обрядовыми культурами финноугров Волго-Камья и балтославян (определенный тип формульного мелоса, тип многоголосия, тембр). Возможно, оно является музыкальным доказательством факта ассимиляции татарами Поволжья финского и индоевропейского субстратов, о чем говорят данные археологии и антропологии (первая половина II тыс. до н. э. — приход балановских племен — предков балтославян; около середины II тыс. до н. э. — племена абашевско-срубной культурной общности, см.: Халиков А. 1989: 50). А у татар-мусульман следы этих субстратов в музыкальной сфере могли стереться глубоким неформальным влиянием Ислама. В таком случае этномузыколог имеет счастливую возможность заниматься «археологическими раскопками» традиционной музыкальной памяти в почти буквальном смысле, надеясь обнаружить звучащие следы предков, общих для татар Поволжья, а также соседних народов.

Не случайно на первых же страницах настоящей статьи я упомянула З. Кодая, который, собственно, и явился первым значительным для Волго-Камской этномузыкологии музыкальным археологом. Как тут не вспомнить об историческом значении и для средневожского региона, и для Венгрии старовенгерского пентатонного стиля, который мирно покоился под мощным слоем стиля «вербункош». Концентрат этого стиля — чардаш — в международном масштабе считался национальной эмблемой венгерской музыки, пока «старовенгерская пентатоника» не была открыта. Архаический пентатонный слой венгерского фольклора — т. е. именно напевы, а не стихи, — послужил научным доказательством реального этнического родства венгров с народами Поволжья и Приуралья (Кодай 1961; Барток 1966). Это — характерный пример а) наличия ярких «культурных слоев» музыкального сознания, прямо соотносящихся с этнической историей народоносителя этого сознания, и б) способности последнего невероятно долго сохранять эти слои даже в кардинально изменившихся культурных условиях. Долгой оказалась музыкально-историческая память венгров (угров-кочевников), пришедших в Европу в X в. и все это время проживавших в неформальной христианской среде, об их азиатской прародине. Такая живучесть музыкально-исторической памяти, в

которой нам чрезвычайно важно было убедиться, безусловно, подпитывает оптимизм музыкального археолога, надеющегося отыскать в песенной традиции следы субстратных предков.

Для Волго-Камской этномузыкологии музыкальная археология как исследовательское проецирование данных истории, археологии и даже антропологии на традиционный фольклор может послужить поворотным пунктом. Но проецирование критическое, основанное на интонационном анализе. Ибо механическое проецирование на уровне лозунгов мы уже имели, и оно ничего не дает науке. При этом будем помнить, что «культурный слой» традиционного музыкального сознания может быть как продуктом саморазвития традиции, так и продуктом культурного воздействия другой цивилизации, результатом пребывания различных этносов в единой культурно-исторической среде. Например, мы можем наблюдать татарский стилевой пласт во многих соседних с татарами фольклорных культурах — у южных удмуртов, восточных мари, чувашей-анатри. С другой стороны, в песенной традиции кряшен есть проявления музыкального мышления (ритмо-структуры и мелодические типы), общие с музыкальными традициями чуваш-анатри, восточных мари, отдельных групп южных удмуртов, башкир. Все это может быть объяснено тесным этнокультурным контактом и проживанием в единых культурных условиях, а в каких-то случаях — и генетическим родством. И то и другое следует различать, исследуя всякий раз соотношения причины и следствия, чью последовательность порой легко перепутать. Такая путаница характерна для столь грандиозных контактных зон, как Волго-Камье, где ключевым аспектом формирования традиционного обрядового пения является диффузия финноугорско-тюркско-индоевропейского. А в таком аспекте архаичные песенные культуры народов Волго-Камья еще не рассматривались (прецедент исследования такой диффузионности заложен в данных традиционного костюма этих народов, см.: Воробьев 1967; Сулова 1993; 1995 — и их языков — Ахметьянов 1981; 1989).

В больших контактных зонах, подобных Среднему Поволжью, в ситуации многоэтапных этнических наслоений, идентификация «культурных слоев» в музыкальном фольклоре народов региона еще долго будет актуальной и весьма увлекательной задачей, к решению которой наука только еще приступает. И на этом пути нужно быть готовым к парадоксальным открытиям. Уже сегодня можно сказать, что в рамках татарского фольклора Волго-Камья имеется пение 1) тюркского (в региональном варианте), 2) индоевропейского (либо раннего индоиранского, либо балтского) и 3) финноугорского типов.

Картина архаических песенных культур региона, которую мы застали на сегодня, отражает и этническую историю региона. Но в том нотном материале, который уже опубликован, этнокультурная — именно ретроспективно-археологическая! — его идентификация еще не произведена, т. к. публикаторами традиционно руководит естественное, пережитое и автором этих строк, моноэтническое («Что мы поем, то

наше!») мышление. Призма музыкальной археологии дает конечно, этнически более усложненную картину «культурных слоев». Готовность к этому, желание такого видения и слышания должны быть основой исследовательского менталитета этномузыколога.

3. Кодай в своей оригинальнейшей работе (Кодай 1961) обозначает линию этнических культур, которая могла бы ретроспективно восстановить путь венгров из Азии в Европу. Со своей стороны, опираясь не только на этническую историю, но и на свою музыкальную интуицию (пусть пока а priori), осмелюсь утверждать, что надеюсь обнаружить в архаической музыке региона вообще и татар-кряшен в частности следы хотя бы некоторых из наших многочисленных предков: древних венгров, древних болгар, древних кельтов, гуннов.

Балтское, иранское, болгарское, венгерское в татарском музыкальном наследии? Кряшенском? Средневожском? Имеющий музыкально-археологическую призму да увидит, имеющий этнокультурологический слух да услышит! И это будет шагом к культурологической идентификации культуры кряшен, а также звуковым свидетельством вожско-татарского и общерегионального культурогенеза.

Литература

Альмеева 1997: *Альмеева Н.* Календарное пение татар-кряшен и его роль в этнокультурологических реконструкциях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции: В 3 т. Т. 2. М.

Альмеева 1998: *Альмеева Н.* Гетерофонная фактура (опыт анализа архаического многоголосного пения татар-кряшен) // Судьбы народной культуры: Сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб.

Ахметьянов 1981: *Ахметьянов Р.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.

Ахметьянов 1989: *Ахметьянов Р.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.

Барток 1966: *Барток Б.* Народная музыка Венгрии и соседних народов. М.

Воробьев 1967: *Воробьев Н.* Одежда и украшения // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.

Гаген-Торн 1960: *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары.

Глухов 1990: *Глухов М.* Новые срубы. Краеведческие очерки. Казань.

Земцовский 1988: *Земцовский И.* Музыка и этногенез: (Исследовательские предпосылки, задачи, пути) // СЭ. № 2.

Земцовский 1991: *Земцовский И.* Артикуляция фольклора как знак этнической культуры // Этнознаковые функции культуры. М.

Земцовский 1992: *Земцовский И.* Музыка устной традиции как исторический источник // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.

Исламо-христианское пограничье... 1994: Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань.

Исхакова-Вамба 1997: *Исхакова-Вамба Р.* Татарское народное музыкальное творчество. Казань.

Кодай 1961: *Кодай З.* Венгерская народная музыка. Будапешт.

Макаров 1997: *Макаров Г.* Формирование древнетюркского инструментария и татарская музыкальная культура (на материале музыкальной терминологии) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции: В 3 т. Т. 2. Казань.

Массон 1996: *Массон В. М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Нигмедзянов 1982: *Нигмедзянов М.* Народные песни волжских татар. Исследование. М.

Нигмедзянов 1980: *Нигмедзянов М.* К характеристике жанров татарских народных песен // Музыка и современность. Казань.

Сулова 1993: *Сулова С.* Традиционная одежда молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены. Казань.

Сулова 1995: *Сулова С.* Традиционная одежда нагайбаков: компонентный анализ // Нагайбаки. Казань.

Халиков А. 1989: *Халиков А.* Татарский народ и его предки. Казань.

Халиков Н. 1981: *Халиков Н.* Земледелие и земледельческая техника татарского народа. М.

Tatarica 1998: *Tatarica: Энциклопедия.* Казань.

«CULTURAL LAYERS» OF TRADITIONAL MUSICAL CONSCIOUSNESS (AN ISLAM-CHRISTIAN BORDERLAND IN THE MIDDLE VOLGA AREA AND TATAR SONG FOLKLORE)

by
N. Al'meeva (Sankt-Petersburg)

The Volga-Kama borderlands include the Islamic-Christian and, in part, Christian-Pagan cultural zones. Music of oral tradition is an anthropological feature of the cultures of both the Muslim Tatars and the so-called Kriashens — Christianized Tatars. An analysis of Tatar music folklore within Volga-Kama region allows today already to mark out the singing of three types — Turkic (in a regional version), Indo-European (either Early Iranian or Baltic) and Finno-Ugrian.

In the course of further investigation one would hope, still just a priori, to find out in archaic music culture of the region as a whole and of the Kriashen Tatars in particular traces of some of our numerous ancestors, such as the Magyars, the Bulgars, the Huns, and others. In turn, this would be a step towards the identification of the Kriashen culture and, too, a sound evidence of the Volga-Tatar and all-regional cultural genesis.

ЭТНОНИМ «ХЙАОНА» В АВЕСТЕ *

А. А. Амбарцумян (Санкт-Петербург)

Роль племен тура, или туирйа, в Авесте не является такой значительной, как представляется некоторым исследователям. Такое представление сложилось, возможно, под влиянием новоперсидской версии иранского эпоса «Шахнаме» в редакции Фирдоуси, где основными противниками иранцев изображаются туранцы и турки. Последнее упоминание туров (туирйа) в Авесте в качестве врагов ариев связано с Кави Хаосравой. Противниками ариев клана Кави Виштаспы, а следовательно, и ариев эпохи пророка Заратуштры на самом деле являлись исключительно племена хйаона¹.

О племенах хйаона и этнониме «хйаона» в Авесте содержатся как прямые, так и косвенные свидетельства. Этих свидетельств вполне достаточно, если не излишне много, чтобы отбросить все необоснованные домыслы об интерполировании слова «хйаона» в текст Авесты в сасанидский период.

Прямые свидетельства

Прямые свидетельства об этнониме «хйаона» содержатся в нескольких авестийских яштах, это Дрвасп (Гош) Яшт, Ард Яшт и Замйад Яшт (Яшт 9, 30—31; Яшт 17, 50—51; Яшт 19, 87). Все три яшта являются гимнами древнеиранским божествам, входившим в пантеон, почитаемый кланом царя Виштаспы².

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (№ 99-01-00321а).

¹ Устаревшие попытки выявления в Авесте этнонима гуинов или хупу (*hupu-) в Яште 5, 54, Яште 13, 100 и Яште 19, 86, как уже давно доказано, абсолютно беспочвенны и ошибочны.

² В окончательный канон «младоавестийских» яштов вошли две совершенно разные группы яштов. Первая — скорее воспевающая «арийское хварно», условно «северная», и более ранняя группа (Арштат Яшт, Мпхр Яшт, яшты, посвященные звездам и светилам). Вторая — воспевающая «кеянидское хварно», условно «южная», и более поздняя группа яштов (Замйад Яшт, Ардвисур Яшт, Дрвасп Яшт и т. д.). На диалектное и фразеологическое несоответствие этих групп яштов указывал Ж. Келленс (Kellens 1978: 261; Kellens 1979: 41; Амбарцумян 2000: 91).

Дрвасп Яшт, позднее получивший название Гош Яшт, посвящен древнеиранскому божеству женского рода Дрваспе. Как сказано в гимне, Дрваспа (авест. *druuāspa*-³, букв.: 'здоровоконная') являлась божеством, созданным Ахура-Маздой (*mazdadāta*-), предназначение которого заключалось в поддержании физического здоровья лошадей, мелкого (*druuō-pasuiia*-) и крупного (*druuō-staora*-) скота, а также оказании той или иной помощи праведным зороастрийцам (*narqm ašaonqm*) в борьбе против сил зла, природных бедствий и вражеских нашествий. Составитель гимна в этой связи дает Дрваспе удивительно характерные эпитеты: «запрягающая лошадей» (*uixta-aspa*), «вращающая колесницы» (*varātō-raḍa*), «здорово стоящая (противостоящая)» (*druuō-stāiti*) и «здорово вращающая» (*druuō-varəta*) (Яшт 9, 1). Именно этому божеству в надежде одолеть своих врагов совершали громадные племенные и кровавые жертвоприношения древние легендарные иранские цари и герои, среди которых были Хаошйангха Парадата (*haošīiaḡha paradāta*) (§ 3—5), Йима Хшаэта (*yima xšaēta*) (§ 8—11), Траэтаона (*θraētaona*) (§ 13—15), Хаома (*haoma*) (§ 17—19), Хаосрава (*haosrauiia*) (§ 21—23). Эту традицию продолжили Заратуштра (*zaraθuštra*) (§ 25—27) и Кави Виштаспа (*kauua vištāspa*) (§ 29—32).

Хаошйангха Парадата сражался у подножия высокой Хары против мазанских даэва. Доблестный Хаосрава объединил арийские страны в одно царство, сражался за озером Чаэчаста с турским (из племени тура, туирйа) злодеем Франгхрасйаном и убил его, отомстив сыновьей мстью за смерть своего отца Сйаваршана и за жестоко убитого воина Аграэрата. После победы над турами Франгхрасйана иранские арийцы — арйа, или айрйа, как они называют себя в Авесте, с турами уже не сражаются. С появлением Заратуштры и началом царствования Кави Виштаспы у них появляется новый противник, которого они называют хйаона. Этноним «хйаона» упоминается здесь трижды. Дрваспу почитает в Арйана-Ваэдже у вод благой Даитйи своими скромными возлияниями сам пророк Заратуштра, прося помочь ему обратить в свою веру супругу царя Виштаспы достопочтенную и знатную Хутаосу. А Кави Виштаспа, уже принявший религию Заратуштры, изображается воюющим с племенами хйаона за водами реки Даитйа (Яшт 9, 29—32):

(§ 29) *tqm yazata*
bərəzaidiš kauua vištāspō

Ей приносил жертвоприношения
великий Кави Виштаспа⁴,

³ В «младоавестийских» текстах редко сохраняется показатель женского рода, поэтому имя богини, как и все ее эпитеты, должны записываться с долгой гласной на конце слова, например: *druuāspā*-. Мы формально оставляем написание, принятое перепишниками авестийских рукописей.

⁴ Имя Виштаспы (*Vištāspa*-), состоящее из слов *višta*- и *aspa*- 'копь', М. Майрхофер переводит как 'mit (zum Rennen) losgebundenen Rossen' ('с развязанными освобожденными для бега конями') (Mayrhofer 1977: 97, § 380). Такой перевод вытекает из интерпретации первой части этого имени, в которой он видит **vi-səto* [вед. *viśita-asva*], где **səto* > авест. *hiṭa*- 'крепко связанный', образует имя противника Кересаспы — Хитас-

<i>pasne āpō dāitiiaiiā</i>	за водами Даитьи ⁵ ,
<i>satəm aspanqm hazayrəm gauuqm</i>	тысячью жеребцов, сотней быков,
<i>baēuuarə anumaiianqm</i>	десятью тысячами овец
<i>uta zaōvraqm frabarō</i> ⁶ .	и делал возлияния.

Кави Виштаспа сражался с Ашта Аурвантом, хйаонским царем Ареджат-аспой, с Даршиникой, Тантриавантом и Спинджаурушкой:

(§ 30) <i>dazdi-mē vanuhi sēuuište</i>	Даруй мне, благая и могучая
<i>druuiāspe taṭ āiiaptəm</i>	Дрваспа, такую удачу,
<i>yaṭa azāni pəṣana ašta</i>	чтобы я одолел враждебного Ашта
<i>auriuanṭō</i>	Аурванта ⁷ ,
<i>vīspa-ṭauruiō aštōiš puṭrō</i>	сына Виспа-Таурва-Ашти ⁸ ,
<i>vīspa-ṭauruiō uruii-xaōdō</i>	всепоражающего, острошлемного,
<i>uruui-vəṛəvṛō stuui-manaoṭriš</i>	остропанцирного ⁹ , толстошеего,

пы (Hitāspa-) «mit (an den Wagen) festgebundenen Rossen» ('с крепко привязанными к колеснице конями' (Mayrhofer 1977: 50, § 171).

⁵ В рукописях Авесты засвидетельствован другой предлог — *pašne*, который этимологизирован Х. Бартоломе от ир. **pašna-* «Hinsehen auf; in conspectu, angesichts (при виде, ввиду, при, перед лицом)» (Bartholomae 1904: 885), восходящего к глаголу (*s*)*pas* 'видеть'. Употребление этого предлога подробно рассматривается Ж. Келленсом в значении «quand il fut en vue de...» (Kellens 2000b: 737). Как им показано, предлог *pašne* требует после себя генитива. Так, сказано о Хаосраве: «при виде озера Чаэчаста» (Яшт 5, 49; 9, 21; 17, 41), о Виштаспе: «при виде вод Даитьи» (Яшт 9, 29; 17, 49) — и то же самое о Заприваири (Яшт 5, 12) (vide infra). Исходя из контекстуальных и лингвистических соображений, Ж. Келленс склонен к переводу «sur la rive de...» ('на берегу'). Ранее предлагавшиеся прочтения и этимологии, по-видимому, подлежат пересмотру. Другой случай употребления этого предлога, уже с аккузативом (где говорится о Виштаспе: «при виде вод Фразданавы», Яшт 5, 108), считается искажением, так как предлог *pašne*, вероятно, по ошибке переписчиков, замещает здесь предлог *ira* 'у, возле'.

⁶ Все фрагменты и цитаты из Авесты приводятся по изданию К. Гельднера (Avesta 1886—1895).

⁷ Имя Ашта Аурвант переводится как '(имеющий) восемь скакунов, скаковых лошадей', ср. с греч. Ἀστάσπης от ир. **Ašta-aspa* '(имеющий) восемь копей' и с названием горы Ашта-Аурванта (горы 'восемью скакунов' — *ašta auriuanṭō*), засвидетельствованным в Замйад Яште (Яшт 19, 3). Вариант интерпретации его имени — **Aš-t(a)u-giuanṭ* — 'много поражающий' с усилительной частицей *aš-* (Ломмель, Дюшен-Гиймен; против Викандера) (Mayrhofer 1977: 25—26, § 53).

⁸ Имя отца Ашта Аурванта в той форме, в которой оно сохранилось в Авесте, не поддается полному объяснению. В случае эммендации в **Vīspa.tauiiō.aršti-* оно может означать '(обладающий) всепоражающим копьем' (Mayrhofer 1977: 96, § 375).

⁹ По переводу Дж. Дармстетера — 'медношлемного, меднопанцирного'. Х. Бартоломе переводит выражение *uruui.xaōda* как «des Helm (oben) in einer spitze ausläuft» ('тот, чей шлем заканчивается острием'), а *uruui.vəṛəvṛa* как «des Schild (in der Mitte) in einer Spitze ausläuft» ('тот, чей щит имеет острие посередине'), исходя из пехлевийского перевода слова *uruui-sarah* — 'mit spitz zulaufendem Kopf, mit spitzer Schnauze' (*kuš-sar i pōz bārīk*). Компонент *uruui-* он возводит к индоиранскому *(*s*)*ruui-* — 'оканчивающийся острием' (Bartholomae 1904: 1546). Обе эти характеристики в переводе Х. Бартоломе позволяют отнести Ашта-аурванта и всех остальных представителей хйаона к племени «острошапочников», известных из ахеменидского периода, а именно к ортокориаггиям Геродота, которых ахемениды называли по-древнеперсидски *sakā tigrahaodā* 'саки острошапочники; саки, обладающие остроконечными шапками, или шлемами'

*yejhe hapta sata uštranam
jainiāuwaraj pasca x'tdahe.
yaḍa azāni paṣana mairiiche
hiiaonahe arəjaṭ-aspahe,
yaḍa azāni paṣana
darṣinikahe daēuuiiasnahe.
(§ 31) uta azəm nijamāni*

который ведет за собой
семьсот верблюдов¹⁰;
чтобы я одолел враждебного злодея¹¹
хйаонского Ареджат-аспу¹²;
чтобы я одолел враждебного
Даршинуку¹³, почитателя даэвов,
и чтобы убил я

(DNa 25—26; DN XV; DSe 25; XPh 27; A?P 15). На аналогичном сопоставлении настанвал Ф. Альтгейм (Altheim 1959: 52—53). Однако следует учесть, что и многие другие скифские и сакские племена также носили остроконечные шапки.

¹⁰ Судя по данным Ард Яшта, коням, колесницам и всадиикам отводилось одно из первых мест в войске, тогда как верблюды занимали вторичную позицию (Яшт 17, 12—13). Напротив, боевой порядок противников Виштаспы, племен хйаона, мог быть ииым, возможно, по тактическим причинам: первую позицию занимали верблюды, а вторую — кони и колесницы. Не случайно Ашта-аурвант ведет за собой семьсот верблюдов, назначение которых заключалось скорее в устрашении конницы Виштаспы. Как рассказывает Геродот, аналогичный тактический прием практиковался позднее ахеменидскими царями (Геродот. История. I. 80).

¹¹ Ареджат-аспа, известный по более поздним источникам как правитель племен хйаона (хйонов) (например, согласно «Айадгар-и Зареран»), наделен здесь эпитетом *маурйа*, обычно переводимым как 'злодей'. Наверное, имеет какой-то особый смысл тот факт, что эпитетом *маурйа* в Авесте названы два разноименных противника арийцев — хйаона Ареджат-аспа и его хронологический предшественник туирйа (тур) Франграсьян (перс. Афрасиаб). *Маурйа* автоматически приравнивались к иарушителям договора (*митро-друхи*) и к двуиогим лживым даэвам (*дрва бизангро*) (Яшт 10, 12; Видевдат 5, 35). Согласно не поддержанной другими исследователями гипотезе Викандера, *маурйа* является обозначением молодого неженатого мужчины («young unmarried male»), входившего в мужской союз воинов (Männerbund) (Wikander 1938: 64; Widengren 1965: 23; Davidson 1985: 83). Г. Ньюли, по-видимому, поддержал предположение Викандера об отношении *маурйа* к племенам, имевшим тотемное название волка (*вехрка-гург*), что отразилось в топонимике Средней Азии (например, в названиях Гиркания-Вехркана и Гургандж в Хорезме) (Gnoli 1980: 40, 115).

¹² Этимология имени Ареджат-аспа толкуется по-разному. Х. Бартоломе, предполагая в первой части **arəjan-* и исходя из значения корня *arəg-* 'быть ценным', переводил его как «ein Ross (an Kraft und Schnelligkeit) aufwiegend, ihm gleichkommend» ('компенсирующий силу и быстроту коня, равный ему') (Bartholomae 1904: 191). По мнению М. Майрхофера, первая часть его имени не связана с корнем *arg-* 'быть ценным' (при др.-инд. *Arh-*), а скорее имеет отношение к др.-инд. корню *arj-* 'приобретать, получать', в подкрепление он приводит ср.-перс. *aržānēnītan* 'приобретать'. Таким образом, его перевод имени Ареджат-аспа — «Pferde erlangend» ('обретший коня') (Mayrhofer 1977: 20, § 22). При таком этимологическом объяснении имя хйаонского предводителя следовало бы переосмысливать как 'крадущий, завоевывающий копей'. Х. Бартоломе переводил его имя как «ein Ross (an Kraft und Schnelligkeit) aufwiegend, ihm gleichkommend» ('компенсирующий силу и быстроту коня, равный ему') (Bartholomae 1904: 191). Возможен также перевод 'обладающий ценным конем, или ценными породами, мастьями лошадей'. Сомнительно с этимологической точки зрения утверждение Л. А. Лелекова о том, что имя Ареджат-аспа означает 'Белоконный' и соотносимо с именем Арджуна. Первую часть обоих имен он связывает с основой **arg-*, которая, по его мнению, является обозначением серебра (Лелеков 1979: 177).

¹³ Этимология имени Даршинука неясна. Однако от основы *darši-* может выводиться значение 'смелый, решительный, рискованный' (Mayrhofer 1977: 35, § 99).

iqθriīāuuantəm duždaēnəm Тантрйаванта¹⁴, зловерного,
uta azəm nijanāi и чтобы убил я
spinjaurušəm daēuuiiasnəm, Спинджаурушку¹⁵, почитателя даэвов.

Хйаона похитили или взяли в плен двух дочерей Кави Виштаспы — Хумайю и Варидкану¹⁶:

(§ 31) *uta azəm fraouruuuāēsaiieni* И чтобы я возвратил
humaiia varəḍakanmca Хумайю¹⁷ и Варидкану¹⁸
hīiaonia haca daijḥāušō, из стран хйаонских.

Свою мольбу Виштаспа завершает яростным заклинанием¹⁹, обращенным против полчищ хйаона, нахлынувших из хйаонских стран:

¹⁴ Этимология имени Тантрйаваит представляется вполне объяснимой. Первая его часть восходит к авест. *iqθriia-* 'темный, мрачный', или скорее к **iqθriiā-* (ж. р.) 'тьма, темнота, мрак', вторая представляет собой суффикс со значением обладания -*uanti*. М. Майрхофер переводит его как «Tenebrosus», «voll Finsternis» ('полный мрака') (Maqrhofer 1977: 80, § 305). Значение его имени букв.: 'обладающий мраком, мрачный, темный'.

¹⁵ Имя Спинджаурушка пока не поддается полному объяснению (Maqrhofer 1977: 77, § 290).

¹⁶ Ср. «Шахнаме» Фирдоуси, Гуштасп IIб. 230, 231:

بترکان اسیرند با دردو داغ * پیاده دوان رنگ رخ چون چراغ
 همای خردمندو به آفرید * که یاد هوا روی ایشان ندید

¹⁷ Имя дочери Кави Виштаспы — Хумайя (*humaiiā*), по-видимому, является женской параллелью имени противника Кави Виштаспы и Заприваири из враждебного (хйаонского) племени — Хумайак (*humaiiaka*) (Яшт 5, 113). С точки зрения этимологии не вызывает трудностей и переводится как 'искусная, умелая; мастерица, искусница; лукавая; очаровательная, волшебная' (приставка *hu-* в данном случае придает слову высшую степень качества), ср. авест. *humaiiō.tara-* 'более искусительный', вед. *su-tāyā* 'очаровательный', др.-ир. **Humāya-*, восстанавливаемое из греческой передачи Ὑμαίης и эламской передачи U-ma-ya (Maqrhofer 1977: 51, § 177). В одном из своих докладов М. Н. Боголюбов высказал мнение о том, что следует учитывать два значения имени Хумайя: первое — это название птицы, второе — «мастерица» (см. доклад Боголюбова М. Н. «Опус об именах двух дочерей Виштаспы», прочитанный 17 января 1995 г. на кафедре иранской филологии СПбГУ).

¹⁸ Имя второй попавшей в хйаонский плен девы — Варидкана (*varəḍakanā-*) раньше ошибочно принималось за название племени *варедака* (Дармстетер), *вардака* (Ломмель), якобы соответствующее *Vertac* Аммиана Марцелина (Вильхельм, Шнигель и др.). Она должна соответствовать дочери Гуштаспа Бехафарид из «Шахнаме», захваченной в плен туранцами. Этимология ее авестийского имени остается нераскрытой (Maqrhofer 1977: 93, § 363). Интересное предположение выдвинул М. Н. Боголюбов, который сравнил ее имя в чтении *Vāriḍkanā* с именем противника героя Кересасы Снавидка — *Snāviḍka* (по Гершевичу, от **snīuii-адка-*, букв.: 'носящий одежду из сухожилий', что соответствует его образу воина, бросающего камни и пращи с помощью сухожилий) (Maqrhofer 1977: 76, § 286). По Боголюбову, слово *адка* (*atka*), имеющееся в обоих именах, есть не что иное, как 'одежда, платье'. Отсюда им предпринимается попытка объяснить значение имени Варидкана как возникшее в результате гаплогонии — **Vaḡya-Vāriḍka* 'носящий драгоценное платье' (или *Vāriḍka-(ka)nā*) (Боголюбов М. Н. «Опус об именах двух дочерей Виштаспы»).

¹⁹ Ср. аналогичное заклинание Тусы против стран туирйа и аналогичные заклинания сыновей Ваэсаки и хйаонского злодея Ареджат-аспы против стран арйа в Ардвисур Яште (§ 54; 58; 117).

(§ 31) *uta azəm nijanāni*
hiiaonīnqm dahiiunqm
pancasaynāi sataynāišca
sataynāi hazayraynāišca
hazayraynāi baēuuarəynāišca
baēuuarəynāi ahqṣṭaynāišca.

И чтобы я крушил
хйаонские страны
пятьюдесятью ударами и сотнями ударов,
сотнями ударов и тысячами ударов,
тысячами и десятью тысячами ударов,
десятью тысячами
и бесчисленным числом ударов.

Могучая, праведная и сотворенная Маздой Дрваспа даровала удачу, позволившую царю Виштаспе побороть своих противников (§ 32).

Следующим яштом, в котором упоминаются хйаона, является Ард Яшт, посвященный божеству благой судьбы и счастья Аши. Благая Аши (*ašīm vauihīm*), благовидная (*huraodqm*), благопочитаемая (*hiiia-zatqm*), исцеляющая (*baēšaziiqm*), с гремящей коляской (*xʻanat-sax-rqm*), дающая пользу (*dātō-saokqm*), дочь Ахура-Мазды (*duydarəm ahurahe mazdā*), сестра Бессмертных Святых (*xʻaṇharəm anāšaiqm sprəntanqm*) и Даэны Маздайеснийской (*xʻaṇha daēna māzdaiiesniš*), приносит спасение и разум (*xraītm*) всем тем, кто совершает ей возлияния.

Составитель яшта прославляет всех тех, кто будет ей молиться. Воспевает он также дома, лоша, и наряженных жен, ждущих своих хозяев, и милых взору девиц, и ржущих коней, ведущих колесницы воителей, и ревущих верблюдов, серебро и золото, драгоценные одежды. Описывается красочная встреча Заратуштры с Аши. В героической части гимна почти точно копируются соответствующие разделы Дрвасп Яшта, заменяется только название божества Дрваспы на Аши. Сражаются с теми же самыми противниками и бедствиями Хаошйангха Парадата (§ 24—26), Йима Хшаэта (§ 28—31), Тразтаона (§ 33—35), Хаома (§ 37—39), Хаосрава (§ 41—43), Заратуштра (§ 45—47) и, наконец, сам Кави Виштаспа (§ 49—52). Упоминание войны последнего с хйаона и другими противниками полностью соответствует Дрвасп Яшту (ср. Яшт 9, 30—31 и Яшт 17, 50—51). Этноним хйаона и в этом яште упоминается трижды.

Не вызывает сомнения, что Ард Яшт позднего происхождения и, вероятно, был составлен уже после смерти царя Виштаспы. Об этом свидетельствует также § 61, в котором Ахура-Мазда, уговаривая Аши остаться с ним, говорит, что будет молиться ей, как некогда молился ей Виштаспа за водами Даитйи (*ana θwā yasna yazāne / ana yasna frūia-zāne / yasə-θwā yazata vīštāspō / pasne āpō dāitiiaiiā*). Яшт завершается жалобами Аши на племена туров и наотара (*tura; naotara*). Она скрывалась под ногой быка и под шеей барана (§ 55—56), когда ее прогоняли туры (*yaṭ niqm tura pazdaiiauta*) и быстроконные наотара (*āsu-aspa naotaraca*). Можно предположить, что под турами подразумеваются также и хйаона, с которыми воевал Кави Виштаспа, принадлежавший к роду наотара. Примечательна жалоба Аши (§ 59) на ужаснейший обычай (*stāuiištəm šīaoθnəm*) похищения и насилования девушек (*yaṭ kai-niiō uzuiādaieieṇti / darəṇəm aṇruioṇ nijāmaiieieṇti*), практиковавшийся правителями-тиранами (*mašīia vərəziṇti sāsta*). Не исключено, что здесь

может также содержаться и намек на известное по § 51 (ср.: Дрвасп Яшт, § 31) похищение двух дочерей царя Виштаспа, имена которых упомянуты также и в «Айадгар-и Зареран» (Хумай, § 77) и «Шахнаме» (Хумай и Бех-Афарид, вторая часть сказа о правлении царя Гуштаспа).

Еще одним яштом, в котором упоминаются хйаона, является Замйад Яшт, судя по позднему названию, посвященный божеству, покровительствующему земле. После подробного перечисления гор (§ 1—8), расположенных на территориях Восточного Ирана, Афганистана и Средней Азии и совпадающих с расселением носителей древнеиранского языка до VII в. до н. э., центральное место в яште переходит к почитанию царственной благодати (*каишаēt х'арәнō*), Кавиев Хварно, или благодати кавиев — традиционных правителей бассейна реки Хаэтумант, обладатель которой, благодаря ее божественной харизме, становится царем над всеми арийскими (т. е. ирано-арийскими) странами и областями. Именно по этой причине этот яшт называют иногда Кайан Яштом, т. е. яштом кавиев²⁰, или Кеянидов. Этот яшт, по-видимому, может считаться центральным и основным для, возможно, на самом деле разгромленных последователей клана Виштаспы, сохранивших эту традицию в анклавах бассейна реки Хаэтумант, ибо не вызывает сомнения, что составитель гимна находится на этой территории или где-то рядом. Царственная благодать (*каишаēt х'арәнō*) в конечном итоге переходит к Кави Виштаспе. Обладают этой царственной благодатью над арийскими землями Ахура-Мазда (§ 10), семь Бессмертных Святых (§ 15), Хаошйангха Парадата (§ 26), Тахма Урупы (§ 28—29), Йима Хшаэта (§ 31—34), Митра (§ 35), Тразтаона (§ 36—37), Кэресаспа (§ 38—44), Апам-Напат Аурват-аспа (§ 51—52), цари озера Кансава и реки Хаэтумант (§ 66—67), Кави Кават, Кави Апивох, Кави Усан, Кави Аршан, Кави Пишан, Кави Бйаршан и Кави Сйаваршан (§ 71—72), Кави Хаосрава (§ 74—77), Заратуштра (§ 79—81), Кави Виштаспа (§ 84—87), Саошйант Астват-Эрета — будущий спаситель (§ 89, 92—96). За обладание ею тщетно борются Ангхра-Маинйу (§ 46), огонь Ахура-Мазды (§ 47—48), Ажи Дахака (§ 49—50) и тур Франгхрасйан (§ 56—64, 82).

Сотворенная Ахура-Маздой могущественная благодать кавиев (*иурāt каишаēt х'арәнō маздадātāt*) характеризуется как поразительнейшее (*варасануһантāt*), пронизательнейшее (*уаохшншантāt*) и высочайшее из других творений (*тарадātāt аниіāiš дātмн*), многоблаженное, многопрекрасное, многообразное, многообновленное, многолучезарное (*роуриса воһиса роуриса сг̄раса роуриса абдаса роуриса фраґаса роуриса бātиіāса*). Принадлежит она создателю творения Ахура-Мазде (*аһураһе маздā̄ уада дātмн дадад*), семерым властвующим

²⁰ С точки зрения царственной благодати кавиев содержание этого яшта, возможно, вступает в некоторое противоречие с содержанием более раннего Аштат Яшта (Яшт 18), посвященного царственной благодати (северных) арийцев (*аирианēt х'арәнō*) — Арийцев Хварно, или благодати айрїа.

(*xšaētanam*) и всеильным (*taxmanam*) Бессмертным Святым (*aməša-
nam sprətanam*), которые единокорны (*hamō-manajhō*), единокорны
(*hamō-vacajhō*), единокорны (*hamō-šīaodnāyhō*) и думают
(*mərəθwəntəm*) о благомыслии, благословии, благодеянии и о райском
«доме хвалы» (*humataēšu, hūxtaēšu, huuarštaēšu, garō-ntānəm*).

Из содержания этого яшта мы узнаем, что Хаошйангха Парадата сражается и убивает две трети мазанских даэва и злонравных варенйа. Кересаспа сражается с данайцем Варешавой и другими противниками. Арйа сражаются со злодеем Франгхрасйаном из племени туирйа возле моря Ваурукаша. Одерживает победу над туирйа и Франгхрасйаном Кави Хаосрава. Царственная благодать пристаёт к кавиям.

Наконец, могучая сотворенная Ахура-Маздой благодать кавиев (*uyrəm kauuaēm x'arənō mazdadātəm*) низошла к царю Кави Виштаспе (*urajhasač kauuaēm vīštāspəm*), так, чтобы он думал согласно даэне (*animatāe daēnaiiāi*), говорил согласно даэне (*anixtāe daēnaiiāi*) и действовал согласно даэне (*aniuarštāe daēnaiiāi*). Кави Виштасп прославил эту даэну (*iməm daēnam āstaota*), уничтожая зломыслящих (*duš-
mainiium siždiō*) и отгоняя прочь даэвов от праведных (*daēu-
iqn ara ašaiiqn*). Он сделал себя рукой и опорой веры Ахура-Мазды и Заратуштры (*bāzišca upastaca vīsata aiyhā daēnaiiā / yač ahurōiš zara-
θuštrōiš*). Кави Виштаспа прославился еще и тем, что освободил даэну от вражеского плена (*hīm stātəm hitəm haiīm uzuiuačəč hasa hinūiwiiō*) и усадил ее восседающей на середине (*ni-hīm dasta maidiōišādəm*), управляющей свысока (*bərəzi-rāzəm*), несокрушимой и праведной (*afraka-
daiuiiīm ašaonīm*), изобилующей скотом и пастбищами (*friθəm gəuš-
ca vastrahesa*). Однако противниками арйа выступают уже не туирйа, а племена хйаона²¹.

Сражаясь за новоприобретенную веру, храбрый Кави Виштаспа одолел Тантриаванта, Пешану, Ареджат-аспу и других хйаонских противников:

(§ 87) *baiuač aiwi-vaiiā
yasə taxnō kauua vīštāspō
təθriiāuiantəm duždaēnəm
rəžantca daēuiiiasnəm
driuiantəmca arəjač-aspəm*

Одержал победу
храбрый Кави Виштаспа
над Тантриавантом зловерным,
Пешаной²², почитателем даэвов,
лживым Ареджат-аспой,

²¹ Тот же самый отрывок, прославляющий подвиги Виштаспы, содержится в Фравардин Яште (Яшт 13, 99—100). Мы сознательно опустили здесь спорную по интерпретации фразу, говорящую о том, что Виштаспа искал и нашел свободное место для Аши (Арты — вселенского миропорядка) «в древе и камне». П. О. Шерве, ссылаясь на работы Уаткинса и Нартен, полагает, что речь идет о весьма архаических мифологических представлениях иранцев, бытовавших еще прежде древнеавестийского периода (т. е. времени распространения диалекта Гат). Для многих остается непонятным, от какого насилия и от какого плена освобождает Даэну правитель Виштаспа (Skjærvø 1996: 625).

²² Имя Пешана, по мнению М. Майрхофера, представляет собой сокращенную форму комплиатива, первая часть которого — авест. *rəžana-* 'бой, битва, сражение' (Mayrhofer 1977: 70, § 256).

ша aniiāsciṭ ayā и другими коварными
dužuuandruuiō hīiaonāñhō. злоизрыгающими²³ хйаона.

Этноним «хйаона» трижды засвидетельствован в Дрвасп Яште, трижды в Ард Яште и единожды в Замйад Яште. То есть в Авесте хйаона упоминаются семь раз.

Косвенные свидетельства

Косвенные свидетельства о хйаона и войне с ними содержатся в Ардвисур Яште (Яшт V), посвященном божеству-покровителю водных стихий Ардвисуре Анахите, отсюда этот яшт известен под более поздним названием Абан Яшт (букв.: 'яшт вод; гимн водам'). В этом яште многократно воспеваются героические события, связанные с войной с хйаона, упоминаются имена и арийских, и хйаонских полководцев, хотя название самого племени хйаона отсутствует.

Ардвисуре Анахите совершают обильные жертвоприношения боги и многие герои, выпрашивая удачи в каком-либо деле, но чаще, чтобы одолеть того или иного противника. Среди них Ахура-Мазда (§ 17—19), Хаошйангха Парадата (§ 21—23), Йима Хшаэта (§ 25—27), Ажи Дахака (§ 29—31), Траэтаона (§ 33—35), Кересаспа Наиремана (§ 37—39), тур Франгхрасйан (§ 41—43), Кави Усан (§ 45—47), Хаосрава (§ 49—51), Туса (§ 53—55), сыновья Ваэсаки (§ 57—59), Паурва (§ 61—66), Джамаспа (§ 68—70), Ашавазда, сын Поурудахшти, Трита и Ашавазда, сыновья Саюждри (§ 72—74), Вистауру Наотара (§ 76—79), Йойшта Фрийана (§ 81—83), маздаяснийцы из рода Хвова, Наотара, включая Виштаспу Наотара (§ 98—99), Заратуштра (§ 104—106), Кави Виштаспа (§ 108—110), Заириваири (§ 112—114), Вандаремаини Ареджат-аспа (§ 116—118).

Ахура-Мазда призывает Спитаму Заратуштру (*spitamāi zaratuštrāi*) молиться (*yazaēša-mē-hīm*) Аредви Суре Анахите (*arəduiīm sūrəm anāhitəm*) — «могущественной и незапятнанной Аредви», исцеляющей (*baēšaziiqm*), враждебной даэвам и исповедующей учение Ахура-Мазды (*vīdaēuiqm ahurō-īkaēšqm*), праведной и приумножающей стадо (*vəduwō-frādanqm ašaonīm*) и страну (*daijhu-frādanqm ašaonīm*), достойной жертвоприношения и молитвы в этом плотском мире (*yēsniqm ajuhe astuuaitē / vahmiiqm ajuhe astuuaitē*).

Согласно героико-эпической части этого яшта, Хаошйангха Парадата сражался и истребил две трети мазанских даэва и злодеев варенйа. Франгхрасйан из племени туирйа воевал с племенами арйа у моря Воурукаша за обладание царственной благодатью. С турами сражался храбрый воин-ратаэштар Туса (*taxmō tusō ratəaēštārō*), у ворот Хшатросуки в Канхе. Он просил Ардвисуру даровать ему удачу,

²³ Вариант перевода: 'зловосхваляющие', 'злопрославляющие'.

чтобы одолеть проворных сыновей Ваэсаки, и ему принадлежит следующее заклинание, обращенное против полчищ племен туирья:

(§ 54) *yaṭṭa azəm nijanāni
tūriianqm dahiiunqm
pañcasaynāi sataynāišca
sataynāi hazayraynāišca
hazayraynāi baēuuarəynāišca
baēuuarəynāi ahqṣṣṭaynāišca.*

Так, чтобы я уничтожил
страны туирья
пятьюдесятью ударами и сотнями ударов,
сотнями ударов и тысячами ударов,
тысячами и десятью тысячами ударов,
десятью тысячами
и бесчисленным числом ударов.

Тщетно выпрашивали победу над Тусой и арийцами сыновья Ваэсаки, им приписывается аналогичное заклинание, но против племен аирья:

(§ 58) *yaṭṭa vaēm nijanāma
airiiianqm dahiiunqm
pañcasaynāi sataynāišca
sataynāi hazayraynāišca
hazayraynāi baēuuarəynāišca
baēuuarəynāi ahqṣṣṭaynāišca.*

Так, чтобы мы уничтожили
страны аирья
пятьюдесятью ударами и сотнями ударов,
сотнями ударов и тысячами ударами,
тысячами и десятью тысячами ударов,
десятью тысячами
и бесчисленным числом ударов.

Первое косвенное свидетельство о войне с хйаона связано в этом яште с Джамаспой. Оно оправдано логически, так как Джамаспа оказался первым в войске и в свите Кави Виштаспы, кто завидел издали приближающиеся полчища неприятеля (хйаона):

(§ 68) *tqm yazata jāmāspō
yaṭṭ spāḍəm pairi-aiuaēnaṭ
dūrāṭ aiiautəm rasmaoiīō
druuatqm daēuuiiasnanqm
satəm aspanqm arṣṇqm hazayrəm
gauuqm baēuuarə anuimāianqm.*

(§ 69) *āaṭ hīm jaidiiaṭ,
aiiaṭ aiiaptəm dazdi-mē
vaṇuhi sēuuište arəduuī sūre anāhite
yaṭṭa azəm aiuata vərəḍḍra hacāne
yaṭṭa vīspa aniiō aire.*

Ей приносил жертвы Джамаспа²⁴,
который войска первым завидел,
идуших издали боевым строем
злодеев и почитающих даэвов
сотнями жеребцов, тысячами быков,
десятками тысяч овец.
Просил он у нее:
«Дай мне такую удачу,
благая наимогучая Ардвисура Анахита,
чтобы я обрел такую победу,
какую обрели все остальные аирья».

²⁴ В Гатах имя Джамаспа дано как Деджамаспа (Ясна 51, 18; 46, 17). Первая часть имени Джамаспа сопоставляется с вед. *kṣāmá-*, пали пракрит. *jhāma-* 'обожженный, высушенный, исхудалый' (Барроу). Р. Шмитт предложил переводить его имя как «der Pferde mit Brandzeichen besitzt» ('обладающий клейменными лошадьми'). М. Майрхофер считает сомнительным фонетическое соответствие др.-инд. *kṣ-* / ср.-инд. *jh-* с авест. *(d)j-* (Maughofer 1977: 55, § 196). Гатическая форма Деджамаспа могла произойти из уст родственников Заратуштры — носителей гатического диалекта, сознательно искаживших непривычное для них имя Джамаспа, это подтверждается сохранившимися текстами на «младоавестийском» диалекте, которые были составлены приближенными Виштаспы (Нотаридами). В позднейшей зороастрийской литературе Джамаспе приписывается роль прорицателя и жреца. По мнению Ж. Келленса, имя Деджамаспа и имя его брата — Ферашаоштра (как оно представлено в Гатах),ряду с названием их ро-

Интерполированные в этот раздел герои, имена которых Ашавазда, сын Поурудахшти, Ашавазда и Трита, сыновья Саюждри, сражаются с могучими и красноречивыми данайцами²⁵. Вслед за несколькими интерполированными и, по-видимому, хронологически более поздними сюжетами, в Ардвисур Яште изображается коллективное жертвоприношение (на самом деле еще не принявших веру Заратуштры) «маздайаснийцев» из арийских родов Хвова²⁶ и Наотаирйа²⁷. Хвовы запрашивали у Ардвисуры богатства (или исполнения желаний), а Наотаирйа — быстроты коней.

После этого появляется Заратуштра. Ардвисура благоволит к его мольбе, и сын Аурват-аспы (букв.: 'быстроконного') Кави Виштаспа принимает религию Заратуштры:

§ 104 *təm yazata*

yō aṣauiša zaraḍuštrō

airiēne vaējahī vaṣhuiiā dāitiiaiīā

haomaiīō ...

§ 105 *āaṭ hūm jaidīiaṭ*

auišaṭ āiiaptəm dazdi-mē

vaṣuhi sēuiište arəduiū sūre anāhite,

yaḍa azəm hācaiiēne

riḍrəm yaṭ auruuišaṭ-aspahe

Ей приносил жертвоприношения

праведный Заратуштра

в Ариане-Ваэдже, у благой Даити,

хаомой...

Так просил он ее:

«Дай мне такую удачу,

благая наимогучая Ардвисура Анахита,

чтобы я сумел убедить

сына Аурват-аспы²⁸

да — Хвогва, образуют своеобразную стилистическую триаду «корова — лошадь — верблюд», причем последние два компонента являются антонимами: Ферашаоштра — 'тот, кто обладает сочными, колоритными, отсюда и превосходными верблюдами', а Деджамаспа, напротив, — 'тот, кто обладает высушенными, то есть тощими стройными лошадьми (dried-out horses)' (Kellens 2000a: 91).

²⁵ Эти герои принадлежат к роду Хшптавэйя, который вел войны с турами из бассейна реки Дану (данайцами) (Яшт 13, 37—38). Фравашаи доблестных воинов из этого рода почитаются во втором эсхатологическом разделе мужского зороастрийского пантеона (Яшт 13, 111—117). Гипотеза о том, что Дану тождественна Танаису, т. е. Сырдарье, отстаивалась В. И. Абаевым (Абаев 1975: 2 и сл.; 1956: 44—45).

²⁶ В Гатах название рода Хвова (Нхиōиша-) дано, по-видимому, в исходной форме Хвогва (Нхиō.guша-). По мнению М. Майрхофера, оно идентично имени Хугу (Hugu-), которое этимологизируется таким же образом, как и вед. *su-gū-* «mit schönen Rindern, rinderreich» ('имеющий хороший скот, богатый скотом') (Mayrhofer 1977: 53, § 187: 51, § 174).

²⁷ Происхождение названия рода Наотаирйа/Наотара остается неясным. Восстановливаемая форма **navatara* — 'новее' ('моложе, младше'?) считается сомнительной (Ломмель), иная интерпретация «der zu Schiff fahrende» ('путешествующий на лодке') еще более сомнительна. Принимались попытки связать это слово с вед. *navate* 'закричавший, заликовавший', или с ир. **nav-* 'перемещать, двигать' (Бейли, Эммерик) (Mayrhofer 1977: 63—64, § 228). Ж. Келленс полагает, что значение авест. *naotairiia* — «fils du meuglant» ('сын орущего или поющего во весь голос') (Kellens 2000a: 749).

²⁸ Этимология имени Аурват-аспа прозрачна: *auruišaṭ-aspa-* 'быстроконый, обладающий быстрыми копытами'. В Авесте оно в основном является эпитетом солнца и божества вод Алам-Напата ('внука, потомка вод'), ср. инд. *áśvānām árvaiām* (Атхарваведа Самхита, 4, 9, 2) (Mayrhofer 1977: 26—27, § 57). Согласно Замйад Яшту, выступающий в роли божества Алам-Напат Аурват-аспа становится обладателем царственной благодати кавиев — Кавиев Хварно, после чего она переходит к кавиям и к Кави Виштаспе.

*taxməm kauuaēm vīštāspəm
anumatēe daēnaiiāi
anuxtēe daēnaiiāi
anu-varštēe daēnaiiāi.*

храброго Кави Виштаспу
думать согласно даэне,
говорить согласно даэне
и действовать согласно даэне».

Принявший веру Заратуштры, Кави Виштаспа находится за водами Фраздана (Фразданавы) и сражается с теми же самыми хйаонскими противниками Тантрйавантом, Пешаной и Ареджат-аспой:

(§ 108) *tqm yazata
bərəzaidiš kauua vīštāspō
pasne āpəm frazdānaom
satəm aspanqm aršnqm hazayrəm
gauuqm baēuuarə anumatianqm.*

Ей приносил жертвоприношения
великий Кави Виштаспа
за водами Фраздана
сотней жеребцов, тысячами быков
и десятью тысячами овец.

(§ 109) *āat hīm jaidiiaṭ,
auuaṭ āiiaptəm dazdi-mē
vanuhi sēuuīšte arəduuī sūre anāhite,
yaṭ bauuāni aiwi-vaniiā
tqḏriiauuantəm duždaēnəm
pəṣanəmca daēuuiiasnəm
druuaṇtəmca arəjaṭ-aspəm
ahmi gaēḏe pəṣanāhu.*

Так он просил ее:
«Дай мне такую удачу,
благая наимогучая Ардвисура Анахита,
чтобы я одержал победу
иад Тантрйавантом зловерным,
над Пешаной, почитающим даэвов,
над лживым Ареджат-аспой
в сражениях этого мира».

Поклоняется Ардвисуре также и его брат, военачальник Заириваири, он находится за водами Даитйи, но сражается с Пешочингхой Ашто-каной, Хумайакой и с тем же самым хйаонским злодеем Ареджат-аспой:

(§ 112) *tqm yazata
aspāiiaodō zairi-vairiš
pasne āpō dāitiiāiā
satəm aspanqm aršnqm hazayrəm
gauuqm baēuuarə anumatianqm.*

Ей приносил жертвоприношения
сражающийся на коне Заириваири²⁹
за водами Даитйи
сотней жеребцов, тысячьо быков
и десятью тысячами овец.

(§ 113) *āat hīm jaidiiaṭ,
auuaṭ āiiaptəm dazdi-mē
vanuhi sēuuīšte arəduuī sūre anāhite
yaṭ bauuāni aiwi-vaniiā
pəṣōciṅghəm aštō-kānəm*

Так просил он ее:
«Дай мне такую удачу,
благая наимогучая Ардвисура Анахита,
чтобы я одержал победу
над Пешочингхой³⁰ Ашто-каной³¹,

Данный сюжет Замйад Яшта является очевидной «кеянидской» фальсификацией мифа и истории.

²⁹ Имя Заириваири (краткая форма Заривари) по переводу Х. Бартоломе означает «der eine gelbe (schwarze) Brustwehr trägt» ('тот, кто надевает золотой, или медный, бронзовый панцирь'), т. е. 'златопанцирный' (Bartholomae 1904: 1682). Эпитет Заприваири «сражающийся на коне, при помощи коня» (Аспайаода) является единственным в Авесте прямым указанием на использование всадников в боевых действиях.

³⁰ Х. Бартоломе переводил это имя 'с растопыренными когтями, лапами'. Ложными М. Майрхофер называет переводы А. Фика ('любящий войны, сражения') и Ф. Юсти ('с совиными когтями') (Mayrhofer 1977: 70, § 257).

³¹ По мнению Ломмеля, это родовое имя или отчество Пешочингхи. Х. Бартоломе переводил его как 'тот, кто живет в восьми пещерах, логовищах'. Этимологию с эмендацией *ast- вместо предлагаемой во всех рукописях ašt- (например, Дармстетер:

*humaiiakəm daēuuaiiasnəm
druuuantəmса arəjaṭ-aspəm
ahmi gaēde pəṣanāhu.*

над Хумайакой³², почитающим даэвов,
над лживым Ареджат-аспой
в сражениях этого мира».

Ардвисура Анахита благоволит к мольбам и просьбам Кави Виштаспы и его брата Заириваири. Однако война с хйаона заходит чересчур далеко. Героическая часть Ардвисур Яшта заканчивается описанием жертвоприношений противника аирйа — предводителя племен хйаона Ареджат-аспы. Он находится у моря Воурукаша и сражается с Кави Виштаспой:

(§ 116) *tqm yazata
vandarəmainiš arəjaṭ-aspō
upa zraiōd vouru-kaṣəm
satəm aspaṇqm arṣṇqm hazarəm
gauṣqm baēuuarə anuṃaiianqm.*

Ей приносил жертвоприношения
Вандаремаини Ареджат-аспа³³
у моря Воурукаша
сотней жеребцов, тысячью быков
и десятью тысячами овец.

(§ 117) *āaṭ hīm jaidiiaṭ,
auuaṭ āiiaptəm dazdi-mē
vaṇuhi səuuište arəduuī sūre anahite
yaṭ bauuāni aiwi-vaniīā
taxnəm kauuaēm vīštāspəm
aspāiiaodō zairi-vairiš,...*

Так он просил ее:
«Дай мне такую удачу,
благая наимогучая Ардвисура Анахита,
чтобы я одержал победу
над храбрым Кави Виштаспой,
<восседающий на коне Заириваири>³⁴».

В заключение своей речи Ареджат-аспа произносит заклинание против племен аирйа:

*yaṭa azəm nijanāni
airiianqm dahiiunqm
paṇcasaynāi sataynāišca
sataynāi hazaraynāišca
hazaraynāi baēuuarəynāišca
baēuuarəynāi ahqṣṣṭaynāišca.*

Так, чтобы я уничтожил
страны аирйа
пятьюдесятью ударами и сотнями ударов,
сотнями ударов и тысячами ударов,
тысячами и десятью тысячами ударами,
десятью тысячами
и бесчисленным числом ударов.

Согласно Ардвисур Яшту, богиня вод Ардвисура не дала такой удачи хйаонскому предводителю Ареджат-аспе.

‘хоропящий кости, трупы’) М. Майрхофер справедливо считал ложной (Mayrhofer 1977: 26, § 55).

³² Имя противника Заириваири Хумайака (*humaiiaka*), по-видимому, является мужской параллелью имени дочери Кави Виштаспы — Хумайа (*humaiiā*) (Яшт 5, 139). Оно образовано при помощи суффикса *-ka-/aka-* и переводится как ‘искусный, ловкий, хитрый’ (Mayrhofer 1977: 51, § 176). Это имя полностью тождественно иранскому имени, засвидетельствованному в армянском Հմայակ Ռտաւակ. Его имя носили в Армении некоторые представители нахарарских родов Мамиконян, Димаксеян, Хорхоруни и правитель Ашоцка (Hubschmann 1895—97: 47).

³³ В «Шахнаме» образ авестийского Ареджат-аспы Вандаремаини (‘прославляющий грех’) распался на два, это собственно Арджасп и один из его полководцев — Андариман.

³⁴ Данная строка случайно интерполирована из § 112. Переписчики не учли то обстоятельство, что, согласно «Айадгар-и Зареран» и «Шахнаме», Зарер (Заириваири) погибает на первом этапе войны с противником.

К вышерассмотренной группе яштов, которые лучше было бы называть «виштасповыми» яштами, частично примыкает Рам Яшт (Яшт 15), посвященный древнеиранскому божеству стихии благого и умиротворяющего ветра — Ваю (*vaiiō*). Гимн начинается с частного почитания вод (*arəm*), их разделителя (*baγəm*), умиротворения (*āxštīm* — синоним слову *rām*) и блага каждого из них (*suiiqmca katarəmcit*) и переходит в коллективное почитание Вайу: мы совершаем жертвоприношения этому Вайу, мы взываем к этому Вайу (*təm vaēmciṭ yazamaide / təm vaēmciṭ zbaīiamahi*), ради этого дома (*ahmāica mātānāi*), ради хозяина этого дома (*ahmāica mātānahe mātānō-patē*), ради этого жертвователя (*ahmāica zaodrō-barāi*); мы совершаем жертвоприношения этому наилучшему из божеств (*vahištəm yazatəm yazamaide*), чтобы им были приняты скот и мольбы (*paiti-asti gəuš vacahiieheca*) и чтобы помог он разом расправиться с противниками (*hadrauuataheca paiti hamərədanqm*). Этому божеству приносят жертвы Ахура-Мазда (§ 2—4), Хаошангха Парадата (§ 7—9), Тахма Урупы (§ 11—13), Йима Хшаэта (§ 15—17), Наиремана Кересаспа (§ 27—29), Аурвасара (§ 31—33), Хутаоса³⁵ (§ 35—37), девы (§ 39—41), составитель гимна (§ 42). Дальнейшая структура гимна отличается от остальных гимнов тем, что переходит в составленное от лица божества божественное песнопение, первая часть которого начинается со слов «Имя мне есмь Вайу» (*vaiiūš bā nqma ahmi*) (§ 43—48)³⁶, а вторая, представляющая собой обращение божества Ваю к Заратуштре, начинается со слов «Зови меня по именам этим» (*tāasca-mē nqma zbaīiaēša*) (§ 49—56). В § 57 содержатся строки, предназначенные для коллективного почитания Ваю.

В обращении к Заратуштре, начинающемся со слов «Зови меня по именам этим» (*tāasca-mē nqma zbaīiaēša*) (§ 49—56), Вайу просит Заратуштру взывать к ней среди опустошающих вражеских полчищ (*yim aṇtarə haēnaiiā xrūišiieitiš*), среди одновременно выступающих вперед войсковых колонн (*aṇtarə hqm-yaṇta rasmaoiīō*), среди воюющих между собой стран (*aṇtarə daijhu pāpərətāne*). В § 50, возможно, содержатся намеки на мученическую гибель Заратуштры. Она просит его взывать к ней, когда всевластный тиран-правитель страны обрушивается на него (*sāsta daijhdūš hamō-xšaṇrō patəntəm*), нападает на

³⁵ Имя супруги Кави Виштаспы — Хутаоса — идентично древнеперсидскому имени персидской княгини Атоссы, ср. др.-перс. *(H)u-tauθā-, греч. Ἄτοσσα, ср.-перс. Худос (Hudōs — «Айадгар-и Зарерап» § 19—MSs, 68). Ее имя состоит из hu- 'благой, хороший' и *taosa-. Последнее может быть связано с вед. *tośá-* 'жертвенный, струящийся' от *toś-/tuš-* 'течь, струиться; вливать, spryskivati'. Поэтому имя Хутаоса связывается с именем Туса, являющимся предположительно сокращенной формой имени Тусаспа (*Tusāspa-) 'обладающий стремительными быстро бегущими конями' (Maughofer 1977: 52, § 179; 81, § 310). По мнению И. М. Стеблин-Каменского, имя Хутаоса может переводиться как 'обладающая красивой талией, красивыми бедрами' (устное сообщение).

³⁶ В нем божество Вайу, раздваивающееся на благое и враждебное (*yaṭ va dqtma vaiieni / yasca daddaṭ sprətiō mainiūš / yasca daddaṭ ayrō mainiūš*), перечисляет Заратуштре все свои положительные и отрицательные эпитеты, лучшим образом его характеризующие.

него (*vā zbarəntəm*), наносит ему смертельные раны (*vā iriṣəntəm*), тащит за колесницей его тело (или мчится к нему на колеснице: *vā ra-ṭōiṣəntəm*), лишает его состояния (*vā paitiṣəntəm θrimahe*), лишает его жизненной силы (*paitiṣəntəm baēṣaziiehe*). В § 51 к тому же самому она призывает его, когда на него нападают несправедливые ашемаоги — «разрушители Аши» (*aṣətaoəntə anaṣaiaianəntə*).

Следующий параграф (§ 52), по-видимому, свидетельствует о том, что сторонники Заратуштры и приверженцы клана Виштаспы были разгромлены противником, многие из их последователей были взяты в плен и посажены в тюрьмы: Вайу призывает Заратуштру взывать к ней, когда томятся в оковах (*yaṭ bastō aṭhaṭ hištənnō*), когда связываются в оковы (*bastō aṭhaṭ frādaiianō*), когда ведут в оковах (*bastō aṭhaṭ vādaiianō*). В результате заключенные освободятся и убегут из заточения (*frādbaoiie bāṣe buiieṇte / vidbaoiie grāfe buiieṇte*)³⁷.

Последнее обращение Вайу к Заратуштре: (§ 55) О, праведный Заратуштра, возьми баресму (*tūm barəsmā aiiasaēṣa aṣāum zaraṭuštra*), поверни ее вверх и поверни ее вниз (*fracinaṭwarə vicinaṭwarə*), как к закату и к рассвету (*raocinaiianəntəm bānīm*), вверх в дневное время (*fratarāēibiio raocā*), вниз в предрассветное (*vītaraēibiio uṣāṅhəm*). (§ 56) Если ты будешь совершать мне жертвоприношения (*yezi məm yaṣtō kərənauiianī*), я буду тебе говорить речи (*azəm tē vaca framrauiianī*), сотворенные Маздой, благодатные (*mazdadāta x'arənaṭhuuaṇta*), исцеляющие (*baēṣaziia*), так, чтобы тебя не уничтожили ни Ангхра-Маинйу, многопогибельный (*yaṭa θwənt nōiṭ tauruuiianī aṭrō mainiuiš pourumahrkō*), ни колдуны, ни приспешники колдуна (*nōiṭ yātō nōiṭ yatumā*), ни даэвы, ни люди (*nōiṭ daēuiio naēda maṣiio*).

Дальнейшие события проясняются также из содержания пост-мемориального Фравардин Яшта (Яшт 13). Вторая часть первого эсхатологического раздела «Мемориального списка» (с § 95, за исключением § 97, по § 110) Фравардин Яшта посвящена почитанию душ праведных зороастрийцев, связанных с событиями войны клана царя Виштаспы с хйаона, хотя сами племена хйаона в яште не упоминаются.

Составитель Фравардин Яшта умышленно не упоминает ни одного представителя из племени хйаона, так как не собирается почитать их души или призывать к таковому почитанию. Им почитаются фравашаи зороастрийцев из племен айрйа, туирйа, саирима, дахи (или даха), саини, а также современники из Мужа, Раождйи, Танйи и Апахширы³⁸. Племя хйаона, в отличие от туирйа, оказалось тем сообществом

³⁷ Любопытно мнение И. М. Дьяконова, который предполагал, что царство Кави Виштаспы было в конечном счете покорено племенем хьяуша, хотя прямых указаний на это в Авесте не содержится (Дьяконов 1971: 144).

³⁸ Фравардин Яшт был составлен, вероятно, в Арахозии спустя более чем 200 лет после обретения Заратуштрой божественного откровения и спустя более чем 152 года после смерти пророка Заратуштры. Об этом свидетельствует упоминание в «мемориальном списке» Фравардин Яшта последователя Заратуштры праведника Саэпы сына Ахумстута и членов его рода, которые были реальными современниками составителя

non grata, которому было отказано в дружбе и примирении как при жизни Заратуштры, так и после его смерти.

Очевидным доказательством того, что термин «хйаона» применялся для обозначения этнической принадлежности и не являлся неизвестным нарицательным словом или позднейшей интерполяцией вместо «тура», служит стандартная форма проклятия и заклинания, которую произносит царь Кави Виштаспа в адрес племен хйаона: «и чтобы я крушил хйаонские страны пятьюдесятью ударами и сотнями ударов, сотнями ударов и тысячами ударов, тысячами и десятью тысячами ударов, десятью тысячами и бесчисленным числом ударов» (Яшт 9, 31). Аналогичное по форме заклинание, направленное против арийских стран, произносят туры сыновья Ваэсаки (Яшт 5, 58) и правитель племен хйаона Ареджат-аспа (Яшт 5, 117). Заклинание против племен туирйа произносит герой Туса (Яшт 5, 54). Наиболее красноречивым определением племени хйаона являются слова «зло изрыгающие, или прославляющие» (*dužiuanđrauuō hīiaonāujhō*) (Яшт 19, 87). Возможно, один из противников Кави Виштаспы, Ашта-аурвант, сын Виспа-Таурва-Ашти, охарактеризованный как «всепоражающий, с острой шапкой, с острым шитом, с толстой шеей, ведущий за собой семьсот верблюдов» (Яшт 9, 30), так же как и Ареджат-аспа, является представителем племени хйаона или одним из предводителей хйаонского войска (хотя не исключено, что Виштаспа мог воевать и с представителями других, неизвестных нам племен)³⁹.

Среди вражеских войск (*хаэна*) Авеста упоминает войска туров и хйаона. О не менее кровопролитных войнах между самими арийскими племенами говорится, например, в Михр Яште и Варахран Яште (§ 42—43), где терминологически *спада* воюет со *спадой*, то есть арийское войско с арийским войском.

О продолжении и последствиях войны с хйаона в Авесте больше никаких сведений не содержится.

Противник арийцев в Ясне, в Гатах и других разделах Авесты

Из всех неарийских племен в Ясне упоминаются только туирйа, да и то только дважды. Первое их упоминание относится к давно мино-

яшта, находившегося на территории Тапйи или Апахширы (Арахозия). Согласно пехлевийскому сочинению «Визидагиха-и Задспрам», Саэна, имевший сто учеников, умер спустя 200 лет после обретения Заратуштрой божественного откровения (23, 11). На аналогичные факты с небольшими расхождениями обращали также серьезное внимание Т. Барроу и Г. Ньюли (Vignow 1973: 138—139; Gnoli 1967: 79; 1983: 131).

³⁹ Судя по данным Виштасп Яшта, форма заклинания принадлежит самому Заратуштре. Произнося свое «Благословение» еще молодому Виштаспе («Африн-и Зардушт»), Заратуштра проклинает всех будущих врагов Виштаспы, конкретно никого не называя (Яшт 24, 19). Кави Виштаспа сражался также с почитателем демонов (даэва) Даршиникой, со зловерным Таптриавантом, со Спинджаурушкой и Пешаной. Его брат Заприваири сражался с Ареджат-аспой, Пешочингхой и Хумаякой. Их имена обозначают независимых противников и не являются эпитетами правителя Ареджат-аспы. Следует отметить: имена всех не-арийцев в Авесте переводятся с авестийского языка, что свидетельствует об их иранском происхождении.

вавшим дозаратуштровским событиям, когда Кави Хаосрава одержал победу над Франгхрасяном. О последнем говорится в Ясне 11 (§ 7), связанной с зороастрийским жертвоприношением с хаомой. Речь идет о божестве Хаоме, благодаря которому жестокий туирья Франгхрасяан был без промедления связан железными оковами.

Второе их упоминание относится к периоду жизни Заратуштры. Внуки и потомки могущественного рода Фрийаны из племени туирья почитаются Заратуштрой в Гатах. Пророк обещает им покровительство Ахура-Мазды и Воху-Мана в Судный День (Гата Уштаваити IV = Гата «бегства» пророка Заратуштры = Ясна 46, 12).

В Ясне 32 Заратуштра выступает против своего врага Герехмы и его последователей (Гата Ахунаваити V = Ясна 32, 12—14). В Ясне 49 Заратуштра жалуется на своего противника Бендву⁴⁰ (Гата Спента-Маинйу III = Ясна 49, 1—2). По мнению Жака Дюшен-Гиймена, Бендва являлся правителем, покровительствовавшим злему пророку Герехме (Duchesne-Guillemin 1963: 126—127).

В Ясне упоминаются также абстрактные враги и неприятели, убийцы и насильники, выступающие под покровительством Анхра-Маинйу, часто олицетворенные в виде абстрактного Аэшмы⁴¹ — враждебного авестийским племенам демона, содействующего хищнической практике полуразбойничьих племен, угонявших и истреблявших скот оседлого и мирного скотоводческого населения (Абаев 1974: 316; 1975: 4—5; 1956: 29).

В несохранившемся Виштасп-Саст-Наске (10-м наске) Авесты редакции Сасанидов (Денкард VIII, 11, 4), специально посвященном царю Виштаспе и его войне с хйаона, содержались, к примеру, такие интересные для нас главы: «О принятии Рам-шахом Виштаспом маздаиснийской веры (§ 3); о побуждении дэвом Хешмом хйона Арджаспа воевать с Виштаспом; о противостоянии Зардухшту; о подготовке и вступлении царя Виштаспа в эту войну и еще обо многом на эту тему (§ 4)» (MKBLWN_{x2} Y l'mšh wšt'sp' dyn' m'zdyst' s'lynytn' Y hšm ŠDY° 'lc'sp' Y hywn' 'L kwššn' Y wšt'sp' pytd'rt'ryh Y zltwhšt' 'l'°yšn W lwbšn' Y wšt'sp' MLK° 'L ZK kwššn MH BYN hmBB° / padīrišn ī Rām-šāh Wištāsp dēn māzdēsna, sārēnīdan ī Xešm dēw Arjāsp ī xyōn ō kōšišn ī Wištāsp, petyārdārīh ī Zarduxšt, ārayišn ud rawišn Wištāsp šāh ō ān kōšišn, cē andar ham-dar)⁴².

⁴⁰ Интерпретации Герехма и Бендва как имен собственных могут оказаться ошибочными (так еще в переводе Х. Бартоломе). Например, Тарапоровала переводил их нарицательными словами — 'разрушитель' и т. д. (Taraporewala 1980 [1965]: 104—105, 134).

⁴¹ Этимология слова *aesma*- связана с глаголом *aes-* 'быстро двигаться'. Василий Абаев считает, что безупречным ему соответствием является греч. *οἶμα* (из *οἶμα), которое как раз означает 'стремительное нападение, набег'.

⁴² Среднеперсидский текст реконструирован нами по факсимильному изданию рукописи В из собрания К. R. Cama Oriental Institute Bombay (Dēnkart 1966: 109—110).

Хйаона начали воевать с Кави Виштаспой уже после того, как были сложены Гаты Заратуштры⁴³, поэтому в Гатах о них ничего не говорится и не делается никаких намеков на события, связанные с ними. Кровопролитная война между аирйа и хйаона начинается спустя 30 лет после обретения Заратуштрой божественного откровения, следовательно, спустя 17 лет после принятия Кави Виштаспой учения Заратуштры⁴⁴. Можно заключить, что составители Дрвасп Яшта и Ардвисур Яшта не были знакомы с окончательными результатами как первой, так и второй битв арийцев с хйаона. В таком случае, эти яшты могли быть составлены только в начале первой битвы, или войны, клана Кави Виштаспы с хйаона, точнее, перед началом соответствующих баталлий возле Фраздана и возле Даитьи, поэтому их можно с уверенностью считать предбатальными жреческими молитвами, произнесенными однократно перед очередной битвой с хйаона и составленными в жанре *намастути* (прославления подвигов ираноарийских героев). Практически все легендарно-исторические разделы «Поздней Авесты» (за исключением последней части «мемориального списка» Фравардин Яшта), в отличие от Гат, завершаются прославлением событий, связанных с этой войной.

Об этимологии этнонима «хйаона»

Х. Бартоломе не попытался дать этимологического объяснения этнониму «хйаона». В своем «Словаре древнеиранского языка» он ото-

⁴³ Следует обратить внимание на неумело залатанную предысторию этой войны в традиции. Как нам известно из Авесты, Кави Хаосрава одержал победу над предводителем племени туирйа Франгхрасйаном. С тех пор туирйа уже не воюют с аирйа как прежде и становятся дружественными. Однако, как показывает та же Авеста, Кави Хаосрава сталкивается с новыми противниками, с одним из них, имя которого не совсем ясно, он сражается у границ некоей лесной чащи (Яшт 5, 50—51). В другом сюжете некий Аурвасара сражается с Кави Хаосравой возле «Белой чащи» (*sraēitīta razura* 'белый лес, роща') и просит у божества Вайу победы над своим противником. Составитель яшта добавляет: «Пусть убьет его Кави Хаосрава в лесу всех арийцев» (Яшт 15, 31—32). Из контекста не совсем ясно, кто погибает в этом сражении. Хотя вопрос убийцы и победителя остается неразрешенным, есть основания полагать, что в «Белой чаше» погибает на самом деле сам Кави Хаосрава. Так или иначе, объединенная арийская держава Кави Хаосравы распадается и переходит в подчинение другому воинственному племени. Тогда и появляются на арене полупоэтической истории братья-самозванцы (лжекеяниды или лжекави) Виштаспа Наотаирйа и Заприваирри Наотаирйа, сыновья полубожества и полугероя Аурват-аспы (Апам-Напата). Территории, некогда подвластные Кави Хаосраве, переходят в подчинение племенам хйаона и стране Хйаона-дахйу (или Хйаонина-дахйу). Один из братьев, Виштаспа, еще не осмелившийся называть себя кави, по-видимому, назначается правителем (дахйу-пати) провинции Ариана-дахйу. Северная часть Ариана-дахйу становится уделом Заприваирри, а южная — Виштаспы. Вскоре появление в этих местах пророка Заратуштры, бежавшего из другой провинции (Ариана-Ваджа, или Ариана-Шазна, пограничной с Турйан-дахйу), кардинально изменяет ход истории.

⁴⁴ К реконструкции старинной зороастрийской хронологии см., например, таблицу Э. Уэста (Jackson 1899: 180—181). См. также одну из наших публикаций, посвященных датировке войны с хйаона (Амбарцумян 1997: 3—9).

ждествил хйаона с хионитами и со страной, населенной этим народом: «*hyaona*- ... bezeichnet ein Volk und Land, chionitisch, Chionite» (Bartholomae 1904: 1858). Э. Вильхельм соотносил слово хйаона с новоперс. هیون *hayūn* 'одногорбый верблюд, дромадер'⁴⁵ (Wilhelm 1888: 98; Stackelberg 1891: 621). Х. У. Бейли объяснял слово «хйаона», восстанавливая древнюю индо-иранскую форму **syauṇa*- > др.-ир. **hyauna*- > авест. *hyaona*- «satisfying oneself, possessing, ruling, acting like a lord» ('удовлетворяющийся, владеющий, правящий, поступающий как повелитель'). Г. Ньюли соотносил его с др.-инд. прил. *syoná*- «satisfying, pleasant» ('удовлетворяющий, приятный')⁴⁶, значение которого отслеживается соответственно в др.-ир. и др.-инд. основах *hai:hi-* / *se:si-* (Bailey 1972: 18—21; Gnoli 1980: 68)⁴⁷. По мнению Э. Пирарта, авестийское *xīiaona*- — исключительно индо-иранское слово и по своему типу является патронимическим именем, т. е. указывает на происхождение. Так, он сопоставляет его с санскр. *syūna*- «sac» ('брюхо') и расшифровывает его значение как «*fils de la selle*» ('сын седла') или «*fils de la matrice*» ('сын матки')⁴⁸ (Kellens 1998: 751). Последнее этимологическое объяснение представляется наиболее правдоподобным, так как учитывает негативные ассоциации, связанные с названием этого враждебного арийцам племени во всех семи случаях его упоминания в Авесте. Следовательно, хйаона может иметь бранное происхождение и означать букв.: 'происходящий, или происходящие, от брюха; сукин сын / сукины сыновья' и т. д.

⁴⁵ Данное новоперсидское слово является обозначением 'быстроходного верблюда', 'большого верблюда', 'большого животного' и 'большой лошади', по-арабски толкуется как *بعير* 'незрелый молодой верблюд' (Bohān-e Qāte' 1362/1983: с. 2410).

⁴⁶ Однако в санскрите *syūna*- имеет два значения — 'мягкий, нежный' и 'мягкое ложе', ср.: *syūna-kr̥t* 'готовящий мягкое ложе' и *syūna-sī* 'покоящийся на мягком ложе' (см.: Кочергин 1987: 761).

⁴⁷ Х. Хумбах также, вслед за Бейли, отождествляет ср.-перс. *xūn* с санскр. *hūṇa*-, исходя из составного *sr̥t̥ xūn*, для которого имеются аналогии в индийском *sveta-hūṇa*- и греческом *λευκοῖ οὐνοῖ* (Humbach 1969: 36).

⁴⁸ Таким же образом Э. Пирарт объясняет значение авест. *tūra-/tūriia*- «*fils du quatrième*» ('сын четвертого') от авест. *tūriia*-, *tūriia*- 'четвертый' (древнеперсидская форма не засвидетельствована), ср. др.-инд. *turīya*-, *turya*- 'четвертый' (ср. название иранского аррийского племени *хитави*, *хитавенья*, название которого, по-видимому, может переводиться как 'шестой, происходящий от шестого сына; шестерка, объединение шести племен'). Авестийское название племен тура/туирья можно соотносить также с санскр. *turā* 'сильный, крепкий; рьяный; быстрый, скорый', ср.: *turā-ga* 'конь (букв.: быстро идущий)', *turā* 'сила, мощь, победа', *turvāni* 'победоносный'. Из Авесты известны два турских племени: *тура фририя* и *тура данава*, соответственно, туры фририяские, т. е. из рода Фририя (Узбой, Амударья, Маргиана), и туры данайские, т. е. туры бассейна реки Дару (Танаиса/Сырдарья). Этноним тура, как полагает Василий Абаев, засвидетельствован в названии племени тиссагетов (Геродот) с ассимиляцией *rs>ss* от сакского **tuga* + *saka* + показатель множественности *ta*- ('турские саки'), что подтверждается также именем *Thysagetas*, сохранившимся у Валерия Флакка (Абаев 1959: 40).

Хйоны в пехлевийских источниках

О народе хйаона ничего не известно ни из мидийского, ни из ахеменидского периодов истории Ирана. Восточноиранская авестийская эпическая традиция начинает возрождаться, по-видимому, в парфянское время, когда по приказу аршакидского царя Вологеза I была предпринята кампания по сбору и восстановлению священных текстов Авесты (Денкард IV, 16) и эпических сказаний Восточного Ирана. Так, вероятно, в парфянское время было переложено на парфянский язык поэтическое «Сказание о Зарере» («Айадгар и Зареран», в букв. переводе: «Памятная книга, предание о Зарере»), посвященное воспеванию героической войны царя Виштаспа с царем хйонов Арджаспом (Ареджат-аспой) и трагической гибели Зарера (Заириваири), брата Виштаспа и главнокомандующего войсками Эран-шахра. Предположительно в правление сасанидского царя Хосрова Аноширвана (VI в.) «Сказание о Зарере» было переведено на среднеперсидский язык и дошло до нас в пехлевийской зороастрийской редакции. Сюжет сказания охватывает события первого этапа войны хйонов (хйаона)⁴⁹ с иранцами, в результате которого иранцы с трудом и с большими потерями одерживают победу.

Согласно этому преданию, войско Виштаспа сражается с хйонами в области «зороастрийского» Марва (Маргиана), возле «Белой, или светлой, рощи» (Арос-разур, или Арус-разур), а выступает к месту битвы, проходя мимо хребта Сарбурз⁵⁰ (вероятно, горная цепь Альбурз к югу от Балха). Хйаона представлены здесь под названием хйон (ср.-перс. *hyōn*, *хуōn*; пазенд. *haūn*), которое является прямым соответствием авестийскому хйаона.

Упоминания о войне принявшего зороастрийскую религию царя Виштаспы с хйонами (хйаона) содержатся также и в других среднеперсидских сочинениях. Согласно апокалиптическому сочинению «Джамасп-намак» («Книга о пророчествах Джамаспа»), советник царя Виштаспа, прорицатель Джамасп, предсказывая грядущее явление спасителя в центр Эран-шахра, сравнивает его с царем Виштаспом, который воевал с белыми хйонами (*abāg *spēd hyōnān [hrytu hyuwnʔn]*) в «Белой роще» («Спед-разур») (Джамасп-намак: § 96)⁵¹. Постепенно хйоны

⁴⁹ Значительно видоизмененное и переработанное описание первого и второго этапов этой войны сохранилось в «Шахнаме» А. Фирдоуси (частично версия поэта Дакики; см. раздел «Гуштаспнаме»).

⁵⁰ С а р б у р з (*Sar-burz*) — псевдопарфянская форма, ее среднеперсидское соответствие Харбурз (*Har-burz*). Данное предположение принадлежит Давуду Мунши-заде (*Monchi-Zadeh* 1981: 58). По мнению Ньюли, сражение хйонов с эранцами происходит в долине Хомуна, т. е. в Систане. Фраза *dašt ī hāmōn* 'плоская долина, равнина' интерпретируется им как «долина озера Хамун» (*Gnoli* 1980: 134).

⁵¹ «И когда враги узнают об этом, соберутся вместе турки, арабы и ромейцы, и (каждый скажет): „Я захвачу царя Падашхваргара, я заберу это сокровище и богатство у этого человека“ (95). Затем, этот человек, услышав об этом, придет с большим войском и воинством Забула в центр Эран-шахра, и с этими людьми на той равнине, на ко-

превращаются в апокалиптических противников Ирана и ставятся в один ряд с демонами (девами), о чем свидетельствует следующая цитата: «Носители зла, девы и хйоны будут уничтожены подобно тому, как холодной зимой увядают листья деревьев» (ud druwandān ud dēw ud hyōnān ēdōn bē abesīhēnd čiyōn pad zamestān ī sard *warg ī draxtān bē hōšēnd) (Джамасп-намак § 104)⁵².

Традиционной зороастрийской хронологии известно, в каком году произошло нашествие хйонов (хйаона) на царство Виштаспы. Согласно «Антологии жреца Задспрама, сына Джуван-Джама» («Визидагиха-и Задспрам и Джуван-Джам»), это событие произошло спустя тридцать лет после обретения Заратуштрой божественного откровения и за семнадцать лет до смерти Заратуштры. Традиция помнит факт похищения самых благородных девиц царства Эран-дехан (pad sīh sālag rasēnd *hyōn ō Ērān-dēhān [ud] wardag kunēnd ān ī *xūb-tōhmagtar az kanīgān) (Задспрам 23.8), что подтверждается данными авестийского Дрвасп Яшта: хйаонский правитель Ареджат-аспа угнал в плен дочерей Виштаспа Хумайу и Варидкану⁵³ (Яшт 9, 31)⁵⁴.

торой ты, Виштасп, воевал с белыми хйонами в Спед-разуре („Белой роще“), будет сражаться с царем Падашваргара (§ 96). Силою господ и благодатью эранской и Кеянидской, и верою маздаяснийской, благодатью Падашваргара, Михра, Сроша, Рашна, вод, священных и домашних огней, будут вести они ожесточенное сражение (§ 97). И он одержит победу над ними и убьет так много врагов, что их будет невозможно сосчитать» (§ 98) (Джамасп-Намак § 95—98) — Ud ka dušmenān āgāhīh rasēd tūrag ud tāzīg ud hrōmīg ō ham āyēnd kū gīram Padišxwārgar šāh ud stānam ān ganj ud xwāstag az ōy mard. Ud pas ōy mard ka ān āgāhīh ašnawēd abāg was spāh ud gund ī Zāwul ō miyān ī Ērān-šahr āyēd ud abāg awēšān mardōmān pad ān dašt ī tō Wištāsp abāg *spēd ī xuyōnān [hpyty hyuwn²n] pad Spēd-razūr [spytlēwī] kard, abāg Padišxwārgar šāh kōxšīšn ī kārezār frāz kunēnd. Ud pad nērōg ī yazdān ud ērān ud kayān xwarr ud dēn ī māzdēsnañ ud xwarr ī Padišxwārgar ud Mihr ud Srōš ud Rašn ud ābān ud ādurān ud ātaxšān abēr škoft kārezār kunēnd. Ud az awēšān weh āyēd az dušmenān čand be ōzanēd kē marag nē tuwān grift (Jāmāspi 1903: 6—7).

⁵² Этот рассказ из «Джамасп-намака» подкрепляет предположение И. М. Стеблин-Каменского о том, что название враждебного ариям народа хйаона было позднее, в сасанидское время, перенесено на нападавших на Иран с востока хионитов, т. е. именно так называемых «белых гуннов» (Стеблин-Каменский 1990: 173).

⁵³ По версии «Шахнаме» это Хумай и Бехафарид.

⁵⁴ О том, что было увидено перед благодеянием Зардушты и как он, получив откровение от Ормазда, явил мирянам: спустя десять лет Мэдийомах будет обращен в зарослях тростника, которые являются местом (обитания) диких вепрей; спустя двадцать лет будет обращен Кавиг, сын Кунда; спустя тридцать лет нагрянут в Эран-шахр хйоны и возьмут в плен самых благородных девиц; спустя сорок лет родится Вохунем, сын Ороштара; спустя сорок семь лет уйдет Зардушт, которому исполнится семьдесят семь лет и сорок дней, в месяц Ардавахишт, в день Хвар, — в результате смещения на восемь месяцев эта дата перешла к месяцу Дай и дню Хвар, что для богослужения равносильно месяцу Ардавахишт; спустя шестьдесят три года отойдет Фрашоштар; спустя шестьдесят четыре года — Джамасп, который после Зардушты был главным жрецом (букв.: ‘жрецом жрецов’); спустя семьдесят три года — Хангоруш, сын Джамаспа; спустя восемьдесят лет — Асмохванд; спустя восемьдесят лет Кави Ваэпе, которого называют колдуном Ахтом, будет убит (и будут убиты им также) шестеро из великих исповедников веры, в числе которых две дочери Зардушты. чьи имена Фрэн и

Согласно седьмой книге Денкарда («Основы зороастрийской религии»), огонь Ормазда обращается к великому царю Кай Виштаспу (*burzāwand Kay Wištāsp*), чтобы он не боялся, когда к нему нагрянут посланцы Арджаспа (*paugāmbar ī Arjāsp*), два хйона Арджаспа, и требуют выплаты дани и подати (*2 hyōn [ī] Arjāsp kē sāk ud bāj xwāhēnd*) (Денкард VII, 4, 77)⁵⁵. Затем говорится о чудесном уверовании Виштаспа в дэн (религию; священное писание), которое обеспечило ему долгое царствование, несмотря на кровопролитные войны с хйоном Арджаспом (*pad xōn rēzišnīh ī az Arjāsp ī hyōn*), и о даровании победы Виштаспа над Арджаспом и хйонами (*nimūdan ī ō Wištāsp rēgōzīh ī abar Arjāsp ud hyōnān*) (Денкард VII, 4, 83—84). Одним из чудес явилось то, что, когда Виштасп принял дэн и восславил праведность, дэвы в аду освирепели и дэв Хешм набросился на царства хйонские и на злодея хйонского Арджаспа, который в это время был самым сильным тираном (*dēwān andar dōšaxw ayārdīd hēnd ud Xešm dēw ō Hyōnān Dēhān [ud] mar ī hyōn Arjāsp čiyōn andar ān hangām az sāstārān ān mazantom būd dwārīd*), и он прокричал ужаснейшим криком по всему царству хйонскому и спровоцировал их к войне (*u-š andar Hyōnān Dēhān *zištōm wāng *xrōsīd u-šān ō kōšišn sārēnīd*). Хешм не может прийти на помощь Арджаспу в трудную минуту, когда его полчище разбежалось, и говорит: «Злосчастье было с тобой, ибо ты — хйон! И обречен был на поражение после того, как начал войну! (*anāg ašmā būd kē hyōn hēd, pad apērōzgarīh pas āyōzīd*). Теперь вперед! Не бывать тому, чтобы эранцы одержали победу над не-эранцами хйонами! (*az nūn frāz, nē ast kū pērōzīh ī ērān az anērān *hyōnān tarist mad*)». В результате Арджасп исступленно бормочет бесполезные фразы: «Быстро достаньтесь мне, хйонские страны! Быстро достаньтесь

Срид. и Ахлав-студ, сын Мэдийомаха, а имена троих других известны по священному писанию (*дэн*); спустя сто лет от Вохуиема, который родится спустя сорок лет, родится Сэн, и он отойдет спустя двести лет, оставив сто учеников; спустя триста лет день превратится в ночь, и тогда вера (*дэн*) будет разрушена, а государство будет потрясено (Задспрам 23, 8). *Abar az ān ī pčš az nēkih ī Zarduxšt wēnīhisi [ud] čiyōnīh pad nimūdārīh az Ohrmazd ō gēhānīgān nimūd kū pad dah sālag Mēdyōmāh hāxtēd pad naycstān wēšag kē xūg ī warāz gāh; ud pad wist sālag hāxtēd *Kawīg ī Kundā pus; pad sīh sālag rasēnd *hyōn ō Ērān-dēhān [ud] wardag kunēnd ān ī *xūb-tōhmagtar az kanīgān; pad čchel sālag zād *Wohunem ī Ōrōštarān; pad čchel ud haft sālag widerēd Zarduxšt kē bawēd haftād ud haft sāl [ud] čchel rōz Ardwašīst māh Xwar rōz, pad hašt māh *wihēzag ō Day māh ud Xwar rōz barīhist čiyōn yazīšnīg ham Ardwašīst māh; pad šast ud sē sālag Frašōštar be widerēd; pad šast ud čahār [sālag] Jāmāsp čiyōn pas az Zarduxšt mowbedān mowbed būd; pad haftād ud sē sālag Hangōruš ī Jāmāspān pus; pad haštād sālag Asmōxwand; pad haštād sālag Kawī Wačpē ī Axt-iz ī jādūg xwānīhist ōzanīhist [ud] šaš az dēnwarān ī mch ī ast dō *duxt ī Zarduxšt kē-šān nām Frēn ud Srīd ud Ahlaw-stūd ī Mēdyōmāh ud any sē kē-šān nāmčīšt az dēn; pad čk sad sālag az Wohunem kē pad čchel sālag ī dēn zād *Sēn zāyēd ud pad dō sad sālag bē widerēd pad sad-hāwištīh; pad sē sad sālag andar rōz šabīh bawēd pas dēn āšōbīhēd ud xwadāyīh čandīhēd* (ср. также: Gignoux—Tafazzoli 1993).

⁵⁵ В «Сказании о Зарере» даны имена обоих хйонских посланников — это Видрафш и Намхваст.

мне, эранские страны! (u-š ēdōn pad zišt xwadāyīh jōyīd kū tēz ō man ō ham rasēd Hyōn Deh, tēz ō man ō ham rasēd Ēr Deh)» (Денкард VII, 4, 87—90).

В Денкарде также содержалось несколько разделов, посвященных этой теме. О них сохранились только краткие заголовки: «И победа Виштаспа над Арджаспом хйоном и другими не-эранцами в том ужасном сражении, как это проповедано Зардуштом Виштаспу в его откровении, и многое, о чем толкуется в священном откровении» (ud rēgōzīh ī Wištāsp abar Arjāsp hyōn ud abārīg an-ērān pad ān škaft kārezār čiyōn Zarduxšt pad dēn bē ō Wištāsp cāšīd was ī az dēn paydāg) (Денкард: VII, 5, 7). «О таких событиях, как победа Кай Виштаспа и эранцев над Арджаспом и хйонами и другими бесчисленными не-эранцами, обо всем на эту тему, о других избранных сообщениях о Виштаспе и о других предметах, знание о которых необходимо» (čiyōn rēgōzīh ī Kay Wištāsp ud ērān abar Arjāsp ud hyōnān [ud] abārīg an-ērān an-ōšmār, ēk ēk čiš andar ān dar, abārīg wizīdārīh Wištāsp kišwarīgān andar any abāyēd) (Денкард V, 3, 1)

Имеются в Денкарде также и косвенные упоминания войны с Арджаспом. В одном из пассажей говорится о тех, кому обеспечены привилегии при пересечении моста Чинвад. Безусловными привилегиями обладают Виштасп и Заратуштра, лишается их лжец и грешник Арджасп (Денкард IX, 61, 12). Из другого фрагмента становится ясно, что война с Арджаспом завершается для Виштаспа благоприятно. Освободившись от нее, Виштасп направляет послания другим царям, уговаривая их принять новую зороастрийскую религию. Он пытается глубоко распространить ее в своем царстве. С этой целью он посылает братьев Спити и Арезраспа⁵⁶, и других жрецов, в Хванирах изучать язык религии под руководством Фрашоштара (Денкард IV, 21).

В Бундахишне говорится об ином месте сражения Виштаспы с Арджаспом, а именно о бассейне реки Кешеф-руд (Иранский Хорасан). Описание этого места и также его географическая локализация приводятся в главе «О горных вершинах»: «Гору Комэш называют Мад-о-фрайад — та, у которой Виштасп одержал победу над Арджаспом (Kōf ī Kōmēš kōf ī Mad-ō-frayād xwānēnd ān kē-š Wištāsp Arjāsp pad-iš stōwēnīd.). Гора Майан-и-дашт (Mayān-ī-dašt, букв.: 'Сшедшая на середину поля') оторвалась от той горы (32). Говорят, что во время боя за веру (дэи), когда эранцы стали проигрывать, она оторвалась от той горы и сползла к середине поля, благодаря этому эранцы были спасены, и они назвали ее — Мад-о-фрайад (Mad-ō-frayād, букв.: 'Пришла на помощь') (33). Гора Винавад находится там же, где и Пушт-и-Виштаспан (Pušt-ī-Wištāspān, букв.: 'Хребет, спина Виштас-

⁵⁶ Имена жрецов Спити и Арезраспа упоминаются и в Авесте. В мемориальной части Фравардин Яшта почитаются их праведные души: «Мы почитаем праведную душу Спити, сына Успасну, мы почитаем праведную душу Эрезраспы, сына Успасну» (Яшт 13, 121).

па'), в направлении к месту огня Бурзэн-Михр, на расстоянии девяти фрасангов к западу» (Бундахишн 12, 32—34)⁵⁷.

В другом тексте говорится о восьми обитателях Согда, из которых седьмым и восьмым были Лухрасп и царь Виштасп (Sugud (Sugd) ī hašt āšyān ... ud ēk ān ī Luhrāsp ud ēk ān ī Wištāsp-šāh), тем самым делалась попытка локализации местонахождения Виштаспа в Согде (Города Ирана, § 6)⁵⁸.

В среднеиранскую эпоху, особенно в период правления династии Сасанидов в Иране, термин «хйон» ассоциировался уже не только с авестийским племенем хйаона, но также и с кочевыми племенами, воевавшими с Ираном на севере, как в Средней Азии, так и на Кавказе. Термин «хйон» стал обозначать тюрков, гуннов, эфталитов, хионитов и кидаритов.

Поздняя зороастрийская традиция делает Спандйада, сына Виштаспа, современником Сасанидов, ведущим боевые действия одновременно с правителями Тюркского каганата и с царем хйонов Арджаспом. В пехлевийской книге «Города Ирана», составленной зороастрийцами после завоевания Ирана арабами, Спандйаду приписывается основание города Навазаг в Балхе, постройка в нем храма огня Вахрама. Согласно этому преданию, Спандйад бросил там свое копье и отправил оттуда послание Ябгу-хакану, Синджебиг-хакану, Чол-хакану, Гохраму, Тузабу, Арджаспу, царю хйонов, в котором было сказано следующее: «Взгляните на мое копье, сможет ли совершать набеги на Эран-шахр тот, кто увидит, как летит это копье?» (u-š ō *Yabgū-xāgān [ywbh³g³n] ud Sinjēbīg-xāgān [snčy pykh³k³n] ud Čōl-xāgān [čw³lh³k³n] ud wuzurgān (*wuzurg-xāgān) ud Gōhram [gwhlm] ud Tuzāb [twč³p] ud Arjāsp ī hyōnān šāh [rč³sp y hywn³n šh] paygām frēstīd kū nēzag ī man bē nigerēd har kē pad wēzišn ī ēn nēzag nigerēd čē andar ō Ērān-šahr dwārēd) (Города Ирана, § 8—9). Очевидно, что поздняя зороастрийская традиция смешала тюркских правителей эпохи сасанидов с противниками царя Виштаспа — хйонами. Известно, что сасанидский царь Хосров I (Ануширван) заключил военный союз с тюркским ха-

⁵⁷ Andar čiyōnīh ī kōfān: Kōf ī Kōmčš kōf ī Mad-ō-frayād xwānēnd ān kē-š Wištāsp Arjāsp pad-iš stōwēnīd. Kōf ī Mayān-ī-dašt az ān kōf ī ānōh wisist ēstēd. Gōwēnd pad kārczār ī dēn kē stōwīh pad črānagān būd, az ān kōf bē wisist, mayān ī dašt frōd mad, črānagān pad-iš bōxt hēnd, u-šān Mad-ō-frayād xwānēnd. Wināwad kōf pad ham ānōh pad Pušt-ī-Wištāspān, ō mān ī Ādur-Burzēn-Mihr nō frasang ō xwarwarān.

⁵⁸ «Согд восьми обитателей. и в нем было восемь обитателей. Вот те восемь обитателей, которые в нем были: одно Джама, одно Аждахака, одно Фредона, одно Манушчихра, одно Кайуса, одно Кай Хосрова, одно Лухраспа и одно царя Виштаспа» (§ 6) — Sugud (Sugd) ī hašt āšyān u-š hašt āšyānīh andar būd ēd kū hašt āšyān andar būd ēk ān ī Jam ud ēk Azī-Dahāg (Azdahāg) ud ēk ān [ī] Frēdōn ud ēkdk ān ī Manūčīhr ud ēk ān ī Kāyōs ud ēk ān ī Kay Husraw ud ēk ān ī Luhrāsp ud ēk ān ī Wištāsp-šāh [swkwd Y hšt āšy³n P-š hšt āšy³nyh BYN YHWWNt HN³ P³YK hšt āšy³n BYN YHWWNt P³YK ZK Y ym W P³YK P³čy-dh³k W P³YK ZK plytwn W P³YK ZK Y mnwčyhl W P³YK ZK Y k³yws W P³YK ZK Y ky-hwslw' W P³YK ZK Y lwhl³sp W P³YK ZL Y wšt³sp-šh].

ном Синджибу (Силзибулом), чтобы нанести сокрушительное поражение эфталитам (Bivar 1983: 181—231). В результате сражения с эфталитами, проведенного силами ирано-тюркской коалиции после 577 г., государство эфталитов перестало существовать и было поделено между победителями. Области к северу от Амударьи перешли к каганату, а области к югу от этой реки достались Сасанидам.

Легенда о сражениях Спандйада (Исбендиара, сына Йустасфа) с аланами и другими народами на Кавказе, о строительстве им Аланской крепости и взятии города Сифр ('Медного')⁵⁹ (Масуди, со ссылкой на книги «Бинкиш» и «Сагисаран») связана с сасанидской традицией переноса мест священной войны за зороастризм на северо-запад Ирана, точнее, на территории Северной Атропатены и Восточной Армении. Армянские Аршакиды, по-видимому, следуя традиции родственным им парфянских Аршакидов, были склонны называть вторгавшихся из-за Кавказского хребта кочевников, в том числе и гуннов, хонами (honk^c)⁶⁰. Так, в бассейн реки Аракс была перенесена родина пророка Заратуштры; гора Сабалан стала горой откровения⁶¹, а расположенная к северу равнина — Муганской степью (перс. Dašt i Muγān, т. е. «степью магов-зороастрийцев»); один из притоков Аракса получил название реки (вод) Фраздана (арм. Раздан — Hrazdan), у которой Виштаспа совершал жертвоприношения, чтобы одержать победу над противниками, в числе которых были племена хйаона; место заточения Спентодаты царем Виштаспой было ассоциировано с горой Сабалан; парфянские цари совершали жертвоприношения коней на горе Сабалан (Самбулос) громадной статуе Спандиара (Спентодаты)⁶² или Геркулеса (свидетельства Тацита, Григора Магистроса); места сражений с хонами были ассоциированы с предполагаемыми местами сражения с хйаона в окрестностях горы Сабалан: область Арос-пижан ('Белая роща'), вероятно, соотносилась с парфянской Арос-разур ('Белая роща'). Названия остальных областей говорят сами за себя: Ормизд-перож ('Место победы Ормазда'), Хракот-перож ('Место, благоприятствующее побе-

⁵⁹ Перекликается с версией «Шахнаме», где говорится о взятии крепости Руин-деж ('Медная крепость').

⁶⁰ Некоторые вопросы экспансии этих кочевых народов через Кавказ на территории Армении и Северо-Западного Ирана отражены в работах Р. А. Габриеляна и Ю. М. Р. Джафарова (Габриелян 1989; Джафаров 1981).

⁶¹ Армянское название горы Сабалан — Сахварзан (Sahvarzan) — иранского происхождения и может быть связано с иранским словом warz 'чудо; чудесное, божественное событие' (ср.-перс. форма). Наш предположительный перевод со среднеиранского: 'заслуживающая, стоящая чуда, чудесного события'.

⁶² Спандиаду, который выступает уже под именем Аспандиат, совершали жертвоприношения конями в посвященных ему священных рощах также и гунны (хоны, арм. honk^c), с которыми воевали армянские цари на Кавказе: «И еще [совершали гунны жертвоприношения] почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тангри-хану (T^cangrit^c xan), которого персы называют Аспандиат (Aspandēat), приносили в жертву коней на кострах» (Мовсэс Каланкатуаци 1984: XL—XLI).

де'), Спандаран-перож ('Место победы Спандиада')⁶³ (топонимы провинции Пайтакаран, «Армянская география» VII в.)⁶⁴. Согласно «Сказанию о Зарере» и версии «Шахнаме», именно Спентодата (Спандйад, Спандиад, Исфандияр) сыграл решающую роль в победе иранцев над противником, как на первом, так и на втором этапах войны.

Существовала и северо-восточная традиция, которая связывала войны с хйонами (хйаона) с Северо-Восточным Ираном и Средней Азией. По Бундахишну, сражение происходит в историческом Хорасане, в районе хребта Биналуд с вершинами Гунабад и Реванд, между Тусом/Мешхедом и Нишапуром/Фарйумадом. Согласно «Сказанию о Зарере» — в районе Марва (Мерва, Маргианы). Согласно сочинению «Города Ирана» — в Систане, возле Фраздана и города Баст (Буст)⁶⁵, якобы основанного сыном Зарера Бастваром (Города Ирана, § 14). По версии «Шахнаме» — на берегу Джейхуна (Амударьи), причем противники иранцев локализуются в Чине, Халлухе, Чигиле, Ат-баше и Харгахе.

По мнению некоторых исследователей, области военных действий царя Виштаспы (Гуштаспа) с хйонами («тюрками»), судя по версии «Сказания о Зарере» и по версии «Шахнаме», совпадают с маршрутами военной кампании сасанидского царя Варахрана V, Бахрам Гура (420—437), который, по данным Табари и Динавери, разгромил «тюрков» в районе Мерва, убил их кагана и, преследуя до Амударьи, установил границу между ними. Й. Маркварт и Х. Христенсен считали, что этими «тюрками» были хиониты (Гафуров 1989: 248; Marquart

⁶³ Помимо мифа о подвиге Спандиада, этот топоним мог быть связан с военными подвигами исторического военачальника по имени Спандиад времен Аршакидов и Сасанидов. Мог им быть также Спандарат (арм. передача парф. Спандадат) из армяно-парфянского рода Камсараканов, сражавшийся с горцами Кавказа и победивший царя леков (Мовсес Хоренаци 1990: III, 37).

⁶⁴ Топоним Ормизд-перож (Ormizdperož) мы интерпретируем не как попытку увековечения имени царя Перожа/Пероза, а, напротив, как указание на победу сил зороастрийского бога Ахура-Мазды/Ормазда (от ср.-перс. слова p̄rōz/p̄rōzīh 'победа'). Название области Арос-пизан (Arospižan) может быть графически искаженной армянской передачей среднеперсидского *Arōs-wēšag(-ān), что переводится как 'белая, светлая роща' и является безусловным соответствием парфяно-среднеперсидской полумифической местности Arōs-gazūr (Sp̄d-gazūr). Явно искаженное название области Хракот-перож (Hrakotperož) мы связываем с иранским *Frāhat-p̄rōz > *Frādat-p̄rōz 'место, содействующее (благоприятствующее) победе' (локализуется предположительно в Муганской степи). Связь со Спандиатом местности Спандаран-перож (Spandarānperož) очевидна, если предположить исходную иранскую форму этого названия *Spandadātān p̄rōz, которое может переводиться как 'победа Спандадата, место победы Спандадата и его соратников' (с закономерным переходом иранского интервокального -δ- в -г- в армянском).

⁶⁵ В тексте «Сказания о Зарере» речь идет о крепости «Диз-и-Ройен» ('Медной крепости') с железными воротами (*дарбанд аханен*), которую царь Виштасп, выслушав трагические предсказания советника Джамаспа, решает построить, чтобы спасти от гибели своих доблестных принцев. Однако Джамасп убеждает Виштаспа не делать этого, так как некому будет сдерживать границы царства от многочисленных врагов (Сказание о Зарере, § 62—63).

1901: 50—52). Х. Христенсен локализовывал этих хионитов как племя, обитавшее в степях к северу от Мерва (Маргианы).

Наложение разных исторических событий выглядит более очевидным, если привести сообщение одного из армянских историков Себеоса, правда, связанное с походом Бахрама Чубина, который назван в армянском источнике Вахрамом Михревандаком (т. е. из рода Михран, или Михревандак, букв.: «почитателей Михра/Митры»): «В это время главным начальником восточных областей Персидской земли был некто Вахрам Михревандак, который храбро разбил войско теталийцев (эфталитов), силой завоевал Пахл (Балх) и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрот (Амударья), до места под названием Казбион. Он прошел дальше копья храброго Спандиата, про которого варвары говорят, что он, достигнув войной до этого места, воткнул свое копье в землю»⁶⁶ (История епископа Себеоса 1939: VIII). Наличие здесь топонима Казбион, восстанавливаемого Й. Марквартом как иранское Гозбун ('Ореховое дерево; Орешник'), свидетельствует о связи этой легенды о Спандиате с древнеиранским мифом о стрелке Эрексе (Ареше. Арише). По данным авестийского Тиштар Яшта, самый быстрый стрелок из арийцев Эрекса пускает стрелу от горы Арьяхшута до горы Хванвант, подобно тому как летит благодатная звезда Тиштра до моря Ворукаша (Яшт 8, 6—7, 37—38). По позднему преданию, Манучехр и Афрасиаб заключили договор, по которому пределы Ирана и Турана будут определены полетом стрелы. Стрелу выпустил искусный стрелок Ариш, она пролетела огромное расстояние и вонзилась в ореховое дерево (gōzbu). В сочинениях мусульманских авторов Табари, Саалиби и Беруни стрела Ариша летит от Табаристана на восток. По Табари, она достигает Амударьи, по Саалиби — места, называемого Гозбун ('Ореховое дерево'), в местности Хульм области Балха. По Беруни, она летит до крайних пределов Хорасана между Фарганой и Тохаристаном (Пьянков 1982: 26—29).

Намек на выстрел Ареша содержится также в пехлевийском сочинении «Дадестан-и мэног-и храд» («Суждения духа разума», 27, 44): az zamīg ī Padašxwārgār tā bun ī gōzag čiyōn Frāsyāg grift ēstād pad raumān az Frāsyāg abāz stad ō xwēših ī Ērān-šahr āwurd ud abzūdan ī zghēh ī Kayansē čiyōn Frāsyāg bē spurd u-š āb az-iš bē kard: «От земли Падашхваргар до Бун-и Гозаг („Орешника“) территорию, захваченную Фрасьягом, он (Манушчихр) отобрал у Фрасьяга и присоединил к владениям Эран-шахра; и [последовало] увеличение моря Каянсэ, ибо Фрасьяг отступил, и [это] он отвел из него воду». Отмеченное в этом фрагменте bun ī gōzag представляет собой инверсионную передачу того же самого gōzbu 'орехового дерева'. Согласно «Армянской гео-

⁶⁶ По предположению К. Патканяна, копье Спандиата представляло собой, вероятно, нечто вроде каменного столба, обозначавшего издревле границу эфталитов и персов, переступить за которую означало объявить войну.

графии» («Ашхарацуйц»), местность Гозбун входит в состав Арианы (Arik^c), или Арийской стороны⁶⁷, иначе названной как Кусти-Хорасан, хотя название его дошло в искаженном виде — Гозкан (§ 11) или Довбон (§ 26); оба названия, по-видимому, как-то связаны с топонимом Деж-руйин, или Руйин-деж ('Медная крепость')⁶⁸.

Проблема определения противников Сасанидов в Средней Азии является столь же неразрешенной, как и проблема авестийских хйаона. Речь идет о созвучном слову «хйаона» названию загадочных хионитов. Предполагается, что хиониты появились издалека, прошли через Согд и появились в Бактрии уже в середине IV в. н. э. Конкретные сведения о хионитах приводит только римский историк Аммиан Марцеллин (Марцеллин, *Res Gestae* 16, 9, 4; 17, 5, 1). К 347 г. сасанидский царь Шапур II появляется на восточной границе из-за угрозы со стороны хионитов и евсенов (или кушан, как показал Й. Маркварт). Ему удалось заключить союз с «отдаленнейшими народами» хионитами и геланами⁶⁹. В 359 г. хиониты во главе со своим царем Грумбатом⁷⁰ выступают на стороне Шапура II при взятии сирийского города Амида в войне против римского императора Константина II.

По мнению Р. Гиршмана, хионитами являлись эфталиты, так как некоторые легенды на эфталитских монетах содержали надпись HIONO, являющуюся указанием на самоназвание эфталитов, равнозначное ср.-перс. *hyōn* (*хуōn*) 'хйон'. Р. Гиршман ссылался также на один из пассажей из «Иранского Бундахишна» (Большой Бундахишн: 215), в котором говорилось, что «Аношагруван Хусрав (Хосров I Ануширван), сын Кавада, изгнал хйонов (имеются в виду эфталиты), постоянно совершавших набеги на Эран-шахр, закрыл проходы и избавил Эран-шахр от страха» (*Anōšāgruwān Xusraw ī Kawadān ... awēšān hyōnān kē-šān asp-tag ō Erān-šahr hamē kard, spōxt, widarg*

⁶⁷ Следует обратить внимание на то, что этот армянский источник отличает название Ариана (Arik^c) от названия Арии-Харева (Hrev, § 6). Согласно «Армянской географии», Ариана (Кусти Хорасан) простирается к востоку от Мидии и Персии до Индии и Врканского моря, в список ее провинций и областей входят 26 территориальных единиц Северо-Восточного Ирана (Большой Хорасан, исключая области к югу от Харева и Балха).

⁶⁸ Арешу (Эрехше) и Спандйаду стараются подражать не только Сасаниды (Бахрам Чубин); по-видимому, следуя парфянской традиции, им подражают и армянские Аршакиды. Мовсес Хоренаци в главе «О нашем Аршаке Первом и его деяниях», рассказывая о войне царя Аршака, сына Валаршака, с понтийцами, пишет, что он оставил свой знак на берегу большого моря: метнул с пешего положения копье с коническим острием, закаленным в зменной крови, и глубоко всадил его в столп из жернового камня, поставленный им на берегу моря. Речь идет, вероятно, о пограничном столбе. Тот же Аршак воевал также на горах Кавказа и в стране булгаров (Мовсес Хоренаци 1990: II, 9).

⁶⁹ О геланах, хионитах и кушанах в описании Аммиана Марцеллина см. работу Харматты (Harmatta 1985—1988: 43—51).

⁷⁰ Ф. Андреас пытался объяснить имя Грумбата из иранского как «покровительствуемый Бахрамом» (Ghirshman 1948: 117). В этом сражении погибает сын Грумбата. Аммиан Марцеллин описывает погребальный обряд хионитов (19, 1, 7; 10—11; 2, 1).

bast, Erān-šahr abēbīm kard) (Ghirshman 1948: 66, 115)⁷¹. В противовес этому, Р. Гёбль доказал, что чтение Гиршмана ошибочно, так как на легендах дается указание на Алхонидского (ALXONO) правителя Кингила (Felix 1991: 486). Другое мнение принадлежит Е. В. Зеймалю, полагающему, что хионитами были на самом деле кидариты (Зеймаль 1995: 24—29)⁷². Иранский исследователь Р. Энайатоллах считает, что хионитами были, помимо собственно хионитов Аммиана Марцеллина, также кидариты, племена Чола, с которыми воевал Йездигерд II (438—457), и также эфталиты (Enāyatollah 1374/1995: 76—78)⁷³.

Согласно гипотетической реконструкции английского ираниста Г. Бейли, сасанидские персы разделяли хйонов на две группы: «белых» и «красных». Ср.: *spēd huōn 'белые хйоны (белые хиониты)' (Джамасп-намак, § 104; Занд-и Вохуман Ясн = Бахман Яшт II, 49), и *karmīr huōn 'красные хйоны (красные хиониты)' (Занд-и Вохуман Ясн = Бахман Яшт, II, 49)⁷⁴, по пазендской версии хамēга haуūn и spid haуūn 'красные хйоны и белые хйоны' (Bailey 1931: 585; 1943: 1—2; 1954: 13—14). Такая реконструкция согласуется с данными индийских и античных источников. Индийские параллели śveta-hūṇa или sita-hūṇa

⁷¹ В Большом Бундахишне о герое Карсаспе говорится как о турке (туре)-хйоне: tūr(a)k-ē kē huōn хwāpēnd 'тюрк (тур), которого называют хйоном' (Большой Бундахишн, 198) (Bailey 1931: 592).

⁷² Приблизительно с 60-х гг. IV в. иранцы впервые узнают о существовании хионитов-кидаритов. Они, видимо, имели тесные отношения с Шапуром II, Шапуром III (383—388) и Бахрамом IV (389—399). Эфталиты же появляются с 50-х гг. V в. Достоверно известно о поражении Пероза (459—484) от эфталитов с потерей территорий к востоку от Мерва.

⁷³ Обзор истории эфталитов содержится в работе Б. Литвинского (Litvinsky 1996: 135—162), а исследование этнического происхождения эфталитов наиболее подробно проведено в публикациях К. Еноки, который склоняется к Бадахшанской теории их происхождения (Енокі 1998). Исследование и обзор армянских источников о кушанах, хионитах и эфталитах содержится в работах К. Тревер и Л. Тер-Мкртчян (Тревер 1954; Тер-Мкртчян 1979). Обзору проблемы соотношения гунов и хионитов посвящены статьи М. Буссалыи и С. Парлато (Bussagli 1992: 79—99; Parlato 1996: 555—566). Существенным недостатком многих из этих работ является недостаточно четкое и систематизированное представление о данных иранских литературных источников.

Этническое название гунов попадает в иранские языки довольно поздно. Так, в хорезмийском оно засвидетельствовано в одном из документов, обнаруженных при раскопках замка Топрак-кала. По мнению В. Лившица, п.-хор. hwnz^ad^yk 'молодой раб', букв.: 'сын гуна', и hwn^an 'рабыня' возникли, очевидно, позднее, когда на территорию Хорезма стали проникать гуны, и первоначально могли быть обозначениями рабов-военнопленных (ср. перс. هون hūn 'враг') (Лившиц 1984: 267). Также и Р. Фрай полагает, что, независимо от происхождения, слово hūn очень рано стало собирательным обозначением свирепого или страшного для соседей народа (Фрай 1972: 309). Предполагается, что этноним «гунны» засвидетельствован также и в согдийском, слово хwn упоминается в одном из писем, обнаруженных на горе Муг (Henning 1948: 601—615; Grenet 1989: 165—184; Grenet—Sims-Williams 1987: 102—122).

⁷⁴ На настенной росписи Афраснаба (Самарканд) изображено прибытие двух послов, отличающихся цветом кожи: один посол краснолицый, другой — белолицый. По мнению В. А. Лившица, есть основания сопоставлять эти изображения с «красными хионами» и «белыми хионами» (Лившиц 1965: 6).

‘белые гунны’ и *hāra-hūṇa* ‘темные, или красные, гунны’ (*Raghuvamśa, Brhatsaṃhitā*) подразумевают под гуннами эфталитов (Bailey 1954: 15—16).

Прокопий Кесарийский, отличая эфталитов от гуннов, называет их «белыми гуннами» («персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми (*καλοῦμενοι οἱ λευκοὶ Οὐννοὶ*)», «они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле», «среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны видом») (*Bella I, 3, 1—7*).

О кермихионах сообщает Феофан Византийский (fr. 2), что к востоку от Танаиса находятся тюрки, называвшиеся в древности массагетами, на языке персов имя этих тюрков — кермихион (*κερμιχίωνες* ‘красные гунны’, от греч. *κερμ[ρ]* ‘красный’ (Bailey 1946: 782)⁷⁵.

Интересующий нас фрагмент из зороастрийского апокалиптического сочинения Занд-и Вохуман Ясн («Толкование Вохуман Ясны»; Бахман Яшт) выглядит так:

Ud xwadāyīh ud pādixšāyīh ō an-ērān bandagān rasēd čiyōn hyōn [hywn] turk [twlk] ud *xazar⁷⁶ (MSS: [ʔtwl] a-tur) ud tōbīt [twpyt], čiyōn andarag (*awērag⁷⁷ ud) [ʔwdlk/ʔndlgʹ] kōfyār [kwpdʹl] ud čīnīh [čynyh] ud kābulīh [kʰpwlyh] ud *suydīg⁷⁸ [swptyk] ud hrōmāyīg [hlwmʰyyk] ud karmag-raxt⁷⁹ [klmk llt] ud spēd hyōn [spytʹ hywn] pad ēd ērān-dehān ī man pādixšāy bawēnd, framān ud kāmag ī awēšān pad gēhān rawāg bē bawēd.

⁷⁵ Некоторые исследователи полагают, что «красными гуннами» (кермихионами) были именно хиониты. В этом случае определение «красные» вряд ли может иметь отношение к облику, цвету кожи, смуглости или уродству. Хиониты Аммиана Марцелина были белокожими и красивыми. Это явствует из описания сына хионитского царя Грумбата, погибшего при взятии Амиды. Сомнительно также предположение о связи слова «кермихион» с гипотетическим ир. *керм хйон* (правильнее: *карм*, или *кирм*, *хйон*) с названиями племен, указывающих на тотем «червь» (хотя название «кермихион» могло интерпретироваться так в иноязычных источниках, ср. китайское название авар — жуан-жуан, см. подробнее в работе Й. Маркварта (Marquart 1901: 50—54)). Феофан Византийский сообщает также, что в 563 г. в Константинополь пришло посольство от кермихионов, обитающих среди авар (вар), около Океана, под которым имеется в виду Каспийское море. По мнению Л. Гумилева, исконную землю хионитов следует искать именно на северных берегах Каспийского и Аральского морей (Гумилев 1959: 129—140).

⁷⁶ Чтение М. Т. Рашед-Мохасселя (*Rāšcd-Mohassel* 1991: 107], со ссылкой на Х. У. Бейли (Bailey 1943: 1—5). Ранее чтение Х. У. Бейли: «*Hēftar» — «Heftal» (Bailey 1932: 945, com. 3). Все варианты чтения этого, вероятно искаженного, слова сомнительны и должны привлекаться в литературе с соответствующими оговорками.

⁷⁷ Чтение Х. У. Бейли, который интерпретировал это слово как «житель пустыни» (Bailey 1943: 1—5), однако ранее чтение Х. У. Бейли представляется более правильным: «čēgōn andarag kōfdār» — «who are among the mountain-dwellers» (Bailey 1932: 945—955, com. 5).

⁷⁸ Чтение Х. У. Бейли «Suβdīk» — ‘согдийцы’ (Bailey 1932: 945—953, com. 8).

⁷⁹ Х. У. Бейли исправлял на *karmīg hyōn ‘красные хйоны’, исходя из пазендской версии (Bailey 1932: 945—946, com. 2).

И власть и царство достанутся не-эранским слугам, таким как хйоны, турки, хазары, тибетцы; среди которых горцы, китайцы, кабульцы, согдийцы, ромейцы, красно-одежные (по пазендской версии: **красные хйоны**) и **белые хйоны**, (они) будут царствовать над этими моими эранскими странами, их приказы и повеления будут претворяться в жизнь (Занд-и Вохуман Ясн, II, 49).

Ēdōn bē ōzanēnd ān ī awēšān Xešm-tōxmagān sadgānag ud ē hazārgānag ud bēwargānag ud abāz wardēnd. drafš, nīšān, a-mar spāh ī awēšān dēwān ī wizārd warsān bē rasēnd ō ēn ērān-dchān ī man Ohrmazd-dād ud hyōn ī frāx-anīg dušmen turk ud karmīr hād ul-drafš hēnd čē drafš ul gīrēnd hād pad was maragīh ō ērān-dchān ī man Ohrmazd-dād čiyōn buš ī asp bē ēstēnd turk ī dawāl-kustīg hrōmāyag šēdaspih ī kelisyāgīh pad ham-rasišnīh frāz rasēnd.

Так будут убивать тех, происходящих из рода Хешма, сотни раз, тысячи раз и десять тысяч раз, и они вернутся. Знамена, знаки, бесчисленное войско их, дэвов с растрепанными волосами, явятся в эти созданные мною, Ормаздом, эранские страны, и хйоны, враги широкорядные, тюрки и красные⁸⁰ — и они с поднятыми знаменами, ибо держат они знамена высоко, и в бесчисленном множестве (они явятся) в эранские страны, созданные мною, Ормаздом, — (волосы у которых) как гривы конские, тюрки с кожаными ремнями, и ромей, рыжеконные и келисйагские, всем скопом нагрянут.

Согласно апокалиптическим предсказаниям, иранцам предстояло сразиться с ними в трех местах при трех великих битвах (*ardīg ī wuzurg). Первая битва состоялась еще при Кай Кавусе, вторая при царе Виштаспе, когда он принял от Заратуштры священную религию (дэн) и сражался с Арджаспом, порождением Хешма, за веру в «Белой роще». Зороастрийский жрец-комментатор полагает, что это случилось в Парсе (dudīgar ka tō Spitāmān Zarduxšt, dēn padīrifl ud ham-pursagīh ī tō, Wištāsp-šāh ud Arjāsp ī Xešm-wišūd pad kārezār ī dēn pad ham-kōxšišnīh pad Spēd Razūr, hād būd kē andar Pārs guft). Третья битва должна была произойти, когда по завершении тысячелетия Заратуштры все три народа — турки, арабы и ромейцы (византийцы) — придут на равнину Нишанак (ud sidīgar ka hazārag ī tō sar bawēd Spitāmān Zarduxšt, ka ān har sē ō ēd gyāg rasēd ud turk ud tāzīg ud hrōmīg, hād būd kē daštag Nīšānag ī guft).

В конечном итоге, иранцы уничтожат многочисленных злодеев (was marag), происходящих из рода Хешма, рыжеконных, хйонов ши-

⁸⁰ Возможно, имеются в виду византийцы. Ср. предыдущий отрывок: «Ормазд сказал Спитамене Заратуштре: После обозначенного черным знаменем царствования тех, происходящих из рода Хешма и из стран Салма, припрутся друзья рыжеконные и келисйагские — так о них Махвиндад сказал, что это будут ромейцы, а Роши сказал, что они будут в красных шапках, с красным оружием, с красными знаменами, — и таким будет их знамя» (pas az nīšānag ī syā pādixšāyīh az awēšān Xešm-tōxmagān Salmān-dchān druz ī šēdaspih ud kelisyāgīh rasēd hād Māhwīndād guft kū hrōmāyag bawēnd ud Rōšn guft kū suxr kulāh ud suxr zēn ud suxr drafš bawēnd hād ka daxšag ī awēšān bawēd).

‘белые гунны’ и *hāra-hūṇa* ‘темные, или красные, гунны’ (*Raghuvamśa*, *Brhatsamhitā*) подразумевают под гуннами эфталитов (Bailey 1954: 15—16).

Прокопий Кесарийский, отличая эфталитов от гуннов, называет их «белыми гуннами» («персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми (*καλοῦμενοι οἱ λευκοὶ Οὐννοὶ*)», «они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле», «среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны видом») (*Bella I*, 3, 1—7).

О кермихионах сообщает Феофан Византийский (fr. 2), что к востоку от Танаиса находятся тюрки, называвшиеся в древности массагетами, на языке персов имя этих тюрков — кермихион (*керμῆχιωνες* ‘красные гунны’, от греч. *керμ[ρ]* ‘красный’ (Bailey 1946: 782)⁷⁵.

Интересующий нас фрагмент из зороастрийского апокалиптического сочинения Занд-и Вохуман Ясн («Толкование Вохуман Ясны»; Бахман Яшт) выглядит так:

Ud xwadāyīh ud pādixšāyīh ō an-ērān bandagān rasēd čiyōn hyōn
[hywn] turk [twlk] ud *xazar⁷⁶ (MSS: [ʔtwl] a-tur) ud tōbīt [twpyt],
čiyōn andarag (*awērag⁷⁷ ud) [ʔwdlk/ʔndlgʹ] kōfyār [kwpdʹl] ud činīh
[čynyh] ud kābulīh [kʰpwlyh] ud *suydīg⁷⁸ [swptyk] ud hrōmāyīg
[hlwmʰyyk] ud karmag-raxt⁷⁹ [klmk llt] ud spēd hyōn [spytʹ hywn] pad
ēd ērān-dehān ī man pādixšāy bawēnd, framān ud kāmag ī awēšān pad
gēhān rawāg bē bawēd.

⁷⁵ Некоторые исследователи полагают, что «красными гуннами» (кермихионами) были именно хиониты. В этом случае определение «красные» вряд ли может иметь отношение к облику, цвету кожи, смуглости или уродству. Хиониты Аммиана Марцелина были белокожими и красивыми. Это явствует из описания сына хионитского царя Грумбата, погибшего при взятии Амиды. Сомнительно также предположение о связи слова «кермихион» с гипотетическим ир. *керм хйон* (правильнее: *карм*, или *кирм*, *хйон*) с названиями племен, указывающих на тотем «червь» (хотя название «кермихион» могло интерпретироваться так в иноязычных источниках, ср. китайское название авар — жуан-жуан, см. подробнее в работе Й. Маркварта (Marquart 1901: 50—54)). Феофан Византийский сообщает также, что в 563 г. в Константинополь пришло посольство от кермихионов, обитающих среди авар (вар), около Океана, под которым имеется в виду Каспийское море. По мнению Л. Гумилева, исконную землю хионитов следует искать именно на северных берегах Каспийского и Аральского морей (Гумилев 1959: 129—140).

⁷⁶ Чтение М. Т. Рашед-Мохасселя (Rāšed-Mohassel 1991: 107], со ссылкой на Х. У. Бейли (Bailey 1943: 1—5). Ранее чтение Х. У. Бейли: «*Hēftar» — «Heftal» (Bailey 1932: 945, com. 3). Все варианты чтения этого, вероятно искаженного, слова сомнительны и должны привлекаться в литературе с соответствующими оговорками.

⁷⁷ Чтение Х. У. Бейли, который интерпретировал это слово как «житель пустыни» (Bailey 1943: 1—5), однако ранее чтение Х. У. Бейли представляется более правильным: «čēgōn andarak kōfdār» — «who are among the mountain—dwellers» (Bailey 1932: 945—955, com. 5).

⁷⁸ Чтение Х. У. Бейли «Suβōk» — ‘согдийцы’ (Bailey 1932: 945—953, com. 8).

⁷⁹ Х. У. Бейли исправлял на *karmīg hyōn ‘красные хйоны’, исходя из пазендской версии (Bailey 1932: 945—946, com. 2).

И власть и царство достанутся не-эранским слугам, таким как хйоны, турки, хазары, тибетцы; среди которых горцы, китайцы, кабульцы, согдийцы, ромейцы, красно-одежные (по пазендской версии: **красные хйоны**) и **белые хйоны**, (они) будут царствовать над этими моими эранскими странами, их приказы и повеления будут претворяться в жизнь (Занд-и Вохуман Ясн, II, 49).

Ēdōn bē ōzanēnd ān ī awēšān Xešm-tōxmagān sadgānag ud ē hazārgānag ud bēwargānag ud abāz wardēnd. drafš, nīšān, a-mar spāh ī awēšān dēwān ī wizārd warsān bē rasēnd ō ēn ērān-dehān ī man Ohrmazd-dād ud hyōn ī frāx-anīg dušmen turk ud karmīr hād ul-drafš hēnd čē drafš ul gīrēnd hād pad was maragīh ō ērān-dchān ī man Ohrmazd-dād čiyōn buš ī asp bē ēstēnd turk ī dawāl-kustīg hrōmāyag šēdaspīh ī kelisyāgīh pad ham-rasišnīh frāz rasēnd.

Так будут убивать тех, происходящих из рода Хешма, сотни раз, тысячи раз и десять тысяч раз, и они вернутся. Знамена, знаки, бесчисленное войско их, дэвов с растрепанными волосами, явятся в эти созданные мною, Ормаздом, эранские страны, и хйоны, враги широкорядные, тюрки и красные⁸⁰ — и они с поднятыми знаменами, ибо держат они знамена высоко, и в бесчисленном множестве (они явятся) в эранские страны, созданные мною, Ормаздом, — (волосы у которых) как гривы конские, тюрки с кожаными ремнями, и ромеи, рыжеконные и келисайские, всем скопом нагрянут.

Согласно апокалиптическим предсказаниям, иранцам предстояло сразиться с ними в трех местах при трех великих битвах (*ardīg ī wuzurg). Первая битва состоялась еще при Кай Кавусе, вторая при царе Виштаспе, когда он принял от Заратуштры священную религию (дэн) и сражался с Арджаспом, порождением Хешма, за веру в «Белой роще». Зороастрийский жрец-комментатор полагает, что это случилось в Парсе (dudīgar ka tō Spitāmān Zarduxšt, dēn padīrifl ud ham-pursagīh ī tō, Wištāsp-šāh ud Arjāsp ī Xešm-wišūd pad kārezār ī dēn pad ham-kōxšīšnīh pad Spēd Razūr, hād būd kē andar Pārs guft). Третья битва должна была произойти, когда по завершении тысячелетия Заратуштры все три народа — турки, арабы и ромейцы (византийцы) — придут на равнину Нишанак (ud sidīgar ka hazārag ī tō sar bawēd Spitāmān Zarduxšt, ka ān har sē ō čd gyāg rasēd ud turk ud tāzīg ud hrōmīg, hād būd kē daštag Nīšānag ī guft).

В конечном итоге, иранцы уничтожат многочисленных злодеев (was marag), происходящих из рода Хешма, рыжеконных, хйонов ши-

⁸⁰ Возможно, имеются в виду византийцы. Ср. предыдущий отрывок: «Ормазд сказал Спитама Заратуштре: После обозначенного черным знаменем царствования тех, происходящих из рода Хешма и из стран Салма, припрутся друзы рыжеконные и келисайские — так о них Махвиндад сказал, что это будут ромейцы, а Рошн сказал, что они будут в красных шапках, с красным оружием, с красными знаменами, — и таким будет их знак» (pas az nīšānag ī syā pādixšāyīh az awēšān Xešm-tōhmagān Salmān-dchān druz ī šēdaspīh ud kelisyāgīh rasēd hād Māhwīndād guft kū hrōmāyag bawēnd ud Rōšn guft kū suxr kulāh ud suxr zēn ud suxr drafš bawēnd hād ka daxšag ī awēšān bawēd).

‘белые гунны’ и *hāra-hūṇa* ‘темные, или красные, гунны’ (*Raghuvamśa*, *Brhatsaṃhitā*) подразумевают под гуннами эфталитов (Bailey 1954: 15—16).

Прокопий Кесарийский, отличая эфталитов от гуннов, называет их «белыми гуннами» («персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми (*καλοῦμενοι οἱ λευκοὶ Οὔννοι*)», «они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле», «среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны видом») (*Bella I*, 3, 1—7).

О кермихионах сообщает Феофан Византийский (fr. 2), что к востоку от Танаиса находятся тюрки, называвшиеся в древности массагетами, на языке персов имя этих тюрков — кермихион (*κερμιχίωνες* ‘красные гунны’, от греч. *κερμι*[ρ] ‘красный’ (Bailey 1946: 782)⁷⁵.

Интересующий нас фрагмент из зороастрийского апокалиптического сочинения Занд-и Вохуман Ясн («Толкование Вохуман Ясны»; Бахман Яшт) выглядит так:

Ud xwadāyīh ud pādixšāyīh ō an-ērān bandagān rasēd čiyōn hyōn [hywn] turk [twlk] ud *xazar⁷⁶ (MSS: [ʔwl] a-tur) ud tōbīt [twpyt], čiyōn andarag (*awērag⁷⁷ ud) [ʔwɔlk/ʔndlgʔ] kōfyār [kwpdʔl] ud čīnīh [čyɔnyh] ud kābulīh [kʔpwlyh] ud *suydīg⁷⁸ [swpytk] ud hrōmāyīg [hlwmʔyyk] ud karmag-raxt⁷⁹ [klmk lht] ud spēd hyōn [spytʔ hywn] pad ēd ērān-dehān ī man pādixšāy bawēnd, framān ud kāmag ī awēšān pad gēhān rawāg bē bawēd.

⁷⁵ Некоторые исследователи полагают, что «красными гуннами» (кермихионами) были именно хиониты. В этом случае определение «красные» вряд ли может иметь отношение к облику, цвету кожи, смуглости или уродству. Хиониты Аммиана Марцелина были белокожими и красивыми. Это явствует из описания сына хионитского царя Грумбата, погибшего при взятии Амиды. Сомнительно также предположение о связи слова «кермихион» с гипотетическим ир. *керм хйон* (правильнее: *карм*, или *кирм*, *хйон*) с названиями племен, указывающих на тотем «червь» (хотя название «кермихион» могло интерпретироваться так в иноязычных источниках, ср. китайское название авар — жуан-жуан, см. подробнее в работе Й. Маркварта (Marquart 1901: 50—54)). Феофан Византийский сообщает также, что в 563 г. в Константинополь пришло посольство от кермихионов, обитающих среди авар (вар), около Океана, под которым имеется в виду Каспийское море. По мнению Л. Гумилева, исконную землю хионитов следует искать именно на северных берегах Каспийского и Аральского морей (Гумилев 1959: 129—140).

⁷⁶ Чтение М. Т. Рашед-Мохасселя (Rāšcd-Mohassel 1991: 107], со ссылкой на Х. У. Бейли (Bailey 1943: 1—5). Ранее чтение Х. У. Бейли: «*Hēftar» — «Heftal» (Bailey 1932: 945, com. 3). Все варианты чтения этого, вероятно искаженного, слова сомнительны и должны привлекаться в литературе с соответствующими оговорками.

⁷⁷ Чтение Х. У. Бейли, который интерпретировал это слово как «житель пустыни» (Bailey 1943: 1—5), однако ранее чтение Х. У. Бейли представляется более правильным: «ččgōn andarag kōfdār» — «who are among the mountain—dwellers» (Bailey 1932: 945—955, com. 5).

⁷⁸ Чтение Х. У. Бейли «Suβdīk» — ‘согдийцы’ (Bailey 1932: 945—953, com. 8).

⁷⁹ Х. У. Бейли исправлял на *karmīg hyōn ‘красные хйоны’, исходя из пазендской версии (Bailey 1932: 945—946, com. 2).

И власть и царство достанутся не-эранским слугам, таким как хйоны, турки, хазары, тибетцы; среди которых горцы, китайцы, кабульцы, согдийцы, ромейцы, красно-одежные (по пазендской версии: красные хйоны) и белые хйоны, (они) будут царствовать над этими моими эранскими странами, их приказы и повеления будут претворяться в жизнь (Занд-и Вохуман Ясн, II, 49).

Ēdōn bē ōzanēnd ān ī awēšān Xešm-tōxmagān sadgānag ud ē hazārgānag ud bēwargānag ud abāz wardēnd. drafš, nīšān, a-mar spāh ī awēšān dēwān ī wizārd warsān bē rasēnd ō ēn ērān-dehān ī man Ohrmazd-dād ud hyōn ī frāx-anīg dušmen turk ud karmīr hād ul-drafš hēnd cē drafš ul gīrēnd hād pad was maragīh ō ērān-dehān ī man Ohrmazd-dād čiyōn buš ī asp bē ēstēnd turk ī dawāl-kustīg hrōmāyag šēdaspīh ī kelisyāgīh pad ham-rasišnīh frāz rasēnd.

Так будут убивать тех, происходящих из рода Хешма, сотни раз, тысячи раз и десять тысяч раз, и они вернутся. Знамена, знаки, бесчисленное войско их, дэвов с растрепанными волосами, явятся в эти созданные мною, Ормаздом, эранские страны, и хйоны, враги широкорядные, турки и красные⁸⁰ — и они с поднятыми знаменами, ибо держат они знамена высоко, и в бесчисленном множестве (они явятся) в эранские страны, созданные мною, Ормаздом, — (волосы у которых) как гривы конские, турки с кожаными ремнями, и ромей, рыжеконные и келисйагские, всем скопом нагрянут.

Согласно апокалиптическим предсказаниям, иранцам предстояло сразиться с ними в трех местах при трех великих битвах (*ardīg ī wuzurg). Первая битва состоялась еще при Кай Кавусе, вторая при царе Виштаспе, когда он принял от Заратуштры священную религию (дэн) и сражался с Арджаспом, порождением Хешма, за веру в «Белой роще». Зороастрийский жрец-комментатор полагает, что это случилось в Парсе (dudīgar ka tō Spitāmān Zarduxšt, dēn padīrifi ud ham-pursagīh ī tō, Wištāsp-šāh ud Arjāsp ī Xešm-wišūd pad kārezār ī dēn pad ham-kōxšīšnīh pad Spēd Razūr, hād būd kē andar Pārs guft). Третья битва должна была произойти, когда по завершении тысячелетия Заратуштры все три народа — турки, арабы и ромейцы (византийцы) — придут на равнину Нишанак (ud sidīgar ka hazārag ī tō sar bawēd Spitāmān Zarduxšt, ka ān har sē ō cēd gyāg rasēd ud turk ud tāzīg ud hrōmīg, hād būd kē daštag Nīšānag ī guft).

В конечном итоге, иранцы уничтожат многочисленных злодеев (was marag), происходящих из рода Хешма, рыжеконных, хйонов ши-

⁸⁰ Возможно, имеются в виду византийцы. Ср. предыдущий отрывок: «Ормазд сказал Спитама Заратуштре: После обозначенного черным знаменем царствования тех, происходящих из рода Хешма и из стран Салма, припрутся друзья рыжеконные и келисйагские — так о них Махвиндад сказал, что это будут ромейцы, а Роин сказал, что они будут в красных шапках, с красным оружием, с красными знаменами, — и таким будет их знаю» (pas az nīšānag ī syā pādixšāyih az awēšān Xešm-tōxmagān Salmān-dchān druz ī šēdaspīh ud kclisyāgīh rasēd hād Māhwindād guft kū hrōmāyag bawēnd ud Rōšn guft kū suxr kulāh ud suxr zēn ud suxr drafš bawēnd hād ka daxšag ī awēšān bawēd).

‘белые гунны’ и *hāra-hūṇa* ‘темные, или красные, гунны’ (*Raghuvamśa*, *Brhatsaṃhitā*) подразумевают под гуннами эфталитов (Bailey 1954: 15—16).

Прокопий Кесарийский, отличая эфталитов от гуннов, называет их «белыми гуннами» («персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов, которых называют белыми (*καλοῦμενοι οἱ λευκοὶ Οὐννοὶ*)», «они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле», «среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны видом») (Bella I, 3, 1—7).

О кермихионах сообщает Феофан Византийский (fr. 2), что к востоку от Танаиса находятся тюрки, называвшиеся в древности массагетами, на языке персов имя этих тюрков — кермихион (*κερμιχίωνες* ‘красные гунны’, от греч. *κερμι[ρ]* ‘красный’ (Bailey 1946: 782)⁷⁵.

Интересующий нас фрагмент из зороастрийского апокалиптического сочинения Занд-и Вохуман Ясн («Толкование Вохуман Ясны»; Бахман Яшт) выглядит так:

Ud xwadāyīh ud pādixšāyīh ō an-ērān bandagān rasēd čiyōn hyōn [hywn] turk [twlk] ud *xazar⁷⁶ (MSS: [ʔwl] a-tur) ud tōbīt [twpyt], čiyōn andarag (*awērag⁷⁷ ud) [ʔwdlk/ʔndlgʰ] kōfyār [kwpdʰl] ud čīnīh [čynyh] ud kābulīh [kʰpwlyh] ud *suydīg⁷⁸ [swptyk] ud hrōmāyīg [hlwmʰyyk] ud karmag-raxt⁷⁹ [klmk lht] ud spēd hyōn [spytʰ hywn] pad ēd ērān-dehān ī man pādixšāy bawēnd, framān ud kāmag ī awēšān pad gēhān rawāg bē bawēd.

⁷⁵ Некоторые исследователи полагают, что «красными гуннами» (кермихионами) были именно хиониты. В этом случае определение «красные» вряд ли может иметь отношение к облику, цвету кожи, смуглости или уродству. Хиониты Аммиана Марцелина были белокожими и красивыми. Это явствует из описания сына хионитского царя Грумбата, погибшего при взятии Амиды. Сомнительно также предположение о связи слова «кермихион» с гипотетическим ир. *керм хйон* (правильнее: *карм*, или *кирм*, *хйон*) с названиями племен, указывающих на тотем «червь» (хотя название «кермихион» могло интерпретироваться так в иноязычных источниках, ср. китайское название авар — жуан-жуан, см. подробнее в работе Й. Маркварта (Marquart 1901: 50—54)). Феофан Византийский сообщает также, что в 563 г. в Константинополь пришло посольство от кермихионов, обитающих среди авар (вар), около Океана, под которым имеется в виду Каспийское море. По мнению Л. Гумилева, исконную землю хионитов следует искать именно на северных берегах Каспийского и Аральского морей (Гумилев 1959: 129—140).

⁷⁶ Чтение М. Т. Рашед-Мохасселя (Rāšcd-Mohassel 1991: 107], со ссылкой на Х. У. Бейли (Bailey 1943: 1—5). Ранее чтение Х. У. Бейли: «*Hēftar» — «Hēftal» (Bailey 1932: 945, com. 3). Все варианты чтения этого, вероятно искаженного, слова сомнительны и должны привлекаться в литературе с соответствующими оговорками.

⁷⁷ Чтение Х. У. Бейли, который интерпретировал это слово как «житель пустыни» (Bailey 1943: 1—5), однако ранее чтение Х. У. Бейли представляется более правильным: «čēgōn andarag kōfdār» — «who are among the mountain—dwellers» (Bailey 1932: 945—955, com. 5).

⁷⁸ Чтение Х. У. Бейли «Suβdīk» — ‘содийцы’ (Bailey 1932: 945—953, com. 8).

⁷⁹ Х. У. Бейли исправлял на *karmīg hyōn ‘красные хйоны’, исходя из пазендской версии (Bailey 1932: 945—946, com. 2).

И власть и царство достанутся не-эранским слугам, таким как хйоны, турки, хазары, тибетцы; среди которых горцы, китайцы, кабульцы, согдийцы, ромейцы, красно-одежные (по пазендской версии: красные хйоны) и белые хйоны, (они) будут царствовать над этими моими эранскими странами, их приказы и повеления будут претворяться в жизнь (Занд-и Вохуман Ясн, II, 49).

Ēdōn bē ōzanēnd ān ī awēšān Xešm-tōxmagān sadgānag ud ē hazārgānag ud bēwargānag ud abāz wardēnd. drafš, nīšān, a-mar spāh ī awēšān dēwān ī wizārd warsān bē rasēnd ō ēn ērān-dehān ī man Ohrmazd-dād ud hyōn ī frāx-anīg dušmen turk ud karmīr hād ul-drafš hēnd cē drafš ul gīrēnd hād pad was maragīh ō ērān-dehān ī man Ohrmazd-dād čiyōn buš ī asp bē ēstēnd turk ī dawāl-kustīg hrōmāyag šēdaspih ī kelisyāgīh pad ham-rasišnīh frāz rasēnd.

Так будут убивать тех, происходящих из рода Хешма, сотни раз, тысячи раз и десять тысяч раз, и они вернутся. Знамена, знаки, бесчисленное войско их, дэвов с растрепанными волосами, явятся в эти созданные мною, Ормаздом, эранские страны, и хйоны, враги широкорядные, тюрки и красные⁸⁰ — и они с поднятыми знаменами, ибо держат они знамена высоко, и в бесчисленном множестве (они явятся) в эранские страны, созданные мною, Ормаздом, — (волосы у которых) как гривы конские, тюрки с кожаными ремнями, и ромей, рыжеконные и келисйагские, всем скопом нагрянут.

Согласно апокалиптическим предсказаниям, иранцам предстояло сразиться с ними в трех местах при трех великих битвах (*ardīg ī wuzurg). Первая битва состоялась еще при Кай Кавусе, вторая при царе Виштаспе, когда он принял от Заратуштры священную религию (дэн) и сражался с Арджаспом, порождением Хешма, за веру в «Белой роще». Зороастрийский жрец-комментатор полагает, что это случилось в Парсе (dudīgar ka tō Spitāmān Zarduxšt, dēn padīrifl ud ham-pursagīh ī tō, Wištāsp-šāh ud Arjāsp ī Xešm-wišūd pad kārezār ī dēn pad ham-kōxšīšnīh pad Spēd Razūr, hād būd kē andar Pārs guft). Третья битва должна была произойти, когда по завершении тысячелетия Заратуштры все три народа — турки, арабы и ромейцы (византийцы) — придут на равнину Нишанак (ud sidīgar ka hazārag ī tō sar bawēd Spitāmān Zarduxšt, ka ān har sē ō ēd gyāg rasēd ud turk ud tāzīg ud hrōmīg, hād būd kē daštag Nīšānag ī guft).

В конечном итоге, иранцы уничтожат многочисленных злодеев (was marag), происходящих из рода Хешма, рыжеконных, хйонов ши-

⁸⁰ Возможно, имеются в виду византийцы. Ср. предыдущий отрывок: «Ормазд сказал Спитама Заратуштре: После обозначенного черным знаменем царствования тех, происходящих из рода Хешма и из стран Салма, припрутся друзья рыжеконные и келисйагские — так о них Махвиндад сказал, что это будут ромейцы, а Рошн сказал, что они будут в красных шапках, с красным оружием, с красными знаменами, — и таким будет их знаю» (pas az nīšānag ī syā pādixšāyīh az awēšān Xešm-tōhmagān Salmān-dehān druz ī šēdaspih ud kclisyāgīh rasēd hād Māhwindād guft kū hrōmāyag bawēnd ud Rōšn guft kū suxr kulāh ud suxr zēn ud suxr drafš bawēnd hād ka daxšag ī awēšān bawēd).

рокорядных, волков двуногих и дэвов с кожаными ремнями (хеšm-tōhmagān ī šēdaspīh hyōn ī frāx-anīg dām, gurg ī dō-zang ud dēw ī dawāl-kustīg). Они трижды сразятся на берегу Арванда (pad arwand bār sē karezār kunēnd), однажды в «Белой роще» (Spēd-Razūr), потом на равнине Нишанак и наконец у озера трех народов, которое, говорят, расположено в Мерве Шэдан⁸¹ (war ī sē tōhmag, būd kē guft kū andar Marw ī Šēdān).

Неслучайно, что хйоны названы здесь словом frāx-anīg 'с широкими рядами; с широкими лицами/лбами'⁸². Мы по-прежнему сталкиваемся с обычным смешением этнических названий и исторических событий, которое присуще пехлевийской-зороастрийской литературе. Речь одновременно идет об авестийском народе хйаона и о среднеазиатских противниках Сасанидского Ирана — хйонах, под которыми скрываются хиониты, кидариты, эфталиты⁸³ и тюрки.

Хйоны/хйаона с широкими рядами, колоннами войск (ср. авест. *haēna- pərəθu.ainika-* 'вражеское войско с широкими рядами') — образ, хорошо известный еще из Авесты. Заключительный раздел Ардвисур Яшта (Яшт 5, 130—132) поразительно перекликается с приведенными фрагментами из пехлевийского сочинения «Занд-и Вохуман Ясн». Сказитель и жрец из окружения царя Виштаспа, прославляя героические жертвоприношения, совершенные кланом Виштаспы во время войны с хйаона, просит богиню Ардвисуру Анахиту даровать ему для войны с противником два символических создания (*diua auruaṇta yāsāmi*), одним из которых был бы «двуногий смельчак», т. е. благочестивый воин (*yimca bipaitištānəm auruaṇtəm*), быстро нападаю-

⁸¹ Слово «шэд/шэдан» может переводиться как 'царственный; великолепный; блистающий'. или как 'рыжеконный'.

⁸² Ср. авест. *ainikō* 'лицо', инд. *anika* — 'лицо, фасад; середина; острие, край; шеренга, строй; войско', курд. *spī* «*ibid.*».

⁸³ В одном из древнеармянских источников, а именно в историческом сочинении «История дома Арцруни» Товмы Арцруни (IX—X вв.), содержится глава, посвященная Зороастру и царю эфталитов Манитопу: «Об Ассирийском царстве и о том, как Зороастр (Зрадашт) и Манитоп стали правителями восточных стран, и об их абсурдных учениях». В этой главе излагается ассирийский миф о Зороастре: сын Семирамиды (Шамирам) Нин сверг с ассирийского престола Зороастра, царя бактрийцев и мидийцев, прогнал его до границ эфталитов и стал управлять Хужастаном, восточными краями, Персией, Балхом (*Bahkh*), Делуханом, Командой (*Govmayid*), Гузбаном, Шери-Бамаканом, Хочихристаном и всеми странами вплоть до Индийского моря. После своей смерти власть он передал Семирамиде, которая сломила враждебность Зороастра. Тем не менее, Зороастр владел восточными областями Персии и больше не нападал на Ассирию. Описав учение Зороастра, Товма Арцруни приступает к описанию доктрины царя эфталитов Манитопы, имя и учение которого навеяны, скорее всего, образом египетского жреца и писателя Манефона из Гелиополя: Однако Манитоп, царь эфталитов, утверждает, что огонь создан не Ормаздом, а природой, и т. д. Возможно, что мифологическая синхронизация эпохи Зороастра с правлением царя эфталитов носит отпечаток представления о противниках Заратуштры и царя Виштаспа — племенах хйаона, среднеперсидское название которых (хйон) распространилось в сасанидское время и на исторических эфталитов.

щий (*yō aṣhaṭ āsuš uzgastō*) и хорошо ведущий колесницу во время сражения (*huṣraourvaēsō vāšā rəšanaēšusa*). Другим — «храбрый четырехногий скакун», т. е. благочестивый боевой конь (*aom bipaitištānəm aruuaṇtəm*), который разрывает все два крыла (*va uruuaēsaiiaṭ karana*) широкорядного вражеского войска (*yō haēnaiiā rəṣədu.ainikaiiā*), слева и справа (*hōiīmtsa dašīnəmtsa*), справа и слева (*dašīnəmtsa hōiīmtsa*).

Имела ли место искусственная деформация головы у древних хйаона и у более поздних хионитов — вопрос не совсем ясный. Как авестийские хйаона, так и противники Сасанидов — красные и белые хйоны наделены эпитетом *fṛāx-anīg* (от авест. *rəṣədu.ainika*), возможно, имеющим противоречивые толкования. Так, в Ардвисур Яште авестийское выражение *haēna rəṣədu.ainika*, исходя из контекста, должно переводиться как 'вражеское войско с широкими рядами' (Яшт 5, 130—132), хотя первоначальным его значением может быть 'широколицый; широколобый, имеющий широкое лицо или широкий лоб'.

Разумеется, определение этнической принадлежности остающихся до сих пор загадочными авестийских хйаона и поздних хионитов не являлось целью и задачей данного исследования. Мы всего лишь попытались показать, какое на самом деле значительное место заняли племена, имевшие этноним «хйаона», в древнеиранской литературе, в частности в основном источнике — Авесте, и какое отражение получили события, связанные с ними, в более позднюю среднеиранскую эпоху.

Ошибочное отождествление хйаона с поздними хионитами⁸⁴ и необоснованное предположение об интерполировании этого слова в текст Авесты вместо известного этнического названия «тура» (туры) привело к стагнации этого раздела иранистики, что подтверждается отсутствием каких бы то ни было специальных исследований и сознательным искажением содержания текста Авесты в некоторых связанных с этой темой научных работах. Иранисты новейшего времени, такие как Г. Бейли и Г. Ньюли, уже не подвергали сомнению достоверность текста этих частей Авесты. Г. Ньюли и Р. Фрай (Gnoli 1980: 119; Frye 1996: 168—180)⁸⁵ рассматривают названия племен хйаона и хио-

⁸⁴ В частности, этого мнения придерживались многие иранисты конца XIX и начала XX в., например Ж. Дармстетер (*Zend-Avesta* 1884), Х. Бартоломе (*Bartholomae* 1904: 1858), Й. Маркварт (*Marquart* 1901: 50—54), А. Христensen (*Christensen* 1931: 157), А. Пальяро (*Pagliari* 1931) и другие.

⁸⁵ Р. Фрай, рассматривая соотношение гунов с хионитами, приходит к выводу, что наличие авестийского этнонима «хйаона» вносит серьезные проблемы в это соотношение, ибо слово «хйаона» гораздо древнее алтайского этнонима «гуины» (Frye 1996: 170). Другой этноним, *Hunoi*, упоминаемый в «Географии» Птолемея (XI, 5, 25), может свидетельствовать о том, что существовали этнические названия, близкие по звучанию к гунам, которые не следует обязательно связывать с последними. В этой связи уместно привести здесь одно из предположений Л. Н. Гумилева, который полагал, что кермихионы Феофана Византийского являются хионитами, названными в китайских источниках народом хуни. Как уверяет Л. Н. Гумилев, китайские источники

нитов, по аналогии с турами и тюрками, как наложение более древнего этнонима на более поздних носителей (в первом случае соотношение этнонимов лингвистически обоснованно, во втором является соотношением исключительно по созвучию).

Как показывает Авеста, основным противником ариев Виштаспы в эпоху Заратуштры, сменив собой туров, становятся племена хйаона. Хйаона представляются ираноязычным народом и, возможно, предком одного из сакских племен Средней Азии. В среднеиранскую эпоху, как при парфянских Аршакидах, так и при персах-Сасанидах, этноним «хйаона», в среднеперсидском произношении «хйон», превращается, по-видимому, в собирательное название целого ряда кочевых племен Средней Азии и отчасти Северного Кавказа, вторгавшихся в Иран с севера. Одно или два таких племени также получили название «хйоны». Этот факт и нашел отражение в исторических трудах античных писателей (хиониты Аммиана Марцеллина, кермихионы Феофана Византийского).

Литература

Абаев 1956: *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // АОГ. XXIV/1. P. 23—56.

Абаев 1974: *Абаев В. И.* Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования. М. С. 310—321.

Абаев 1975: *Абаев В. И.* Зороастр и скифы // АсГр. 6. P. 1—12.

Абаев 1990: *Абаев В. И.* Два зороастризма в Иране (Иран Восточный — Иран Западный. Два лица одной этнической культуры) // ВДИ. № 4. С. 198—207.

Амбарцумян 1997: *Амбарцумян А. А.* К проблеме датировки первой битвы иранцев с хйаона (конец VII в. до н. э.) // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки: ТД. СПб. С. 3—9.

Амбарцумян 2000: *Амбарцумян А. А.* К вопросу о характере парфянского зороастризма (по материалам некоторых парфянских и среднеперсидских источников) // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). Ашгабат; СПб. С. 90—95.

Армянская география 1877: *Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Текст и пер. с присовокуплением карт и объяснительных примеч. издал К. П. Патканов.* СПб.

отделяют хуни от хунну (гуннов). Хуни проживали рядом с племенем вар между Аральским и Каспийским морями (Гумилев 1959: 129—140). Если предположить, что так называемые «хуни» действительно отличались от гуннов и были ираноязычными, то тогда их предками могли быть племена хйаона. Однако предположение Л. Н. Гумилева не имеет пока более веских подтверждений.

Другое предположение является, как нам представляется, еще более фантастичным. Один из исследователей попытался связать происхождение греческих мифов об Эя (Эея; Aia) и эянах с энианами Страбона (XI, 7, 1) и авестийскими хйаона (Алlep 1959: 39—40). Следует признать, что такие аналогии носят скорее поверхностный характер. Эя — мифическая страна на восточном побережье Черного моря, а энианы Страбона жили на побережье Каспийского моря рядом с витиями и анариками.

Габриелян 1989: *Габриелян Р. А.* Армяно-аланские отношения (I—X вв.). Ереван.

Гафуров 1989: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. 2-е изд. Кн. 1. Душанбе.

Гумилев 1959: *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в // ВДИ. № 1. С. 129—140.

Дьяконов 1971: *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М. С. 122—154.

Джафаров 1981: *Джафаров Ю. М. Р.* Гунны и Азербайджан: АКД. Баку.

Зеймаль 1995: *Зеймаль Е. В.* К хронологии кидаритов // Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина (21.I.1938—10.IV.1984). СПб. С. 24—29.

История епископа Себеоса 1939: История епископа Себеоса / Пер. с 4-го испр. арм. издания Ст. Малхасянц. Ереван.

История императора Иракла 1862: История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканяна. СПб.

Кочергин 1987: *Кочергин В. А.* Санскритско-русский словарь. М.

Лелеков 1979: *Лелеков Л. А.* Ранние формы иранского эпоса // НАА. № 3. М. С. 173—188.

Лившиц 1965: *Лившиц В. А.* Надписи на фресках Афрасиаба // ТД сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л. С. 6.

Лившиц 1984: *Лившиц В. А.* Документы // Топрак-кала. Дворец. М. С. 251—286.

Мовсес Хоренаци 1990: Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм., введ. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван.

Мовсэс Каланкатуаци 1984: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван.

Прокопий Кесарийский 1993: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья, коммент. А. А. Чекаловой. М.

Пьянков 1982: *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе.

Стеблин-Каменский 1990: Авеста. Избранные гимны / Пер. с авест. и коммент. И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе.

Тер-Мкртчян 1979: *Тер-Мкртчян Л. Х.* Армянские источники о Средней Азии V—VII вв. М.

Тревер 1954: *Тревер К. В.* Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии) // СА. Т. XXI. С. 131—147.

Фирдоуси 1967: Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. VI / Сост. текста М.-Н. О. Османов; Под ред. А. Нушина. М.

Фрай 1972: *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.

Allen 1959: *Allen W. E. D.* Ex Ponto III and IV // *Bedi Karthlisa*. Т. 32—33. P. 39—40.

Altheim 1959: *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. I. Berlin.

Avesta 1886—1895: Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Im Auftrag der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien / Hrsg. von K. F. Geldner. Bd. I—III. Stuttgart.

Bailey 1931: *Bailey H. W.* To the Zamasp-Namak II // *BSOAS*. Vol. VI/3. P. 581—600.

- Bailey 1932: *Bailey H. W.* Iranian Studies [I] // BSOAS. Vol. VI/4. P. 945—955.
- Bailey 1943: *Bailey H. W.* Iranica // BSOAS. Vol. XI/1. P. 1—5.
- Bailey 1946: *Bailey H. W.* Gāndhārī // BSOAS. Vol. XI/4. P. 764—797.
- Bailey 1954: *Bailey H. W.* Hārahūpa // Asiatica: Festschrift Friedrich Weller zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern. Leipzig. P. 12—21.
- Bailey 1972: *Bailey H. W.* Hyaona- // Indo-Celtica. Gedächtnisschrift für Alf Sommerfelt. München. P. 18—28.
- Bartholomae 1904: Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg.
- Bivar 1983: *Bivar A. D. H.* The History of Eastern Iran // CHI 3 (1). P. 181—231.
- Borhān-e Qāte' 1362/1983: Borhān-e Qāte' / Изд. М. Моина. Т. 4. Тегеран.
- Boyce 1984: *Boyce M.* On the Antiquity of Zoroastrian Apocalyptic // BSOAS. Vol. 47/1. P. 57—75.
- Būndahishn 1908: The Būndahishn, being a Facsimile of the TD Manuscript No. 2 brought from Persia by Dastur Tīrandāz and now preserved in the late Ervad Tahmuras' Library / Ed. by the late Ervad Tahmuras Dinshaji Anklesaria with an Introduction by Behrangore Tahmuras Anklesaria. Bombay.
- Bussagli 1992: *Bussagli M.* Osservazioni sul problema degli unni // Bussagli M. Indica et Serindica. Scritti di Storia dell' Arte dell' India e dell' Asia Centrale. Roma. P. 79—99.
- Burrow 1973: *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // JRAS. No. 2. P. 123—140.
- Christensen 1931: *Christensen A.* Les Kayanides. København.
- Davidson 1985: *Davidson O. M.* The Crown-bestower in the Iranian book of kings // AcIr. 24. P. 61—148.
- Dēnkart 1966: Dēnkart. A Pahlavi text. Facsimile ed. of the manuscript B of the K. R. Cama Oriental Institute, Bombay / Ed. by M. J. Dresden. Wiesbaden.
- Duchesne-Guillemin 1963: *Duchesne-Guillemin J.* The Hymns of Zarathustra, being a Translation of the Gathas together with Introduction and Commentary / Translated from the French by Mrs. M. Henning. Boston.
- Enāyatollah 1374/1995: Enāyatollah Rezā. Ēran va torkān dar ruzgār-e Sā-sāniān. Tehrān.
- Enoki 1998: *Enoki K.* Studia Asiatica: The Collected Papers in Western Languages of the Late Dr. Kazuo Enoki. Tokyo.
- Felix 1991: *Felix W.* Chionites // EI. Vol. V/5. P. 485—487.
- Frye 1996: *Frye R. N.* The Heritage of Central Asia. From Antiquity to the Turkish Expansion. Princeton.
- Gignoux, Tafazzoli 1993: Gignoux Ph. Tafazzoli A. Anthologie de Zādspram / Édition critique du texte pehlevi traduit et commenté. Paris (Stlr. Cah. 13).
- Ghirshman 1948: *Ghirshman R.* Les Chionites-Hephtalites. Le Caire.
- Gnoli 1967: Gnoli Gh. Recerche storica sul Sīstān antico. Roma.
- Gnoli 1980: Gnoli Gh. Zoroaster's Time and Homeland. A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. Naples.
- Gnoli 1983: Gnoli Gh. L'Arachosia e L'Avesta // Kunst, Kultur und Geschichte der Achämenidenzeit und Ihr Fortleben. Berlin. P. 121—133.
- Grenet 1989: *Grenet F.* Les «Huns» dans les documents sogdiens du mont Mugh // Stlr. Cah. 7. P. 165—184.
- Grenet, Sims-Williams 1987: *Grenet F., Sims-Williams N.* The Historical Context of the Sogdian Ancient Letters // Stlr. Cah. 5. P. 102—122.
- Harmatta 1985—1988: *Harmatta J.* Chionitae, Euseni, Gelani // AAntASH. T. XXXI/1—2. P. 43—51.

Henning 1948: *Henning W. B.* The Date of the Sogdian Ancient Letters // BSOAS. Vol. XII/3—4. P. 601—615.

Hübschmann 1895—1897: *Hübschmann H.* Armenische Grammatik. T. I: Armenische Etymologie. Abt. I: Die persischen und arabischen Lehnwörter in Altarmenischen. Abt. II: Die syrischen und griechischen Lehnwörter im altarmenischen und die echtarmenischen Wörter. Leipzig.

Humbach 1969: *Humbach H.* Die historische bedeutsamkeit der alanischen Namen // *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata. III.* Roma. S. 33—52.

Jackson 1899: *Jackson A. V. W.* Zoroaster. The Prophet of Ancient Iran. New York.

Jâmâspi 1903: Jâmâspi, Pahlavi, Pâzend and Persian texts with Gujarâti Transliteration of the Pahlavi Jâmâspi, English and Gujarâti Translations with Notes of the Pahlavi Jâmâspi, Gujarâti Translation of the Persian Jâmâspi, and English Translation of the Pâzend Jâmâspi / By J. J. Modi. Bombay.

Kellens 1978: *Kellens J.* Caracteres différentiel du Mihr Yašt // *AcIr.* 17. P. 261—270.

Kellens 1979: *Kellens J.* L'Avesta comme source historique: la liste des Kayanides // *Studies in the sources on the history of pre-islamic Central Asia.* Budapest. P. 41—53.

Kellens 1998: *Kellens J.* Cours: De la naissance des montagnes à la fin du temps: le Yašt 19 // *Annuaire du Collège de France 1997—1998. Résumé des cours et travaux (Langues et religions indo-iraniennes).* 98e année. Paris. P. 737—765.

Kellens 2000a: *Kellens J.* Essays on Zarathustra and Zoroastrianism / Transl. and ed. by P. O. Skjærvø. Costa Mesa.

Kellens 2000b: *Kellens J.* Cours: Promenade dans les Yašts à la lumière de travaux récents (suite) // *Annuaire du Collège de France 1999—2000. Résumé des cours et travaux. (Langues et religions indo-iraniennes).* 100e année. Paris. P. 721—751.

Lommel 1927: *Lommel H.* Die Yäšt's des Awesta / Übersetzt und eingeleitet von H. Lommel. Göttingen.

Litvinsky 1996: *Litvinsky B. A.* The Hephthalite Empire // *History of Civilizations of Central Asia. Vol. III: The Crossroads of Civilizations: A. D. 250 to 750.* Paris. P. 135—162.

Marquart 1901: *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin.

Mayrhofer 1977: *Mayrhofer M.* Die avestischen Namen // *Iranisches Personen-namenbuch. Band I/1.* Wien.

Molé 1967: *Molé M.* La légende de Zoroastre selon textes pehlevis. Paris.

Monchi-Zadeh 1975: *Monchi-Zadeh D.* Topographisch-historische Studien zum iranischen Nationalepos. Wiesbaden.

Pagliaro 1931: *Pagliaro A.* Chioniti // *Enciclopedia Italiana di Scienze. Lettere ed Arti. Vol. X.* Roma. P. 133.

Parlato 1996: *Parlato S.* Successo Euroasiatico dell'etnico 'unni' // *Convegno internazionale sul tema: La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. (Accademia Nazionale dei Lincei. Atti dei convegni Lincei. 127).* Roma. P. 555—566.

Skjærvø 1996: *Skjærvø P. O.* Zarathustra in the Avesta and in Manicheism: Irano-Manichaica IV // *Convegno internazionale sul tema: La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo (Accademia Nazionale dei Lincei. Atti dei convegni Lincei. 127).* Roma. P. 597—628.

Stackelberg 1891: *Stackelberg R.* von Iranica // *ZDMG. Bd. 45.* S. 620—628.

Taraporewala 1980 [1965]: *Taraporewala I. J. S.* The Religion of Zarathushtra (The Religion of Zarathushtra. The Gathas of Zarathushtra. Three Forgotten Religions). Tehran.

Pahlavi texts 1897: Pahlavi texts / Ed. by J. D. M. Jamasp-Asana. I. Bombay.

Rāšed Mohassel 1370/1991: Rāšed Mohassel Mohammad Taqī. Zand-e Bahman Yasn. Tashīh-e matn, āvānevīsī bargardān-e fārsī va yāddāshtha. Tehrān.

Geography of Ananias of Širak 1992: The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc'). The Long and the Short Recensions / Introduct., Transl. and Comment. by R. H. Hewsen. Wiesbaden.

Zend-Avesta 1884: The Zend-Avesta. Pt. II. The Sīrōzahs, Yashts and Nyāyish / Transl. by J. Darmesteter. Oxford.

Widengren 1965: *Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart.

Wilhelm 1888: *Wilhelm E.* Beiträge zur Lexicographie des Awesta // ZDMG. Bd. 42. S. 81—101.

Wikander 1938: *Wikander S.* Der arische Männerbund. Studien zur indo-iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund.

AN ETHNONYM «HYAONA» IN THE AVESTA

by

A. A. Ambartsumian (Sankt-Petersburg)

This article deals with one of the most important problems of modern Avestan studies, viz. the identification of the Hyaonians (Hyaona), their place and role, as it is shown in the Avesta and in the other exegetic Middle Iranian (Pahlavi) Zoroastrian literary sources. The author shows that the ethnonym of the Hyaonians is attested in the series of the Vishtaspian Yashts of the Avesta more than seven times. Avesta has both direct and indirect evidences and allusions on the events of the great war between the Aryans of the Naotara clan and the Hyaonian tribes. The name of the Hyaonians in no circumstances could be substituted by the name of the Turians (Tura) who were the previous enemies of the Aryans, or could be qualified as a later interpolation in the Avestan text. In the Middle Iranian period this ethnic name in its Middle Persian form Khyon (Hyon) served as a collective name for the great number of the nomadic tribes who invaded Northern Iran from Central Asia and partly the Caucasus. Among them were the Chionites, the Hephtalites, the Kidarites, the Turks, and others.

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО I НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург)

В сезоне 1998 г. Боспорская экспедиция Института истории материальной культуры РАН проводила исследования на поселении Артющенко I (Бугазское), находящемся к югу от Тамани на высоком обрывистом берегу Черного моря. Поселение это под названием Бугазское исследовалось В. Д. Блаватским в 50-х гг. (Блаватский 1953). Тогда было заложено несколько очень небольших по площади раскопов вдоль южного края памятника по берегу моря. В результате проведенных работ удалось выяснить, что поселение существовало как в античную, так и в средневековую эпохи.

Раскопки 1998 г. не только подтвердили этот вывод, но и позволили его конкретизировать. Исследования проводились опять же вдоль обрывистой, сильно абразирующей береговой линии на западной окраине поселения, где был заложен раскоп общей площадью около 300 кв. м (рис. 1). Наиболее показательными здесь оказались материалы, относящиеся к салтово-маяцкой культуре, — удалось выявить пять заглубленных в землю конструкций типа полуземлянок и целую серию ям.

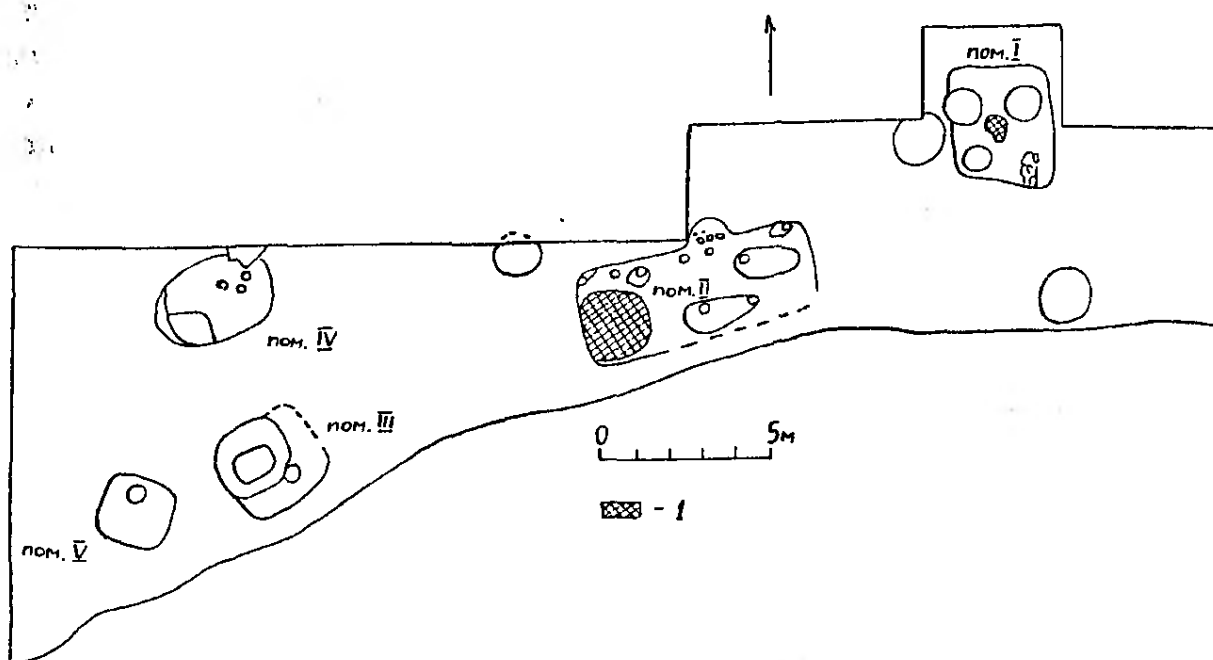

Рис. 1. Артющенко I. План раскопанного участка: 1 — участки обожженного ма-
терика.

Эти открытия, как представляется, имеют определенный интерес для изучения салтово-маяцкой культуры района. Названная археологическая культура, датируемая в пределах середины VIII—середины X в. (Плетнева 1981: 64), сейчас представлена на археологической карте Таманского полуострова всего двумя городищами (Тамань и Фанагория) и одним грунтовым могильником (Плетнева 1981: 152—153, рис. 38—39), чего, конечно, явно недостаточно.

Сразу можно отметить, что котлованы полуземлянок имеют весьма плохую сохранность, очертания бортов неровные, сильно оплывшие. Скорее всего, жилища не были специально засыпаны грунтом, и их котлованы некоторое время разрушались под действием природных сил. Ясно и то, что подобные строительные комплексы вообще не могли функционировать сколько-нибудь долгое время. Из всего сказанного можно сделать вывод, что салтово-маяцкое поселение Артющенко I существовало незначительный отрезок времени и по каким-то причинам было покинуто населением.

Четыре полуземлянки из пяти, открытых на Артющенко I, имели почти квадратную в плане форму при очень небольших размерах — от $2,1 \times 2,0$ м до $3,7 \times 3,1$ м, глубина котлованов от уровня материка — $0,20—0,35$ м. Зафиксированные детали интерьеров очень незначительны, — в основном это ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Лишь в одном комплексе (помещение I) в центральной части пола была выявлена обожженная площадка ($0,90 \times 0,85$ м), вероятно, образовавшаяся на месте очага. Развал самого очага находился в юго-восточном углу ($1,0 \times 0,6$ м, высота $0,2$ м).

Помещение II отличается более крупными размерами и вытянутой формой котлована — $7,1 \times 3,0$ м, глубина котлована от уровня материка — $0,3$ м. В центральной части северного борта полуземлянки имеется полукруглый выступ или яма ($1,2 \times 0,7$ м), дно которой по уровню совпадает с полом помещения, так что, скорее всего, она была вырублена в борту специально. На дне ямы было найдено немало кусков печины. Последнее обстоятельство позволяет высказать предположение, что здесь был устроен очаг.

Любопытно, что в западной части полуземлянки пол был обожжен настолько сильно, что поначалу при обнаружении этого археологического факта предполагалось наличие еще одного очага. Размеры обожженного пятна, однако, слишком большие ($1,5 \times 1,4$ м), к тому же полностью отсутствуют остатки каких-либо стенок, развалы в виде скоплений печины или т. п. Ясно, что пол помещения был обожжен здесь для каких-то практических потребностей, но для каких именно — сказать затруднительно.

Для салтово-маяцкой культуры, как известно, заглубленные в землю жилища достаточно типичны (Белецкий 1959: 47 сл.; Плетнева 1967: 51; 1984: 95 сл.; Винников 1984: 95 сл.). С. А. Плетнева даже признает полуземлянки самым распространенным типом салтовских жилищ (Плетнева 1981: 69). Разумеется, комплексы Артющенко I по

сравнению с Саркелом или Маяцким городищем выглядят очень и очень скромными. Но это и неудивительно: небольшая деревня на берегу моря, населенная, надо думать, небогатыми крестьянами и рыбаками, никак не могла соперничать по качеству домостроительства с крупными центрами городского типа.

Столь же скромны, но по-своему и показательны полученные на поселении вещевые материалы, которые в основном состоят из обломков керамических сосудов различных типов. Во всех котлованах полуземлянок и ямах, относящихся к интересующему времени, в общей сложности было найдено 1144 фрагмента керамики. При статистической оценке всего этого массива выявляется преобладание амфорных материалов, на долю которых приходится около 59 % всех находок. В сравнении с другими памятниками салтово-маяцкой культуры эта цифра выглядит очень значительной, к примеру, на Северском Донце амфоры могут составлять всего 3,5 % (Красильников 1979: 68), но Артющенко I находится несравнимо ближе к центрам производства амфор, морским портам и т. д., так что это различие следует признать вполне закономерным. С. А. Плетнева справедливо указывает, что чем дальше от южных центров, тем реже в культурных слоях салтовских поселений встречаются амфорные фрагменты (Плетнева 1981: 74).

Среди материалов керамической тары преобладают обломки красноглиняных сосудов с невысоким горлом, мягким изгибом ручек, неглубоким рифлением поверхности стенок и округлой формой дна (рис. 2). Все они очень характерны для памятников салтово-маяцкой культуры (см.: Плетнева 1963: 47, рис. 28; Якобсон 1979: 29 сл.; Баранов 1990: 32, рис. 11; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 53—60; Рыжов, Седикова 1999: 314—315). Скорее всего, эти сосуды или, по крайней мере, значительная их часть производились в Крыму, но порой они называются «салтовскими» (Плетнева 1981: 73), что представляется вполне закономерным. Хронологические рамки бытования амфор такого типа обычно определяются в пределах VIII—IX вв., хотя в имеющемся наборе представлены и более поздние образцы, для которых характерно присоединение ручек к горлу под самым венцом (рис. 2/4, 5). Они, вероятно, относятся уже к X в. (Якобсон 1979: 73).

Без учета находок амфорной тары керамический комплекс распределяется следующим образом: 20 % приходится на фрагменты красноглиняной столовой кружальной посуды всех типов, 9 % — на сероглиняную посуду, 2 % — на обломки толстостенных сосудов, абсолютно же доминируют типичные салтово-маяцкие горшки, которые составляют целых 69 %, при этом значительная их часть (24 % в общем комплексе) имеют закопченные снаружи стенки, т. е. являются кухонными. Как отмечала С. А. Плетнева, формы салтово-маяцкой керамики весьма однообразны и стандартны, они мало изменялись с течением времени от середины VIII до середины X в. (Плетнева 1963: 42). Набор посуды поселения Артющенко I, однако, демонстрирует некоторое своеобразие.

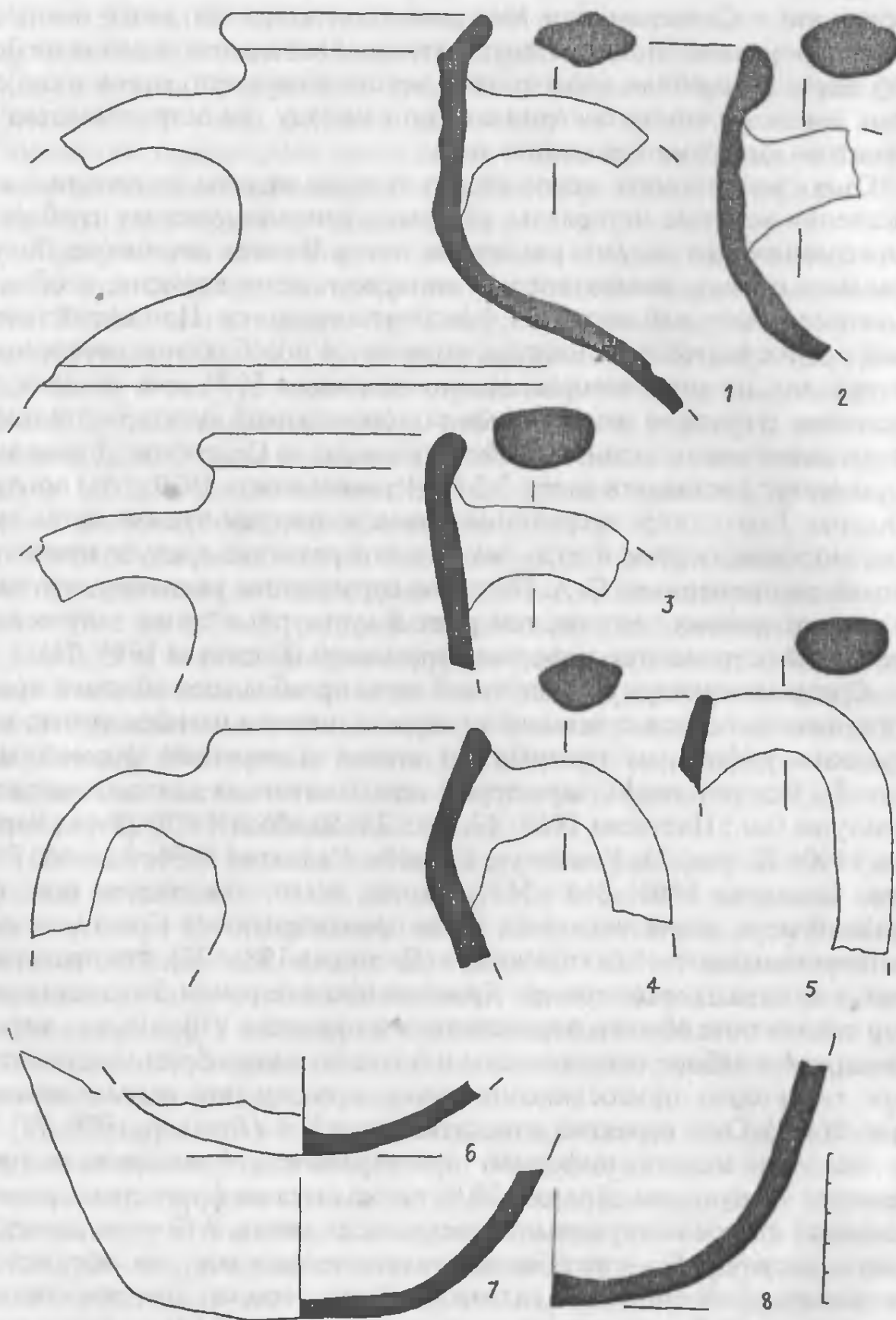

Рис. 2. Фрагменты амфор

Прежде всего, бросается в глаза узость ассортимента серолощенной посуды, а также почти полное отсутствие таких небольших сосудов, как кружки, горшочки и пр. Количество подобной посуды на салтово-

Рис. 3. Находки серолощенной керамики

маяцких памятниках обычно признается очень большим, даже огромным, а разнообразие форм столовой посуды — почти бесчисленным (см.: Плетнева 1959: 217; 1963: 37; 1981: 73; Флеров 1976). Все эти выводы базируются на материалах раскопок крупных поселений, где разнообразие керамических форм действительно очень велико, но совсем не обязательно, что такое же положение будет типичным для всех скромных сельских памятников.

Мнение о большом количестве тонкой столовой посуды в керамическом комплексе вообще не базируется на надежных статистических выкладках и, возможно, несколько преувеличено. В средневековых слоях Фанагории, к примеру, количество серолощенной керамики не превышает 4—5 % (Атавин 1992: 174). Совсем в другом районе распространения салтово-маяцкой культуры, в материалах селища у с. Роголик на Северском Донце, лощеная керамика составила всего 3 % (Красильников 1979: 68). В связи с изложенным можно высказать предположение, что 9 % сероглиняной (в том числе и серолощенной)

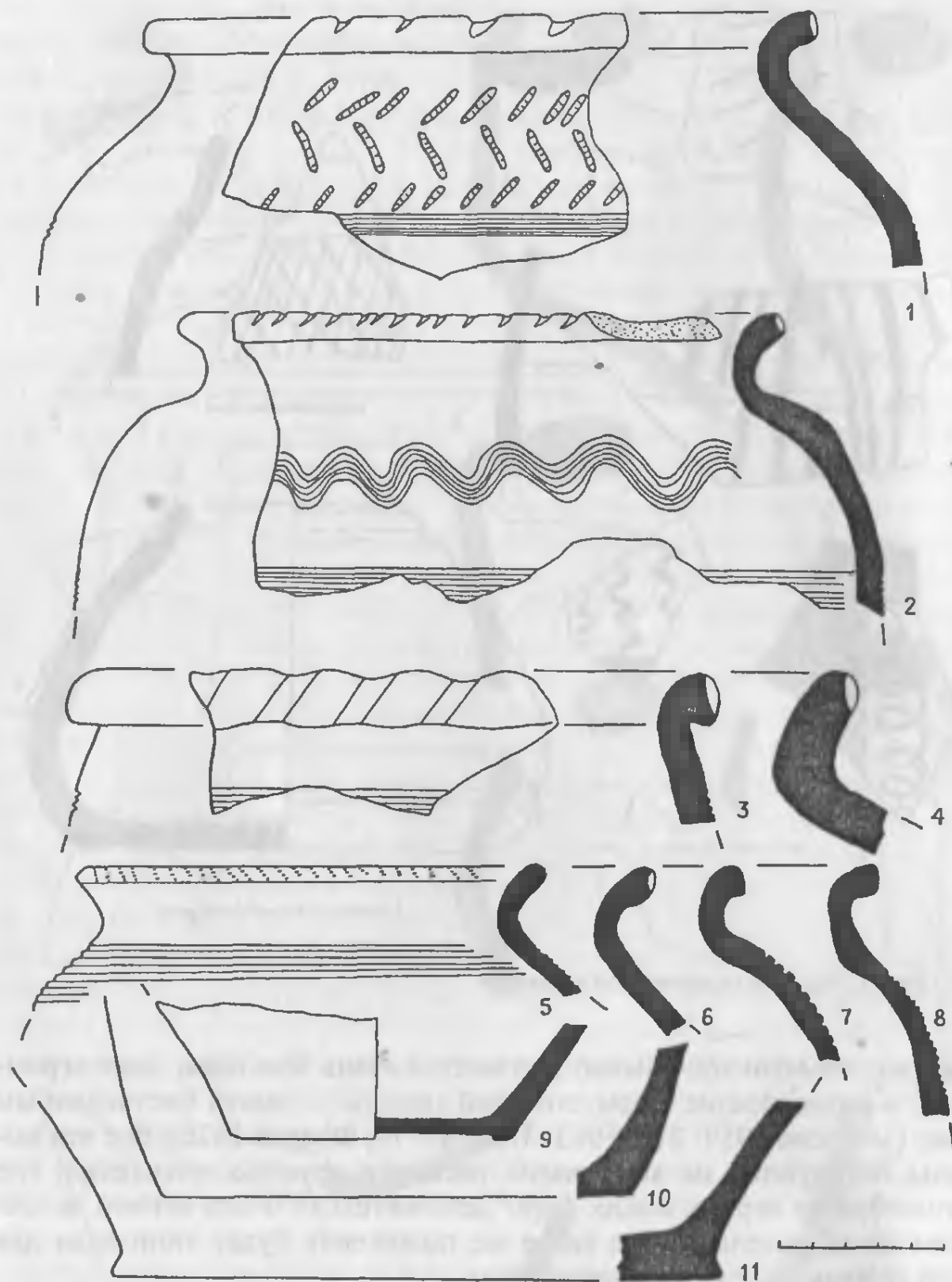

Рис. 4. Салтово-маяцкие горшки

керамики на Артющенко I, вероятно, соответствует среднестатистическому для этой культуры уровню.

Среди имеющихся материалов следует отметить такую типичную форму, как кубышка с нешироким горлом и расширяющимся к дну туловом (рис. 3/6; ср.: Плетнева, Красильников 1990: 144). Сравнительно небольшой группой представлена посуда с проложенными узорами в

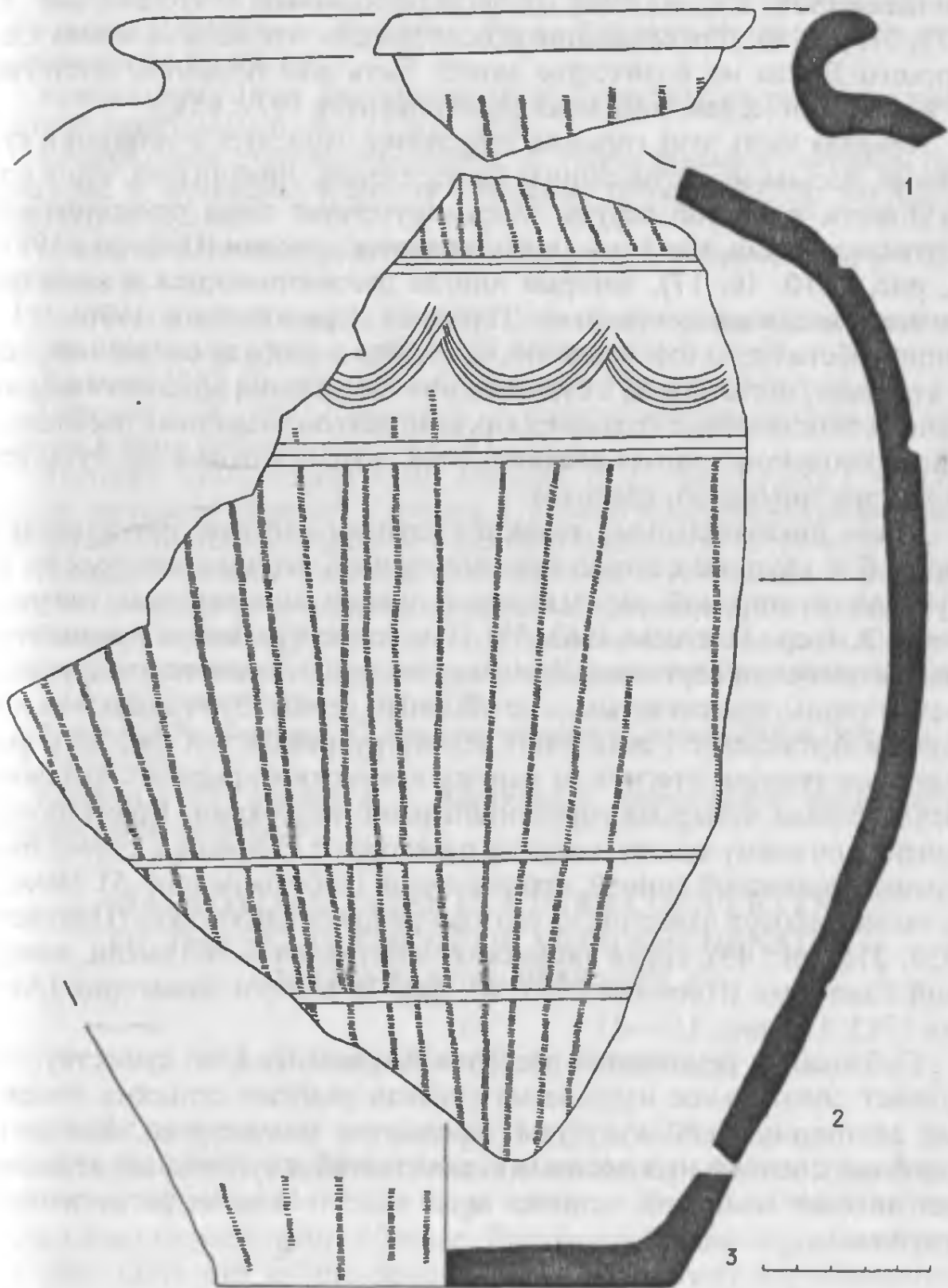

Рис. 5. Фрагменты пифоса

виде прямых и волнистых линий, спиралей, сетки и т. п. (рис. 3/1—5; ср.: Плетнева 1963: 39—41).

Самым массовым материалом на поселении, как уже отмечалось, являются салтово-маяцкие кружальные горшки с линейным, волнистым или линейно-волнистым орнаментом, прочерченным по тулову, а также с глубокими насечками или наколами по венчику (рис. 4; ср.:

Плетнева 1959: 220 сл.; 1963: 20 сл.; Красильников 1976: 272, рис. 3; 1979: 67, рис. 6). Для сравнения можно указать, что на поселениях Северского Донца их количество может быть еще ббльшим, достигая 92 % в керамическом комплексе (Красильников 1979: 68).

Немалая часть этих горшков безусловно относится к категории кухонных, весьма многочисленных на поселении. Любопытно, что в совокупности кухонной посуды здесь отсутствует такая показательная салтовская форма, как котлы с внутренними ручками (Плетнева 1981: 73, рис. 47/10, 16, 17), которые иногда рассматриваются в качестве признака оседания кочевников (Плетнева, Красильников 1990: 111). Данное обстоятельство, вероятно, относится к разряду случайных, хотя кто знает, может быть, в будущем при накоплении археологических знаний сопоставление керамических комплексов различных поселений района продемонстрирует важность этой группы находок как культурно-диагностирующего признака.

Очень показательными являются находки пифосов, представляющих собой крупные салтово-маяцкие горшки, венчики которых из-за глубокой и широкой насечки порой имеют вид неровных жгутов (рис. 4/3, 4; ср.: Плетнева 1963: 59). Некоторые фрагменты орнаментированы полосами вертикального лощения, они отличаются от других и цветом глины, оранжеватым, а не обычным серым. Эти находки на поселении Артющенко I позволяют реконструировать тип пифоса с выделенным горлом, отогнутым наружу невысоким краем и с туловом, расчлененным четырьмя горизонтальными желобками. Кроме полос лощения по всему тулову, сосуд на переходе от плечиков к тулову был украшен волнистой линией, прочерченной гребешком (рис. 5). Находки таких пифосов известны на салтово-маяцких памятниках (Плетнева 1959: 216, рис. 43), среди таманских памятников — в Тамани, хазарской Таматархе (Плетнева 1963: 43, рис. 25/9, 10) и Фанагории (Атавин 1992: 176, рис. 1/1—3).

Публикация результатов раскопок Артющенко I, по существу, открывает специальное издание материалов рядовых сельских поселений салтово-маяцкой культуры Таманского полуострова. Важность подобных специальных полевых исследований и публикаций не вызывает никаких сомнений, остается лишь надеяться на их расширение в будущем.

Литература

- Атавин 1992: *Атавин А. Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. I. М. С. 173—211.
- Баранов 1990: *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.
- Белецкий 1959: *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. С. 40—134.
- Блаватский 1953: *Блаватский В. Д.* Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. Вып. 51. С. 149—155.

Винников 1984: *Винников А. З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. Труды Советско-болгарско-венгерской экспедиции. М. С. 95—135.

Красильников 1976: *Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. № 3. С. 267—278

Красильников 1979: *Красильников К. И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА АН СССР. Вып. 160. С. 60—69.

Плетнева 1959: *Плетнева С. А.* Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. С. 212—272.

Плетнева 1963: *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М. С. 5—72.

Плетнева 1967: *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. № 142.

Плетнева С. А. 1981: *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. С. 62—75.

Плетнева, Красильников 1990: *Плетнева С. А., Красильников С. И.* Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-болгарско-венгерской экспедиции. М. С. 92—139.

Романчук, Сазанов, Седикова 1995: *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург.

Рыжов, Седикова 1999: *Рыжов С. Г., Седикова Л. В.* Комплексы X века из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. 10. Севастополь. С. 312—329.

Флеров 1976: *Флеров В. С.* Лощеная керамика Саркела-Белой Вежи // СА. № 2. С. 57—66.

Якобсон 1979: *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

SALTOVO-MAIATSK CULTURE COMPLEXES OF THE SETTLEMENT OF ARTIUSHCHENKO I ON THE TAMAN PENINSULA

by

Yu. A. Vinogradov (Sankt-Petersburg)

In 1998, a number of archaeological complexes belonging to the Saltovo-Maiatsk culture (dated from the mid-8th through the mid-10th centuries) were uncovered in the large antique site of Artiushchenko I (Bugazskoe) situated south of Taman. These are five semi-dugouts and several pits. Only one of the dugouts has comparatively big dimensions (7,1 × 3,0 m; 0,3 m in depth), whereas the others are smaller (from 2,1 × 2,0 m to 3,7 × 3,1 m; from 0,2 to 0,35 in depth). The significance of the complexes consists in what they are a first rural settlement of the Saltovo-Maiatsk culture explored in the Taman Peninsula.

НАДПИСИ И ТЕКСТЫ КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ КАРТИН НЯНЬХУА

Т. И. Виноградова (Санкт-Петербург)

Жанр народной ксилографической гравюры, так называемой «новогодней картины» *няньхуа*, был необычайно популярен в Китае в XVIII—начале XX в. среди низших и средних слоев населения, являлся основным видом гравюры массового спроса. К настоящему времени этому виду народного искусства Китая, великолепно представленному в российских музейных собраниях, посвящено достаточно много исследований как отечественных и европейских, так и китайских и японских авторов. Однако в изучении *няньхуа* есть странные лакуны, самая главная из которых — отсутствие какого-либо анализа текстов и надписей, встречающихся на листах гравюры. Для сравнения: исследованию текстов русского лубка, искусства, во многом аналогичного китайским *няньхуа*, посвящено множество работ, текст и изображение рассматриваются в них как единое художественное целое, существуют также литературоведческие исследования лубочных текстов (Соколов 1996; 1999). Наличие и характер текста на русской народной гравюре служит одним из критериев отнесения ее к жанру лубка.

Конечно, даже при беглом сравнении очевидно, что текст занимает на *няньхуа* гораздо меньше места, чем на русском лубке, что это — другой текст, однако представляется важным выяснить, какой именно. В свое время автором этих строк была предпринята попытка проанализировать надписи только на одной из многочисленных разновидностей *няньхуа* — гравюре, иллюстрирующей сюжеты классической драмы (Виноградова 1991), сейчас же возникла потребность дать общий анализ текстов народной картины.

Надписи производителя и владельческие. Как правило, ограничиваются названием мастерской-печатни, представляющим собой имя владельца мастерской — либо первого, либо того, при котором производство достигло наибольшего расцвета, гораздо реже — настоящее название, довольно высокопарное: «Художественный магазин Распространения Добродетели» («Дэ фа-хуадянь»), «Художественный магазин Да будет счастье» («Фу шунь син-хуадянь») или «Кабинет Процветания Добродетели» («Дэ шэн-чжай»). Отметим, кстати, что слово *чжай* — из другой, «большой» культуры, оно входило в псевдонимы писателей и художников, вспомним Ляо-чжая — Пу Сун-лина, так на-

Образец старого русского лубка (первая половина XVIII в.)

зывались и профессиональные художественные мастерские — «Кабинет Прославленных Драгоценностей» («Жун бао-чжай»). Название пишется обычно в нижнем левом углу листа просто как надпись, хотя встречаются и названия мастерских, стилизованные под отиски печатей. Владельцы, чье социальное положение позволяло иметь собственную печать, иногда ставили ее на гравюре.

Редкие исключения — более развернутые надписи. Дай Лян-цзэн, владелец крупнейшей мастерской в Янлюцине, часто датировал свои картинки в традиционной манере профессиональных художников и

Чжоу Юй — герой романа-эпопеи «Троецарствие», фрагмент литературной иллюстрации

литераторов — «В четвертую луну года под знаком Бин-у (1906—1907) написано на веранде дома в персиковом саду, в виду далеких гор», «Заглавие написано летом года под знаком Бин-у в западной части мастерской Изящной словесности» (Rudova 1988: ил. 150, 151). Характерно, что таким образом Дай Лян-цзэн подписывал только те листы, которые были посвящены деятелям «большой» культуры, в наших примерах — поэтам Тао Юаньмину и Ду Му.

Названия картин. Встречаются почти на каждом листе, обычно — довольно лаконичные. Пишутся обычно в верхней части листа горизонтально, могут читаться в двух направлениях: слева направо или справа налево. Встречаются нетипичные случаи оформления названия — отдельные иероглифы или вся надпись пишется в медальонах и воспринимаются как декоративный элемент.

Название картин зависит от их жанра. У картин-икон оно совпадает с именем божества, которому посвящена икона, как правило, заключено в рамку, помещено в верхней части листа над головой божества. Иконы, воспроизводящие сразу целый пантеон божеств, обычно не имеют названия, но рядом с каждым божеством есть имя, как на «персональной» иконе. Для театральных иллюстраций название картины чаще всего совпадает с названием пьесы, хотя встречаются и более длинные описательные названия. Если на одном листе объединяются сцены из двух и более различных пьес, то пишется название каждой.

На жанровых *яньхуа* заглавие довольно точно описывает происходящее — «Много снега — большой урожай» (Rudova 1988: ил. 77) «Все в доме счастливы — встречаем Новый год» (Rudova 1988: ил. 82) «Игра в карты» (Rudova 1988: ил. 83), тогда как на символически-благопожелательных картинах название как таковое часто отсутствует, зато сама картинка представляет собой ребус, а иероглифы, встречающиеся на таких картинках и воспринимаемые как заглавие, на самом деле есть расшифровка, фонетическое чтение этого ребуса. Чаще всего такого рода гравюры желают покупателю многочисленного по-

томства мужского пола, поэтому изображают младенцев-мальчиков в окружении фертильных символов вроде раскрытого плода граната с виднеющимися зернышками и различных предметов, фонетическая запись чтения которых составляет ребус. Например, картина под названием «Пусть один за другим рождаются знатные сыновья» (Rudova 1988: ил. 43) — *Лянь шэи гуй-цзы*. Изображает мальчиков с цветком лотоса — *лянь* (один за другим), музыкальным инструментом *шэном* (рождаться), веткой коричневого дерева — *гуй* (знатный) и гранатовыми зернышками — *цзы* (семя и сын). В этой связи интересен вопрос, поставленный американским синологом Д. Джонсоном: насколько большое количество людей воспринимали ребусы именно так, как надо, либо же значение понимал только автор первоначального клише, а все остальные по традиции продолжали резать по его эскизам, а смысл ребуса утрачивался от поколения к поколению (Johnson 1992: 15—16).

Иногда картина могла состоять только из надписи, очень стилизованных крупных иероглифов, богато орнаментированных. Например, четыре иероглифа *и туань хэ ци* — единица, сплочение, мир и атмосфера, пожелание единства и согласия во всех делах. Каждый иероглиф украшен таким образом, что знак приобретает дополнительную смысловую нагрузку (Rudova 1988: ил. 76).

Картины с информационными текстами, где текст первостепенен — календари и заклинания, обереги, талисманы. Среди них можно выделить календари, близкие по типу к привычным европейским — с отмеченными датами, обязательными рисунками. Иногда они совмещены с иконой, например, календарь на 31-й год правления под девизом Гуань-суй (1905) на иконе Цзао-вана — бога очага (Rudova 1988: ил. 2). Другой, традиционно крестьянский, тип календаря предназначен для безграмотного потребителя — «Пройдет девятый день девятой луны и зимние холода исчезнут» (Rudova 1988: ил. 52). Такой календарь обычно представляет собой изображение младенцев, соединенных спинами таким образом, что создается впечатление непрерывно вращающегося клубка тел, внутри которого помещен 81 кружок. Каждый день крестьянин должен закрашивать по кружку, отмечая, таким

Картина-икона с изображением бодхисатвы Гуаньинь

Образец китайской театральной народной картины с заглавием «Башня Желтого Журавля», названием мастерской печати и именами персонажей

образом, количество дней, оставшихся до весенних сельскохозяйственных работ.

Много надписей содержат и гороскопы (Rudova 1988: ил. 99, 100), текст в них, сводимый зачастую к циклическим знакам и минимальным комментариям к свойствам зодиакальных животных, неизменно поддерживается изображением.

Заклинания и амулеты даосского толка часто состоят из одних надписей — сложных переплетений стилизованных иероглифов, магических печатей. «В заклинаниях текст играет чаще всего доминирующую роль. Каллиграфия смешана с иконографией в одно, и знаки играют роль изображений, культ каллиграфии доходит тут до эксцесса» (Алексеев 1966: 44). В сущности, даосские талисманы, собственно, не относятся к *няньхуа*, однако надписи, характерные для них, часто встречаются на народных картинах, изображающих экзорцистов, например, повелителя бесов Чжун Куя (Rudova 1988: ил. 18, 19).

Надписи благопожелательного содержания, за исключением равных названию картин. Явно прослеживается стремление украсить картину иероглифами со значением «счастье», «богатство», их рисовали отдельно или помещали на самые разнообразные предметы — флажки, вымпелы, ширмы, вазы, пологи кроватей, костюмы.

В особую группу следует выделить весьма пространственные надписи на картинах конфуцианского толка, желающие покупателю иметь образованных сыновей. Тексты этих надписей переводил и разбирал В. М. Алексеев (1966: 124—130), поэтому мы здесь отметим лишь, что у таких картин есть свой конкретный адресат — родители, рассчитывающие дать детям образование, дабы обеспечить чиновничью карье-

ру, и сами учащиеся. Художники имели основание рассчитывать на грамотность этого слоя людей, отсюда и сама возможность появления дидактических текстов на картинах, иногда с прямыми цитатами из классиков, «Троесловия» например (Рифтин и др. 1991: ил. 62), а то и доморощенных народных стихов.

Пояснительные надписи можно разделить на два типа: очень короткие — подписи рядом с предметами или персонажами — и длинные тексты на довольно редких этнографических картинах с изображением народных праздников. Представляется, что эти картины делались для горожан, которым для понимания смысла представленных им сценок из деревенской жизни уже необходимо было пояснение. Например, изображающая представление дрессированных лягушек картина с обширной надписью: лягушки по знаку хозяина вылезают из переноски и начинают прыгать и кувыркаться, хозяин при этом поет песенки и отбивает ритм на барабане или трещотке (Рифтин и др. 1991: ил. 187).

Пояснительные надписи сопровождали и картины «на злобу дня», созданные по следам недавних событий. Например, явно пропагандистский характер — о политической пользе западного образования — носит надпись, украшающая гравюру «Идея самоусиления страны и открытие школ» (Рифтин и др. 1991: ил. 199). О недавнем (1895 г.) военном конфликте почти газетным языком рассказывает обширный текст на картине «Предводитель японцев, поплевав на руки, захватывает Тайбэй, Лю И, пылая гневом, связывает генерала Кабаяму» (Рифтин и др. 1991: ил. 201), однако изображение выстраивается как традиционная театральная мизансцена. Заметим, что на рубеже веков многие художники *няньхуа*, знаменитый У Ю-жу, например, стали работать и для газет, такое «совместительство» не могло не отразиться на народных картинах, которые приобрели несвойственную им ранее информационную функцию.

Тексты, украшающие театральные картины и картины-иллюстрации к недраматургическим произведениям, часто, ввиду их близости к литературе, более обширны и разнообразны. Условно их можно объединить в группы, содержащие:

а) воспроизведение надписей, украшающих сцену. Прежде всего это — парные надписи *дуйцзы* на вертикальных столбах по обе стороны сцены. Типичный пример такой надписи приводит В. М. Алексеев: «Мы [актеры] хвалим добро, злодейство казим, различая, что славно, что скверно; и вот все дела чуть не тысячи лет как будто на ваших глазах. Мы скажем о мире, споем о разрухе, укажем, где счастье и где разрушение. И вот все семнадцать династий лежат перед Вами, открыты как книга» (Алексеев 1966: 77). Такая надпись украшает картину под названием «Театральный зал „Терем лунного света“», иллюстрирующую пьесу о том, как император Кан-си инкогнито посещал всяческие публичные места, расследуя дела о злоупотреблениях своих чиновников. Как видно, содержание надписи непосредственно не связа-

Картина-ребус «Пусть непрерывно рождаются знатные сыновья» в варианте рисунка без надписи-расшифровки

но с содержанием иллюстрируемой пьесы, а относится к характеристике актерского труда.

Манера воспроизведения на картинах дидактических высказываний в виде параллельных надписей остается и тогда, когда сцена не воспроизводится, *дуйцзы* располагаются тогда в некоем условном пространстве по краям листа, часто будучи помещены в декоративные рамки. Параллельные надписи встречаются иногда и на благопожелательных, и на антимиссионерских картинах, в таких случаях содержание текстов находится в полном соответствии с происходящими на картине событиями.

К этой же группе «сценических надписей» следует отнести все иероглифы, встречающиеся на различных предметах театральной бутафории — на костюмах, флажках, вымпелах, оружии, ширмах, покрывалах;

б) имя персонажа пьесы, написанное рядом с ним на множестве картин. Информация эта, как правило, избыточна, ибо прекрасно знающий театр китаец мог и без надписей идентифицировать изображенного актера благодаря постоянным, характерным только для данного героя костюмам и гриму, которые вплоть до мельчайших деталей воспроизводились на народной картине. В. М. Алексеев свидетельствует о том, что опрошенные им крестьяне всегда безошибочно называли по именам героев театральных *няньхуа*;

в) реплики персонажей. Такие реплики воспроизводились в облачках, вылетающих из рта, они очень короткие и встречаются довольно редко;

г) обширные пояснительные надписи литературного характера, непосредственно объясняющие действие. Обычно это было пояснение к каждой сценке на картинах типа комикса. В качестве примера можно вспомнить занимающую четыре отдельных листа картину под названием (на каждом листе по три иероглифа) «Полный иллюстрированный свиток о походе Сюэ Жэнь-гуя на восток к морю и о чудесном пересечении моря» (Eliasberg 1978: ил. 219—222). На каждом листе изображено либо три, либо четыре эпизода, и каждый из них озаглавлен — «В местечке Лунмэнь с третьего раза поступает на военную службу».

Гораздо реже попадаются надписи, толкующие всю картину целиком, это касается главным образом не театральных картин, а иллюстраций к романам и сказам, иногда встречаются прямые цитаты из литературного первоисточника. Например, на картине «Домино и штрафные чарки» действие разворачивается в интерьере богатого дома. На громадной ширме, обрамляющей всю композицию, помещен соответствующий текст из иллюстрируемого романа «Сон в красном тереме» (Рифтин и др. 1991: ил. 142). Уникальный случай — иллюстрации к классическим стихам с прямыми цитатами из них (Рифтин и др. 1991: ил. 150). Очевидно, что такие листы предназначались уже для весьма образованной, можно даже сказать — эстетствующей публики. Гораздо чаще художники украшали литературные иллюстрации собственными стихами, как, например, сцену из любовного романа «Вторичное цветение слив» украшает четверостишие, прославляющее добродетели героини романа (Рифтин и др. 1991: ил. 87).

Тексты почти всегда читаемы, очень редки случаи, подобные картине «Основатель династии Мин император Тай-цзу осматривает храм полководцев» (Рифтин и др. 1991: ил. 114), где текст иллюстрируемого сказа заполняет все пустое пространство, однако фразы обрываются произвольно, иногда даже иероглиф не помещается целиком, что свидетельствует об исключительной декоративности использования текста. Иногда картина и надпись создают особую, совершенно новую ситуацию, как, например, игра в кости исторических деятелей;

д) картины, форма которых заставляет предполагать, что они служили реквизитом при исполнении какого-либо литературного произведения. Тут следует вернуться далеко назад. Еще в дуньхуанских пещерах мы встречаем настенные росписи IX в., так называемые *бяньсян*, о которых известно, что их демонстрировали пастве при чтении проповедей. Форма знаменитого свитка из Дуньхуана — славословие Шарипутре, где изображение и текст располагаются по разные стороны, наводит на предположение, что проповедник читал текст на одной стороне, а обратную сторону — с соответствующим рисунком — демонстрировал публике. Народные печатные книги — *пинхуа*, чьи пер-

вые издания, относящиеся к XIV в., были полностью иллюстрированными, по одной из версий, также предназначались для публичного чтения с демонстрацией картинок. Есть очень небольшое количество *няньхуа*, особенности текстов на которых заставляют вспомнить об этой традиции. Например, лист, который так и называется — «Нефритовый пояс на воротах дворца. Картина со стихами для пения» (Рифтин и др. 1991: ил. 72). На переднем плане изображен эпизод из жизни танского императора Гао-цзу, наверху — отлично читаемый стихотворный текст. Картина «Представители пяти поколений смотрят в зале выступление актеров в жанре *шуанхуан*» (Рифтин и др. 1991: ил. 184) одновременно и показывает, как проходили представления этого комического жанра в богатом доме, и содержит удобно читаемый текст. Вся картинка может трактоваться и как этнографическая зарисовка, и как пожелание покупателю богатого дома, в который можно пригласить актеров, и как учебное пособие для исполнителей *шуанхуан*.

Как видим, встречающиеся на *няньхуа* надписи, при всем их кажущемся многообразии, сводились к двум основным типам — благопожелание и пояснение.

Исполнение надписей редко было каллиграфическим, за исключением тех случаев, когда сознательно копировалась красивая надпись, например, воспроизводилась надпись на ширме в интерьере. Тексты либо вырезались на доске, либо писались отдельно от руки. Они редко были пространны настолько, чтобы существенно повлиять на композицию, изображение всегда оставалось главенствующим.

Наличие большого количества разнообразных текстов на гравюре, предназначенной для распространения среди слоев населения, традиционно считавшихся безграмотными — «по оценкам конца прошлого века число грамотных в Китае не превышало 5 % населения» (Софронов 1979: 18) — требует объяснения, которое можно дать, исходя из двух различных, но непосредственно связанных между собой положений. Первое устанавливает, насколько надписи на массовой гравюре соответствуют общей китайской культурной традиции, второе касается конкретных взаимоотношений производителя-продавца и покупателя, то есть почему первый производит такие картины, а второй именно такие картины покупает. *Няньхуа* — произведения художественного промысла, рассчитанные на немедленный сбыт, следовательно, среди них не должно быть непонятных потенциальному покупателю картин.

Для китайского изобразительного искусства всегда было характерно единство живописи и каллиграфии. И хотя народную графику отделяет от профессиональной живописи громадная пропасть, а надписи далеки от каллиграфических канонов, все равно соединение на одном листе изображения и надписи характерно для китайской культуры, народное искусство стремится не отставать от профессионального, трансформирует его достижения, прививая их на почву «малой»

культуры. Надписи на *няньхуа* суть приспособленный народным искусством элемент единой китайской культуры. Акцент на единство культуры сделан здесь потому, что именно в этом заключается основная разница текстов китайской и русской народных картин. Весьма обширные тексты русского лубка — всегда интерпретация, осмысление, иногда — почти через осмеяние того непонятого, что содержалось в русской «большой» культуре.

Образ художника — *сяньшэна* необычайно важен для понимания характера текстов на картинах. Художники, резчики и печатники мастеровских происходили из нижнего слоя китайской интеллигенции — людей, либо проваливших государственные экзамены на первую степень, либо по каким-то причинам не сделавших ученую или чиновничью карьеру. Они, несомненно, владели основами китайской словесности, однако их познания были не слишком велики. Имеющимся запасом знаний они пользовались весьма активно, отсюда и стремление к украшению картин надписями. Недостаточная грамотность художников проявляется иногда в неправильном написании иероглифов, в замене одинаково звучащих знаков одного на другой, однако здесь нет того роскошного пренебрежения нормами орфографии, которое мы наблюдаем в русском лубке, тексты китайской народной гравюры гораздо грамотнее, это — проявление все того же отсутствия разрыва между культурами.

Стиль развернутых надписей своеобразен, иногда — довольно небрежен, язык многих текстов — разговорный, но с осязательным стремлением подражать классическому, такие персонажи, как уже упоминавшийся Дай Лян-цзэн, украшавший свои гравюры безукоризненными пояснительными текстами, были исключением. В целом же, своеобразный язык надписей не встречал возражений со стороны большинства покупателей, несмотря на несколько ироническое отношение народа к недоучкам *сяньшэнам*.

Исторически сложившийся культ иероглифа широко известен, разнообразие факты преклонения перед надписью китайцев всех слоев описываются всеми, кто посещал старый Китай. При таком отношении к тексту иметь в доме что-нибудь, содержащее иероглиф, было приятно каждому, в том числе и неграмотным, для большинства которых дешевые новогодние картинки с надписью были единственно доступными из всей китайской печати.

Социальный состав основной массы покупателей *няньхуа* не был однороден, и хотя состоял из «низов» общества — крестьян, бедного городского населения, в нем присутствовала и небольшая прослойка более или менее грамотных людей, могущих истолковать желающим смысл написанного на картине.

Здесь уместно сказать несколько слов о системе первоначального образования в позднем императорском Китае. Существовало несколько путей для его получения. Состоятельные семьи приглашали к детям частного учителя, с учебой малоимущих, особенно в деревнях, дело

обстояло сложнее, однако почти в каждой деревне при храме существовала общедоступная школа. Уровень знаний, даваемых такими школами, был невысок, сами народные картины иронически изображают их, однако выпускников храмовых школ нельзя уже назвать абсолютно безграмотными. Потенциальная возможность получения образования существовала у всех. В реальности школьное образование было недоступным для многих из-за необходимости с ранних лет зарабатывать на жизнь. И все же даже люди, ничему никогда не учившиеся, проявляли познания в китайской литературе и истории. Приведем цитату, в которой рассказывается о безграмотных китайских женщинах: «[Для них] самая обычная вещь — повторить по памяти, слово за словом, поэтическую легенду в несколько тысяч слов после того, как они услышат ее всего несколько раз. Я буду удивлен, если обычная фабричная девушка у нас в Англии сможет процитировать наизусть сонет Шекспира или любого другого поэта. Однако стихи Ли Бо и Су Дунпо хорошо знакомы всем нашим деревенским женщинам» (Leong, Tao 1915: 20).

В Китае мы сталкиваемся с явлением, которое можно обозначить как «народная образованность». Она достигается совокупностью различных факторов — культом письменности, высоким статусом образованности, налаженной системой первоначального образования, а также высоким уровнем развития видов народного искусства — сказительского, театрального и ксилографической гравюры, одной из основных целей которых является просветительство. Эти три крупнейших вида народного искусства трансформируют достижения «большой» профессиональной культуры, делая их общедоступными. Народная картина, как единственный из них вид изобразительного искусства, играет особую роль. Она не только иллюстрирует различные случаи из истории и литературы, но в какой-то степени помогает ликвидировать безграмотность населения именно благодаря надписям. В. М. Алексеев, путешествуя по Китаю, разговаривал со многими представителями «низов» — крестьянами, погонщиками мулов, возчиками, слугами и «часто обнаруживал у них некоторые признаки книжной культуры. Многие, например, оказывались в состоянии прочесть надпись, то есть произнести вслух фонетические эквиваленты иероглифов, образующие смысл надписи (буквально ничего не понимая ни в порознь взятых идеограммах, ни в их сложении)». Все опрошенные оказались в состоянии истолковать сюжеты картин, их непростую символику. «...Трудно после этого назвать такого крестьянина совершенно уж неграмотным, некультурным и диким. Вообще, пожалуй, такой массы полуграмотного населения, как в Китае, не было нигде» (Алексеев 1966: 51—52). Именно эти пассивно грамотные люди и составляли большинство покупателей народной гравюры. Лучшему запоминанию иероглифов способствовала традиционность, повторяемость текстов. Представляется, что все надписи на новогодних лубках в той или иной степени служили «кликбезовским» целям. Эту функцию народных кар-

тин нельзя особенно преувеличивать, но игнорирование ее может привести к недопониманию роли *няньхуа* в жизни традиционного Китая.

Характер надписей на народных картинах предопределен особенностями китайского языка. Это — сложность и своеобразие иероглифической письменности, дающие возможность представить и запомнить иероглиф как картинку, а также изобилие в языке омонимов, позволяющее составлять сложные рисунки-ребусы. Сильные диалектальные различия и большой разрыв между письменным и разговорным языком, очевидно, повлияли на тексты народных картин, существенно их ограничив. Картинки печатались в нескольких крупных центрах, откуда развозились по всей стране. Пространные тексты, как подметил В. М. Алексеев, были часто в принципе непонятны «без перевода на разговорный язык данной местности» (Алексеев 1966: 126). Интересно, что свойства языка обыгрывались самой народной картиной, например, лист «Крестьянин и лекарь» (Рифтин и др. 1991: ил. 190) изображает встречу этих двух персонажей, редкая диалогическая надпись раскрывает смысл беседы: крестьянин воспринимает не медицинские термины и названия лекарственных растений, а их омонимы — из области сельского хозяйства, соответственно, рекомендации лекаря для него совершенно иные.

Именно разница языков при сходной культурной ситуации в бытовании русского лубка и китайской народной картины не позволила *няньхуа* пользоваться надписью так же широко, как это делал лубок, не сделала китайскую гравюру «настенным театром» (Сакович 1979: 352), в котором текст столь же значим, как и изображение. Китайская народная картина вообще без надписи — совершенно нормальное явление, тогда как русский лубок немыслим без текста.

Литература

Алексеев 1966: Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.

Виноградова 1991: Виноградова Т. И. Надписи на китайской театральной народной картине // ППиПИКНВ. XXIV (1989). Ч. 1. С. 126—133.

Рифтин и др. 1991: Редкие китайские народные картины из советских собраний / Сост. Б. Л. Рифтин, Ван Шу-цунь и Лю Юй-шань. Л.; Пекин.

Сакович 1979: Сакович А. Г. Русский настенный лубочный театр 18—19 веков // Театральное пространство. Материалы научной конференции (1978). [Випперовские чтения. 10.] С. 351—376.

Соколов 1996: Соколов Б. М. Русский лубок как литературный жанр // Новое литературное обозрение. № 22. Другие литературы. Спец. вып. С. 177—202.

Соколов 1999: Соколов Б. М. Лубок как художественная система // Мир народной картинки. Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1997». М. С. 9—30.

Софронов 1979: Софронов М. В. Китайский язык и китайское общество. М.

Eliasberg 1978: *Imagerie chinoise du Nouvel An*. Paris.

Johnson 1992: Johnson D. Domesticated deities and auspicious emblems. The iconography of everyday life in village China. Popular prints and papercuts from the collection of Po Sung-nien. Berkeley.

Leong, Tao 1915: *Leong Y. K., Tao L. Village and Town Life in China*. London.

Rudova 1988: *Chinesische Neujahrsbilder / Text und Auswahl* M. Rudova. Leningrad.

INSCRIPTIONS AND TEXTS ON THE CHINESE POPULAR WOODBLOCK PRINTS *NIANHUA*

by

T. I. Vinogradova (Sankt-Petersburg)

Nianhua, literally the New Year pictures is the most representative genre of Chinese popular graphic art, a valuable source for the reconstruction of popular mentality in pre-modern China. Nevertheless there are some strange lacunas in the field of investigation of *nianhua*, among those is the lack of systematic analysis of texts and inscriptions that could be read on the sheets of prints. For comparison, the texts of Russian popular prints — *lubok* are for the long time the object of serious and careful study, and the natures of print's texts are one of conditions for reckoning prints in the genre of *lubok*.

There are groups of inscriptions common to all the sub-genres of *nianhua*: titles, the names of shops, signatures of artists, but some texts are peculiar to concert sub-genres: to icons, to auspicious and didactic pictures, to genre scenes etc. For the most interest are the inscriptions decorating the *nianhua* inspired by theater or by literature subjects.

The character of *nianhua* inscriptions testified the traditional respect of Chinese people to any written words, disproved the common opinion about absolutely illiteracy of the peasants and craftsmen — the main consumers of *nianhua*.

The most sufficient features of the *nianhua* texts lie in the nature of Chinese language: the character script and the abundance of homophones, which allowed the texts to have some additional symbolic meaning. Many of Chinese wood block pictures inscriptions we can read as rebus. Deciphering such rebus is the main task for everybody studying *nianhua*.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КРАСНОАНГОБИРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ФЕРГАНЫ*

Ю. А. Заднепровский (Санкт-Петербург)

Памятники древней Ферганы с красноангобирванной керамикой, открытые в 1930 г. Ферганской экспедицией ГАИМК Б. А. Латынина, исследуются уже на протяжении 40 лет. Следует признать, что основные вопросы изучения керамики — наиболее выразительного признака мархаматской культуры — все еще остаются спорными и нерешенными. Среди них в первую очередь надо остановиться на датировке. Не излагая историю вопроса, которая достаточно хорошо освещена в литературе, остановимся только на основных положениях. Начнем с абсолютной хронологии. Всего две категории находок составляют реальную базу абсолютной датировки керамики и всего мархаматского периода Ферганы. При этом нижняя граница определена по находке одной монеты II в. до н. э. (варварского подражания чекану Гелиокла), а верхняя — по одной, а затем по нескольким железным наконечникам стрел — III—IV вв. н. э. Исходя из этих находок, Т. Г. Оболдуева

* Настоящая статья, принадлежащая перу видного российского археолога, неутомимого исследователя древностей Ферганы и всего региона Центральной Азии Юрия Александровича Заднепровского (1924—1999), была написана между 1971 и 1975 гг. и при жизни ее автора так и не увидела свет. Несмотря на то что данной работе уже почти 30 лет, редколлегия сочла возможным опубликовать ее в т. I (26) новой серии ЗВОРАО, не только отдавая тем самым должное несомненным заслугам Ю. А. Заднепровского перед российской археологией, но и принимая во внимание ее важность с точки зрения методических разработок автора, не потерявших своей актуальности до сих пор, и осмысления историографии проблемы. Разумеется, читателю необходимо сделать поправку на присущие Юрию Александровичу полемический задор и некоторую резкость суждений, особенно в дискуссии с его постоянным оппонентом, другим крупнейшим российским специалистом в области ферганской археологии, Натальей Григорьевной Горбуновой (к сожалению, также недавно — в 2000 г. — ушедшей из жизни). Данная работа была подготовлена к публикации Татьяной Николаевной Заднепровской, супругой и соратницей Юрия Александровича и близкой подругой Натальи Григорьевны. К нашему глубочайшему прискорбию, Татьяна Николаевна, хорошо известная в археологических кругах как замечательный библиограф-археолог, автор многих археологических библиографий, включая важнейшее многотомное издание «Советская археологическая литература: Библиография», скончалась в октябре 2001 г., незадолго до сдачи этого тома в печать. Редколлегия ЗВОРАО рассматривает настоящую публикацию как дань ее светлой памяти (см. также некролог, помещенный в разделе «Personalia» настоящего издания).

(Оболдуева 1951) датировала комплекс керамики, открытый на Большом Ферганском канале (далее: БФК) экспедицией Б. А. Латынина, временем от II в. до н. э. до III—IV вв. н. э. В. Д. Жуков (Жуков 1951) по материалам II отряда БФК предложил приблизительную интуитивную дату — V в. до н. э. — V—VI вв. н. э. Она не была основана на реальных фактах, и поэтому все исследователи исходили из хронологии Т. Г. Оболдуевой как наиболее вероятной. Последняя была несколько расширена и проверена на новых материалах мною в 1954 г. — III—II вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. (Заднепровский 1954) и в таком виде была поддержана и принята Б. А. Латыниным (Латынин 1961а; 1961б). Однако в этих же работах Латынин предложил дробную периодизацию, разделив весь период существования комплекса на 3 этапа: ФII/1 — III—II вв. до н. э., II/2 — I в. до н. э.—I в. н. э., II/3 — II—IV вв. н. э. Обосновать свою периодизацию он не мог и не привел соответствующих аргументов. Различие этапов устанавливалось по частным признакам — таким, субъективно определяемым, как качество ангоба и т. п. Не приведено каких-либо оснований, например, для выделения промежуточного этапа, определенного путем противопоставления с предыдущим и последующим. В целом эта периодизация имеет умозрительный характер и не основана на фактических данных, а этапы выделены механически, и поэтому она не может служить эталоном для сравнения и определения хронологии других памятников.

В начале 1960-х гг., определяя хронологические рамки Шурабашатского комплекса, я высказал предположение, что начало появления красноангобированной керамики в Фергане относится к рубежу V—IV вв. до н. э., и таким образом период бытования этой керамики стал еще более продолжительным и совпал с гипотезой В. Д. Жукова (Заднепровский 1962). Данные о более раннем появлении посуды с красным ангобом по материалам Шурабашата, впервые опубликованные автором настоящей статьи (Заднепровский 1958), правильно оценил и учел Б. А. Латынин (Латынин 1961а), который отнес начало этой керамики уже к этапу ФI/3 — IV—III вв. до н. э. (по данным Шурабашата и БФК). Затем это предположение о появлении ее в V—IV вв. до н. э. было поддержано П. П. Гаврюшенко (Гаврюшенко 1969) по данным Кулунчакского поселения и Д. Ф. Винником и Г. А. Брыкиной (Винник, Брыкина 1968).

В те же 1960-е гг. наметилась и тенденция пересмотра длинной (широкой) даты красноангобированной керамики. Начало положила Г. А. Брыкина (Брыкина 1962). Она опубликовала небольшие сборы керамики на двух поселениях и при этом отметила, что по качеству глины, характеру ангоба и формам эти находки сходны с керамикой тепе Кугай, исследованного Латыниным. Автор не рассматривает подробно вопрос о хронологии и не сопоставляет материалы, а просто по аналогии со временем этапа ФII/3 датирует свои материалы II—IV вв. н. э. Никаких доказательств или оговорок, что речь идет только о позднем комплексе, в работе Брыкиной не имеется. Касаясь керамики из Ак-

тепе, она упоминает позднюю датировку Гайрат-тепе — III—IV вв. н. э., ссылаясь на доклад В. И. Козенковой, прочитанный в Москве в 1961 г. Из этого можно заключить, что упомянутые московские археологи одновременно занимались хронологией и работали в одном направлении.

Статья В. И. Козенковой о материалах Гайрат-тепе появилась несколько позднее (Козенкова 1964). В ней обстоятельно проанализирован большой комплекс керамики, который разделен стратиграфически на 3 этапа. В целом это очень интересный памятник, давший много нового для изучения мархаматского периода. Остановимся только на вопросах хронологии. Прежде всего, надо сказать, что никаких датированных находок на тепе не оказалось. Хронология устанавливается путем аналогии. По словам В. И. Козенковой, весь круг привлекаемых аналогий относится к последним векам до н. э. и I—IV вв. н. э. и только некоторые формы — не ранее рубежа нашей эры. И никак нельзя понять, на чем основывается автор, когда, заканчивая раздел, пишет: «Исходя из аналогий, считаем возможным датировать керамику I строительного периода временем не ранее рубежа н. э. и до II—III вв. н. э.», т. е. она при этом отбрасывает три века до н. э. и датирует Гайрат I I—III вв. н. э. На каком основании это сделано, чем руководствовался автор, читателю остается непонятным. Абсолютная дата I периода определена произвольно. Керамика II периода сравнивается с посудой из катакомбных и подбойных могильников и тепе Кугай (II—IV вв. н. э.), а датируется почему-то III—V вв. н. э.; III комплекс датирован V—VI вв. н. э. и также по весьма слабым аналогиям.

Нет оснований сомневаться в правильном выделении трех этапов, трех комплексов керамики на Гайрате, но абсолютные даты, предложенные Козенковой, не аргументированы и не опираются на факты. Итоги рассмотрения хронологии она свела в таблице, в которой этапы Гайрата синхронизированы с периодизацией Латынина, Бернштама и автора настоящей статьи. При этом первый (начальный) этап Гайрата считается одновременным позднему этапу по Латынину и в то же время синхронным всему периоду красноангобированной керамики, как это установлено Оболдуевой — Заднепровским — Латыниным (мархаматский период по Заднепровскому). Поскольку новых доводов В. И. Козенкова не привела и не рассмотрела критически в целом всю проблему хронологии, то следует признать ее попытку пересмотра хронологии несостоятельной, а периодизацию — неприемлемой.

Наиболее обстоятельная попытка пересмотра и уточнения датировки предпринята в ряде работ Н. Г. Горбуновой (Горбунова 1970; 1971). Автор довольно подробно излагает историю вопроса и останавливается на абсолютной датировке. Она высказывает мнение, что для датировки рассматриваемой керамики нельзя привлекать находку монеты Гелиокла, потому что она, как утверждает автор, «найдена вне комплексов керамики, и Т. Г. Оболдуева использует ее для возможной датировки городища в целом. Случайная находка монеты никак не может, на мой взгляд, служить основанием для ранней датировки

красноангобированной керамики» (Горбунова 1971: 74). С таким заключением нельзя согласиться, так как Оболдуева, опираясь именно на находку монеты, датировала памятник и весь период, характеризующийся керамикой, т. е. и саму керамику, что соответствует обычной практике в археологии. Кроме того, Н. Г. Горбунова не привела данных о месте находки монеты, которые заставили бы отказаться от имеющихся суждений и признать эту находку случайной. В отчете Т. Г. Оболдуевой об условиях находки монеты ничего не сказано. Однако в статье В. М. Массона (Массон 1956: 62), специально посвященной анализу монет чекана Гелиокла, приведены сведения о том, что она обнаружена на городище Кайноват на глубине 3 м. Эти данные взяты из списка монет БФК; поскольку новых данных не приведено, у нас нет оснований сомневаться в точности сведений о находках монет, поступавших начальнику экспедиции на БФК М. Е. Массону. Монета найдена на глубине 3 м, и следовательно, она происходит, вероятно, из нижних слоев, поскольку толщина слоя на городище, по наблюдениям Т. Г. Оболдуевой, достигала 3—4 м. Эта редкая в условиях Ферганы находка, по заключению В. М. Массона, представляет большой интерес. Кстати, она не единственная. Мне известны еще две случайные находки греко-бактрийских монет, и обе происходят из Коканда. Считаю уместным здесь напомнить слова Б. А. Латынина о том, что Т. Г. Оболдуева правильно оценила датирующее значение монеты Гелиокла (Оболдуева 1961). Таким образом, Т. Г. Оболдуева, М. Е. и В. М. Массоны, Б. А. Латынин и др. признавали значение находки, а Н. Г. Горбунова выступает против этого, не приводя каких-либо аргументов. Из всего сказанного вытекает, что у нее нет достаточно веских оснований исключать монету при рассмотрении абсолютной даты, и следовательно, ранняя датировка керамики III—II вв. до н. э. остается в силе.

Обратимся к железным наконечникам стрел. Ранее известна была одна находка на Кугае. В результате многолетних работ Н. Г. Горбуновой количество их увеличилось, и они составляют уже серию. Наконечники найдены на четырех поселениях. Всего их восемь, и они различаются по форме. Горбунова выделила четыре их типа: трехперый лавролистный, трехлопастной с прямым основанием, трехлопастной лавролистный и трехгранный лавролистный с упором внизу (Горбунова 1971). Определяя их дату, она совершенно справедливо пишет, что как классификация, так и периодизация железных наконечников Средней Азии не являются окончательными и решенными. Она полностью принимает положение С. С. Сорокина и Б. А. Литвинского о позднем возрасте наконечников лавролистной формы, а также наконечников с прямым и тупоугольным основанием. Наконечники из Керкидона и Кургая, пишет она, можно отнести скорее к III—IV вв. н. э. Эта, принадлежащая еще Б. А. Латынину, датировка без проверки принималась всеми исследователями, и только с выходом монографии А. М. Хазанова о сарматском оружии (Хазанов 1971) появилась воз-

возможность объективно проверить ее. Хазанов, обобщая огромный материал по сарматам, выделил формы наконечников, типологически сходные с ферганскими (с прямым основанием и с тупоугольным, только они у него названы несколько иначе). Эти два типа появляются, по его заключению, на рубеже IV—III вв. до н. э., они также встречаются в среднесарматский (I в. до н. э.—I в. н. э.) и позднесарматский (II—IV вв. н. э.) периоды. Автор особо подчеркивает, что среднесарматские ничем существенно не отличаются от раннесарматских. При этом, опираясь на имеющийся материал, он обращает внимание на то, что развитие трехлопастных стрел в Средней Азии шло в том же направлении, что и у сарматов (Хазанов 1971: 41). Из этого вытекает, что рассмотренные типы наконечников у сарматов употреблялись без существенных изменений на протяжении длительного времени и сами по себе не могут служить датирующими находками, так как их даты устанавливаются по комплексу инвентаря в погребениях.

Работа Хазанова вышла после статьи Н. Г. Горбуновой, и она, естественно, не могла использовать ее. Однако еще в 1961 г. Б. А. Латынин обратил внимание на сходство наконечника Кугая с материалами могильника Аруктау в Южном Таджикистане, исследованного А. М. Мандельштамом (Мандельштам 1956). Но поскольку эта аналогия не соответствовала его представлениям, то он сопроводил ее замечанием (Латынин 1961: 115, примеч. 8), что датировка Аруктау ему представляется слишком ранней. В этом он ошибался, ибо дата могильника — II—I вв. до н. э. — определена А. М. Мандельштамом достаточно твердо и не вызывает сомнений. Следовательно, в среднеазиатских памятниках имеются прямые аналогии в пользу ранней датировки некоторых типов наконечников, и они подтверждаются сарматскими материалами. Особо стоит вопрос о трехгранных наконечниках, аналогии которым отсутствуют у сарматов. Этот тип требует дальнейшего изучения. Из всего сказанного вытекает, что ферганские наконечники не могут быть использованы для точной и узкой датировки и что они существовали в пределах, по крайней мере, от II—I вв. до н. э. до III—IV вв. н. э.

Резюмируя все сказанное, приходится констатировать, что Н. Г. Горбунова, исключив находку монеты и переоценив датирующее значение наконечников стрел, пришла к необоснованному сужению абсолютной даты, ограничив ее I—IV вв. н. э. Из этого получается, что в Фергане имеются памятники эйлатано-актамского периода и затем памятники I—IV вв. н. э., а между ними темный период III—I вв. до н. э., соответствующий времени существования и расцвета Даваньского царства, описанного в китайских источниках. Датировки Т. Г. Оболдуевой и других учитывали и то обстоятельство, что время красноангобированной керамики хорошо согласуется с данными письменных источников, тогда как выводы Н. Г. Горбуновой представляются противоречащими историческим данным.

По материалам Гайрата получается непрерывное развитие от I до V в. н. э. Весьма возможно, что на этом памятнике так и было. Но, су-

дя по стратиграфии Дунбулака, который находится всего в 60 км от Гайрата, в середине I тыс. н. э. в Восточной Фергане отмечается упадок, в частности, ухудшается качество гончарных изделий и наблюдается перерыв в культурных напластованиях. Аналогичное явление ранее отмечал А. Н. Бернштам на Касане. Все это как-то связывается с вопросом о кризисе общественного строя в III—V вв. н. э. в Средней Азии. Но в работах В. И. Козенковой и Н. Г. Горбуновой о кризисе даже не упомянуто. Несомненно, что при разработке хронологии и периодизации необходимо учитывать и постоянно соотносить археологические данные с историческими.

Подведя итоги рассмотрению абсолютной хронологии, следует признать, что в настоящее время нет достаточно надежных оснований для датировки и для пересмотра старых дат и вопрос остается открытым. Наиболее вероятна дата мархаматского периода — времени расцвета рассматриваемой керамики — III—II вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. А в целом время бытования красноангобированной керамики охватывает большой отрезок. Получается, что интуитивная дата В. Д. Жукова, предложенная в 1951 г., совпадает с тем, к чему мы приходим через 20, а точнее, через 30 лет после работ на БФК. Хронологические рамки керамики охватывают период от V в. до н. э. и до V—VI вв. н. э., т. е. более 1000 лет. В этой связи особое значение приобретает задача внутренней периодизации, без чего невозможно дальнейшее изучение культуры древней Ферганы. О попытках периодизации Б. А. Латынина и В. И. Козенковой уже было кратко сказано. Относительно периодизации В. Д. Жукова 1951 г. приведу заключение из своей рецензии на «Материалы БФК» (Заднепровский 1953: 117—118): «Недостатком ее является ненадежность критерия, избранного автором. Так, для разделения II, III и IV периодов в качестве критерия принято качество ангобы, характер черепка и орнамент сосуда (с. 77). Расположение материала на основании такого критерия при отсутствии надежных стратиграфических наблюдений всегда зависит от субъективного подхода исследователя и будет иметь условный характер, тем более что по одной керамике нельзя выделять этапы развития культуры и строить периодизацию развития общества в целом».

Обратимся к последним опытам дробной периодизации, к вопросам относительной хронологии (внутренней), а затем рассмотрим вопрос о соотношении мархаматского комплекса с предшествующим и последующим (внешняя относительная хронология). Вопросы эти тесно переплетены в работах Н. Г. Горбуновой. Она поставила задачу разобраться в относительной хронологии и разработать дробную внутреннюю периодизацию. Для этого она применила новый метод количественного сравнения отдельных форм посуды в комплексах изучаемых поселений. Она стремится на базе сравнения ассортимента посуды подойти к определению относительной хронологии. Этот методический прием заслуживает внимания. К тому же использован наглядный способ изображения результатов сравнения в виде диаграмм.

Таким образом, положено начало новому этапу в изучении относительной хронологии. Вместе с тем, не все положения достаточно обоснованы, и в целом ее периодизация требует доработки и уточнения. Остановимся на некоторых неверных, на мой взгляд, положениях Н. Г. Горбуновой:

1. Она в относительной периодизации исходит из узкой абсолютной датировки красноангобированной керамики, что ведет к неправильным выводам о соотношении памятников во времени.

2. Она полностью принимает датировки Гайрата В. И. Козенковой, а поскольку они произвольны, то и получаемые соотношения сравниваемых с Гайратом памятников, естественно, также оказываются произвольными и спорными.

3. Основным положением, на котором держится вся периодизация, является идея о том, что наиболее простая форма сосуда одновременно будет и наиболее ранней, древней. Это вызывает сомнение, и ниже будет показано, что оно не подходит к ферганской керамике.

4. Различие по ассортименту посуды между Сым-тепе, Керкидонном и Гайратом действительно существует. Но осталось не доказанным, насколько оно обусловлено хронологией и не сказываются ли здесь локальные, социальные, экономические и другие причины.

Принимая все это во внимание, приходится оставить рассмотрение по существу периодизации Н. Г. Горбуновой и ограничиться рассмотрением вопроса о внешней относительной хронологии. Предварительно остановимся на вопросах методики изучения керамики Ферганы, в которой имеется также много спорного. Н. Г. Горбунова в своей цитированной уже работе (Горбунова 1971) не рассматривает вопрос о принципе, критериях и о схеме классификации керамики. Но, суммируя отдельные положения, можно представить схему классификации следующим образом. Вся керамика разделена на станковую и лепную. Станковая подразделена на восемь групп: миски, горшки, кувшины и др. Три из них, в свою очередь, разделены на типы, а часть из них — и на подтипы. Лепная состоит из 5 групп: I — кухонная, II — с шамотом, III — с красным ангобом, IV — с красной росписью, V — с красной краской. Каждая группа подразделена на типы. Известно, что классификация является сложным делом, и принципы ее все еще недостаточно разработаны в среднеазиатской археологии. Вызывает ряд вопросов и схема Н. Г. Горбуновой. Все имеющиеся классификации керамики в конечном итоге могут быть сведены к иерархическим или прямым. Первые сводятся к последовательному разделению на таксономические единицы на основании признаков, имеющих разное значение. Так, в моей классификации керамики древней Ферганы (Заднепровский 1954) комплекс делится на типы (группы; наименование таксономических единиц — один из наиболее спорных вопросов), которые подразделяются на классы: чаши, кувшины, горшки. Из них затем выделяются типы (формы). При такой классификации выделяются единицы, имеющие более существенное и менее существенное значение.

Прямые классификации строятся с учетом равноценности всех возможных признаков одновременно. В итоге получаются типы, которые образуют естественные группы и создают систему в целом. Создание таких классификаций возможно лишь при помощи ЭВМ. В среднеазиатской археологии на таких принципах разрабатывается схема Б. И. Маршака. В классификации Н. Г. Горбуновой, создаваемой под влиянием Б. И. Маршака, соединены приемы обоих видов классификаций, что и объясняет нечеткость ее положений, а именно:

1. В схеме Горбуновой по разным принципам разделена станковая и лепная керамика. Первая делится на группы с учетом формы и функционального назначения — группы мисок, кувшинов и др. Лепная разделена на группы по способам обработки поверхности и по технологии — кухонная, с красной краской и др. Следовательно, нарушено основное требование употребления единого критерия комплекса.

2. Выделенные группы неоднородны. Так, I группа — красноангобированные миски — включает также миски эйлатанские. То же относится и ко II группе, а III группа — красноангобированные кувшины — включает всю керамику с белым ангобом и станковую без ангоба, т. е. керамику трех разновидностей. Это же наблюдается и во всех других группах.

3. Не приняты во внимание значимость групп и их удельный вес в комплексе. Наряду с такими группами, как миски, кувшины и горшки, представленные большими и разнообразными сериями, в качестве равных выделены группы фляг, сосуды со сливом, представленные единичными находками. Следовало бы IV—VIII группы объединить в одну группу сосудов редких форм.

4. В классификации преувеличивается значение одного признака — формы сосуда.

В результате рассматриваемая схема дает неточное представление о комплексе керамики в целом. Если сравнить ее с опубликованными, то можно заметить, что по существу она почти ничем не отличается от моей классификации шурабашатского комплекса, а ведь Н. Г. Горбунова разрабатывает классификацию совсем иного комплекса — комплекса красноангобированной керамики.

Столь подробное рассмотрение вопросов классификации объясняется тем, что недостаточная четкость и продуманность схемы классификации является основной причиной, затрудняющей дальнейшее изучение, и она, в частности, явилась причиной смешения разновременных комплексов — шурабашатского и мархаматского.

Обратимся к вопросу учета количества форм посуды на разных поселениях и в разных слоях. В сравнительном изучении Н. Г. Горбуновой в качестве основного признака выделена форма сосуда. Определение формы по фрагментам, как она справедливо отмечает, дело трудное, и естественно, что часть материала, и притом весьма значительная, остается не определенной. Так, на Гайрате учтено 7820 фрагментов, а форм удалось определить только 976, т. е. примерно лишь

1/8 часть всей коллекции. Кроме того, ее подсчеты несопоставимы с уже опубликованными статистическими данными. Было бы целесообразно учитывать и сравнивать памятники как по количеству всех черепков разных типов, так и по количеству форм сосудов. В настоящее время статистические подсчеты разных авторов, изучавших ферганскую керамику, несопоставимы, что снижает ценность этих наблюдений.

В качестве примера рассмотрим эволюцию мисок типов Iг, Iд и Iе в Гайрате, которым Горбунова придает важное значение в вопросах периодизации. По ее данным, миска с перегибом стенок — Iг — в I слое составляет 34 %, во II — 22 % и в III — 10 %, а миска Iд, соответственно, — 27, 23, 18 %, т. е. в обоих случаях наблюдается уменьшение их количества во времени. Иное получается с миской Iе — соответственно, 1, 22, 37 %. В данном случае отмечается процесс увеличения. Всего в Гайрате в I слое определено 564, во II — 355, в III — 57 форм. Сопоставим эти цифры с данными В. И. Козенковой, чтобы установить хотя бы приблизительно, какая часть материала осталась не определенной и как это влияет на результаты подсчета. В Гайрате фрагментов только одних мисок найдено около 2000 (цифра округлена мною). Отсюда следует, что только одних мисок было вдвое больше, нежели всех определенных форм (976). К сожалению, отсутствуют данные о распределении этих находок по слоям, и приходится вычислять процент от общего количества мисок — 2000. В этом случае получаются следующие соотношения: Iг — I — 9,2 %, II — 4,0 %, III — 0,3 %; Iд — 10,0, 4,0 и 0,5 %, т. е. тенденция к уменьшению этих форм подтвердилась. Но заключение об увеличении формы Iе не подтверждается: I — 1 %, II — 4 %, III — 1 %. Мне представляется необходимым учитывать все обнаруженные материалы, и только в таком случае можно предполагать, что полученные результаты не будут случайными, а отразят некоторые закономерности.

И самое главное. Когда будет установлена корреляция различия ассортимента посуды с другими различиями между памятниками, только тогда она будет иметь существенное значение и только тогда можно будет объяснять различие ассортимента хронологией. Более надежно сравнивать комплексы по наличию или отсутствию типов (групп) посуды и их количества, а еще более правильным представляется строить относительную периодизацию путем сравнения памятников-поселений. Все эти положения не учитывались Н. Г. Горбуновой при рассмотрении шурабашатского комплекса и сопоставлении с ним мархаматского.

Вопрос о месте Шурабашата и о его дате является принципиальным и имеет определяющее значение для относительной хронологии красноангобириванной керамики. По заключению Горбуновой, сравнение шурабашатской станковой посуды показывает, что она больше всего похожа на материалы из Керкидона. Все формы, имеющиеся в Шурабашате, представлены и в Керкидоне, за исключением кувшина IIIд. Ассортимент станковой посуды Шурабашата меньше, чем в Кер-

кидоне и, возможно, более близок Сым-тепе III. При этом следует учитывать, как она пишет, что станковой посуды в Шурабашате всего 3—5 %.

Далее сказано (Горбунова 1971: 87), что, если сравнивать ассортимент посуды (т. е. набор форм) Шурабашата и Керкидона в целом, без разделения на станковую и лепную, то сходство будет почти полное. Обращаю внимание на предложение смешать два принципиально разных вида керамики, что было бы большой ошибкой. Ведь в таком случае был бы нарушен важнейший принцип сравнения одинаковых явлений. Смешение неизбежно приведет к ошибочным выводам. В этом еще раз проявляется преувеличение значения формы сосуда.

Имеющиеся данные о процентном соотношении типов керамики Шурабашата, Карадарьинского городища и Дехкан резко отличаются от данных о Гайрате и Керкидоне. Для шурабашатских поселений характерно преобладание лепной керамики — 60 % и более, тогда как в Керкидоне и Гайрате соотношение обратное, и там преобладает станковая. Имеющиеся данные показывают тенденцию к уменьшению количества лепной крашеной и расписной посуды на шурабашатских памятниках и в то же время тенденцию к увеличению количества станковой, в том числе и красноангобированной керамики, до 39 % в Дехкане. Соотношение станковой и лепной керамики в Гайрате — 85:15 (80:20), а по формам — 73:27. Факт преобладания лепной посуды в Шурабашате Н. Г. Горбунова учитывает, но делает из этого вывод о том, что Шурабашат представляет локальный вариант культуры красноангобированной керамики и что здесь в лепной керамике воспроизводили формы привозной из других районов Ферганы посуды с красным ангобом. А если все было наоборот и если в станковой посуде воспроизводили более ранние формы лепной посуды? В Шурабашате наиболее характерными являются типы расписной и крашеной посуды, которые полностью отсутствуют в Керкидоне и в единичных экземплярах представлены в Гайрате. Эти типы в Шурабашате сосуществуют с красноангобированной, которая ничем не отличается от аналогичной посуды из других районов Ферганы. При этом характер шурабашатского комплекса керамики повторяется на всех пяти раскопанных мною поселениях, а также на памятниках, изученных И. Н. Кожемяко и П. П. Гаврюшенко.

Ранее, до открытия в 1954 г. Шурабашата, предполагалось, что эйлатанская керамика непосредственно сменяется мархаматской. В Шурабашате представлены все типы более ранней керамики, известные в Эйлатане, а также в Актаме. Но Шурабашат — это не копия, не повторение Эйлатана, а дальнейшее развитие его. В нем представлена посуда, свойственная позднему мархаматскому комплексу, — станковая красноангобированная и гончарная (без ангоба). Следовательно, по сочетанию ранних и поздних элементов устанавливается промежуточное положение Шурабашата в относительной хронологии Ферганы. Сравнение не одного только ассортимента посуды, а всего комплекса керамики, всех данных о типе поселения, о погребальном обряде дает

достаточное основание для заключения о преемственности между Эйлатаном и Шурабашатом, о том, что он заполняет разрыв между Эйлатаном и Мархаматом.

Ранее Н. Г. Горбунова принимала датировки Шурабашата, и спор у нас с ней и с Б. А. Латыниным шел только о том, считать ли Шурабашат локальным или общеперганским явлением. Вопрос и сейчас остается открытым, хотя материалы, выявленные Е. Д. Салтовской в Аште, представляют, по моему мнению, известный аналог Шурабашату в Северо-Западной Фергане. Но до публикации работы об Аште нельзя составить окончательного суждения.

В последних работах Н. Г. Горбунова предлагает новую дату Шурабашата — I—IV вв. н. э., т. е. на 500 лет позднее. С этим изменением нельзя согласиться, потому что не рассмотрен в целом вопрос о месте Шурабашата и не опровергнуто положение о связи Эйлатана и Шурабашата. Доказать, что эти памятники не связаны, в настоящее время невозможно. Положение Шурабашата в стратиграфической колонке Ферганы имеет кардинальное значение для определения времени появления красноангобирванной керамики. Можно спорить о точных абсолютных датах, но нельзя относить это явление к I—III вв. н. э. При этом надо учитывать и время появления аналогичной посуды в других районах Средней Азии (середина I тыс. до н. э.).

Абсолютные даты Шурабашата слабо обоснованы. Но к имеющимся сопоставлениям с Актамом можно добавить новые, косвенные доказательства. В Шурабашате одной из наиболее распространенных является форма чаши с перегибом стенок. Такие чаши имеются в расписной крашеной и красноангобирванной посуде. Столь широкое распространение, видимо, не случайно. Появление этой формы можно рассматривать как воспроизведение в глине форм металлических чаш, характерных для ахеменидского и более раннего периодов в Передней Азии. Появление этой формы в середине I тыс. до н. э. естественно и оправданно, тогда как причины распространения ее в I в. н. э. объяснить трудно, ибо она отделена 500-летним периодом от металлических прототипов. В этой связи напомним, что Н. Г. Горбунова считает сосуды простой формы и наиболее ранними. В качестве такой более сложной, а поэтому и более поздней формы она называет миску (чашу) с перегибом стенок (Iг). В условиях многовекового развития керамического производства в Фергане, в мархаматский период более ранними следует считать не простые формы, а те, которые независимо от степени сложности повторяют или генетически связаны с более ранними комплексами. Если считать Шурабашат более ранним, то естественно признать, что излюбленные формы были воспроизведены и в появившейся здесь красноангобирванной керамике. Такая последовательность более соответствует логике и хронологии.

В результате исследований Шурабашата была определена последовательность развития керамики древней Ферганы, и для того чтобы

пересмотреть даты Шурабашата, надо рассмотреть систему в целом и доказать отсутствие связи между ее частями.

В настоящее время недостаточно ясно соотношение керамики мархаматского и последующего, именуемого касанским, периодов. Существование в Касане поздних вариантов красноангобированной посуды с так называемой тюркской отмечено еще А. Н. Бернштамом (Бернштам 1952). Интересные наблюдения получены на Дунбулаке и Куве. Но в целом сравнение мархаматского и касанского комплексов еще недостаточно изучено, и при отсутствии датирующих находок дата V—VI вв. для верхней грани мархамата является только предположительной.

Закljučая этот раздел, необходимо констатировать, что в новых работах не приведено достаточных оснований для пересмотра абсолютной и относительной хронологии и вопрос остается открытым.

Другой важной проблемой следует назвать проблему происхождения красноангобированной керамики. Появление ее в Фергане, как и в ряде других районов Средней Азии, связывают с влиянием эллинистической технологии на местное гончарное производство. Пожалуй, первым об этом написал В. Д. Жуков: «Не совсем ясен период, характерный распространением так называемого эллинистического типа керамики, изготовленной на гончарном станке и покрытой густым красным ангобом» (Жуков 1951: 77). В такой общей форме поставлен был вопрос. В 1943 г. А. Н. Бернштам связывал распространение посуды с красным ангобом с развитием римского красного лака. В работе 1954 г. я объяснял улучшение качества мархаматской керамики усовершенствованием условий ремесленного производства и использованием достижений эллинистической техники (Заднепровский 1954). В такой общей форме пишут об этом и другие исследователи. И только в работе Э. В. Сайко (Сайко 1971) сделана попытка конкретизации, когда она пытается связать изменение форм керамики в III в. до н. э. с использованием иного гончарного круга, появление которого обусловлено греческим влиянием. Эта мысль интересна и заслуживает дальнейшего обоснования и изучения.

Появились сторонники автохтонного происхождения красноангобированной керамики. Они утверждают местное, ферганское ее появление. Впервые такую точку зрения высказала В. И. Козенкова: «Думается, что происхождение красноангобированной керамики необходимо рассматривать как результат непрерывного процесса развития гончарства в Фергане с древнейших времен. Возникнув на местной основе, впитав в себя традиции актамской станковой посуды (особенно форму) и чустско-дальверзинской (употребление красного ангоба), эта керамика, возможно, где-то на рубеже нашей эры обогатилась приемами, характерными отчасти для эллинистической традиции, отчасти для кушанской» (Козенкова 1964: 235). Все, что здесь сказано, в основе верно, но неясно главное — как все это происходило, неизвес-

тен механизм формирования новой керамики, и все это трудно доказать. Это действительно только гипотеза.

Д. Ф. Винник и Г. А. Брыкина (Винник, Брыкина 1968) высказались еще более категорично: «Красноангобированная гончарная посуда не только сопутствует расписной (в шурабашатском комплексе. — Ю. З.), но и обнаружена отдельно на ряде памятников этого района. Этот тип керамики существует со второй половины I тыс. до н. э. до I—V вв. н. э. Широкое распространение красноангобированной керамики на памятниках Ферганы и возникновение ее в эпоху раннего железа свидетельствуют о ее местном ферганском происхождении». Еще дальше пошел И. И. Гаврюшенко (Гаврюшенко 1969), который утверждал, что эта керамика «прошла сложный и длительный путь развития, истоки которого обнаруживаются уже в керамике поздней бронзы», т. е. он связывает ее с лепной чустской посудой, забывая, что между ними стоит первая станковая керамика Эйлатана, покрытая светлым ангобом. В результате нельзя связать воедино керамику эпохи бронзы и первых веков нашей эры. Причина заблуждения И. И. Гаврюшенко в том, что он не критически воспринял терминологию В. И. Спришевского, назвавшего чустскую посуду с красной облицовкой красноангобированной. В настоящее время не удастся проследить перехода от эйлатанской станковой керамики к красноангобированной. И пока не появятся новые данные, точку зрения об автохтонном ее происхождении нельзя признать правильной.

В 1970 г. Н. Г. Горбунова предложила новую гипотезу об одновременном появлении в Фергане катакомбных и подбойных могильников и посуды с красным ангобом: «Думаю, что способ погребения в подбоях и катакомбах... появляется и распространяется в Фергане одновременно с появлением красноангобированной керамики» (Горбунова 1970: 84). И далее: «Весьма вероятно, что пришельцы привнесли сюда ремесленные навыки соседних областей, быстро распространившиеся в Фергане» (Там же: 86), а в самом конце статьи: «Изложенная выше гипотеза появления в Фергане двух основных моментов: новой технологии изготовления керамики и нового типа погребального обряда...» (Там же: 86). Все это говорит о том, что приведенное суждение не является случайной опиской. Наличие связей между ферганской керамикой и могильниками установлено еще С. С. Сорокиным (Сорокин 1954), и новое в данной гипотезе состоит в одновременности появления общих элементов и в том, что роль носителей ремесленных навыков отдана населению, оставившему катакомбные и подбойные могильники. Логика появления гипотезы может быть реконструирована следующим образом:

1. Известно, что красноангобированная керамика — один из типичных признаков культуры древней Ферганы, и поскольку С. С. Сорокин установил идентичность керамики поселений и могильников, то отсюда следует, что эта керамика типична и для могильников.

2. Катакомбно-подбойные могильники не имеют местных корней, и они привнесены сюда извне, так же как и красноангобированная керамика. Теперь остается сделать только один шаг — связать появление керамики и могильников.

Эта гипотеза вступает в противоречие, прежде всего, с хронологией. Н. Г. Горбунова исходит из укороченной датировки керамики. Но имеются основания полагать, что она появилась в середине I тыс. до н. э. — во всяком случае, в других районах Средней Азии. В то же самое время большинство рассматриваемых могильников относят к первым векам нашей эры, т. е. имеется огромный хронологический разрыв между появлением керамики и появлением могильников. Вопрос о размере разрыва остается открытым, но, судя по караджарскому могильнику с шурабашатской посудой, он должен быть сокращен.

Кроме того, ферганская керамика самобытна, и ее формы не имеют прототипов в других районах. В каждом районе распространения катакомбных и подбойных могильников керамика своеобразна. Учитывая все эти обстоятельства, следует признать, что пока нет данных, позволяющих связать появление в Фергане красноангобированной керамики с могильниками. К тому же вызывает сомнение и само положение об идентичности керамики поселений и могильников. Можно надеяться, что дифференцированный подход позволит выявить различие керамики ремесленных центров и скотоводов периферии.

Особого внимания заслуживают вопросы терминологии, и прежде всего надо разобраться в наименовании самого периода красноангобированной керамики. В литературе он называется по-разному:

1. Период Ф II.
2. Период красноангобированной керамики.
3. Даваньский.
4. Кушанский.
5. Мархаматский.

К этому перечню Н. Г. Горбунова добавила:

6. Керкидонский.
7. Кугайский.

На мой взгляд, надо упорядочить вопрос о наименовании, и полагаю, что название «мархаматский» — по имени большого городища, вероятно, столичного центра — наиболее подходит.

Унифицировать необходимо и классификацию керамики, и наименования отдельных форм сосудов и т. д.

Следует отметить, что в результате новых исследований керамики древней Ферганы и несмотря на накопление большого материала, существенных сдвигов в ее изучении не произошло. Это объясняется рядом причин.

1. В настоящее время имеются только частные классификации керамики отдельных памятников и районов и отсутствует полная классификация мархаматской керамики Ферганской долины в целом. Отсутствует согласование локальных классификаций.

2. В качестве эталонов исследователи вынуждены использовать материалы не городских (ремесленных) центров, а небольших и преимущественно сельских поселений на окраинах.

3. В силу малочисленности и дробности материалов в ряде случаев они исследуются обобщенно, а не дифференцированно.

4. В сравнительном изучении преобладает сопоставление ассортимента посуды, форм керамики вместо сопоставления комплексов керамики или, что было бы лучше, — самих памятников.

5. Используются разные приемы количественного подсчета (статистики) керамики, и результаты таких работ несопоставимы.

6. В основу некоторых исследований положен неверный (для мархаматского комплекса) принцип развития от простой формы к сложной, при этом подразумевается, что простая форма является одновременно и более древней.

7. Некоторые исследователи преувеличивают значение формы сосудов, что приводит к неправильному пониманию керамического комплекса в целом.

Дальнейшее развитие исследований невозможно без устранения указанных недостатков и без объединения усилий всех исследователей Ферганы. Только критическое осмысление состояния вопроса позволит выработать наиболее эффективные методы изучения¹.

Литература

Бернштам 1952: *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.

Брыкина 1962: *Брыкина Г. А.* Земледельческие поселения юго-запада Ошской области // Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка: Юго-Западная Киргизия. Фрунзе. С. 87—125.

Винник, Брыкина 1968: *Винник Д. Ф., Брыкина Г. А.* О раскопках в районе Андижанского водохранилища // АО 1967 г. С. 361—363.

Гаврюшенко 1969: *Гаврюшенко П. П.* О хронологической классификации Кулунчакского поселения // ИАН КиргССР. № 2. С. 70—74.

Горбунова 1970: *Горбунова Н. Г.* О локальных особенностях в культуре древней Ферганы // СА. № 1. С. 77—86.

Горбунова 1971: *Горбунова Н. Г.* Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом // АСГЭ. Вып. 13. С. 73—93.

Жуков 1951: *Жуков В. Д.* Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина // ТИИА АН УзбССР. Т. 4. С. 41—84.

¹ И в последующие годы Юрий Александрович Заднепровский продолжал очень внимательно и придирчиво следить за новыми разработками в изучении истории и культуры древней Ферганы. Так, в качестве одного из наиболее характерных примеров этой стороны его научного творчества можно привести критический разбор основных положений, высказанных Н. Г. Горбуновой в ее монографии, которая вышла в Англии (*Gorbuнова N. G. The culture of ancient Ferghana, VI century B.C. — VI century A.D. Oxford, 1986 [BAR (IS). 281]*), и, несомненно, стала заметным событием в фергановедении. См.: *Заднепровский Ю. А.* Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы // КСИА АН СССР. Вып. 209. М., 1993. Т. 3. С. 17—23.

Заднепровский 1953: *Заднепровский Ю. А.* [Рецензия] // ВДИ. № 2. С. 117—118. Рец. на: Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Ташкент, 1951 (ТИИА АН УзССР. Т. IV)

Заднепровский 1954: *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана: АКД. Л.

Заднепровский 1958: *Заднепровский Ю. А.* Городище Шурабашат // КСИИМК. Вып. 71. С. 99—108.

Заднепровский 1962: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.

Козенкова 1964: *Козенкова В. И.* Гайрат-Тепе: К истории поселений Ферганы 1-й половины I тыс. н. э. // СА. № 3. С. 218—237.

Латынин 1961а: *Латынин Б. А.* Вопросы хронологии земледельческих культур Древней Ферганы // Исследования по археологии СССР: Сб. в честь М. И. Артамонова. Л. С. 111—119.

Латынин 1961б: *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ. Вып. 3. С. 109—170.

Мандельштам 1956: *Мандельштам А. М.* О работах Кобаданского отряда в 1955 г. // ТАН ТаджССР. Т. 63. С. 71—74.

Массон 1956: *Массон В. М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. XI. С. 63—75.

Оболдуева 1951: *Оболдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина // ТИИА АН УзССР. Т. 4. С. 7—40.

Сайко 1971: *Сайко Э. В.* К истории гончарного круга и развития форм керамики: По археологическим материалам Средней Азии. Душанбе.

Сорокин 1954: *Сорокин С. С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. Т. XX. С. 131—147.

Хазанов 1971: *Хазанов А. М.* Очерк военного дела сарматов. М.

DISPUTABLE PROBLEMS IN THE STUDY OF RED-ANGOB POTTERY OF FERGHANA

by

Yu. A. Zadneprovsky (Sankt-Petersburg)

The present paper was written by the late Professor Yuri A. Zadneprovsky (1924—1999), a prominent expert in the field of Central Asian archaeology, between 1971 and 1975. Never published before, under the scholar's life, it is still of interest because of its methodological and historiographical importance. From the late 1st millennium B.C. through the mid-1st millennium A.D., red-angob (red-paint) pottery was widespread in the Ferghana valley, becoming one of the main peculiarities of the culture of this region. The author gives a critical survey of all the opinions, which existed by the early 1970s, concerning the origin, development, absolute and comparative chronology of the Ferghana red-angob pottery, as well as a position of the Shurabashat culture, which is of great importance for determining the time of the appearance of red-paint pottery in Ferghana at all, in the stratigraphical column of this region. In his conclusion the author states that there are still a number of serious shortcomings in scholarship dealing with the problems, such as:

1) the absence of any general classification of red-angob pottery for the Ferghana valley;

2) for objective reasons, researchers use material from small sites, not from big industrial settlements;

3) there are no objective criteria for comparative characteristics of the available archaeological complexes: so, different methods of statistical calculation of ceramic material do not allow any comparison between them;

4) special attention should be paid to terminology, first and foremost needful is a correct denomination of the period of the existence of red-angob pottery.

A further development of the study of the problems under review is impossible without removing the above shortcomings, as well as without combining efforts of all the researchers of ancient Ferghana. Just a critical understanding of the state of both the problems and shortcomings will allow to work out the most effective methods of investigations.

КИТАЙСКАЯ МЕДНАЯ МОНЕТА КАК МОДЕЛЬ МИРА

Н. В. Ивочкина (Санкт-Петербург)

Отдельные догадки о том, что в основе разнообразных проявлений китайской культуры лежит единая связующе-упорядочивающая система, появились еще в первой половине прошлого века¹. Пионером был Ху Ши, обративший внимание на существование в древнем Китае развитой общепознавательной методологии (Hu Shin 1928). Шэнь Чжунтао продемонстрировал методологию «Книги перемен» как стройную систему символических форм, отражающих всеобщие количественные и структурные закономерности мироздания (Sung 1934). Одновременно французский синолог М. Гране показал методологическую роль нумерологии в широком контексте культур традиционного Китая (Grane 1934).

Однако честь воспроизведения в качестве целостной системы особой методологической теории символизационных пространственно-числовых структур (*сян шу чжи сюэ*, что переводится как 'учение о символах и числах') принадлежит отечественному китаеведению в лице В. С. Спирина (Спирин 1976), А. М. Карапетьянца (Карапетьянц 1974) и особенно А. И. Кобзева, впервые в мировой литературе сформулировавшего вопрос о наличии в китайской классической философии и науке особой формальной методологии. Он же первым предпринял попытку систематического описания основных принципов этой методологии (нумерологии), ее исторической эволюции и типологической специфики (Кобзев 1994а).

Ныне этот специальный структурно-текстологический метод достаточно широко используется в отечественном китаеведении (см., например: Зинин 1984; 1985а; 1985б; 1985в; 1995; Исаева 1984; 1986; 1988; Крушинский 1988; 1995; Лапина 1984; 1988; Лихтман 1985; 1986; 1988), в том числе и в нумизматических исследованиях (Ивочкина 1986; 1987; 1988; 1993; 1998).

Китайская медная монета — литой бронзовый *цян*, круглый, с квадратным отверстием в центре (рис. 1) — служила денежному обращению страны с IV в. до н.э. по конец XIX в. Сочетание в абрисе

¹ Сразу будем называть эту систему нумерологией, как принято в современной науке, хотя сам термин появился и был обоснован только в наше время.

цяня двух геометрических фигур — круга и квадрата — подвигло еще древних авторов признать его соединением Неба и Земли, ибо такой именно формой, соответственно, наделила древняя китайская традиция небо и землю. Это частный случай известной европейцам схемы в виде сочетания темного и светлого, женского и мужского начал *инь—ян*, категорий китайской философии, выражающих идею универсального дуализма мира, конкретизирующихся в неограниченном ряду оппозиций. Интересна этимология этого названия. Оно происходит от описания горы, освещенной солнцем: соотношение светлой (*ян*) и темной (*инь*) сторон горы меняется в течение светового дня по мере прохождения светила по небосводу, давая зримое представление о непреложном взаимном перетекании *инь* и *ян*. Монета представляет собой соединение в пространственном («геометрическом») плане двух нумерологических структур — квадратно-прямоугольной (земли) и круговой (неба).

Квадратно-круговые структуры использовались еще в древнем «И цзине» («Книге перемен»), формировавшемся постепенно, видимо, с VIII по IV вв. до н. э. Именно в виде такой геометрической фигуры — квадрата, вписанного в круг, — дошло до нас пространственное расположение 64 гексаграмм «И цзина» (рис. 2).

Совместно с идеей циклического взаимодействия пяти элементов, или фаз (*у син*), или рядов (*у хан*), пара *инь—ян* легла в основу духовной культуры традиционного Китая.

Наша задача в этой статье — возможно полнее найти проявления этих категорий во внешнем облике китайской монеты.

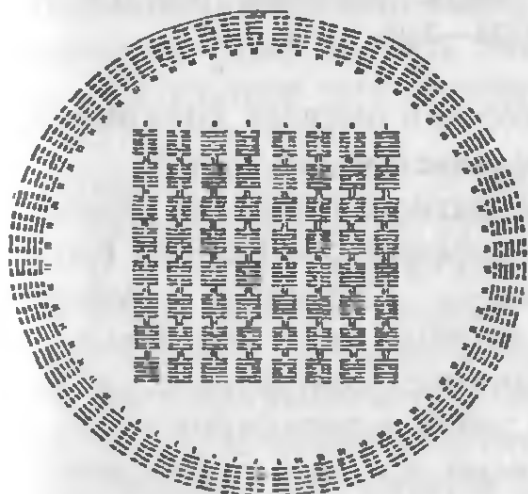

Рис. 2. Квадратно-круговая система пространственного расположения 64 гексаграмм «И цзина»

Рис. 1. Медный китайский цзянь. Чжоу юань тун бао (ходячая монета династии Чжоу). Эпоха Пяти династий (907—960). Дин. Поздняя Чжоу. Император Ши-цзун (955—960)

Внутреннее отверстие в китайских монетах играет прагматическую роль. Оно необходимо для нанизывания их на шнурок, так как денежной единицей в Китае служила не отдельная монета, а связка их, большая или малая, 1000 или 500 штук, соответственно. Первые круглые монеты V—IV вв. до н. э. имели и квадратное и круглое отверстия (рис. 3). Но когда Цинь Ши-хуан-ди (221—210 до н. э.) (рис. 4) объединил Китай, запретил все монеты прежде самостоятельных государств (в форме ножей, лопат и круглые) и ввел единую монету *бань лян* (рис. 5), она имела уже квадрат-

Рис. 3. 1 — монета *Цзи инь* княжества Вэй конца эпохи *Чжаньго* (Борющихся царств) (403—221); 2 — монета *Шао дао* княжества *Шао*

современника, блестящего теоретика позднего легизма, Хань Фэй-цзы (потом он даже сожалел о гибели философа, заключенного им в тюрьму, см.: История Китая 1988: 113).

III в. до н. э. — золотой век древнекитайской философии, и в столь важном государственном деле, как формирование типа монеты, естественно ожидать идеологической обоснованности, а не случайности. Репрезентативная функция является одной из важнейших ее функций. Монета — это визитная карточка государства. При создании Цинь именно такая монета, являющая собой соединение Неба и Земли, т. е. всей видимой части Вселенной, и представляющая Китай и его правителя, весьма соответствовала мировым притязаниям Ши-хуан-ди, который подчинил себе все государства в пределах исторической территории и пытался завоевать кочевников на севере и вьетнамцев на юге.

Рис. 5. Циньская монета *бань лян* (половина лян, где лян — весовая единица)

ное отверстие, а круглое на китайских монетах больше не появлялось.

Вероятнее всего, этот выбор не был случайным. Общая ситуация в стране свидетельствует о глубоко продуманной идеологической политике. Цинь Ши-хуан-ди придавал очень большое значение общемировоззренческим вопросам. Известно, что он читал сочинения своего знаменитого

Рис. 4. Император Цинь Ши-хуан-ди (221—210)

сочинения своего знаменитого

Положение квадратного отверстия (земли) в центре монеты соотносимо с названием Китайского государства — Срединная империя, Чжунго. Древние китайцы действительно полагали, что Китай занимает центральное, срединное положение на земле, а периферия занята не людьми, а животными, которые только внешне похожи на людей, но, не обладая конфуцианской духовностью, людьми считаться не могут. Цинь не только представляет собой модель ми-

ра, но одновременно может рассматриваться как предельно обобщенная карта мира, на которой внутреннее квадратное отверстие, равно удаленное от края монеты, символизирует срединное местоположение Китая на земле.

Кроме диады *инь—ян* очень важна китайская триада *сань цай* ('три ценности') — Небо — Земля — Человек. Мы уже убедились в наличии Неба — Земли на *цяне*. К ним можно легко добавить Человека, если согласиться, что легенда монеты — иероглифы — символизируют Человека.

Квадратное отверстие в центре *цяня* как символ земли лежит на перекрестке нескольких нумерологических классификационных схем.

Вернемся к упомянутой нами схеме *у син* ('пять элементов') или *у хан* ('пять рядов'). Этими элементами являются металл, дерево, вода, огонь и земля (почва).

Пять элементов первоначально представляли собой классификационную схему для систематизации результатов хозяйственно-трудовой деятельности. Тогда они фигурировали в качестве *у цай* ('пяти материков'). Например, в «Цзо чжуани» (разброс датировок от VI до III в. до н. э.) говорится: «Небо родило (рождает) пять материалов. Народ совокупно использует (*юн*) их. Ни от одного из них нельзя отказаться». Хозяйственный характер представлений о пяти элементах явствует также из того, что в древнейших источниках по этой теме — «Цзо чжуань» и «Го юй» (IV—III вв. до н. э.) пять элементов, которые принадлежат земле, противопоставляются трем ориентирам или шести пневмам, которые принадлежат небу. Именно земля — арена хозяйственной деятельности человека. Еще в одном древнейшем памятнике, «Гуань-цзы» (IV—III вв. до н. э.), говорится, что пять элементов были созданы мифическим императором Хуан-ди наряду с пятью чиновничьими рангами. В «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.) сказано: «Рожденных небом и землей богатств (*цай*) по существу не более пяти. Совершенномудрые люди ввели подразделение (*цзе*) на пять элементов, в результате чего порядок перестал нарушаться».

Пространственное изображение схемы *у син* (рис. 6) тесно связано с древним написанием цифры 5 в виде римской десятки, у которой верхние и нижние концы попарно соединены между собой. Именно такое написание пятерки употреблялось на монетах *у-шу* (рис. 7). По этой же схеме в древнекитайской армии строился пяток воинов, а их руководитель занимал

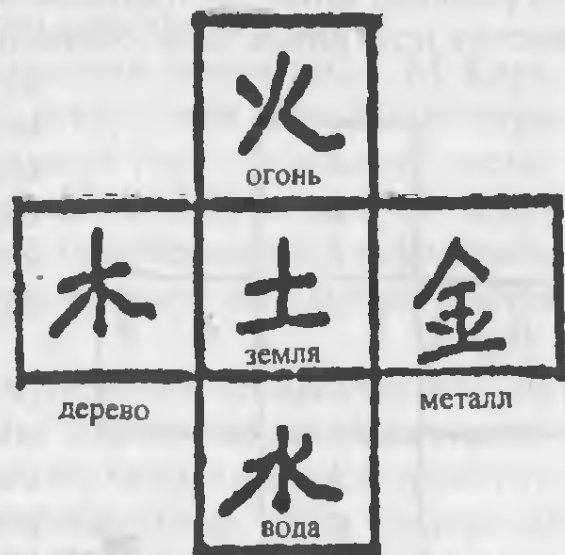

Рис. 6. Пространственное расположение схемы *у син*.

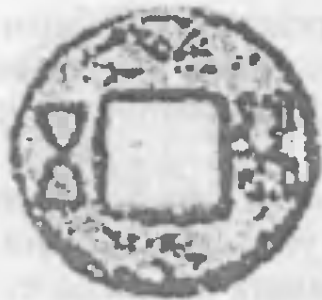

Рис. 7. Монета у-шу
Старое написание знака
у ('пять').

пространственную композицию *цзяня* схеме *у син* именно потому, что в *цзяне* квадратное отверстие, символизирующее землю, занимает срединное положение, и в схеме *у син* элемент земля находится в центре. Кроме того, *цзянь* коррелируется со схемой *у син* по соотносительности последней с хозяйственной деятельностью человека. А монета, как известно, является квинтэссенцией взаимоотношений участников экономического процесса.

По китайским представлениям, Земля ответственна за форму, а Небо — за образ (Крушинский 1995: 264—280). Проанализируем, как ведет себя Земля на монете. В древности, когда отверстия были круглыми, монета не имела оппозиции верх — низ, иероглифы легенды (от одного до шести) располагались произвольно в поле монеты. Однако квадратное отверстие подчинило себе композицию легенды. Число знаков возросло

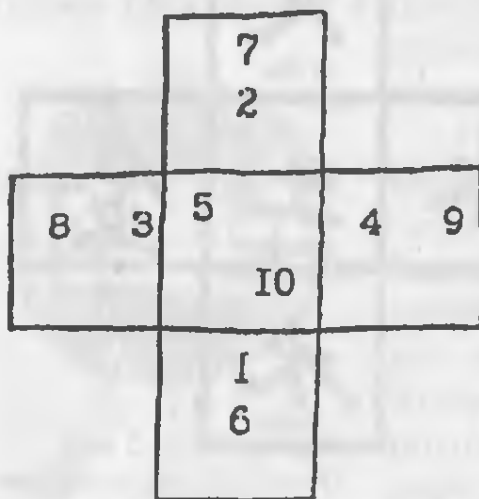

Рис. 9. Магический крест хэ ту

до четырех и стало каноническим, размер знака определялся длиной стороны внутреннего квадрата. Квадратное отверстие (земля) определило форму, композицию легенды, важнейшей содержательной части монеты.

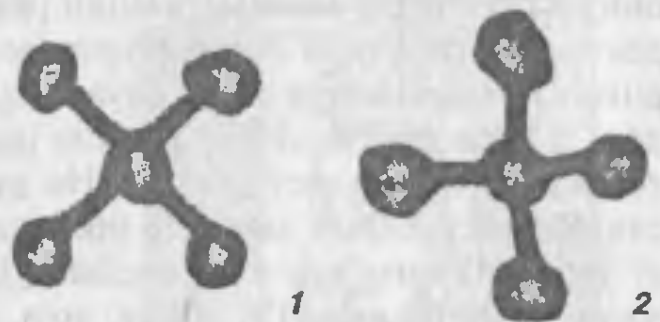

Рис. 8. 1 — схема построения пятка воинов; 2 — место пересечения осей — центр, занимаемый элементом «земля»

Место, занимаемое китайским иероглифом в пространстве, — это всегда мысленный квадрат, в который и вписывается знак. Четыре заполненных иероглифами квадрата, равных внутреннему квадратному отверстию, вместе с ним составляют прямой крест из пяти квадратов, который в китайской тради-

○	○	○	○	○	○	○	○	○	○
○	000000 ○ ₀	000001 ○ ₁	000010 ○ ₂	000011 ○ ₃	000100 ○ ₄	000101 ○ ₅	000110 ○ ₆	000111 ○ ₇	1111 ○
○	001000 ○ ₈	001001 ○ ₉	001010 ○ ₁₀	001011 ○ ₁₁	001100 ○ ₁₂	001101 ○ ₁₃	001110 ○ ₁₄	001111 ○ ₁₅	1011 ○
○	010000 ○ ₁₆	010001 ○ ₁₇	010010 ○ ₁₈	010011 ○ ₁₉	010100 ○ ₂₀	010101 ○ ₂₁	010110 ○ ₂₂	010111 ○ ₂₃	1111 ○
○	011000 ○ ₂₄	011001 ○ ₂₅	011010 ○ ₂₆	011011 ○ ₂₇	011100 ○ ₂₈	011101 ○ ₂₉	011110 ○ ₃₀	011111 ○ ₃₁	0111 ○
○	100000 ○ ₃₂	100001 ○ ₃₃	100010 ○ ₃₄	100011 ○ ₃₅	100100 ○ ₃₆	100101 ○ ₃₇	100110 ○ ₃₈	100111 ○ ₃₉	0011 ○
○	101000 ○ ₄₀	101001 ○ ₄₁	101010 ○ ₄₂	101011 ○ ₄₃	101100 ○ ₄₄	101101 ○ ₄₅	101110 ○ ₄₆	101111 ○ ₄₇	0111 ○
○	110000 ○ ₄₈	110001 ○ ₄₉	110010 ○ ₅₀	110011 ○ ₅₁	110100 ○ ₅₂	110101 ○ ₅₃	110110 ○ ₅₄	110111 ○ ₅₅	1111 ○
○	111000 ○ ₅₆	111001 ○ ₅₇	111010 ○ ₅₈	111011 ○ ₅₉	111100 ○ ₆₀	111101 ○ ₆₁	111110 ○ ₆₂	111111 ○ ₆₃	1011 ○
○	1111 ○	1110 ○	1111 ○	1101 ○	1100 ○	1101 ○	1111 ○	1110 ○	1111 ○

Рис. 10. Центр, формирующий вокруг себя четырехчастную периферию

ции интерпретируется как магический крест *хэ ту* (рис. 9), важнейшая конкретизация крестообразной структуры (Кобзев 1986: 33, схема 5) и еще одна пятичленная классификационная схема, зашифрованная в композиции *цзяня*.

Таким образом, форма монеты и легенды, которую диктует элемент Земля в композиции *цзяня*, соотносится с еще одной пятеричной нумерологической схемой — магическим крестом *хэ ту*.

И последнее, что надо сказать о квадратном отверстии. А. М. Карпетьянц описал центр, формирующий вокруг себя четырехместную или восьмиместную периферию, на примере первоначального расположения гексаграмм «И цзина», приписываемого Фуси (рис. 10). *Цянь* представляет собой частный случай такой четырехместной периферии, где центр занимает квадратное отверстие, а вокруг него группируются четыре иероглифа легенды.

Перейдем к анализу окончательного варианта четырехчастной легенды лицевой стороны *цзяня*, опуская за неимением места постепенный процесс ее созидания. Она состоит из четырех знаков (рис. 11). Обратная сторона *цзяня*, за редкими исключениями, была гладкая до маньчжурской династии Цин (1644—1911), при которой ее стали использовать для обозначения монетных дворов по-маньчжурски и по-китайски, но это не повлекло за собой изменения типа *цзяня*.

Рис. 11. Монеты династии Тан (618—906): 1 — *Кай юань тун бао* (ходячая монета начала обращения); 2 — *Цянь-юань чжун бао* (тяжелая монета периода правления Цянь-юань, 758—760); 3 — *Да-ли юань бао* (монета периода правления Да-ли, 766—779)

правления, а головной убор завесой из жемчужных низок защищал лицо императора от взоров людей (рис. 4).

Вторая пара иероглифов — это так называемые «самоназвания», три китайских термина: *тун бао* ('расходная монета'), *чжун бао* ('тяжелая монета') и *юань бао* ('первая монета' или просто 'монета') (Алексеев 1907). Они объединены общим китайским термином *бао вэнь*, что значит «легенда, содержащая в себе *бао*» (*бао* по-китайски 'драгоценность'). Начиная с танского времени (618—907), когда и возникли *бао вэнь*, до Китайской Республики 1912 г. подавляющее количество монет несло именно *бао вэнь*, что не исключало в редких случаях замену их каким-либо иным двузнаковым названием.

Окончательно тип *цяня* сложился именно при династии Тан (618—907), т. е. в дополнение к квадратно-круговой системе утвердилась легенда, состоящая из *нянь хао* и *бао вэнь*.

Естественно ожидать от китайской монеты, что чтение ее легенды соответствует правилам китайского письма. Однако легенда *цяня* читается иным способом: ее чтение подчинено не правилам линейного письма, но правилам считывания знаков в круговых структурах, что еще раз подтверждает подчиненность композиции монеты нумерологическим схемам.

В китайской культуре наиболее популярны две квадратно-круговые пространственные схемы: 8 триграмм (рис. 12) и 64 гексаграммы (рис. 2), приписываемые мифическому императору Фуси и историческому основателю династии Чжоу (XI в. до н. э.) Вэнь-вану. Триграммы и гексаграммы (объединяемые китайским термином *гуа*) и их компоненты (целая черта *ян* и прерванная — *инь*) во всех комбинаторно

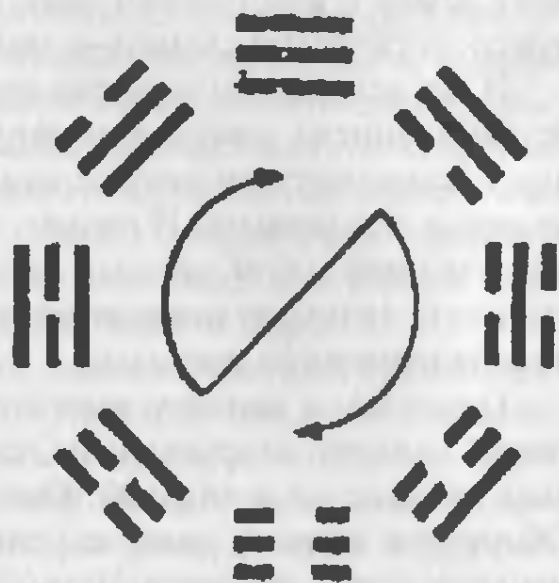

Рис. 12. Круговое расположение *ба гуа* (восьми триграмм)

Первые два знака легенды — девиз правления императора, по-китайски *нянь хао*. Это резко отличает китайский *цянь* от монеты западной культуры, на которой любой правитель чеканил свое имя. Но имя китайского императора, как и его лик, были табуированы. Недаром же имя императора заменялось девизом

возможных сочетаниях образуют всеобъемлющую иерархию классификационных схем, которая охватывает любые аспекты действительности — части пространства, отрезки времени, природные стихии, числа, цвета, органы тела, социальные и семейные отношения и т. д. (Кобзев 1994б: 74).

С именем Фуси связано специфическое расположение *гуа* — главных элементов данной системы. Другое, альтернативное расположение приписывается Вэнь-вану. Считывание круговых структур подчинено двум действиям — *цзун* ('связывание') и *цзо* ('пересечение') (Кобзев 1994а: 61 и далее). Чтение монетной легенды, как и считывание *гуа*, начинается с верхней точки окружности, или на юге, согласно китайской топограмме (а север, соответственно, — в нижней точке, тогда восток и запад меняются местами). Юг в китайской космологии — главный мироописательный ориентир, ибо считалось, что год начинается в момент, когда созвездие Шэнь, часть созвездия Ориона, находится точно на юге.

Чтение «связыванием» подразумевает последовательность по часовой стрелке (рис. 11, 3), это порядок расположения триграмм, определенный Вэнь-ваном. Чтение «пересечением» является перекрестным чтением через центр (рис. 11, 2), как и чтение триграмм по Фуси. При последнем варианте образуются пересекающиеся пары знаков, главные смысловые составляющие легенды — вертикальная пара *нянь хао* и горизонтальная *бао вэнь*.

Считывание знаков легенды по способу «связывания» оказало влияние и на способ чтения «пересечением», так как в нем не отдельные знаки, но сами пары знаков подчинены порядку по образцу «связывания».

Вариант чтения «пересечением» позволяет поставить вопрос о семантике осей, вертикальной и горизонтальной, по которым расположены пары знаков. Вообще вертикальная ось — небесная и соотносится с правителем. А на монете она содержит девиз правления, т. е. символ императора. Горизонтальная ось, по В. С. Спирина, является осью форм (Спирин 1979: 40—45), которую А. М. Карапетьянц предлагает свести к идее измерения вообще (Карапетьянц 1981: 59), что, вероятно, совершенно справедливо для *цян*, так как именно горизонтальная ось содержит название монеты, так или иначе связанное с идеей измерения.

Итак, китайский медный *цян* выстроен в соответствии с важнейшими классификационными нумерологическими схемами, составляющими методологию китайской науки и культуры, т. е. является плотью от плоти китайской цивилизации. Он соотносится с диадой *инь—ян*, с триадой Небо — Земля — Человек, с системой пяти элементов и магическим крестом *хэ ту*.

Подобная изощренность формы монеты предполагает ее востребованность. Однако *цяни* употреблялись в связках, и в большинстве случаев участники товарно-денежных отношений даже не держали в ру-

ках отдельную монету, т. е. на экономическом уровне в каждый момент ее функционирования и не подразумевалось осознание всей грандиозности этого замысла. Тогда стоило ли столько интеллекта тратить на выработку ее формы, композиции, каллиграфии легенд и способов чтения? Очевидно, что ответ на этот вопрос выведет нас на культурно-историческую роль *цзяня*.

Цзянь играл огромную роль не только в экономической, но и в духовной жизни страны, что отличает его от западной монеты, в гораздо большей степени обслуживающей только хозяйственную сторону жизни. Среди множества функций *цзяня* была еще и задача символизировать цивилизацию. Соединение в его форме Неба и Земли уже само по себе рассматривалось как благая весть, благое пожелание, поэтому-то большинство благопожелательных китайских амулетов эксплуатируют форму *цзяня*, его подобие вселенной. Многие амулеты имеют собственные легенды, но целый ряд их использует даже монетные легенды.

Значение амулета для духовной жизни старого Китая трудно переоценить. Он сопровождал человека от момента рождения, так как был специальный амулет, практически абсолютное воспроизведение монеты *Чжоу юань тун бао* (рис. 1), который помогал при родах. Затем на протяжении жизни человек встречался с амулетами при всех значительных событиях своей жизни: связку амулетов вешали над колыбелью новорожденного; на свадьбу дарили амулет с изображением дракона и феникса (символом императора и императрицы или вообще мужчины и женщины) как пожелание супружеского счастья (рис. 13); экзаменуемому дарили амулет с изображением ветки коричневого дерева как залог победы (рис. 14) и т. д.

Таким образом, *цзянь* не только обеспечивал материальную сторону существования, но и в духовной сфере способствовал обеспечению максимально благоприятных условий жизни.

Рис. 13. Свадебный амулет — пожелание супружеского счастья

Рис. 14. Амулет — пожелание победы на государственном экзамене

Говоря о *цзяне*, нельзя не упомянуть о том, что важнейшая в китайском быту процедура гадания, в том числе и по книге «И цзин», началась с помощью трех монет.

Здесь нет возможности подробнее остановиться на не-монетном использовании *цзяня*, но он служил орудием даже в такой далекой от денежного обращения области, как пыточное дело.

Нам представляется, что главным условием проникновения научной нумерологической методологии во все сферы жизни традиционного Китая, в том числе и в денежное хозяйство, была особенность существовавшей в Китае системы образования. Она базировалась как раз на тех древних сочинениях, которые и содержат все классификационные схемы, вероятно, имплицитные для носителей культуры и эксплицированные современным китаеведением. Все образованные люди в Китае имели одинаковое образование. Начиная с династии Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.) эта система поддерживалась традицией государственных экзаменов. Заученные с детства классики формировали китайский менталитет. И в какой бы области ни начинали работать молодые чиновники, они повсюду — и на строительстве городов, и на монетных дворах — воплощали в своей работе традиционные общемировоззренческие установки, которые были у всех одинаковые.

Литература

Алексеев 1907: Алексеев В. М. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматическом отделении Императорского Эрмитажа. СПб.

- Зинин 1984: *Зинин С. В.* Отражение «И Цзина» и «Чжо чжуани» в концепции перемен // XV НКОГК. Ч. 1.
- Зинин 1985а: *Зинин С. В.* Некоторые проблемы китайской аритмологии // XVI НКОГК. Ч. 1.
- Зинин 1985б: *Зинин С. В.* Методологические проблемы изучения традиционной китайской науки // Древний и средневековый Восток. Ч. 1. М.
- Зинин 1985в: *Зинин С. В.* О генезисе китайской нумерации // Древний и средневековый Восток. Ч. 1. М.
- Зинин 1995: *Зинин С. В.* Реляционная модель интерпретации порядков пяти элементов // XXVI НКОГК.
- Ивочкина 1986: *Ивочкина Н. В.* Цянь в контексте китайской культуры: К вопросу о порядке чтения легенды медной китайской монеты // XVII НКОГК. Ч. 1.
- Ивочкина 1987: *Ивочкина Н. В.* Формирование композиции листа традиционной китайской ассигнации // XVIII НКОГК. Ч. 1.
- Ивочкина 1988: *Ивочкина Н. В.* Отражение нумерологической методологии на средствах денежного обращения Китая // Новое в изучении Китая. М.
- Ивочкина 1993: *Ивочкина Н. В.* Китайские деньги в общекультурном контексте // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2—3. СПб.
- Ивочкина 1993: *Ивочкина Н. В.* Архетипы в традиционной китайской монете // Архетипические образы в мировой культуре. СПб.
- Исаева 1984: *Исаева М. В.* Об особенностях языка описания цивилизации китайскими историками // XV НКОГК. Ч. 1.
- Исаева 1986: *Исаева М. В.* Музыкально-теоретическая система люй и методологический аппарат традиционной китайской историографии // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Ч. 1. М.
- Исаева 1988: *Исаева М. В.* Соотношение музыкальной системы люй и общей теории познания в Китае // XIX НКОГК. Ч. 1.
- История Китая 1988: *История Китая* / Под ред. А. В. Меликсетова. М.
- Карапетьянц 1974: *Карапетьянц А. М.* Древнекитайская философия и древнекитайский язык // Историко-филологические исследования. М.
- Карапетьянц 1981: *Карапетьянц А. М.* Древнекитайская системология и математика // XII НКОГК. Ч. 1.
- Кобзев 1986: *Кобзев А. И.* Пространственно-числовые модели китайской нумерологии // XVII НКОГК. Ч. 1.
- Кобзев 1994а: *Кобзев А. И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.
- Кобзев 1994б: *Кобзев А. И.* Гуа // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.
- Крушинский 1988: *Крушинский А. А.* Теоретико-категорный подход к семантике древнекитайских классических текстов // XIX НКОГК. Ч. 1.
- Крушинский 1995: *Крушинский А. А.* Математичность ицзинистики // XXVI НКОГК.
- Лапина 1984: *Лапина З. Г.* Количественный и временной аспекты «гармонии» у традиционного Китая // XV НКОГК. Ч. 1.
- Лапина 1988: *Лапина З. Г.* «Пять дел» (у ши) в политической культуре традиционного Китая // XIX НКОГК. Ч. 1.
- Лихтман 1985: *Лихтман В. В.* Функции древнекитайских текстов, построенных на десятичных структурах // Дальний Восток и Центральная Азия. М.
- Лихтман 1986: *Лихтман В. В.* 13-ричные текстологические структуры как план (ту) // XVI НКОГК. Ч. 1.

Лихтман 1988: *Лихтман В. В.* Пространственные модели шанцев и чжоусцев // XIX НКОГК. Ч. 1.

Спирин 1975: *Спирин В. С.* К вопросу о «пяти элементах» в классической китайской философии // VI НКОГК. Ч. 1.

Спирин 1976: *Спирин В. С.* Построение древнекитайских текстов. М.

Спирин 1979: *Спирин В. С.* К характеристике древнекитайской натурфилософии // X НКОГК. Ч. 1. М.

Granet 1934: *Granet M.* La pensée Chinoise. Paris.

Hu Shin 1928: Hu Shin. The Development of the logical method in Ancient China. Shanghai.

Sung 1934: *Sung Z. D.* The Symbols of the Y King or the Symbols of the Chinese Logic of Change. Changhai.

CHINESE BRONZE COIN AS A WORLD MODEL

by

N. V. Ivochkina (Sankt-Petersburg)

Recent Sinology studies have shown that the peculiarities of Chinese culture manifested themselves in the shape of the traditional Chinese notions, such as the binary diagram (*Yin-Yang*, Great Extreme or Ultimate Principle of all things), the triad diagram (Heaven, Earth, Man), *wu xing* — five elements, *ba gua* — eight diagrams, etc. They are called the classification schemes.

The round bronze Chinese coin has the square hole in its center. The round outline of coin symbolizes Heaven, the square hole — Earth. Combination Heaven — Earth is one of the main embodiment of the binary diagram. Chinese themselves noted it, but stopped here. On the author's mind, if the inscription characters can be considered as symbolic representative of a man, then the coin is the triad Heaven — Earth — Man.

All the five elements of *wu xing* scheme are strictly fixed in space, and the central element is always Earth. It resembles the square hole of the coin, what is symbol of Earth and is the central element of the coin.

So Chinese coin demonstrates itself as the model of the World and its dependence on the general cultural context.

НОВЫЕ АРАБСКИЕ НАДПИСИ НА ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ БИНКЕТА*

Дж. Я. Ильясов, Р. Имамбердыев (Ташкент, Узбекистан)

Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра и Хорасана времени правления Саманидов представляют интерес не только как образцы одной из популярных разновидностей декора в прикладном искусстве того периода, но и как примеры бытования арабского языка и письменности в IX—X вв. Предметом специального изучения они стали в ряде статей О. Г. Большакова, в некоторых других работах и в монографии А. Кучани, изданной в 1986 г. и посвященной надписям на нишапурской керамике (Большаков 1958: 23—38; 1963: 73—87; 1963а: 35—55; 1966: 54—62; 1969: 42—50; Крачковская 1949: 3—27; 1955: 38—60; Volov 1966: 107—133; Atil 1973: 26—29, 34—37; Ventrone 1974: 221—232; Ghouchani 1986). В последней приведены чтения и переводы на языки фарси и английский 55 афоризмов (в их числе 3 хадиса), 20 из которых, насколько нам известно, к настоящему времени выявлены на керамике, найденной на территории Средней Азии (Большаков 1963а: 35—55; 1966: 54—62; 1969: 42—50). Хотя О. Г. Большаков упоминает более двух десятков различных текстов (Беленицкий, Бентович, Большаков 1973: 279), подробно в выше-названных статьях им разобраны 12 афоризмов из Средней Азии. К ним можно прибавить еще 8 афоризмов, встречающихся, помимо нишапурской, также на керамике Саганиана, Самарканда, Ходженда, Ташкента, Отрара, Ахсикета (дополнения к данным О. Г. Большакова см. в публикациях: Ильясов 1992: 31—33; Ильясова, Ильясов 1994: 32—33; Ильясов, Ильясова [в печати]; Vishnevskaya 1998: 12—17). Благодаря работе А. Кучани проблема чтения афоризмов на керамике в значительной степени упростилась. Тем интереснее каждая находка новых, не известных или не публиковавшихся до сих пор надписей на посуде IX—X вв. Ниже предлагается чтение и перевод¹ двух надписей, которые мы не встретили в доступных нам публикациях по керамике Мавераннахра и Хорасана саманидского периода.

* Работа выполнена при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия).

¹ Выражаю глубокую благодарность моему другу из Египта господину С. Э. Г. Солтану за помощь в переводе надписей. *Дж. И.*

Оба публикуемых сосуда найдены при строительных работах на территории Ташкента (средневековый Бинкет). Первый из них представляет собой крупную коническую чашу с надписью почерком простого куфи на белом фоне (рис. 1а; рис. 2а—г). Надпись концентрическая, вершины букв обращены к центру сосуда, сохранность почти полная: «Лā Хайри Фи л-Мāли Изā Лам Йакун И'нда Хаууā Зā Ликаффи Ваххāбу. Бил-Йумни [Ва] л-Баракату».

Перевод: «Нет блага в богатстве (деньгах), когда не принадлежит оно рукам дающего (т. е. щедрого человека). Со счастьем и благословением».

За исключением «ба» в слове «барака», в тексте проставлены все диакритические точки, вершины «алифов» и «лямов» приострены, «каф» написан в двух разных вариантах — с высоким вертикальным стволем с загнутой влево верхушкой в слове «йакун» (рис. 2б), и с небольшой скошенной верхушкой, наподобие «даля», в словах «ликаффи» и «барака» (рис. 2в, г). Начало и конец афоризма отделены от благопожелания двумя каплевидными знаками. Сочетание на одном сосуде афоризма и благопожелания встречается довольно часто. Грамотная и каллиграфически безупречная надпись представляет собой прекрасный образец, характеризующий лучшие традиции мастеров мавераннахрской школы. Диаметр устья сосуда — 44 см, внутренний диаметр дна (кольцевой поддон не сохранился) — 19 см, сохранившаяся высота — 14 см. По форме, способу декорировки и стилю почерка чашу можно датировать концом IX—началом X в. (Шишкина 1979: 53; Брусенко 1986: 54). Предлагаемые нами чтение и перевод афоризма подтверждает надпись на сосуде, выставленном на продажу с аукциона Сотби в апреле 1996 г. (рис. 4а). Надпись выполнена почерком куфи без диакритических точек на сосуде, относящемся к совершенно иному, чем рассматриваемый в статье, типу глазурованной керамики IX в. с

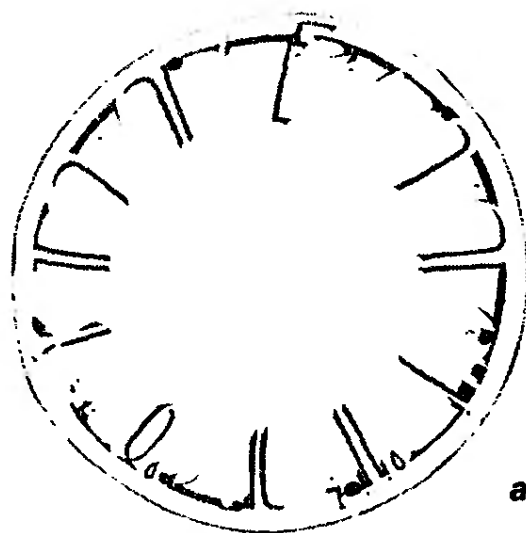

Рис. 1. Два сосуда с территории средневекового Бинкета

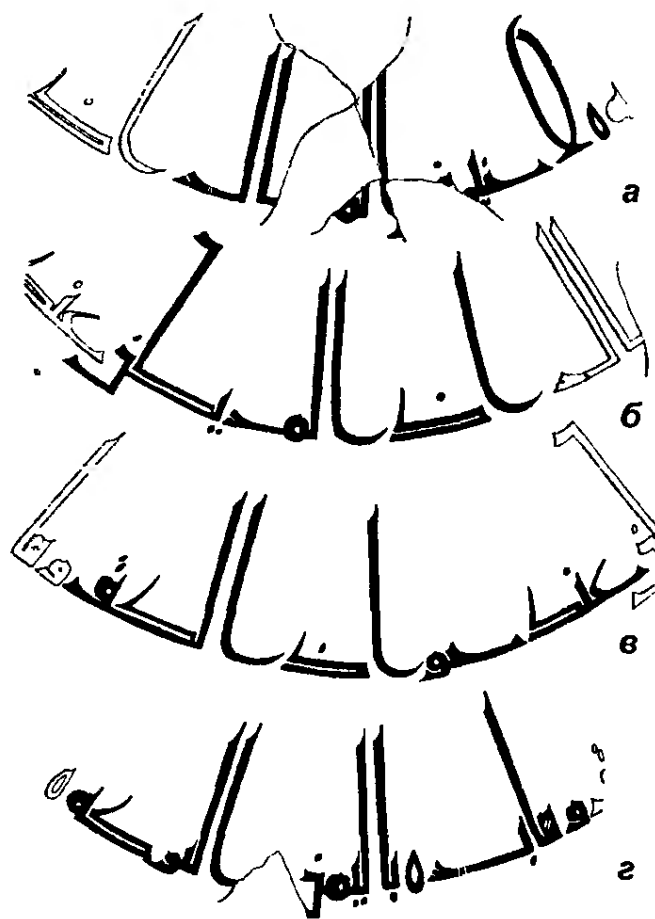

Рис. 2. Надпись на первом сосуде

рельефным декором, известному по находкам в Ираке и в Юго-Западном Иране (Atil 1973: 17, № 2; Grube et al. 1994: 23, № 15). В каталоге Сотби предлагается следующий вариант чтения и перевода: «Ла Хайр Фи л-Мал Иза Лам Йакун Инда Джавад ал-Кафф Ваххаб» — «Нет блага в богатстве, если оно не с щедро дающей рукой» (Sotheby's 1996: 24—25, лот 38). По смыслу оба варианта перевода абсолютно совпадают. Точности ради отметим, однако, что в пользу нашего варианта говорит следующее обстоятельство: в отличие от иракской чаши, на бинкетской проставлены почти все диакритические знаки, и можно быть уверенным, что в заключительной части надписи мы имеем буквы «ха» и «заль»,

а не «джим» и «даль» (рис. 2в). Следовательно, чтение «джавад» здесь не подходит.

Второй сосуд представляет собой пример другой разновидности продукции гончаров саманидского периода — с полихромной подглазурной росписью, заполняющей свободное от надписи пространство. Своеобразие данного сосуда в том, что он украшен двумя выполненными разным почерком и цветом надписями, а также в их содержании. Борту крупной конической чаши опоясывает надпись-афоризм, выполненная почерком простого куфи черной (темно-коричневой) краской, с вершинами букв, обращенными к центру сосуда (рис. 1б; рис. 3а—в). Конец фразы отмечен крупным каплевидным знаком, вслед за которым охристо-красной краской почерком керамического курсива (по терминологии О. Г. Большакова) и гораздо более мелкими буквами написана другая фраза — благопожелание (рис. 3а, г).

Афоризм: «Изā л-Мукāриму Фи А[хлих] ā Фамā Аш[ра]ка Фимā Йадрибу л-Масалу».

Перевод: «Когда некто восхваляет щедрых (в своем имуществе), он прав (поступает правильно)».

Благопожелание: «Баракатун ли-аби Джа'фар бин А'зиз».

Перевод: «Благословение Абу Джафару Ибн Азизу».

В сохранившейся части куфического текста проставлены почти все диакритические знаки, в слове «фамā» точка стоит не над, а под бук-

вой «фа» (рис. 3б), знаки над «са» в слове «ал-масалу» в виде трех тонких штрихов, а не точек (рис. 3в). Вершины букв скошены, окончания некоторых букв расщеплены, «каф» также написан в двух вариантах — с длинным верхним элементом в слове «ашрака» (рис. 3б) и наподобие «даля», с переплетенными горизонтальными частями в «ал-мукариму» (рис. 3а). Из-за неполной сохранности сосуда слово «ахлаха», от которого сохранился лишь начальный и конечный «алиф» (рис. 3б), восстановлено в соответствии с общим смыслом фразы. В слове «ашрака» между «шин» и «каф» видна часть буквы, похожая на верхушку «алифа» или «ляма», по-видимому, это — «ра»,

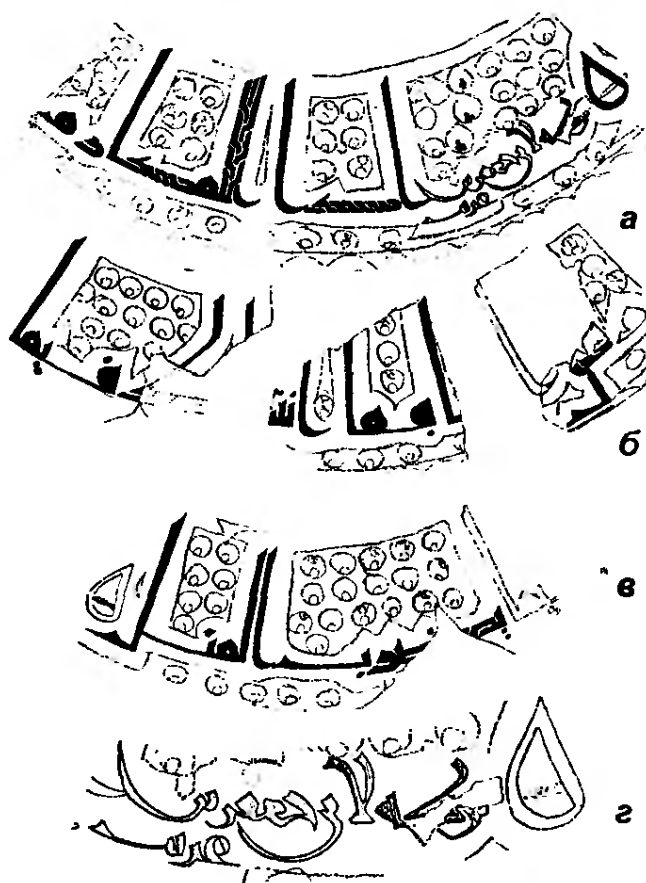
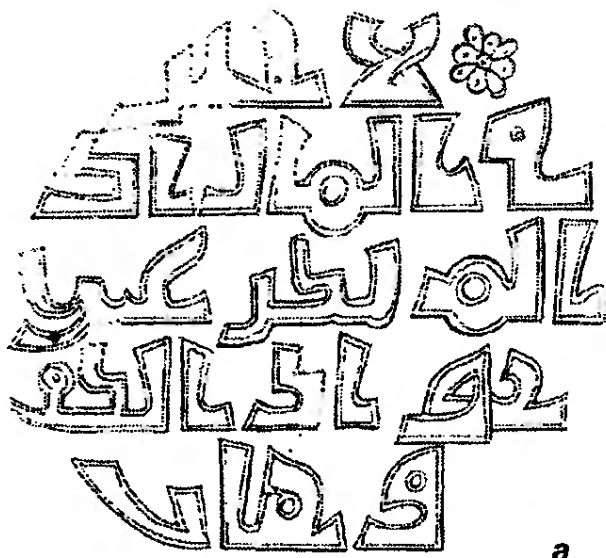

Рис. 3. Надпись на втором сосуде

написанная с завершением, поднятым вверх. Нужно признать, что подобное написание «ра» нехарактерно для надписей X в., выполненных на керамике почерком простого, или строгого, куфи, и обычно «ра» выглядит так, как в слове «йадрибу» (рис. 3в). Хотя в надписях этого же времени, выполненных почерком цветущего куфи, поднятое завершение «ра» встречается на металлических изделиях². Возможно, что здесь мы имеем два варианта написания буквы «ра», учитывая смешанный характер почерков на данном сосуде. Некоторое сомнение есть и в написании начальных букв в слове «ал-мукариму» — либо это замысловатое переплетение начального «алифа» и «ляма», либо одним «лямом» здесь больше. Надеемся, что новые находки образцов данной надписи помогут уточнить ее чтение и перевод. Что касается предлагаемого нами перевода, то данная фраза очень хорошо сочетается с упоминанием имени владельца сосуда. Гостям, участвовавшим в пиршествах, во время которых, несомненно, использовалась эта большая парадная чаша, надпись ненавязчиво напоминала, что не будет лишним воздать хвалу щедрости и гостеприимству хозяина, и уточняла, кому именно эти восхваления адресовать. В связи с этим

² Например, на серебряной чаше мавераннахрского производства конца IX—X в. с изображением сирены и персидской надписью (найдена близ Перми, коллекция Гос. Эрмитажа), см.: Даркевич 1976: 29—30, табл. 29; Marschak 1986: 96—98, рис. 115—118.

а

б

Рис. 4. Надписи на керамике:

а — на сосуде с аукциона Сотби (апрель 1996 г.); б — на чаше из коллекции Тарека Раджаба

вспоминаются традиции восточных пиров с их обильными угощениями, возлияниями и хвалебными касыдами, в сочинении которых состязались благодарные поэты.

Декор сосуда выполнен темно-коричневой (марганцевой) и охристо-красной красками, с добавлением зеленых пятен. По устью сосуда идет бордюр из чередующихся черных и красных полукружий, фон занимают фигуры различной, в соответствии с конфигурацией надписи, формы, оконтуренные тонкой красной линией. В заполнении фигур использован глазчатый орнамент (или «павлиний глаз») и мелкие темно-коричневые крапины. Контуры «глазков» — красные, внутри них красные или темно-коричневые крупные точки, иногда с добавлением зеленого пятна. Внутри трех из сохранившихся «глазков», имеющих каплевидную форму, вместо крупных точек помещены строенные мелкие точки темно-коричневого цвета. Пространство между бордюром из полукружий и надписью за-

нимает полоса с аналогичным заполнением из «глазков» и мелких крапин. Зеленые округлые, несколько расплывшиеся, пятна обильно нанесены на белый фон благопожелательной надписи. Снаружи стенки чаши украшены декором, состоящим из полуovalов с заполнением в виде скобок («чешуйчатый» орнамент). Диаметр устья — 40 см, дно не сохранилось, сохранившаяся высота — 9 см. По форме, способу декорирования и стилю почерков чашу можно датировать X в., скорее всего, первой его половиной (Шишкина 1979: 53—54; Брусенко 1986: 55). Ближайшую аналогию бордюру из чередующихся черных и красных полукружий дает глубокая коническая чаша X в. из коллекции Галереи Фрир в Вашингтоне, также украшенная афоризмом и благопожеланием, выполненными, в отличие от нашего сосуда, одним почерком (Atıl 1973: 36—37, № 12). Сближают оба сосуда, кроме того, форма,

размеры, характер орнаментации, цветовое решение, наличие зеленых пятен.

Итак, мы имеем два бинкетских сосуда с афоризмами, которые еще не встречались нам среди опубликованных материалов из Мавераннахра и Хорасана. Следует отметить, что первый из публикуемых сосудов — белофонная чаша — представляет собой хотя и уникальный для Средней Азии своей афористической надписью (до новых находок и их публикации), но все же вполне традиционный по исполнению и содержанию экземпляр. Второй сосуд вызывает интерес не только своим великолепным художественным оформлением и новым афоризмом, но и присутствием в надписи имени некоего Абу Джафара Ибн Азиза, то есть вполне конкретной направленностью благопожелания. Насколько нам известно, это первый в Мавераннахре пример именного благопожелания на глазурованной посуде саманидского периода³. В последнее время по материалам из хорасанской части владений Саманидов, в основном из Нишапура, где располагался один из главных центров изготовления керамики рассматриваемого типа, выявлено несколько уникальных сосудов. Один из них, с надписью «ли-аби Са'д ибн Йусуф» — «Абу Сааду Ибн Юсуфу», выполненной красной краской куфическим почерком, опубликован А. Кучани⁴. Кроме того, имеются сосуды, содержащие в надписях имена мастеров и даже нисбу. Например, к многочисленной группе нишапурских сосудов, имеющих в центре имя Ахмад, которое интерпретировалось и как имя мастера, и как возможное сокращение от религиозной формулы «ал-хамду ли'ллах» — «хвала Аллаху» или как определение «восхваляемый» (Grube 1994: 86), сейчас прибавились сосуд с подписью Ахмада и посвящением «ли-аби Али» — «отцу Али», опубликованный в 1992 г. А. Кучани (Morgan 1994: 56), а также сосуд из коллекции Насера Д. Халили с именем Али б. Ахмад⁵. Несмотря на отсутствие на изделиях этой группы слова «а'мал» — 'работа', исследователи склонны считать, что Ахмад и Али — имена двух мастеров, отца и сына, работавших в одной мастерской⁶. Другой уникальный сосуд

³ В. А. Крачковской опубликован каламдан (пенал) с именем Мухаммеда Фадла (Крачковская 1955: 50, рис. 5). Однако каламдан не является посудой, а кроме того, сохранившаяся на нем часть надписи не содержит посвящения.

⁴ Данные из статьи А. Кучани «Некоторые уникальные сосуды исламского периода», опубликованной на фарси в *Mirās-i Farhang*, 3, no. 5, А. Н. 1371 (А. Д. 1992): 32—36, приводятся по: Morgan 1994: 59, примеч. 7.

⁵ Коническая белофонная чаша с афоризмом «Ал-Хамду Йабка Зухруху Ли'л-Фата Ва'л-Малу Ла Йабка Ли-Арбаби». Перевод: «Похвала остается спасительной для щедрого (вслюкoduшного) юноши, хотя богатство не сохранит никакой владелец», см.: Grube 1994: 102—103, 332, № 101. Фрагменты сосуда с данным афоризмом также выявлены нами среди материалов из Ташкента: Ильясов, Ильясова [в печати]. Аналогии у А. Кучани: Ghouchani 1986: 248, 256, 290, табл. 114, 118, 135.

⁶ Скромный вклад в изучение нишапурских чаш с подписью Ахмада в центре попытался внести один из авторов данной статьи (Ильясов [в печати]). Сейчас имеется возможность дополнить данные, изложенные в сборнике, который должен был быть

также входит в состав коллекции Н. Халили и представляет собой цилиндрический кубок с росписью марганцевым и охристо-красным красителем, внутри него имеется надпись «Работа ал-Хусайна б. Али б. Умара б. ... ал-Джунабизи» — «Сделано для тебя (?)». Э. Грубе считает, что сосуд относится к продукции «Ирана или Трансоксианы» (точнее будет сказать, Хорасана или Мавераннахра) и, хотя Джунабиз (Junabidh), как пишет автор, это название села неподалеку от Нишапура и нисба мастера может означать, что он работал в нишапурских мастерских, есть вероятность, что он, скорее всего, работал в Мавераннахре. В пользу этого, по мнению Э. Грубе, говорит декор сосуда — использование черного и красного цвета, нерегулярных по форме заполняющих фон элементов (с красным контуром, мелкими черными крапинами и крупными точками внутри), а также грубоватая форма надписи (Grube 1994: 86—87, 332, № 77). К сожалению, изображения самой надписи в публикации нет. Думается, вопрос требует дополнительного рассмотрения. С Мавераннахром, а еще точнее, с Самаркандом, также исходя из особенностей заполнения фона, Г. Фехервари связывает еще один сосуд, опубликованный недавно в двух великолепно изданных каталогах керамики из собрания кувейтского коллекционера Тарека Раджаба (Fehervari 1998: 14, 19, 102, № 10; 2000: 56—58, № 54) (рис. 4б). Для специалистов, изучающих керамику саманидского периода, эта чаша диаметром 35 см, с полихромной подглазурной росписью на белом фоне, — настоящая сенсация: на ней впервые представлена цитата из Корана, а именно из суры «ал-Калам» (строфы 51—52), и также впервые проставлена дата — 300 г. х. (912 н. э.). Очень необычно размещена надпись, расположенная не в одну полосу, как обычно, а в несколько (на керамике рассматриваемого периода встречаются надписи в два круга, но это разные надписи, а не продолжение одной). Чаша имеет прекрасную сохранность, а что касается почерка, то он грубый и примитивный, это весьма нехарактерно для посуды на-

опубликован в 1997 г. Аналогия сосуду из музея японского города Окаяма опубликована Эрнстом Грубе (Grube 1994: 105, 332, № 103). На конической чаше из коллекции Н. Халили по кругу идет надпись «Ал-Мулку Лиллах, Ал-Вахиду, Ал-Каххару. Ал-Вафа А`азун» — «Власть принадлежит Аллаху, Единственному. Всемогущему. Преданность почитаема», а на дне написано имя Ахмад. На сосуде Ахмада из Окаяма почерк очень похожий, но несколько более изящный, что касается надписи, то на последнем она идентична, но вместо фразы «Преданность почитаема» еще раз повторена формула «Власть принадлежит Аллаху». Следует отметить, что своеобразие данных сосудов, которые можно смело считать продукцией одного мастера (отличного, однако, от Абу Али Ахмада), в том, что вершины букв обращены не к центру, а к устью сосуда. В качестве аналогии сосуду из коллекции Н. Халили Э. Грубе упоминает чашу из коллекции А. Барлоу (Оксфорд, Музей Эшмолеан), опубликованную Г. Фехервари (Fehervari 1973: 53—54, № 21, табл. 13а), на которой близким почерком и с таким же расположением букв написаны по кругу благопожелания «ал-Икбал, ад-Даула, ал-Карама, ан-Ни`ма» — «Счастье, власть, честь, процветание». Однако почти абсолютной аналогией сосуду из коллекции Н. Халили является, повторим, чаша из Окаяма Ориент Музеум.

чала X в., отличающейся изысканным изяществом и уверенностью почерка. Представляется, что на этой чаше соединилось слишком много новых и необычных признаков, и поневоле возникают некоторые сомнения в ее подлинности. Ясность в этот вопрос помогут внести лишь новые исследования и находки. Что касается мавераннахрских находок, то один из авторов данной статьи опубликовал заметку о сосуде конца IX—начала X в. из Самарканда с надписью «Баракатун ли'л-амири» — «Благословение эмиру» (Ильясов 1998: 101—104). Этот пример несколько более адресного благопожелания, отличающегося от обычных безличных пожеланий счастья, блага, здоровья и т. п. абстрактному владельцу сосуда, теперь дополняет вполне определенное именное благопожелание, помещенное на чаше из Бинкета. По замечанию Г. В. Шишкиной, для шашской продукции более обычно не точечное заполнение, а штриховка фона, хотя Л. Г. Брусенко отмечает, что в первой половине X в. в Шаше «поле сосудов заполнялось мелкими точками или кривой штриховкой, оставляя широкий просвет по контуру надписи» (Шишкина 1979: 54; Брусенко 1986: 55). Нам представляется, что найденная на территории Ташкента (средневекового Бинкета) чаша является изделием бинкетских мастеров, для продукции которых во второй половине IX—первой половине X в. характерным являлось «преобладание двухцветной росписи — красным и черным красителями — по белому ангобу в сочетании с небрежно разбросанными по всему полю чаш расплывчатыми зелеными пятнами», а также использование глазчатого орнамента (Брусенко 1986: 47, 50). Все эти характерные элементы и технические приемы использованы при декорировке публикуемой чаши, при этом ее крупные размеры, тщательность и тонкость рисунка придают изделию чрезвычайно парадный вид. Учитывая прекрасное качество оформления и именное благопожелание, можно предположить, что вещь сделана на заказ и здесь указано имя человека, имевшего определенное положение в столице Чача в X в. Не исключено, что это мог быть саманидский наместник, представитель правящей верхушки либо богатый и влиятельный горожанин. Было бы чрезвычайно интересно найти какое-либо упоминание имени Абу Джафара б. Азиза в письменных источниках, чего нам, к сожалению, сделать пока не удалось.

Две новые надписи из Бинкета дополняют список афоризмов, использовавшихся в декоре глазурованной керамики Мавераннахра и Хорасана в последней четверти—конце IX в. и в X в. На сегодняшний день, таким образом, авторам известны 22 афоризма, встречающиеся на керамике Мавераннахра. Кроме того, публикуемые чаши дополняют данные обширной сводки А. Кучани и показывают, что возможности поиска в этом направлении еще далеко не исчерпаны⁷.

⁷ Э. Грубе опубликована чаша из коллекции Н. Халили с афоризмом «Поскольку богатство не вечно, лучшее богатство то, что принесет (завещает) похвалу своему владельцу» (Grube 1994: 102, № 100). Он считает, что в публикации А. Кучани этого афо-

Литература

Беленицкий, Бентович, Большаков 1973: *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.

Большаков 1958: *Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. // ЭВ. 12. С. 23—38.

Большаков 1963: *Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. // ЭВ. 15. С. 73—87.

Большаков 1963а: *Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. ЭВ. 16. С. 35—55.

Большаков 1966: *Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. ЭВ. 17. С. 54—62.

Большаков 1969: *Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. // ЭВ. 19. С. 42—50.

Брусенко 1986: *Брусенко Л. Г.* Глазурованная керамика Чача IX—XII веков. Ташкент.

Даркевич 1976: *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М.

Ильясов 1992: *Ильясов Дж. Я.* Арабские надписи на саманидской керамике // Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации: История и современность: Тез. докл. Душанбе. С. 31—33.

Ильясов 1998: *Ильясов Дж. Я.* Об одной надписи на сосуде из Самарканда // Санъатшунос: Сб. статей. Ташкент. С. 101—104.

Ильясов [в печати]: *Ильясов Дж. Я.* Глазурованный сосуд Ахмада из Окаяма Ориент Музеум // Культурное наследие Средней Азии: Сб. статей. Ташкент.

Ильясов, Ильясова [в печати]: *Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р.* Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX—X вв. // ЭВ. 26.

Ильясова, Ильясов 1994: *Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я.* Новые данные о надписях на саманидской керамике // Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути: Тез. докл. Самарканд. С. 32—33.

Крачковская 1949: *Крачковская В. А.* Эволюция куфического письма в Средней Азии // ЭВ. 3. С. 3—27.

Крачковская 1955: *Крачковская В. А.* Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв. // ЭВ. 10. С. 38—60.

Шишкина 1979: *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII—начало XIII в.). Ташкент.

Atil 1973: *Atil E.* Ceramics from the World of Islam. Freer Gallery Fiftieth Anniversary Exhibition. Vol. III. Washington.

Fehervari 1973: *Fehervari G.* Islamic Pottery. A comprehensive study based on the Barlow Collection. London.

Fehervari 1998: *Fehervari G.* Pottery of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum. Kuwait.

Fehervari 2000: *Fehervari G.* Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum. London; New York.

Ghouchani 1986: *Ghouchani A.* Inscriptions on Nishabur pottery. Tehran.

ризма нет (Там же: 102, примеч. 1). Это, однако, не совсем соответствует действительности, так как в цитируемой Э. Грубе работе А. Кучани опубликованы два сосуда с аналогичной надписью, один из собрания Музея искусства и ремесла в Гамбурге, а второй из Музея Иран Бастан (Ghouchani 1986: 216, 260, табл. 98, 120).

Grube 1994: *Grube E. J.* The pottery of Khurasan. Essay and cat. 36—115 // Grube E. J. et al. 1994. P. 47—54, 60—113.

Grube et al. 1994: *Grube E. J.* et al. Cobalt and Lustre. The first centuries of Islamic pottery. The Nasser D. Khalili collection of Islamic Art. Vol. IX. Oxford.

Marschak 1986: *Marschak B.* Silberschätze des Orients. Leipzig.

Morgan 1994: *Morgan P.* Samanid pottery. Types and techniques // Grube E. J. et al. 1994. P. 55—59.

Sotheby's 1996: Sotheby's Islamic and Indian Art. 25th April 1996. London.

Ventroni 1974: *Ventroni G.* Iscrizioni inedite su ceramica samanide in collezioni italiane // Gururajamanjarika. Studi in onore di Giuseppe Tucci. Napoli. P. 221—232.

Vishnevskaya 1998: *Vishnevskaya N. Yu.* Pre-Mongol Glazed Pottery of Afra-siab (late VIIth to early XIIIth century) // Treasures from Central Asia. Islamic Art Objects in the State Museum of Oriental Art, Moscow (Arts and the Islamic World. No. 33. Special volume). London. P. 12—17.

Volov 1966: *Volov L.* Plaited kufic on Samanid epigraphic pottery // ArOr. Vol. 6. P. 107—133.

NEW ARABIC INSCRIPTIONS ON GLAZED POTTERY OF BINKATH

by

J. Ya. Ilyasov, R. Imamberdyev (Tashkent, Uzbekistan)

Among glazed pottery of the 9th—10th century recently found in the territory of Tashkent (medieval Binkath) there are two vessels with Arabic inscriptions which have not been met with yet in the available publications of Samanid pottery from Mawarannahr and Khurasan. The first vessel is decorated with an aphorism and a wish: «Their is no good in the wealth not belonging to the hands of the generous man. With happiness and blessing». The second vessel has the inscription with an aphorism and a wish as well, but it is unique because its wish is addressed to a concrete man: «When somebody praises the generous people, he does so rightly. Let Abu Jafar Ibn Aziz be blessed».

СТАРОВАВИЛОНСКИЕ ПЕЧАТИ С ИМЕНЕМ БОГА АМУРРУ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Н. В. Козырева (Санкт-Петербург)

В Отделе Востока Государственного Эрмитажа хранится небольшая, но очень интересная коллекция печатей из Древней Месопотамии. С любезного согласия хранителя коллекции, доктора исторических наук В. К. Афанасьевой, мы публикуем две печати из этого собрания, в надписях на которых упоминается имя бога Амурру. Небольшая статья, предлагаемая вниманию читателей, является частью предпринятого автором исследования надписей на старовавилонских печатях (Козырева 1997; Kozyreva 1999), хотя серьезное изучение их, несомненно, еще впереди.

Печати из Месопотамии представляют собой неисчерпаемый источник для изучения всех сторон жизни древнего общества. Этот материал дошел до нас в двух вариантах — собственно печати, сотни которых хранятся в разных музеях мира, и оттиски печатей на глиняных табличках с различного рода записями. Внешний вид печати, ее размер, форма, материал, из которого она изготовлена, многое могут сказать специалисту, однако главный источник информации — это надпись и сопровождающее ее изображение, имеющиеся на большинстве цилиндрических печатей.

Первые цилиндрические печати, сочетавшие изображение с надписью, появились в Месопотамии в середине III тысячелетия до н. э. Практика их использования была широко распространена вплоть до конца существования месопотамской цивилизации, т. е. в течение нескольких тысячелетий. Естественно, что характер изображения и типы надписей в разные эпохи существенно различались. Общие тенденции в развитии и изменении надписей на печатях исследованы Гельбом, систематизировавшим и описавшим основные типы и варианты такого рода надписей (Gelb 1977).

До начала старовавилонского периода имена богов сравнительно редко встречаются в надписях на печатях. Первые немногочисленные печати, надписи на которых упоминают имена богов (DN), известны от раннединастического периода (XXVII—XXV вв. до н. э.), в очень небольшом количестве такие надписи встречаются в аккадский период (XXIV—XXIII вв. до н. э.) и в период Ур 3 (XXII—XX вв. до н. э.), предшествовавший старовавилонскому (XX—XVI вв. до н. э.). Печати

с именами богов другого типа, в надписи на которых владелец называет себя рабом (служгой) какого-либо божества (ir3 DN), впервые появляются, по-видимому, в аккадский период, но и через несколько сотен лет, в период Ур 3, когда общее количество печатей значительно возросло и расширилась сфера их применения (они стали прикладываться не только к административным, но и к частноправовым документам), печати с упоминанием имен богов составляли только незначительную часть среди общего числа печатей с надписями.

В период Ур 3 владельцы печатей чаще всего сообщали в надписи на ней свое имя, имя отца и занимаемую должность (PN dumu PN prof.). Это была, вероятно, наиболее существенная информация. Отдельные представители дворцовой и храмовой администрации в надписях на своих печатях, указывая свою должность, называли себя рабами (служгами) правящего царя или, очень редко, бога, в храме которого они занимали определенную должность. По-видимому, в период Ур 3, в конце III тысячелетия до н. э., термин ir3 сохранял свое первоначальное значение, т. е. рабом (служгой) кого-либо мог называть себя человек, действительно работавший на своего хозяина, входивший в число персонала его хозяйства.

После распада государства 3-й династии Ура в течение почти ста лет на юге Месопотамии был период развала и хаоса, от которого до нас не дошло никаких документов и соответственно нам неизвестны надписи на печатях этого времени, если таковые существовали. Только в начале XIX в. до н. э. здесь начался новый подъем хозяйственной жизни, сопровождавшийся ростом числа документов, особенно частноправовых. Никогда до этого на юге Месопотамии не совершалось (или не фиксировалось письменно) столько сделок по купле-продаже недвижимости, займам, найму, аренде и т. п. На глиняных табличках с текстом договоров почти всегда прокатывали печати свидетелей или кого-либо из контрагентов. В зависимости от важности документа число приложенных к нему печатей могло достигать десяти и более.

К сожалению, значительная часть оттисков печатей на старовавилонских документах сохранилась плохо, и надписи на них трудноразличимы. Тем не менее уже сейчас вместе с документами из Южной Месопотамии, датированными XIX—XVIII вв. до н. э., опубликовано более 2000 сохранившихся на них оттисков печатей (Козырева 1997), в научный оборот постоянно вводятся также и сами печати, хранящиеся во многих музеях мира.

Изучение надписей на печатях старовавилонского периода показывает, что их характер значительно изменился по сравнению с надписями времени Ур 3. Самый распространенный до этого тип надписей — PN dumu PN2 prof. — встречается все реже, и, наоборот, широкое распространение получают варианты надписей, ранее малоупотребительные.

В большинстве надписей на печатях старовавилонского периода, к которому относятся и публикуемые ниже печати из Эрмитажа, упоми-

наются имена богов, что очень редко встречается в предшествующую эпоху. Существовали два основных варианта такого рода надписей. Наиболее распространенный содержал имя и отчество владельца печати и имя бога, рабом которого он себя называл (ir3 DN). Надписи с такого рода формуляром, почти неизвестным в предшествующий период, составляют более 50 % всех оттисков печатей, сохранившихся на документах старовавилонского периода (Kozureva 1999). Менее распространены были печати с надписями, содержащими только имя божества (DN) или имя божества, сопровождаемое определенными эпитетами (DN attrib.).

Изменяется не только характер надписей на печатях, изменяется и характер собственных имен владельцев печатей. Если в период Ур 3 основная масса имен, встречавшихся в надписях на печатях, была шумерской, то теперь большинство собственных имен — аккадские, на втором месте стоят аморейские и только на третьем шумерские. Замыкают этот список отдельные эламские и, изредка, хурритские имена.

Первый вопрос, который естественно возникает при знакомстве с надписями на печатях старовавилонского периода, это вопрос о том, слугами каких богов называют себя участники и свидетели многочисленных частноправовых сделок, заключавшихся в этот период в Южной Месопотамии, именами каких богов эти сделки удостоверяются? Если расставить упоминаемые в надписях на печатях имена богов по частоте их упоминания, то окажется, что наиболее часто в надписях на печатях встречается имя бога Амурру, примерно на каждой третьей печати, далее с большим отрывом идут имена богов Адада, Ниншубур, Нергала, Энки и только за ними имена Сина и Шамаша, главных богов Ура и Ларсы, важнейших городов Южной Месопотамии того периода (Kozureva 1999). Если же мы посмотрим на имена и отчества владельцев печатей, то здесь наблюдается обратная картина: в теофорных именах собственных, а таких подавляющее большинство, чаще всего упоминаются имена богов Сина и Шамаша.

В надписях на печатях мы нередко встречаем случаи совпадения теофорной части имени владельца печати (и/или его отца) и имени его бога-покровителя (Charpin 1990).

ib-ni-d.iškur	Ибни-Адад,
dumu a-ḫu-wa-qaḡ	сын Ахувакара,
ir3 d.iškur	раб бога Адада (Collon 1986: No. 318)

Однако такого рода совпадения совсем не обязательны. Человек, названный в честь бога Сина, судя по надписи на его печати, мог считать себя рабом какого-либо другого бога, в том числе и бога Амурру. То же относится и к владельцам печатей, в собственном имени которых были упомянуты имена любых других богов. В надписях на печатях они также могут быть названы рабами не того бога, в честь которого были названы, а какого-либо другого:

a-pil-d.EN.ZU	Апиль-Син,
dumu ši-li-ištar	сын Цилли-Иштара,
ir3 d.nin-šubur	раб бога Ниншубур (Collon 1986: No. 404)

Единственным исключением из этого правила, судя по всем доступным нам источникам, представляются лица, названные в честь бога Амурру. Если они являлись владельцами печати, то в надписи на ней всегда называли себя рабами именно бога Амурру и никакого другого:

ib-ni-d.mar-tu	Ибни-Амурру,
dumu šu-mi-ištar	сын Шуми-Иштара,
ir3 d.mar-tu	раб бога Амурру (Collon 1986: No. 231)

Другими словами, владельцы печатей, в имени собственном которых упомянут бог Амурру, в надписях на своих печатях всегда называли себя рабами именно бога Амурру. В отношении других богов такое соответствие между именем бога в собственном имени владельца печати и именем бога, рабом которого он называет себя в надписи на своей печати, не являлось, по-видимому, обязательным. Причины возникновения такого рода соответствий связаны, вероятно, с сущностью религиозных представлений жителей Древней Месопотамии и ролью бога Амурру в этой системе.

Изобразительный и текстуальный материал, связанный с именем бога Амурру, был впервые подробно исследован Ж. Купером (Kupper 1961). В его исследовании приведены и все оказавшиеся доступными в то время надписи на печатях типа DN attrib., упоминающие имя этого божества (Ibid.: 65—67), а также изучена иконография изображений на такого рода печатях. За последние десятилетия появилось немало нового материала по этой тематике, однако количество вопросов и проблем, связанных с нею, как будто не уменьшается.

Шумерское слово mar.tu впервые встречается в текстах из Фары, датированных XXVI в. до н. э. Буквальное его значение 'запад, западный', а в переносном смысле оно, по-видимому, означало принадлежность к определенной этнической группе. В сочетании с детерминативом, обозначающим божество, это слово превратилось в наименование бога-эпонима группы западносемитских полукочевых племен, издавна соседствовавших с оседлым населением Месопотамии. Связь этого термина с его аккадским эквивалентом amurru[m] до сих пор остается неясной.

Вопрос о том, являлся ли бог Амурру порождением местной месопотамской теологической мысли или под этим обозначением скрывался один из подлинных западносемитских богов, настоящее имя которого было по каким-то причинам табуировано, также остается пока нерешенным. Во всяком случае, уже в староаккадский период (XXIV—XXIII вв. до н. э.) бог Амурру был, вероятно, включен в общесемитский пантеон в группу второстепенных богов. Формально он оставался в этом же статусе и в старовавилонский период. Об этом свидетель-

ствуют списки богов в записях жертвоприношений, которые велись во всех храмах Месопотамии.

В главном храме священного города Ниппура, например, имя бога Амурру стоит 26-м в такого рода списке, замыкая собой группу богов второй ступени (Sigrist 1984). Однако в повседневной жизни, судя по именам собственным и легендам на печатях, популярность культа Амурру в это время достигает своего апогея, что и неудивительно, если вспомнить политическую историю этого периода: Месопотамия находилась под властью амореев, в большинстве крупных городов правили аморейские династии, значительную часть городского населения составляли новопоселенцы из числа амореев. В последующий касситский период, когда амореи сошли с политической сцены Месопотамии и упоминания о них практически исчезли, имя бога Амурру в надписях на печатях почти не встречается.

Как показали исследования Купера, образ бога Амурру в старовавилонский период был в значительной степени синкретическим, т. е. ему приписывались черты и свойства, характерные для других месопотамских божеств, а эпитеты, сопровождавшие его имя в легендах на печатях, часто были заимствованы из набора постоянных эпитетов других богов, таких как Ниншубур, Ишкур и др. (Kupper 1961: 65—67).

В коллекции Эрмитажа хранятся две старовавилонские печати с надписями типа DN attrib., в которых упоминается имя бога Амурру.

1. Э.6641. Цилиндр из черного гематита, 25 × 10 мм (рис. 1)

dingir.an.mar.tu	Бог Амурру.
dumu an.na	сын Ану,
an me.ku3.ga2	бог чистых ме

Надпись. В надписях на старовавилонских печатях Амурру часто называют сыном бога Ану — главного бога месопотамского пантеона. Это ставит Амурру в один ряд с такими великими богами, как Энлиль, Нергал, Адад, также считавшимися сыновьями бога Ану. Эпитет «бог чистых ме» и некоторые другие связанные с представлением о ме эпитеты, нередко сопровождающие имя бога Амурру в надписях на печатях, свидетельствуют о важности позиции, занимаемой богом Амурру в божественной иерархии и, возможно, указывают на связь его культа с культом бога Энки (Kupper 1961: 65). *Ме* — божественные сущности всех аспектов земного и небесного бытия — находились в распоряжении главных богов, прежде всего бога Энки, а обладание ими было предметом чаяния и даже борьбы между богами.

Изображение. На печати воспроизведен довольно распространенный в старовавилонский период тип изображения. Между двумя совершенно одинаковыми, как в зеркальном отражении, фигурами богини-покровительницы, стоящими лицом друг к другу с поднятыми в жесте благословения руками, расположен прямоугольник, разделенный на три вертикальные полосы, в которые вписана надпись. Между

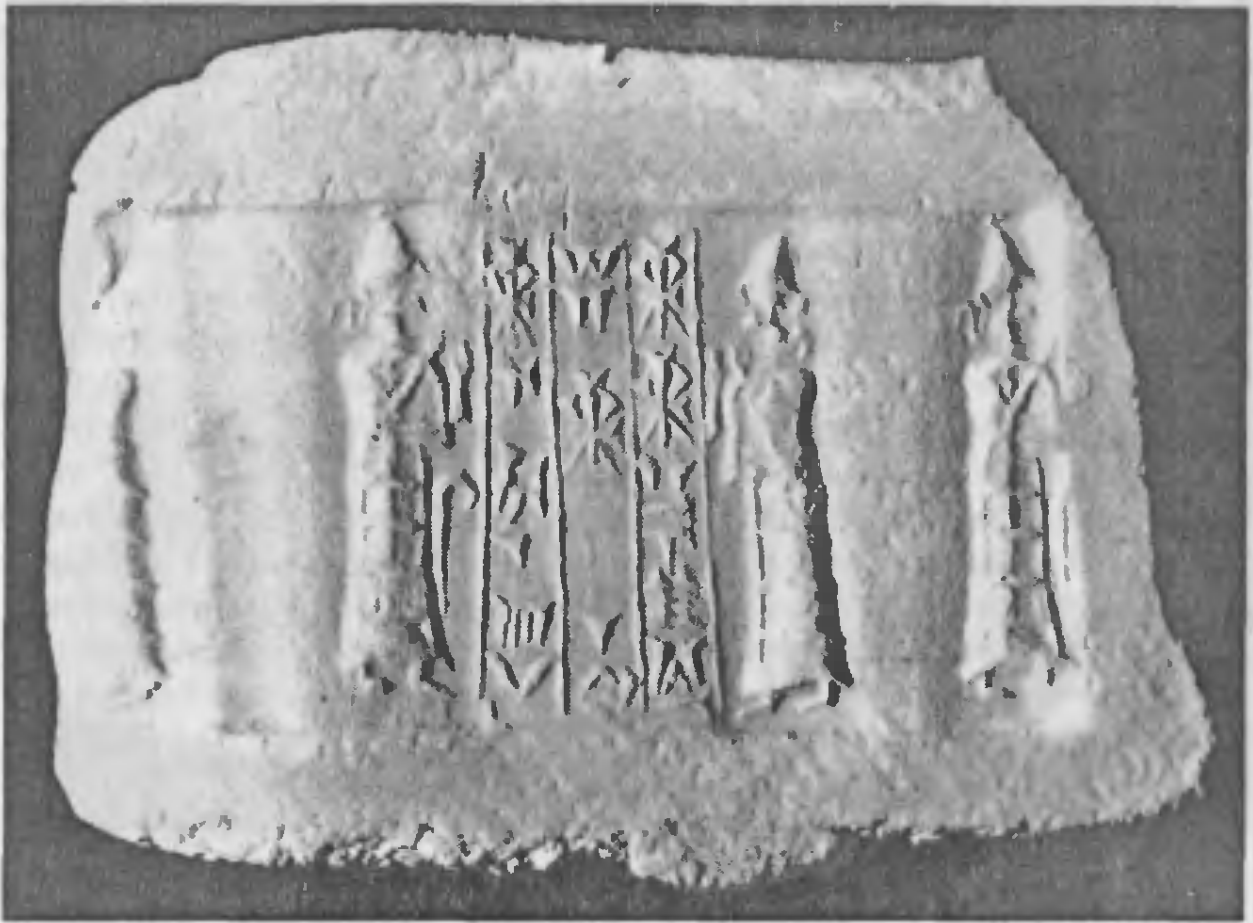

Рис. 1. Печать Э.6641 из собрания Гос. Эрмитажа

левой фигурой и надписью — изображение изогнутого посоха, считающегося символом бога Амурру (Kupper 1961: 45). Интересно отметить, что такого рода композиция, правда без изображения посоха, часто встречается на печатях из Ларсы первой половины XVIII в. до н. э. Владельцами этих печатей были высокопоставленные чиновники, многие из них в надписях на печатях называли себя рабами царя (Al-Gailani Werr 1980: 45, 47). •

2. Э.6447. Цилиндр из черного гематита. 26 × 12 мм (рис. 2)

dingir.an.mar.tu	Бог Амурру
giš.gan(?) .šen šu.gal2	жезлом(?) сияющим владеющий,
šul.a.lum du8.du8	от наказания (за прегрешения) освобождаю

Надпись. По своей структуре надпись на данной печати не отличается от других надписей такого типа (DN attrib.) старовавилонского периода. Три строки надписи содержат имя божества и два определения, характеризующие его. Печать, по-видимому, была изготовлена высокопрофессиональным мастером. Надпись, как и изображение, вырезана исключительно четко в мельчайших деталях и прекрасно сохранилась, так что все знаки видны очень ясно. Тем не менее, отождествление 2-го и 3-го знаков второй строки вызывает некоторые трудности, и в отношении их чтения остаются определенные сомнения.

Рис. 2. Печать Э.6447 из собрания Гос. Эрмитажа

По своему содержанию, однако, данная надпись не совсем обычна для старовавилонского периода. Надписи на печатях можно отнести, вероятно, к одному из самых консервативных жанров месопотамских надписей, который с большим опозданием реагировал на происшедшие перемены. Еще и в старовавилонский период, несмотря на то что в большинстве надписей такого рода стали упоминаться имена богов, в них полностью отсутствует информация о характере отношений, связывавших владельца печати с данным божеством, о причинах, побудивших его упомянуть именно данное божество в надписи на своей печати. Эпитеты, сопровождавшие имена богов в печатях типа DN attrib., выбирались из ограниченного стандартного набора традиционных определений, содержавших сущностные характеристики самого божества и его положения в небесной иерархии.

Только в последующий касситский период произошло коренное изменение в характере надписей на печатях. Помимо традиционных эпитетов, в них появились пожелания и просьбы владельца печати, обращенные к данному божеству, т. е. надписи на печатях, по существу, превратились в своеобразные молитвы (DN attrib. prayer).

Если вернуться к надписи на публикуемой нами печати, то она представляет как бы переходный этап от классического старовавилонского варианта к более позднему касситскому. Об этом, как нам представляется, свидетельствует третья строка надписи: «...от наказания (за прегрешения) избавляющий». Судя по этой фразе, считалось, что бог Амурру мог избавить своих почитателей от наказаний, насылае-

мых на людей высшими божествами. Возможно, это шумерская калька с аккадского выражения *enpētam raṭāru*, которое «Чикагский ассирийский словарь» переводит «to remove the (divine) punishment» (CAD. Vol. 4. 1958: 169). Прямую аналогию мы находим в надписи на печати касситского периода, составленной на аккадском языке. В ней бог Амурру назван «выслушивающим молитвы, получающим жалобы, освобождающим от наказания (за грехи)» — *muraṭṭir enpēti* (Langdon 1919: 89).

Изображение. На поверхности печати изображены две фигуры: воин с булавой, стоящий лицом к богине-покровительнице. Это стандартная сцена, очень распространенная в данный период (Al-Gailani Weig 1980: 45—47, 67). На голове у воина круглая шапочка с подвернутыми краями — головной убор шумерских и вавилонских царей еще со времен Гудеа. Борода расходится веером от подбородка. Его одежда кардинально отличается от длинных до полу церемониальных плащей, в каких обычно изображались боги и цари в сценах на печатях. Это одежда воина. Накидка покрывает одно плечо и свисает в виде туники, образуя острый конец у колен. Левая рука, согнутая в локте, лежит на булаве. Правая рука сжата в кулак и свисает вдоль тела. Динамичная напряженная поза, высоко поднятая голова, рука, сжимающая булаву, — все это создает представление о грозной воинской силе.

Богиня с поднятыми руками, стоящая лицом к воину, — весьма распространенное в старовавилонский период изображение богини-покровительницы, которую обычно идентифицируют с богиней Лама, считавшейся посредницей между богами и людьми. На голове у нее рогатая корона, что свидетельствует о ее божественном происхождении. Волосы собраны в прическу, напоминающую парик, так что длинные завитки спускаются на спину. Длинная одежда, в которую она облачена, изготовлена из нескольких широких полос материи, расположенных горизонтально одна под другой и слегка перекрывающих друг друга. Между фигурами помещено изображение изогнутого посоха, точно такого же, как и на предшествующей печати.

В целом изображение не создает впечатления единой сюжетной композиции, какими являлись, например, распространенные в старовавилонский период сцены презентации. Скорее это набор из стандартных фигур, вероятно, воплощавших определенные идеологические штампы того времени. Данный вариант передает, по-видимому, представление о царе-герое, на которого через богиню Ламу призывается божественное покровительство, в нашем случае — покровительство бога Амурру, чей символ — изогнутый посох — изображен на печати и чье имя упомянуто в надписи на ней.

Общий комментарий

Разобрав очень кратко характер надписи и изображений на двух представленных печатях, попытаемся ответить на некоторые неизбежно возникающие вопросы:

I. Каким образом возникла надпись на печатях типа DN/DN attrib., что она, собственно, означала, для чего или для кого изготавливались печати с такими надписями, кому они принадлежали — собственно божеству, храму или частному лицу?

II. Есть ли какая-то связь между изображением на печати и надписью на ней?

I. В период Ур 3, предшествовавший старовавилонскому, наиболее распространенным типом надписи на печатях, помимо надписи типа PN dumu PN prof., о которой уже упоминалось выше, была такая, в которой владелец печати называл себя рабом царя RN (в очень редких случаях рабом бога DN). Исследователи сокращенно обозначают этот вид надписей термином ir3.zu — 'раб твой', т. е. словами, которыми они обычно заканчивались (Gelb 1977). Схема надписи типа ir3.zu была такова:

RN	имя правящего царя
Attrib.	эпитеты,
PN	такой-то (имя владельца печати),
prof.	титул или должность,
dumu PN2	сын такого-то (имя отца владельца печати),
ir3.zu	раб твой

Такого рода печатями владели самые высокопоставленные чиновники дворца и храмов, использовавшие их, прежде всего, в служебных целях — для удостоверения различного рода документов хозяйственной отчетности. С начала старовавилонского периода такие громоздкие надписи, часто напоминавшие фрагменты царских посвячительных текстов, стали заменяться более лаконичными, в них опускалась первая часть надписи, содержащая многочисленные эпитеты. Новая схема надписи, кратко ее обозначают ir3 RN, была такова:

PN	такой-то (имя владельца печати),
dumu PN2	сын такого-то (имя отца владельца печати),
prof.	титул или должность,
ir3 RN	раб такого-то (имя царя).

Каким образом происходила эта замена, можно проследить на примере оттисков печатей на документах дворцового архива из Эш-нунны конца XX—начала XIX в. до н. э. Большинство печатей, приложенных к документам дворцового архива, принадлежали чиновникам дворца и содержали надписи, составленные по вышеприведенной схеме (ir3.zu), но на последних по времени табличках появляются печати тех же чиновников с более лаконичными вариантами надписей, составленными по типу ir3 RN:

1. ir3.zu	2. ir3 RN
be-la-kum	la-lu-um dub.sar
ensi2 aš-nun-na.ki	dumu I-din-d.mar-tu

la-lu-um dub.sar ir3 be-la-kum
 dumu i-din-d.mar.tu
 ir3.zu (Whiting 1977: 73)

1. Белакум, правитель Эшнунны, Лалум, писец, сын Иддин-Амурру, раб твой.

2. Лалум, писец, сын Иддин-Амурру, раб Белакума.

В старовавилонский период печати с надписями типа ir3 RN полностью вытеснили адекватные по смыслу печати с надписями типа ir3.zu. В это время значительно расширился круг владельцев печатей. Теперь в их число входили не только самые высшие чиновники и приближенные царя, называвшие себя в надписях на своих печатях «рабами царя» (ir3 RN), но и довольно многочисленные группы городского населения, в той или иной степени связанные с храмовым хозяйством (Козырева 1997). Называть себя «рабами царя» они не могли, не имея соответствующего статуса, но, чтобы подчеркнуть свое высокое социальное положение и, может быть, в подражание высшей элите, в надписях на своих печатях они также называли себя «рабами», правда не царя, а своего семейного (родового) бога. Это привело к изменению характера надписей на печатях: в них очень часто стали упоминать имена богов, что в предшествующий период встречалось крайне редко.

По своей схеме большинство надписей на печатях с именами богов ничем не отличались от надписей с именами царей. Основную часть среди них составляли надписи типа ir3 DN, в них, при сохранении общей схемы надписи (ir3 RN), имя царя было замещено именем бога, но довольно часто встречаются и надписи типа DN/DN attrib., их происхождение и смысл нас, собственно, и интересует.

Изучение надписей на старовавилонских печатях с именами богов позволяет выдвинуть следующее предположение. Схема изменения надписей на этих печатях была такой же, как та, о которой было сказано выше в связи с печатями, упоминающими имена царей. Оба типа надписей, т. е. ir3 DN и DN/DN attrib., могли быть сокращенными вариантами надписи типа ir3.zu. Приведенные ниже примеры показывают, каким образом один вариант надписи разделился на два внешне совершенно разных и как будто не связанных между собой.

1. ir3.zu	2. DN attrib.	3. ir3 DN
d.nin.šubur	d.nin.šubur	ilu-šu-na-šir
sukkal.zi.an.na	sukkal.zi.an.na	dumu d.Nanna-ma-an-sum
gidri.ku3.šu.du7		ir3 d.nin.šubur
nu-ur-a-ḫi-šu		
dumu il2-šu-i-bi-šu		
ir3.zu		
(Buchanan 1966: 462)	(Charpin 1980: 62)	(YOS 2 50)

1. Бог Ниншубур, посланник истинный бога Ануа, Нур-ахишу, сын Ильшу-ибишу, раб твой.

2. Бог Ниншубур, посланник истинный бога Ануа.
3. Илушу-насир, сын Нанна-мансум, раб бога Ниншубур.

Таким образом старовавилонские печати с надписями типа DN/DN attrib., так же как и печати с надписями типа ir3 DN, вероятно, представляли собой сокращенный вариант надписи ir3.zu. В первом случае, менее распространенном, сохранялась первая часть исходного варианта, а во втором, чаще всего встречающемся, — вторая.

II. Проблема отождествления изображений персонажей в сценах на печатях с теми богами, имена которых упомянуты в надписях на тех же печатях, неоднократно поднималась исследователями, однако до сих пор далека от решения. В. Ламбер пришел к заключению, что чаще всего в сцене на печати изображены именно те божества, чьи имена упомянуты в надписи на ней (Lambert 1976). Однако эту уверенность разделяют далеко не все, большинство исследователей более осторожны в своих выводах, они считают, что содержание надписи и характер изображения имеют только опосредованную связь (Collon 1986: 22). Последнее представляется более вероятным, хотя вопрос, конечно, требует дальнейшего тщательного изучения.

Мастера глиптики старовавилонского периода в своей работе, несомненно, руководствовались теми же художественными канонами, в рамках которых создавались все произведения изобразительного искусства того времени. Сцены на печатях, вероятно, являлись зачастую повторением канонических сцен, изображавшихся мастерами в скульптуре, рельефе или настенной росписи в храмах и дворцах Месопотамии. В наиболее крупных мастерских существовали свои традиционные технологические и стилистические особенности, которые иногда удастся выявить и систематизировать, свои пристрастия к преимущественному изображению тех или иных сцен, кроме того, существовала и определенная региональная специфика (Al-Gailani Werr 1986). Основные композиции могли варьироваться, отдельные фигуры — добавляться или исключаться, изображаться в различных сочетаниях или вне общей композиции, но при этом набор сюжетов, персонажей и отдельных деталей был достаточно ограничен (Collon 1986).

Изучение изображений на эрмитажных печатях, по-видимому, подтверждает эти предположения. Два персонажа, изображенные на них, — канонические фигуры изобразительного искусства Месопотамии старовавилонского периода. Фигура воина с булавой, присутствующая на терракотовых рельефах в Уре, Кише и Мари, со всей скрупулезной точностью вплоть до мельчайших деталей была перенесена и в глиптику (Barthelet 1976). Возможно, существовали и скульптурные изображения его, не дошедшие до нас. В пользу этого говорит тот факт, что на некоторых печатях он изображен стоящим на невысоком постаменте, где обычно помещали статуи в храмах (Blocher 1992: 41). Фигура богини Ламы в том же каноническом варианте, какой пред-

ставлен на эрмитажных печатях, очень часто встречается на рельефах — достаточно упомянуть стелу Ур-Намму (Афанасьева 2000).

З а к л ю ч е н и е

Вопрос о том, кому принадлежали печати с надписями типа *ir3 DN*, подробно рассмотрен нами в одной из предшествующих работ (Козырева 1997). Владельцы такого рода печатей составляли в старовавилонский период наиболее активную в деловом отношении группу городского населения. Именно в их среде чаще всего заключались различного рода соглашения, сделки, составлялись договоры, для удостоверения которых лица, участвовавшие в сделке, и свидетели должны были оставить оттиски своих печатей на табличке с записью документа.

Печати типа *DN/DN attrib.* ставились на тех же документах, что и печати *ir3 DN*, т. е. выполняли ту же функцию, удостоверяя личность владельца печати. При этом, поскольку само имя владельца печати в надписи отсутствовало, в тексте документа часто делалась разъяснительная приписка: «печать такого-то» (*kišib PN*). Анализ имен, встречающихся в этих приписках, показывает, что владельцы печатей типа *DN/DN attrib.* входили в ту же группу городского населения, что и владельцы печатей типа *ir3 DN*, а нередко были тесно связаны с ними служебными, соседскими и даже родственными отношениями (Charpin 1980: 295—296).

Почему они выбирали для своих печатей именно такой, менее распространенный, тип надписи — отражал ли этот выбор их личные пристрастия или же обладание такого рода печатью имело и еще какой-то пока скрытый от нас смысл — сказать трудно. Возможно, дальнейшее изучение их родственных и служебных связей даст ответ на этот вопрос.

Тем не менее уже сейчас с полной определенностью можно сказать, что владельцами печатей с надписями типа *DN/DN attrib.* были частные лица, а надписи на их печатях хотя и не называют их прямо «рабами бога такого-то» (*ir3 DN*), но очевидно это подразумевают.

Божество, имя которого упоминалось в надписях на печатях типа *ir3 DN* или *DN/DN attrib.*, скорее всего, было семейным или родовым богом владельца печати. Это наиболее четко прослеживается на примере надписей, упоминающих бога Амурру — главного бога последних по времени новопоселенцев в месопотамских городах. Переезжая в города, амореи старались приспособиться к местным традициям, что видно на примере выбора ими имен собственных, которые с каждым новым поколением становились все более аккадизированными и все чаще включали в себя имена главных богов городского пантеона, т. е. официальную номенклатуру. В то же время, по надписям на печатях видно, что в семейных именах сохранялось имя бога Амурру и в семьях поддерживался культ этого бога.

Данная небольшая публикация и высказанные в связи с ней суждения являются, как мы надеемся, только началом отдельного большого исследования старовавилонских печатей типа DN/DN attrib.

Литература

Афанасьева 2000: *Афанасьева В. К.* О композиции стелы Ур-Намму // Ассириология и египтология. СПб. С. 7—29.

Козырева 1997: *Козырева Н. В.* Надписи на старовавилонских печатях. I // ВДИ. № 2. С. 116—123

Al-Gailani Werr 1980: *Al-Gailani Werr L.* Chronological Table of Old Babylonian Seal Impressions // BIA. Vol. 17. London. P. 33—84

Barrelet 1976: *Barrelet M. T.* La «figure de roi» // Le palais et la royauté. Paris. P. 27—138.

Blocher 1992: *Blocher F.* Siegelabrollungeh auf frühaltbabylonischen Tontafeln in der Yale Babylonian Collection. München; Wien.

Buchanan 1966: *Buchanan B.* Catalogue of the Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum. I: Cylinder Seals. Oxford.

Charpin 1980: *Charpin D.* Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: Études des documents de Tell Sifr. Geneva.

Charpin 1990: *Charpin D.* Les divinités familiales des babyloniens d'après les légendes de leurs sceaux-cylindres // De la Babylonia à la Syrie, en passant par Mari. Liege. P. 59—78.

Collon 1986: *Collon D.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals. III: Isin-Larsa and Old Babylonian Period. London.

Gelb 1977: *Gelb I. J.* Typology of Mesopotamian Seal Inscriptions // BMs. Vol. 6. P. 107—127.

Kozyreva 1999: *Kozyreva N. V.* Sellers and Buyers of Urban Real Estate in South Mesopotamia at the Beginning of the 2nd Millennium B.C. // Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East. Cambridge (Mass.). P. 353—363.

Kupper 1961: *Kupper J.-R.* L'iconographie du dieu Amurru dans la gliptique de la 1-re dynastie babylonienne. Brussel.

Lambert 1976: *Lambert W. G.* Introductory Considerations // Orientalia. 45. Roma. P. 12—14.

Langdon St. 1919: *Langdon St.* Inscriptions on Cassite Seals // RAAO. Vol. 16/4. P. 69—96.

Sigrist 1984: *Sigrist R. M.* Les sattukku dans l'Ešumesa durant la période d'Isin et Larsa. Malibu (BMs. Vol. 11).

Whiting 1977: *Whiting R. M.* House and Land Sale Documents at Ešnunna in the Isin-Larsa Period // BMs. Vol. 6: 67—74.

TWO OLD BABYLONIAN SEALS WITH THE NAME OF THE GOD AMURRU FROM THE HERMITAGE COLLECTION

by
N. V. Kozyreva (Sankt-Petersburg)

Seal legends of the Old Babylonian period from Southern Mesopotamia frequently mention divine names, and more often the one of the god

Amurru. According to I. J. Gelb's typology, there were two main types of such inscriptions: ir3 DN and DN/DN attrib. The two seals from the State Hermitage collection (Э.6447 and Э.6641), published in this article, belong to the second type. Author notices some unusual features in the Э.6447 inscription, which have some resemblance to the Cassite seal legends (DN attrib. prayer).

Список условных сокращений, используемых в тексте

DN — Divine name

PN — Proper name

RN — Royal name

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕИРАНСКОЙ НУМИЗМАТИКИ В XIX В.

А. И. Колесников (Санкт-Петербург)

Историкам, занимающимся проблемами денежного обращения в Иране III—VII вв. н. э., помимо исследования фактического материала (монет) и письменных источников, важно ознакомиться с результатами изучения сасанидской и арабо-сасанидской нумизматики, добытыми ориенталистами предшествующих поколений. Сегодня нелишне вспомнить об ориенталистах XIX в., заложивших основы различных направлений исследования и в значительной степени незаслуженно забытых. В современной нумизматической литературе еще встречаются ссылки на труды авторов, писавших в XIX в., однако история вопроса практически отсутствует, если не считать краткой аннотации основных работ в книге, опубликованной почти 80 лет назад (Paruck 1924). Настоящий очерк призван устранить дефицит информации.

К концу XVIII в. относится первый удачный опыт дешифровки надписей на сасанидских скальных рельефах и монетах: в 1793 г. выдающийся французский ориенталист Сильвестр де Саси издал в Париже «Заметки о разных древностях Персии» (Sacy 1793), в которых привел чтение греческой версии трехязычных надписей на рельефах шаханшахов Ардашира I и Шапура I в Накш-и Рустаме. Справедливо допуская идентичность текста трех версий, исследователь смог расшифровать в среднеперсидском тексте имена и титулы нескольких действующих лиц. А поскольку знаки письма среднеперсидской версии (на рельефах) были идентичны тексту на ранних сасанидских монетах, он смог отождествить в монетных легендах имена и титулы Ардашира I (224—241), Шапура I (241—272), Хормазда I (272/273) и Варахрана I (273—276). В 1815 г. вышла вторая книга Сильвестра де Саси об иранских древностях, вносящая ряд исправлений в прежние чтения, и с нее начались планомерные исследования в области сасанидской эпиграфики.

Младшим современником французского ученого, продолжившим его занятия атрибуцией сасанидского нумизматического материала, был Оусли, который в своих «наблюдениях над несколькими медалями и геммами с надписями пехлевийским письмом» (Ousley 1801) смог прочесть легенды на 23 серебряных монетах; помимо имен, ото-

ждественных ранее Сильвестром де Саси, Оусли обнаружил на отдельных монетах имя Хосрой.

Результатами проведенной С. де Саси дешифровки памятников пользовались другие европейские ученые, публиковавшие сасанидские монеты: Висконти (в 1811 г.), Т. Тихсен (в 1808—1813 гг.), Мионне (в 1811, 1837 гг.), Марслен (в 1823 г.). Сасанидским монетам большую работу посвятил французский исследователь Лонперье (Longperier 1840). В нее были включены описания монет большинства правителей Сасанидской династии от Ардашира I до Йездигерда III включительно.

В первой половине XIX в. ориенталисты обратили внимание на странные монеты «хосроев» (т. е. имевшие на лицевой стороне погрудное изображение Хосрова II) с пехлевийскими и куфическими легендами. Позднее они получили название арабо-сасанидских. Дешифровкой этих «двуязычных» монет вплотную занялись исследователи, изучавшие историю раннего ислама и широко привлекавшие в своих работах куфические монеты, которые в то время наводняли музейные и частные собрания в Европе и Азии. Всем, кто обращался к монетам с пехлевийскими и куфическими легендами, становилось ясно, что гибридные выпуски могли появиться сразу же после падения Сасанидской державы в результате арабских завоеваний. Изданное в 1797 г. О. Тихсеном и переведенное С. де Саси сочинение арабского автора XV в. Макризи о монетном деле у мусульман содержало экскурс о становлении денежного хозяйства в раннем Халифате и отсылало исследователей к эпохе «праведных халифов» (т. е. ко второй трети VII в.). И все же пока двуязычные монеты не поддавались атрибуции, поскольку именно пехлевийские легенды, обозначающие имя правителя, не давали удовлетворительного чтения.

В России их изучением занимался на раннем этапе деятельности академик Х. М. Френ, снискавший при жизни репутацию «князя восточной нумизматики». В небольшой работе «Хосройские монеты ранних арабских халифов», опубликованной в 1822 г. (Frähn 1822), он сопоставил между собой данные нескольких письменных источников (труды Макризи, Ибн Кутайбы, Ахмада Димишки) о монетном деле у арабов при первых халифах и Омейядах и приступил к чтению легенд. Наиболее значительными оказались успехи Френа в дешифровке куфического текста. Ему удалось прочесть около десятка легенд с именами арабских наместников и конфессиональными формулами. В целом он не усмотрел больших расхождений между сведениями средневековых арабских историков и данными нумизматического материала, но отметил, что сведения Макризи о халифских монетах Омара б. ал-Хаттаба неверны, поскольку имя Омар в куфической передаче встречается только на табаристанских монетах и принадлежит арабскому наместнику прикаспийской провинции.

Попытка Френа разобраться в сущности пехлевийских легенд оказалась безрезультатной. Неудача выглядела тем более странной, что

легенды на чисто сасанидских монетах, с которыми исследователь был знаком по публикациям старшего поколения ориенталистов, «сами нашли своего толкователя», и их чтение особого труда для него не составляло. На том этапе исследования Френ винил в своих неудачах арабского резчика штемпелей, не знавшего пехлевийского письма (Frähn 1822: 16). Десять лет спустя, в другой работе, он охарактеризовал это письмо как разновидность пехлеви («Die Schrift scheint eine Abart des Pahlewī zu sein» — Frähn 1832: 64), но не приблизился к его пониманию.

Несмотря на отсутствие прогресса в атрибуции пехлевийских легенд на двуязычных монетах, нумизматы по работе Макриси и трудам Френа могли получить некоторое представление о характере денежной эмиссии при первых халифах. Ее суть в сжатом виде изложена в книге К. Бозе об арабо-византийских монетах (Bose 1840: 16—18). По его мнению, недостаток серебряных денег вынудил арабов к чеканке монет по установившемуся сасанидскому типу. На начальном этапе эмиссии мусульманский тип монеты копировал сасанидскую драхму с добавлением имени арабского наместника или изречения из Корана. Аналогичная ситуация складывалась и в греческих провинциях, завоеванных арабами у Византии.

Высказанная в работах Френа и Бозе идея об именах арабских наместников на двуязычных монетах явилась для других исследователей ориентиром для дешифровки пехлевийских легенд.

Преодолеть кризис непонимания пехлевийского текста на монетах удалось ученику Сильвестра де Саси, профессору Кильского университета Ю. Ольсхаузену. В 1843 г. он издал небольшую книгу, посвященную чтению и толкованию пехлевийских легенд (Olshausen 1843). Заблуждение Френа и его коллег, считал Ольсхаузен, состояло в том, что позднее пехлевийское письмо, которым были выполнены легенды на «пехлевийско-хосройских» монетах, они принимали за местную разновидность шрифта, знакомого по публикации раннесасанидских нумизматических памятников. Но текст ранних сасанидских драхм отличался от текста поздних как содержанием, так и палеографическими особенностями письма.

Ольсхаузен обратил внимание на то, что пехлевийские буквы легенд на поздних сасанидских и ранних мусульманских эмиссиях, в сущности, идентичны элементам алфавита, который А. Дюперрон усвоил от парсов Индии и с которым ознакомил европейского читателя уже в начале XVIII в. Его отнюдь не смущало то, что «пехлевийский» язык современных ему парсов мало чем отличался от новоперсидского. Предметом изучения было письмо, сохранявшее внешний облик и графические особенности практически неизменными в течение многих столетий — с VII по XIX в. Орфографию письма современных ему зороастрийцев Ольсхаузен применил для изучения пехлевийской эпиграфики VII—VIII вв., и оригинальный способ дешифровки дал первые положительные результаты.

Заметим, кстати, что знакомство А. Лонперье с письмом пехлевийских рукописей помогло ему при атрибуции монет последних Сасанидов.

Ю. Ольсхаузену принадлежит идея разделения монет с легендами, выполненными поздним пехлевийским письмом, на четыре класса в зависимости от времени и места эмиссии. Его последователями она была реализована на более обширном материале. Ольсхаузен выделил два класса арабо-сасанидских эмиссий (включающих драхмы арабских наместников в Иране и табаристанские полудрахмы) и два класса домусульманских (чекан поздних Сасанидов и «индо-иранские» выпуски), имеющих иконографическое сходство с «арабо-хосройскими» монетами. Описание монет в книге дано не по хронологическому принципу, а с учетом их значимости для аргументации. Поэтому вначале Ольсхаузен описал табаристанские монеты, к которым имел непосредственный доступ и с которых начал свое открытие. Следующая глава была посвящена чтению легенд на монетах ранних арабских наместников в Иране, чеканенных на полвека раньше табаристанских выпусков. Здесь в распоряжении ученого были только слепки двух и прорисовка третьей монеты. Скудость материала предопределила и довольно скромные результаты: расшифрованы всего несколько имен и несколько дат, предпринята робкая попытка прочесть в монограмме название монетного двора. Сочинение завершили две небольшие главы, в одной из которых было дано описание нескольких индо-иранских монет, а в другой — датировка монет Хосрова II.

Выполненную Ольсхаузенем дешифровку позднего пехлевийского письма на монетах современники сравнивали с открытием Сильвестра де Саси, познакомившего европейского читателя с языком эпиграфических памятников раннесредневекового Ирана. В Германии, во Франции, в России и в Англии у него нашлись последователи, публиковавшие новые экземпляры монет сасанидского типа из музейных и частных собраний.

На призыв Ольсхаузена к сотрудничеству в области изучения пехлевийской нумизматики первым откликнулся А. Крафт, занимавший пост атташе Королевской библиотеки в Вене. В 1844 г. он напечатал обстоятельную рецензию на работу Ольсхаузена (Krafft 1844), в которой (в рецензии) не столько опровергал, сколько уточнял и дополнял наблюдения и выводы коллеги по всем четырем классам описанных им монет. Наиболее существенными были замечания Крафта по части табаристанских эмиссий. Вначале он изложил очерк истории Табаристана по нарративным источникам, затем сравнил их сведения с информацией, которую дают монеты. Оба вида источников отражали картину последовательного царствования в этой изолированной от остальной части Ирана провинции династий местных владык и мусульманских наместников, но даты правления по историческим хроникам и монетам не совпадали между собой. Анализ датировки позволил Крафту предположить разные точки отсчета эры хиджры и местного табаристанского летосчисления, которое, как он считал, ссылаясь на

нарративные источники, утвердилось в Табаристане со времени первого проникновения туда арабов, т. е. с 645 г.

Реакция ученого-нумизмата Ф. Соре на открытие, сделанное Ольсхаузенем, нашла освещение в адресованном коллеге письме, напечатанном в «Записках Женевского общества истории и археологии» за 1847 г. (Soret 1847). В письме давалось описание пяти новых (неизвестных Ольсхаузену) арабо-сасанидских монет из коллекции Шпревица с факсимильной иллюстрацией лицевой и оборотной сторон и содержалась просьба ответить на ряд возникших вопросов, исправить возможные ошибки. Следует, однако, отметить, что с атрибуцией материала Соре справился блестяще, а на некоторые поставленные им вопросы (в частности, о значении легенды, следующей за именем халифа) наука того времени еще не готова была дать ответ.

В России, как и в других странах, учетом и обработкой сасанидского и арабо-сасанидского материала занимались одни и те же исследователи. Этим была отмечена научная деятельность известного нумизмата И. А. Бартоломея, собравшего за годы военной службы в Закавказье большую коллекцию парфянских, сасанидских и куфических монет, и академика И.-А.-Б. Дорна (позднее — Б. А. Дорна), сменившего в 1846 г. Х. Френа на посту директора Азиатского музея. Их нумизматические штудии чаще оперировали массовым сасанидским материалом, но касались и проблем, важных для раннемусульманской (арабо-сасанидской) нумизматики. Косвенным откликом на открытие Ольсхаузена в области пехлевийской эпиграфики можно считать поправки Дорна к атрибуции имен на табаристанских монетах в книге Лонперье о сасанидской нумизматике (Dorn 1848: 1—12).

В 1846 г. в Петербурге была издана книга П. С. Савельева, ученика Френа, «Топография кладов с восточными монетами и изделиями». В приложении, посвященном пехлевийским надписям на монетах из Табаристана, была предложена новая дата начала специфического летосчисления, распространявшегося на весь табаристанский нумизматический фонд. Началом табаристанской эры Савельев считал вторую половину 32 г. х./653 г. н. э., которая впоследствии была уточнена А. Мордтманом и приходилась на 652 г.

Специально арабо-сасанидским монетам мусульманских наместников в Иране была посвящена большая работа английского нумизмата Э. Томаса, изданная в 1850 г. (Thomas 1850). Томас отказался от публикации табаристанских эмиссий, так как их количество в музеях Англии оказалось незначительным и не представляло для него научного интереса. Вероятно, по той же причине исследователь ограничился лишь общей характеристикой поздне-сасанидской нумизматики. Статья включала описание 69 арабо-сасанидских (в тексте — «монеты арабских правителей»), 3 «арабо-скифских» (судя по несовершенным иллюстрациям, это арабо-сасанидские драхмы с восточными надчеканами) и 9 «индо-сасанидских» монет. Материалом для описания по-

служили нумизматические коллекции Британского музея и частных собраний.

Описание арабо-сасанидских монет у Томаса состояло из нескольких глав, каждая из которых посвящалась монетам одного «монетного сеньора». За краткой справкой о деятельности арабского наместника или халифа следовало описание драхм, чеканенных от его имени. Формуляром описания предусматривались сведения о весе (в гранах), дате эмиссии, монограмме монетного двора, указания на место хранения монеты в момент публикации; далее предлагалось чтение пехлевийской и куфической легенд, передающих имена собственные и конфессиональные формулы. Разработанная Томасом схема описаний легла в основу будущих нумизматических каталогов. Ему удалось приблизиться к правильному чтению халифского титула на драхмах Муавии б. Абу Суфйана и Абдаллаха б. Марвана, но подлинный смысл легенды для него, как и для Соре, оставался неясным. Заслуживает в этой работе внимания и первая попытка составить на основе доступного материала таблицу арабо-сасанидского чекана, фиксирующую место и время эмиссий. Томас смог верно определить около половины названий монетных дворов, скрытых пехлевийскими легендами.

В главке «Арабо-скифские? монеты» (Thomas 1850: 329—332) речь шла о драхмах сасанидского типа, на которых соседствовали пехлевийские, куфические и бактрийские (у Томаса пока — «неидентифицированные») легенды. Исследователь пытается разобраться в знаках неизвестного ему письма, сравнивает его с другими шрифтами, но воздерживается от выводов.

К индо-сасанидским эмиссиям Томас причислял варварские подражания сасанидскому типу с легендами на санскрите, монету Васудевы с пехлевийскими и санскритской легендами; монету правителя Хорасана с легендами на бактрийском, санскрите и пехлеви; монету Вахуевы с санскритской и пехлевийскими легендами (Thomas 1850: 341—346). Хотя он много сделал для воспроизведения таблицы легенд, отсутствие в работе полных иллюстраций затрудняло усвоение описания.

Отдельную статью Томас посвятил дешифровке монограмм монетных дворов и геммам сасанидского Ирана (Thomas 1852). В ней он последовательно проанализировал 66 легенд, связывая их с названиями и аббревиатурами разных центров чеканки. Примерно треть пехлевийских монограмм, считал Томас, была позднего происхождения и появилась впервые в раннеисламскую эпоху. Среди его атрибуций наиболее оригинальной была попытка связать монограмму монетного двора с названием зороастрийского храма в Балхе, упомянутым в средневековом толковом словаре. Но из его же иллюстраций в таблице легенд явствовало, что без натяжек можно говорить только об Абаршахре — другом названии Нишапура (Thomas 1852: 404—405, Pl. I). Статья завершалась разбором легенд на отдельных арабо-сасанидских драхмах и описанием 92 сасанидских гемм, своего рода суммарным

каталогом, фиксирующим тип изображения (лев, лошадь, буйвол и проч.) и эпиграфику печатей.

Томас не замыкался на проблемах сасанидской нумизматики и эпиграфики. Он исследовал также «индо-сасанидские» и парфянские монеты, интересовался наскальными сасанидскими надписями, геммами; Томас был одним из первых, кто занялся изучением бухарских (иначе — бухар-худатских) монет: его последние статьи конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. были посвящены двуязычным монетам из Бухары, отдаленно напоминающим сасанидский прототип.

В 1856 г. в России была напечатана статья Дорна о пехлевийских монетах Азиатского музея Императорской Академии наук в Петербурге (Dorn 1856). В отличие от аналитических публикаций полемического содержания, статья представляла краткий справочник, знакомивший ученых коллег в Европе с составом арабо-сасанидского фонда Азиатского музея, и авторскую рецензию на чтение отдельных пехлевийских легенд.

Для середины XIX в. считалось в порядке вещей рассматривать ранний и поздний монетный материал в одном исследовании и помещать его в один каталог. При этом нумизматы видели принципиальную разницу между собственно сасанидскими и арабо-сасанидскими эмиссиями. Но тех и других было еще не настолько много, чтобы посвящать им отдельные штудии. Кроме того, нумизматы больше внимания обращали на признаки, объединяющие или сближающие монеты смежных эпох: на тождество или близость иконографии лицевой и оборотной сторон, на сходство монограмм центров чеканки, идентичность зороастрийской символики, лингвистические аспекты датировки и проч. Эти общие признаки давали основание для определенных сопоставлений и обобщений.

Немецкий ученый А. Мордтман впервые появился на нумизматическом небосклоне благодаря «Письмам» проф. Ю. Ольсхаузену, которые были напечатаны в «Журнале Немецкого востоковедческого общества» за 1848 и 1850 гг. А в 1854 г. в том же журнале был опубликован первый выпуск его «Толкований монет с пехлевийскими легендами» (Mordtmann 1854: 1—194, Taf. I—X). Это исследование, по замыслу автора, обозначило начало грандиозной работы по атрибуции нумизматического материала и дешифровке наскальных эпиграфических памятников раннесредневекового (главным образом домусульманского) Ирана. Но при всей широте научных интересов (известны труды Мордтмана в области сасанидской эпиграфики, исторической географии Ирана, хронологии Сасанидов, изучения парфянских монет) он последовательно оставался верен лишь теме пехлевийской нумизматики.

Первый выпуск «Толкований...» включал эпиграфическое описание 907 сасанидских и арабо-сасанидских драхм из 17 частных коллекций с использованием немногочисленной специальной литературы (трудов Лонперье, Ольсхаузена, Крафта, Томаса). В этом описании

арабо-сасанидские дореформенные монеты (т. е. без табаристанских) занимают примерно седьмую часть текста и сами по себе особого интереса не представляют из-за слишком конспективного изложения. Ранний опыт атрибуции мест чеканки, вынесенный во введение, здесь еще далек от совершенства, если его оценивать с высоты достижений современной науки, но в нем присутствуют и ссылки на уникальные данные письменных источников, и точки зрения коллег, и собственные аргументы исследователя.

Некоторые атрибуции и догадки Мордтмана, высказанные почти полтора века назад, не утратили своего значения и по сей день: ему принадлежит идея рассматривать сложные монограммы с легендой KLMAN- в первой части как обозначения локальных центров эмиссии провинции Керман. Сегодня эта идея полностью подтверждается расшифровкой второй части монограмм, которая представляет аббревиатуры городов Керманской провинции: Жи[руфт], Вар[дашир], Хор[муз], Хабис (в последнем случае название дано без сокращения). К достоинствам работы можно отнести и приложение эстампажей 35 монет наряду с таблицами палеографии.

Второй выпуск нумизматических штудий Мордтмана под тем же названием появился в 1858 г. (Mordtmann 1858: 1—56, Taf. I—IV). Он дополнял первый описанием более трехсот новых, не учтенных ранее сасанидских и арабо-сасанидских монет из собственного собрания и содержал множество исправлений к прежним определениям после знакомства с лучше сохранившимися экземплярами монет. Доля драхм, чеканенных в первые десятилетия мусульманского владычества в Иране, в этом описании невелика по сравнению с массовым сасанидским материалом. Специальная глава в выпуске была посвящена дешифровке 9 новых топонимических легенд и исправлению атрибуции уже определенных ранее.

К достоинствам первого и второго выпусков «Толкований...» следует отнести и метрологические изыскания Мордтмана, сведенные в таблицы среднего веса драхм сасанидских правителей. Вероятно, сравнительная малочисленность арабо-сасанидского материала не позволила Мордтману рассчитать средний вес эмиссий халифских наместников в Иране.

Численность сасанидских и арабо-сасанидских монет, которой оперировали в своих штудиях европейские исследователи середины XIX в., была невелика в сравнении с огромной массой домусульманского серебра, проходившего через руки Мордтмана. Многолетняя дипломатическая служба в Константинополе предоставляла ему благоприятную возможность для создания и постоянного пополнения личной нумизматической коллекции, а острый интерес к предмету исследования открывал путь к музейным и частным собраниям. Систематизация и анализ собранного и учтенного материала дали Мордтману возможность сделать ряд важных выводов по проблеме локализации монетных дворов, типологии монетных выпусков, эволюции метроло-

гических характеристик сасанидской драхмы. Менее уверенно он чувствовал себя в обращении с раннемусульманскими пехлевийскими монетами.

Объективно не все наблюдения и выводы Мордтмана были бесспорными, и это обстоятельство сразу было отмечено его современниками, которые прямо или косвенно выступали с критикой сформулированных им положений. Объектом полемики стали проблемы атрибуции и датировки монет, чтение титулов сасанидских правителей, отождествление монограмм центров чеканки, трактовка символики. В 1854 г. Ольсхаузен в небольшой заметке о монете Катари б. ал-Фуджаа, провозгласившего себя халифом, поднимает вопрос о титуле Катари в среднеперсидском варианте (Olshausen 1854: 842—843). Отвергая чтение Мордтмана и Дорна, он воздерживается от изложения собственной точки зрения на интерпретацию титула. При этом Ольсхаузен не упомянул о транскрипции, которую предложил Томас (видимо, потому, что в ней отсутствует обоснование чтения).

Среднеперсидский эквивалент арабского титула *амір ал-му'минйн* — 'повелитель верующих' позднее открыл Ф. Шпигель, посвятив ему отдельный экскурс в грамматическом сочинении, опубликованном в 1856 г. (Spiegel 1856: 182—183). В грамматике имелось специальное приложение о языке сасанидских наскальных надписей и монет, в котором критически рассматривались точки зрения Томаса и Мордтмана на отдельные атрибуции.

Спустя два года Томас издал с дополнениями сборник историко-нумизматических штудий покойного секретаря Бенгальского востоковедческого общества — Дж. Принсепа (Thomas 1858), в котором не преминул включиться в полемику по поводу мордтмановских отождествлений. В данном случае критика обретала оттенок личной неприязни. Так, Томас утверждал, что «арабская» часть пехлевийских драхм (т. е. арабо-сасанидские монеты) в его коллекции представлена полнее, чем у Мордтмана и тот-де ничего нового сообщить не может. Томас оспаривает некоторые варианты чтения легенд-топонимов, отвергает мордтмановскую интерпретацию среднеперсидской кальки титула халифа и в то же время не особенно настаивает на идеальности собственного объяснения (Thomas 1858: vol. I, 62—72). Странно, что в экскурсе о титуле халифа полностью отсутствует ссылка на грамматику Шпигеля. Остается только догадываться о причине отсутствия ссылки на работу, в которой этимологическая проблема термина была исчерпана.

Изданный в 1858 г. Г. Нессельманом каталог восточных монет Мюнцкабинета в Кенигсберге (Nesselmann 1858), посвященный немецким нумизматам Ю. Ольсхаузену и И. Штикелю, не отличался ни обилием материала, ни оригинальностью коллекции. В транскрибировании пехлевийских легенд автор полностью доверяет Мордтману, но воздерживается от привязки монограмм к определенным монетным

дворам, обнаружив в этом вопросе отсутствие единой точки зрения у ведущих нумизматов Европы.

В России полемика с Мордтманом вылилась в серию критических статей, авторами которых были Бартоломей и Дорн. Для Бартоломея (как и для Дорна) увлечение нумизматикой не ограничивалось коллекционированием и учетом: в 40-е гг. он исправляет чтение имен на позднесасанидских монетах, изданных Лонперье и Крафтом, полемизирует с кавказоведом М. И. Броссе по поводу атрибуции и датировки грузино-пехлевийских монет. После публикации «Толкований...» Мордтмана свои принципиальные разногласия с ним Бартоломей изложил в письмах к Дорну. Дорн, в свою очередь, счел целесообразным издать отрывки из этих писем в выпусках петербургского востоковедного сборника за 1857—1859 гг. Публикация писем сопровождалась примечаниями издателя, которые касались библиографии и некоторых уточнений (исправлений).

В первом письме Бартоломей высказывается по поводу атрибуции монет Кавада I (484, 488—497, 499—531) и Хосрова I (531—579) (Bartholomaei 1857a: 138—148). Он обвиняет Мордтмана в упрощенном анализе материала и предлагает более дробную типологическую классификацию драхм Кавада с учетом разных периодов его правления. Бартоломей приходит к выводу, что знание типа изображения часто уточняет датировку монет, особенно в тех случаях, когда датировочная легенда допускает двойное чтение. В вину Мордтману ставились и неточности, допущенные при воспроизведении легенд с именем Хосрова I, что влекло за собой нивелировку палеографических особенностей монет разновременной эмиссии. Бартоломей расходился с Мордтманом и в определении этапов «варварства» и возрождения монетного типа при Сасанидах.

В других письмах к Дорну Бартоломей последовательно развивает мысль о том, что легенды на реверсе, которые Мордтман трактует как монограммы центров чеканки, есть не что иное, как аббревиатуры монетчиков, ответственных за эмиссию драхм (Bartholomaei 1857b: 149—165). Идея об ином толковании монограмм принадлежала Н. Ханыкову, но он дальше сомнений в правильности мордтмановских определений не пошел. Развивая мысль Ханыкова об ином назначении монограмм, Бартоломей подчеркивал факт их отсутствия на драхмах первых Сасанидов. Необходимость в дополнительных монетных легендах, считал оппонент Мордтмана, возникла после Шапура II (309—379) в связи со снижением качества драхмы. По мнению Бартоломея, дополнительные легенды указывали на лиц, ответственных за выпуск монет установленного веса и пробы.

В письме от 5 мая 1858 г. Бартоломей отвергает доводы Мордтмана в пользу отождествления монограммы ВВА с монетным двором Ктесифона, поскольку она встречается на немногих драхмах. А если иметь в виду роль столицы государства как крупного политического и экономического центра, то трудно представить, что роль Ктесифона в

денежной эмиссии была незначительной. По мнению Бартоломея, на одном монетном дворе чеканились драхмы с разными монограммами, указывающими только имя монетчика. Если в легенде обнаруживалось название или аббревиатура города (провинции), тогда, утверждал Бартоломей, они обозначали нисбы мастеров; легенды же, не поддающиеся удовлетворительному чтению, указывали на родовое имя мастера. Монограммы, встречающиеся на монетах нескольких правителей, тоже как будто бы подтверждали тезис Бартоломея о передаче ремесла монетчиков в семье из поколения в поколение (Bartholomaei 1859: 349—372).

Полемизируя с Мордтманом по поводу сущности монограмм, Бартоломей абсолютизировал традиции техники монетной чеканки, не учитывал обстоятельства места и времени эмиссии. Поэтому некоторые его оригинальные идеи не нашли сторонников среди специалистов. С течением времени в науке утвердилось зрение Томаса и Мордтмана, с самого начала рассматривавших монограммы как обозначения монетных дворов.

Дорн расходился с Мордтманом в частных вопросах пехлевийской нумизматики. Одна из его статей посвящена анализу идеограммы, помещенной на лицевой стороне монет за прической правителя и понятной ныне каждому специалисту (в середине XIX в. она оставалась еще непонятной). Чтение Дорна, как и варианты, предлагавшиеся Томасом и Мордтманом до него, было не из лучших, но ему удалось установить смысл знака (Dorn 1859a). Верная атрибуция идеограмм GDH («фарр») — достояние более позднего времени.

Статья «Новые мнения в пехлевийской нумизматике» и «Дополнения» к ней представляют критический разбор публикации Мордтмана в части чтения легенд (Dorn 1859б: 426—459; 1859в: 460—475). Дорн, в отличие от Бартоломея, оставляет за легендами-топонимами право на существование, он только исправляет их, но не всегда его поправки улучшают первоначальное толкование Мордтмана. Здесь он вновь возвращается к осмыслению среднеперсидского варианта титула халифа и принимает чтение, предложенное Шпигелем. Несколько раз в работах тех лет Дорн напоминает о том, что в пехлевийской нумизматике еще очень много неясного. Путь к решению проблем он видел в активном привлечении греческих и восточных нарративных источников, которые содержат информацию об истории и географии Сасанидского государства.

Ряд новых замечаний по поводу атрибуции топонимов был высказан Дорном и в «Исследованиях по пехлевийской нумизматике» (Dorn 1859г: 613—630).

В третьем выпуске «Толкований...», опубликованном в 1865 г., Мордтман попытался ответить на наиболее существенные замечания оппонентов (Mordtmann 1865: 373—496). Треть его сочинения занимает разбор полемики и поиски наиболее разумного решения. Но Мордтману, как и некоторым его противникам, недоставало аргумен-

тации для защиты собственной точки зрения, и тогда преобладало стремление обвинить противника в некомпетентности.

Ряд вопросов пехлевийской нумизматики остается нераскрытым и по сей день несмотря на то, что современные исследователи располагают и более солидной нумизматической базой (численность найденных и учтенных драхм в несколько раз увеличилась), и более совершенными методами анализа, чем нумизматы и историки XIX в. Ответы Мордтмана на критику удовлетворили далеко не всех, о чем свидетельствуют «Замечания...» Дорна, напечатанные в 1867 г. (Dorn 1867). Последняя статья Дорна представляла собой рецензию, направленную на то, чтобы показать слабую филологическую основу некоторых рассуждений Мордтмана в части транскрипции имен собственных, упрекнуть его в недостаточном знании раннемусульманских источников, ставшем причиной поспешных выводов. Замечания Дорна по чтению отдельных легенд-топонимов оказались не столь убедительными.

В 70—80-х гг. в Европе и в России было издано несколько ценных коллекций восточных монет из музейных и частных собраний, определивших новое направление изучения пехлевийской нумизматики. В 1870 г. была напечатана вторая часть «Руководства по восточной нумизматике» ректора Йенского университета И. Штикеля, посвященная дореформенным мусульманским драхмам, обращавшимся на обширной территории Арабского халифата от Испании до Бухары (Stickel 1870). Она включала описание 96 монет из коллекции великогерцогского кабинета восточной нумизматики в Йене, хранителем которого долгое время был И. Штикель. Арабо-сасанидских монет, битых от имени халифов и их наместников, в коллекции оказалось немного. Но описание Штикеля отличалось от традиционных — оно было оформлено как руководство и определитель монет. Помимо фиксации деталей, ставших обязательными в такого рода сочинениях, автор делает экскурсы в политическую историю, хронологию, историю монетного дела, вступает в полемику по поводу чтения спорных легенд, высказывает свое мнение о содержании дополнительных надписей и надчеканов, дает сводку монограмм, характеризовавших, по его мнению, годность монеты к обращению. В главе о монетах Бухары было дано описание одной серебряной и четырех медных монет с неизвестным текстом, который Штикель считал «не сасанидским пехлеви и вряд ли так называемым восточноиранским пехлеви», но письмом семитского происхождения. Серебряную монету он связал с древними тюрками, прототипом медных считал аршакидские драхмы (Stickel 1870: 119—126, № 90, 93—96). Позднее эти монеты были определены другими исследователями как согдийские.

Научные интересы В. Г. Тизенгаузена, хранителя восточных монет Императорского Эрмитажного минцкабинета, охватывали весь ареал средневековой мусульманской нумизматики. В 1873 г. увидела свет его книга о монетах Восточного халифата (Тизенгаузен 1873). Она не

была каталогом в строгом смысле слова или описанием какого-то одного нумизматического собрания. Книга была задумана как критический свод всего изданного ранее нумизматического материала с учетом неизданных и малоизвестных монет, хранившихся в собраниях Азиатского музея, Археологического общества, Эрмитажа и в частных коллекциях России. Основную часть книги составило суммарное описание 2950 видов монет, обращавшихся в восточной части Халифата с середины VII в. до середины VIII в. «Пехлевийско-арабским» (т. е. арабо-сасанидским дореформенным) монетам посвящены 214 номеров описания, или 7 % анализируемого материала. В работе полностью отсутствует характеристика табаристанских полудрахм, очевидно потому, что ими уже занимался Дорн. Описание пехлевийского материала выполнено главным образом с учетом публикаций Томаса и Мордтмана, в меньшей степени — со ссылками на их старших и младших современников — Ольсхаузена, Дорна, Лонперье, Крафта, Соре, Нессельмана, Штикеля, Торнберга. В данном случае имели значение численность и разнообразие монет, изданных предшественниками. В описании Тизенгаузена монеты рассматриваются в хронологическом порядке, поскольку все драхмы арабо-сасанидской серии датированы.

Предложенный порядок изложения материала далеко не всегда указывал на фактическое время эмиссии, поскольку на ряде монетных дворов Ирана продолжали пользоваться эрой Йездигерда III, которая в середине VII в. была моложе эры по хиджре на 10 лет. Некоторые несоответствия между именем «монетного сеньора» и датой эмиссии Тизенгаузен объяснял практикой использования старых штемпелей оборотной стороны (в особенности, если это касалось драхм, чеканенных в Дарабгерде).

Поскольку в каждом номере описания говорилось не о конкретной монете, а о «виде» монет (т. е. о группе монет, объединенных какими-то общими признаками, или об уникальной монете), метрологические характеристики были опущены, зато фиксировались эпиграфические особенности: дополнительные легенды и надчеканы, символы, аббревиатуры монетных дворов, даты выпуска. В случаях вариантного чтения пехлевийских монограмм автор, не высказывая собственного мнения, излагает существующие точки зрения на предмет спора. Иногда его позиция проступает достаточно четко. Так, устранившись от полемики о сущности легенд, расположенных на оборотной стороне монет справа, он объективно считает их топонимами и помещает в указателе монетных дворов. В книге Тизенгаузена немалый интерес представляет и первый раздел, включивший обзор монетного дела в Арабском халифате, топографию кладов и единичных находок халифских монет в России и в Западной Европе, сводку важнейших нумизматических собраний своего времени.

Одна из работ Тизенгаузена была посвящена описанию редких восточных монет из собрания графа С. Строганова (Tiesenhausen 1880), которые много лет спустя были определены как согдийские.

В 1873 г. Дорн издал часть нумизматической коллекции Бартоломея (*Collection des monnaies...* 1873). Главную часть книги составили таблицы прорисовок 500 драхм, отобранных из 1 тысячи монет коллекции. Как впоследствии отметил Дорн, издание могло играть роль пособия по пехлевийской нумизматике, но пользование им осложнялось из-за отсутствия транскрипции текста, перевода легенд и других необходимых пояснений. А это, в свою очередь, приводило к ошибкам в работах общеисторического характера, авторы которых рискнули обратиться к данным нумизматики без достаточной специальной подготовки (Dorn 1881a: 197—201).

Дорн составил суммарное описание 86 сасанидских и арабо-сасанидских монет, поступивших в Азиатский музей из частного собрания (Dorn 1881b: 269—280). Редкие экземпляры драхм сопровождались комментарием.

В 1887 г. в Париже А. Лавуа издал «Каталог мусульманских монет Национальной библиотеки» (Lavoix 1887). В нем было описано около 1700 золотых, серебряных и бронзовых монет Восточного халифата; численность арабо-сасанидских драхм в нем вместе с табаристанскими полудрахмами составила немногим более одного процента. Значение собрания мусульманских монет Национальной библиотеки для науки и появление каталога были высоко оценены другим французским нумизматом — Э. Друэном. Исследователей привлекало и введение к каталогу Лавуа, в котором поднимается проблема зарождения монетного дела в Халифате.

В 70-е гг. XIX в. в творчестве Мордтмана намечается переход от описания монет к их углубленному анализу: он сосредотачивает внимание на проблемах датировки эмиссий и атрибуции монетных дворов. В статье о хронологии древнейших мусульманских монет научно обосновывается тезис об использовании в пехлевийской нумизматике трех летосчислений: по хиджре, по эре Йездигерда III, по табаристанской эре; определяются границы их применения (Mordtmann 1871: 677—701). На рубеже 70—80-х гг. он публикует серию очерков под общим названием «К пехлевийской нумизматике» (Mordtmann 1879; 1880). В очерке «Древнейшие мусульманские монеты» Мордтман напоминает о сложностях изучения арабо-сасанидской нумизматики, которые он усматривал в следующем: а) слабое знание резчиком штемпелей пехлевийского письма; б) хронологические противоречия между информацией арабских историков и данными монет; в) упоминание на монетах представителей арабской администрации, отсутствующих в более поздних мусульманских хрониках. Поскольку вопрос о том, кому доверять больше — монетам или историкам, оставался открытым из-за различий в датировке, автор попытался зафиксировать все известные ему даты выпуска и центры эмиссии в контексте деятельности халифов и наместников, увековеченных в арабо-сасанидском чекане. Если о наместниках упоминают и мусульманские хроники, Мордтман приводит вначале краткий послужной список «монетного сеньора» по

нарративным источникам, а затем сообщает данные нумизматики, подтверждающие деятельность должностного лица, которое ведало определенными монетными дворами. Мордтман еще не дает ответа на вопрос, кто прав больше — монеты или письменные источники, он только ставит проблему.

Очерк был приурочен к предстоящему критическому изданию многотомной летописи ат-Табари, чтобы дать издателям хроники дополнительную информацию для критики хронологии. Остроумная в целом попытка уточнить спорные детали событий с помощью нумизматики сто двадцать лет назад оказалась несостоятельной потому, что монограммы многих монетных дворов оставались не прочтенными, и по поводу их атрибуции существовали взаимоисключающие точки зрения.

Следующий очерк Мордтмана — «Монетные дворы сасанидского чекана» в равной степени касался и арабо-сасанидской эмиссии. Автор значительно пополнил сводку центров чеканки новыми атрибутами и внес существенные изменения в ранние варианты чтения (Mordtmann 1879: 113—136).

Четвертый очерк Мордтмана был целиком посвящен сасанидским драхмам (Mordtmann 1880: 1—162). Хотя внешне работа выглядела как очередное дополнение к ранее вышедшим описаниям, она представляла собой компендиум сведений о монетном деле при Сасанидах. Информация, почерпнутая из предыдущих публикаций Мордтмана и его современников, дополняется здесь новыми сведениями, и все вместе они дают суммарное представление о типах монетной эмиссии при различных шаханшахах, о списках функционировавших при них монетных дворов, о весе основной денежной единицы Сасанидской державы — драхме.

Говоря о работах последних лет жизни Мордтмана, стоит упомянуть его статьи, посвященные досасанидским монетам парфянских наместников и местных правителей Парса. В статье «Монеты из Персеполя» дается эпиграфическое описание 155 драхм местных правителей Парса (Mordtmann 1877: 152—186, Taf. 1, II). Весь материал описания разделен хронологически по трем периодам истории провинции — от крушения греческого господства в Парсе до подчинения Парса Аршакидами; господство Аршакидов; автономное правление до утверждения династии Сасанидов. В статье Мордтман обобщил то, что сделано его коллегами, изучавшими монеты этой группы, и внес ряд собственных дополнений. Другая статья представляет рецензию на историко-нумизматическую работу О. Блау о персепольских монетах (Mordtmann 1878: 181—217).

В 70—80-е гг. XIX в. наряду с изданием каталогов и описаний коллекций существовала критическая литература по общим и частным вопросам сасанидской и арабо-сасанидской нумизматики. Авторами аналитических и критических статей, помимо специалистов-нумизма-

тов, были и известные историки и филологи, которых интересовала интерпретация пехлевийского текста на монетах.

В 1879 г. российский иранист К. Залеман в короткой заметке «Об одной пехлевийско-арабской монете» исправляет чтение, предложенное ранее Мордтманом, и убедительно доказывает, что пехлевийская легенда в поле лицевой стороны скрывает не странное имя собственное, якобы известное из нарративных источников, а среднеперсидский эквивалент коранической формулы «Нет суда, кроме суда Аллаха!» (Salemann 1879: 511).

Немецкий ориенталист Т. Нельдеке в статье «О пехлевийском языке и нумизматике» внес ряд исправлений в чтение легенд-монограмм монетных дворов. Не подвергая сомнению большие заслуги Мордтмана на этом поприще, он предостерегал от поспешных выводов при атрибуции (Nöldeke 1879: 687—693).

Наряду с рецензиями и заметками, уточнявшими или оспаривавшими разные прочтения и интерпретации, появляются публикации, в которых внимание акцентируется на экономическом содержании драхмы. К их числу принадлежит пространная статья Штикеля и Тизенгаузена «Обозначение достоинства на мусульманских монетах» (Stickel und Tiesenhausen 1879: 341—386). В ней проводится анализ специальных отметок на раннемусульманских дирхемах, удостоверявших их подлинность и дающих разрешение на функционирование в качестве платежного средства. Очевидно стремление авторов видеть в подобных отметках заимствование практики оценочных монетных знаков, существовавшей в государстве Сасанидов (вероятно, имелась в виду легенда *afid* на драхмах высокой пробы) и в Византии.

Французский исследователь Э. Друэн в 80—90-е гг. XIX в. получил известность историко-нумизматическими штудиями, касавшимися ирано-индийского региона в широком хронологическом диапазоне от Аршакидов до первых арабских наместников восточной части Халифата.

Одна из его ранних работ представляет обзорную статью с краткими очерками развития пехлевийского письма, сложения монетного типа и формирования эпиграфики монет от эпохи Аршакидов до арабских завоеваний (Drouin 1886: 1—98). В чтении пехлевийских легенд у него много фантастического (ошибочного); наиболее оригинальными в статье являются части, посвященные атрибуции индо-сасанидского материала. Друэн стал непосредственным преемником и продолжателем исследований Томаса, много сделавшего для изучения ирано-индийской нумизматики.

В последующие годы Друэн сосредоточился на описании редких монет, представлявших большой интерес для науки. К числу его наиболее ценных работ того времени можно отнести статью «Неизданные сасанидские монеты», в которой дано описание 15 медных монет из коллекции Э. Бланка (Drouin 1895: 45—64). Коллекция примечательна уже тем, что находки сасанидской меди, как и арабо-сасанидской, во

второй половине XIX в. были еще очень незначительными по сравнению с находками серебра. На медных иные легенды и титулатура, иные изображения и вес, сфера обращения меди ограничивалась в основном пределами одной провинции. О внешнем виде монет дают представление фотоиллюстрации.

В равной степени Друэна интересовали и «двуязычные монеты» или обычные сасанидские драхмы с дополнительными иноязычными легендами. В статье от 1890 г. он анализирует бактрийскую легенду, разные варианты которой присутствуют на драхмах шаханшахов Валахша, Кавада I и Хосрова I, отчеканенных в Хорасане. Друэн, полагая, что эта легенда воспроизводит титул царя царей, делает вывод о том, что подобные монеты иранские правители чеканили для обращения за пределами страны, где пехлевийское письмо было мало известно (Drouin 1890: 1—8).

Среднеазиатским бронзовым монетам Друэн посвятил статью «Туранские монеты», в которой ввел в научный оборот неизвестные ему монеты с «арамейско-кушанскими надписями», чеканенные от имени хорезмийских или согдийских правителей (Drouin 1891: 215—225).

«Двуязычные» монеты правителей Бухары, чеканенные по сасанидскому образцу, были известны уже Френу. Но Френ датировал их X в. и связывал их эмиссию с хазарами, а потом — с тюркскими правителями, сменившими Саманидов. Штикель относил их к чекану древних тюрков. Верная атрибуция принадлежит П. Лерху, который опубликовал описание монет, выпущенных в Бухаре по образцу драхм Варахрана V, определив их как домусульманские (Лерх 1876; Lerch 1878). Анэпиграфную легенду за короной правителя он посчитал остатком пехлевийской легенды, хотя и не предложил собственного чтения. Позднее Томас и Марков попытались прочесть ее по-арабски, но в XX в. подтвердилась точка зрения Лерха. Надпись перед лицом правителя, в правой части монеты, Лерх относил к бухарскому или согдийско-арамейскому письму. Лерх впервые предложил чтение таинственной легенды — *buxār-xudāt*. Интерпретация Лерха подтверждалась данными «Истории Бухары» Наршахи.

Начало научной деятельности хранителя Отдела восточных монет Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге А. К. Маркова в 70-е гг. было отмечено серией статей, посвященных парфянской нумизматике. В 1889 г. был издан его каталог парфянских, сасанидских и арабосасанидских монет Института восточных языков министерства иностранных дел (Markoff 1889). Более двух третей из учтенных в каталоге 1340 монет составили парфянские, около 500 — сасанидские, 19 — монеты первых арабских наместников и халифов, чеканенные в Иране. Описание пехлевийского материала было выполнено с учетом достижений нумизматической науки того времени. Это выразилось, с одной стороны, в более надежной транскрипции аббревиатур центров эмиссии и легенды-титула халифа на арабосасанидских драхмах, с другой — в отказе от транскрибирования первой части легенды за коро-

ной правителя. Неуверенность в чтении многих пехлевийских легенд побудила автора воспроизвести их пехлевийскими знаками европейского типографского набора, но техника набора оказалась столь несовершенной, что воспроизведенный текст весьма отдаленно напоминал подлинный облик пехлевийского письма. Оригинальной в каталоге Маркова является система букв, обозначающих степень сохранности каждой монеты. Введение к каталогу представляет интерес для истории формирования описываемой коллекции.

В 80-е гг. XIX в. наряду с публикацией и комментированием нумизматических собраний возрастает интерес к монете как экономической категории. Богатую пищу для размышлений на эту тему помимо монет давали средневековые мусульманские сочинения, включающие разнообразные сведения о денежном хозяйстве. Французский исследователь А. Совэр поставил перед собой задачу собрать их воедино. В конце 70-х и в 80-х гг. в парижском «Азиатском журнале» он опубликовал «Материалы к истории мусульманской нумизматики и метрологии», которые издавались отдельными выпусками. Каждый выпуск представляет сводку технических терминов по какой-то одной теме, изложенных в хронологическом и алфавитном порядке. Первый выпуск был посвящен исключительно нумизматике (Sauvaire 1882), второй — весовым единицам (Sauvaire 1885), третий — мерам объема, площади и линейным мерам (Sauvaire 1887), в завершающем, четвертом, была помещена сводка стоимости основных товаров в разных регионах мусульманского мира с VII по XVII в. (Sauvaire 1888).

Нумизматический выпуск Совэра включает ценную информацию о происхождении мусульманской монеты; главы, посвященные основным денежным единицам и стоимостному соотношению, содержат локальную и временную спецификацию мусульманских монет. Сведения, почерпнутые из исторических, географических и юридических сочинений, автор организует по рубрикам и хронологически, но воздерживается от далеко идущих обобщений, предоставив эту возможность будущим исследователям. Может быть, такая осторожность была вызвана тем, что в основе его нумизматических штудий была письменная традиция о монете, а не сама монета. Для исследователей пехлевийской нумизматики выпуски Совэра представляют интерес благодаря ссылкам на сообщения письменных источников (нуждающиеся, конечно, в проверке) о становлении денежного хозяйства в Восточном халифате, которое началось с эмиссии арабо-сасанидского серебра. Труд Совэра как справочное пособие сохраняет свое значение и сегодня.

Опубликованная в 1884 г. в Лондоне статья английского ученого С. Э. Лэн-Пуля «Арабские историки о мусульманской нумизматике» (Lane-Poole 1884) представляет, по существу, рецензию на первый выпуск Совэра. Высоко оценив заслуги французского коллеги, Лэн-Пуль отметил некоторую тяжеловесность в организации материала и попытался сделать своего рода популярный конспект его работы. Излагая

результаты исследований Совэра, Лэн-Пуль частично изменил порядок глав и сделал повествование более доступным для восприятия. В рецензии-конспекте были выделены главы «Происхождение монетного дела», «Мискаль», «Динар и дирхем», «Фельс», «Вес и стандарт», «Размен», «Исторические хроники о монетном деле».

В 1895 г. в «Журнале Королевского Азиатского общества» была напечатана статья Э. Рэпсона «Надчеканы на ранних персидских и индийских монетах» (Rapson 1895). В ней речь шла о надчеканах на монетах, обращавшихся в Индийской сатрапии Ахеменидов в эпоху, отстоящую от сасанидского периода почти на тысячелетие. Тем не менее статья представляла ценность и для специалистов по пехлевийской нумизматике, поскольку, с одной стороны, свидетельствовала о практике надчеканов уже в древности, а с другой — обнажала те же проблемы, которые были присущи денежному хозяйству Ирана в раннее средневековье. Автор статьи коснулся назначения надчеканов, вопросов одновременного обращения местной и государственной ахеменидской монеты в Древней Индии, роли местных властей и торговцев в применении надчеканки, составил таблицу наиболее характерных надчеканов, — одним словом, предвосхитил весь комплекс проблем, с которыми специалисты по восточноиранской нумизматике раннего средневековья столкнутся значительно позднее, во второй трети XX в.

Обзор трудов по среднеиранской нумизматике в XIX в. был бы неполон без упоминания о «Каталоге восточных монет» Берлинского музея, изданном в 1898 г. помощником директора музея Х. Нютцелем (Nützel 1898). Монет «сасанидского типа» в каталоге 220 единиц, из них 120 — арабо-сасанидских. В описании отмечены иконографические и эпиграфические особенности материала, метрологические данные (вес и размер) и степень износа монет. Оригинальные монеты, выделяющиеся своими легендами, надчеканами, символикой, представлены в фототаблицах. Судя по транскрипции монограмм центров эмиссии, пехлевийская нумизматика конца XIX в. в вопросах их дешифровки недалеко ушла по сравнению с первыми опытами середины века: все так же фигурируют устаревшие чтения Байда и Байза (вместо «Биш[апур]»), Задракарта и др.

Каталог Нютцеля давно уже не отражает реальный состав фонда восточных монет Берлинского музея. В начале XX в. он пополнился богатой нумизматической коллекцией из Вавилонского клада, в результате чего численность монет «сасанидского типа» в музее более чем утроилась.

Историография нумизматических штудий в сфере среднеиранской нумизматики в XIX в. дает возможность сделать ряд обобщений:

1). Начало изучению среднеиранской нумизматики было положено в конце XVIII—начале XIX в. под влиянием дешифровки надписей на сасанидских скальных рельефах. Первые труды принадлежат перу Сильвестра де Саси и его современникам Оусли, Висконти, Тихсену. В то время объектом исследования стали монеты ранних сасанидских

правителей. С публикацией новых находок и коллекций в первой половине XIX в. в научный оборот были включены монеты поздних Сасанидов и «хосройские» эмиссии омейядских халифов и арабских наместников в Иране (в работах Френа, Марседена, Лонперье, Ольсхаузена, Крафта, Соре, Дорна, Савельева, Мордтмана, Томаса). По мере открытия все новых и новых мусульманских выпусков, чеканенных по сасанидскому образцу, обозначались контуры арабо-сасанидской нумизматики, которая как самостоятельная отрасль науки оформилась лишь в XX в. В середине XIX в. трудами Ольсхаузена и Томаса началось исследование «индо-сасанидских» монет, большинство которых чеканилось на территории нынешнего Афганистана. Во второй половине XIX в. были введены в научный оборот монеты местных правителей Парса парфянского времени, монеты «бухар-худатов», были сделаны первые шаги в области изучения согдийской и хорезмийской нумизматики.

2). В среднеиранских нумизматических штудиях прослеживаются три направления: а) атрибуция монет (чаще — палеографическим способом); б) издание каталогов собраний и находок; в) учет и анализ метрологических характеристик и — реже — монеты как эквивалента стоимости. В сфере атрибуции наиболее успешной была работа по определению «монетных сеньоров» и датировке эмиссий, но слабо продвигалась дешифровка монограмм (аббревиатур) центров чеканки из-за слабого знания средневековой топонимики и вариантности многих знаков пехлевийского письма. Нумизматические каталоги прошлого века при всем их несовершенстве сохраняют значение и сегодня. Изучение монеты как экономической категории, начавшееся в последней трети XIX в., имело скромные результаты, поскольку основывалось исключительно на информации из нарративных источников более позднего времени.

3). Различные направления среднеиранской нумизматики развивались не только усилиями специалистов и любителей-нумизматов, но в значительной мере и трудами ориенталистов-универсалов, к которым следует причислить Сильвестра де Саси, Френа, Дорна, Шпигеля, Залемана, Нельдеке, Лерха.

Литература

Лерх 1876: *Лерх П.* Монеты Бухар-худатов // ТВОРАО. Т. XVIII. С. 1—161.

Тизенгаузен 1873: *Тизенгаузен В.* Монеты Восточного халифата. СПб.

Bartholomaei 1857: *Bartholomaei [J.]*. Extrait d'une lettre de M. Bartholomaei à M. Dorn, datées de Lenkoran, 12 mai 1857, ... // MAs. Т. III. P. 138—148.

Bartholomaei 1857: *Bartholomaei [J.]*. Extraits des lettres de M. Bartholomaei à M. Dorn, datées de Lenkoran, 30 juin et 6 juillet, et de Tiflis, 11 août 1857, de même d'une lettre de M. Khanikov, datée de Tébriz, 5 (17) juin 1857 // MAs. Т. III. P. 149—165.

- Bartholomaei 1859: *Bartholomaei [J.]*. Extraits des lettres de M. Bartholomaei à M. Dorn, datées de Tiflis, 5, 9, 12, 16 et 26 mai 1858, ... // MAs. T. III. P. 349—372.
- Bose 1840: *Bose C.* Über Arabisch-Byzantinische Münzen. Grimma.
- Collection des monnaies... 1873: Collection des monnaies sassanides de feu le Lieut-Général J. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables, publiée par B. Dorn. St.-Pétersbourg.
- Dorn 1848: *Dorn B.* [1848]: Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // Extrait du «Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg». T. V/15. S. 1—12.
- Dorn 1856: *Dorn B.* Die Pehlewy-Münzen des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, III. Die Münzen der Ispehbede, Chalifen und deren Statthalter // MAs. T. II. P. 249—263.
- Dorn 1859a: *Dorn B.* Noch einige Worte über ein auf Pehlewy-Münzen vorkommendes sogenanntes Münzzeichen oder Monogramm: // MAs. T. III. P. 286—315.
- Dorn 1859b: *Dorn B.* Neue Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MAs. T. III. P. 426—459.
- Dorn 1859c: *Dorn B.* Nachträge zu den Neuen Ansichten in der Pehlewy-Münzkunde // MAs. T. III. P. 460—475.
- Dorn 1859d: *Dorn B.* Forschungen in der Pehlewy-Münzkunde, I // MAs. T. III. P. 613—630.
- Dorn [1867]: *Dorn B.* Bemerkungen über A. Mordtmann's Erklärung der Münzen mit Pehlewy-Legenden. [St.-Petersbourg].
- Dorn 1881a: *Dorn B.* Einige Bemerkungen zur Sasaniden-Münzkunde // MAs. T. VIII. P. 197—201.
- Dorn 1881b: *Dorn B.* Sechsendachtzig Silbermünzen mit Pehlewy-Inschriften // MAs. T. VIII. P. 269—280.
- Drouin 1886: *Drouin E.* Observations sur les monnaies à légendes en pehlvi et pehlvi-arabe // RA. P. 1—98.
- Drouin 1890: *Drouin E.* Notice sur quelques monnaies bilingues sassanides // RN. Sér. III. T. 8. Paris. P. 1—8.
- Drouin 1891: *Drouin E.* Les monnaies touraniennes // RN. Sér. III. T. 9. Paris. P. 215—225.
- Drouin 1895: *Drouin E.* Monnaies sassanides inédites // RN. Sér. III. T. 13. Paris. P. 45—64.
- Fraehn 1832: *Fraehn Ch. M.* Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's oder von der Goldene Horde, nebst denen verschiedener anderen muhammedanischen Dynastien im Anhang. St. Petersburg; Leipzig.
- Frähn 1822: *Frähn [Ch. M.]*. Die Chosroën-Münzen der frühern Arabischen Chalifen. Eine Ehrenrettung des Arabers Makrisy. Mittau.
- Krafft 1844: *Krafft A.* Ueber Herrn Professors Justus Olshausen Entzifferung der Pehlewî-Legenden auf Münzen // Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst. Wien. N CVI. S. 1—33.
- Lane-Poole 1884: *Lane-Poole S. E.* The Arabian Historians on Muhammadann Numismatics // Repr from NC. Ser. III. Vol. 4. P. 1—31.
- Lavoix 1887: *Lavoix H.* Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque National. Khalifes orientaux. Paris.
- Lerch 1878: *Lerch P.* Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudahs, ou princes de Boukhara avant la conquête du Maveranahr par les arabes // Travaux de la IIIe sess. du Congr. Intern. des orient. à St.-Pétersbourg 1876. Leiden. P. 417—424.

Longperier 1840: *Longpérier A. de*. Essai sur les médailles des rois Perses de la dynastie Sassanide. Paris.

Markoff 1889: *Markoff A.* Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides, dabweihides ainsi que des pièces frappées par les ispehbeds arabes du Tabaristan et les gouverneurs de la Perse et du Maverannah au nom des Khalifes. St.-Pétersbourg.

Mordtmann 1854: *Mordtmann A. D.* Erklärung der Münzen mit Pehlevi-Legenden // ZDMG. Bd. 8. S. 1—194.

Mordtmann 1858: *Mordtmann A. D.* Erklärung der Münzen mit Pehlevi-Legenden // ZDMG. Bd. 12. S. 1—56.

Mordtmann 1865: *Mordtmann A. D.* Erklärung der Münzen mit Pehlewy-Legenden. Zweiter Nachtrag // ZDMG. Bd. 19. S. 373—496.

Mordtmann 1871: *Mordtmann A. D.* Chronologie der ältesten muhammedanischen Münzen // SKAW. S. 677—701.

Mordtmann 1877: *Mordtmann A. D.* Persepolitische Münzen // ZN. Bd. 4. S. 152—186.

Mordtmann 1878: *Mordtmann A. D.* Ueber die persepolitischen Münzen // NZ. Bd. 10. S. 181—217.

Mordtmann 1879: *Mordtmann A. D.* Zur Pehlewy-Münzkunde, I—III // ZDMG. Bd. 33. S. 82—142.

Mordtmann 1880: *Mordtmann A. D.* Zur Pehlewy-Münzkunde, IV // ZDMG. Bd. 34. S. 1—162.

Nesselmann 1858: *Nesselmann G. H. F.* Die orientalischen Münzen des Akademischen Münzcabinet in Königsberg. Leipzig.

Nöldeke 1879: *Nöldeke Th.* Zur Pehlewi-Sprache und Münzkunde // ZDMG. Bd. 33. S. 687—693.

Nützel 1898: *Nützel H.* Katalog der orientalischen Münzen. Bd. I. Berlin.

Olshausen 1843: *Olshausen J.* Die Pehlewî-Legenden auf den Münzen der letzten Sāsâniden, auf den ältesten Münzen arabischer Chalifen, auf den Münzen der Ispehbed's von Taberistan und auf indo-persischen Münzen des östlichen Iran, zum ersten Male gelesen und erklärt. Kopenhagen.

Olshausen 1854: *Olshausen J.* Eine Münze des Chalifen Qatari // ZDMG. Bd. 8. S. 842—843.

Ousley 1801: *Ousley W.* Observations on some Medals and Gems, bearing Inscriptions in the Pahlawi or Ancient Persick Character. London.

Paruck 1924: *Paruck F. D. J.* Sāsānian Coins. Bombay.

Rapson 1895: *Rapson E. J.* Counter-marks on Early Persian and Indian Coins // JRAS. P. 865—877.

Sacy 1793: *Sacy Sylvestre de.* Mémoires sur diverses antiquités de la Perse... Paris.

Salemann 1879: *Salemann C.* Ueber eine pehlevisch-arabische Münze // ZDMG. Bd. 33. S. 511.

Sauvaire 1882: *Sauvaire H.* Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes, traduits ou recueillis et mis en ordre // Extrait du Journal Asiatique. Premier partie. Monnaies. Paris. P. 1—367.

Sauvaire 1885: *Sauvaire H.* Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes, traduits ou recueillis et mis en ordre // JA. Pt. 2. P. 1—22.

Sauvaire 1887: *Sauvaire H.* Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes, traduits ou recueillis et mis en ordre // JA. Pt. 3. P. 1—264.

Sauvaire 1888: *Sauvaire H.* Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes, traduits ou recueillis et mis en ordre // JA. P. 1—60.

Soret 1847: *Soret Fr.*, *Lettre à M. J. Olshausen* sur quelques médailles nouvelles au type sassanide // MSHAG. T. V. P. 97—110.

Spiegel 1856: *Spiegel Fr.* Grammatik der Huzvâresch-Sprache. Wien; Leipzig.

Stickel 1870: *Stickel J. G.* Handbuch zur morgenländischen Münzkunde. Das Grossherzogliche Orientalische Münzkabinet zu Jena. Heft 2. Älteste muhammedanische Münzen bis zur Münzreform Abdulmelik's. Leipzig.

Stickel und Tiesenhausen 1879: *Stickel J. G.* und *Tiesenhausen W.* Die Werthbezeichnungen auf muhammedanischen Münzen // ZDMG. Bd. 33. S. 341—386.

Thomas 1850: *Thomas E.* The Pehlvi Coins of the Early Mohammedan Arabs // JRAS. Vol. XII. P. 253—347.

Thomas 1852: *Thomas E.* Notes Introductory to Sasanian Mint Monograms and Gems. With a Supplementary Notice on the Arabico-Pehlvi Series of Persian Coins // JRAS. Vol. XIII. P. 373—428. Pl. 1—III.

Thomas 1858: *Thomas E.* Essays on Indian Antiquities, Historic, Numismatic, and Paleographic, of the Late James Prinsep... London. [Vol.] I, II.

Tiesenhausen 1880: *Tiesenhausen W.* Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le Comte S. Stroganoff. St.-Pétersbourg.

THE STUDIES ON MIDDLE-IRANIAN NUMISMATICS IN THE 19th CENTURY

by

A. I. Kolesnikov (Sankt-Petersburg)

The acquaintance with the studies on Middle-Iranian numismatics gives an opportunity to make some conclusions on the subject:

1). The beginning of the studies in Europe starts from the end of the 18th century as a result of investigations made by S. de Sacy in a decipherment of inscriptions engraved on Sasanian rock-reliefs. The initial studies dealt mostly with coins issued by the early Sasanian rulers. After publications of new finds and numismatic collections, coins of the later Sasanians and pre-reform emissions of the Umayyad khalifs and the Arab governors of 7th-century Iran were brought into research. In the middle of the 19th century investigations on «Indo-Sasanian» numismatics were initiated. In the second half of the same century, studies on pre-Sasanian coins from Pars and «buxar-xudat» issues from Central Asia started, and the earliest steps were taken to attribute Sogdian and Chorasmian coins.

2). Middle-Iranian numismatic studies were carried out in the three main directions: a). attribution of coins (mostly by paleographical method); b). edition of catalogs and museum and private collections; c). analysis of metrological characteristics, and — to some extent — investigation of coins as value equivalent.

3). Different directions of Middle-Iranian studies were promoted not only by specialists and amateurs in medieval numismatics, but also by orientologists studying problems of pre-Muslim history of Iran and Iranian philology.

КТО БЫЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ БУКА-БУДРАЧА: ИЗ ИСТОРИИ КАРАХАНИДОВ

Б. Д. Кочнев (Самарканд, Узбекистан)

В свое время В. В. Бартольд с сожалением отмечал, что в распоряжении Махмуда Кашгарского был важный исторический материал, не дошедший до нас (Бартольд 1968а: 87). Фрагментарность и краткость приводимых Махмудом исторических данных связана с самим характером его труда — лексикографического сочинения, посвященного тюркским языкам (наречиям) того времени (XI в.). Вместе с тем и эта историческая информация имеет исключительно важное значение, т. к. исходит от человека, происходившего, возможно, из Караханидов и определенно с территории Караханидского каганата, чья история освещена в рукописных источниках — сплошь некараханидских! — очень неполно, а часто и неточно. При таких обстоятельствах вполне естественно, что все, кто занимался историей Караханидов, так или иначе обращались к труду Махмуда ал-Кашгари. В частности, уже давно привлекают внимание специалистов приведенные в его словаре отрывки из эпических богатырских поэм о борьбе Караханидов с неверными. Главным их героем выступает воитель за веру (*гази*) караханидский принц (*бекеч*) Арслан-тегин, сражавшийся с неверными басмылами, чомулами и ябаку. Собрав сорокатысячное войско, он переправился через реку Ила (Или), а затем через Ямар (Эмиль, или Обь). В этом походе мусульманское войско разгромило огромную армию неверных во главе с Бука-Будрачем¹, беком басмылов и вождем ябаку, который попал в плен (Бартольд 1968а: 86; 1968б: 207; 1968в: 586; Кляшторный, Савинов 1994: 54—55).

Численность армии Бука-Будрача, названную у Махмуда Кашгарского (700 тысяч), В. В. Бартольд с полным основанием счел совершенно невозможной и отнес «к области легенды», тем более что ко времени составления его труда вокруг этого события успел сложиться целый цикл преданий. Все же, по мнению В. В. Бартольда, оно имело место в V/XI в., «сравнительно незадолго» до создания словаря, так

¹ «Бука» (беке) С. Г. Кляшторный определяет как прозвище Будрача, означающее «большая змея», «дракон» (Кляшторный, Савинов 1994: 54). Что же касается имени Будрач, то так сейчас называется расположенное в Сурхандарьинской области (на юге Узбекистана) городище, соответствующее средневековой столице области Чаганиан (Саганиан) (Камадидинов 1996: 134).

как Махмуд еще встречался с участниками похода Арслан-тегина. (Бартольд 1968а: 86; 1968в: 586). Материала для более точной датировки В. В. Бартольд у Махмуда ал-Кашгари не нашел, как не нашли его и последующие исследователи. Тем не менее О. Прицак счел возможным отнести этот поход к третьей четверти XI в. (Pritsak 1953: 41), О. Караев — ко второй половине X в. (Караев 1983: 107—112), С. Г. Кляшторный — ко второй половине X—началу XI в. Если О. Прицак и О. Караев никак не аргументировали свою точку зрения (первый, очевидно, за недостатком места, второй — по неизвестной причине), то С. Г. Кляшторный по крайней мере попытался поместить войны Арслан-тегина в правдоподобный исторический контекст. При этом он предположил, что этот князь, быть может, стал одним из первых караханидских каганов, но надежное отождествление вряд ли возможно (Кляшторный, Савинов 1994: 54).

За несколько лет до появления книги С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова я предложил и постарался обосновать, прежде всего на основании монетных данных, иную датировку похода Арслан-тегина и конкретную атрибуцию этого титула (Кочнев 1988: 200—202). К сожалению, данная статья осталась, вероятно, неизвестной С. Г. Кляшторному. Отчасти по этой причине, но прежде всего потому, что с тех пор выявлены новые важные нумизматические материалы, полезно вновь вернуться к тому же сюжету.

Версия С. Г. Кляшторного и особенно О. Караева не кажется убедительной — и вот почему. В самом «Диван лугат ат-турк» датой начала работы над этим трудом назван 464/1072 г., завершения — 466/1074 г., но специалисты более вероятной датой окончания считают 476/1083 г. (Халидов 1987: 15—16). По правдоподобному мнению О. Прицака, его автор, Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари, был сыном Караханида Чагры-тегина ал-Хусайна и внуком Бугра-хана Мухаммада (Pritsak 1953: 40)². От Чагры-тегина дошли испиджабские дирхемы (серебряные монеты) 437/1045 г. — 46 (?) и 444/1052 г. — 53 (?) (Кочнев 1997: 277, 230; № 1193, 1224), его отец Мухаммад умер в 449/1057—1058 г., дед Йусуф — в 423/1032 г., прадед Харун/Хасан — в 382/992 г. (Кочнев 1993: 24, 27, 29). Как показывает несложный расчет, едва ли Махмуд ал-Кашгари мог встречаться с участниками похода Арслан-тегина, если бы тот состоялся во второй половине X в. Еще более важно следующее обстоятельство. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, в X в. основные силы Караханидов уходили на борьбу с Саманидами, с неверными же приходилось сражаться в непосредственной близости от коренных караханидских владений. Например, Кадыр-хан Йусуф ибн Харун, вероятный прадед Махмуда ал-Кашгари, захватил у неверных Хотан не ранее конца X в. (Утби называет его владельцем Хотана в рассказе о событиях

² Статья О. Прицака, специально посвященная вопросу о происхождении Махмуда ал-Кашгарин, мне, к сожалению, недоступна.

398/1007 г.) (Бартольд 1963а: 335, 342). Словом, трудно представить, чтобы во второй половине X в. некий караханидский князь, который, судя по его титулу (Арслан-тегин), не был ни первым, ни вторым, ни даже третьим лицом в каганате (ибо не являлся ни ханом, ни илеком), смог собрать столь большое войско и совершить такой далекий поход.

По сравнению с 700 тысячами (армия Бука-Будрача) цифра 40 тысяч (войско Арслан-тегина) вызывает гораздо большее доверие: создателям легенды важно было подчеркнуть, что неверные были побеждены, несмотря на их многократный численный перевес, а для этого вполне естественно преувеличить силы кафиров, но уж никак не мусульман. Для караханидского времени 40 тысяч — очень внушительная сила. Вот лишь несколько примеров. В 396/1006 г. караханидский завоеватель Мавераннахра Наср ибн Сали отправил на газнавидский Балх шеститысячный отряд (Бартольд 1963а: 334). В 1017 г. государство Мамунидов, включавшее Хорезм и часть Северного Хорасана, для отражения Махмуда Газневи смогло напряжением всех сил собрать 50 тысяч воинов (Бартольд 1963а: 339—340). Позднее, в 1034 г., противник хорезмшаха испугался многочисленности его войска, насчитывавшего 30 тысяч человек (Бартольд 1963а: 360). В 1080 г. караханидский владетель Мавераннахра отразил вторжение брата Сельджукида — Маликшаха, имея восьмитысячный отряд (Буниятов 1981: 7). Караханид Арслан-хан Мухаммад ибн Сулайман (495—524/1102—1130) совершал походы против неверных во главе двенадцатитысячного корпуса (Бартольд 1963а: 382, примеч. 5). Правда, сообщается о походе Караханида Массуда ибн Хасана (556—566/1160—1171) за Амударью со стотысячной армией (Бартольд 1963а: 400), но эту чересчур круглую цифру, внушающую серьезнейшие сомнения по целому ряду причин, следует понимать просто как указание на большие размеры войска. Наконец, Йусуф Баласагуни, современник Махмуда ал-Кашгари, обобщая богатый караханидский военный опыт, влагает в уста одному из героев своей поэмы слова о том, что для битвы достаточно двенадцати тысяч воинов, а другому персонажу — что и четырех тысяч хватает (Юсуф Баласагунский 1983: 192). В связи с последней цифрой стоит вспомнить хорошо известное высказывание Бабура (конец XV—начало XVI в.), что при справедливом правлении на доходы с Ферганы можно содержать 3—4 тысячи воинов (Бабур-наме 1958: 15). Сколь бы ни различались условия караханидского и тимуридского времени, ясно одно: малозначительный князь, мелкий удельный владетель, не мог иметь сорокатысячную армию. А раз так и коль скоро поход Арслан-тегина, вернее всего, следует относить (как и думал В. В. Бартольд) к XI в., правление этого владетеля не могло не найти отражения в монетном чекане.

Впервые титул Арслан-тегин появляется на дирхеме Ферганы 381/991—992 г., на котором после Турк-хакана, т. е. первого караханидского завоевателя Мавераннахра Бугра-хана Харуна ибн Мусы, назван его вассал Арслан-тегин ибн Улуг-тегин (Кочнев 1995: 203). В

дальнейшем последнего не упоминают ни монетные надписи, ни рукописные источники, так что его можно с полной уверенностью исключить из претендентов на звание искомого Арслан-тегина. Следующий «монетный» Арслан-тегин — Мухаммад ибн Сали, личность намного более известная. Между 408—415/1017—1025 гг. он был вторым лицом в среднеазиатской части каганата и по размерам владений, и по официальному статусу (Кочнев 1993: 26), и по реальному политическому весу (Махмуд Газнави с просьбой отдать караханидскую царевну обратился к великому кагану и его брату Мухаммаду ибн Сали (Бартольд 1963в: 341). Более того, на одном из дирхемов начала XI в. Мухаммад прямо назван «гази» (Кочнев 1988: 199—200). Казалось бы, идеальная кандидатура! Однако наибольшее могущество Мухаммада ибн Сали приходится на время, когда он был Арслан-илеком (или просто илеком/илигом), или Йинал-тегином, титул же Арслан-тегин он носил до 403/1012—1013 г., в пору, когда являлся лишь одним из многих князей и не имел владений к северо-востоку от Тараза (Кочнев 1995: 204—226). Восточнее Тараза лежал Баласагун, столица Ахмада ибн Сали, который сам помещал на монетах 398/1007—1008 г. титул «гази», а в 403/1012—1013 или 404/1013—1014 г. совершил дальний поход на восток против неверных (Кочнев 1988: 196—199). Все это делает маловероятным тождество Мухаммада ибн Сали и победителя Бука-Будрача, особенно в свете того, что известно об одном из более поздних носителей титула Арслан-тегин. В 419/1028 г. Сулайман ибн Харун проставлял этот титул на монетах Самарканда и Хоканда (?) (Кочнев 1995: 251, 255; № 702, 759); если даже это не Хоканд, Сулайман все равно не имел владений в северо-восточной части каганата (Кочнев 1992: 138—140). Еще меньше подходит Йусуф ибн Сали, упоминавшийся как Арслан-тегин только на монетах Центрального Мавераннахра 421—426/1030—1035 гг. (Кочнев 1993: 22, 27—28).

Совсем другое дело — Ахмад ибн Мухаммад, который проставлял титул Арслан-тегин и/или лакаб Шамс ад-Даула на дирхемах Тункета 433/1041—1042 или 436/1044—1045 и 444/1052—1053 гг., Кубы и Маргинана — 443/1051—1052 г., Барсхана — 444/1052—1053 г., на монетах 445/1053—1054 и 446/1054—1055 гг., не сохранивших названия денежного двора, но битых явно восточное Тараза³. Он же назван Арслан-илеком на дирхемах Барсхана 448/1056—1057 и 449/1057—1058 гг., Уча — 448/1056—1057 г.: на последних стоит также его титул Малик ал-Машрик ('царь Востока'). Наконец, имя Ахмад есть на монетах Куз Орду, т. е. Баласагуна, выпущенных в 444/1052—1053 или 447/1055—1056 либо 449/1057—1058 г. (Кочнев 1997: 277—283).

³ Это медно-свинцовые дирхемы, т. е. монеты той категории, которая представлена чеканом Куз Орду (Баласагуна), Барсхана, Уча, неустановленных пунктов на северо-востоке Караханидского государства, а также городов Ферганы, но ферганские эмиссии отличаются более высоким уровнем исполнения надписей, чем дирхемы Арслан-тегина 445/1053—1054 и 446/1054—1055 гг. Прочие караханидские монетные дворы чеканили не медно-свинцовые, а низкопробные серебряные (биллонные) дирхемы (Кочнев 1987: 44).

В одних случаях Ахмад выступает вассалом Бугра-хана Мухаммада, в других — единственным эмитентом, в-третьих — сюзереном других караханидских князей (Харуна ибн Сали, Насра и т. д.).

Арслан-тегин упоминается не только на монетах. По словам Ибн ал-Асира, в 435/1043—1044 г. Арслан-хан разделил «страну» между родственниками, отдав одному брату, Бугра-хану, Тараз и Испиджаб, другому брату, Арслан-тегину, — «многое из Страны тюрок», дяде, Тоган-хану, — Фергану, сыну Сали-тегина — Бухару с Самаркандом и другие города, сам же удовлетворился Баласагуном и Кашгаром и повиновением своих родственников (Ибн ал-Асир 1973: 60). В этом пассаже далеко не все достоверно. Как показывают нумизматические данные, отцом Арслан-тегина был Мухаммад, а значит, Арслан-тегин не мог быть братом Арслан-хана Сулаймана ибн Йусуфа. Еще важнее то обстоятельство, что реальная ситуация 435/1043—1044 г. была весьма далека от описанной Ибн ал-Асиром. До 431/1039—1040 г. Арслан-хан являлся главой династии, великим каганом, хотя наряду с ним в каганате были другие очень самостоятельные правители — Бугра-хан в Таразе, Испиджабе и Шаше, Тоган-хан в Фергане, Арслан-илек Йусуф ибн Сали (сын Сали-тегина) в Центральном Мавераннахре. В 431/1040 г. Ибрахим ибн Наср, захватив долину Кашкадарьи, а главное Самарканд, провозгласил себя Табгач-ханом, положив тем самым начало отдельному государственному образованию — Западно-Караханидскому каганату со столицей в Самарканде; в 433/1041—1042 г. он окончательно вытеснил из Бухары Йусуфа ибн Сали (сына Сали-тегина) (Кочнев 1993: 27—28). Хотя многое из сказанного установлено сравнительно недавно (по монетам), В. В. Бартольд верно оценил приведенный пассаж: «Это свидетельство Ибн ал-Асира по меньшей мере не совсем точно», Арслан-хан «мог лишь санкционировать фактически происшедший раздел империи» (Бартольд 1964: 290—291, примеч. 192). По мнению О. Прицака, раздел 435/1043—1044 г. — своего рода анахронизм: еще в 429/1036—1037 г. Ферганой владел Мухаммад ибн Наср, к 433/1041—1042 г. Мавераннахр принадлежал его брату Ибрахиму, а не сыну Сали-тегина; следовательно, потомки Бугра-хана Харуна/Хасана, чувствуя угрозу со стороны сыновей Насра ибн Сали и желая поэтому уладить свои внутренние раздоры, делят «сферы влияния» (Pritsak 1950: 222—223). Соображения эти, конечно, заслуживают внимания. Но если потомки Харуна вполне осознали опасность со стороны Мухаммада и Ибрахима и даже съехались для ее обсуждения на «конгресс» (выражение Прицака), следовало бы ожидать в результате не просто разграничения «сфер влияния», а реальных мер для борьбы с этой угрозой. Однако ни рукописные источники, ни монеты, битые около 435/1043—1044 г., не зафиксировали никаких следов такой борьбы. Поэтому можно предложить следующее истолкование обсуждаемого пассажа: Арслан-хан действительно узаконил существующее положение вещей, но не в 435/1043—1044 г., а несколько раньше, возможно, около 430/1038—1039 г., когда Тоган-

хан уже владел Ферганой, а Йусуф ибн Сали (сын Сали-тегина) еще правил в Мавераннахре. Таким образом, очень вероятно, что именно около этой даты Арслан-тегин был утвержден в роли владельца значительной части Туркестана (получил же эти земли, надо полагать, еще раньше). Несмотря на некоторую неопределенность указания Ибн ал-Асира («многое из Страны тюрков»), из его же перечня владений прочих Караханидов совершенно очевидно, что Арслан-тегину могли достаться прежде всего территории восточнее Баласагуна.

После того как в 449/1057—1058 г. погибли Арслан-хан Сулайман, Бугра-хан Мухаммад ибн Йусуф и несколько их родичей (среди которых мог быть и Ахмад ибн Мухаммад), Арслан-ханом стал Ибрахим ибн Мухаммад ибн Йусуф, Арслан-тегином — его двоюродный брат Аййуб ибн Сулайман, известный, в частности, по дирхемам Куз Орду 454/1062 г. (Кочнев 1993: 23, 29). В том же году в Куз Орду чеканились монеты с упоминанием Табгач-хана Ибрахима ибн Насра и его вассала Арслан-хана Сабдалхалика⁴. Таким образом, правление Арслан-тегина Аййуба было непродолжительным и вообще оставило след в немногих нумизматических памятниках — их на порядок меньше, чем монет Ахмада ибн Мухаммада.

Итак, из всех Караханидов, носивших в конце X—XI в. титул Арслан-тегин, только Ахмад ибн Мухаммад в течение длительного времени (возможно, около двух десятков лет) имел обширные владения в северо-восточной части каганата. Иначе говоря, из всех Арслан-тегинов он располагал самым удобным плацдармом для далекого похода за реку Или, а его удел, включавший, по крайней мере временами, также часть Мавераннахра (Куба, Маргинан, Тункет), был достаточно крупным, чтобы обеспечить такую масштабную военную экспедицию необходимыми материальными и людскими ресурсами. Словом, Арслан-тегин Ахмад ибн Мухаммад представляется наиболее вероятным кандидатом на роль победителя Бука-Будрача.

Скорее всего, Арслан-тегин был не единственным Караханидом, участвовавшим в походе против неверных. В 440-х гг. х. в северо-восточной части Восточно-Караханидского каганата, т. е. на территории удела Ахмада ибн Мухаммада, выпускались также монеты с упоминанием Йаган-тегина Насра, который выступает то вассалом правителей более высокого ранга (Арслан-хана, Бугра-хана, Арслан-тегина), то совершенно самостоятельным эмитентом (Кочнев 1997: 279—286). На ряде дирхемов, в том числе битых в 445/1053—1054 г. в Уче, он назван «гази» и «малик гази». Вполне возможно, что «почетную» кунью Абу-л-Музаффар «победоносный», помещенную на дирхемах Барсхана 446/1054—1055 (?) г., он получил (или присвоил) именно в связи с участием в борьбе за веру. Кстати, ту же кунью проставлял на монетах Кубы и Маргинана 443/1051—1052 г. и сам Ахмад ибн Мухаммад. В

⁴ Неопубликованные дирхемы из частных коллекций А. М. Камышева и В. Г. Кошевара (г. Бишкек).

этой связи стоит напомнить, что Ахмад ибн Сали, совершивший в 403/1012—1013 или 404/1013—1014 г. большой и успешный поход против кафиров, включил кунью Абу-л-Музаффар только в надписи дирхемов 405/1014—1015 г. (Кочнев 1988: 198—199). Поэтому не покажется чересчур рискованным предположение: именно победа над Бука-Будрачем дала Арслан-тегину Ахмаду основание и возможность величать себя Абу-л-Музаффаром на монетах 443/1051—1052 г. и, вероятно, она имела место сравнительно незадолго до этой даты. Таким образом, данное событие должно было произойти около 440/1048—1049 г. плюс-минус несколько лет (едва ли ранее 430/1038—1039 и не позже 447/1055—1056 г.; позднее Ахмад был не Арслан-тегином, а Арслан-илеком).

Предлагаемая версия представляется наиболее непротиворечивой. Правда, сам Ахмад ибн Мухаммад ни разу не назван на монетах «гази» — в отличие от своего современника Насра. Но это ровным счетом ни о чем не говорит: титул «гази» не использовали в монетном чекане ни Махмуд Газнави, прославившийся бесчисленными войнами за веру, ни Караханид Мухаммад ибн Сулайман, который вошел в историческую традицию как «падишах-и газии». На первый взгляд, с предлагаемой датировкой не вполне согласуется наличие цикла преданий, эпических поэм об Арслан-тегине уже в эпоху Махмуда ал-Кашгари. Но противоречие это мнимое: например, вокруг имени Идите (Идику), знаменитого золотоордынского военачальника и временщика (XIV—начало XV в.), легенды стали складываться еще при его жизни, о чем имеется прямое свидетельство Ибн Сарабшаха (Бартольд 1963б: 797; Жирмунский 1973: 176). Если обоснованная выше версия верна, то между походом на Бука-Будрача и включением соответствующих отрывков из поэм в труд Махмуда ал-Кашгари должно было пройти около четверти века — срок вполне подходящий для того, чтобы, с одной стороны, застать в живых участников похода, с другой — чтобы сам поход стал достоянием эпического народного творчества.

В заключение необходимо остановиться на вопросе о происхождении Арслан-тегина Ахмада ибн Мухаммада. Монетные легенды называют его отца, но не деда. Поскольку на многих монетах его сюзереном выступает Бугра-хан Мухаммад ибн Йусуф, последнего я и считал отцом Ахмада (Кочнев 1988: 201). Позже эта точка зрения была пересмотрена (Кочнев 1993: 23), что нашло отражение только в автореферате, где не могло быть приведено обоснование, а оно, конечно, требуется.

По словам Ибн ал-Асира, Бугра-хан, заняв место плененного им Арслан-хана, объявил своим наследником старшего сына, Чагры-тегина Хусайна, почему жена Бугра-хана, желая доставить престол собственному сыну, отравила мужа и нескольких его родственников (Ибн ал-Асир 1973: 59). Как показывают рукописные и нумизматические источники, это произошло в 449/1057—1058 г. (Федоров 1983: 115—116). Между тем в 448—449/1056—1058 гг. Ахмад ибн Мухаммад был Арслан-илеком, т. е. носил самый высокий из караханидских княже-

ских титулов и занимал заведомо более высокое положение, чем старший сын и наследник Мухаммада ибн Йусуфа, который являлся лишь одним из многих князей. Столь существенная и несомненная разница статусов не оставляет сомнений в том, что Ахмад ибн Мухаммад не мог быть сыном Бугра-хана Мухаммада.

О. Прицак говорит об Ахмаде ибн Мухаммаде, сыне Мухаммада ибн Насра ибн Сали, будто бы упомянутом на саганианских монетах 431/1039—1040 г. (Pritsak 1953: 36). Однако, как неоспоримо доказали специалисты, дата этих фельсов на самом деле не 431/1039—1040, а 406/1015—1016 г., фигурирующий же на них Ахмад ибн Мухаммад — в действительности местный владетель некараханидского происхождения (Давидович 1970: 89; Ртвеладзе 1988: 50). Соответственно, не остается каких-либо данных о наличии у Мухаммада ибн Насра сына по имени Ахмад. По монетам первой трети XI в. известен Ахмад ибн Мухаммад ибн Сали, но его лакаб Насир ад-Даула совсем другой, чем у Арслан-тегина (Арслан-илека) Ахмада ибн Мухаммада, чьи почетные прозвания — Сана ад-Даула и Шамс ад-Даула (Кочнев 1993: 21, 23). Да и вообще потомок Сали ибн Мусы представляется наименее реальным кандидатом на роль носителя титула Арслан-тегин в 430—440-х гг. х.

Дело в том, что в качестве участников раздела владений, произведенного Арслан-ханом (Сулайманом ибн Йусуфом ибн Харуном/Хасаном), Ибн ал-Асир называет только его ближайших родственников из числа потомков Харуна/Хасана ибн Сулаймана. Это Бугра-хан (Мухаммад ибн Йусуф ибн Харун), его «брат» Арслан-тегин, дядя Тонга-хан и сын Сали-тегина (Йусуф ибн Сали ибн Хасан/Харун). Поскольку Тонга/Тоган-ханом был тогда Мухаммад ибн Хасан (Кочнев 1984: 372), более чем вероятно, что именно ему приходился сыном Арслан-тегин Ахмад ибн Мухаммад. Если так, то последний являлся двоюродным братом Арслан-хана и Бугра-хана, принадлежал к одному с ними поколению и по сравнению с представителем следующего поколения, Чагры-тегином, сыном Бугра-хана, имел право на заведомо более высокий статус.

Таким образом, победителем Бука-Будрача наиболее правдоподобно считать караханидского князя Арслан-тегина Ахмада ибн Мухаммада ибн Хасана/Харуна, который совершил поход против неверных около 440/1048—1049 г.

Литература

- Бабур-наме 1958: Записки Бабур / Пер. М. Салье. Ташкент.
 Бартольд 1963а: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 1. М.
 Бартольд 1963б: *Бартольд В. В.* Отец Едигея // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2, ч. 1. М.
 Бартольд 1964: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2, ч. 2. М.

- Бартольд 1968а: *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. М.
- Бартольд 1968б: *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. М.
- Бартольд 1968в: *Бартольд В. В.* Тюрки (историко-этнографический обзор) // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. М.
- Бунятов 1981: *Бунятов З. М.* Гарс ан-Нисма ас-Саби и Камал ад-Дин Ибн Фувати об истории Караханидов // ППВ.
- Давидович 1970: *Давидович Е. А.* Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник // ППВ.
- Жирмунский 1973: *Жирмунский В. М.* П. М. Мелиоранский и изучение эпоса Едигей // Тюркологический сборник. М.
- Ибн ал-Асир 1973: *Ибн ал-Асир.* Китаб ал-камил фи-т-тарих. Извлеч. в пер. с араб. К. Б. Старковой // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.
- Камалиддинов 1996: *Камалиддинов Ш. С.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX—начала XIII в. Ташкент.
- Караев 1983: *Караев О.* История Караханидского кагамата (X—начало XIII в.). Фрунзе.
- Кляшторный, Савинов 1994: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.
- Кочнев 1984: *Кочнев Б. Д.* Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент.
- Кочнев 1987: *Кочнев Б. Д.* Клады караханидских медно-свинцовых дирхемов середины XI в. // II Всесоюзная нумизматическая конференция: Тезисы докладов. М.
- Кочнев 1988: *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 9: Саманиды, Караханиды, Ануштегииниды // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 22. Ташкент.
- Кочнев 1992: *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. II: Караханиды, Великие Сельджуки // ИМКУ. Вып. 26.
- Кочнев 1993: *Кочнев Б. Д.* Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование: АДД. М.
- Кочнев 1995: *Кочнев Б. Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 1) // ВИИСИД. Вып. 4.
- Кочнев 1997: *Кочнев Б. Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 2) // ВИИСИД. Вып. 5.
- Ртвеладзе 1988: *Ртвеладзе Э. В.* К истории Саганийана первой четверти XI в. по нумизматическим данным // ЭВ. XXIV.
- Федоров 1983: *Федоров М. Н.* Очерк истории Восточных Караханидов конца X—начала XIII в. по нумизматическим данным // Киргизия при Караханидах. Фрунзе.
- Халидов 1987: *Халидов А. Б.* Словари Исхака ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари (из истории лексикографии в Средней Азии X—XI вв.) // ППиПИКНВ. XXI. Ч. IV.
- Юсуф Баласагунский 1983: *Юсуф Баласагунский.* Благодатное звание. М.
- Pritsak 1950: *Pritsak O.* Karachanidische Streitfragen // Oriens. Vol. 3/2. Leiden.
- Pritsak 1953: *Pritsak O.* Die Karachanidische // Der Islam. Bd. 31/1. Berlin.

**WHO WAS THE CONQUEROR OF BUQA-BUDRACH:
FROM THE QARA-KHANID HISTORY**

by

B. D. Kochnev (Samarkand, Uzbekistan)

The work of Mahmud Kashghari (11th century) contains passages from heroic epics devoted to the fighting of the Qara-Khanids with the pagans. The Qara-Khanid prince Arslan-tagin defeated an enormous army led by Buqa-Budrach, the chief of the Basmyls and the Yabaku. Scholars have dated this campaign within the latter half of the 10th—early 11th century. According to the available numismatic data, there were three rulers bearing the title of Arslan-tagin. Most plausibly, the conqueror of Buqa-Budrach was the Qara-Khanid prince Arslan-tagin Ahmad ibn Muhammad ibn Hasan/Harun, who had undertaken a campaign against the pagans c. 1048—1049.

БАКТРИЙЦЫ НА ОХОТЕ

Б. А. Литвинский (Москва)

Раскопки на городище Тахти-Сангин, расположенном на западном берегу р. Вахш у впадения ее в Пяндж, проводившиеся в 1975—1991 гг. Южнотаджикистанской археологической экспедицией (руководитель экспедиции Б. А. Литвинский, начальник отряда И. Р. Пичикян), привели к открытию храма Окса. Он был воздвигнут в конце IV—начале III в. до н. э. и просуществовал до III—IV в. н. э. В сокровищницах храма было обнаружено около 8000 предметов, среди них большое количество художественных изделий из золота, серебра, бронзы, слоновой кости, глины, алебастра, фритты и др. Детальное описание храма и произведенных в нем раскопок, а также предметов вооружения уже вышли в виде двух первых томов итогового издания «Храм Окса в Бактрии» (Литвинский, Пичикян 2000; Литвинский 2001), предварительно же — в виде статей — опубликованы отдельные находки и их серии (перечень публикаций — в вышеназванных книгах), но ряд первоклассных памятников эллинистического и кушанского искусства еще ждет своей публикации, и среди них — целая пластина и фрагменты пластины из слоновой кости со сценой охоты (рис. 1).

1. Иконография

1. ПЛАСТИНА из слоновой кости (рис. 2), являющаяся обкладкой стенки шкатулки (?). Пластина прямоугольной формы, слегка расширяется к одному из торцов. В каждом из четырех углов ее имеется по сквозному отверстию и два отверстия — на продольной оси. Есть продольные и поперечные трещины и деформация.

На пластине мы видим изображение охоты, представленное как бы двумя сценами. Два всадника охотятся, стреляя из лука. Правую часть пластины (примерно ее треть по длине) занимает скачущий вправо всадник, перед которым распластался в прыжке на уровне ног коня горный баран-самец, над ним — самка, пораженная в спину двумя стрелами. Над этой парой крупных животных, вверху, пара мелких — два несущихся друг за другом зайца.

В левой стороне — всадник, скачущий в противоположном направлении, т. е. влево (рис. 3). Он стреляет на скаку, обернувшись назад,

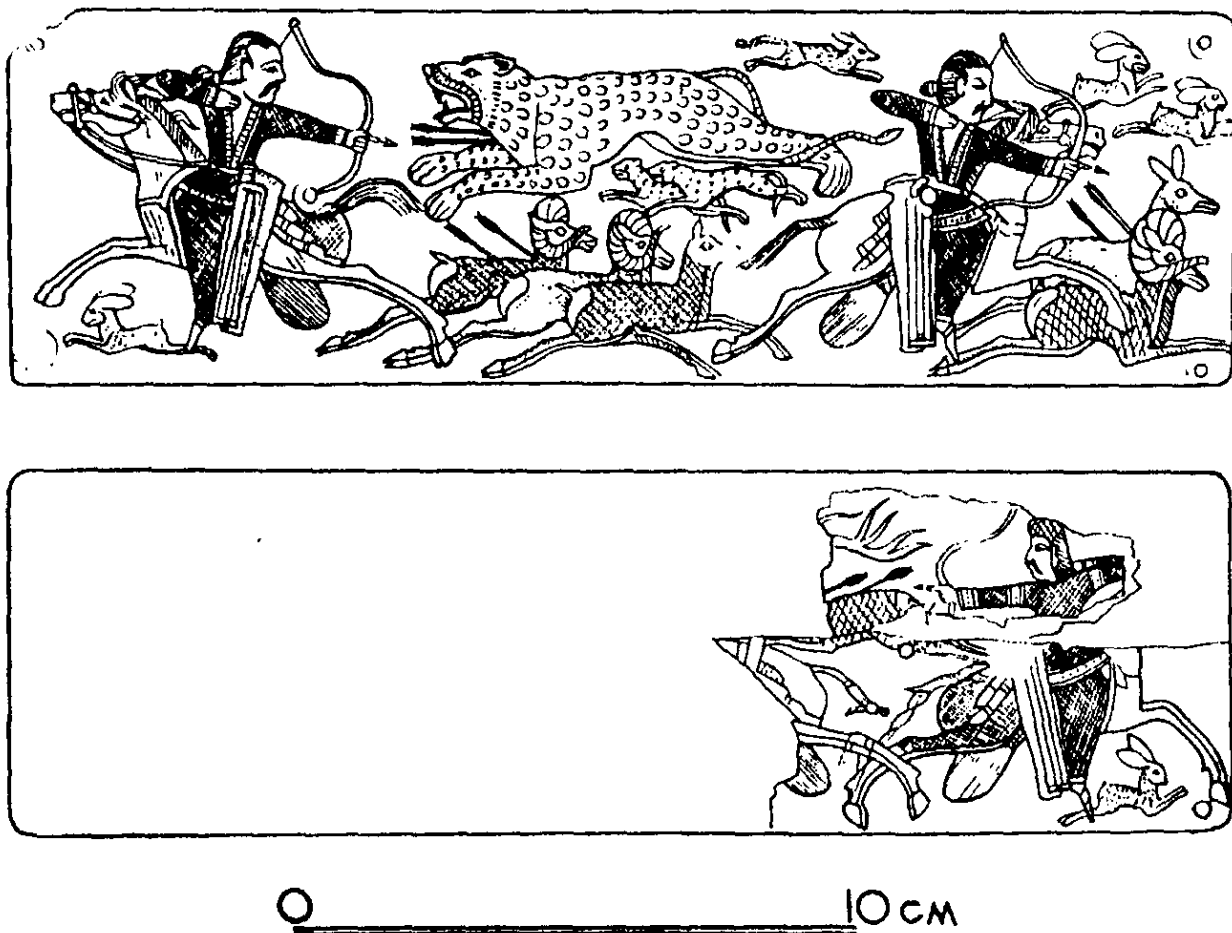

Рис. 1. Храм Окса. Первая (вверху) и вторая (внизу) пластины со сценой охоты

т. е. оба всадника пускают стрелы в одном и том же направлении. Под ногами коня — скачущий влево заяц.

В средней части — два регистра. В нижнем — три несущихся вправо, т. е. *от* стреляющего в этом направлении левого всадника, травоядных животных: внизу впереди самка барана, за ней один над другим два барана-самца. Задний поражен двумя стрелами — в основание шеи и в спину. Над ними, в верхнем регистре, фигура самки барса, нападающей на левого всадника. Барс поражен двумя стрелами, попавшими в грудь. Под барсом — два детеныша, бегущих в том же направлении, что и мать. Между барсом и всадником бежит вправо лисица с пушистым хвостом. Изображения выполнены в технике гравировки. Такова общая композиция. Прежде чем ее анализировать, рассмотрим каждый ее персонаж отдельно.

Правый всадник скачет на коне вправо (рис. 4). Конь дан в прыжке, задние ноги отнесены далеко назад, передние подняты вверх. Шея и голова коня приподняты вверх. Хвост закручен в жгут у основания, конец его, ничем не скрепленный, развевается. Тело коня и его морда детально проработаны. Тонкие сухие ноги, точно очерчены суставы и копыта. Контуры головы очень резкие и четкие. Показаны ноздри, глаз, длинное ухо. Грива собрана в пряди: одна прядь поднимается спереди уха и отведена назад за него; другая сзади на шее за ухом —

Рис. 2. * Храм Окса. Первая пластина со сценой охоты

она вытянута горизонтально. Пряди имеют вид тонких изогнутых по длине горизонтальных клиньев с продольной насечкой — волосами. На морде коня — упряжь (она детальнее видна на втором коне, описание см. ниже).

Всадник по своим пропорциям несколько крупнее коня. Так как он натягивает лук, держа его перед собой в левой руке и оттягивая тетиву правой, и направляет стрелы вперед и вниз, он показан в сложном ракурсе: голова и нижняя часть тела в профильном положении, а верхняя половина — в трехчетвертном развороте с небольшим наклоном вперед. Это мужчина с грузными чертами лица. Нос с небольшой горбинкой, высокий выпуклый лоб, миндалевидный узкий (приостренный) разрез глаза, над которым линией показан крутой изгиб брови, приоткрытый рот с пухлыми губами, овал уха. Над верхней губой — тонкие усы, спускающиеся вниз. На голове линиями показаны уходящие назад гладкие пряди. Спереди, над ухом, — треугольная «залысина». В нижней части, ниже уха, волосы скручены и собраны сзади в виде округлого узла с поперечными насечками (тесемками?).

Всадник одет в узкий, плотно облегающий кафтан с треугольным вырезом и, очевидно, двусторонними отворотами. Вдоль выреза — полоски, окаймленные спаренными линиями, между которыми — перпендикулярные им штрихи. В талии кафтан перехвачен гладким поясом. Над коленями — полоска из спаренных линий с насечкой внутри — это подол кафтана. Рукава узкие с обтягивающими обшлагами (оформлены так же, как и подол). Из-под кафтана выступает нога в широкой штанине, оканчивающейся гладкой манжетой. Поверхность кафтана и штанов покрыта сетчатой густой насечкой.

Носок ноги оттянут вниз. Ступня на половине ее длины охвачена полоской, возможно, это ременная петля — предвестник стремян. В левой вытянутой вперед и вниз руке всадник держит лук. Четыре пальца сжимают центральную часть лука, указательный палец вытянут вперед и служит направляющей для стрелы. Наконечник стрелы с

* Прорисовки с фотографий (рис. 2—7) выполнены А. В. Сильновым.

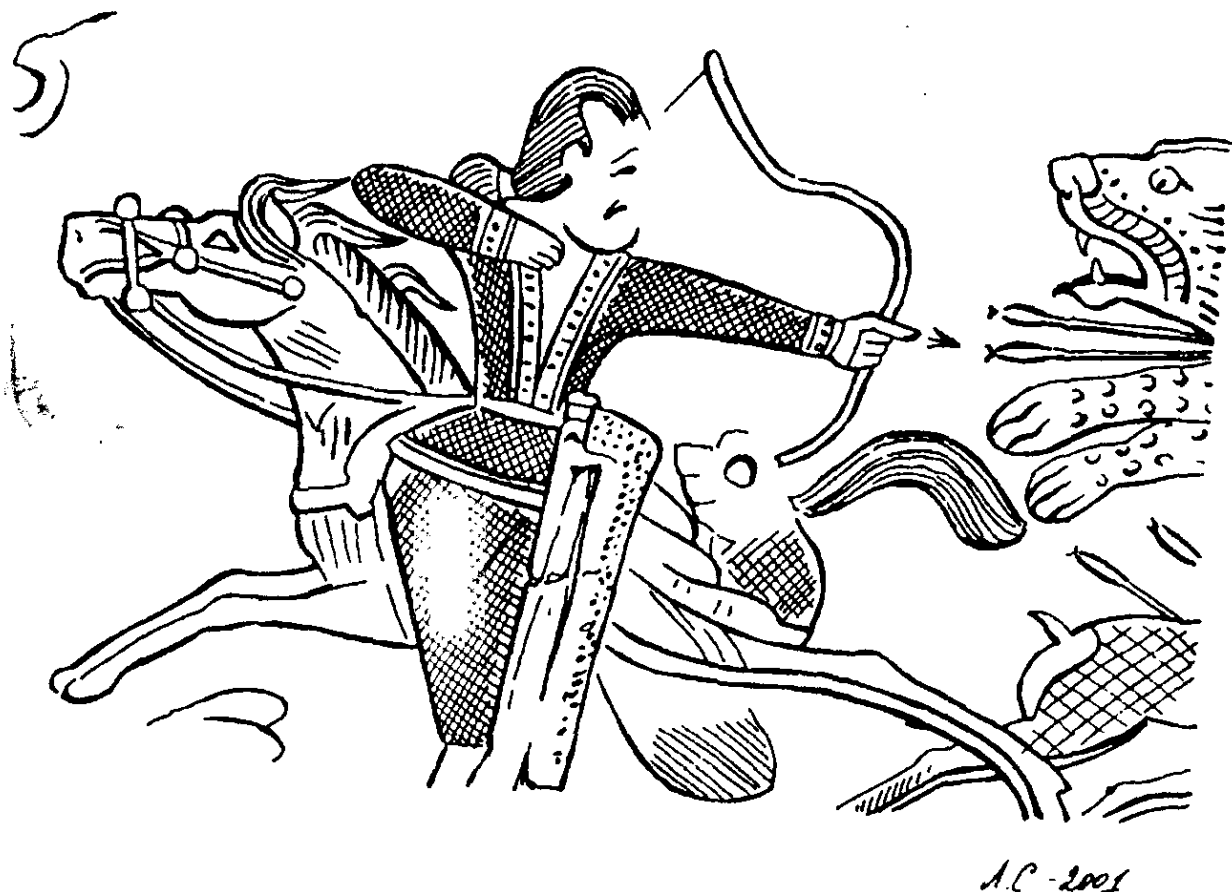

Рис. 3. Храм Окса. Первая пластина со сценой охоты. Левый всадник

жальцами показан впереди пальца и чуть выше его. Правая рука сжатыми в кулак пальцами оттягивает тетиву до уха, но на уровне шеи. Сама тетива показана лишь над головой. К поясу справа вертикально привешен прямоугольный футляр (меча?) с продольной рельефной полоской по оси сзади, а под этим футляром угадывается другой прямоугольный футляр — колчан. За ними, на задней части корпуса коня, — полоски в виде лент. Ниже живота выступает привешенный с другой, скрытой от зрителя, стороны овальный предмет с округлым основанием и криволинейным контуром боковой образующей — *tassel*; на поверхности — штриховые насечки. Это, несомненно, завершение кисти, прикрепленной к седлу. Несмотря на то что конь стремительно движется, кисть показана висящей лишь с некоторым отклонением назад от вертикали (порядка 40°).

Левый всадник, за исключением очень незначительных деталей и позы, идентичен правому. Он показан обернувшимся назад, но при этом верхняя половина корпуса повторяет верхнюю половину корпуса другого всадника, устремившегося вперед. И здесь голова показана в профиль, а тело — в три четверти, с переходом в анфас. Из деталей отметим, что линия прически с глубокими треугольными вырезами и острыми мысами сзади переходит в вытянутый округлый узел, перехваченный у узкого основания гладкой полоской. Одевание всадников сходно, как и аксессуары. То же можно сказать и о положении рук, натягивающих лук, и о характере ступни с оттянутым вниз носком (хотя

линия ступни отличается) и полоской-перехватом. Но два отличия все же следует отметить. Во-первых, корпус левого всадника более вытянут. Во-вторых, на футляре поперечными штрихами показана рукоять меча. Выступающее из-под этого футляра нижнее овальное уширение кисти (привешенной к седлу на скрытой от зрителя стороне) в основании покрыто продольными штрихами. Отклонение от вертикали такое же, как у правого всадника. Хвост коня не закручен в жгут и свободно развевается.

Благодаря тому что эта фигура повернута назад, лучше видна передняя часть лошади. Одна прядь гривы опускается на морду перед ухом, две, примыкающие друг к другу, сверху, четвертая значительно ниже, на шее. Упряжь состоит из пересекающей рот прямой вертикальной полоски, завершающейся вверху и внизу (за пределами морды) кружочками. Возможно, это псалии. К нижнему концу их прикреплены поводья — уздечка; сзади, к средней части — две расходящиеся треугольником полоски, придерживающие псалии, — нащечные ремни; от места их соединения отходит охватывающий ремень — наносник, от этого же места соединения идет ремень назад, к низу головы. Здесь он оканчивается кружком. Возможно, был еще один ремень, отходящий от этого кружка, но он не показан. Поводья брошены у основания шеи, т. к. обе руки всадника заняты. У обоих коней грудь охвачена плоским ремнем, возможно, предупреждающим сползание седла назад. Фигуры коней несколько укорочены по длине. Головы всадников также несколько крупнее, чем корпуса.

Лук сложносоставной, с четко выделенной утолщенной рукоятью, круто изогнутыми плечами и четко выделенными утолщающимися книзу концами, переход от которых к плечам угловатый. На конце рукояти у левого всадника — крючковатая врезка для конца тетивы. Про наконечники можно сказать лишь, что они, скорее всего, трехлопастные, с длинными жальцами. Концы стрел, вонзившихся в зверей, имеют оперение. Размер лука в натянутом виде выше трех пятых (62 %) сидящей на коне фигуры.

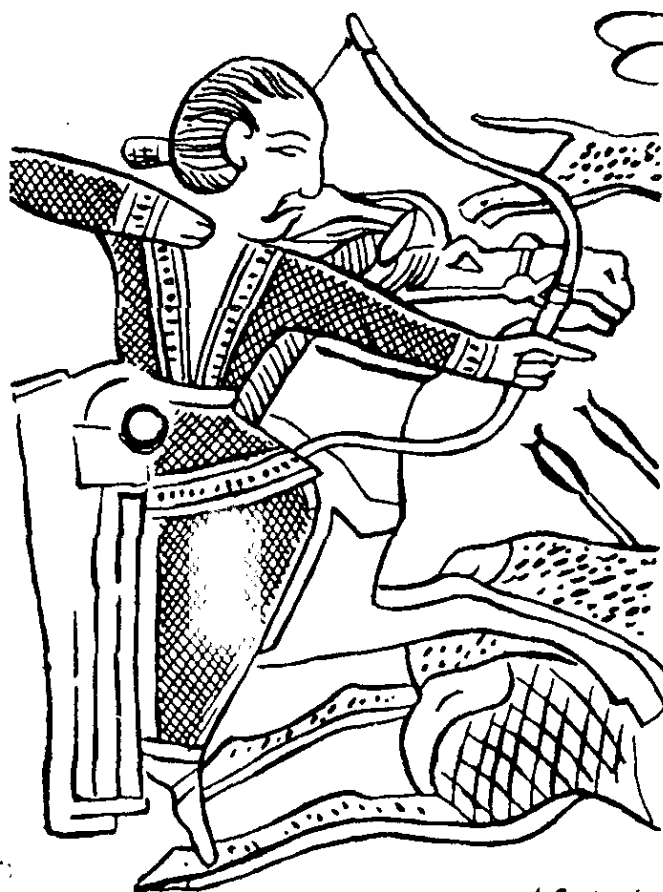

Рис. 4. Храм Окса. Первая пластина со сценой охоты. Правый всадник

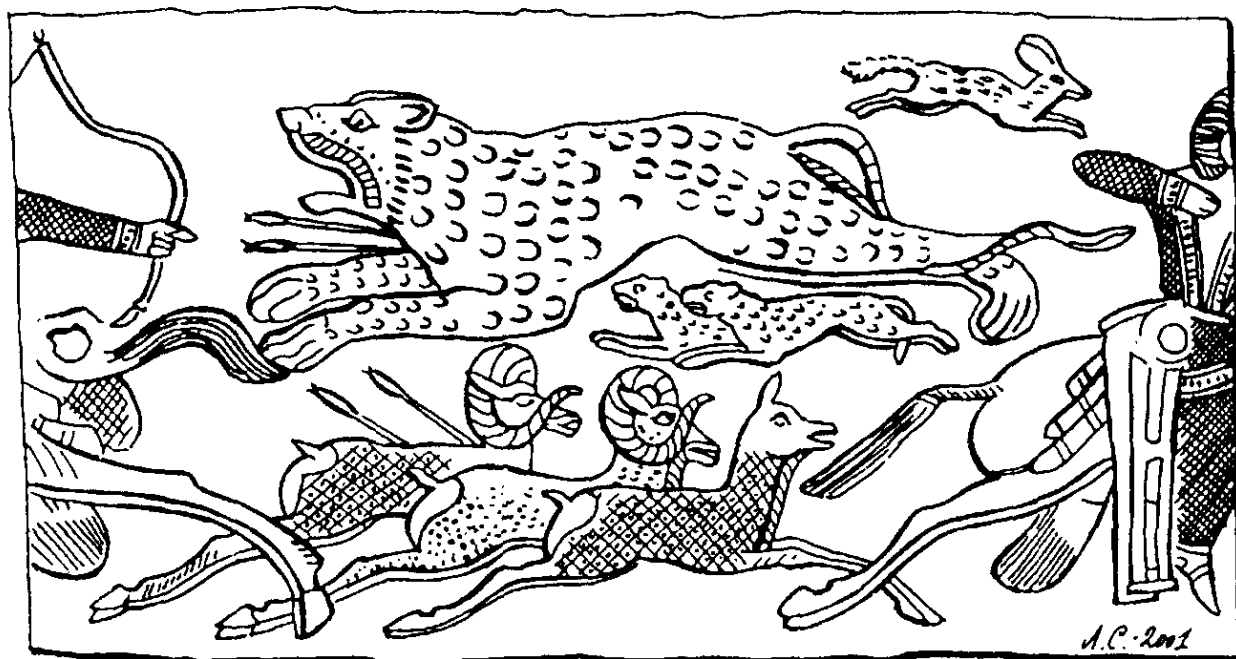

Рис. 5. Храм Окса. Первая пластина со сценой охоты. Леопард

Барс с открытой пастью показан в прыжке (рис. 5). Он изображен более условно, нежели всадники. Упруго оттянутая могучая задняя нога подчеркивает мощь зверя, тело покрыто кружками, морда — штрихами и точками. На лапах показаны подушечки, опущенный хвост завернулся вокруг ноги, уши прижаты, пасть оскалена, видны торчащие клыки. Несмотря на поразившие его стрелы, зверь прыгает на всадника.

Более реалистично показаны горные бараны — архары, у которых подчеркнут их главный признак — огромные завернутые и закрученные рога¹, прекрасно передано движение. То же самое следует сказать и про фигурки малых животных — зайцев с огромными ушами, лисицу с распущенным хвостом.

К числу художественных особенностей относится резкий контраст между, с одной стороны, непосредственной и живой, очень точной передачей движения животных, великолепной трактовкой скачущих коней, где не просто передана идея движения, прыжка, но соответствующим образом трактована каждая часть фигуры — от вытянутой вперед головы до почти горизонтально развевающегося хвоста, и, с другой стороны, скованными фигурами всадников, которые изображены так, как будто сидят не на летящих в галопе конях, а на неподвижных тронах. Это впечатление усиливается несоответствием размеров человеческих фигур и коней, а также условностью, иератичностью поз всадников, в изображении которых художник следовал уже существовавшему канону. Эта условность и каноничность в значительно мень-

¹ Судя по рогам, это, скорее всего, памирский баран, иначе «баран Марко Поло» (*Ovis Poli*), самый крупный из баранов. В изображении передана типичная черта бараньих рогов, отличающих их от козлиных, — поперечные морщины (см.: Кашкаров 1931: 386—390, рис. 306).

шей степени, но ощущается и в изображении животных. По общему же рисунку наиболее приблизительным является изображение барса.

Говоря об условности, вместе с тем необходимо подчеркнуть и мастерство и точность художника в изображении как персонажей, так и аксессуаров.

Лица всадников отдаленно напоминают лицо Герая (?!). Художник имел определенное представление о линейной перспективе — об этом говорят, например, кружки на фигуре льва, которые уменьшаются к краям фигуры, — но не всегда выдерживал ее (перспективу), что видно по изображению всадников: удаленная от зрителей рука показана более крупной, чем более близкая.

Отмечая достоинства и недостатки рисунка, особо следует отметить высокое композиционное мастерство: скачущие в противоположных направлениях кони помещены по краям, они как бы обозначают две сцены. Но на самом деле это не «разрывает» композиции на две части, ибо всадники не только обращены лицами в одну сторону, но и стрелы пускают в одном направлении. Пространство между всадниками, которое формально также можно разделить на два регистра, воспринимается как объединяющее всадников благодаря заполняющим его животным, также направленным в противоположные стороны. Мелкие животные в верхнем правом углу помогают созданию иллюзии пространственной перспективы и восприятию всей композиции как развертывающейся на одной плоскости.

Техника рисунка — гравировка, размеры пластины — 216×62 — 64×7 мм.

Коридор 2, культовый заклад 3, над материком 22 см, кушанский слой.

Литература: Литвинский, Пичикян, 1980, 128—129; Litvinskiy, Pichikiyan, 1981b, 158—159, pl. VII; Litvinskiy, Pitchikjan, 1981a, 210—211, fig. 15; ЮТ, 30/107 и ил. на 29; Litvinskiy, Pichikiyan 1980: 80; Зеймаль 1985: 82, 98, № 247; Литвинский, Пичикян 1985: 515, 517; Oхus 1989: 50/22; Oхus 1993: 37/21; Литвинский 2001: табл. 12, верхний регистр, 13.

2. ПЛАСТИНА (рис. 6) из слоновой кости (небольшой склеенный из двух частей фрагмент), являющаяся обкладкой стенки шкатулки (?). Содержала изображение сцены охоты. Фрагмент сохранил нижний кант и часть правого бокового. В правом нижнем углу и в середине фрагмента — дырочки для прикрепления пластины к стенке шкатулки.

От сцены охоты сохранился в нижнем правом углу скачущий вправо конь (копыта его передних ног — в нижнем углу пластинки) и всадник, который стреляет, обернувшись назад. Другой конь, от которого сохранилась лишь задняя часть крупа и задние ноги, скачет в противоположном направлении. Задние ноги коней пересекаются. У правого коня из-под свисающего футляра горита выступает нижнее завершение кисти, прикрепленной к седлу с обратной стороны. Это завершение (tassel) имеет вид вытянутого приостренного внизу овала.

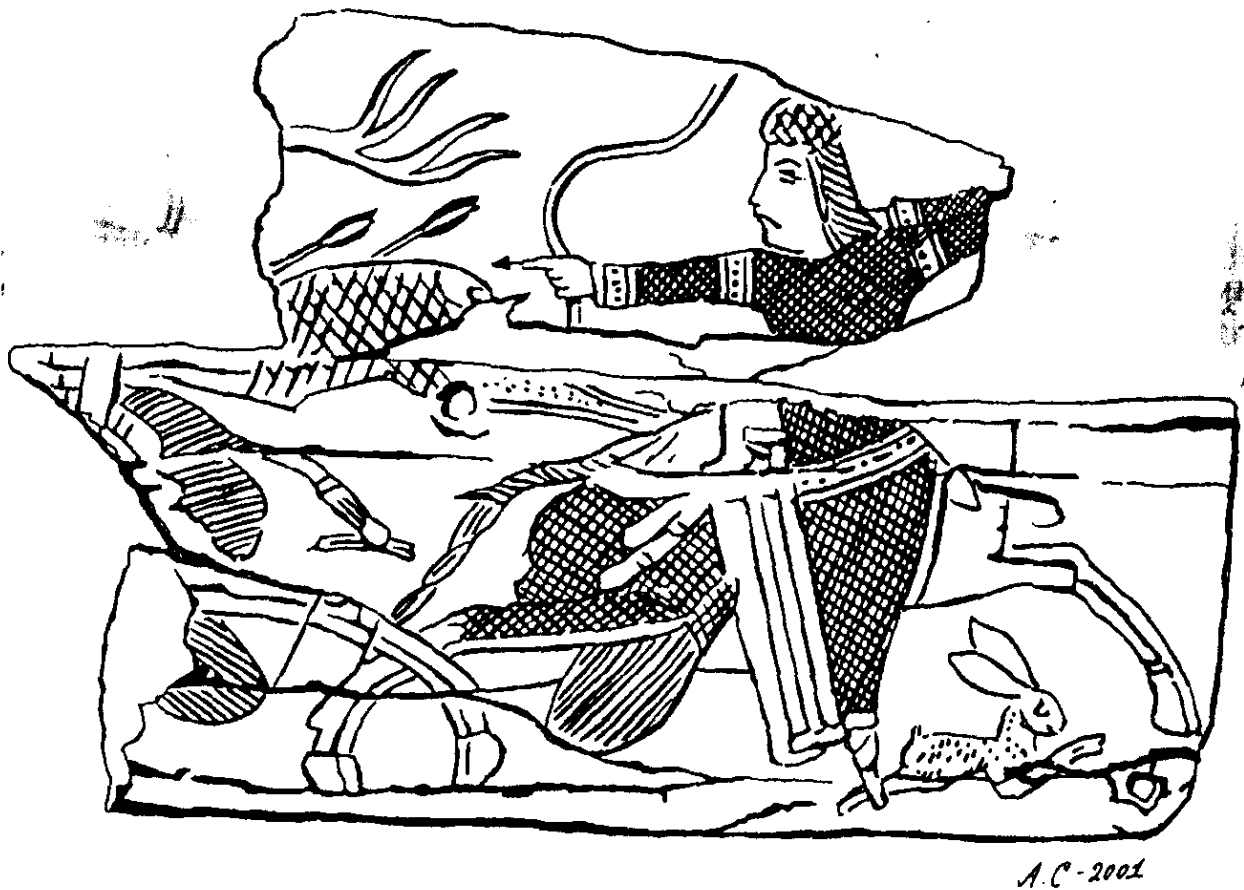

Рис. 6. Храм Окса. Вторая пластина со сценой охоты

Весь овал продольно заштрихован и вверху плавно соединяется с поперечно заштрихованной полоской, собственно кистью. Кисть была отклонена назад под углом 45° . Такая же кисть была и у другого коня (основание кисти сохранилась лишь частично). Под ногами правого коня — бегущий вправо заяц. Правый всадник целится в оленя, от которого сохранились часть крупа с двумя впившимися стрелами и ветвистые рога — животное обращено влево.

Кони и всадники изображены в общем таким же образом, как и на целой пластине. Поза всадника несколько отличается. Лук он держит не в правой, а в левой руке и оттягивает его правой, которую зритель видит лишь частично, а кисть скрыта за головой. Впрочем, палец для направления стрелы вытянут совершенно аналогично, в том же месте помещена рука, натягивающая тетиву. Черты усатого лица совершенно идентичны с чертами лиц вышеописанных персонажей, но на голове не прическа, а, по-видимому, шлем. Он имеет вид овала, заштрихованного в клетку, от которого опускается полоска, заштрихованная параллельными линиями. То, что это не прическа, подчеркнуто ломаной линией, окаймляющей полоску с внутренней стороны. К сожалению, верхний край овальной части сколот, и судить о шлеме в целом невозможно. Одежда всадника совпадает с одеждой на целой пластине. На рукаве, помимо манжеты, такой же перехват выше локтя.

Кони трактованы совершенно таким же образом как в целом, так и в основных деталях. По-разному оформлены лишь хвосты: у правого коня он скручен, у левого — перевязан и завершается бантиком.

О композиционном решении мы можем только догадываться. Ясно, что оно отличалось от первой пластины. Художник не боялся пересечения фигур, сообразно с этим выполнено и все построение сцены. Правый всадник охотится в задней части сцены, там же находится пораженный его стрелами олень. Скачущий влево конь, ноги которого пересекают ноги правого всадника, находился на переднем плане. В сцену введен, по крайней мере, один новый персонаж — олень с ветвистыми рогами, другой же персонаж, заяц, встречался и на первой пластине.

Техника рисунка — гравировка. Размер фрагмента пластины — 92 × 60 мм.

Коридор 2, культовый заклад 3, над материком 25 см, кушанский слой.

Литература: Litvinskiy, Pitchikyan 1981b: fig. 16; Литвинский, Пичикян 1985: 515, 517; Литвинский 2001: табл. 12, нижний регистр.

2. Центральноазиатский и передневосточный контекст. Проблемы хронологии

Публикация пластин, найденных экспедицией Г. А. Пугаченковой при раскопках Орлатского могильника, расширила круг материалов, подлежащих анализу. Орлатский могильник располагается в 50 км к северо-западу от Самарканда на берегу р. Саганак. Здесь в начале 80-х гг. производила раскопки Узбекистанская искусствоведческая экспедиция (руководитель экспедиции Г. А. Пугаченкова). Было вскрыто 10 курганов катакомбного типа. В курганах 2 и 4 были найдены костяные пластины с гравированными изображениями. Из кургана 2 происходят две пластины — со сценой охоты и с батальной сценой².

Пластина со сценой охоты имеет вид слегка расширяющегося прямоугольника, один торец которого прямой, другой овально-выпуклый. В углах — круглые отверстия для крепления. Размер пластины 13,5 × 11,0 см. Ее лицевая поверхность отполирована, задняя не обработана.

Сцену охоты Г. А. Пугаченкова описывает следующим образом: «Три знатных всадника, размещенных в трех горизонтальных рядах, преследуют животных: верхний — двух архаров, средний — трех куланов, нижний — трех косуль — самца, самку и детеныша. Ландшафт условен, он передан двумя всхолмлениями горных пиков и овальными деревьями со штриховой разработкой листвы. Кони (в крайних рядах — кобылицы, в среднем — жеребец) и их упряжь аналогичны изображенным в батальной сцене. Хвосты у коней среднего и верхнего всадников не перетянуты, у двух коней за седлом развеваются пыш-

² Результаты раскопок и описание находок неоднократно публиковались. См., в частности: Пугаченкова 1985: 524—531; 1987; Pougachenkova 1988: 1143—1158, pl. I—II; Пугаченкова 1989a: 103—108; 1989b: 122—155; Пугаченкова и др. 1991: 24, 306—308, табл. 244—254.

ные кисти. Стремительный бег коней передан в приеме „летающего галопа“ — изображением вытянутых вперед и назад пар ног. Справа к седлу приторочен колчан. Одевание всадников: облегающий до талии и расширяющийся ниже пояса кафтан с треугольным запахом слева направо, широкие сверху и облегающие от колен штаны, обувь. Головы крайних всадников обнажены, волосы открывают лоб, убраны за уши и у шеи подстрижены в кружок. У среднего охотника — несомненно, главного в этой группе — на голове овальная шапка-кулях, возможно, указывающая на его принадлежность к царскому роду» (Пугаченкова 1989б: 151—152). В другой работе она добавляет, что охотники «...сидят в седлах без стремян, близко к шее, ноги, сжимая бока, круто согнуты в коленях и отведены назад с вытянутым носком. Все трое натягивают луки, спуская стрелы». Сзади, с тыльной, невидимой для зрителя, стороны выступает миндалевидное уширение кисти, привязанной, очевидно, к седлу. Миндалевидное завершение в широкой части стянуто тесьмой. Эта кисть при движении галопом оттянулась назад и прилегает к крупу коня.

Характеризуя этнический тип, Г. А. Пугаченкова пишет: «Лоб прямой, невысокий, волосы зачесаны вверх, у висков они забраны за уши и над шеей острижены в кружок. Глаза небольшие, ромбовидного очертания, нос довольно крупный с небольшой горбинкой, свислые усы опускаются острием почти до энергично очерченного подбородка, на котором у большинства заостренная и когтевидно загнутая вверх борода. Монголоидных признаков в лицах не видно» (Пугаченкова 1989а: 107—108).

Пластина с батальной сценой аналогична по форме и размерам вышеописанной, и несмотря на иную композицию и тему изображения, стиль, иконография и реалии практически одинаковы со сценой охоты. Г. А. Пугаченкова датировала вещественный материал из орлатских курганов «II—I вв. до н. э., может быть, началом I в. н. э.» (Пугаченкова 1989б: 153) или же I в. до н. э.—I в. н. э. («причем скорее именно до н. э.») (Пугаченкова 1985: 528) и считала, что изображенные на этих пластинах персонажи — это кангюйцы, хорошо известные по китайским источникам. К этому хронологическому и этническому определению присоединился С. А. Яценко (Яценко 1993, 79—80)³. Были высказаны мнения о более поздней дате, в частности, Дж. Я. Ильясов предложил датировать их I—II вв. н. э. (*apud* Абдуллаев, Ртвеладзе, Шишкина 1991: 176—178) или же I—III вв. н. э. (*apud* Пугаченкова и др. 1991: 306—308). Принципиально другая датировка была предложена Б. И. Маршаком (Маршак 1987: 235), который связывал изобра-

³ С. А. Яценко основывается на сходстве с изображениями на серебряном кубке из погребения I в. н. э. в Косике (о нем см.: Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 149—151, рис. 5; Gall 1997: 243—248, Abb. 1—3). Однако можно говорить лишь об общности идеи поединка или охоты. Композиция, трактовка человеческих фигур и коней, а также реалий различны.

жения на этих пластинах не с кангюйцами, а с сюнну-хун согдийских источников. В конце 80-х гг. я высказал мнение, что эти изображения «вероятно, относятся ко II—III вв. н. э.» (Литвинский 1989: 357). Тогда же Б. Брентъес в одной из своих работ написал, что «представляется более соответствующей дата около 200 г. до н. э.» (Brentjes 1989: 39). Более широко датировал орлатские пластины В. П. Никоноров (1995: 12—13), который предпочел дату II—IV вв. н. э. Однако некоторые ученые продолжают разделять точку зрения Г. А. Пугаченковой (например К. Абдуллаев), другие, напротив, относят изображения ко времени не ранее III в., скорее к IV—V вв. (Азбелев 1992: 212).

Совсем недавно, в 1998 г., два ташкентских ученых, Дж. Я. Ильясов и Д. В. Русанов, опубликовали исследование, специально посвященное орлатским пластинам (Ilyasov, Rusanov 1998). Прекрасно иллюстрированное, написанное с большой эрудицией, оно вводит орлатские пластины в более широкий, чем ранее, контекст и, безусловно, знаменует дальнейший прогресс в изучении этих пластин. Авторы, в частности, детально рассмотрели комплекс вооружения — как отраженный на пластинах, так и найденный при раскопках, в том числе нефритовую скобу из кургана 2 — и проблему датировки. Как правильно отмечают эти исследователи, предметы вооружения, найденные в кургане 2 и изображенные на пластинах, скорее всего относятся к I—III вв. н. э. или даже к I в. до н. э.—IV в. н. э. (Ilyasov, Rusanov 1998: 115—123). Мои многолетние занятия историей среднеазиатского вооружения (см.: Литвинский, Окладников, Ранов 1962: 207—233; Литвинский 1965; 1966; 1968б; 1972а; 1972б; 1984; Литвинский, Пьянков 1991; Литвинский, Пичикян 1981а; 1981б; Литвинский, Седов 1984: 56—57, 130—133; Litvinsky 1984: 27—51; 1998; 2000 и др.), обобщенные в труде «Бактрийское вооружение в греческом и ближневосточном контексте» (Литвинский 2001), позволяют мне утверждать, что материалы, как использованные, так и не использованные авторами названных работ, не позволяют прийти к заключению о сколько-нибудь узкой датировке — это одна из причин столь широкого спектра мнений по данному вопросу.

И тем не менее, Дж. Я. Ильясов и Д. М. Русанов утверждают, что комплекс орлатского кургана 2 должен датироваться в достаточно узких пределах I—II вв. н. э. (Ilyasov, Rusanov 1998: 123—130). При этом они опираются, в частности, на свою попытку датировки нефритовой скобы. Так как эта попытка представляется нам недостаточно убедительной, вновь обратимся к нефритовой скобе, которая служила для прикрепления ножен меча к портупейному ремню. Поверхность ее полирована и не орнаментирована. Размеры 7,1 × 2,5 см (Пугаченкова и др. 1991: табл. 253, 308). Как известно, такие скобы были распространены в Китае со времени Восточного Чжоу (около 450—250 гг. до н. э.) и применялись спорадически вплоть до второй половины XVIII в., однако к концу династии Хань, т. е. к началу III в. н. э., произошло рез-

кое уменьшение их количества, причем в постханьских гробницах они вообще не встречаются (Maenchen-Helfen 1957: 93—94; Trousdale 1975: 11—33). Массовое производство нефритовых скоб продолжалось в Китае с V в. до н. э. до середины II в. н. э., хотя в небольших количествах их изготовляли вплоть до IV в. н. э. (Trousdale 1988: 25—28). Китайские скобы проникли во многие области, и по их образцам изготавливались на протяжении длительного времени местные скобы, они впоследствии стали нередко значительно отличаться от своих китайских прототипов. Так обстоит дело и с орлатской скобой, которая не находит точного соответствия и, следовательно, хронологического определения в существующей типолого-хронологической схеме скоб этого типа (Trousdale 1975: 3—37).

Для Центральной Азии существенна находка двух скоб в Таксиле (Сиркап), датируемых второй половиной I в. н. э. Они изготовлены из белого мраморовидного камня, очевидно, на месте по китайским образцам (Marshall 1951: vol. I, 182; vol. II, 508; vol. III, pl. CCIII/158; Trousdale 1975: 230—231, pl. 17/d; 1988: 28). Одна скоба из камня, напоминающего нефрит, куплена на кабульском базаре, по словам продавца, она была найдена в могиле в Северном Афганистане. На основании умозрительных соображений ей приписывается кушанское происхождение, а с учетом сходства с китайской моделью предлагается дата — I в. до н. э. При этом приводятся данные о возможности ее местного изготовления (Trousdale 1988: 25—28).

В самой Средней Азии, помимо орлатской, известно несколько находок таких скоб. В Южном Таджикистане, на поселении Ак-Тепе II, в слое, который А. В. Седов датировал серединой IV—V в., найдена фрагментированная нефритовая скоба (Седов 1987: 59, табл. 1/5). При этом следует иметь в виду, что А. В. Седов строил свои хронологические определения, исходя из схемы В. Г. Луконина; опираясь же на иные схемы, можно датировать эту скобу III в. н. э. Как нам любезно сообщила Л. М. Левина, при раскопках памятников джетыасарской культуры в Приаралье было найдено несколько нефритовых и халцедоновых скоб. Две скобы хорошей сохранности происходят одна из Томпак-асар, из комплекса, стратиграфически относящегося ко II—I вв. до н. э., вторая — из Бедаик-асар, где она обнаружена в комплексе III в. н. э. (Левина 1992: 69, табл. 23/66; 1996: 199, рис. 85; и также личное сообщение Л. М. Левиной). Отметим, что и халцедоновая скоба из западноказахстанского могильника Лебедевка обнаружена в комплексе II—первой половины III в. н. э. (Мошкова 1982: 84—85).

Таким образом, нефритовая скоба из Орлатского могильника не может служить отправной точкой для датировки. Во-первых, она не находит места в существующей хронологической типологической классификации китайских нефритовых скоб для крепления ножен; речь идет лишь об общем сходстве. Во-вторых, она, вероятно, изготовлена за пределами Китая и, очевидно, моложе (насколько?) тех китайских моделей, которые она напоминает. Можно говорить, с учетом других находок скоб в Средней Азии, Казахстане и Восточной Европе, что дата

орлатской скобы, скорее всего, заключена между II и III вв. н. э. Многочисленные находки в Поволжье, области Перми и в Причерноморье (Ginters 1928: 66—83; Кушева-Грозевская 1929: 160 сл.; Rostovtzeff 1930: 337 sq.; Werner 1956: 26—27, 39; Хазанов 1971: 25—26; Trousdale 1975: 234—245; Мошкова 1989: 198) датируются чаще всего III—IV вв. н. э.

Нефритовое перекрестие меча интересно в том отношении, что оно точно воспроизводит форму китайских бронзовых и нефритовых перекрестий с их вытянуто-ромбовидной в плане формой с округлыми торцами, причем центральная часть с отверстием, если смотреть в профиль, на одной из продольных сторон заглублена (см.: Trousdale 1975: 54—57, fig. 57). Найденное в Таксиле (Сиркап) перекрестие из зеленого мраморовидного камня — полуфабрикат, изготовление которого не было завершено, датируется, вероятно, второй половиной I в. н. э. (Ibid.: 231). В отличие от орлатского, у сиркапского перекрестия заглубление отсутствует.

Мы не знаем, когда в Средней Азии распространились скобы и перекрестия китайского типа. Находки в Сиркапе не могут служить отправным пунктом для датировок, но с учетом находок в Азиатской Сарматии, где они датируются концом II—III в. н. э., и Боспора, где они найдены в памятниках III—IV вв. н. э. (Мошкова 1989: 197), в Средней Азии для этих предметов представляется предпочтительной датировка первыми веками нашей эры.

Необходимо сопоставить тахтисангинскую пластину с орлатской. Г. А. Пугаченкова (Пугаченкова 1989а: 108) уже отметила, что прическа персонажей орлатских пластин напоминает прически охотников на тахтисангинской пластине, однако «профиль, нос с горбинкой, тип усов и оригинальной бороды — все иное». Действительно, подковообразные вырезы у основания прически есть у персонажей обеих пластин, но характер лиц не имеет ничего общего. Узколицым бородатым персонажам орлатских пластин противостоят безбородые широколицые тахтисангинские охотники. Различна и манера посадки: в Орлате ноги всадников согнуты в коленях и далеко отведены назад, в Тахтисангине они почти вертикальны. Следует добавить, что совершенно по-разному изображены и кони. Тела коней орлатской пластины трактованы необычайно динамично и вместе с тем условно, словно вытянутый тонкий корпус кошачьего хищника, распластанные в галопе ноги также изображены схематично, хотя прекрасно передают идею движения. Всего этого нет у коней тахтисангинской пластины: они более «тяжеловесны» и реалистичны, их движение может быть не столь стремительно, но также очень динамично⁴. Охотники одеты по-разному, остальные аксессуары близки или идентичны.

⁴ В меньшей степени, но все же эта условная манерность отмечается и на изображениях коней на орлатской пластине с батальной сценой (Пугаченкова и др. 1991: табл. 245).

Посадка всадников на обеих пластинах различна: поза всадников орлатской пластины естественна, всадник сидит прямо или наклонился вперед (нижний регистр); всадники же тахтисангинской пластины (об этом уже было сказано выше) как бы водружены на коня как на престол и мало с ним связаны, «неслитность» всадника и коня подчеркивается также заметно ббльшими, чем у коня, размерами всадника (этого нет на орлатских пластинах).

Б. Брентъес писал о том, что уздечный набор голов коней одинаков на пластинах из Орлата и Тахти-Сангина (Brentjes 1990: 176—177). Это действительно так. Можно добавить, что горизонтальная цепочка круглых и полукруглых блях на задней части крупа орлатских коней на тахтисангинских конях отсутствует.

Итак, несмотря на определенные отличия, изображения на орлатской и тахтисангинской пластинах близки, хотя и далеко не идентичны.

Тахтисангинские и орлатские пластины привлекали внимание ряда ученых. Б. Брентъес еще в 1982 г. отметил принадлежность тахтисангинских пластин к «парфяно-сасанидскому кругу» (Brentjes 1982: 168). Затем к анализу орлатских и тахтисангинских пластин обратилась Г. А. Пугаченкова (Пугаченкова 1989а). Исходя из наших первоначальных датировок — II—I вв. до н. э. или рубеж I в. до н. э.—I в. н. э. она рассматривала персонажей тахтисангинских пластин как воспроизведения образа юэчжийца. Сопоставив между собой всадников тахтисангинских и орлатских пластин, она отметила отличия в их этническом типе. Анализ иконографии тахтисангинских пластин привел ее к заключению о чрезвычайно близком сходстве как персонажей, так и реалий с «гераичами» халчаянской скульптуры (Пугаченкова 1989а: 101—103, 108). Еще раньше, в 1987 г., Б. И. Маршак, знакомый с первыми публикациями Г. А. Пугаченковой, связывал орлатские изображения с кочевническим миром, с вторжением в Согд кочевников-сюнну и датировал эти изображения III—IV вв. н. э. (Маршак 1987: 235—236; 1992, 210—211). П. П. Азбелев сопоставил орлатские пластины с изображениями на тепсейских пластинах III—V вв. (Грязнов 1971; 1979)⁵. При этом он исходил из сопоставления некоторых реалий (Азбелев 1992). Точность этих сопоставлений, впрочем, была не без основания оспорена (Ilyasov, Rusanov 1998: 129—130).

В 1990 г. Б. Брентъес опубликовал статью, посвященную изображениям всадников на орлатских пластинах, наряду с которыми упоминаются и тахтисангинские пластины (Brentjes, 1990). Им приведено множество аналогий — от Кореи и Китая до Венгрии, но большинство из них не касается каких-либо специфических черт пластин. Он полагал, что орлатские пластины относятся к культуре народов-всадников

⁵ Существуют и другие хронологические определения, см.: Кызласов 1975: 40; 1990. Высказывалось мнение, что точная датировка невозможна, датировка тепсейских изображений располагается в пределах от начала до середины I тыс. н. э., см.: Efimov, Pauls, Podolsky 1995: 241.

«гуннской» волны, и поэтому изображения на них должны определяться как первые воспроизведения центральноазиатских гуннов (Brenjes 1990: 182 — без ссылки на статью Б. И. Маршака).

Уже после написания настоящей работы я смог ознакомиться с двумя чрезвычайно важными исследованиями по этому вопросу, которые во многом дополняют статью И. Я. Ильасова и Д. В. Русанова. Это статьи В. Е. Маслова (Маслов, 1989) и В. П. Никонорова и Ю. С. Худякова (Никоноров, Худяков, 1999). Они содержат глубокий анализ погребального обряда, погребального инвентаря и изображений на пластинах. При этом В. Е. Маслов рассматривает орлатские материалы преимущественно в сарматском контексте, в статье же двух последних авторов упор делается на южносибирские материалы. Хронологические заключения авторов двух статей различны. В. Е. Маслов, акцентируя внимание на ранних аналогиях и датировках, предлагает датировку этих артефактов I—II вв. н. э. В. П. Никоноров и Ю. С. Худяков, учитывая длительное бытование различных артефактов, значительно более осторожны — они полагают, что речь может идти о «первой половине I тыс н. э.» (без уточнений).

Все названные исследователи, однако, не учитывали передневосточные материалы, в особенности иконографические. Первым это сделал японский ученый К. Танабе в своей проницательной статье о позитивных примерах сасанидского влияния на гандхарское искусство (Tanabe 1990). В ней он в связи с темой статьи посвятил целый раздел иконографическому рассмотрению тахтисангинских и орлатских пластин, дав глубокий анализ реалий и отчасти рассмотрев проблему датировки. Большое внимание исследователь уделил анализу привешенных к седлу кистей с утолщениями-шарами⁶ на концах. Они появляются на сасанидских наскальных рельефах и в граффити со времени правления Ардашира I (224—241 н. э.) и продолжают применяться вплоть до времен Хосрова II (591—628). Обычно они крепились к седлу царского коня (хотя были и исключения), как правило, парами, с двух сторон седла. Изображения их были реалистическими. У стоящего коня они свисали вниз, у летящего в галопе — вздымались в воздух и держались близ задней части конской спины. Так, в наскальном рельефе в Накши-Рустеме (5/VII) на видимой (правой) стороне скачущего коня Хормизда II (302—309) (Herrmann 1977: 7, pl. 1/2b) четыре кисти с шарами, одна из них прикреплена коротким ремнем к седлу и из-за стремительного движения коня поднялась вверх, как бы паря в воздухе. В противоположность этому, у остановившегося коня Шапура I (240—ок. 272) в сцене триумфа в Накши-Рустеме (Herrmann,

⁶ Они имели шаровидную, грушевидную или мндалевидную форму и висели, как думают, на шнуре или цепочке. По-видимому, они были очень легкими. Предполагают, что такой шар был набит волосом, шелком, золочен бахромой (Herrmann 1969: 70—71). Другое объяснение (более вероятное) — шары были набиты шерстью и крепились к седлу с помощью ремешка (Gall 1990: 22).

McKenzie 1989: pl. 1) кисть с шаром свисает почти вертикально. В сасанидское время, судя по памятникам искусства, круг лиц, имевших право на такие кисти с шарами в качестве признака высокого положения, был очень ограничен: царь и его престолонаследник. Функции этой части снаряжения царского коня неясны, но предполагают, что они являлись свидетельством ранга (Ф. Акерманн) или же символизировали легитимность царствования, царский фарт (К. Танабе). Впрочем, в среднеазиатской раннесредневековой живописи этот знак уже не являлся свидетельством царского отличия и свисал с шеи лошади (Tanabe 1990: 53—54).

Собрав и проанализировав весь этот материал, К. Танабе обращается к целой тахтисангинской пластине. На ней кони снабжены одной кистью с шаром, а не парой. Исследователь полагает, что существует две возможности: либо гравер сам не видел таких коней или их изображений, до него лишь доходили слухи о наличии такой детали, и он изобразил ее, следуя рассказам, либо же гравер воспроизвел кушанских коней, у которых была лишь одна кисть с шаром на конце. Во втором случае, однако, сложно объяснить, почему кисти у двух коней, скачущих в противоположные стороны, помещены с тыльной (скрытой) стороны, т. е. в одном случае с правой, в другом — с левой стороны коня, хотя такая важная деталь должна была иметь фиксированное место. Поэтому К. Танабе склоняется к первому объяснению помещения этой детали конского снаряжения именно на тыльной (скрытой от зрителя) стороне. Причину этого он ищет в том, что гравер не знал, как кисть с шаром располагается (или крепится) и показывал лишь ее окончание — шар. К тому же, как он подчеркивает, «ошибка» гравера состояла и в том, что, согласно его изображению, кисть свисала (под небольшим углом) вниз, и шар не парил, как положено, в воздухе, а помещался где-то в области задней части спины коня (Tanabe 1990: 56—57).

Идея К. Танабе, объясняющая, почему в среднеазиатском искусстве изображалась лишь одна и притом задняя кисть с шаром, выглядит очень привлекательной, однако она не учитывает некоторые факты. В позднем Митреуме Дура-Европос, датируемом 240—256 гг. н. э., в настенной живописи также изображена сцена охоты всадника (предполагается, что это бог Митра), натягивающего лук (Rostovtzeff 1938: 96, pl. XVIII/1; Rostovtzeff, Brown, Welles 1939: 111—115, pl. XIV—XV; Cumont 1975: I, 186—192; II, pl. 24). Летящий в галопе конь имеет нагрудный и подхвостный ремни с продольным рядом точек (условная передача фаларов, т. е. дисков, или блях?). Сзади крупа коня наклонно (под углом примерно 45°) свисает шнур с горизонтальной насечкой, шнур завершается вытянутой миндалевидной кистью, на поверхности которой видны продольные линии. Это, очевидно, вариант кисти с шаром. Таким образом, можно думать, что идея кисти с расширением-шаром, ниспадающей от седла с одной, а именно невидимой зрителю стороны всадника, появилась в Сасанидском Иране и, не будучи

слишком востребованной в самом Иране, быстро распространилась на запад и на восток и именно на Востоке обрела определенную популярность. Далее К. Танабе отмечает, что обувь у персонажей тахтисангинской пластины скорее похожа на обувь персонажей не кушанского, а сасанидского искусства⁷, тогда как одежда явно кушанского облика (Tanabe 1990: 57).

Возвращаясь к кистям с шарами, следует добавить, что они, во всяком случае в начале III в. н. э., как показывает рельеф в Фирузабаде, входили в состав стандартного парфянского вооружения (Herrmann 1969: 71, pl. I/B; Gall 1990: 22, Abb. 3, Taf. VIII). Впрочем, категорически утверждать, что к началу III в. кисти с шарами входили в состав конного снаряжения парфянских царей, было бы рискованно. Можно предположить, что скульптор изобразил эти кисти лишь как знакомый иранцам знак царского достоинства. Если такие кисти парфяне и применяли, то крайне редко — известен, собственно, лишь один случай (в живописи Митреума Дура-Европос), причем кисть находится на тыльной стороне коня⁸. В искусстве Западной Парфии I—III вв. н. э. известны многочисленные охотничьи сцены, в частности, граффити из Дура-Европос (Cumont 1926: 265, pl. XCIII/2; Baur, Rostovtzeff 1931: 161, 194 sq., pl. XVIII/2; Baur, Rostovtzeff, Bellinger 1933: 215, 221, pl. XX/3, XXI/1—3; Rostovtzeff 1934: pl. XXXV/3—4; Ghirshman 1962: fig. 63; Goldman 1999: fig. A—3—A—12; A—14; B—1—B—5; fig. 3—8). В живописи Дура-Европос немало охотничьих и батальных сцен (Cumont 1926: fig. 30; Rostovtzeff, Little 1932: 12—30, fig. 1—4; Rostovtzeff, Bellinger, Hopkins, Welles 1936: 151 sq., pl. XLII/1; Ghirshman 1962: fig. 62, 223). К этому можно добавить настенную живопись и граффити Хатры, где конный охотник поражает из лука бегущих перед ним животных (Venco Ricciardi 1988: 37—38, fig. C; 1996: 152—164, fig. 3—7; 1998: 193, 196, fig. 4, 5, 7; Al-Salihi 1996: pl. III/2). Датировка, скорее всего, — около 200 г. н. э., может быть немного раньше или позже. Ряд сцен живописи Западной Парфии обнаруживает значительное композиционное сходство со среднеазиатскими охотничьими сценами, прослеживается определенная близость в трактовке фигур всадников и коней в летящем галопе и т. д.⁹ Однако кисти с шарами практически отсутствуют — очевидно, в позднепарфянском искусстве они изображались спорадически.

⁷ Об одежде сасанидских всадников см.: Goldman 1993; об обуви — Ibid.: 216, fig. 38.

⁸ Но сама идея могла появиться в парфянской среде I в. до н. э.—I в. н. э. — см. изображение царя-всадника на рельефе в Хунги Наврузи (Vanden Berghe 1963: 155—168, pl. 53—55; Schlumberger 1969: 40, 75, 161 sq., 182, Taf. 6; Colledge 1977: 92, pl. 17; 1986), хотя в это время она не получила распространения.

⁹ То же самое можно сказать о выгравированных на костяных пластинах (I—II вв. н. э.) из Дедоплис Миндори сценах конной охоты, обнаруживающих сильнейшее иранское влияние. На них также нет кистей с шарами (Gagošidze 1992: 42, fig. 13; Tsetskhladze 2001: 476, fig. 12; см. также: Гагошидзе 1981).

Что касается этих кистей с шарами, следует добавить, что они, несомненно, являлись в то время царскими атрибутами. Об этом свидетельствует, в частности, то, что на накширустамском рельефе NRm5 Хормизда II к перекладине царского штандарта подвешены два таких шара (Ghirshman 1962: pl. 220; Gall 1990: 30, Abb. 4a, Taf. 12a); то же самое — и на рельефе NRm3 (Gall 1990: 35, Abb. 4d, Taf. 12a).

Необходимо остановиться также на цепочках фаларов, украшающих коней на орлатских пластинах. Украшение коня рядом или цепочкой фаларов, охватывающих шею или прикрепленных к подхвостному ремню, идущему от седла к крупу, известно по изображениям в сасанидском искусстве начиная с первой трети III в. н. э. Они имеются на граффити со всадником на северной и южной стенах главного зала «Гарема» в Персеполе (Calmeyer 1976: 64—67, Abb. 3—4). На рельефе в Накши Рустаме основатель Сасанидской династии Ардашир, а на рельефах в Бишапуре — его сын и наследник Шапур I и другие персонажи едут на конях, у которых подхвостный и нагрудный ремни украшены фаларами разной величины (Herzfeld 1941: pl. CX; Ghirshman 1962: pl. 196—197; Herrmann 1969: 69—71, fig. 4, pl. IV; 1980: 38—39, fig. 1, 3, pl. 23—25, 28—30, 31/a; 1981: fig. 2—3, pl. 3, 8, 10; 1983, fig. 1—2, pl. 12). На рельефе в Дарабе, который синхронен времени Ардашира I или Шапура I, эти ремни также украшены фаларами. Цепочки фаларов украшают сзади и спереди коня на эрмитажном серебряном блюде с изображением Шапура II (309—379), охотящегося на львов (Тревер, Луконин 1987: табл. 9/3), на серебряном блюде из Галереи Фрир (Вашингтон) с изображением охоты этого же царя на кабанов (Harper, Meyers 1981: pl. 15) и др.

Следует упомянуть о близости уздечного набора (Herrmann 1980: 38, text fig. 3), хотя он не является абсолютно идентичным раннесасанидскому.

Что касается портретного сходства персонажей тахтисангинских пластин с монетными изображениями Герая (Давидович 1976: табл. I—III), то оно оказалось не столь значительным, как представлялось нам первоначально, — речь может идти лишь об отдельных переключках. В большей степени отмечается сходство с головами «гераичей» из Халчаяна (см. особенно: Пугаченкова 1971: табл. 63—64). Г. А. Пугаченкова уже отметила, что тип лица в общем сходен: характер носа, очертания глаз и подбородка, оформление усов и т. д., а также облик одежды и сужающаяся книзу облегающая обувь. К этому она добавила сходство конской упряжи. Незначительность отличий, по ее мнению, может свидетельствовать, что «гераичи» Халчаяна и охотники тахтисангинских пластин принадлежат к двум внутривидовым группам или же к двум разным племенам юэчжийского союза (Пугаченкова 1989а: 101—103).

Внимательное сопоставление показывает, что сходство действительно есть, но оно носит скорее общий, так сказать, родовой характер и во многом связано с воспроизведением близкого этнического типа.

Как я неоднократно отмечал в своих работах (Литвинский, Зеймаль 1971: 107; и др.), датировка халчаянской скульптуры I в. до н. э., предложенная Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова 1966: 188—213), является слишком ранней, речь должна идти о I—II вв. н. э.¹⁰ Позже Г. А. Пугаченкова несколько скорректировала свои взгляды. Основываясь на сходстве части персонажей с портретами Герая на его монетах, она утверждает, что скульптура была современной или, по крайней мере, близкой времени правления Герая, хронологически в пределах рубежа I в. до н. э.—I в. н. э. ± два-три десятилетия (Пугаченкова 1989а: 99). Однако последние исследования нумизматов показали, что монеты с именем Герая чеканились скорее всего Кадфизом I, время правления которого теперь датируют 30—80 гг. н. э. (Cribb 1993; Sims-Williams, Cribb 1996: 99—100; ср.: Fussman 1998). Если следовать этой хронологии, то халчаянская скульптура должна датироваться временем не ранее конца I—начала II в. н. э. Судя по одной скульптуре из Хадды (Barthoux 1930: pl. 48/a; Hallade 1968: pl. 112; Rowland 1971: pl. 133), на которую обратили внимание Е. А. Давидович и Б. Роулэнд (Давидович 1976: примеч. 2; Rowland 1974: 50; ср.: Пугаченкова 1987: 259—260), иконографический тип, запечатленный в халчаянской скульптуре, продолжал существовать в III и, возможно, в IV вв.

У изображенных на целой пластине тахтисангинских охотников прически сзади снабжены почти цилиндрическим или слегка расширяющимся снаружи выступом с перехватом у основания и округлым наружным торцом. Эти выступы (т. е. собранные в пучок волосы) хорошо известны в сасанидской иконографии. На сасанидских монетах, начиная с середины III в. н. э., прическа царя нередко имеет сзади внизу овальный выступ, порой с перехватом у основания. На кушано-сасанидских монетах этот выступ иногда имеет вид шара (Bivar 1968: pl. VIII/3, IX/3, 7—9, X/1—10; Göbl 1984: 114/1026—1027), редко — грушевидную форму с перехватом (Göbl 1984: 114/1029), иногда он оформлен как короткий и широкий столбик с утолщением у основания (Ibid.: 115/1055) или же как столбик с выпуклыми стеночками и с перехватом у основания (Ibid.: 115/1057). Существенно, что такие выступы есть и у некоторых персонажей на ранних сасанидских наскальных рельефах. Так, на бишапурских изображениях триумфа Шапура I (242—273) часть иранских вельмож имеет прическу, завершающуюся сзади внизу крупным пучком овальной формы, ниспадающим на правое плечо (Herrmann 1980: 37, pl. 35). Пучок иногда грушевидной формы (Herrmann 1980: fig. 3a—b).

Пучок волос в виде расширяющегося наружу или сферического выступа есть сзади на прическах некоторых персонажей сасанидских печатей (Bivar 1968: pl. IV/7—8; Frye 1971: pl. XL/88, 92, 95; XLII/97—

¹⁰ Именно к этой дате склонялся и такой знаток индийского и центральноазиатского искусства, как Б. Роулэнд (Rowland 1974: 50), — I—начало II в. н. э.

98, 100, 108, XLIII/107, 112; Göbl 1973: Taf. 5; Harper 1973: 67, fig. D-48, D-91, D-103, D-107, D-109, D-112; Brunner 1978: 56/12 [начало IV в.]), реже этот выступ цилиндрический с выгнутым наружным торцом (Harper 1973: fig. D-87).

Количество примеров можно было бы многократно увеличить. Но и то, что уже приведено выше, дает основание для предположения, что эта деталь прически отражает сасанидское влияние.

При изучении тахтисангинских пластин обращает на себя внимание заметное несоответствие размеров всадников и коней: первые слишком велики и грузны для небольших коней. Неясно, результат ли это недостаточной профессиональной выучки гравера или же сознательный художественный прием, когда в паре конь—всадник акцент смещается на всадника именно благодаря его непропорциональности. Пример тому мы видим в сцене инвеституры Ардашира в Накши Рустам (Herrmann 1969: 70, fig. 4, pl. IV).

Мы уже отмечали неестественную посадку всадников. В живописи III в. н. э. из Дура-Европос фигуры некоторых персонажей напоминают «неуклюжие куклы» (Goldman, Little 1980: 247). Такая же посадка и такие же несоответствия в пропорциях всадника наблюдаются в живописи из Пантикапея I—II вв. н. э. (Ghirshman 1962: fig. 341).

Кони на орлатских и тахтисангинских пластинах со сценой охоты изображены в «летащем галопе» — с вытянутой вперед головой, далеко вперед выброшенными передними ногами и откинутыми назад и в значительной мере совмещенными задними ногами. История воспроизведения летащего галопа в древнем изобразительном искусстве детально разработана. Основополагающим было исследование С. Рейнака (Reinach, 1925 [впервые опубликовано в виде статей в 1900 г.]). Важный вклад был сделан М. И. Ростовцевым (Rostovtzeff, 1935, 288—293; 1938, 94—96). Специальный экскурс посвятил «летащему галопу» в своей интересной монографии Х. фон Галл (Gall 1990: 81—87; 1997). Собрав имеющиеся эллинистические и передневносточные материалы и сопоставив их с китайскими, он пришел к заключению, что в ханьское время (206 до н. э.—220 н. э.) этот мотив был широко распространен в китайском искусстве. Далее он пишет: «Эти примеры достаточны, чтобы показать, что задолго до Сасанидов китайцы применяли в искусстве мотив летающего галопа для того, чтобы наглядно показать особо быстрое перемещение всадника. Позже, в ханьское время, этот мотив достиг Центральной Азии, но в Иране был заимствован Сасанидами только в III в. н. э.» (Gall 1990: 86). При этом на Переднем Востоке этот прием имел предшественников.

Если следовать гипотезе Х. фон Галла, изображения коней в «летащем» галопе на рассматриваемых пластинах могли быть результатом воздействия как китайских, так и сасанидских прототипов. Ряд деталей в этих изображениях указывают на сасанидский источник заимствования, причем археологический контекст делает вероятным, что это произошло в III в. н. э.

Какова была политическая ситуация в III в. н. э. в части среднеазиатско-иранских взаимоотношений? Приход к власти в Иране династии Сасанидов резко изменил баланс сил между Средней Азией, где правили кушанские цари, и Ираном, причем в пользу Ирана. Согласно Дио Кассию (LXXX, 4) и Геродиану (VI, 2, 2) Ардашир I провел много войн, пытаясь вновь завоевать страны, которые раньше принадлежали персам. Ему удалось разбить парфян и захватить Месопотамию, что привело к войнам с Римом. Сложнее определить масштаб его завоеваний на Востоке. Согласно надписи Шапура I, в Накши Рустаме в результате завоеваний были подчинены правители Абренака (= Нишапура), Мерва, саков (Frye 1984: 272). Согласно Табари, были завоеваны Систан, Абаршахр, Мерв, Балх и Хорезм «до отдаленнейших границ области Хорасана». Затем он пишет о прибытии к Ардаширу I посольств от кушан, из Турана и Макрана, которые выразили покорность своих правителей (Nöldeke 1973: 17—18; Frye 1984: 195). Т. Нёльдеке и Р. Н. Фрай, комментируя это сообщение, предположили, что большинство из этих завоеваний имело место позже — при Шапуре I, наследнике Ардашира I. Другой исследователь, Я. Харматта, привлек при изучении этих событий греческие, латинские и армянские источники. Он датирует вторжение Ардашира I в Бактрию 233 г. Называются и другие даты (Harmatta 1965: 186—194; ср.: Honigmann, Maricq 1953: 108). При Шапуре I восточные владения Сасанидов еще более увеличились. Прежнее кушанское царство стало вассалом Сасанидов, управлялось их наместниками, которые называли себя «кушаншахами» (Dani, Litvinsky 1996: 103—105; Litvinskij 1998: 76—77).

Итак, несмотря на неясность и противоречивость приведенных выше и других сообщений исторических источников¹¹, совершенно очевидно, что III в. явился временем интенсивных военно-политических и, очевидно, культурных связей между Ираном и Средней Азией. Именно тогда, по-видимому, под влиянием сасанидской иконографии и появились рассматриваемые пластины¹². Учитывая все это, я склонен датировать тахтисангинские и орлатские пластины III в. н. э.

3. Интерпретация

Обратимся вновь к содержанию охотничьей сцены. В ней участвуют, наряду с конными охотниками, такие животные, как дикие ба-

¹¹ Это послужило основанием для длительной дискуссии многих выдающихся ученых (кроме названных выше, в ней участвовали Э. Херцфельд, А. Д. Х. Бивар, Р. Гёбль, Дж. Крибб, В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, Е. В. Зеймаль и многие другие).

¹² Предложение Дж. Я. Ильасова и Д. М. Русанова искать аналогии кистям с шапами (tassel) тахтисангинских и орлатских пластин в изображениях на сибирских и ордосских бронзах III—I вв. до н. э. (Ilyasov, Rusanov 1998: 128—129) представляется мне малоубедительным с иконографической точки зрения. С сасанидским искусством охотничьей сцены из Тахти-Сангина и Орлата, напротив, связаны целым пучком бесспорных точных соответствий.

раны, барс (леопард), зайцы, лиса. Все эти животные до сих пор распространены на территориях, входивших в состав Бактрии.

Леопард, которого также именуют переднеазиатский, или закаспийский, барс (*Felis pardus tulliarum* Valenc.), по некоторым данным еще недавно проживал в горах по Вахшу и в других горных районах Южного Таджикистана, где на него в 30-е гг. XX в. еще охотились (Виноградов и др. 1935: 188; Чернышев 1968: 188). По красноватой или рыжеватой-желтой шерсти идут черные пятна, образующие полные или неполные розетки. Шкура сплошь покрыта этими пятнами на всем туловище, шее, ногах и хвосте (Кашкаров 1923: 21—22; Чернышев 1968: рис. 23). Гравер точно передал детали натуры: у леопарда пятна на теле вытянуты в продольном направлении, а на конечностях — вдоль их оси, причем самые мелкие пятна находятся в нижней части конечностей (Виноградов и др. 1935: 187), — таковы пятна на фигуре леопарда на пластине. Как писал Д. Н. Кашкаров, «человека барс не боится. Он не только преследует иногда добычу на глазах у человека, не только уносит иногда убитую последним дичь, но решается даже нападать на человека. И делает это даже тогда, когда человек не дает ему к этому никакого повода. Барс охотится на человека. Если же барс ранен, то он непременно бросится на человека, причем он встает на дыбы, а передними лапами наносит удары. И удары эти страшны, так как когти барса ужасны. Стреляя по нему, надо стрелять наверняка» (Кашкаров 1923: 22). Именно такая сцена, когда рассвирепевшая самка барса с яростью бросается на конного охотника, защищая себя и, главное, оберегая детенышей, как раз и запечатлена на тахтисангинской пластине.

Дикие бараны распространены в горных областях Средней Азии — на Памире, Алайском, Туркестанском, Зеравшанском и Гиссарском хребтах, а также в отрогах последнего (Сапожников 1968: 14—16). По характеру рогов изображения близки к барану Марко Поло, включая такую деталь, как поперечные ребра на рогах (Кашкаров 1923: рис. 6). Зоологи отмечают, что уши, верх головы и крупное «зеркало» (так они называют задний торец тела) — белые (Виноградов и др. 1935: 127), на пластине эти части фигур баранов не заштрихованы.

В Южном Таджикистане и Северном Афганистане, особенно в тугаях в низовьях рек, встречается бухарский, или тугайный, олень (*Cervus elaphus bactrianus*). В середине XX в. эти животные более всего были распространены в тугаях Тигровой Балки и в тугаях р. Кызылсу (Флеров 1952: 168—170; Чернышев 1968: 153).

Заяц *Lepus Proeulagus tolai* Pallas, или песчаник, — крупный по размерам (до 50 см), с длинными ушами и задними конечностями и короткими передними конечностями, коротким хвостом (Давыдов 1974: 22—23). Зайцы распространены на всей территории Таджикистана, на равнинах и в горах, включая Западный и Восточный Памир, а также в других регионах Средней Азии и Афганистана (Там же: 30—32). В тугаях Вахша, в том числе и в Тигровой Балке, заяц держится постоянно (Чернышев 1968: 148—149).

В Средней Азии обитают две формы лисицы — долинная (*V. vulpes flavescens* Gray.) и горная (*V. vulpes ferganensis* Ognev). Как установили зоологи, «лисица — самый обычный широко распространенный хищник в Таджикистане». Она встречается в горах, предгорьях, пустынях, нередко на возделываемых землях, в частности в Гиссарской и Вахшской долинах, а также на окраинах тугаев (Чернышев 1968: 72).

Сцена, изображенная на целой тахтисангинской пластине, могла воспроизводить реально происходившую в одной из подгорных местностей Бактрии охоту. О том, на кого, кроме оленя, производилась охота на охотничьей сцене на второй пластине, мы не знаем. Ясно лишь, что олень не был распространен в местностях, где проживали барсы и дикие бараны.

В иранском искусстве изображения сцены конной охоты, как известно, появились очень рано. В этой связи особый интерес вызывает частично позолоченный серебряный диск (умбон щита) из Амударьинского клада (Dalton 1964: 13, pl. X; Зеймаль 1979: 44—46, ил. 24). Поле диска занято тремя сценами конной охоты. В каждой имеется всадник на летящем в галопе коне. На одной всадник метнул копье в одного из двух преследуемых оленей; на второй — в одного из двух преследуемых им диких козлов; на третьей всадник, скачущий в обратном направлении, чем первые два, нацеливает лук, как считали О. М. Дальтон и Е. В. Зеймаль, в убегающего зайца.

Таким образом, на серебряном диске и пластинах из храма Окса изображены сцены конной охоты, причем часть преследуемых животных совпадает:

	Диск	Пластины
	олень	олень
	дикий козел	дикий баран
	заяц	заяц
	—	лисица
	—	барс (леопард)

Е. Е. Кузьмина (Кузьмина 1977: 19—20), а вслед за ней и Е. В. Зеймаль (Зеймаль 1979: 45) полагали, что на диске изображены разные эпизоды охоты одного и того же всадника, причем охота на зайца, по Е. Е. Кузьминой, была кульминационным эпизодом. С присущей ей эрудицией, Кузьмина сопоставляет эпизод охоты на зайца с преданием, сохранившимся в осетинских «Нартах». Так, герой Хамыц верхом на коне преследует необычного волшебного белого зайца, причем трижды, когда, казалось, заяц мертв, он вновь убегает. Наконец заяц бросается в воду. Выясняется, что это дочь бога вод, избравшая Хамыца своим женихом. В. Ф. Миллер обратил внимание на сходство этого предания с изложенной Геродотом скифской генеалогической легендой. По мнению Е. Е. Кузьминой, изображение на диске представляет «еще одну трактовку этого популярного сюжета, в ко-

тором неразрывно переплетены культы предков, плодородия и воды» (Кузьмина 1977: 21). Е. В. Зеймаль подверг эту трактовку обоснованной критике, так как в изображении на диске «отсутствуют даже косвенные признаки того, что заяц на диске имеет отношение к подобной „генетической легенде“» (не изображена водная стихия, изобразительно не подчеркнута необычность зайца и т. д.). Но главное, не получает никакого объяснения композиция на диске в целом, так как для остальных эпизодов в «генетической легенде нет места» (Зеймаль 1979: 45).

Все авторы — О. М. Дальтон и воспроизводящие его описание Е. Е. Кузьмина и Е. В. Зеймаль, а также Д. С. Раевский (1975) — сообщают об охотнике, целящемся в зайца из лука. На самом же деле этот всадник не целится в зайца! Внимательное изучение самого диска в Британском музее, а также превосходных фотографий, любезно предоставленных мне хранителем Отдела западноазиатских древностей д-ром Дж. Кэртисом, показывает, что сам лук ориентирован не вниз, а вперед, и, главное, хорошо видимая стрела, которую готов спустить охотник, нацелена не под ноги коня, а горизонтально — в голову рогатого барана, скачущего навстречу всаднику (рис. 7). Если это так, то отпадает и идея о трех эпизодах охоты одного и того же всадника — здесь изображены два скачущих навстречу друг другу охотника, между которыми оказались два барана. Заяц же не является объектом охоты, он лишь разнообразит общий пейзаж¹³.

Осетинское сказание дает, на наш взгляд, ключ не к интерпретации сцен охоты на зайца, а к пониманию того, почему зайцы помещались на такие сцены не только в качестве объектов охоты, но и (это показывает изображение на тахтисангинской пластине) как зооморфный семиотический знак определенного круга фауны и магический маркер плодovitости и ряда других качеств¹⁴.

Некоторое представление о возможном круге верований древних иранцев, связанных с зайцем, дают сведения, содержащиеся в позднезороастрийских сочинениях, в которых нашло отражение позитивное и даже положительное отношение к этому животному. Так, в «Бундахишне» заяц рассматривался как благословенное, приносящее удачу животное. Первый из зайцев («первозаяц») является «главой» (*rad*) целого круга диких животных (Bundahišn 17, 10; Brunner 1978: 103—104).

¹³ Такая же ситуация прослеживается и на сцене пешей охоты, выгравированной на бронзовом кубке VII в. до н. э. из могильника Чамахзи Мумах в Луристане (Naeginck, Overlaet 1999: 25—27, il. III/11, pl. 59—61).

¹⁴ Известный у скифов мотив преследования зайца, охоты на него, нашедший отражение у Геродота (Her. IV, 134) и в памятниках скифского искусства (Вольная 1996: 14—15), был глубоко проанализирован Д. С. Раевским (1985: 59—64). В скифских памятниках известно около двух десятков изображений зайца на штандартах, пекторалях, зеркалах, украшениях. Большая часть из них относится к V—IV вв. до н. э., что связывают с античным влиянием (Вольная 1996: 14—15). О зайце в античном искусстве и греко-римских верованиях см.: Стефани 1863: 73; Keller 1963: 210—217; Toynbee 1983: 188—191, а в древнем передневозточном искусстве и верованиях — Godenough 1958: 85—95.

Рис. 7. Серебряный диск со сценой охоты из Амударьинского клада (Британский музей)

По другому переводу, во время творения «был создан заяц-русак», он — глава «быстробегущих» (Чунакова 1997: 299)¹⁵. В «Ясне» (Yasna 71, 9) перечисляются категории животных. Те же самые категории называются в авестийском тексте «Висперед», причем в его пехлевийском переводе (Visprad 1,1; 2,1) они называются «главами», среди них есть *xargoš* — заяц (Schmidt 1980: 217). Согласно установлению «Шайаст-на-шайаст» (10, 9) заяц был одним из тех животных и птиц (среди них упоминаются козленок, ягненок, пахотный бык, боевой конь, петух, сокол и др.), убивать которых не следует (или необходимо воздерживаться от убийства) (Tavadia 1930: 129; Brunner 1978: 103—104).

Изображение зайца встречается на предметах сасанидского искусства и на печатях (Луконин 1969: рис. 22а; Harper 1973: 75; Brunner 1978: 103—104).

В верованиях иранских народов заяц вплоть до современности занимал заметное место. Выше приводилась одно из осетинских преда-

¹⁵ См. также: Anklesaria 1956: 120—121. Проф. В. Зундерманн (Берлин) сообщил мне в письме от 11 марта 1999 г. свое мнение о характере этого текста «Бундахишна», за что приношу ему глубокую благодарность.

ний, запечатленных в «Нартах» (см. также: Далгат 1989: 301 сл.). Можно привести и другие примеры.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что на тахтисангинской пластине зайцы (наряду с лисицей) не являются объектом охоты, они лишь элемент пейзажа. Можно думать, что в Бактрии в части охоты на зайцев следовали зороастрийским предписаниям.

Что же касается лисицы, то она на пластинах, несомненно, также не являлась объектом охоты. Дело в том, что хищные животные рассматривались как создание Ахримана. Лисица (*robah*), однако, по не вполне понятным причинам считалась исключением. В «Бундахишне» говорится, что лисица была создана для противостояния демону (*dew*) (*Bundahišn* XXIV, 39), но какому именно — не сообщается (Schmidt 1980: 209). Именно это являлось основанием для благожелательного отношения зороастрийцев к лисице.

Олень — излюбленный сюжет скифского и скифо-сибирского звериного стиля (Членова 1962), широко представлен он и в центрально-азиатском искусстве сакского звериного стиля. В скифском искусстве изображение оленя (оленьих рогов) сочетается с изображением дерева, что трактуется не как элемент пейзажа, а как манифестация мирового древа (Иванов 1974: 113—115; Бессонова 1983: 116—118). По словам В. И. Абаева, олень (*sag*) — это «излюбленное животное» осетинского фольклора. «Охота на оленя — это охота *par excellence*, а оленье мясо — обязательное угощение всякого нартовского пиршества» (Абаев 1949: 49). Он же писал, что олень — «популярнейшее животное в эпосе и вообще фольклоре осетин». Обычное пожелание охотнику: «Убей оленя». Сравнение человека с оленем считается весьма лестным — *sag-чег* 'молодец', букв.: 'олень-мужчина'. Оленя дает охотнику Афсати — бог-охотник (Абаев 1979: 11—14). Охота на оленя — частый мотив в «Нартах». Олень порой бывает невероятной величины (Далгат 1989: 231—232), иногда же это чудесный белый олень и т. д.

Баран (дикий баран) с древних времен почитался у иранских народов. Он являлся воплощением божества Хварено (ср.-перс. Фарн), что нашло отражение в позднезороастрийском «Карнамаке», а также в памятниках изобразительного искусства. У таджиков сохранился целый цикл верований, связанных с бараном (Литвинский 1968а; Litvinskij 1972—1976; 1987).

Итак, животные, изображенные в сцене охоты, имели определенное религиозно-магическое значение. Но означает ли это, что вся композиция является эпизодом какого-либо религиозно-мифологического цикла или же эпического сказания? Б. И. Маршак, анализируя изображения всадников на охоте и в батальных сценах у древних кочевников, согдийцев, тюрок, в том числе на орлатских и тахтисангинских пластинах, отметил, что в них «нет никаких индексов, указывающих на определенный сюжет», причем в фигурах нет никакой индивидуализации. Это, по его мнению, не иллюстрация. Вместе с тем он при-

знает, что они могли в какой-то мере служить для «магического обеспечения мужества, верности и удачи» (Маршак 1992: 208—211).

Я присоединяюсь к этим взвешенным заключениям и полагаю, что изображения на тахтисангинских пластинах — отражение реальной охотничьей жизни бактрийских аристократов.

Литература

- Абаев 1949: *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л.
- Абаев 1979: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.
- Абдуллаев, Ртвеладзе, Шишкина 1991: *Абдуллаев К. А., Ртвеладзе Э. В., Шишкина Г. В.* (ред.). Культура и искусство древнего Узбекистана: Каталог выставки. М.
- Азбелев 1992: *Азбелев П. П.* Культурные связи степных народов предтюркского времени (По материалам Тепсейских и Орлатских миниатюр) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию М. П. Грязнова. СПб.
- Бессонова 1983: *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев.
- Виноградов, Павловский, Флеров 1935: *Виноградов Б. С., Павловский Е. Н., Флеров К. К.* Звери Таджикистана, их жизнь и значение для человека. М.; Л.
- Вольная 1996: *Вольная Г. Н.* Об одном античном образе в скифских памятниках // Античная цивилизация и варварский мир: ТД V археологического семинара. Новочеркасск.
- Гагошидзе 1981: *Гагошидзе Ю. М.* Из истории грузино-иранских взаимоотношений (Храм II—I вв. до н. э. Дедоплис Миндори) // Кавказ и Средняя Азия в древности и раннем средневековье (История и культура). М.
- Грязнов 1971: *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры (Из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // АСГЭ. Вып. 13.
- Грязнов и др. 1979: *Грязнов М. П. и др.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Давидович 1976: *Давидович Е. А.* Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. № 4.
- Давыдов 1974: *Давыдов Г. С.* Млекопитающие (Зайцеобразные. Суслики. Сурки). [Фауна Таджикской ССР. Т. XX, ч. 1.] Душанбе.
- Далгат 1989: *Далгат У. Б.* (отв. ред.). Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.
- Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Сарматское погребение Скептуха I в. н. э. у Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Зеймаль 1979: *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.
- Зеймаль 1985: *Зеймаль Е. В.* (отв. ред.) Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе.
- Чунакова 1997: *Чунакова О. М.* Зороастрийские тексты. Суждения духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М.
- Иванов 1974: *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* «конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.
- Кашкаров 1923: *Кашкаров Д. Н.* Животные Туркестана, их жизнь и значение для человека. Вып. 2: Животные горного Туркестана. Ташкент.

Кашкаров 1931: *Кашкаров Д. Н.* Животные Туркестана. Ташкент.

Кузьмина 1977: *Кузьмина Е. Е.* Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности. М.

Кушева-Грозевская 1929: *Кушева-Грозевская А.* Один из типов сарматского меча // Известия Нижневолжского института краеведения. Т. III. Саратов.

Кызласов 1975: *Кызласов И. Л.* Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА. № 2.

Кызласов 1990: *Кызласов И. Л.* Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.

Левина 1992: *Левина Л. М.* Памятники джеткасарской культуры середины I тысячелетия до н. э.—середины I тысячелетия н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Левина 1996: *Левина Л. М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э. М.

Литвинский 1965: *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.

Литвинский 1966: *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. № 4.

Литвинский 1968а: *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский Фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе.

Литвинский 1968б: *Литвинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // МКТ. Вып. 1.

Литвинский 1972а: *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.

Литвинский 1972б: *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М. (Могильники Западной Ферганы. I).

Литвинский 1984: *Литвинский Б. А.* Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Литвинский 1989: *Литвинский Б. А.* Бободжан Гафурович Гафуров и его труд // Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Изд. 2-е. Кн. II. Душанбе.

Литвинский 2001: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.

Литвинский, Зеймаль 1971: *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.

Литвинский, Окладников, Ранов 1962: *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе.

Литвинский, Пичикян 1980: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Новые открытия в Южном Таджикистане // ВАН СССР. № 7.

Литвинский, Пичикян 1981а: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.) // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.

Литвинский, Пичикян 1981б: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. № 3.

Литвинский, Пичикян 1985: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Открытие шедевров бактрийского искусства // ПК. 1983.

Литвинский, Пичикян 2000: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.

Литвинский, Пьянков 1966: *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. // ВДИ. № 3.

Литвинский, Седов 1984: *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.

Луконин 1969: *Луконин В. Г.* Культура Сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.

Маршак 1987: *Маршак Б. И.* Искусство Согда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.

Маршак 1992: *Маршак Б. И.* Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию М. П. Грязнова. СПб.

Маслов 1999: *Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пряжках из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракова: архивные материалы, публикации, статьи. М.

Мошкова 1982: *Мошкова М. Г.* Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА АН СССР. Вып. 170.

Мошкова 1989: *Мошкова М. Г.* Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Никоноров 1995: *Никоноров В. П.* Вооружение античного Согда (V в. до н. э.—IV в. н. э.) // Узбекистан — вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. Вып. III, ч. 2. Бухара.

Никоноров, Худяков 1999: *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия — культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск.

Пугаченкова 1985: *Пугаченкова Г. А.* Новое о художественной культуре античного Согда // ПК. 1983.

Пугаченкова 1989а: *Пугаченкова Г. А.* Образы юэчжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.

Пугаченкова Г. А. 1989б. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.

Пугаченкова и др. 1991: *Пугаченкова Г. А. и др.* Древности Южного Узбекистана. Токио; Ташкент.

Раевский 1985: *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.

Седов 1987: *Седов А. В.* Кобадиян на пороге раннего средневековья. М.

Стефани 1863: *Стефани Л.* Объяснение некоторых ваз Императорского Эрмитажа // ОАК за 1862 г.

Тревер, Луконин 1987: *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III—VIII веков. М.

Флеров 1952: *Флеров К. К.* Кабарги и олени. М.; Л.

Хазанов 1971: *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.

Чернышев 1958: *Чернышев В. И.* Фауна и экология млекопитающих тугаев Таджикистана. Сталинабад.

- Членова 1962: *Членова Н. Г.* «Скифский олень» // МИА. № 115.
- Яценко 1993: *Яценко С. А.* Центральноеазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск.
- Al-Salihi 1996: *Al-Salihi W.* Mural Paintings from the North Palace of Hatra // Mesopotamia. Vol. XXXI. Firenze.
- Anklesaria 1956: *Anklesaria B. T.* (tr.). Zand-Ākāsīh. Iranian or Greater Bundahišn. Bombay, 1956.
- Barthoux 1930: *Barthoux J.-J.* Les fouilles de Hadḡa. III. Figures et figurines. Album photographiques. Paris.
- Baur, Rostovtzeff 1931: *Baur V. C., Rostovtzeff M. I.* (ed.). The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Second Season of Work. October 1928—April 1929. New Haven.
- Baur, Rostovtzeff, Bellinger 1933: *Baur V. C., Rostovtzeff M. I., Bellinger A.* (ed.). The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Third Season of Work. November 1929—March 1933.
- Bivar 1968: *Bivar A. D. H.* Kushan and Kushano-Sasanian Seals and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian Seals in the British Museum. London.
- Brentjes 1989: *Brentjes B.* Incised Bones and a Geremonial Belt: Finds from Kurgan-Tepe and Tillya-Tepe // BAI. NS. Vol. 3.
- Brentjes 1990: *Brentjes B.* Zu den Reiterbildern von Kurgan-tepe // IAnt. Vol. XXV.
- Brunner 1978: *Brunner Ch. J.* Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. New York.
- Calmeyer 1976: *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive // AMI. NF. Bd. 9.
- Cribb 1993: *Cribb J.* The «Heraus» coins: their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, c. AD 30—80 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins. London.
- Colledge 1977: *Colledge M. A. R.* Parthian Art. London.
- Colledge 1986: *Colledge M. A. R.* The Parthian Period (Iconography of Religions. Sect. XIV: Iran. Fasc. III). Leiden.
- Cumont 1926: *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). Paris.
- Cumont 1975: *Cumont F.* The Dura Mithraeum // Mithraic Studies. Proceedings of the First International Congress of Mithraic Studies. Vol. I—II. Manchester.
- Dalton 1964: *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-Work. 3rd ed. London.
- Dani, Litvinsky 1996: *Dani A. H., Litvinsky B. A.* The Kuschano-Sasanian Kingdom // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750. Paris.
- Efimov, Pauls, Podol'sky 1995: *Efimov V. G., Pauls E. D., Podol'sky M. I.* Ancient Knights of the Minusine Steppe on Engraved Plaques from Vault Burials // ACSS. Vol. 2/2.
- Frye 1971: *Frye R. N.* Sasanian Seals in the Collection of Mohsen Foroughi. London.
- Frye 1984: *Frye R. N.* The History of Ancient Iran. München.
- Fussman 1998: *Fussman G.* L'inscription de Rabotak et l'origine de l'ère śaka // JA. T. 248/2.
- Gagošidze 1992: *Gagošidze J. M.* The Temple at Dedoplis Mindori // EW. Vol. 42/1.

Gall 1990: *Gall H. von*. Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin.

Gall 1997: *Gall H. von*. Die Reiterkampfszene auf Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrussland // AMIT. Bd. 29.

Ginters 1928: *Ginters W.* Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin.

Göbl 1973: *Göbl R.* Der sāsānidische Siegelkanon. Braunschweig.

Göbl 1984: *Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984.

Goldman 1999: *Goldman B.* Pictorial Graffiti of Dura-Europos // Parthica. I. Pisa; Roma.

Goldman, Little 1980: *Goldman B., Little A. M. G.* The Beginning of Sasanian Painting and Dura-Europos // IAnt. Vol. XV.

Ghirshman 1962: *Ghirshman R.* Iran: Parthians and Sasanians. London.

Goodenough 1958: *Goodenough E. R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. Vol. VIII/2: Pagan Symbols in Judaism. New York.

Haerinck, Overlaet 1998: *Haerinck E., Overlaet B.* Chamahzi Mumah. An Iron Age Graveyard. Lovanii.

Hallade 1968: *Hallade M.* Gandharan Art of North India and the Graeco-Buddhist Tradition in India, Persia and Central Asia. New York.

Harmatta 1965: *Harmatta J.* Minor Bactrian Inscriptions // AAntASH. T. XIII/1—2.

Harper 1973: *Harper P. O.* Representational Motifs on the Sealings // Frye R. N. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings, and Coins. Cambridge (Mass.).

Harper, Meyers 1981: *Harper P. O., Meyers P.* Silver Vessels of the Sasanian Period. Vol. I: Royal Imagery. New York.

Herrmann 1969: *Herrmann G.* The Dārābgird Relief — Ardashīr or Shāhpūr? // Iran. Vol. VII. London.

Herrmann 1977: *Herrmann G.* Naqsh-i Rostam 5 and 8. Berlin.

Herrmann 1980: *Herrmann G.* The Sasanian Rock Reliefs at Bishapur. Pt. 1. Berlin.

Herrmann 1981: *Herrmann G.* The Sasanian Rock Reliefs at Bishapur. Pt. 2. Berlin.

Herrmann 1983: *Herrmann G.* The Sasanian Rock Reliefs at Bishapur. Pt. 3. Berlin.

Herrmann, MacKenzie 1989: *Herrmann G., MacKenzie D. N.* The Sasanian Rock Reliefs at Naqsh-i Rostam. Berlin.

Herzfeld 1941: *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. Archaeological Studies Presented in the Lovell Lectures at Boston. London; New York.

Honigmann, Maricq 1953: *Honigmann E., Maricq A.* Recherches sur les Res Gestae Divi Saporis. Bruxelles.

Ilysov, Rusanov 1998: *Ilysov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // SRAA. 5 (1997/98).

Keller 1963: *Keller O.* Die antike Tierwelt. Bd. I. Heidesheim [Nachdruck].

Litvinskij 1972—1976: *Litvinskij B. A.* Das Kang-chü—sarmatische Farnah (In den historisch-kulturellen Beziehungen der Stämme Südrusslands und Mittelasien) // CAJ. Vol. 16/4 (1972); Vol. 20/1—2 (1976).

Litvinsky 1987: *Litvinsky B. A.* Sheep and Goats // The Encyclopaedia of Religion. Vol. 13. New York.

Litvinskij 1984: *Litvinskij B. A.* Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir und Aral-See. München.

Litvinskij 1998: *Litvinskij B. A.* La civilisation de l'Asie Centrale antique. Rahden.

Litvinsky 2000: *Litvinsky B. A.* Helmets in Ancient Bactria and Adjacent Regions // Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Issue 21. Moscow.

Litvinskij, Pitchikyan 1981a: *Litvinskij B. A., Pitchikyan I. R.* Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // RA. Fasc. 2.

Litvinskij, Pichikijan 1981b: *Litvinskij B. A., Pichikijan I. R.* The Temple of the Oxus // JRAS. No. 2.

Litvinskiy, Pichikyan 1980: *Litvinskiy B. A., Pichikyan I. R.* Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (North Bactria) // AAntASH. T. XXVIII/1—4.

Maenchen-Helfen 1957: *Maenchen-Helfen O.* Crenelated Mane and Scabbard Slide // CAJ. Vol. III/2.

Marshall 1951: *Marshall J.* Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. I—III. Cambridge.

Nöldeke 1973: *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischer Chronik des Tabari überetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke. Leiden, 1973 [Nachdruck].

Oxus 1989: Oxus: 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Museum Rietberg. Zürich.

Oxus 1993: Oxus: Tesore dell'Asia Centrale. Roma.

Perkins 1973: *Perkins A.* The Art of Dura-Europos. Oxford, 1973.

Pougatchenkova 1988: Pougatchenkova G. A. L'image du K'ang-kiu dans l'art sogdien // *Orientalia Iosephi Tacci memoriae dicata*. Vol. III. Roma.

Reinach 1925: *Reinach S.* La représentation du galop dans l'art ancien et moderne. Paris.

Rostovtzeff 1930: *Rostovtzeff M. I.* Le porte-épée des Iraniens et des Chinois // *L'art byzantin chez les Slaves des Balkans*. Orient et Byzance. T. 4. Paris.

Rostovtzeff 1934: *Rostovtzeff M. I.* (ed.). The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Fifth Season of Work. October 1931—March 1932. New Haven.

Rostovtzeff 1935: *Rostovtzeff M. I.* Dura and the Problem of Parthian Art // YCS. Vol. V.

Rostovtzeff 1938: *Rostovtzeff M. I.* Dura-Europos and Its Art. Oxford.

Rostovtzeff, Bellinger, Hopkins, Welles 1936: *Rostovtzeff M. I., Bellinger A. R., Hopkins C., Welles C. B.* (ed.). The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Sixth Season of Work. October 1932—March 1933. New Haven.

Rostovtzeff, Brown, Welles 1939: *Rostovtzeff M. I., Brown F. E., Welles C. B.* (ed.). The Excavations at Dura-Europos of the Seventh and Eighth Seasons of Work. 1933—1934 and 1934—1935. New Haven.

Rostovtzeff, Little 1932: *Rostovtzeff M. I., Little A. M. G.* La maison des fresques de Doura-Europos // MAIBL. T. XLIII.

Rowland 1974: *Rowland B.* The Art of Central Asia. New York.

Schlumberger 1969: *Schlumberger D.* Der hellenisierte Orient. Baden-Baden.

Schmidt 1980: *Schmidt H.* Ancient Iranian Animal Classification // *Studien zur Indologie und Iranistik*. Ht. 5/6. Reinbek.

Sims-Williams, Cribb 1996: *Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. 4 (1995/96).

Tanabe 1990: *Tanabe K.* Positive Examples of Sasanian Influence on Gandharan Art // Makaranda. Essays in honour of Dr. James C. Harle. Delhi.

Tavadia 1930: *Tavadia J. C.* Šayast-nē-šayast. Hamburg.

Toynbee 1983: *Toynbee J. M. C.* Tierwelt der Antike. Mainz am Rhein.

Trousdale 1975: *Trousdale W.* The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington.

Trousdale 1988: *Trousdale W.* A Kushan Scabbard Slide from Afghanistan // BAI. Vol. 2.

Tsetskhladze 2001: *Tsetskhladze G. R.* Georgia. III: Iranian Elements in Georgian Art and Archaeology // EI. Vol. X.

Vanden Berghe 1963: *Vanden Berghe L.* Le relief parthe de Hung-i Naurūzī // IAnt. Vol. III/2.

Venco Ricciardi 1988: *Venco Ricciardi R. V.* Preliminary Report on the 1987 Excavation at Hatra // Mesopotamia. XXIII. Firenze.

Venco Ricciardi 1996: *Venco Ricciardi R.* Wall Paintings from Building A. at Hatra // IAnt. Vol. XXX.

Venco Ricciardi 1998: *Venco Ricciardi R.* Pictorial Graffiti in the City of Hatra // Ancient Iran and the Mediterranean World. Proceedings of an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian University, Cracow, in September 1996. Kraków.

Werner 1956: *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.

THE HUNTING BACTRIANS

by

B. A. Litvinsky (Moscow)

During the long-time excavations at the Temple of the Oxus in Takht-i Sangin (North-Eastern Bactria, now Southern Tajikistan) many pieces of ancient art have been uncovered, including an intact ivory plate with a hunting scene and a fragment of another plate. The article comprises a detailed description of the plates and their comparison with similar plates from Barrow 2 of the Orlat burial ground in the region of Samarkand (ancient Sogdiana), the wall-painting and graffiti from Dura-Europos and Hatra as well as with the Sasanian rock-reliefs. A study of all the objects and investigation of the historical situation allows the author to suggest that the plates from the Temple of the Oxus, like those from Orlat, must be dated to the third century A.D.

There is as well in the article a detailed analysis of the modern fauna in the area under review and of the Zoroastrian beliefs connected with the animals depicted on the plates from Takht-i Sangin. The author assumes the images on these plates to reflect the real hunting practices of the Bactrian nobles.

ОБОРОНА И ОСАДА У ОЛЕННЫХ ЧУКЧЕЙ (вторая половина XVII—XVIII в.)

А. К. Нефёдкин (Санкт-Петербург)

Искусство осады и обороны укреплений у кочевых оленных чукчей, как и у кочевников вообще, не было развито, хотя и существовало. У оленеводов не было каких-то специальных опорных пунктов в обороне, поскольку они рассчитывали на свою мобильную тактику и быструю перекочевку от или в сторону врага. Действия в поле при этом имели решающее значение. Впрочем, передвижение больших отрядов и стойбищ могло производиться лишь при наличии снежного покрова на нартах (с конца апреля—начала мая до конца сентября—начала октября), летом же чукчи не перекочевывали и активных наступательных боевых действий на суше не вели. Жители Чукотки использовали как естественные, так и искусственные укрепления. Очевидно, первый вид укреплений был более обычным, тогда как второй встречался реже. По своему характеру эти укрепления делились на стационарные и полевые. Причем даже постоянные укрепления не были перманентными, а строились лишь при непосредственной угрозе нападения. Это, с нашей точки зрения, выглядит нелогичным, при том, что у чукчей в XVII—XVIII вв. шли постоянные столкновения как между собой, так и с другими народами, а они к чужеземцам вообще относились весьма подозрительно. Однако чукотское общество еще не достигло той фазы развития, когда появилась насущная необходимость в строительстве укреплений. Это, с одной стороны, объясняется тем, что отдельные семейные общины из-за своей малочисленности не могли возводить даже земляные фортификационные сооружения, не отрывая надолго людей от производственного процесса. С другой стороны, не было подходящего деревянного материала для строительства — имелись лишь камни, из которых чукчи не умели выкладывать стены. Да и вообще не было необходимых технических навыков.

Хронологические рамки статьи обусловлены, с одной стороны, первыми документальными письменными свидетельствами (в основном это отписки казаков), появившимися во второй половине XVII в., а с другой стороны, этнографическими и фольклорными материалами, рассказывающими о событиях XVIII в. Хотя войны чукчей между собой и с соседями (в основном с коряками и русскими), прекратились в конце XVIII в., но еще в XIX—начале XX в. иногда возникали инди-

видуальные и межсемейные ссоры и стычки, в которых стороны использовали навыки осады и обороны (ср.: Ресин 1888: 175; Козлов 1956: 64). Основной же блок свидетельств (главным образом фольклор) относится к XVIII в.

При перекочевке первая задача состояла в том, чтобы удачно выбрать место для стойбища. В новой местности оленеводы не всегда удачно выбирали место для обороны — сказывалось незнание территории и отсутствие опыта в подобном предприятии. Поэтому и оборона не была удачной (Богораз 1900: № 128: 332—333).

В зимнее время стойбище ставили в долине: тут ветер был не так силен, да и противнику из-за возвышенностей не было видно жилищ, о наличии которых, впрочем, можно было догадаться по дыму. К. фон Дитмар, со слов купца Трифонова, так описывает зимнюю стоянку чукчей (Дитмар 1856: 37): «Юрты (= яранги. — *А. Н.*) свои Чукчи разбивают обыкновенно в долине и на всех окрестных высотах ставят часовых, которые при малейшем подозрении и опасности, с быстротой стрелы, на маленьких санях, спускаются в долину и призывают мужчин к оружию». Некоторые подробности можно почерпнуть в чукотском сказании, повествующем о войнах XVIII в.: «Старший брат стоял в карауле на самой высокой сопке, оттуда видна была вся северная тундра, — с этой стороны делали набеги таниты. Средний брат охранял южную часть тундры. Младший брат [малоопытный юноша. — *А. Н.*] охранял восточную тундру и берег моря, самую спокойную часть» (Бабошина 1958: № 95: 230). Таким образом, судя по данному сообщению, система охранения стойбища была организована на достаточно высоком уровне: с разных сторон долины располагались дозорные. У последних в качестве средства транспорта были, по-видимому, наиболее скоростные гоночные нарты. Вероятно, подобная система дозоров была организована таким образом при непосредственной угрозе со стороны противника. В мирный период или когда, по крайней мере, не было точно известно время прихода врагов, чукчи вели себя более беспечно: специально караулов не выставляли, а надеялись, скорее, на случайные сообщения (Бабошина 1958: № 90: 217; № 98: 239; Меновщиков 1974: № 87: 308—310; № 88: 310—312; Лебедев, Симченко 1983: 129). Вероятно, данная «беспечность» объяснялась нехваткой мужчин, которые должны были заниматься выпасом оленей и охотой или же просто выражать презрение к врагу (Воскобойников, Меновщиков 1959: 427—428; Беликов 1965: 164; Меновщиков 1974: № 88: 310—312). Кроме того, собаки чуяли приближение неприятелей (Архинчеев 1957: 45; ср.: Врангель 1948: 306; Бабошина 1958: № 60: 149; Лебедев, Симченко 1983: 95; Санги 1985: 310). Как отмечал Н. Ф. Каллиников (Каллиников 1912: 76), одна-две собаки все время были привязаны около яранги оленных чукчей.

Летом, когда не было возможности перекочевывать, мужчины для выпаса стад уходили далеко от стойбищ на расстояние нескольких дней пути. В этот период яранги, наоборот, располагались на сопках,

откуда можно было обозревать окрестности. Ведь в стойбище практически не оставалось боеспособных мужчин, поскольку в данный период обычно не ожидалось нападения (Воскобойников, Меновщиков 1951: 461; Бабошина 1958: № 90: 217; Лебедев, Симченко 1983: 129). Чтобы затруднить подход к яранге, вход в нее располагали со стороны более крутого подъема (Каллиников 1912: 76).

При приближении врагов обычно все небоеспособное население вместе со стадами отсылалось в безопасные места, где, по мнению защитников, нападающие не могли их обнаружить (Козлов 1956: 30; Бабошина 1958: № 103: 250). В стойбище оставались мужчины, которые и принимали бой. Однако не всегда жители успевали укрыться. Тогда женщины искали укромные места внутри самой стоянки. Так, чукотская сказка упоминает, что, когда напали враги, «женщины и дети прятались, а мужчины ринулись в бой» (Бабошина 1958: № 90: 217; ср.: Тан-Богораз 1979: 55). Кроме того, с целью затруднить подходы к жилью, на дороге, по которой, как предполагали, пойдут враги, устанавливали колышки, они должны были ранить ноги случайно наткнувшихся на них неприятелей (Козлов 1956: 62; ср.: Шнирельман 1994: 107 [эскимосы]).

В случае опасности оленье стадо могли держать и около жилья (обычно ночью). Это было вызвано как тем, что табун не успевали угнать в безопасное место, так и тем, что для этого перегона не хватало мужчин. Олень — животное достаточно пугливое, и при приближении чужих людей или хищников он волнуется и кричит. Следовательно, и таким образом подается сигнал об опасности. Поскольку сил у обороняющейся стороны обычно было мало, то иногда применяли следующий прием: когда враг подходил вплотную к стойбищу, пугали стадо, и оно бросалось в сторону врага, буквально сметая его. Так же мог поступить и находящийся на пастбище оленевод, на которого неожиданно напали враги. Следовательно, само стадо (обычно из нескольких сотен оленей) в этом случае выступало в качестве оружия (см.: Меновщиков 1974: № 90: 313—314; № 91: 318; ср.: № 87: 309).

Наиболее простым видом фортификации было укрепление собственной яранги. Существовал общечеловеческий принцип: мой дом — моя крепость. Покрытие яранги, изготовленное из оленьих шкур, в холодное время года могли заливать водой, создавая этим ледяной панцирь (Бабошина 1958: № 56: 142—143). Практиковалось, если верить одному из сказаний, и обложение стен яранги камнями (Лебедев, Симченко 1983: 98; ср.: Богораз 1900: № 146: 389). С нашей точки зрения, подобные укрепления отнюдь не являлись надежной защитой. Однако надо учитывать, что одним из приемов нападения на ярангу являлось прокалывание копьем покрытия яранги вместе с находящимся внутри, у ее стены, пологом (спальная палатка). Кроме того, не в традициях чукчей был поджог вражеского жилища (ср.: Лебедев, Симченко 1983: 117). Защитники же надеялись на то, что противник, не имея больших продовольственных запасов, быстро уйдет. Таким обра-

зом, данная оборона не выглядела столь абсурдной. Она одновременно защищала и воина, и его семью, на которую враги также могли напасть. Оборону, если врагов было много, вели пассивно: сидели в яранге и ждали, что будут делать осаждающие. В таком случае все могло закончиться тем, что последние, вырубив топорами из моржовых клыков ступени на обледенелых стенах яранги, вскарабкивались наверх и через дымовое окно спрыгивали внутрь, убивая хозяев. Однако враги, намереваясь вести осаду, могли и не идти на штурм, а просто заявить осажденному: «Умрешь... от жажды, тебе за водой ходить надо» (Лебедев, Симченко 1983: 98). Естественно, такая блокада не могла быть долговременной. Оборона могла вестись и активно: осажденные стреляли по врагам через специально сделанные в стенах яранги бойницы. В таком случае, нанося врагу потери, можно было отразить нападение неприятеля, превосходящего по силам, но плохо защищенного от стрел. Причем женщины, находящиеся в это время в яранге, также помогали обороне, изготавливая стрелы (сюжеты см.: Козлов 1956: 181; Бабошина 1958: № 56: 142—143; Лебедев, Симченко 1983: 98).

Был и другой способ обороны — с использованием рельефа местности. Когда непосредственно ожидалось нападение, для обороны выбирали возвышенность, часто неприступную с трех сторон. Ее склоны и особенно дорожку и вверх поливали водой, которая, замерзнув, создавала ледяной покров. Естественно, так можно было обороняться зимой. Против уязвимых в обороне мест привязывали на ремнях груженые мешками камней нарты, к последним прикрепляли копья или остро оточенные олени рога. Данное приспособление изготавливалось из обычной грузовой нарты и после боевых действий не сломавшиеся нарты демонтировали. В каких-то других ситуациях данные аппараты не применялись. Враги обычно пытались брать такую возвышенность штурмом, ведь при осаде отнюдь не было ясно, у кого — у запасшихся едой осажденных или только что пришедших осаждающих — будет раньше исчерпан провиант. Основной штурм велся по ледяной дорожке наверх. Чтобы ноги не скользили, осаждающие вырубали во льду ступени. Именно тут на наступающих в подходящий момент скатывали вооруженные нарты. Вместо нарт для этой цели использовали и более простые приспособления — обычные снежные шары, облитые водой (Козлов 1956: 64). Исход штурма было сложно предугадать. Осаждающих укрепление коряков чукчи часто отбивали, тогда как русские с их военно-техническим превосходством обычно брали возвышенность.

Существовал и достаточно своеобразный способ взобраться на крутую гору, где находилось жилище противника. К рогам выпряженного из нарт оленя привязывали аркан (обычно 15—20 м длиной) и гнали животное вверх. Затем по этому аркану взбирался сначала один, а потом и остальные воины. При этом, чтобы ноги не скользили, на них надевались специальные полосы с шипами. Естественно, такой

способ штурма был эффективен, когда осажденные по каким-либо причинам активно не оборонялись (см.: Бабошина 1958: № 98: 239—240; Меновщиков 1974: № 85: 304—305; Лебедев, Симченко 1983: 100).

На возвышенности, опять же при непосредственной угрозе нападения, могли возводить и укрепление, делая забор из жердей яранг, которые связывались ремнями и обкладывались дерном и камнями. Также иногда натягивали в виде стены шкуры, в которых делались отверстия-бойницы для обстрела врага из лука. Подобное ограждение не только позволяло защитить себя, но и было удобно для стрельбы по врагам. Штурмовали такое укрепление или со всех сторон сразу, не давая осажденным сосредоточиться на какой-то определенной стороне обороны, или же, нападая на наименее укрепленную часть, пытались запрыгнуть на изгородь (если она была невысока), а затем проникнуть внутрь укрепления (сюжеты см.: Бабошина 1958: № 98: 239—240; № 103: 248—250; Лебедев, Симченко 1983: 99—100).

При отсутствии навыков осадного искусства, чукчам было достаточно сложно взять укрепленные, подчас с валом и каменными стенами, острожки оседлых коряков, которые активно оборонялись, используя луки и ружья (Лессепс 1801: Ч. II, 87; Богораз 1900: № 132: 337; ср.: Мерк 1978: 120). Начинался бой за поселение перестрелкой противников издали. Для увеличения эффективности огня чукчи могли спланиваться. В то же время осаждающие активно использовали свои боевые приемы увертывания от стрел. Иногда, при наличии подручного материала, они изготавливали для защиты от стрел деревянные осадные щиты, которые упоминаются в документе от 1653 г. (Вдовин 1965: 104). Подобное осадное приспособление было распространено у народов Сибири, в частности, упоминаются семь осадных щитов у двухсот юкагиров в 1681 г. (Дополнения к актам... 1862: № 44—23: 180). У эскимосов-чугачей были щиты, прикрывающие сразу 20—30 человек (Шнирельман 1994: 107). Бытовали щиты также у эвенков (Воскобойников, Меновщиков 1959: 182) и у русских (Сбигнев 1869: 127); Майдель 1894: 546; Степанов 1937: 223; Белов 1952: № 102: 269). Затем чукчи подходили ближе и вели более интенсивный огонь, стремясь поразить стрелков противника и/или заставить его прекратить огонь. Если обороняющиеся находились в яранге или даже в полуземлянке, то меткий лучник стремился попасть стрелами в крепежи постройки, стремясь этим разрушить все жилище (Богораз 1900: № 132: 337—338; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 131). Другим самым обычным способом проникновения врагов в ярангу было ее снесение. Чукчи-оленеводы, которые с детства умели искусно кидать аркан, просто бросали свое лассо на верхушки стоек-жердей, являвшихся основой строения, обхватывали их и, потянув, опрокидывали всю ярангу, повергая в смятение и испуг ее обитателей (Мерк 1978: 120; Козлов 1956: 182; Меновщиков 1974 № 150: 476). Выбегающих из яранги врагов просто убивали (Стебницкий 1994: 57).

Русские деревянные остроги или полевые вагенбурги из нарт чукчи обычно не штурмовали. Иногда кочевники, имея превосходство в

числе, могли располагаться лагерем вблизи и пытаться нанести врагу наибольший урон стрелами своих луков (Словцов 1886. Кн. 2: 79). Причем большие надежды чукчи возлагали на самую внезапность нападения и на более или менее продолжительную осаду. Такой способ действия был вызван, с одной стороны, превосходством русского огнестрельного оружия, а с другой — обычным недостатком продовольствия у русских отрядов и гарнизонов.

Если поблизости не было укрепленных самой природой мест, то чукчи использовали полевые укрепления. Впрочем, такое случалось нечасто, главным образом тогда, когда нельзя было откочевать по снежному покрову. При угрозе нападения чукчи могли обнести стойбище забором из связанных между собою нарт, обсыпая их землей и покрывая шкурами. Вот как описывают сотники анадырьской команды такое укрепление (июнь 1731 г.): казаки дошли до «острожку, который был построен из их езжалых аргышных (грузовых. — А. Н.) санок и моржовой кожи и обсыпан камнем, кочками и песком, кругом увязан ремнями, и в том острожке было юрт до осьми» (Колониальная политика царизма... 1935: № 59: 159). Таким образом, перед нами своеобразный вагенбург, сделанный из подручных средств — стоящих, по-видимому, вертикально и связанных между собой нарт, к которым для прочности были привалены камни и дерн. Хотя может показаться, что для возведения подобного укрепления потребовалось бы слишком много нарт, примерно несколько сот (по моим подсчетам, порядка 500, ведь диаметр одной яранги был порядка 10 м), однако вспомним, что у каждой семьи было множество нарт различного вида. Так, капитан И. Биллинг (Биллинг 1978: 55) упоминает, что при перекочевке (1791) кладь от двух яранг заняла у чукчей 126 нарт. К сожалению, анализируемый документ не сообщает подробностей о штурме казаками этого укрепления, кратко говоря, «кои (яранги. — А. Н.) разорили и сожгли». Вероятно, подобное укрепление произошло из простого загона для оленей в форме полукруга, который делался из поставленных вертикально ездовых нарт с грузом и был предназначен для отлова упряжных оленей из стада при перекочевке (см.: Антропова 1947: 65; 1957: 224—225; Архинчев 1957: 61). Естественно, при снятии угрозы нападения на стойбище данный забор разбирался. Следовательно, это укрепление нужно расценивать как временное полевое, а не как стационарное. Подобное укрепление не было присуще только чукчам, его применяли и оленные коряки (Антропова 1947: 65; Тан-Богораз 1979: 28).

Если чукчи неожиданно встречали в пути более сильного противника, то они просто составляли из нескольких нарт своеобразную стенку, из-за которой пускали во врага стрелы (Богораз 1900 № 15: 92). Это уже чисто полевое укрепление.

Итак, мы видим, что у чукчей, как и у кочевников вообще, навыки фортификации не были развиты. Военные действия были маневренными, рассчитанными на внезапность, даже несмотря на традицию

объявления войны. Применялись только временные убежища, как природные, так и искусственные, ведь война не была рассчитана на долгосрочную осаду или оборону — сами природные условия, нехватка продовольствия мешали этому. Убежища строились только в случае непосредственной угрозы со стороны врагов. Для возведения такого укрепления использовался не какой-то специальный материал, а подручные средства: нарты, шкуры, камни, дерн. Женщин, детей и стада старались увести на это время в безопасное место. В убежище предпочитали обороняться, когда у врагов было подавляющее численное превосходство. В противном случае боевой этос требовал встретить врага в поле. Оборона велась с помощью луков из укрепления, тем самым старались нанести большой урон противнику и заставить его отступить. После ухода врага укрепление демонтировалось. Когда чукчи выступали в роли осаждающих, они могли изготавливать большие осадные щиты из дерева. Главным способом овладения укреплением был штурм, который могли вести как по всему периметру крепости, так и на наиболее уязвимом участке обороны. Никаких специальных осадных орудий или оружия не существовало. Недостаток последних компенсировался обилием различных хитростей во время осад. Встреча с русскими, обладавшими огнестрельным оружием, наложила на осадное дело чукчей определенный отпечаток. В целом же, осада и оборона у чукчей была схожа со способами, применяемыми соседними народами (эскимосы, коряки, юкагиры, а также ительмены). Каких-то специфических черт, присущих одним только оленным чукчам, сейчас уже нельзя выделить — разница была лишь в их комбинациях и распространении. Естественно, в наибольшей степени схожесть осадного дела наблюдалась у соседей-врагов — кочевых коряков и чукчей.

Литература

Антропова 1947: *Антропова В. В.* К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов северо-востока Сибири // КСИЭ АН СССР. Вып. III. С. 64—65.

Антропова 1957: *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. II. М.; Л. С. 99—245.

Архинчеев 1957: *Архинчеев И. С.* Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сибирский этнографический сборник. II. М.; Л. С. 43—98.

Бабошина 1958: *Сказки Чукотки / Запись О. Е. Бабошиной.* М.

Беликов 1965: *Беликов Л. В.* Героические сказания чукчей // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л. С. 154—169.

Белов 1952: *Белов М. И.* (сост.). Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. М.; Л.

Биллинг 1978: *Биллинг И. И.* Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллинга // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан. С. 54—59.

Богораз 1900: *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III. Т. XI, ч. 3). СПб.

Вдовин 1965: *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.

Воскобойников, Меновщиков 1951: Сказки народов Севера / Сост. М. Г. Воскобойников, Г. А. Меновщиков. М.; Л.

Воскобойников, Меновщиков 1959: *Воскобойников М. Г., Меновщиков Г. А.* (ред.). Сказки народов Севера. М.; Л.

Врангель 1948: *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М.

Дитмар 1856: *Дитмар К., фон.* О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Географические известия и смесь. Вестник Императорского русского географического общества. Кн. I. СПб. С. 19—39.

Дополнения к актам... 1862: Дополнения к актам историческим. Т. VIII. СПб.

Каллиников 1912: *Каллиников Н. Ф.* Наш крайний Северо-Запад (Записки гидрографии. Вып. 34. Приложение). СПб.

Козлов 1956: *Козлов Н. В.* (ред.). Сказки и народов Северо-Востока. Магадан.

Колониальная политика царизма... 1935: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник документов. Л.

Лебедев, Симченко 1983: *Лебедев В. В., Симченко Ю. Б.* Ачайваямская весна. М.

Лессепс 1801: *Лессепс Ж. Б. Б., де.* Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири: Пер. с фр. Ч. I—II. СПб.

Майдель 1894: *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах: Пер. с нем. СПб.

Меновщиков 1974: *Меновщиков Г. А.* (сост.). Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (Сказки и мифы народов Востока). М.

Мерк 1978: *Мерк К. Г.* Описание обычаев и образа жизни чукчей: Пер. с нем. // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан. С. 98—155.

Ресин 1888: *Ресин А. А.* Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // ИИРГО. Т. XXIV/3. С. 121—199.

Санги 1985: Легенды и мифы народов Севера / Сост. В. М. Санги. М.

Сбигнев 1869: *Сбигнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. СПб. Т. CI/4. С. 65—142; Т. CII/5. С. 53—84.

Словцов 1886: *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб.

Стебницкий 1994: *Стебницкий С. Н.* Коряцкий исторический фольклор и зарождающаяся коряцкая литература // Стебницкий С. Н. Очерки по языку и фольклору коряков. СПб. С. 18—101.

Степанов 1937: *Степанов Н. Н.* Освободительная борьба народностей северо-востока Сибири в XVII в. // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936): Сборник статей. М.; Л. С. 213—226.

Тан-Богораз 1979: *Тан-Богораз В. Г.* Восемь племен. Магадан.

Шнирельман 1994: *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М. С. 9—161.

**DEFENCE AND SIEGE OF THE NOMADIC CHUKCHI PEOPLE
(SECOND HALF OF THE 17TH—18TH CENTURIES)**

by
A. K. Nefedkin (Sankt-Petersburg)

The nomadic Chukchi, like any nomads at all, had no developed skills of erecting fortifications. They conducted military operations reckoning on surprise, even in spite of the tradition to declare war. The Chukchi made use of temporary dwelling only, both natural and artificial, as their campaigns were not counted on any long-term siege or defence because the natural conditions and lack of provision laid obstacles to them. They built fortified refuges only in case of serious menaces from the enemy. For erecting such just material at hand were utilized, viz. sledges, skins, stones, turf, etc. The main method of defence was shooting arrows from fortifications with the object of inflicting great losses on foes and forcing them to retreat. When conducting siege operations the Chukchi could make use of big wooden shields. Their storm could be directed both along the entire perimeter of hostile fortifications and against their weakest points. No special siege equipment was at the Chukchi's disposal. Its lack was replaced by a number of various tricks. The Russians, who had fire-arms, influenced the Chukchi siege-craft to a certain degree.

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ *

В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)

Содержание

Историография вопроса

Проблема происхождения европейских гуннов и их связь с центральноазиатскими хунну (сюнну) в военном аспекте

* Представляемая работа была в основном выполнена в рамках коллективного исследовательского проекта «Военное дело варварских народов Юго-Восточной Европы во II—VI вв. н. э. (по данным позднеклассических авторов)», который получил в 1998—2000 гг. финансовую поддержку фонда «Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation» (RSS), грант № 1721/841/1998. Я хотел бы поблагодарить двух моих коллег по этому гранту — канд. ист. наук П. В. Шувалова (Санкт-Петербургский государственный университет) и канд. ист. наук А. К. Нефёдкина, а также д-ра ист. наук проф. С. Г. Кляшторного (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) за ценные советы и замечания по теме данного исследования.

Я также выражаю благодарность «Программе Фулбрайт» («Fulbright Program», США), предоставившей мне в 2000—2001 гг. грант (№ 24954) на чтение лекций по древней военной истории и археологии в Университете Хьюстона (University of Houston, г. Хьюстон, Техас). В ходе этого визита я имел возможность посетить г. Вашингтон (Округ Колумбия) для работы в Центре эллинских исследований (Center for Hellenic Studies), Дамбартон Оукс (Dumbarton Oaks) и Библиотеке Конгресса (Library of Congress). Благодаря доступу к великолепным библиотечным собраниям этих всемирно известных учреждений, я сумел использовать в настоящей монографии большое количество книг и журналов, которые были недоступны мне во время работы над проектом по гранту RSS. Это, хотелось бы надеяться, способствовало повышению качественного уровня моего исследования. Персонально я хотел бы выразить мою глубокую признательность проф. Т. Ф. О'Брайену (Th. F. O'Brien), главе Исторического факультета Университета Хьюстона, проф. Г. Нажи (G. Nagy), директору Центра эллинских исследований, проф. Э.-М. Тэлбот (A.-M. Talbot), директору Византийских исследований в Дамбартон Оукс, и д-ру Р. Шарпу (R. Sharp), сотруднику Библиотеки Конгресса, за предоставление мне самых благоприятных условий для работы в этих учреждениях.

Я также очень благодарен моим американским друзьям — Ф. Л. Холту (F. L. Holt), профессору древней истории в Университете Хьюстона, и Дж. Д. Лернеру (J. D. Lerner), профессору древней истории в Wake Forest University (г. Уинстон Салем, Северная Каролина) и стипендиату Центра эллинских исследований в 2000—2001 гг., которые оказали мне исключительно радушный дружеский прием и всестороннюю помощь в моих научных изысканиях, в том числе и по данной тематике.

Само собой разумеется, что ни один из названных выше коллег не несет ответственности за содержание этой работы.

- III. Основные источники
- IV. Структура военной организации
- V. Рода войск
- VI. Гунны как наемники
- VII. Стратегия и тактика
- VIII. Полиоркетика
- IX. Укрепленный лагерь
- X. Наступательное оружие
- XI. Защитное вооружение
- XII. Конское снаряжение
- XIII. Заключение
- XIV. Литература
 - 1. Издания трудов греческих и латинских авторов
 - 2. Исследования и комментированные переводы источников
- XV. English summary

I. Историография вопроса

В начале 370-х гг. н. э. из-за Волги в степные пространства Юго-Восточной Европы вторглись кочевники, именуемые в позднеантичной традиции гуннами. Их нашествие дало мощный толчок передвижению племен в западной части евразийского пояса степей, получившему название «Великое переселение народов». Военно-политическая история европейских гуннов — от их появления в Северном Причерноморье до распада гуннской державы с центром в Среднем и Нижнем Подунавье при сыновьях великого Аттилы в конце 460-х гг. — неоднократно становилась предметом самого пристального внимания со стороны исследователей (см.: Thompson 1948; 1999; Altheim 1959: 291—372; 1962; Maenchen-Helfen 1973; Alexander 1973; Croke 1977; Корсунский, Гюнтер 1984: 105—116; Sinor 1990; 1993; Вопа 1991; Heather 1995; Wolfram 1997: 123—144; Гумилев 1998: кн. 2, 283—298; Буданова 2000: 48—76), и ее основные вехи найдут свое отражение ниже, главным образом в разделах IV и VI. В то же время гуннская культура изучена все еще явно недостаточно, в том числе и такой исключительно важный ее аспект, как военное дело, и это несмотря на то, что в той или иной степени оно затрагивалось практически во всех обобщающих исследованиях, посвященных гуннам. Из заслуживающих внимания необходимо назвать монографии Й. Вернера, И. Боны и И. П. Засецкой, где подробно рассматриваются имеющиеся археологические материалы по проблеме военного дела (Werner 1956: 38—56; Вопа 1991: 167—179; Засецкая 1994: 23—50). Стоит также упомянуть выдержавшую два издания книгу о гуннах Э. А. Томпсона, который в соответствующем разделе в основном опирался на позднеантичные литературные свидетельства (Thompson 1948: 46—55; 1999: 51—61). Но особое место в этом ряду занимает фундаментальное исследование О. Менхен-Хельфена «Мир гуннов», где есть и достаточно обстоя-

тельная глава о военном деле, которое анализируется на очень широком историко-культурном фоне и с привлечением самого разнообразного круга источников — письменных, археологических, этнографических и изобразительных (Maenchen-Helfen 1973: 201—258). К сожалению, эта монография вышла уже после смерти автора, причем в неполном виде, с большим количеством лакун, в том числе и в интересующем нас разделе (см.: Maenchen-Helfen 1973: XIX—XXI; Heather 1999: 247—249).

Специального разговора заслуживает статья Р. П. Линднера, в которой развивается теория о кардинальном изменении характера военного дела гуннов ко времени правления Аттилы — переходе от преимущественно конного войска к пешему (Lindner 1981; см. также: 1982: 701—706). Разбор статьи см. в разделе VII.

Из других работ обязательно должны быть упомянуты недавняя книга Я. Лебединского об оружии и боевых традициях «варварских» народов эпохи Великого переселения народов, где довольно много говорится о гуннах (Lebedynsky 2001), а также статья К. Таузенда, специально рассматривающая гуннское искусство осады укреплений (Thousand 1985/1986). Добавим, что внимание гуннам, хотя и явно недостаточное, уделяется в монографиях А. Феррилла, Х. Элтона и А. Ричардо, посвященных военной истории Поздней Римской империи (Ferrill 1991: 140—145; Elton 1997; Richardot 2001). Касается этой темы и Дж. Киган в своем обобщающем труде по истории военного искусства (Keegan 1993: 182—188).

Говоря об историографии военного дела европейских гуннов, можно также назвать несколько работ научно-популярного характера, в той или иной степени затрагивающих данную проблему: это книги Дж. Дахмуса (Dahmus 1983: 17—54), Т. Ньюарка (Newark 1986: 9—27), П. Хоуарта (Howarth 1994: 18—28), Э. Хилдингера (Hildinger 1997: 57—74), Д. Николла (Nicolle 1999: 9—52; 2000: 6—23) и Дж. Лэйнг (Laing 2000). Впрочем, в силу специфики данного жанра, приводимые в них данные не всегда оригинальны, а зачастую вообще являются результатом поверхностного изучения и ошибочных представлений, и поэтому к ним следует относиться с большой долей осторожности.

Цель же настоящей работы — наиболее полно осветить основные аспекты военной практики европейских гуннов (наступательное и защитное вооружение, конское снаряжение, рода войск, стратегия и тактика, искусство осады городов — полиоркетика, структура военной организации) на основе привлечения всех имеющихся в нашем распоряжении свидетельств позднеримских и ранневизантийских нарративных источников, что до настоящего времени в столь полном объеме еще не было сделано. Но, хотя приоритет при разработке данной темы отдается письменным данным, там, где это возможно (и если это действительно необходимо с точки зрения большей наглядности), они со-

поставляются с археологическими материалами, происходящими из памятников эпохи гуннского господства в степях Юго-Восточной Европы. К сожалению, практически полное отсутствие в европейском искусстве позднеантичной и раннесредневековой эпох сколько-нибудь достоверных изображений гуннов¹ не позволяет дополнить наши знания об их боевом снаряжении за счет данных иконографии, которые всегда исключительно важны при комплексном анализе проблем военного дела древности.

II. Проблема происхождения европейских гуннов и их связь с центральноазиатскими хунну (сюнну) в военном аспекте

При рассмотрении практически любого аспекта гуннской культуры перед учеными встает, прежде всего, вопрос о происхождении европейских гуннов и их связи с центральноазиатскими хунну (сюнну). Следует сказать, что проблема эта до сих пор остается одной из наиболее сложных в гунноведении. По этому поводу еще с XVIII в. не утихает оживленная дискуссия, участники которой зачастую приходят к противоположным результатам (см.: Иностранцев 1926; Maenchen-Helfen 1945a; Altheim 1959: 369; Jettmar 1951/1952; Гумилев 1998: кн. 2, 261—269, 306—316; Артамонов 2001: 65—69; Мандельштам 1975; Миняев 1990; Sinor 1990: 177—179; 1993: 4—7). Автору этих строк наиболее убедительной представляется сегодня концепция И. П. Засецкой, которая на основе многолетнего изучения данного вопроса, в первую очередь с археологической точки зрения, пришла к выводу о несомненной этнокультурной связи между гуннами — народом, бесспорно, восточного, и более того, монголоидного происхождения, с одной стороны, и хунну — северными соседями Китая, с другой. Об этом свидетельствуют такие категории материальной культуры европейских гуннов, как наконечники стрел, не имеющие аналогов в оружии предшествующей, сармато-аланской культуры Северного Причерноморья, но явно восходящие к хуннским и среднеазиатским древ-

¹ В этой связи отмечу, что найденная в Бантапуште (в Венгрии) медная мужская статуэтка с несохранившейся головой — по мнению З. Такача, изображение воина в доспехах, изготовленное в китайском стиле, причем китайским скульптором, находившимся, возможно, на службе у гуннов (Takács 1960: 128, 130—134, fig. 19/a—d), — которая почему-то была совсем недавно объявлена как *свидетельство появления тяжелой конницы у гуннов* и как «изображающая, скорее всего, воина в доспехе из находящихся друг на друга пластин, характерном для западных гуннов (курсив мой. — В. Н.)» (Колдратенко 2001: 7—8), в качестве таковой, конечно же, рассматриваться не может. Даже если и принять «гуннскую» (в хронологическом смысле) атрибуцию находки из Бантапушты (но ср.: Maenchen-Helfen 1973: 288, п. 211), то, судя по всему, узорная гравировка на туловище этого «воина» передает не структуру панцирного облачения, а богато орнаментированную одежду, не говоря уже о том, что нет никаких свидетельств, указывающих на данную фигурку (следует еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что ее голова утрачена) как на изображение гунна, тем более гуннского тяжеловооруженного всадника — персонаж-то показан стоящим на ногах!

ностям первых веков нашей эры, а также знаменитые бронзовые котлы, характерные именно для культуры центральноазиатских хунну; описание же внешности гуннов у древних европейских авторов не оставляет сомнения в том, что эти пришельцы принадлежали к монголоидной расе (Засецкая 1994: 151—155; 1996: 28—30; 1982; 1983; Боковенко, Засецкая 1993; Zaseckaja, Vokovenko 1994)². Очевидно, во главе движения гуннов из Центральной Азии в Восточную Европу находилась та часть племен хунну, которая после тяжелых поражений в I—II вв. н. э. от китайцев и сяньби ушла на запад. Вовлекая в свои ряды попадавшиеся им на пути народы Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана, в том числе иранского и финно-угорского происхождения, эти хунну, сохранив свой оригинальный этноним, с течением длительного времени сильно видоизменили свою культуру и подверглись некоторой ассимиляции. В конце концов, более чем через 200 лет после исхода из прежних мест обитания, возглавляемое ими полиэтничное объединение кочевых племен, ставшее известным позднеантичным писателям под общим наименованием гуннов (лат. Hun[n]i, Chuni, греч. Οὐννοι; см. также: Буданова 2000: 209—210, s. v.), достигло степей Северного Причерноморья (Плетнева 1982: 18—20; Кляшторный 1989: 252—253; Кляшторный, Султанов 2000: 66—71; Гумилев 1998: кн. 1, 244—249; Могильников 1992: 254). Аммиан Марцеллин, современник появления гуннов в Европе, в своем знаменитом экскурсе (см. разд. III) говорит о них как о варварах, находящихся на очень низкой стадии развития. Несомненно, многое в его словах соответствовало действительности, да и трудно представить, чтобы свирепая, сметающая все на своем пути гуннская орда могла произвести иное впечатление на римлян. В то же время следует согласиться со следующим замечанием С. Г. Кляшторного: «В своем ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив гуннов традиционными чертами самых диких северных племен. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать хорошо вооруженных противников, брать их укрепления и города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для гуннского государства в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Захват продуктов труда оседлых народов, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для гуннов основным источником добывания жизненных благ, а их общество стало полностью паразитическим» (Кляшторный 1989: 253—254; Кляшторный, Султанов 2000: 68).

Генетическая связь между гуннами Юго-Восточной Европы и хунну Центральной Азии очень хорошо прослеживается и в сфере во-

² Ср.: Sinor 1993: 6—7. Единственное, в чем трудно согласиться с И. П. Засецкой, так это с постулируемым ею тезисом о возможной тюркоязычности гуннов.

енного дела. Согласно сообщениям древнекитайских письменных источников (Бичурин 1950; Таскин 1968; 1973; 1989; Watson 1961) и данным археологии (Руденко 1962: 48—51, 63—66; Rudenko 1969: 42—44, 54—57; Коновалов 1976: 173—183; Давыдова 1985: 45—50; 1995: 30—34; 1996: 16—19; Цэвэндорж 1985: 77—80; Асеев и др. 1987; Худяков, Цэвэндорж 1990; Могильников 1992: 264—266; Ведерников и др. 1995: 6—9, 66—74; Савин, Семенов 1997; Миняев 1998: 27—32; Савинов 1998: 133), войско хунну состояло из отрядов конницы, вооруженных преимущественно мощными сложносоставными луками и атаковавших в рассыпном строю; их тактика была основана как на повышенной дальнобойности луков, которая позволяла эффективно вести обстрел противника со значительного расстояния, так и на применении в ходе сражения различных маневров и хитростей (охват неприятеля с флангов; притворное отступление; организация засад); стратегия хунну базировалась на внезапности нападения и стремительном и глубоком проникновении в тыл противника (Худяков 1986: 25—52, 243—246; см. также: Laufer 1914: 223—229; Гумилев 1998: кн. 1, 88—89; Крадин 2002: 55—60; 104—107; Кычанов 1997: 28).

Как мы увидим ниже, все основные компоненты военной практики европейских гуннов, особенно в ранний период их пребывания в Юго-Восточной Европе, были практически идентичны хуннским. И хотя в самом деле имеются основания говорить о наличии в составе войск хунну конников в доспехах (Рец, Юй Су-Хуа 1999; Горелик 1995: 395—401), однако их действительная роль в тактике остается неясной. В любом случае, большинство хуннских латников носили сравнительно легкие кожаные панцири, которые не выдерживали выстрелов китайских арбалетов (Таскин 1968: 18; см. также: Laufer 1914: 223, 224, ср.: 228; Горелик 1995: 401). Скорее всего, в металлические латы были одеты только знатные хуннские воины — военачальники и их ближайшее окружение (т. е. здесь примерно та же ситуация, что имела место и у гуннов). Но как бы там ни было, тактика преимущественно мобильного дистанционного боя, которую использовали и хунну и гунны, не предполагала широкого применения серьезных, тяжелых средств личной защиты³.

III. Основные источники

Так уж получилось, что у гуннов не оказалось своих историков, таких, например, каких готы имели в лице Кассиодора и Иордана. Более того, в позднеклассической и средневековой литературе, особенно христианского направления, образ гуннов был в значительной степени

³ Постулируемое иногда в научной литературе мнение о том, что центральноазиатские хунну располагали тяжеловооруженной конницей (Хазанов 1971: 78—79, 90; Кондратенко 2001: 7—9), — явное преувеличение, противоречащее всем дошедшим до нас данным о военном деле хунну (см., например: Худяков 1986: 47—48; см. также выше, примеч. 1).

демонизирован, а представления об их происхождении, истории и этнографии носили псевдонаучный и зачастую намеренно искаженный характер (Maenchen-Helfen 1973: 2—9; 1945b). Причины этого понятны: уж слишком одиозными фигурами в глазах не только их современников, но и последующих поколений были эти яростные и беспощадные завоеватели, явившиеся из неведомых восточных земель и реально угрожавшие самому факту существования римской цивилизации. По этой причине многие письменные данные о гуннах страдают тенденциозностью и требуют самого серьезного критического осмысления. Тем не менее нельзя сказать, что гуннам как-то особенно не повезло, поскольку целый ряд крупных позднеантичных авторов уделили им достаточно внимания. Это, прежде всего, Аммиан Марцеллин, Евнапий Сардийский, Олимпиодор Фиванский, Приск Панийский и Иордан. Беда, правда, в том, что исторические сочинения Евнапия, Олимпиодора и Приска дошли до нас лишь во фрагментах. Основной блок наших сведений о гуннах содержится в рассказах о римских посольствах к их правителям и, что особенно важно для данной темы, в сообщениях о военных столкновениях с ними.

Свой краткий обзор начну с антиохийского грека Аммиана Марцеллина (ок. 330—ок. 395). Став историком после завершения карьеры профессионального военного, он написал по-латыни эпохальный труд «Деяния», доведя его до 378 г. (подробно см.: Thompson 1947b; Удальцова 1974: 7—82; Blockley 1975; Crump 1975; Austin 1979; Matthews 1989; Barnes 1998). В его последней, 31-й, книге приводится обстоятельный экскурс о гуннах, незадолго до того впервые попавших в поле зрения римлян (Amm. Marc. XXXI, 2, 1—11; см. также: Richter 1974; Matthews 1989: 332—342; 353—355). Впрочем, до сих пор дискутируется проблема аутентичности этого экскурса: одними учеными он признается в целом достоверным (Thompson 1948: 6—8; 1999: 9—11; Maenchen-Helfen 1973: 9—15; Matthews 1989: 332—342; 353—355), тогда как другими — во многом зависящим от более ранних описаний скифских народов (Геродота и др.) и уж никак не результатом действительно близкого знакомства автора с собственно гуннской этнографией, а потому имеющим лишь незначительную историческую ценность (King 1987 [1995]; Barnes 1998: 96—96; Shaw 1982/1983: 25—26; Wiedemann 1986: 193—194). Как кажется, первая точка зрения все же ближе к истине. И хотя Аммиан действительно мог следовать в какой-то части своего рассказа о гуннах господствовавшим в позднеимперской историографии представлениям о евразийских номадах вообще, в основе сообщаемых им — как современником гуннского вторжения в Северное Причерноморье — сведений лежат, скорее всего, факты из реальной этнографии гуннов, тем более что некоторые стороны повседневной жизни гуннов, и прежде всего особенности их военного дела, не могут в принципе — по причине их уникальности даже для кочевой периферии античного мира — восходить к общим местам (так называемым «топосам») из произведений предшественников Аммиана.

«Гуннский» раздел, несмотря на целый ряд содержащихся в нем преувеличений (Кляшторный 1989: 253—254; Кляшторный, Султанов 2000: 68), вполне может считаться одним из лучших в рассматриваемом сочинении (Crump 1975: 38).

Сохранившиеся отрывки из «Исторических записок» Евнапия (ок. 345—ок. 420), охватывавших события с 270 по 404 г. (см.: Удальцова 1974: 83—89; Blockley 1981: 1—26, 97—106, 130—137; 1983: 1—150; Heather 1992: 73—75), практически мало что сообщают о гуннах вообще, но в одном из них (Eunap. fr. 41 D = 41, 1 B) автор говорит о двух разных, прежнем и новом, мнениях по поводу происхождения гуннов, хотя сами мнения, к сожалению, остались за пределами данного фрагмента. Впрочем, не без оснований считается, что исторический труд Евнапия был основным источником для книги IV, а также примерно для половины книги V «Новой истории» Зосима (Paschoud 1971: LVII—LXI; Ridley 1984: XII), жившего во второй половине V в., который в своем кратком, но информативном очерке о покорении гуннами готов, а также в рассказе о победе гуннского вождя Ульдиия над готским военачальником Гайной в 400 г. следовал именно Евнапию (Moravcsik 1958: Bd. I, 577—578; Maenchen-Helfen 1973: 8—9; Blockley 1983: 140, n. 90).

Похожая история и с Олимпиодором (V в.), младшим современником Евнапия. Из фрагментов его утраченной «Истории» в 22 книгах, освещавшей очень короткий период римской истории — с 407 по 425 г. (см.: Скржинская 1999; Matthews 1970; Удальцова 1974: 89—92; Baldwin 1980a; Blockley 1981: 27—47, 107—112, 137—143; 1983: 151—220; Heather 1992: 75—76), только один представляет несомненный интерес для истории гуннов, а именно тот, где описывается римское посольство к гуннскому правителю Харатону (Olymp. fr. 18 D = 19 B), в котором принял участие сам автор (ок. 412). Однако отдельные важные данные Олимпиодора о гуннах дошли до нас в трудах все того же Зосима (он довел свою «Новую историю» до 410 г.), а также церковных историков Созомена (ум. 450) и Филосторгия (р. ок. 365), которые многое позаимствовали из его сочинения (Скржинская 1999: 84, 88; Matthews 1970: 81—82; Paschoud 1971: LVIII—LXI; Heather 1992: 75—78, 82).

Исключительно важной для освещения истории гуннов в эпоху Аттилы и его преемников является «Византийская история» Приска Панийского (V в.), охватывающая период с 433 по 474 г. Она не дошла до нас целиком, но известна по многим сохранившимся фрагментам, порой очень значительным (см.: Дестунис 1861; Wirth 1967; Удальцова 1974: 100—141; Baldwin 1980b; Blockley 1981: 48—70, 113—123, 143—150; 1983: 221—400). Следует подчеркнуть, что Приск знал гуннов не понаслышке: в 448 г. он принял участие в восточноримском посольстве к самому Аттиле и очень детально описал этот вояж. В его рассказе содержится много уникальной информации, в том числе и имеющей отношение к военному делу гуннов (см. разд. IV, VIII и др.).

Считается, что в языке и стиле Приск многое заимствовал у своих великих предшественников, прежде всего у Геродота и Фукидида. Последний, кстати, мог служить ему образцом при описании осады гуннами города Наисса на Дунае в 441/442 г. (*Prisc. fr. 1b D = 6,2 B*; см. также разд. VIII). В то же время, трудно согласиться с Э. А. Томпсоном, полагавшим, что Приск практически целиком скопировал свое сообщение об этом событии с рассказа Фукидида об осаде Платеи в 431—429 гг. до н. э. (*Thuc. II, 75—76*), в том числе и через посредство писателя III в. н. э. Дексиппа из Афин, который построил свое повествование об осаде готами Филипполя в 250 г. все по тому же Фукидидову оригиналу, и поэтому фигурирующие у Приска детали не могут рассматриваться в качестве реальных, тем более что гунны были не в состоянии соорудить упомянутые им осадные машины (*Thompson 1945*; см. также: *Cameron Av., Cameron Al. 1964: 322*). Во-первых, дело в том, что наш автор, действительно использовавший в данном месте своего труда язык Фукидида, лишь применяет заимствованные у него выражения для описания вещей и действий, отличных от тех, о которых говорится в его модели. Во-вторых, даже если сами гунны не умели создавать осадные орудия, то это могли делать римские инженеры, независимо от того, оказались ли они в распоряжении Аттилы по доброй воле или же по принуждению (*Blockley 1972: 22—27; 1981: 54; Baldwin 1980b: 53—56; Tausend 1985/1986: 270, Anm. 23; Whitby 1988: 67; Traina 1993: 288; Шувалов 1999б: 260—261, примеч. 3; ср.: Elton 1997: 84*).

Не более чем обычным подражанием риторического порядка известному античному образцу является и другой часто дебатированный «топос» у Приска, а именно его неоднократные упоминания о членах правящего клана у гуннов как «царских скифах», именуемых так явно вслед за Геродотом (см. разд. IV и примеч. 12). Приск действительно использует рассказ Геродота о скифах в своем описании гуннов, но это вовсе не означает, что оно в целом не реалистично (*Traina 1993: 287—288*).

Интересные и часто уникальные сведения о гуннах приводит в своем труде «О происхождении и деяниях гетов», завершенном в 551 г., романизированный гот Иордан. Правда, это в основном лишь пересказ сочинения в 12 книгах о готах, написанного в 526—533 гг. Кассиодором (см.: *PLRE II: 265—269 [Cassiodorus 4]*) и до нашего времени не сохранившегося. Впрочем, в этой компиляции Иордана, как и оригинал, весьма тенденциозной и поэтому далеко не во всем надежной, есть следы, иногда явные, использования заслуживающих доверия источников, в первую очередь «Истории» Приска. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что Иордан является нашим основным информатором о галльской кампании Аттилы в 451 г. — пожалуй, одном из наиболее драматичных событий военно-политической истории не только самих гуннов, но и всей позднеантичной эпохи (см.: *Скржинская 1997; Croke 1987; Heather 1992: 1—67; Barnish 1992: 39—43; ср.: Maenchen-Helfen 1973: 15—17*).

Целый ряд важных данных по военному делу гуннов содержится в поэтических творениях их латиноязычных современников. Среди них следует назвать, прежде всего, Клавдия Клавдиана (ум. после 404; см. о нем: Cameron 1970; PLRE II: 299—300 [Claudianus 5]), который трагивал «гуннскую» тематику в нескольких своих произведениях, особенно в первой инвективе против Руфина (см.: Levy 1971: 93—97). Обычно предполагается, что свое описание гуннов в ней (Claud. III, 320—331) он заимствовал из упоминавшегося уже выше экскурса Аммиана Марцеллина (Maenchen-Helfer 1955: 393—395; 1945a: 234; Cameron 1970: 333, 347), хотя это и не обязательно (Syme 1968: 16). Флавий Меробавд, живший в первой половине V в. (см.: Clover 1971; PLRE II: 756—758) в панегирике в честь третьего консульства Аэция (446 г.) несколько строк (74—85) отвел гуннам, где говорит, в частности, об их воинском оснащении (Clover 1971: 41, 55; Maenchen-Helfer 1973: 250—251). Наконец, Сидоний Аполлинарий (ок. 430—ок. 486 гг.; см.: PLRE II: 115—118 [Apollinaris 6]) в своих панегириках, адресованных западноримским императорам Авиту (455—456) и Анфемию (467—472), достаточно большое место уделяет боевым столкновениям своих героев с гуннами (Sidon. *Carm.* II, 239—298; VII, 241—294; PLRE II: 97, 197).

IV. Структура военной организации

Развитие военной организации гуннов продолжалось на протяжении всей истории их пребывания в Европе. На самом раннем этапе их завоеваний в роли военачальников выступали старейшины (primates: досл.: 'знатные', 'влиятельные'), избираемые из представителей родовой аристократии (Amm. Marc. XXXI, 2, 7). При необходимости, например, для ведения боевых действий против серьезного противника, отдельные гуннские племена объединялись в союз, а из числа их primates назначался главнокомандующий союзными силами — в качестве такового и надо рассматривать Баламбера, который, выступая в латинской письменной традиции под титулом «царь» (rex: Iord. *Get.* 130; 248; 249)⁴, в 370-е гг. возглавил войну против причерноморской готской державы. Возможно, что именно Баламбер и являлся тем безымянным гуннским «правителем» (ὁ κρατῶν), который, согласно Созомену, первым напал на приазовских готов, но первоначальный натиск гуннов небольшими отрядами не увенчался успехом, и победить готов им удалось, только собрав большие силы (Sozom. VI, 37, 4—5). Впрочем, лидерство Баламбера было, скорее всего, временным, и он, по-видимому, сложил свои полномочия сразу после успешного завершения готской кампании. По крайней мере, когда в 394 г. император

⁴ Существующее мнение о том, что Баламбер — лицо не историческое, а вымышленное (Thompson 1948: 57; 1999: 62—63), представляется абсолютно надуманным (Скржинская 1997: 328—329).

Феодосий I выступил против узурпатора Евгения, то он привлек в свою армию «многих из фракийских⁵ гуннов с сопровождающими [их] филархами» (πολλούς τε τῶν Θρακῶν Οὔνων, σὺν τοῖς παρεπιμένουσιν φυλάρχοις) (Joan. Apt. fr. 187 [= Eunap. fr. 60, 1 B]). Очевидно, что под последними здесь необходимо понимать вождей отдельных гуннских племен, каждый из которых вел свои ополчения самостоятельно.

Следующий временный союз гуннских племен сложился в Северном Причерноморье под угрозой голода в 395 г. Во главе его встали два вождя, «мужи из царских скифов⁶, командующие большим числом [войск]» (ἄνδρες τῶν βασιλείων Σκυθῶν καὶ πολλοῦ πλήθους ἄρχοντες), — Басих и Курсих, под руководством которых гуннские орды вторглись на Ближний Восток. Позднее эти же правители вели переговоры с Римом (Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B; см.: Maenchen-Helfen 1973: 51—59; Sinor 1990: 182—184; PLRE II: 211, 327—328). Ок. 400 г. упоминается еще один, правда безымянный, гуннский (?) вождь, правивший где-то в северопонтийском регионе⁷, причем он называется не иначе как «предводитель и царь» (ἄρχων καὶ βασιλεύς), а его статус военного лидера отчасти подтверждается фактом ношения им воинского панциря (θώραξ πολεμικός) (Aster. Hom. 9). Впрочем, остается неизвестным, был ли он главой отдельного племени, или же ему подчинялась племенная конфедерация.

На рубеже IV—V вв. среди вождей гуннских племен, обитавших к северу от Дуная, выдвинулся некий Ульдин (PLRE II: 1180). Он получил особую известность в источниках, во-первых, как победитель мятежного восточноримского военачальника Гайны, гота по происхож-

⁵ Речь идет, по всей видимости, о гунах, кочевавших по левому берегу Дуная напротив Фракии, но никак не в пределах ее территории.

⁶ Следует иметь в виду, что этноним «скифы» в цитируемом источнике (историческом труде Приска Панийского) служит стандартным обозначением европейских гуннов, подобно тому как само этническое определение «гунны» позднее перешло в греко-латинской письменной традиции на другие народы восточного происхождения, которые появились в Европе на рубеже античности и раннего средневековья, такие как кутригуры и утигуры (см.: Kazhdan et al. 1991: 540, s. v. Cotrigurs and Utigurs; Буданова 2000: 262, 383—384, s. v.), савиры (см.: Kazhdan et al. 1991: 1824, s. v. Sabiri; Буданова 2000: 335, s. v. сабиры), болгары (см.: Kazhdan et al. 1991: 338, s. v. Bulgars; Буданова 2000: 173, s. v.), авары (см.: Kazhdan et al. 1991: 237—238, s. v. Avars; Буданова 2000: 121, s. v.) и др. Согласно заключению Дж. Бьюри, который проанализировал сведения Приска о скифах-гуннах времени правления Атиллы, наименование «скифы» в позднеантичной историографии «было не просто древним термином, прикладываемым к новому народу, точно так же как готы и славяне часто назывались педантичными историками гетами»; оно «служило общим этническим термином для всех кочевых народов, и поскольку очень многие различные кочевые народы были объединены под властью Атиллы, оно было очень подходящим и естественным именем для его подданных. Гунны, собственный народ Атиллы, были скифами, но не все скифы были гуннами» (Bury 1966: 223; см. также: Thompson 1948: 10—11; 1999: 14—15). Об упоминаемых Приском «царских скифах (= гуннах)» см. ниже.

⁷ Исторический контекст этого сообщения рассмотрен О. Менхен-Хельфеном (Maenchen-Helfen 1973: 249—250).

дению (PLRE I: 379—380), когда тот в 400 г. попытался укрыться за Дунаем; во-вторых, за свое участие, в качестве союзника западноримского главнокомандующего, вандала Стилихона (PLRE I: 853—858), в разгроме готского вождя Радагайса при Фьезоле (в Италии) в 406 г.; в-третьих, за свое широкомасштабное, но неудачное вторжение во Фракию в 408/409 г. У латинских авторов он фигурирует как «полководец» (*dux*: Oros. VII, 37, 12; Paul. Diac. *HR* XII, 12; Land. Sag. XIII, 193) и «царь» (*rex*: Marcell. s. a. 406, 3; Iord. *Rom.* 321), а у греческих — как «командующий» (ἡγούμενος: Zosim. V, 22, 3; Sozom. IX, 5, 1).

Около 412 г. в поле зрения письменных источников попадает гуннский правитель по имени Харатон, именуемый «первым среди вождей» (ὁ τῶν ρῆων πρῶτος: Olymp. *fr.* 18 D = 19 B; PLRE II: 283), — его титул, несомненно, указывает на то, что он возглавлял союз гуннских племен, каждое из которых управлялось вождем (ῥῆξ)⁸. Олимпиодор особо отмечает высокое искусство этих ῥῆες в стрельбе из лука, лишней раз подчеркивая военизированный характер их власти. Статус Харатона до известной степени позволяет понять рассказ Приска (*Prisc.* *fr.* 8 D = 11, 2 B) о системе управления у «скифского» (читай: гуннского) народа акациров, обитавшего в северопонтийских степях (см.: Maenchen-Helfen 1973: 427—438). Акациры имели «много правителей (πολλοὶ ἄρχοντες) по племенам и родам (κατὰ φύλα καὶ γένη)», именуемых нашим источником также «царями» (βασιλεῖς), среди которых выделялся «старший по власти» (πρεσβύτερος ὢν τῇ ἀρχῇ) по имени Куридах (PLRE II: 330—331). Когда восточноримский император Феодосий II послал всем этим вождям дары с тем, чтобы они отпали от Атиллы, и его посланник вручил их не по порядку старшинства, то это настолько серьезно задело Куридаху, что он призвал Атиллу на помощь против своих же соправителей (συμβασιλεύοντο). Из контекста этого отрывка следует, что Куридах был всего лишь первым среди других, в сущности равных ему по властным полномочиям вождей акациров. А если предположить, что родоплеменная организация акациров во времена Атиллы в силу целого ряда объективных причин — это и удаленность занимаемой ими территории от центра гуннской державы, и их номинальная (по крайней мере до конца 440-х гг.) зависимость от ее главы, что, в свою очередь, позволяло им достаточно долго ограждать свою внутреннюю жизнь от вмешательства извне, — в значительной мере сохраняла социальную структуру союза гуннских племен более раннего периода, то и власть Харатона как «первого среди вождей» не была единоличной, и он являлся только «первым среди равных» (см.: Ермолова 1984: 236—237). На уровне же конфедерации он был наделен функциями верховного главнокомандующего, что в условиях, когда благосостояние гуннов базировалось исключительно

⁸ Упомянутый в этом же фрагменте Донат (PLRE II: 376 [Donatus 2]), вопреки распространенному мнению, возможно, не был не только гуннским правителем, но и гунном вообще (см.: Maenchen-Helfen 1973: 73—74, 423; Sinor 1990: 186).

на захваченной в ходе грабительских набегов добыче, иначе быть и не могло: вождь племени или союза племен всегда был, в первую очередь, военным руководителем.

В качестве главнокомандующих пребывали и все другие известные правители гуннов: Руга (или Руа, 422—434 гг.; PLRE II: 951), называемый греческими авторами *ἡγουμένως* (Theodoret. V, 37, 4), «начальник» (*ἔξαρχος*: Socr. Schol. VII, 43, 3) и даже «царствующий» (*βασιλεύων*: Prisc. fr. 1 D = 2 B); его брат и соправитель Уптар (или Октар, ум. ок. 430 г.; PLRE II: 789—790), выступающий как «царь» (*βασιλεύς*: Socr. Schol. VII, 30, 6 = rex: Cassiod. Hist. XII, 4). Кстати, о характере власти Уптара, прежде всего как авторитетного главнокомандующего, свидетельствует то обстоятельство, что когда он умер во время похода против бургундов (ок. 430 г.), то гунны, неожиданно оказавшись без полководца (*ἀστρατήγητοι*: Socr. Schol. VII, 30, 6 = sine duce: Cassiod. Hist. XII, 4), были настолько деморализованы, что их разгромили враги, значительно уступавшие им в численности. Как *βασιλεύς* иногда определяется в греческой традиции знаменитый Аттила (434—453 гг.; PLRE II: 182—183; Kazhdan et al. 1991: 230—231) (Prisc. fr. 3 D = 9, 1 B; Evagr. I, 17)⁹. В латинских же источниках Руга, Уптар, Аттила, его брат и соправитель Бледа (434—445 гг.; см.: PLRE II: 230), а также сын Аттилы Динтцик (или Денгизих, 454—469 гг.; PLRE II: 354—355) носят титул rex (см.: LSNEE: pt. I, 66—77, 207—254).

Таким образом, характер власти военных лидеров гуннов с течением времени кардинально менялся, пройдя эволюцию от родового старейшины (*primas*), избираемого из числа других *primates* в качестве полководца (*rex*, *κράτων*, *ἄρχων*) только на время набегов и боевых действий, через вождя отдельного племени (*φύλαρχος*, *ῥήξ*, *dux*¹⁰) и затем верховного (часто номинального) вождя конфедерации племен (*ὁ τῶν ρηγῶν πρῶτος*) к монарху, по сути, с неограниченной властью (*βασιλεύς*, *rex*), классическим воплощением которого был Аттила, ставший «главой крупного объединения государственного типа», причем величина и мощь последнего «позволяют называть его империей» (Плетнева 1982: 45). Не случайно в современной историографии Аттила иногда рассматривается как основатель «варварского» государства

⁹ Очевидно, по-гречески западные римляне официально обращались к Аттиле как «главнокомандующему» (*στρατηγός*) в смысле *magister militum*, понимая при этом, что по мере роста своего могущества он рано или поздно потребует от них именовать себя тем же титулом, что и императора Рима, — *βασιλεύς* (Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B). Византийцы, по-видимому, предпочитали называть Аттилу *ἡγουμένως* (Ibid.), но в любом случае избегали официально величать его титулом *βασιλεύς*, который прилагался исключительно к особе императора (Chrysos 1978: 58, 60).

¹⁰ Отметим, что, помимо Ульдина, как *dux* упоминается также и некий Хормидак — один из последних известных по имени гуннских военных предводителей, чья орда вторглась в Дакию в 460-х гг. (Sidon. Carm. II, 241; PLRE II: 571). Скорее всего, Хормидак возглавлял какое-то племя или остатки племен из распавшейся к тому времени гуннской конфедерации.

нового типа — предвестника степных империй средневековой эпохи (Wirth 1967).

Верховные правители гуннов происходили из особого клана, определяемого Приском как «царский род» (βασιλείου γένος: Prisc. fr. 1 D = 2 B) или «царские скифы» (βασιλείου/βασιλικοί Σκύθαι¹¹: Ibid. fr. 1; 5; 8; 14 D = 2; 9, 3; 11, 2; 13, 2; 15, 4 B)¹². Судя по тому, что к этому клану принадлежали упомянутые выше Басих и Курсих, он должен был выделиться из остальных гуннских родов не позднее конца IV в. В него, наряду с правящими монархами и их семьями, входили и другие их родственники, среди которых должны быть упомянуты Мундзук (Мундиух), отец Бледы и Атиллы, и его брат Оербасий (PLRE II: 767, 793—794). В своем послании к восточноримскому императору Феодосию II Атиллы специально подчеркивает тот факт, что он унаследовал от своего отца благородное происхождение (εὐγένεια), т. е. достоинство правящего рода (Prisc. fr. 12 D = 15, 2 B). При Бледе и Атилле царские сородичи, в частности, возглавляли посольства на переговорах с римлянами, причем та контрибуция, которая выплачивалась последними по условиям заключенных договоров, поступала в распоряжение самих «царских скифов (= гуннов)» (Prisc. fr. 1 D = 2 B). Принимали они участие и в военных кампаниях¹³. Верховная власть над гуннами передавалась только внутри царского рода, а принцы становились правителями важных областей государства, как это было в случае с назначением Атиллой его старшего сына главой над акацирами и другими племенами, жившими в степях Северного Причерноморья (Ibid. fr. 8 D = 11, 2 B).

Следующее за верховным главнокомандующим место в военно-политической иерархии гуннов занимали так называемые λοῦάδες (букв.: 'избранные', 'отборные'). Проблема их места в гуннском обществе неоднократно и по-разному рассматривалась в научной литературе

¹¹ Перевод сочетания βασιλείου Σκύθαι как 'скифские цари' (Scythian kings) в издании Р. Блокли (Blockley 1983: 227, 287, 299) явно не соответствует его значению.

¹² Трудно согласиться с Э. Томпсоном, что сообщение Приска о «царских скифах» есть не что иное, как «его литературный долг» (his literary debt) Евнапию и Геродоту (Thompson 1948: 10; 1999: 14; см. также: Maenchen-Helfen 1973: 6—7). Это мнение базируется, прежде всего, на необъективном отношении этого исследователя к Приску как информатору о гуннах вообще. Но не следует забывать, что Приск — и это особенно важно — был участником подробно описанного им посольства ко двору Атиллы и, следовательно, много знал о гуннах. Он, безусловно, выделяет царский род среди остальной массы гуннов, причем делает это как человек, достаточно хорошо знакомый с их социально-политической организацией. Разумеется, он мог назвать членов гуннского правящего клана в подражание Геродоту «царскими скифами», но не более того. Заметим, что о гуннах как «царских скифах» говорит также Зосим, однако он не уверен, что их следует так называть (Zosim. IV, 20, 3), находясь, очевидно, под влиянием идущей от Геродота традиции, касающейся «царских скифов». Не исключено, что он просто неверно понял сообщение Евнапия или даже самого Приска о «царских скифах» как особом, правящем роде у гуннов.

¹³ В этой связи заслуживают внимания οἰκέοι в войске Ульдина (Sozom. IX, 5, 4 — см. ниже), являвшиеся, возможно, членами рода этого гуннского правителя.

(см.: Thompson 1948: 163—177; 1999: 179—195; Harmatta 1952: 296—300; Altheim 1962: 280—286, 288; Maenchen-Helfen 1973: 192—195; Корсунский, Гюнтер 1984: 110—111), но так и не нашла своего убедительного разрешения, чему виной явная недостаточность соответствующих нарративных данных. Думается, что наиболее подходящее значение для термина *λογάδες*, который сам по себе является не более чем простым обозначением средствами греческого языка слоя военных аристократов¹⁴, — это «военная элита». Приск конкретно упоминает нескольких *λογάδες* из числа приближенных гуннского царя (Prisc. fr. 7; 8 D = 11, 1; 2; 13, 1; 14 B): Онегисий — второй по значению человек в государстве после Аттилы (μετὰ τὸν Ἀττίλαν παρὰ Σκύθαις ἰσχύων μέγας; PLRE II: 805); брат Онегисия Скотта, который наравне с ним мог говорить и действовать перед Аттилой (ἴσα τῷ ἀδελφῷ παρὰ Ἀττίλα λέγειν τε καὶ πράττειν; PLRE II: 983); Эдикон — снискавший себе особую славу своими ратными успехами (ἀνὴρ Σκύθης μέγιστα κατὰ πόλεμον ἔργα διαπραξάμενος; κατὰ πόλεμον ἄριστος τοῦ Οὐννου γένους; PLRE II: 385—386); Берих — лицо знатного происхождения (παρὰ Σκύθαις ἐν γερονῶς ἀνὴρ; PLRE II: 225) и начальник многих селений в гуннской державе (πολλῶν ἐν τῇ Σκυθικῇ κωμῶν ἄρχων); Орест — римлянин (!) из Паннонии, слуга (ὀπάων) и личный секретарь (ὕπογραφεύς = notarius: Exc. Vales. 38)¹⁵ Аттилы. Уже только из одного этого списка видно, что состав *λογάδες* формировался на самых разных основаниях (знатность рода, имущественное положение, боевые заслуги и т. п.) с обязательным соблюдением принципа личной преданности государю. Различным было и влияние на государственные дела, как и участие в них, отдельных представителей этой элитарной группы. Так, особо подчеркивается, что положение Ореста было не столь высоким и важным в сравнении с Эдиконем (Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B). Не все (к примеру, все тот же Орест), но, по крайней мере, наиболее могущественные из *λογάδες* выполняли важные военные функции. В круг их обязанностей входил, в частности, дележ добычи, включая пленных, причем сами они претендовали на лучшую, по сравнению со своими

¹⁴ Тот же Приск Панийский говорит о *λογάδες* у персов и готов (Prisc. fr. 33: 39 D = 41,3: 49 B).

¹⁵ Для того чтобы занять место в ближайшем окружении Аттилы, Орест, вероятно, должен был не только вступить в личную унию со своим господином, но и стать его соплеменником — на это как будто бы намекает формула «[Orestes] se illi iunxit» из сообщения «Валезианского анонима» о присоединении Ореста к Аттиле во время визита последнего в Италию (Exc. Vales. 38; см.: Lindner 1982: 703, п. 46). Впоследствии, уже после смерти Аттилы, Орест вернулся в Италию, добился звания патриция и даже посадил на престол своего сына Ромула Августула — последнего правителя Западной Римской империи, который в 476 г. был свергнут вождем скиров Одоакром, убившим в ходе своего вторжения в Италию самого Ореста (Exc. Vales. 36—38; PLRE II: 811—812 [Orestes 2], 949—950 [Romulus 4]). Любопытно, что, согласно имеющимся данным, Одоакр был сыном Эдикона (PLRE II: 791—793), т. е. другого высокопоставленного приближенного Аттилы, который после развала гуннской державы стал одним из вождей племени скиров — давних подданных и союзников гуннов (PLRE II: 385—386).

подчиненными, часть из захваченного, уступая это право только самому Аттиле (*Ibid.*). Главную же роль в военных мероприятиях Аттилы играли, судя по всему, Эдикон и Онегисий, названные его «ближайшими сподвижниками» (ἐπιτήδειοι: *Ibid. fr.* 7; 8 D = 11, 1; 2 B). Они, вне всякого сомнения, входили в число упомянутых Приском (*Ibid. fr.* 5 D = 9, 3 B) «полководцев, имевших величайшую славу у скифов [гуннов]» (στρατηγῶι μέγιστον παρὰ Σκύθαις ἔχοντες κλέος). Добавим, что Эдикон был одним из тех λογάδες, кто были отобраны для несения караульной службы при особе государя и в определенные дни по очереди приходили вооруженными его охранять (μεθ' ὀπλῶν φυλάττειν: *Ibid. fr.* 7 D = 11, 1 B). На λογάδες могли возлагаться поручения дипломатического характера. Формировали они также и некое подобие совета (σύνοδος) при царе, на котором им оставалось, по сути, лишь прорабатывать решения, уже принятые тем единолично (*Prisc. fr.* 8 D = 14 B).

Кажется вполне допустимым предположить, что именно λογάδες фигурируют у Иордана под наименованием *ministri regii* (досл.: 'царские соратники') в его рассказе о смерти Аттилы (453 г.). Заподозрив неладное на следующий день после, как оказалось, последней брачной ночи своего повелителя, эти *ministri regii* взломали двери в царские покои, но нашли его уже мертвым (*Iord. Get.* 254). Стражники Аттилы едва ли могли решиться на подобную акцию, тем более по своей собственной инициативе (ср.: Шувалов 2001: 134—135).

Помимо λογάδες, в ближайшее окружение Аттилы входили также правители подвластных ему восточногерманских народов — Ардарих (*PLRE II*: 138), вождь гепидов (Буданова 2000: 194—195, s. v.), и Валамир (*PLRE II*: 1135—1136), вождь остроготов (Буданова 2000: 309, s. v.). Они были исключительно преданны своему суверену и — единственные из всех других иноплеменных царьков — пользовались его любовью и доверием (*Iord. Get.* 199—200). К тому же находившиеся под командованием Ардариха и Валамира вооруженные силы составляли важную часть гуннской армии (см.: *Vachrach* 1994: 63—65), и потому их реальное влияние на военную политику Аттилы было достаточно весомым.

Некоторые данные о структуре военной организации европейских гуннов в начале V в. содержатся в рассказе Созомена о вторжении гуннского правителя Ульдина во Фракию (408/409 г.). Согласно нашему источнику, войско гуннов состояло из «родственников» (οἰκεῖοι), «командиров» (λοχαγοί), а также «их подчиненных» (ὕπ' αὐτοὺς τεταυμένοι) (*Sozom. IX*, 5, 4). К сожалению, значение этих терминов в самом тексте никак не раскрывается, поэтому остается только высказать некоторые соображения по поводу их интерпретации. Не подлежит сомнению то, что под «подчиненными» следует понимать основную массу гуннских воинов незнатного происхождения, а также союзников Ульдина из германского (?) племени скиров, тоже принимавших

участие в этом походе (*Ibid.* IX, 5, 5; CTh V, 6, 3). Что же касается первого из названных терминов, οἰκεῖοι, то это, возможно, были сородичи главнокомандующего (что-то вроде членов «царского рода» или «царских скифов» Приска Панийского, см. выше), которые стояли во главе ополчений подвластных Ульдину гуннских племен. Вторые, λοχαγοί, судя по всему, были командирами отдельных отрядов в составе этих ополчений. Точная численность вверенных «лохагам» подразделений неизвестна, но предполагается, что каждое из них насчитывало 100 воинов и представляло собой, таким образом, организационную единицу т. н. «азиатской десятичной системы», характерной для конных армий древних и средневековых центральноазиатских кочевников, включая хунну (*Harmatta* 1952: 291)¹⁶.

Знатнейшие и влиятельнейшие гунны имели свои дружины. Приск приводит рассказ о своей встрече в ставке Аттилы с неким греком из Мезии, который попал в плен к гуннам и при дележе добычи отошел к Онегисию, а затем боевыми подвигами и — что обязательно требовалось гуннским законом — захваченной добычей выкупил себе свободу у своего господина. Однако он не пожелал вернуться домой и остался на службе у Онегисия как его «сотрапезник» (τραπέζης κοινῶν: *Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B)¹⁷ — т. е., скорее всего, воин с привилегированным

¹⁶ По всей очевидности, «десятичная система», т. е. деление войска на отряды, сформированные по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч воинов, раньше других сложилась у хунну, и эта реформа значительно улучшила организационно-тактическую структуру и дисциплину их армии (*Крадин* 2002: 58—59; см. также: *Худяков* 1986: 49—50, 225; *Кычанов* 1997: 28). Что же касается организации войска у европейских гуннов, то здесь следует обратиться к данным из так называемого «Сказания о битве готов с гуннами», сохранившегося в древнескандинавском литературном памятнике «*Hervararsaga*», которое, несомненно, отражает историческую реальность — гунно-готский военный конфликт в последней трети IV или же во второй половине V в. (см.: *Шаровольский* 1904; *Maenchen-Helfen* 1973: 152—161). В частности, в нем сообщается, что боевой порядок гуннского войска был построен по сотням и тысячам воинов, т. е., другими словами, в соответствии с традиционной для Центральной Азии «десятичной системой» (*Wolfram* 1993: 13; 1990: 107). Кратны последней и те цифры в данных письменной традиции о численности войск европейских гуннов, которые цитируются ниже в разд. V, хотя не все они заслуживают доверия. Дополнительное свидетельство на этот счет приводит византийский историк первой половины VII в. Феофилакт Симокатта. Говоря о булгарах — т. е. народе, в этногенезе которого, начиная со второй половины V в., не последнюю роль сыграло гуннское население степей Северного Причерноморья (см.: *Артамонов* 2001: 109—139; *Golden* 1990: 258; ср.: *Кляшторный, Савинов* 1994: 64—65), — сражавшихся против Византии на стороне аварского кагана в 595 г., он определяет численность их воинского контингента в «десять сотен» (ἐκατοῦτάσι δέκα Βουλγάροις: *Theophyl. Sim.* VII, 4, 1). А это, в свою очередь, ясно указывает на то, что болгарское войско было организовано все по той же «азиатской десятичной системе».

¹⁷ О политическом, социальном и экономическом контексте этого сообщения Приска см.: *Lattimore* 1962: 481—482, n. 9; *Lindner* 1982: 703; *Heather, Matthews* 1991: 96—97. Таким образом, захваченные гуннами в плен иноземцы могли затем воевать на стороне своих поработителей. Это обстоятельство не может не вызывать интереса: в самом деле, недавний римский подданный, оказавшийся, по существу, в рабстве у могуществен-

статусом. При описании его внешнего вида наш источник подчеркивает, что он походил на «скифа» (= гунна), живущего в роскоши, был хорошо одет¹⁸, а его голова пострижена «в кружок» (οὗτος δὲ τρυφῶντι ἐφέκει Σκύθη εὐεῖμων τε ὦν καὶ ἀλοκεῖράμενος τὴν κεφαλὴν περιτρόχαλα). Не исключено, что он входил в круг тех ближайших сподвижников Онегисия (οἱ ἄμφ' αὐτόν: *Ibid.*), которые имели такую весьма существенную привилегию, как право помыться в каменной бане своего предводителя.

В качестве дружинников, очевидно, должны рассматриваться и упомянутые Приском «те [кто] вокруг Эдикона» (οἱ ἄμφι τὸν Ἐδέκωνα: *Ibid.*).

Собственная дружина была, несомненно, и у самого Аттилы. Сообщается (*Ibid.*), что его шатер (σκηνή) охранялся кольцом многочисленной стражи (ὕπὸ βαρβαρικοῦ κύκλω φρουρουμένη πλῆθος), а в его дворце находились стражники (φρουροί) и слуги свиты (παρεπομένοι, досл.: 'сопровождающие'). В источниках упоминается также его оруженосец (πλαθάριος: *Malal.* p. 359, 5). В битве на Каталаунских полях Аттила находился в центре боевого порядка своей армии вместе с храбрейшими (*fortissimi*) воинами (*lord. Get.* 198), а в церемонии его похорон приняли участие «отборнейшие всадники из всего гуннского народа» (*Ibid.* 256: *de tota gente Hunnorum lectissimi equites*): в них можно видеть, в том числе, и бойцов его личной дружины.

венного гунна, получил в столь бедственном статусе доступ к военной службе (?), и более того, благодаря своему усердию на этом поприще сумел выкупить себе свободу. Становится очевидным, что рабы-воины при определенных условиях действительно могли играть значительную роль в военном деле древних и средневековых обществ, и это, в принципе, подтверждается последними разработками по данной проблеме (подробно см.: *Hunt* 1998; там же приводится основная библиография). Очевидно, что многих из попавших к ним в плен римлян, особенно архитекторов, инженеров, строителей и др., гунны использовали в военном деле — например, при изготовлении и обслуживании осадных орудий, сооружении понтонных мостов и укреплений и т. д. Известно, что на Онегисия работал пленный архитектор из Сирмия, однако его попытки заслужить себе свободу не увенчались успехом (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B). В «Стратегиконе» Маврикия (составлен на рубеже VI и VII вв.) упоминается обычай славян не томить попавших к ним в плен иноземцев в пожизненном рабстве, а через определенный период времени дать им возможность или вернуться домой за небольшой выкуп, или же остаться у них на правах свободного члена племени (*Mauric.* XI, 4, 4 M = XI, 4, 12—16; *Heather, Matthews* 1991: 96—97). В последнем случае новоиспеченные соплеменники не могли, естественно, оставаться в стороне от военных обязанностей — это хотя и упрощенная, но параллель к гуннскому обычаю, описанному Приском. По-видимому, главное различие здесь в степени социально-политического развития у славян эпохи Маврикия и гуннов времени Аттилы.

¹⁸ Что означало быть хорошо одетым у гуннов, можно до известной степени понять из указания Прокопия Кесарийского (*Proc. HA* VII, 14), что константинопольские стасиоты при Юстиниане I (527—565), намеренно шеголяя своей одеждой, носили, в том числе, накидки, штаны и сапоги, которые и по названию, и по облику являлись «гуннскими» (αἱ ἐπιρώιδες δὲ καὶ ἀναξυρίδες καὶ τῶν ὑποδημάτων τὰ πλείστα ἐς τῶν Οὐννων τὸ τε ὄνομα καὶ τὸν τρόπον ἀλεκέκριτο σφίσιν).

V. Рода войск

Костяк гуннской армии составляла конница, бойцы которой были вооружены мощным сложносоставным луком, длинным мечом и арканом. Только знатные воины были защищены металлическими доспехами (см. разд. X и XI). Сообщается, что гунны шли в атаку *cuneatim*, букв.: 'клинообразно' (Амм. Марс. XXXI, 2, 8). Очевидно, этот латинский термин подразумевает боевое построение, которое римляне применительно к варварским, прежде всего германским, народам называли *cuneus* ('клин'), но на практике оно представляло собой не настоящий тесно сплоченный клинообразный порядок, а неправильный (с римской точки зрения), глубокий и беспорядочный (рассыпной) строй, атаку которого возглавляли только немногие воины, превосходящие других своим вооружением, знатностью и храбростью (Ferrill 1991: 30; Goldsworthy 1998: 50, 194). В военном лексиконе Поздней Римской империи, начиная, по крайней мере, с IV в. реальное клинообразное построение называлось «голова свиньи» (*caput porci*: Амм. Марс. XVII, 13, 9, или *caput porcium*: Veget. *ERM* III, 19), причем этот термин прикладывался только к пехотному порядку¹⁹. Слово *cuneus* обозначало тогда прежде всего тип конного подразделения римской армии (Nicasie 1998: 63—64, 110—112; Southern, Dixon 1996: 34—35, 57, 187, s. v.), атакующее построение которого вовсе не обязательно имело форму клина.

По всей видимости, *cuneatim* у Аммиана Марцеллина соответствует греческому выражению *ταῖς κατὰ κοῦνας τάξεσι τουτέστι ταῖς διεσπαρμέναις* («[атаковать] по клиньям, то есть рассредоточенными отрядами») в «Стратегиконе» Маврикия²⁰ как обозначению боевого

¹⁹ Veget. *ERM* III, 19: *Cuneus dicitur multitudo peditum, quae iuncta cum acie primo angustior deinde latior procedit et adversariorum ordines rumpit, quia a pluribus in unum locum tela mittuntur. Quam rem milites nominant caput porcium* (ср.: Isid. *Etym.* IX, 3, 59: *Cuneus est collecta in unum militum multitudo. Unde propter quod in unum coit, ipsa coitio in unum cuneus nominatus est, quasi couneus, eo quod in unum omnes cogantur*). См. также греч. ἔμβολον ('клин') в значении 'голова свиньи' (σὺς κεφαλῆ) как обозначение пешего построения у франков в VI в. (Agath. II, 8, 8). Ср.: Mauric. XII, 7, 8 M = XII A 7, 22—23 D: τὰ λεγόμενα τῶν πεζῶν κοῦνία (где *κοῦνία* = лат. *cunei*, см.: Mihăescu 1970: 397, s. v. *κοῦνα*).

²⁰ Общую характеристику этого важного источника по военному делу варварских, включая «гуннских» (т. е. центральноазиатских по своему происхождению), народов эпохи Великого переселения народов см.: Dain 1967: 344—346; Mihăescu 1970: 5—26; Dennis, Gamillscheg 1981: 11—42; Dennis 1984: VII—XXI; Bivar 1972: 287—290; Dagron 1993; Elton 1997: 270—271; Кучма 2001: 39—43; 152—166. Важно отметить, что «Стратегикон», составленный в целом на рубеже VI—VII вв., является памятником многослойным, содержащим, в том числе, данные второй половины V—первой четверти VI в. (см.: Шувалов 1999а и его же статью «Враги Империи» в данном томе ЗВОРАО), которые восходят, вероятно, к Урбикию — военачальнику Восточной Римской империи при Анастасии I (491—518) и автору нескольких военных сочинений (Dain 1967: 341—342; PLRE II: 1190 [Urbicius 2]). Попытки омолодить дату «Стратегикона» до начала VIII в. (White 1966: 20—21, 144, n. 1) следует признать неудачными.

построения «гуннских» (в широком значении этого этнического определения) народов (Mauric. XI, 2, 15 M = XI, 2, 54 D). Присутствующее здесь слово *κοῦνα*, которое представляет собой несомненную кальку с лат. *cuneus* (см.: Mihăescu 1970: 397, s. v.), можно понять как отдельный отряд, сформированный по кровнородственному (племенному или клановому) принципу, подобно отрядам-*cunei* у древних германцев (Todd 1988: 106). В свою очередь, каждый такой гуннский отряд, с одной стороны, состоял из более мелких подразделений, а с другой — мог входить в состав более крупных тактических соединений, причем численность и тех и других более или менее должна была соответствовать нормам «азиатской десятичной системы» (см. примеч. 16).

Гунны были прекрасными наездниками, тренированными с раннего детства, и в этом они очень походили на аланов (Amm. Marc. XXXI, 2, 20; 21) — кочевой народ сарматского происхождения (Буданова 2000: 130, s. v.). В данной связи интересно отметить, что когда Вегетий, автор военно-теоретического труда «Краткое изложение военного дела» («*Epitoma rei militaris*»), созданного где-то между 383 и 450 гг.²¹, попытался в нем в порыве лести отметить высокое искусство римского императора как кавалериста, то он не нашел для сравнения лучшего примера, чем мастерское владение конем у гуннов и аланов (Veget. *ERM* III, 26; Bachrach 1973: 36).

Добавим, что к гуннской кавалерии для проведения совместных акций (главным образом грабительских набегов) время от времени присоединялись отряды других народов, союзных или подвластных гуннам, — в первую очередь сармато-аланских племен (Amm. Marc. XXXI, 3, 1; 3; 8, 4; 16, 3; Ps.-Aur. Vict. XLVII, 3; Auson. VIII, 1, 31; ср.: Auson. XXVI, 26, 8—9; Pacat. 11, 4)²², а также, возможно, готов²³.

²¹ Точное время жизни Вегетия, автора не только упомянутого трактата о военном деле (иногда также называемого «*De re militari*»), но и руководства по ветеринарии («*Mulomedicina*»), который жил, скорее всего, на римском Западе, до сих пор остается предметом дискуссии. Единственное, в чем сходятся все исследователи, так это то, что Вегетий писал после 383 г. (дата смерти императора Грациана). Но одни полагают, что это имело место при Валентиниане II (ум. 392) (Zuckerman 1994), другие — при Феодосии I Великом (ум. 395) (Barnes 1979; Shrader 1979: 280; Milner 1996: XXXVII—XLI; Elton 1997: 269), третьи — в конце IV—начале V в. (Кучма 2001: 118—119; ср.: Stelten 1990: XIV—XV; Wheeler 1988: XI—XII, п. 6), наконец, четвертые — в правление Валентиниана III, т. е. между 425 и 455 гг. (Thompson 1948: 53; 1999: 60; Gordon 1974: 35—37; Goffart 1989: 45—80; Birley 1988: 58—68; Bachrach 1986: 11).

²² По-видимому, не случайно в наших источниках гунны и аланы порой рассматриваются как один (по контексту, искусный во всадническом деле) народ (Veget. *ERM* III, 26: *ad equitandi scientiam... Hunnorum Alanorumque natio*).

²³ В отличие от гуннов и аланов, главной силой готских войск всегда была пехота. Однако, согласно сообщению Вегетия, римская кавалерия его времени (см. примеч. 21) улучшила свое вооружение по примеру *готов* (курсив мой. — В. Н.), аланов и гуннов (Veget. *ERM* I, 20: *nam licet exemplo Gothorum et Alanorum et Hunnorum equitum arma profecerint*), и это определенно свидетельствует в пользу того, что готы располагали также и достаточно боеспособной конницей. Поскольку очень долгое время — вплоть до распада гуннской державы при сыновьях Атиллы — остроготы находились под вла-

Говоря о коннице гуннов, необходимо упомянуть их коней, вообще игравших огромную роль в повседневной жизни этого народа. Письменные источники утверждают, что гунны все делали, сидя верхом: сражались, заключали всякого рода сделки, совещались друг с другом, ели и пили и даже спали (Amm. Marc. XXXI, 2, 6—7; Zosim. IV, 20, 4; ср.: Prisc. *fr.* 1; 8 D = 2; 11, 2 B; Iord. *Get.* 128; Mauric. XI, 2, 19 M = XI, 2, 68 D)²⁴. Латинские писатели, современники вторжений гуннов, сравнивали их с полулюдьми-полуконями — кентаврами (Claud. III, 329—330, см.: Levy 1971: 97; Sidon. *Carm.* II, 262—266; ср.: Amm. Marc. XXXI, 2, 6). Было также распространено мнение, что гунны с трудом ходили пешком (Amm. Marc. XXXI, 2, 6; Zosim. IV, 20, 4; Hier. *Ep.* 60, 17; Suid. s. v. Ἀκροσφαλεῖς; ср.: Mauric. XI, 2, 19 M = XI, 2, 68—70 D). Впрочем, оно основывалось исключительно на некоторой неуклюжести их походки, свойственной всем другим кочевым народам, для которых конь был главным средством передвижения (Maenchen-Helfen 1973: 207).

дычеством гуннов, то по этой причине они были обязаны поставлять воинов в армию своих господ, в том числе, наверное, и какое-то количество всадников. Действительно, можно допустить, что, начиная с последней четверти IV в., кавалерия начинает играть в тактике готов довольно значительную роль. Так, атака конного отряда, ведомого остроготскими военачальниками Алафеем и Сафраком, несомненно, оказала очень серьезное воздействие на исход битвы при Адрианополе в 378 г. (Amm. Marc. XXXI, 8, 10: 12, 12; 17; Oros. VII, 33, 14). О том, как были вооружены в то время готские всадники, определенных данных нет вовсе, но предполагается, что это были не легкие конные лучники, а пикейщики в металлических доспехах (Darkó 1937: 142). Если это так, то тогда развитие готской кавалерии шло под влиянием аланов, а не гуннов, поскольку именно первые практиковали верховой бой в тяжелом вооружении (см. примеч. 62). Впрочем, вполне очевидно, что собственно германский компонент в кавалерии Алафея и Сафрака был явно невелик — только какое-то число всадников из знати, основную же массу в ней составляли, скорее всего, аланы и гунны (Burns 1984: 189; см. также примеч. 36). Но в любом случае, по-видимому, все же не стоит переоценивать значение конницы в военной практике готов до VI в. (Thompson 1965: 116—118).

²⁴ Ср.: Iust. XLI, 3, 4, где то же самое говорится о парфянах. Эта информация из «Эпитомы» Юстина, который сократил не дошедший до нашего времени исторический труд Помпея Трога, современника императора Августа, иногда рассматривается в качестве фразеологической модели для соответствующего места рассказа Аммиана Марцеллина о гуннах (Maenchen-Helfen 1973: 14). Разумеется, это вовсе не означает, что данное сообщение последнего не достоверно. Оно явно отражает реальный факт, тем более что в образе жизни гуннов на самом деле было много черт, схожих с бытом кочевников иного, иранского происхождения, выступающих в классической античной литературе под общим наименованием «скифы». Из среды последних, кстати, вышли родоначальники Парфянского государства Аршакидов — апарны из конфедерации дахов (даев), которых и имел в виду Помпей Трог. Именно вторжение этих номадов в земли Юго-Восточного Прикаспия около середины III в. до н. э. положило начало будущей могущественной Парфянской империи (Strabo XI, 9, 2—3; ср.: VII, 3, 12; XI, 7, 1; 8, 2—3; Iust. II, 1, 3; 3, 6; XLI, 1, 1—2; 10; 2, 3—4; подробно см.: Olbrycht 1998: 51 sq.). Об огромной роли коня в жизни раннесредневековых центральноазиатских номадов на примере тюрок свидетельствует арабский писатель IX в. ал-Джахиз, утверждающий следующее: «Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли» (Мандельштам 1956: 231; см. также: Harley Walker 1915: 667).

Аммиан Марцеллин называет гуннских коней внешне уродливыми, но выносливыми (Amm. Marc. XXXI, 2, 6: equi ... duri quidem, sed deformes), тогда как св. Иероним противопоставляет гуннских *caballi* ('кляч') римским *equi* (т. е. настоящим скакунам: Hier. Ep. 60, 17), однако он же отмечает стремительность первых (Ibid. 77, 8: Hunorum examina, quae pernicious equis huc illucque volitantia ... Insperati ubique aderant et famam celeritate vincentes)²⁵. Но наиболее полную информацию о гуннских лошадях дает Вегеций в своем руководстве по ветеринарии, где он, в частности, указывает (Veget. DAM III, 6, 2), что кони гуннов более других пригодны для использования на войне благодаря их высокой выносливости, работоспособности и стойкости к холоду и голоду (Ad bellum Huniscorum²⁶ longe prima docetur utilitas patientiae, laboris, frigoris, famis). Он особо отмечает исключительную приспособленность гуннских коней к зимним пастбищам, воспитываемую с младенчества, их стойкость по отношению к морозам и снегу (Ibid. II рг. 1—2). В другом месте своего трактата Вегеций подробно описывает их внешний вид (Ibid. III, 6, 5): «У гуннских [коней] большая и крюкообразная голова; выпуклые глаза; узкие ноздри; широкие челюсти; мощная и твердая шея; гривы, свисающие ниже колен; большие ребра; изогнутый хребет; густой хвост; очень крепкие берцовые кости; короткие ноги; плотные и широкие копыта; впалая брюшная полость и целиком костлявое тело; нет никакого жира в ягодицах, никаких выпуклостей в мускулах; стан более склонен к длине, чем высоте; тощий живот; прочные кости; их худоба привлекательна, и в самой уродливости обнаруживается красота; [у них] сдержанная, разумная и переносящая раны натура» (Huniscis grande et aduncum caput, extantes oculi, angustae nares, latae maxillae, robusta cervix et rigida, iubae ultra genua pendentes, maiores costae, incurva spina, cauda silvosa, validissimae tibiae, parvae bases, plenae ac diffusae ungulae, ilia cavata totumque corpus angulosum, nulla in clunibus arvina, nulli in musculis tori, in longitudine magis quam in altitudine statura propensior, venter exhaustus, ossa grandia, macies grata et quibus pulchritudinem praestet ipsa deformitas: animus moderatus et prudens et vulnerum patiens). Все эти данные римского специалиста, авторитетного в вопросах военной и ветеринарной служб, очень важны для нас еще и как ценное свидетельство современника о

²⁵ См. также: Claud. III, 330—331: acerrima... mobilitas; Amm. Marc. XXXI, 2, 8: nimia rapiditas.

²⁶ Этническое определение *Huniscus* У. Гоффарт предлагает переводить как «конь гуннского типа», выращенный в Римской империи, а не как «конь, импортированный из страны гуннов» (Goffart 1989: 70, п. 113). Однако, как кажется, именно последний вариант перевода наиболее подходит к смысловому содержанию рассматриваемого этникона. Весьма образную характеристику гуннскому коню (*equus Huniscus*) дает в одном из своих стихотворений христианский писатель и поэт Эннодий (ок. 473—521 гг., см.: PLRE II: 393—394 [Ennodius 3]): «Боевой скакун, возвращенный под холодным небом, несущий крепкую грудь через середину Танаиса [Дона]» (Belliger argenti sonipes nutrite sub axe, per Tanais medium pectora sicca ferens) (Ennod. CCXII, 1—2).

высоких природных и боевых качествах гуннских скакунов (Bökönyü 1974: 268; Azzaroli 1985: 179). Особо в источниках подчеркивается их долголетие (Veget. DAM III, 7, 1; Isid. Etym. XII, 1, 44), превышающее 50 лет (Isid. Etym. XII, 1, 44: Aetas longaeua equis ... Hunnicis ... in annis ultra quinquaginta). По всей видимости, именно таких чрезвычайно приспособленных к военному делу коней можно видеть на некоторых бронзах из Ордоса, изображающих, скорее всего, хуннских всадников (Maenchen-Helfen 1973: 205, fig. 1). Отличительными чертами гуннских²⁷, да и всех прочих лошадей степного центральноазиатского происхождения, рождавшихся и воспитывавшихся в довольно суровых климатических условиях на основе круглогодичного пастбищного табунного содержания, всегда были исключительная выносливость, неприхотливость и достаточно высокая скорость. Все это делало их грозным фактором военной мощи древних и средневековых кочевников, орды которых периодически и со всеокрушающей силой накатывались на Европу (Sinor 1972; 1981: 137).

Данные об использовании гуннами их коней могут быть дополнены интересными сведениями о центральноазиатских кочевниках-тюрьках из арабской литературной традиции IX в., где говорится следующее: «Тюрок садится верхом на жеребца или кобылу и выезжает в набег, в путешествие, удаляясь в поисках дичи или же по иной причине, — а за ним следует кобыла и ее жеребята. Если он не в состоянии охотиться за людьми, то охотится на диких зверей; если он терпит в этом неудачу и нуждается в пище, то режет одну из своих лошадей, а если испытывает жажду, то доит одну из своих кобыл. Если он дает отдых одной (лошади), то пересаживается на другую без того, чтобы сойти на землю» (Мандельштам 1956: 231; см. также: Harley Walker 1915: 667—668)²⁸. Очевидно, во многом такая практика была харак-

²⁷ Надо полагать, что кони гуннов уже не были столь низкорослы, в сравнении с родственными им монгольскими, чья высота в холке, как правило, не превышает 127 см (Нестеров 1990: 15, 36), а серьезно видоизменились в ходе гуннской миграции в Европу, когда они в результате «вливания свежей крови» от других пород должны были увеличить, в частности, свои размеры (Hyland 1996: 3).

²⁸ Согласно средневековым мусульманским источникам, кобылы были наиболее пригодны для быстрых экспедиций и ночных атак, жеребцы — для открытых битв и длительных походов, а кастрированные самцы (мерины) — для засад и патрулей (Hyland 1998: 127). В античной же литературе подчеркивается, что использование коней-самцов в военном деле обязательно предполагало их выхланивание, ибо в противном случае они, особенно при виде кобыл, могли вести себя чрезвычайно несдержанно и вообще выйти из-под контроля, что во время боевых действий было недопустимо. Известно, что жеребцов кастрировали скифы и сарматы, а также германцы-квады (Strabo VII, 4, 8; Amm. Marc. XVII, 12, 2). Добавим к этому, что все лошади, которые были обнаружены в знаменитых пазырыкских погребениях, устроенных в слое вечной мерзлоты на Алтае, были меринами. Выхланивание вообще является необходимым элементом практики степного коневодства, и центральноазиатские кочевники, включая хунну и гуннов, несомненно, ездили верхом в основном на меринах (Maenchen-Helfen 1973: 213—214).

терна и для гуннов. Более того, относительно последних утверждается, что если их настигал голод, что бывало довольно часто, особенно во время военных действий, то они не останавливались даже перед тем, чтобы вскрыть вены своим коням и питаться их кровью (Isid. *HG* 29: [Huni] cum famem in bello fuerit passa, venam tangat equi et sic excludat hausto sanguine famem).

Р. П. Линднером было высказано очень популярное ныне мнение, что при Атилле гунны испытывали серьезные проблемы с пополнением конского состава из-за ограниченных пастбищных возможностей Великой Венгерской равнины, и это серьезно повлияло на их военное дело (Lindner 1981; критический разбор этой теории см. в разд. VII).

Следует особо отметить, что конь занимал значительное место в культовой обрядности гуннов. На это, прежде всего, указывает тот факт, что в погребениях гуннской эпохи, раскопанных на юге России и в Казахстане, наряду с предметами конского снаряжения иногда встречаются захоронения шкур и отдельных костей скелета коней и даже целых скакунов (Засецкая 1994: 12—23). В свою очередь, данное обстоятельство в полной мере отражает ту большую роль, которую это важнейшее с точки зрения ведения скотоводческого хозяйства домашнее животное играло в религиозных представлениях древних и средневековых кочевников Центральной Азии (Нестеров 1990: 51—92).

Использование гуннами лошадей не ограничивалось верховой ездой — они также запрягались в их **кибитки** (*carpenta*: Amm. Marc. XXXI, 2, 10; Iord. *Get.* 211; *plaustra*: Max. Tur. *Hom.* 94; Iord. *Get.* 210; Paul. Diac. *HR* XIV, 7)²⁹, которые служили в качестве транспортного средства для членов семей гуннских воинов, их жен и детей, а также для перевозки имущества и добычи. В своих набегах на балканские провинции гунны переправлялись через замерзший Дунай в том числе и «на колесах» (*rotis*), т. е. в кибитках (Claud. V, 26—28; Sidon. *Carm.* II, 269—270). Наряду с телегами для перевозки понтонов (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B), кибитки также могли использоваться для создания укрепленного лагеря (см. разд. IX).

Пехота. По утверждению наших источников, сами гунны не могли быть хорошими пешими воинами, поскольку плохо передвигались по земле на своих собственных ногах (см. выше). Само собой разумеется, что эта якобы физическая неспособность гуннов нормально ходить пешком — не более чем преувеличение, однако правда и то, что такие прекрасные природные наездники-воины, как гунны, были далеко не столь эффективны в пешем бою. Как наглядно демонстрирует нам неудачная осада гуннским отрядом укрепленного монастыря (*καστέλλιου*)

²⁹ Безусловно, употребленные Иорданом два термина для обозначения гуннских кибиток — *carpenta* и *plaustra* — являются словами-синонимами. Заметим, что, к примеру, Аммиан Марцеллин, желая, очевидно, в угоду стилю избежать повторов, в разных местах своего эссе об аланах называет их повозки *plaustra*, *carpenta* и *vehicula* (Amm. Marc. XXXI, 2, 18—20).

во Фракии в 395 г. (Callin. *VH VI*, 1—2)³⁰, спешившиеся гуннские всадники были неспособны самостоятельно взять фортификационные сооружения. Военная мощь гуннов покоилась единственно на их коннице³¹.

В то же время, пешие подразделения, несомненно, были крайне необходимы гуннской армии, в первую очередь, при ведении осадных операций, а также для действий на территории, труднодоступной для кавалерии (в лесных массивах, горных и холмистых местностях и т. п.). На самой ранней стадии своего пребывания в Европе (370—380-е гг.), когда их главные становища располагались еще в степях Северного Причерноморья, гунны совершали вторжения в Подунавье лишь сравнительно небольшими мобильными отрядами (Heather 1995: 5—11), часто действовавшими в союзе как с сармато-аланами (см. выше), так и с готами (Amm. Marc. XXXI, 8, 4; 16, 3; Ps.-Aur. Vict. XLVII, 3; XLVIII, 5; ср.: Pacat. 11, 4), скирами и карподаками (Zosim. IV, 34, 6). В отличие от кочевников-аланов, искусенных во всадническом искусстве, готы, скиры и карподаки при проведении боевых операций, как это было типично для оседлых народов т. н. варварской Европы³², полагались только на пешее войско, и потому конники-гунны, принимавшие тогда участие в совместных с ними набегах, получили первый опыт взаимодействия с пехотой.

³⁰ Относительно исторического контекста этого события см.: Thompson 1948: 36—37; 1999: 42.

³¹ В этой связи стоит отметить, что у древних кочевников пеший бой вообще не рассматривался как доблесть. У аланов — народа сарматского происхождения — считалось позорным для мужчины даже ходить пешком (Amm. Marc. XXXI, 2, 20), а в Парфянской империи Аршакидов, основанной, как уже отмечалось выше (примеч. 24), среднеазиатскими кочевниками, внешнее различие между людьми благородными (букв.: «свободными» — *liberi*) и зависимыми от них (букв.: «рабами» — *servi*) заключалось в том, что первые ездили на конях, а вторые ходили пешком (Iust. XLI, 3, 4). Разумеется, не следует воспринимать этот пассаж из рассказа Юстина о парфянах буквально. Однако он вполне отражает реальную организацию парфянского общества, сложившуюся, по крайней мере, в восточной части империи Аршакидов в результате ее покорения кочевниками-дахами. Завоеватели и их потомки занимали в социальной и военной структурах государства парфянов привилегированное положение по отношению к покоренному местному населению и составляли основу армии — конницу, тогда как выходцы из автохтонной среды комплектовали преимущественно контингенты пехоты, игравшие в военных акциях лишь второстепенные роли (подробно см.: Košelenko 1980). Заметим также, что и в тюркско-монгольских эпических сказаниях явственно проступает представление о непристижности для мужчины передвигаться пешком и вообще не иметь коня (Липец 1984: 241—242).

³² Из этого трио союзных гуннам народов только готы (Буданова 2000: 205—207, s. v.) могут быть твердо отнесены к определенной семье древних европейских народов — германцам. Скиры, как предполагается, «возможно, принадлежали к числу нижнедунайских фрако-кельтских племен», и только в поздней традиции их «причисляли к германским племенам на Дунае» (Там же: 356, s. v.). Что же касается карподаков, то они гипотетически считаются народом дакийского или даже славянского происхождения (Там же: 241—242, s. v.).

Впрочем, твердо обосновавшись в первой половине V в. на берегах Дуная и начав активные военные действия на Западе, гунны, подобно пришедшим гораздо позднее их в Подунавье аварам и венграм (мадьярам), просто уже не могли обойтись без значительных контингентов пехоты (Bachrach 1985: 726). С этого времени их правители начали придавать процессу вербовки пеших бойцов из среды подвластных им племен, прежде всего германских, гораздо более регулярный и организованный характер. Так, в войске Ульдина в начале V в. находились скиры (Sozom. IX, 5, 5; CTh V, 6, 3)³³, причем явно в качестве пехоты (Maenchen-Helfen 1973: 66), а остроготы и гепиды формировали при Атилле цвет союзного гуннам воинства (в подавляющем своем большинстве, несомненно, пешего) и сражались в составе его армии на Каталаунских полях в 451 г. (Iord. *Get.* 199; 200; 209; 217). Однако столь активное использование гуннами отрядов пехоты, в свою очередь, должно было оказать определенное влияние не только на организацию, но и на тактику гуннских войск (см. разд. VII).

В гуннской армии, по крайней мере в правление Атилы, существовала очень хорошо организованная инженерно-техническая служба. В ее состав входило специальное подразделение, обслуживавшее при осадах вражеских укреплений метательные машины (см. разд. VIII), персонал которых, за исключением лучников, стрелявших из *μηχαναί* (см.: Prisc. *fr.* 1b D = 6, 2 B), набирался из пленных и дезертиров, но никак не из числа самих гуннов.

Задачей другой инженерной части было наведение мостов через водные преграды и заболоченные местности, для чего она была оснащена плотами-понтонными (σχεδία), которые перевозились на специальных телегах (ἄμαξα) (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B). В планировании и проведении кампаний ей отводилась существенная роль. Так, в 442 г., приступая к осаде города Наисса на Дунае, гунны первым делом навели через реку мост (διάβασις), благодаря которому они сумели подтащить осадные орудия прямо к его стенам (Prisc. *fr.* 1b D = 6, 2 B). Для преодоления водных препятствий, наряду с понтонными использовались также лодки-однодеревки (σκάφη μονόξυλα, μονόξυλα πλοῖα: Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B), обслуживание которых производилось специальными перевозчиками (πλοῦμεῖς: *Ibid.*). Интересно, что Вегеций в своем трактате о военном деле настоятельно рекомендует войскам иметь в обозе широкие и легкие челноки-однодеревки, перевозимые на телегах, а также специально заготовленные доски, железные гвозди и канаты. При переправе через реку эти лодки связываются между собой и по ним прокладывается настил из досок: так быстро строится мост

³³ Добавим, что и в дальнейшем скиры находились под сильным гуннским военно-политическим влиянием. Известно, что после распада державы Атилы их возглавляли ближайший сподвижник последнего Эдикон и его сын Одоакр (см. примеч. 15), а какая-то часть (вероятно восточная) этого племени под именем Angisciri («малые скиры»? — см.: Браун 1899: 124) находилась в составе орды сына Атилы — Динтика (Iord. *Get.* 272; Kazanski 1992).

(Veget. *ERM* III, 7). Если это произведение было создано, как полагают некоторые исследователи, в правление западноримского императора Валентиниана III (425—455) (см. примеч. 21), то данная рекомендация, таким образом, отражает военную практику как раз времени походов Аттилы, в армии которого военно-инженерная служба была во многом организована по римскому образцу и наверняка при активном участии самих римлян (Blockley 1981: 54; Baldwin 1980b: 55; Burns 1984: 189; ср.: Elton 1997: 84).

Теперь несколько слов относительно сведений письменной традиции об общей численности гуннских армий. Некоторые цифры приводятся у Зосима и Филосторгия, которые заимствовали их, вероятнее всего, из утраченного исторического труда Олимпиодора (см. разд. III). Зосим, в частности, говорит об очень небольшом (в 300 бойцов) элитном подразделении гуннов на службе западноримского императора Гонория (Zosim. V, 45, 6). Далее он сообщает, что в 409 г. Гонорий нанял 10 000 гуннских воинов для войны против везеготов в Италии (Ibid. V, 50, 1), но это число, вполне возможно, завышено. И уж точно нереальна цифра 60 000 (!) гуннских наемников, которых, согласно Филосторгию, Аэций привел в Италию в 425 г. на подмогу узурпатору Иоанну (Philostorg. XII, 14), — по-видимому, она должна быть уменьшена в 10 раз (Thompson 1948: 49; 1999: 55)³⁴. В целом далеко не все статистические данные Олимпиодора могут считаться надежными (Maenchen-Helfen 1973: 459).

Больше заслуживает доверия сообщаемое церковными историками количество воинов — 10 000 — у гуннского царя Уптара, который около 430 г. воевал с бургундами на Рейне (Socr. Schol. VII, 30, 6; Cassiod. *Hist.* XII, 4). Напротив, кажется явно преувеличенной численность войск Аттилы в его галльской кампании (451 г.) по данным Иордана и его источников — 500 000 человек (Iord. *Get.* 182). В то же время не следует и преуменьшать возможности правителя державы гуннов собрать очень значительные для того времени силы. По подсчетам Б. Бахраха, одни только остроготы и гепиды могли поставить в армию Аттилы, по меньшей мере, 50 000 бойцов, не говоря уже о его собственно гуннском воинстве, количественный состав которого не мог

³⁴ Но ср.: Vachrach 1994: 66, где эта цифра считается вполне реальной. Согласиться с этим все же трудно, поскольку едва ли гуннские власти решились бы послать куда-либо столь огромные по меркам того времени силы в качестве союзных войск, существенно ослабив тем самым оборону территории своей державы. Разумеется, выделенный в распоряжение Аэция отряд был значительно больше, чем упомянутое выше подразделение из 300 гуннов на службе у императора Гонория, но насколько? Здесь в качестве только лишь косвенных примеров можно привести размеры контингентов, которые поставляли в качестве союзных войск савиры — одно из т. н. «гуннских» племен, господствовавших в припонтийских степях в VI в. Известно, что они посылали персам подмогу в составе 3000 (Proc. *Bell.* 1, 15, 1) и 500 (Agath. IV, 14, 1), а восточным римлянам — 2000 (Agath. III, 17, 5) наемных солдат.

быть значительно меньшим (Bachrach 1994: 63—67)³⁵. Поэтому численность вооруженных сил, находившихся под командованием Атиллы в Галлии к моменту начала Каталаунской битвы, примерно в 100 000 человек кажется вполне допустимой.

Известно, что в 454 г. в битве при Недао гунны и их союзники потеряли приблизительно 30 000 убитыми (Iord. *Get.* 262), но это не было, скорее всего, поголовным истреблением их сил, и к моменту начала сражения они насчитывали в своих рядах, наверное, в 1,5—2 раза больше воинов.

VI. Гунны как наемники

История наемничества среди гуннов вообще представляет особую страницу их военно-политической истории. Гуннские воины за плату очень охотно служили иноплеменникам, причем часто обеим враждующим сторонам одновременно. В частности, в 370-е гг. гуннский отряд был нанят восточнотетским вождем Витимиром против союзных гуннам же аланов (Amm. Marc. XXXI, 3, 3)³⁶. В 408 г. по призыву

³⁵ Чтобы яснее представить себе возможную численность собственно гуннских (в этническом смысле) войск, можно привлечь (помимо уже приведенной выше из церковной исторической традиции цифры в 10 000 воинов, бывших в распоряжении царя Упгара) косвенные свидетельства о количественном составе экспедиционных сил кутригуров — еще одного «гуннского» племени VI в. Сообщается, в частности, что они были в состоянии выставить на помощь гепидам против лангобардов 12 000 воинов (Proc. *Bell.* VIII, 18, 15). Когда же зимой 558/559 г. вождь кутригуров Заберган двинулся в поход на Византию, он имел с собой множество всадников (σὺν πλείστοις ὄσοις ἵπποτοις), из которых 7000 повел на Константинополь лично, а другую часть отправил против Херсонеса (Agath. V, 11, 6; 12, 5). Конечно же, эти примеры показывают мобилизационные возможности только одного из «гуннских» племен Северного Причерноморья, тогда как численность этнических гуннов в армии Атиллы, который осуществлял контроль над кочевыми и полукочевыми народами всей Юго-Восточной Европы, должна была быть гораздо большей. Но в любом случае цифра в 150 000—200 000 только гуннских воинов, которых, согласно некоторым современным оценкам (Humble 1989: 30—31), Атилла якобы мог собрать под свои знамена, — явно нереальна.

³⁶ ... rex Vithimiris ... restitit aliquantisper Halanis, Hunis aliis fretus, quos mercede sociaverat partibus suis. Можно привести еще два факта, когда готы призывали гуннов (вместе с аланами) в качестве военной подмоги, на этот раз против римлян: непосредственно до и после знаменитого сражения при Адрианополе, состоявшегося в 378 г., причем в обоих случаях германские военачальники соблазняли своих союзников надеждой на огромную добычу (Amm. Marc. XXXI, 8, 3; 16, 3). Что же касается самой адрианопольской битвы, то об участии в ней гуннов Аммиан Марцеллин, наш основной информатор об этом событии, ничего не говорит, зато он упоминает аланов в составе конницы Алафея и Сафрака (Ibid. XXXI, 12, 17), атака которой во многом предрешила победу готов. Тем не менее, присутствие гуннских всадников в данной акции кажется вполне возможным (Thompson 1948: 25; 1999: 29—30; Richardot 2001: 279, 284; MacDowall 2001: 32—33). Не следует забывать, что Алафей и Сафрак оказались преемниками Витимира, погибшего в боях с гуннами, и приняли, таким образом, командование над его войском, в составе которого находились гуннские наемники (Amm. Marc. XXXI, 3, 3). По всей видимости, основу кавалерии Алафея и Сафрака составляли аланы

Алариха, воевавшего в Италии, везеготский вождь Атаульф повел туда из Верхней Паннонии войско, состоявшее из готов и гуннов (Zosim. V, 37, 1), тогда как противостоявшие ему римляне также использовали гуннские контингенты (Zosim. V, 45, 6; ср.: V, 50, 1).

Но особую известность гуннские наемники получили именно на римской службе. Еще в 380 г. некоторые группы гуннов, аланов и готов получили право поселиться в Восточной Паннонии на правах римских союзников-федератов (Sinor 1990: 181). Призванные оттуда гуннские отряды в 384 г. сражались на стороне Рима против ютунгов в Реции. Разбив последних, они вместе с аланами подошли к границам Галлии явно с целью грабежа, но вовремя получили от римских властей вознаграждение и повернули назад (Ambros. *Ep.* 24, 8). В 388 и 394 гг. гунны оказали поддержку Феодосию I в борьбе против узурпаторов, претендовавших на римский трон, — соответственно, против Максима (Pacat. 32, 4) и против Евгения (Joan. Ant. *fr.* 187 [= Eupar. *fr.* 60, 1 B]).

В 406 г. утвердившийся в Нижнем Подунавье гуннский вождь Ульдин откликнулся на призыв западноримского главнокомандующего Стилихона и привел в Италию ему на подмогу воинский контингент (συνταχικόν: Zosim. V, 26, 4—5), который под личным командованием самого Ульдина принял активное участие в разгроме при Фьезоле армии готского вождя Радагайса (Chron. Gall. p. 652, 52; Oros. VII, 37, 12—13; Marcell. s. a. 406, 3; Iord. *Rom.* 321; Paul. Diac. *HR* XII, 12; Lapd. *Sag.* XIII, 193). Известно, что гунны служили и в гвардии самого Стилихона — до тех пор, пока все они не были вероломно уничтожены другим военачальником Стилихона, готом Саром (Zosim. V, 34, 1). Уже после низложения и казни Стилихона (408 г.) еще один элитный гуннский корпус, насчитывавший 300 воинов, был расквартирован в Равенне, и император Гонорий передал его своему министру Олимпию специально для ведения кампании против войск Атаульфа, вторгшегося в Италию на подмогу Алариху. В 409 г. этот контингент провел успешную атаку на готов близ Пизы, убив в результате 1100 врагов и потеряв только 17 человек; затем, опасаясь быть окруженными превосходящими силами противника, гунны сумели благополучно уйти назад в Равенну (Zosim. V, 45, 6). Можно предположить, что служившие Стилихону и Олимпию гунны остались в Италии не без ведома самого Ульдина.

В 409 г. Гонорий призвал 10 000 гуннских воинов в качестве союзников (εἰς συνταχίαν) для участия в войне против везеготского вождя Алариха, а для их содержания он распорядился доставить в Италию из Далмации зерно и скот (Zosim. V, 50, 1). Впрочем, остается не до конца ясным, прибыла ли столь внушительная вооруженная сила на Апеннины вообще: если да, то как объяснить тот факт, что уже в сле-

и гунны, тогда как ее готская часть была представлена лишь небольшим числом воинов знатного происхождения (Burns 1984: 189).

дующем году везеготы захватили Рим? Или, быть может, число нанятых гуннов, приведенное Зосимом (= Олимпиодором), слишком завышено?

Руга заключил в 433 г. договор о дружбе и военной помощи со столь влиятельнейшим политиком равеннского двора, как Аэций³⁷, который тогда особенно нуждался в военной поддержке (*Prosp. Chron.* 1310; *Chron. Gall.* p. 658, 112; 659, 587; *Paul. Diac. HR XIII*, 11). Примечательно, что еще в 425 г. Аэций по приказу узурпатора Иоанна набрал у того же Руги (см.: *Croke* 1977: 354) наемников (μισθωτοί), предназначенных для борьбы с войсками, посланными в Италию главой Восточной империи Феодосием II (*Philostorg. XII*, 14; *Greg. Tur. HF II*, 8; *Socr. Schol. VII*, 23, 8, ср.: 43, 1; *Prosp. Chron.* 1288; *Cassiod. Chron.* 1211; *Paul. Diac. HR XIII*, 9). В результате договора 433 г. на службу к Аэцию поступили гуннские отряды, которые он ввел в состав своей армии, действовавшей в Галлии. В рядах римских войск гунны сражались как союзники, нанятые за плату, по всей очевидности, в качестве *comitatenses* — солдат полевой армии (см.: *Elton* 1997: 89—97). Вероятно, именно так следует понимать статус гуннских воинов, участвовавших в военных кампаниях на стороне римлян, который в греческих источниках скрывается за терминами *συνμαχικόν* (*Zosim. V*, 26, 4), *συνμαχία* (*Zosim. V*, 50, 1; *Synes. Ep.* 78; *Socr. Schol. VII*, 23, 8), *βοήθεια* (*Socr. Schol. VII*, 43, 1), *ὀμαχμία* (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B), *ἔνσπονδοί* (*Proc. Bell.* VIII, 5, 16) и *μισθωτοί* (*Philostorg. XII*, 14); а у латиноязычных авторов — *auxilium* (*Oros. VII*, 37, 12; *Prosp. Chron.* 1310; *Chron. Gall.* p. 658, 112; 659, 587), *auxiliantes* (*Prosp. Chron.* 1326; *Isid. HG* 24; *Paul. Diac. HR XIII*, 12; 13), *auxiliares* (*Chron. Gall.* p. 652, 52; *Prosp. Chron.* 1335; *Cassiod. Chron.* 1232; *Iord. Get.* 176; *Idem. Rom.* 358), *auxiliari* (*Iord. Get.* 177), *auxiliaris manus* (*Hyd. Chron.* 116), *auxiliatores*, *socii* и *foedus* (*Paulin. Petric. VM VI*, 219—221).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что активные союзнические отношения правители гуннов поддерживали только с Западной империей, военачальники которой возлагали на гуннские кон-

³⁷ О нем см.: *PLRE II*: 21—29 [Aetius 7]. В годы своей молодости Аэций был заложником у гуннов (*Greg. Tur. HF II*, 8) и в дальнейшем продолжал сохранять с ними дружеские отношения — по крайней мере до конца 430-х гг. Он неоднократно набирал из их среды солдат, которые занимали особое место в его войсках. Существует мнение, что служившие Аэцию гунны представляли собой нечто вроде его личной гвардии — *bucellarii* (*Liebeschuetz* 1993: 270—272). Впрочем, в качестве таковых могла пребывать только небольшая их часть — отряды *букеллариев* в конце IV—V в. не были особенно многочисленными и насчитывали самое большее 200—300 человек (см.: *Elton* 1997: 102). Очевидно, в этом же статусе находились и те гунны, которые в первом десятилетии V в. составляли уже упомянутые выше сравнительно немногочисленные элитные дружины *Стилихона* и *Олимпия* (*Zosim. V*, 34, 1; 45, 6). В VI в. в войсках Византии численность *букеллариев*, набравшихся как внутри империи, так и за ее пределами, значительно выросла, и в распоряжении отдельных крупных военачальников могли находиться уже тысячи таких воинов (*Greatrex* 1998: 37—38).

тингенты особенно большие надежды³⁸. Те с чисто военной точки зрения по большей части эти надежды оправдывали: именно при помощи гуннских наемников полководец Аэция Литорий одержал победы над багаудами и везеготами в Галлии в 435—438 гг. С Византией же гуннские государи, как правило, заключали только мирные соглашения, не содержавшие какие-либо пункты о военном сотрудничестве (см.: Zosim. V, 22, 3; Prisc. *fr.* 2; 5; 6; 8; 13; 14 D = 6, 1; 9, 3; 10; 11, 2; 15, 3; 4 B). Объясняет этот факт, очевидно, не столько какая-то особая враждебность гуннов по отношению к Восточной империи, сколько боязнь властей самой Византии, придунайские области которой были постоянным объектом набегов этих грозных варваров, принимать их на своей территории в качестве федератов или хотя бы наемников³⁹. Причиной этого были такие характерные особенности поведения гуннов, как непостоянство и склонность к нарушению уже заключенных договоренностей, а также свирепая и неумная страсть к грабежу⁴⁰. Подобные опасения были справедливыми, ибо, по свидетельствам современников (Sidon. *Carm.* VII, 248—250; Paulin. Petric. *VM* VI, 218—223; ср.: Ibid. VI, 93—94; Salv. *GD* IV, 67; 68), гуннские наемники вели себя в Галлии, входившей в состав союзной им Западной империи, как в завоеванной стране, творя там всевозможные бесчинства (см. также: Maenchen-Helfen 1973: 257—258).

Впрочем, восточные римляне не желали использовать гуннов в качестве союзников только в северных, балканских провинциях своей империи, где те, учитывая близость кочевий и становищ их соплеменников, могли бы стать дополнительным фактором дестабилизации, в особенности после образования мощной державы Аттилы с центром в Подунавье. Другое дело отдаленные, заморские владения правителей Византии. И в этой связи чрезвычайно важно отметить, что небольшая по численности элитная кавалерийская часть, *στρατιώται Οὐννιάρδαί*, в самом начале второй декады V в. располагалась в Ливии Пентаполис. Судя по названию⁴¹, ее бойцами были гунны. Согласно Синезию Киренскому, единственному автору, который писал об *Οὐννιάρδαί*, причем как очевидец (Synes. *Ep.* 78; *Catast.* I, 2; *Catast.* II, 2), они находились на службе военного наместника Ливии в качестве «римского войска» (*Ῥωμαϊκαὶ χεῖρες*), т. е. на регулярной основе, в рамках союзного

³⁸ Так, Сальвиан, говоря о военном противостоянии римлян и везеготов в Галлии, сокрушается, что первые полагались на гуннских наемников (Salv. *GD* VII. 39: nos [sc. Romani] in Chunis spem ponere).

³⁹ Из слов Синезия (Synes. *DR* 21) можно заключить, что часть гуннских воинов (которые фигурируют у него как *ἰπποτοξόται ξένοι* — 'иноземные конные лучники') настойчиво предлагали восточным римлянам свои услуги.

⁴⁰ См., например, соответствующие характеристики у Аммиана Марцеллина и Сидония (Amm. Marc. XXXI, 2, 11; Sidon. *Carm.* VII, 248—250).

⁴¹ Согласно данным византийских лексиконов, его следует рассматривать в качестве этнического определителя: Suid. s. v. *Οὐννιάρδαί*: ὄνομα ἔθνους; Zonar. *Lex.* s. v. *Οὐννιάρδαί*. ἔθνικόν. (см. также: Moravcsik 1958: Bd. II, 236).

договора (κατὰ συμμαχίαν). Сообщается также, что эти воины получали пополнение конского состава (ἵπλων διαδοχή), воинское снаряжение (ὄπλων παρασκευή) и плату (δαπάνη) непосредственно от самого императора (τῶν βασιλικῶν δωρεῶν). Они подчинялись непосредственно военному наместнику Анисию, который лично возглавлял их во время боевых операций против нападавших на Киренаику соседних племен и был для них одновременно и бойцом (λοχίτης), и командиром отряда (λοχαγός), и сослуживцем (συστρατιώτης), и главнокомандующим (στρατηγός). Οὐννίγαρδοι, сражавшиеся в соответствии с присущими им особенностями (подобно остальным гуннским воинам, они были конными лучниками), побеждали очень небольшим отрядом (всего 40 человек!) гораздо более многочисленных врагов (см.: Roques 1987: 68, 77, 165, 236, 237, 240, 244, 245, 247—250, 256, 262, 264, 270, 282, 289—292; Maenchen-Helfen 1973: 255; Elton 1997: 92—95, 107).

Необходимо подчеркнуть, что корпус Οὐννίγαρδοι не только был лучшим среди всех войск провинции, но и занимал самостоятельное место в их структуре, не смешиваясь с другими частями в одном боевом строю (Synes. *Catast.* II, 2). Интересно, что примерно через 120 лет «гунны» (= «массагеты») ⁴², которые служили в армии Велизария, воевавшей с вандалами в той же Африке, строились в боевой порядок отдельно от остальных византийских войск, как они это делали и «прежде» (πρότερον) (Proc. *Bell.* IV, 3, 7), что, очевидно, было необходимо с точки зрения исполнения ими на поле сражения своих собственных, сугубо специфических тактических приемов (Darkó 1935: 468).

Не исключено, что упомянутые Синезием гунны оказались в Ливии в результате неудачной кампании Ульдина во Фракии в 409 г., когда часть его собственно гуннского воинства перешла на сторону Византии (Sozom. IX, 5, 4). Кого-то из них могли затем принять на военную службу с условием ее прохождения в столь отдаленном от Балкан

⁴² После крушения державы гуннов, при ближайших преемниках Атилы, в позднеантичной и византийской литературной традиции этноним «гунны» как обозначение конкретного народа (или, точнее, племенного объединения) превратился в политоним, охватывающий самые различные племена центральноазиатского (главным образом тюркского) происхождения, которые, начиная со второй половины V в., вторгались в степи Северного Причерноморья и Предкавказья и оседали там (см.: Kazhdan et al. 1991: 957—958, s. v. *Нunns*). В интересующий нас период это были огурские племена, включая кутригуров и утигуров, иногда выступающие в источниках под наименованием «булгары», а также савиры (см.: Артамонов 2001: 89—144; Golden 1990: 257—260; Кляшторный, Савинов 1994: 62—65). Всех их древние авторы, прежде всего наши главные информаторы Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский, часто обобщенно называли гуннами и даже массагетами — очень архаичным этнонимом, ставшим в эпоху Великого переселения народов собирательным наименованием кочевых племен (см.: Буданова 2000: 285—286, s. v.). При этом следует иметь в виду, что оба этих этнических термина покрывали и остатки прежнего, собственно гуннского населения Юго-Восточной Европы.

месте⁴³. При этом следует учесть, что все произведения Синезия, в которых он говорит об Οὐννίγαρδαί, были написаны в течение всего лишь нескольких месяцев — с февраля/марта по июнь 411 г. (Roques 1987: 247—250)⁴⁴, т. е. вскоре после поражения Ульдина. Дальнейшая судьба этого более чем ограниченного гуннского подразделения неизвестна. Можно только утверждать, что он не был единственным в своем роде, поскольку имеются данные о том, что в 420-х гг. другой гуннский вспомогательный контингент был послан в римскую Африку по просьбе местной администрации (Ps.-August. *Ep.* 4; см.: Elton 1997: 93, 94).

Ситуация с привлечением гуннов на римскую службу стала другой в 439 г., когда везеготы наголову разгромили гуннское войско Литория у Тулузы, после чего правившие тогда гуннами Бледа и Аттила, судя по всему, отказались от практики посылки своих воинов к западным римлянам. Более того, как это можно предположить из сообщения Приска (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B; см.: Täckholm 1969: 270), Аттила, став единоличным повелителем гуннской державы и, очевидно, держа в уме планы широкого наступления на обе империи, вообще запретил кому-либо из своих соплеменников (которых он называл не иначе как «своими собственными слугами» — σφέτεροι θεράποντες) воевать против него, а требование к римлянам о выдаче гуннам перебежчиков вообще стало одним из его основных условий при заключении мирных договоров. По всей видимости, Аттила (как, видимо, и другие правители гуннов до него) старался по возможности контролировать процесс вербовки наемников из гуннской среды.

Это положение изменилось только после битвы при реке Недао в 454 г., в которой прежние союзники умершего в предыдущем году Аттилы, возглавляемые королем гепидов Ардарихом, победили войско сыновей грозного гунна. Характерно, что теперь, после окончательного развала империи, созданной Аттилой, инициативу в найме гуннских воинов перехватили константинопольские власти⁴⁵, которые перешли

⁴³ Отметим, что захваченные в плен в этой же кампании скиры, воевавшие на стороне Ульдина и, не в пример его соплеменникам, до конца оставшиеся ему верными, были поселены в Вифинии как раз с обязательным условием находиться подальше и от самого Константинополя, и от европейской территории империи вообще (Sozom. IX, 5, 5—7; СTh V, 6, 3).

⁴⁴ Кстати, интересно проследить, как менялось отношение Синезия к гуннам: в 411 г. он прославлял Οὐννίγαρδαί как защитников его отечества, хотя раньше, в 399 г., в своей знаменитой речи «О царстве», произнесенной в Константинополе перед императором Аркадием, он показал сугубо отрицательное отношение к варварам, в том числе и к гуннам (называемым им «массагетами», а также «иноземными конными лучниками» — см. примеч. 39), угрожавшим Византии из-за Дуная (Synes. *DR* 15; 21. О гуннах в этом произведении Синезия см.: Lacombrade 1951: 54, n. 91; 55, n. 92; 67, n. 139; Traina 1993: 285—286).

⁴⁵ Некоторые (правда косвенные) данные говорят о том, что гуннские контингенты находились в армии западоримского императора Майориана (457—461) (см.: Thompson 1948: 158—159; 1999: 174—175; Maenchen-Helfen 1973: 161—162, 405; Alexander 1973: 484).

к политике защиты своей границы по Дунаю от набегов разрозненных гуннских орд с помощью их же соплеменников, но воюющих уже на стороне Византии. Так, некоторым из гуннов было разрешено поселиться близ города Лагеръ Марса (*Castramartena urbs*, совр. Кула в Болгарии); то же самое было сделано и в отношении других гуннов, сумевших силой прорваться на территорию Восточной империи (*lord. Get.* 265—266), причем к этим последним Иордан возводит происхождение сакромонтизов и фоссатизиев (*Sacromontisi et Fossatisii*), служивших в его время в армии императора Юстиниана (Кулаковский 1996: 274; 2000: 117—118; Sinor 1982: 487—488). По-видимому, все переселившиеся в пределы Византии гунны взамен обязательства охранять приграничные укрепления получили земли под необходимые им пастбища.

В период после Аттилы в восточноримской армии начинают появляться офицеры гуннского происхождения. Известно, что во второй половине 460-х гг. под началом влиятельнейшего византийского полководца Аспара (*PLRE II*: 164—169) в должности помощника командира легиона (*ὑποστράτηγος τῶν διελόντων τὰ Ἄσπαρας τάγματα*) состоял гунн по имени Хелхал (*Prisc. fr.* 39 D = 49 B; *PLRE II*: 283—284).

VII. Стратегия и тактика

Войны и набеги являлись для всех без исключения древних кочевых племен Евразии одним из важнейших способов добывания средств к существованию. Кочевое скотоводство — главная отрасль их экономики — не могло полностью обеспечить их повседневные потребности. По меткому, ставшему уже классическим, определению О. Латтимора, «чистый кочевник — это бедный кочевник» (*Lattimore* 1962: 257). Пользуясь своим превосходством в военном искусстве над оседло-земледельческими народами, номады вторгались на их территорию и силой захватывали материальные ценности и пленников. Право на присвоение результатов чужого труда сами степняки обосновывали их специфическим образом жизни и военной мощью. В сирийской хронике Захария Ритора сохранилось интересное свидетельство о нападении на Иран в 513 г. кочевников-«гуннов» (скорее всего савиров, см.: Артамонов 2001: 98). В ответ на вопрос о причине своего вторжения они потребовали от персов увеличения той дани, которую получали от них прежде, заявив при этом следующее: «Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей» (*Пигулевская* 1941: 149—150), т. е. недвусмысленно дали понять, что это требование, с их точки зрения, абсолютно логичное, базирующееся на их воинственности. В китайских источниках о кочевниках-хунну прямо говорится: «Там, где видят для себя выгоду, не знают ни правил приличия, ни правил поведения» (*Таскин* 1968: 34; см. также: Бичурин 1950: 40).

Естественно, что для европейских гуннов организация набегов на соседей с целью их ограбления⁴⁶ являлась одним из двух главных стимулов для разработки концепции военной стратегии. В качестве второго стимула следует назвать постоянную необходимость в захвате чужой территории под пастбища и становища, особенно на раннем этапе истории гуннов, когда они постоянно и всей своей массой перемещались по степным просторам Евразии. Если они шли на врага, то в это движение были вовлечены как сами воины-всадники, так и кибитки с их женами и детьми, а также следовавшие за ними табуны лошадей и стада скота. После прихода в Восточную Европу и закрепления на определенной территории⁴⁷ гунны переходили к практике рейдов в соседние, а зачастую и в отдаленные земли за добычей. Организация таких набегов была существенно затруднена весной, когда кони кочевников были сильно ослаблены скудными зимовочными рационами и требовалось время, чтобы откормить их весенними травами. Не случайно автор «Стратегикона» рекомендует нападать на кочевников-«скифов»/«гуннов» в феврале или марте, когда их «кони из-за зимы переносят страдания» (οἱ ἵπποι ἐκ τῆς χειμῶνος κακοπαθείας ταλαίπωροισι: Maugis. VII, 1, 12 M = VII A Pr. 35—36 D [= Leop. *Problema*. VII, 9]). Да и сами воины для улучшения своего физического состояния после не самого сытного зимнего периода также нуждались в более обильном питании, для чего необходимо было дождаться окота овец и другого скота и весенней рыбной путины. Наконец, выступить в поход мешали и весенние паводки (Плетнева 1982: 39). Объективно лучшими сезонами для набегов являлись лето и осень. Впрочем, такая «сезонная» модель была, очевидно, больше характерна для бескрайних степных просторов Центральной Азии и — в значительной мере — для северопонтийского региона, тогда как ситуация в областях с более

⁴⁶ По свидетельству Приска Панийского (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B; см. также: Blockley 1983: 385—386, п. 59), у гуннов в «имперский» период их истории (по-видимому, так же, как это практиковалось и в предшествующее время) лучшая часть военной добычи отходила в порядке старшинства верховному правителю в лице Атиллы и его ближайшим сподвижникам (λοῦάδες). Однако то, что оставалось основной массе гуннских воинов, было не столь уж и малым. Здесь достаточно вспомнить бывшего пленника-грека, который поначалу оказался, по сути, в рабском услужении у Онегисия, но затем получил свободу и даже стал дружинником этого высокопоставленного гунна благодаря выкупу (и, судя по всему, немалому), заплаченному из принадлежавшей ему части захваченного в различных войнах имущества (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B; см. также разд. IV). У хунну, согласно данным древнекитайской письменной традиции, существовали следующие правила в отношении распределения военной добычи: «Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают захваченную добычу, а взятых в плен делают [его] рабами и рабынями. Поэтому каждый, естественно, воюет ради выгоды» (Таскин 1968: 41; см. также: Бичурин 1950: 50).

⁴⁷ О местах кочевания одного из гуннских племен, обосновавшихся в Северном Причерноморье, альтиагиров, говорит Иордан: они обитали около Херсоны (Херсонеса Таврического) и лето проводили на становищах в степях, а на зиму переходили к Понтийскому (Черному) морю (*Iord. Get.* 37).

ограниченными пастбищными ресурсами, таких как Великая Венгерская равнина (т. е. территория, ставшая при Аттиле ядром гуннской державы), была иной. Известно, что поселившиеся там позднее гуннов венгерские (мадьярские) кочевые племена предпринимали свои военные походы уже в конце зимы или ранней весной, в том числе и с целью пополнения запасов фуража (Sinor 1972: 181—183).

Для вторжения в пределы Восточной империи удобным временем года являлась зима, когда Дунай покрывался льдом, достаточно крепким, чтобы выдерживать переправлявшееся через него войско, и, таким образом, переставал быть надежной естественной защитой византийских земель от набегов с севера (см.: Скржинская 1997: 350—351, примеч. 701). Тогда гунны переходили по льду не только на лошадях, но и «на колесах» (*rotis*), т. е. в кибитках (Claud. V, 26—28; Sidon. *Carm.* II, 269—270; Philostorg. XI, 2)⁴⁸.

Весьма существенным представляется вопрос, насколько изменился и изменился ли вообще образ жизни гуннов за время их пребывания в Европе. По-видимому, даже после крупных завоеваний в Северном Причерноморье и Подунавье подавляющее большинство гуннов, прежде всего те из них, которые населяли припонтские степи, продолжали оставаться кочевниками. Правда, имеются сведения, что та группа гуннского населения, которая не позднее второй четверти V в. обосновалась на Великой Венгерской равнине, жила уже не в кибитках и шатрах, а в деревнях с деревянными постройками (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B; Iord. *Get.* 178—179; см. также: Thompson 1947a; Скржинская 1997: 309, примеч. 510; Maenchen-Helfen 1973: 179—180; Blockley 1983: 385, п. 54; 386, п. 64). Но в какой степени они поменяли свой хозяйственный уклад? Дошедшие до нас источники по этому поводу хранят молчание. Впрочем, в связи с данной проблемой большой интерес представляет один из сохранившихся фрагментов труда Приска Панийского (Prisc. *fr.* 39 D = 49 B), речь в котором идет о войне восточных римлян против готов и союзных им гуннов во второй половине 460-х гг., т. е. уже после фактического развала империи, созданной Аттилой. В этом рассказе византийский офицер по имени Хелхал (кстати, гунн по происхождению) во время переговоров с готами, желая натравить тех на их же союзников-гуннов, сказал, что император Лев I хотел бы дать им землю, но сделает это не ради них, готов, а ради находящихся среди них гуннов, которые, презрительно относясь к земледелию, подобно волкам нападают на самих готов и отбирают у них продовольственные запасы (τούτους [Οὔννους] γὰρ ὀλιγώρως γεηπονίας ἔχοντας δίκην λύκων τὰς αὐτῶν [Γότθων] ἐπιόντας διαρπάζεσθαι τροφάς). Это заявление довольно ясно показывает, что европейские гунны, по крайней мере их большинство, и на закате своей истории не изменили

⁴⁸ См. также: Agath. V, 11, 6, где речь идет о вторжении зимой 559 г. через замерзший Дунай конного войска «гуннского» племени кутригуров во главе с вождем Заберганом.

прежнему образу жизни, основанному, в том числе, и на ограблении оседло-земледельческих народов.

Но вернемся к гуннской стратегии. Исключительно важная роль в ней отводилась фактору внезапности нападения. Гунны обрушивались на врагов «подобно какому-то смерчу народов» (*Iord. Get.* 126: [Hunni] *quasi quaedam turbo gentium*). Благодаря скорости своих коней, они совершали разбойничьи налеты стремительно, обгоняя даже слух о своем приближении (*Hier. Ep.* 77, 8; *Amm. Marc.* XXXI, 2, 8; ср.: XXXI, 2, 21), а их свирепость и безжалостность неоднократно подчеркивались современниками⁴⁹. Не гнушались гунны и вероломства, нападая, например, на ничего не подозревающих римлян во время ярмарки, как это имело место в правление Аттілы где-то на Дунае (*Prisc. fr.* 2 D = 6, 1 B).

Гуннские набеги, как правило, не были хаотичными, а четко планировались на основе получения разведывательной информации. Как показывает один из эпизодов войны между гуннами и готами-тервингами в 370-х гг. (*Amm. Marc.* XXXI, 3, 6), первые были способны оперативно собрать и правильно оценить сведения о местах расположения отрядов противника с тем, чтобы обойти выставленные им впереди дозоры и неожиданно напасть на его главные силы (*Vachrach* 1992: 210).

После того как часть гуннов закрепилась на территории римской провинции Паннония, расположившаяся там группировка гуннских войск получила возможность значительно улучшить свои стратегические возможности. Теперь она могла использовать, как это позднее делали авары (*Whitby* 1988: 84), построенные там римлянами дороги, которые обеспечивали очень быстрое продвижение конных отрядов при проведении набегов и прочих военных акций.

В целом гуннская военная стратегия не должна была серьезно отличаться от своего прототипа — хуннской. Важнейшими чертами последней были «внезапность нападений, опустошение вражеской территории, глубокое проникновение в тыл войск противника. Хунны стремились внезапно начать военные действия, захватить максимальную добычу и уйти по возможности без потерь» (*Худяков* 1986: 52). Отдельные особенности стратегической концепция европейских гуннов находят свое соответствие и в военной практике средневековых монголов — выходцев из той же самой кочевой среды степной Центральной Азии. Известно, что монгольская армия вступала в неприятельские земли сразу на нескольких направлениях, проникая в них на максимальную глубину и действуя т. н. «облачным способом», т. е. обходя опорные оборонительные пункты. Предварительно и в ходе самого вторжения через тайных агентов, находившихся на содержании

⁴⁹ *Amm. Marc.* XXXI, 2, 12; *Ps.-Aur. Vict.* XLVII, 3: *omni pernicie atrociores* [sc. *Huni et Alani*]; *Auson.* XXVI, 26, 8: *Chunique truces*; *Claud.* XXI, 110: *vaga Chunorum feritas*; *Hier. Adv. Jovin.* II, 7: *et Hunnorum nova feritas*; ср.: *Sidon. Carm.* VII, 248—250: *qui proxima quaeque discursu, flammis, ferro, feritate, rapinis debebant* (речь идет о гуннских всадниках в армии Литория. — *В. Н.*).

монгольского командования, обязательно собиралась разведывательная информация (Худяков 1991: 158).

Впрочем, при Аттиле, армия которого включала в себя значительные контингенты пехоты, в основном восточногерманской, и потому в немалой степени потеряла свою тактическую быстроту и гибкость (см. ниже), стратегическая оперативность гуннов начала давать сбои. В частности, в 452 г., когда Аттила вторгся в Италию, он позволил себе надолго завязнуть в осаде Аквилеи (Iord. *Get.* 219—221; Proc. *Bell.* III, 4, 29—35 [= Prisc. *fr.* 22, 1—2 В]), что наверняка сильно повлияло на результаты кампании в целом⁵⁰. В былые годы гуннское войско просто обошло бы столь неуступчивую твердыню и довольствовалось бы разорением и ограблением более доступных мест.

Гунны, несомненно, были мастерами психологической подготовки войны. Особенно в этом деле преуспел Аттила, по праву заслуживший репутацию правителя, «искусного в психологической войне» (Täckholm 1969: 265). Желая, к примеру, добиться от византийцев выполнения своих условий, он мог устроить внушительную демонстрацию силы, перейдя с войском на их территорию якобы с целью поохотиться (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 В). Он же большое внимание уделял и дипломатической подготовке намеченных кампаний. Так, намереваясь начать большую войну против западных римлян и желая разрушить их вероятный союз с везеготами, Аттила направил посольства к обеим сторонам с целью поссорить их друг с другом (Iord. *Get.* 185—186).

Во время походов, как и в своей повседневной жизни, гунны были очень неприхотливы в еде, питаясь кореньями полевых трав и полусырым мясом, чуть подвяленным самым незатейливым образом — они клали его под свои ноги на спины коней (Amm. Marc. XXXI, 2, 3). По крайней мере, те из них, кто находились на римской службе, могли перевозить с собой в качестве дорожной провизии и другие продукты⁵¹, например пшеницу. Известно, что римский полководец Литорий в ходе кампании против везеготов в Галлии в 436 г. приказал каждому из своих солдат, которые в большинстве были гуннскими наемниками, взять с собой по два модия обмолоченной пшеницы (*bini tritici modii*) для того, чтобы после освобождения от врага города Нарбонны накормить его голодающих жителей (Prosp. *Chron.* 1324). Указанный объем

⁵⁰ Что-то похожее, кстати, произошло с полководцами Аттилы в начале 440-х гг., когда они настойчиво пытались овладеть римской крепостью Асем, располагавшейся в Нижней Мезии, у одноименной реки (совр. Осым в Болгарии), но в результате были вынуждены уйти. Более того, отступающие гунны были неожиданно атакованы защитниками крепости, понесли серьезные потери в личном составе и вдобавок лишились награбленной до этого добычи (Prisc. *fr.* 5 D = 9, 3 В; см. также: Thompson 1948: 85; 1999: 93).

⁵¹ В «Стратегиконе» Маврикия в числе других необходимых предметов кавалерийского снаряжения упоминается прикрепленный к седлу мешок, достаточно большой, чтобы при необходимости хранить в нем припасы на три или четыре дня (*σελλοπούγγιν, ἐν ᾧ καιροῦ καλοῦντος δυνατὸν ἐστὶ κἂν τριῶν ἡμερῶν ἢ τεσσάρων τοῦ στρατιώτου δαπάνην χωρῆσαι*: Mauric. I, 2, 7 M = I, 2, 42—44 D [= Leon. *Tact.* VI, 10]).

этого продукта — чуть больше 17,5 л — очевидно, значительно превышал потребность самих воинов на время данной боевой операции.

В голодное время дело могло дойти даже до того, что гунны убивали некоторых из своих коней и насыщались их плотью и кровью (см. разд. V).

Тактика боя. Как уже отмечалось выше, благодаря хорошо налаженной службе разведки гунны могли неожиданно обрушиваться на основные силы врага (Amm. Marc. XXXI, 3, 5—6). Они предпочитали атаковать первыми, считая, что «всегда отважнее те, кто начинают битву» (*audaciosiores sunt semper, qui inferunt bellum: Iord. Get. 204*), и делали это стремительно, без задержки, желая добыть себе в сражении быструю победу (*Ibid. 205: cita victoria quaerere, unde se continet bellum*). При этом гунны никогда не шли вперед без тщательно разработанного плана боевых действий. Иордан специально подчеркивает, что Аттила «был более чем превосходителен в замыслах ратных дел» (*consiliorum in rebus bellicis exquisitor*), продумывая даже час начала битвы, чтобы иметь возможность спасения в случае неудачи (*Ibid. 196*). Оставлял он себе и такой путь отступления, как уход при неблагоприятном течении боя в свой укрепленный телегами и повозками лагерь (*Ibid. 210*), что, впрочем, гунны обычно и делали в моменты серьезной опасности (см. разд. IX).

Аммиан Марцеллин, современник вторжения гуннов в степи Юго-Восточной Европы, приводит детальное описание их действий на поле боя (Amm. Marc. XXXI, 2, 8—9): «И [гунны] сражаются, будучи подчас раздраженными, но вступая в битвы клином [под аккомпанемент] разнообразных, страшно звучащих криков. И так же, как при [их] проворстве они стремительны и неожиданны [в своем появлении], так и, внезапно [и] намеренно рассеявшись, они рассредоточиваются и не соблюдают боевой строй. С ненасытной жадностью убийства несутся они в разные стороны, и из-за [их] чрезмерной быстроты не приходится видеть их атакующими укрепления или грабящими вражеский лагерь. И ты охотно назовешь их самыми неукротимыми воинами из всех [других] потому, что издали они [бьются] метательными снарядами с заостренными костями в качестве наконечника стрел, которые с удивительным искусством соединены [с древками] и разнообразно сделаны... а [сойдясь] вплотную, сражаются мечом без оглядки и, уклоняясь от вреда [неприятельских] острий, опутывают врагов брошенными с размаха арканами, чтобы, обвязав члены сопротивляющихся, лишить их возможности усидеть верхом или уйти пешком» (*et [Huni] pugnant nunquam lacessitis, sed ineuntes proelia cuneatim variis vocibus sonantibus torvum. utque ad pernicitatem sunt leves et repentini, ita subito de industria dispersi rarescunt et inconposita acie. cum caede vasta discurrunt, nec invadentes vallum nec castra inimica pilantes prae nimia rapiditate cernuntur. eoque omnium acerrimos facile dixeris bellatores, quod procul missilibus telis acutis ossibus pro spiculorum acumine arte mira coagmentatis et distinctis... comminus ferro sine sui respectu*

confligunt hostesque, dum mucronum noxias observant, contortis laciniis illigant, ut laqueatis resistentium membris equitandi vel gradiendi adimant facultatem).

Из этого сообщения можно выделить две основные фазы тактики гуннов, характерные, по крайней мере, для раннего этапа их завоеваний:

1) начальная атака глубокой рассыпной лавиной (*cuneatim* — см. разд. V)⁵² под аккомпанемент страшного боевого клича и с ведением интенсивного обстрела противника из луков;

2) рукопашный бой, когда гунны, быстро перемещаясь по всему полю сражения, рубились мечами, а при удобном случае накидывали на своих противников лассо.

Другие древние авторы говорят о таком весьма важном тактическом маневре гуннов, как притворное бегство с последующим внезапным возвращением в бой (Claud. III, 331; Zosim. IV, 20, 4; ср.: Hier. Ep. 77, 8; Agath. I, 22, 1). Эта военная хитрость⁵³, весьма характерная для евразийских кочевников, в исполнении гуннов была чрезвычайно эффективной. Во время притворного отступления они метко стреляли с поворотом назад, т. е. использовали прием, известный под названием «парфянская стрела»⁵⁴, и не ожидавшие этого враги, уверенные в ско-

⁵² См. также: Claud. III, 330—331: *nullo ordine*; ср.: Mauric. XI, 2, 15 M = XI, 2, 54—55 D: *ταῖς κατὰ κοῦνας τάξεσι τούτοστι ταῖς διεσπάρμεναις*.

⁵³ Об особенностях тактики «притворного отступления» см., например: Bachrach 1985: 735—736; о ее месте в теории военных хитростей античной эпохи см.: Wheeler 1988: 44—45, 77—78, 85—87.

⁵⁴ См.: Rostovtzeff 1943 = Ростовцев 1993; Sulimirski 1952: 455—459; Warry 1995: 155, 156. Правда, это не означает, что именно парфяне изобрели «парфянскую стрелу»: самое раннее изображение этого приема присутствует на рельефе из дворца ассирийского царя Ашшурназирпала II (883—859 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруде) со сценой погони ассирийской боевой колесницы за двумя всадниками, один из которых стреляет в преследователей из лука на полном скаку, обернувшись назад (Budge 1914: pl. XXIV/2; Sulimirski 1952: 455—456, pl. III/3). Скорее всего, эти конники представляют собой кочевников иранского происхождения, проникших в Переднюю Азию в первой половине IX в. до н. э. откуда-то из степей Юго-Восточной Европы (Грантовский 1970: 370—372; Ковалевская 1977: 82—84). Отметим, что в античной письменной традиции особо выделяется использование этого тактического метода кочевыми ираноязычными племенами скифов и саков (Plut. *Crass.* 24, 5; Clem. Alex. *Strom.* IV, 8, 62), но при этом подчеркивается, что в мастерстве его применения как раз парфяне считались вторыми после скифов (Plut. *Crass.* 24, 5). Впрочем, это неудивительно, ибо в число последних входили и родоначальники Парфянского государства — *апарны-дахи* (см. примеч. 24). О «парфянской стреле» в исполнении самих парфян см. также: Iust. XLI, 2, 7 ([Parthi] *saepe etiam fugam simulant, ut incautiores adversum vulnera insequentes habeant*); Hor. *Carm.* II, 13, 17—18; Verg. *Georg.* III, 31; Propert. IV, 3, 66—67; Stat. *Theb.* VI, 596; Hdn. III, 4, 8; ср.: Catull. II, 6. Из других древних народов, которые вели стрельбу с поворотом назад во время отступления, письменные источники упоминают персов ахеменидского (Xen. *Anab.* III, 3, 10) и сасанидского (Amm. Marc. XXV, 1, 18) времени, а также «гуннов»-кутригуров, живших в степях Северного Причерноморья в VI в. (Agath. V, 19, 12). В реальности этот список был, конечно же, гораздо шире, прежде всего за счет племен евразийских номадов, традиционно практиковавших конную стрельбу из лука с

рой победе и поэтому ослабившие свое внимание, несли очень значительные потери⁵⁵. В качестве еще одного излюбленного тактического действия гуннов наши источники называют окружение вражеского боевого порядка (Zosim. IV, 20, 4; Chron. Gall. p. 652, 52; ср.: Agath. V, 19, 8)⁵⁶.

Таким образом, перед нами классическая тактика «рассыпного строя» кочевников Евразии, которая «заклучалась в охвате построения противника по фронту и с флангов и интенсивном обстреле из луков с дистанции прицельной стрельбы. При попытке неприятеля перейти в наступление строй легковооруженных конных воинов без труда „рассыпался“ в разные стороны с тем, чтобы уйти из-под удара и вновь окружить противника, отступив на некоторое расстояние. Стремительная кавалерия евразийских номадов оставалась практически неуязвимой для менее мобильной и тяжеловооруженной пехоты, из которой состояли армии древних и средневековых земледельческих государств, и могла наносить противнику ощутимые потери, не вступая с ним в ближний бой, за счет очень высокой маневренности и эффективной стрельбы по цели» (Ведерников и др. 1995: 6).

Гунны также активно практиковали устройство засад (Iord. Get. 188; Prisc. fr. 2 D = 6, 1 B; ср.: Claud. V, 270; Agath. III, 18, 4—9; V, 18, 10), которые они вообще предпочитали открытому сражению. Последнее замечание, вложенное Иорданом в уста послов западноримского императора Валентиниана III к везеготам (Iord. Get. 188), достойно самого пристального внимания. Действительно, гунны не стремились в бою к близкому контакту с неприятелем. Не случайно один из наших источников даже утверждает, что они были совершенно неспособны к ведению рукопашной схватки (Zosim. IV, 20, 4: [Οὐνοί] μάχην

глубокой древности вплоть до позднего средневековья — от упомянутых уже скифов до крымских татар (Coulston 1985: 292). Прием «парфянская стрела» как изобразительный мотив хорошо известен по многим памятникам древнего искусства из Азии и Европы. Интересно, что в средневековом европейском искусстве, особенно XII в., встречаются изображения кентавров, стреляющих из лука в обратном направлении: их прототипами послужили, несомненно, пришлые восточные кочевники, в том числе гунны (Kádár 1952), которые в представлении позднеантичных авторов действительно ассоциировались с образами кентавров (Claud. III, 329—330; Sidon. Carm. II, 262—266; ср.: Amm. Marc. XXXI, 2, 6).

⁵⁵ Очевидно, именно эту тактическую хитрость имеет в виду Зосим, когда рассказывает о борьбе гуннов со «скифами» — т. е. причерноморскими готами (Zosim. IV, 20, 4): «Производя окружения, атаки и в нужный момент отступления и [при этом] стреляя из луков с коней, они [гунны] произвели бесчисленные убийства среди скифов» (περιελάσει δὲ καὶ ἐκδρομαῖς καὶ εὐκαιροῖς ἀναχωρήσειν, ἐκ τῶν ἰπλῶν κατατοξεύοντες, ἄλειρον τῶν Σκυθῶν εἰργάσαντο φόνον).

⁵⁶ См. также Mauric. XI, 2, 15 M = XI, 2, 52—55 D, где перечисленные тактические особенности приписываются всем народам «гуннского» (= центральноазиатского) происхождения, с которыми пришлось воевать армиям ранней Византии. В средние века татаро-монголы очень умело и с большим эффектом использовали как притворное отступление, так и окружение боевого порядка противника с непрерывным движением вокруг него и обстрелом из луков (Горелик 1990: 156—157; ср.: Худяков 1991: 160, 161).

μὲν σταδίαν οὔτε δυναμένοι τὸ παράπαν οὔτε εἰδότες ἐλαυαυεῖν). Стихийей гуннов была стрельба по противнику из луков с более или менее прицельной дистанции, в которой они были чрезвычайно сильны⁵⁷. Это полностью соответствовало их менталитету, сформированному под влиянием условий их кочевого бытия⁵⁸. Основу своего материального благосостояния мужчина-гунн создавал за счет добычи, захваченной в ходе разбойничьих набегов. Подстерегающие на этом пути серьезные опасности требовали от него самого пристального внимания к собственной безопасности. Поскольку успех набега зависел, прежде всего, от мобильности его участников, использование ими серьезного (и, естественно, тяжелого) защитного снаряжения было максимально ограничено. Полагаться оставалось только на главное наступательное оружие — сложносоставной дальнобойный лук (о нем см. в разд. X), умелое употребление которого позволяло избежать близкого и потому крайне рискованного контакта с противником⁵⁹. Прекрасно обученные с детства владеть таким оружием с коня, да еще и на полном скаку, гуннские воины довели до совершенства приемы применения легкой конницы, оснащенной луками, — так в Европу вместе с гуннами пришла тактика эффективного боя на дистанции, унаследованная ими от их предков-хунну (см. разд. II) и использовавшаяся позднее племенами тюркского и монгольского происхождения. Ее важной составной частью было изматывание противника, когда гунны, умышленно избегая рукопашной схватки, в то же время не покидали поле сражения, а постоянно кружили вокруг вражеских боевых порядков и засыпали их тучами стрел⁶⁰.

Именно такую тактику имеет в виду Иордан, когда говорит, что гунны «подчинили аланов, равных им в бою... обессилив частыми стычками» ([Hunni] Halanos... pugna sibi pares... frequenti certamine fa-

⁵⁷ Намеренному поражению при этом подвергались не только сами бойцы, но и кони неприятельской кавалерии. Именно так поступали монголы: по свидетельствам их современников, они «стреляют метко, быот и вражьих коней, и людей. Часто враг терпит поражение потому, что кони его бывают перебиты»; неохотно вступая в ближний бой, они «ранят и убивают людей и лошадей стрелами» (Худяков 1991: 161). В анонимном византийском военном трактате VI в. специально отмечается, что стрельба из луков по ногам вражеских коней является очень эффективной как в ходе боя, так и во время отступления или преследования (Аноним. 44, 31—36).

⁵⁸ Весьма полезную сводку данных и наблюдений относительно естественно-исторических условий формирования воинов-кочевников, а также их боевой подготовки можно найти в книге Т. К. Алланиязова (Алланиязов 1998: 15—22, 80—97).

⁵⁹ «Война приносила хуннам немалый доход и была сравнительно безопасна, так как задачей хуннского воина было застрелить врага из лука с изрядного расстояния или, измучив его до полусмерти, связать и привести домой как раба» (Гумилев 1998: кн. I, 89).

⁶⁰ См. также: Артамонов 2001: 68: «...можно определенно сказать, что западные гунны сохранили военную организацию и тактику боя своих предков (хунну. — В. Н.), что и дало им преимущество над европейскими противниками. Не вступая в рукопашную схватку, они осыпали врагов стрелами и, то исчезая, то появляясь с разных сторон, доводили их до изнеможения, и в конце концов торжествовали победу».

tigantes, subiugaverunt: Iord. *Get.* 126). Аланы, кочевой народ иранского (сарматского) происхождения, были, подобно гуннам, великолепными наездниками⁶¹ и имели с последними много схожего в военном деле, однако в их комплексе вооружения лук не играл столь важной роли, тогда как рукопашная схватка занимала в их боевой практике серьезное место⁶². Тактика избегания ближнего боя и изматывания противника позволила гуннам одержать верх не только над аланами (Гумилев 1998: кн. 1, 248), но и над «скифами» (готами), с которыми они, согласно Зосиму, воевали опять-таки непрерывно (συνεχῶς: Zosim. IV, 20, 4—5). Готы тем более не могли противостоять гуннам, поскольку вплоть до VI в. они не располагали сколько-нибудь многочисленной кавалерией, а, сражаясь преимущественно в пешем строю, явно мало и недостаточно умело использовали луки и стрелы, чтобы представлять серьезную угрозу для мобильной гуннской кавалерии⁶³.

С другой стороны, лишь с целью довершить то, чего не сделали на поле брани их стрелы, гунны выхватывали мечи и сходились с противником лицом к лицу, не забывая, однако, при удобном случае набросить на неприятельского солдата аркан и, если повезет, быстро ускорить прочь, увлекая его за собой. Впрочем, наверное, будет даже правильнее сказать, что аркан (о нем см. в разд. X) скорее служил гуннам оружием среднего действия, и, вопреки сообщению Аммиана Марцеллина, они должны были попытаться воспользоваться им еще до того, как схватиться с противником врукопашную. В самом деле, гуннский прием с применением лассо в ходе рубки на мечах, как он описан римским историком (Amm. Marc. XXXI, 2, 9), подходит больше для индивидуального поединка, когда имеются все возможности для маневра⁶⁴, чем для настоящего, коллективного сражения, в котором индивидуальное маневрирование как раз сильно затруднено.

⁶¹ Вовсе не случайно Вегетий упоминает гуннов и аланов как единый народ, в том смысле, что и те и другие очень искусны в верховой езде (Veget. *ERM* III, 26: ad equitandi scientiam... Hunnorum Alanorumque natio).

⁶² В целом о характере военного дела сарматов, в том числе аланов, см.: Хазанов 1971; Simonenko 2001; Bachrach 1969; 1973: 23—24, 85—93; Lebedynsky 2001: 40—49. Следует отметить, что, хотя Аммиан Марцеллин и утверждает, что аланы, подобно гуннам, отличались быстротой вследствие легкости своего вооружения (Amm. Marc. XXXI, 2, 21: armorum levitate veloces), они, по-видимому, располагали также и тяжело-вооруженной конницей (Iord. *Get.* 261: Alanum gravi... armatura aciem strui; см. также: Bachrach 1969: 168; 1973: 88; Lebedynsky 2001: 48).

⁶³ Согласно Прокопию (Proc. Bell. VIII, 5, 19), обитавшие у Меотиды готы-тетракситы, впервые повстречав гуннов, попытались сдержать их натиск своими щитами (φραξάμενοι ταῖς ἀσπίσιν). Об особенностях развития военного искусства и вооружения в среде древнегерманских народов в целом см.: Thompson 1965: 109—149; Todd 1975: 159—181; 1988: 96—122; 1992: 36—46; Lebedynsky 2001: 57—68, 85—102 — и восточных готы в частности — Thompson 1965: 111—131; Burns 1984: 184—201; Kokowski 1993; Магомедов, Левада 1996.

⁶⁴ Изображение дуэли витязей, один из которых набрасывает на другого лассо, хорошо известно в средневековой восточной миниатюрной живописи — см., например, Nyland 1998: 131.

Впрочем, рукопашная схватка применялась гуннами в случае крайней необходимости, да и то в основном только тогда, когда врагу был нанесен действительно серьезный урон в результате обстрела с дистанции. Если же это было не так и неприятель оставался несломленным, то гунны сами рисковали понести большие потери в ближнем бою, поскольку в своем большинстве не имели серьезного защитного снаряжения (см. разд. XI). В таких случаях они могли, например, применить описанное выше притворное отступление со стрельбой из луков назад. Следует подчеркнуть, что на дистанционный, а не рукопашный бой полагались не только гунны, но и хунну и средневековые монголы. По мнению Ю. С. Худякова, предпочтение, которое хунну отдавали эффективной стрельбе из лука с безопасного для них самих расстояния, послужило причиной того, что у них «не сложился в достаточной степени развитой комплекс средств ведения ближнего боя и защиты. Кроме того, расчет хуннов только на возможности луков обусловил их слабость: если противник проявлял стойкость и атаковал, не нарушая строя, хунны бросались в повальное бегство» (Худяков 1986: 51). При этом отступление не считалось у них чем-то позорным. Древнекитайский историк Сыма Цянь пишет: «Если сражение складывается благоприятно [для хунну], — [они] наступают, а если неблагоприятно — отступают и не стыдятся бегства» (Таскин 1968: 34; см. также: Бичурин 1950: 40). В другом месте своего труда он еще раз оттеняет эту особенность тактики хунну: «Искусно заманивают врага для того, чтобы окружить его. Поэтому когда они видят противника, то устремляются за добычей подобно тому, как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение и терпят поражение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются, подобно облакам» (Таскин 1968: 41; см. также: Бичурин 1950: 50).

Монголы также стремились решить исход битвы на ее начальной фазе, в ходе массированного обстрела из луков неприятельских воинов и их коней. Источники отмечают, что они очень неохотно вступали в рукопашный бой и вообще владели мечами и копьями хуже, чем стрелковым оружием (Худяков 1991: 161). На этих примерах очень хорошо просматриваются центральноазиатские корни тактики европейских гуннов и тесно связанного с ней комплекса их вооружения.

Благодаря своему тактическому искусству, помноженному на непревзойденное мастерство во владении луком⁶⁵, гунны долгое время оставались непобедимыми, будучи в состоянии успешно сражаться и против численно превосходящего их неприятеля. В 406 г. гуннские союзники способствовали победе Стилихона над вождем готов Радагайсом, в ходе боя при Фьезоле окружив третью часть армии последнего: *exercitum tertiae partis hostium [sc. Gothorum] circumactis Chu-*

⁶⁵ Подвластные гуннам народы, по справедливому замечанию Х. Вольфрама, «использовали гуннские рабочие инструменты и оружие, хотя они никогда не были равными своим господам в умении пользоваться сложным луком» (Wolfram 1997: 141).

porum auxiliaribus Stilico usque ad internicionem delevit (Chron. Gall. p. 652, 52)⁶⁶. Три года спустя немногочисленный (300 воинов), но очень боеспособный гуннский корпус, находившийся на службе у западноримского императора Гонория, атаковал близ Пизы готское войско, возглавляемое Атаульфом, и, убив 1100 врагов, а потеряв только 17 человек, сумел затем благополучно уйти восвояси (Zosim. V, 45, 6). Вспомним также небольшой отряд Οὐννιῶν, насчитывавший всего 40 бойцов, который побеждал в Ливии Пентаполис гораздо более многочисленного противника (Synes. Ep. 78; *Catast.* I, 2). Все эти примеры говорят о том, что гунны и на чужбине были верны своей тактике, основанной на высочайшей мобильности и маневренности и метком обстреле противника со значительного расстояния, ибо в ближнем бою при своей малочисленности они не имели бы шансов на успех.

Однако тактические методы гуннского воинства претерпели существенное изменение в период правления Атиллы, как это видно на примере знаменитой битвы на Каталаунских полях (451 г.), наиболее детально описанной Иорданом (Iord. *Get.* 192—218; см. также: Täckholm 1969; Dahmus 1983: 41—52; Fertill 1991: 148—150; Bachrach 1973: 66; Hutchinson 1998: 64—65, s. v. Châlons, Battle of; Richardot 2001: 323—341). К тому времени в гуннской армии уже значительное место занимали пехотные контингенты, набранные среди подвластных Атилле германских племен. По словам нашего главного источника (Iord. *Get.* 192), это сражение было открытым, без применения хитростей (*nihil subreptionibus agitur, sed aperto Marte certatur*). В нем прежде всего противоборствовали пешие войска, и в данных условиях гуннская конница не смогла использовать в полном объеме такие свои обычные тактические хитрости, как засады и притворное отступление. К тому же, что немаловажно, возглавлявший тогда антигуннскую коалицию Аэций, проведший в молодости какое-то время в качестве заложника у гуннов и прекрасно усвоивший их военную науку (Greg. Tur. *HF* II, 8; Sidon. *Carm.* VII, 230—231), был очень хорошо осведомлен об особенностях их тактики. Другими словами, гунны утратили свое тактическое преимущество, позволявшее им ранее сокрушать любого противника. К этому следует добавить и неблагоприятное для них начало битвы: попытавшись овладеть высоким холмом, господствовавшим над окружающей местностью, чтобы получить исключительно выгодную позицию для обстрела противника из луков, они были отброшены совместными усилиями везегов Торисмунда и римлян Аэция (Iord. *Get.* 197; 201; 211).

Уже минуло два десятка лет с тех пор, как с целостной и оригинальной теорией о кардинальной трансформации гуннской армии и ее тактики выступил Р. П. Линднер. По его мнению, гунны, пришедшие во второй половине IV в. в Европу, действительно в своем большинст-

⁶⁶ О ходе битвы при Фьезоле см.: Thompson 1948: 33; 1999: 37—38; Ridley 1984: 215, n. 86; Burns 1994: 197—198; Elton 1997: 219.

ве могли быть конными воинами. Но с течением времени, прежде всего под влиянием причин чисто природного характера, а именно невозможности поддерживать необходимое для военного дела поголовье лошадей на ограниченной, по сравнению со степными азиатскими просторами, территории Великой Венгерской равнины (Альфёльда), войско гуннов к середине V в., по сути, превратилось из конного преимущественно в пешее, мало чем отличающееся от армии тогдашнего Рима. В подтверждение своей теории этот исследователь привлек данные письменных источников и археологии, математические расчеты по пастбищным ресурсам Альфёльда и т. д. (Lindner 1981; 1982: 701—706). Многие ученые отмечают правоту выводов Линднера (Heather 1999: 261; Ferrill 1991: 142—144; Sinor 1993: 8, 10; Bachrach 1985: 725; 1994: 65—66; Elton 1997: 27—29; Nicolle 2000: 21—22).

Впрочем, полностью согласиться с этой теорией, несмотря на внешнюю логичность и привлекательность доводов в ее поддержку, все же трудно. Во-первых, кажется излишне прямолинейным проведенный Р. П. Линднером анализ сообщений письменной традиции о военных акциях с участием гуннов: поскольку там они во многих случаях не упоминаются в качестве всадников, то, заключает исследователь, они таковыми, скорее всего, и не были. Однако с методологической точки зрения вряд ли правильно обосновывать превращение конного воинства гуннов в пешее простым отсутствием в источниках прямых указаний на наличие у них коней. Не говоря уже о том, что любой аргумент *ex silentio* более чем сомнителен, отметим, что эти же источники вовсе не утверждают, что гунны были пехотинцами! Не стоит, к примеру, оставлять без внимания информацию о том, что, потерпев неудачу в сражении на Каталаунских полях, Аттила заперся в своем лагере и приказал соорудить костер из седел (!), в который он был готов броситься в случае возникновения реальной угрозы попадания его в плен (Iord. *Get.* 213; Paul. Diac. *HR* XIV, 7). Судя по всему, для такого костра потребовалось много седел, а следовательно, расстаться с ними должно было значительное число конников. Вспомним и упомянутых Иорданом «отборнейших всадников из всего гуннского народа» (*de tota gente Hunnorum lectissimi equites*), принявших участие в похоронах Аттилы (Iord. *Get.* 256), которые, надо полагать, были лучшими на фоне прочих, наверняка весьма и весьма многочисленных гуннских наездников.

Скорее всего, конный характер военного дела гуннов был настолько очевиден для наших информаторов, что они не считали нужным лишний раз это подчеркивать. Отмечу также, что Р. П. Линднер, в частности, рассматривает известный эпизод из «Церковной истории» Созомена о попытке пленения гуннами епископа Феотима (Sozom. VII, 26, 8) как дополнительное свидетельство в пользу своей концепции (Lindner 1981: 8), но подобная интерпретация этого пассажа более чем уязвима и не может быть принята (подробно см. в разд. XI).

Во-вторых, что касается аргумента о невозможности поддержания достаточного поголовья боевых коней для гуннской конницы. Здесь обязательно следует иметь в виду то обстоятельство, что землями в междуречье Дуная и Тиссы, где действительно располагалась ставка Аттилы, владения последнего вовсе не ограничивались: они охватывали также области к востоку от Карпатских гор, включая, по меньшей мере, Скифию у Понта (= Черного моря), другими словами, Северное Причерноморье, где правил старший сын Аттилы (Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B)⁶⁷. А в этом случае пастбищные ресурсы на востоке империи гуннов были уже достаточны для содержания большого количества лошадей — необходимого условия для функционирования многочисленной кавалерии. Таким образом, Аттила, намереваясь отправиться в серьезный военный поход, был вполне в состоянии набрать в своих восточных владениях значительное пополнение для своей конницы (см. также: Lebedynsky 2001: 72—73). Другое дело, и в этом, очевидно, прав Д. Шинор, что вторжения Аттилы в Галлию в 451 г. и в Италию в 452 г. не могли быть успешными уже по той простой причине, что на их территории не было достаточных природных ресурсов для содержания в течение длительного времени большой орды гуннских воинов и их коней (Sinor 1993: 10—11). Возможно, эти кампании длились явно дольше, чем планировал сам Аттила, и проблемы со снабжением армии, усугубленные военными неудачами (как это случилось в 451 г.), вынуждали его уходить восвояси без достижения поставленных целей.

В-третьих, некоторые сомнения вызывает правильность оценки Р. П. Линднером коневодческих ресурсов Альфёльда. По его мнению, там могли пастись одновременно 150 000 коней, и из расчета 10 скакунов в среднем на одного всадника конное войско гуннов должно было насчитывать только 15 000 бойцов. При этом он проводит сравнение с пастбищными возможностями Монголии, где в средние века воин-кочевник имел до 18 лошадей (Lindner 1981: 14—15). Однако, и тут я ссылаюсь на авторитетное мнение Дж. Кигана (Keegan 1993: 187), нельзя оставлять без внимания тот факт, что климатические и природные условия Альфёльда гораздо более мягкие и благоприятные для пастбищного коневодства, чем в степях. Благодаря этому жившие на Великой Венгерской равнине гунны могли разводить довольно значительное количество коней и, следовательно, выставлять большое конное войско⁶⁸. Цифра 10 коней на одного гуннского кавалериста,

⁶⁷ См. также высказанное Д. Шинором предположение, что основная масса гуннов даже в эпоху Аттилы обитала к востоку от Венгерской равнины (Sinor 1990: 203).

⁶⁸ С другой стороны, Дж. Киган считает очень вероятным, что значительная часть коней, которые находились в войске Аттилы, была загнана до смерти и не могла быть численно восстановлена по линиям его коммуникаций. «Кавалеристские кампании убивают коней в огромных количествах, если они не могут регулярно отдыхать и выпасаться. Например, во время бурской войны 1899—1902 гг. британская армия потеряла 347 000 из 518 000 [коней], в ней задействованных, хотя эта страна (Южная Африка. — В. Н.) изобиловала хорошими пастбищами и отличается мягким климатом. Толь-

произвольно высчитанная Р. П. Линднером в качестве заниженной, является, возможно, даже завышенной. Так, к примеру, хорошо известно, что в 1914 г. в Венгрии была набрана кавалерия численностью в 29 000 человек, причем из расчета один конь на одного всадника. Конечно же, остается только гадать, каким было подобное соотношение почти за 1500 лет до этого, когда в поход выступала конница Аттилы, но при всех различиях в практике коневодства этих двух эпох вряд ли альфёльдскому воину-гунну в середине V в. требовалось в 10 раз больше скакунов, чем венгерскому кавалеристу в начале XX в. Следует также учесть и вероятность того, что обосновавшиеся на Великой Венгерской равнине гунны могли под римским влиянием перевести, по крайней мере, какую-то часть своих табунов на стойловое содержание с подкормкой в зимний период, а это, в свою очередь, должно было благоприятно отразиться на состоянии их конских ресурсов. Наконец, немаловажным являлось и то обстоятельство, что, помимо разведения собственного конского поголовья, гунны использовали лошадей, захваченных ими у римлян (Oros. VII, 34, 5; Paul. Diac. *HR* XI, 15; Land. Sag. XII, 188).

Подводя итог этой дискуссии, следует сказать, что армия Аттилы действительно отличалась по своей организационной структуре от поголовно конного войска гуннов периода их ранних завоеваний в Европе. Можно даже говорить об определенной деградации гуннского военного дела в целом, на что очень существенно повлияло включение в состав армии Аттилы большого числа германских воинов. Но это уже объективно явилось следствием завершения при нем процесса превращения гуннской конфедерации племен в варварскую деспотию имперского типа, когда преимущественная моноэтничность вооруженных сил как важнейший принцип сохранения традиций военного искусства уже не могла быть ненарушенной. Кроме того, гунны могли испытывать серьезные проблемы как с поддержанием конского состава на западе своих владений, так и с заготовкой фуража для своей конницы на территории неприятеля в ходе боевых операций. Все это должно было негативно отразиться на эффективности гуннской военной машины. Но, в то же время, едва ли имеются веские основания утверждать, что собственно гуннская часть армии Аттилы превратилась в своем большинстве в пехоту — помимо всего прочего, это явно противоречило воинскому менталитету гуннов.

К тактике гуннов имели прямое отношение и применявшиеся ими **меры психологического воздействия** на неприятеля. Среди них особое место занимал присущий гуннам от природы и непривычный для обитателей Европы внешний облик, сам по себе наводивший ужас на очевидцев (Amm. Marc. XXXI, 2, 2—3; Claud. III, 325—326; V, 270;

ко очень маленькая часть, не более двух процентов, была потеряна в сражениях. Остальные умерли от переутомления, болезни или недостаточного питания, из средней нормы 336 за каждый день кампании» (Keegan 1993: 187—188).

Hier. *Comm. in Is.* III, 7 — см.: Syme 1968: 17; Sidon. *Carm.* II, 245—257; Hier. *Ep.* 60, 17; Iord. *Get.* 127—128; 206; Land. *Sag.* XII, 187)⁶⁹. Особенно большое внимание древние авторы обращали на существовавший у гуннов обычай уже при рождении расцарапывать железом лица представителей мужского пола, и без того, по их мнению, безобразные (Amm. Marc. XXXI, 2, 2; Claud. III, 327, см.: Levy 1971: 96; Hier. *Comm. in Is.* III, 7; Iord. *Get.* 127; 128; Land. *Sag.* XII, 187). Впрочем, одно из приводимых ими объяснений этого изуверского обряда — не дать произрасти волосам на щеках — едва ли может быть принято, поскольку у мужчин-монголоидов (какими по своему происхождению и являлись этнические гунны), как известно, на лице отсутствует какая-либо пышная растительность, и именно эта физиологическая особенность гуннов могла внушить нашим информаторам подобную мысль. Более вероятны две другие причины. Первая — испытать младенцев, будущих воинов, болью раны еще до кормления их материнским молоком (Iord. *Get.* 127; Land. *Sag.* XII, 187). Вторая, чисто ритуального свойства, — почтить память умершего повелителя не воплями и слезами женщин, а кровью, стекающей с порезанных лиц скорбящих о нем мужчин (Iord. *Get.* 255)⁷⁰.

Устрашающий внешний облик гуннов дополнялся и их прической. Правда, Приск, описывая внешний вид дружинника Онегисия (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B), указывает, что его голова была аккуратно пострижена «в кружок» (ἀποκεῖράμενος τὴν κεφαλὴν περὶ τὸ ῥόχαλα). Но такую прическу, надо полагать, имели только воины привилегированного статуса, тогда как все прочие гунны, вероятно, стриглись совсем по другой моде, близкой к той, о которой говорит Прокопий Кесарийский (VI в.) как о современной ему «гуннской» (Οὐννικὸν εἶδος): волосы спереди выстригались вплоть до висков, а сзади оставались очень длинными и беспорядочно свисающими (Proc. *HA* VII, 10)⁷¹.

В качестве другого инструмента устрашения врага (и одновременно собственного воодушевления) гуннам служили шумовые эффекты, для создания которых на поле битвы они дули в трубы (tubae: Iord. *Get.* 212; Paul. *Diac.* *HR* XIV, 7), а также выпускали голосом грозный боевой клич — по определению Аммиана Марцеллина, «разнообразные, страшно звучащие крики» (variae voces sonantes torvum: Amm. Marc.

⁶⁹ Ср.: Symes. *DR* 15, где автор говорит о гуннах как о массагетах, искусственно изменивших свои лица (τὰ πρόσωπα τέχνη παραποιήσαντες) с тем, чтобы уже как якобы новое и страшное племя наводить ужас на римлян.

⁷⁰ По свидетельству Менандра Протектора (VI в.), этот же обряд существовал и у тюрок Западного каганата (Men. *Prot. fr.* 43 D = 19, 1 B). Согласно Агафию, «гунны»-кутригуры в минуты горестных поражений, согласно своему обычаю, резали себе щеки кинжалами (Agath. V, 20, 2).

⁷¹ Трудно согласиться с Ж. Дагроном, который рассматривает прически «сотрапезника» Онегисия и константинопольских стасиотов эпохи Юстиниана I, перенявших «гуннскую» моду стрижки волос, как одинаковые (Dagron 1987: 230, n. 115; ср.: Maenchen-Helfen 1945a: 237).

XXXI, 2, 8)⁷². Очевидно, что во время сражений гунны также воспроизводили трубами различного рода сигналы, передающие команды военачальников. Были у них на этот счет и другие условные сигналы. Так, в приведенном Каллиником эпизоде осады гуннами укрепленного монастыря во Фракии сообщается, что те, потерпев неудачу, подали друг другу условный знак помахиванием нагаек (*τὰ φραγέλλια σείσαντας συσσήμου χάριν*), сели на коней и удалились (Callin. *VH VI*, 2). Интересно, что Вегеций среди других рекомендуемых им для использования в бою так называемых «немых» сигналов (*muta signa*) упоминает передачу военачальником команд при помощи нагайки, причем этот прием исполнялся «согласно варварскому обычаю»: *dux... flagello more barbarico... significat* (Veget. *ERM III*, 5).

Характерной особенностью гуннской военной практики в плане психологической подготовки было выполнение перед сражением языческих обрядов и гадание относительно его исхода (Prosp. *Chron.* 1335; Isid. *HG* 24; Paul. Diac. *HR XIII*, 13; Iord. *Get.* 195—196; 209; ср.: Prisc. *fr.* 8 D = 13, 3 B; см. Maenchen-Helfen 1973: 267—268)⁷³. Есть даже данные о том, что гунны приносили пленных в жертву победе (*litavere victoriae*: Iord. *Get.* 125), но это, возможно, имело место только на самом раннем этапе их завоеваний в Европе. Надо полагать, что в войске гуннов всегда находились шаманы-гадатели (*haruspices*: Prosp. *Chron.* 1335; Isid. *HG* 24; *aruspices*: Iord. *Get.* 195; 209; Paul. Diac. *HR XIII*, 13; ср.: *μόντες*: Prisc. *fr.* 8 D = 13, 3 B)⁷⁴, в обязанности которых входило, в том числе, камлание с целью наведения порчи на врагов⁷⁵. Косвенно об этом свидетельствует сообщение Иоанна Антиохийского о том, что в 514 г., во время войны комита федератов Виталиана про-

⁷² Ср.: Paul. Diac. *HR XIV*, 7: *clamore perstreperere*; см. также: Paulin. Petric. *VM VI*, 93—94: *Chunorum soni... atque minantum murmura et... fera*; Hier. *Comm. in Is.* III, 7: *sed per feras gentes... quarum... sermo terribilis est*.

⁷³ По сообщению некоторых источников (Prosp. *Chron.* 1335; Isid. *HG* 24; Paul. Diac. *HR XIII*, 13), перед битвой с везеготами у Тулузы в 439 г. римский полководец Литорий доверился ответам гадателей и наставлениям демонов, т. е. исполнил языческие ритуалы. Но, как убедительно установил О. Менхен-Хельфен, это вовсе не было его личной инициативой — проведение указанных обрядов было инициировано его гуннскими наемниками (Maenchen-Helfen 1973: 267—268). Заметим, что обычай гадания об исходе предстоящей битвы был присущ не только выходцам с далекого востока, но и германским народам, в частности аламаннам (Agath. II, 6, 7; 9).

⁷⁴ Имена некоторых гуннов в передаче Приска Панийского, такие как 'Атакάμ и 'Еокάμ, могут быть интерпретированы как содержащие компонент *qam* — 'шаман' (Maenchen-Helfen 1973: 406, 408). Имеются данные о могущественных жрецах (*ιερείς*) у «гуннов», обитавших близ Боспора в VI в. (Malal. p. 432, 10).

⁷⁵ В этой связи уместно указать на тот факт, что шаманы играли значительную роль в духовной жизни центральноазиатских хунну, и, в частности, по заказу военачальников они проводили разного рода магические действия, призванные навредить неприятелю (Кычанов 1997: 32). Характерно, что в тюрко-монгольском эпосе могучие богатыри, наряду с воинскими доблестями, зачастую наделяются также значительной магической силой, т. е. в их натуре просматривается ярко выраженное шаманское начало (Липец 1984: 52—58).

тив константинопольских властей, его союзники-«гунны» (т. е. потомки прежних гуннов, скорее всего, задунайские булгары) в сражении вблизи города Акры (в Мезии) «при помощи некоего колдовства» окутали врагов мглой, закрывшей тем видимость (ὕπὸ τινος μαγείας τῶν βαρβάρων [sc. Οὐννων] ἐπιγενομένης ἀχλύος ἐπισκοπισάσης αὐτοῖς [sc. Ῥωμαίοις] τὰς ὄψεις), что во многом способствовало полному разгрому византийской армии (Joan. Ant. fr. 214e, 8; см. также: Bury 1966: 299; Кулаковский 1996: 398; Артамонов 2001: 111). Другая интересная параллель на этот счет имеется в «Истории франков» Григория Турского: в ходе одного из вторжений аваров (выходцев из степей Центральной Азии, выступающих в тексте как Chuni) в Галлию во второй половине VI в., они, «будучи сведущими в магических искусствах» (magicis artibus instructi), перед битвой с франками подстроили тем «различные наваждения» (diversae fantasiae), а затем разгромили их наголову (Greg. Tur. HF IV, 29)⁷⁶. Правда, остается только гадать, насколько упомянутые магические ритуалы могли действительно повлиять на исход этих сражений. Вполне вероятно, что проигравшие в них стороны пытались объяснить свои неудачи именно воздействием чьих-то злых чар или же в дело там вмешались какие-то природные явления, прозорливо предусмотренные и умело использованные победителями.

У гуннов, несомненно, был свой кодекс воинской доблести и чести, которому они были готовы следовать на поле боя ценой собственной жизни. На это прямо указывает Иордан в своем рассказе о героической смерти старшего сына Атиллы Эллака (PLRE II: 391) в битве при

⁷⁶ Также необходимо отметить, что в битве при Герате в 589 г. между войском центральноазиатских тюрок во главе с Саве-шахом и армией сасанидского полководца Бахрама Чубина (см.: Колесников 1970: 51—52; Гумилев 1993: 126—131) среди первых, по свидетельству, сохранившемуся в «Шахнаме» Фирдоуси, находились шаманы-колдуны, которые, выполняя волю своего предводителя, попытались чародейством оказать влияние на ход сражения:

И стали тогда колдуны колдовать
И пламя палящее в воздух бросать.
Тут вихрь налетел, тучи вдруг собрались
И стрелы на войско дождем пролились.

Бану-Лахути, Бернев 1989: 274 [стк. 12343—12346]

Впрочем, колдовство тюркам не помогло: они были разгромлены, сам Саве-шах погиб, а захваченный в плен колдун был казнен по приказу иранского военачальника (Там же: 278—279 [стк. 12513—12544]). Сохранились и другие свидетельства того, что древние народы, обитавшие в восточной части евразийских степей, активно практиковали шаманизм в военном деле. Так, в рассказе средневекового польского летописца Яна Длугоша о вторжении татаро-монголов в Среднюю Европу в 1241 г. отмечается, что эти пришельцы из Центральной Азии с самого начала своего существования всегда применяли на войне предсказания, гадания и ворожбу (Dlugoss. VII, A.D. 1241, p. 22: Constat siquidem Thartaros ab origine sua... divinandi, augurandi, ariolandi et incantandi arte et scientia semper in bellis et extra usos fuisse).

Недао (Iord. *Get.* 262): «Ведь он [Эллак], как известно, погиб столь мужественно, перебив множество врагов, что [его] отец, будь он жив, пожелал бы [и себе] такой же славной кончины» (nam post multas hostium cedes sic viriliter eum constat peremptum, ut tam gloriosum superstis pater optasset interitum). В их среде также существовал обычай воспевать победы и храбрые подвиги своих правителей. Так, Приск сообщает как очевидец (Prisc. *fr.* 8 D = 13, 1 B), что на пиру у Аттилы два гунна, встав перед своим повелителем, исполнили ими же написанные песни в его честь (ἄσματα πεποημένα ἔλεγον νίκας αὐτοῦ [sc. Ἀττίλα] καὶ τὰς κατὰ πόλεμον ἄδοντες ἀρετάς). Во время же церемонии похорон Аттилы (Iord. *Get.* 256—257) отборнейшие гуннские всадники, объезжая вокруг шелковый шатер, в котором лежало его тело, погребальной песней вспоминали его деяния (lectissimi equites... facta eius cantu funereo... referebant).

Гуннская орда конных лучников, казалось бы, непобедимая, имела, впрочем, и свои слабости. Прежде всего, в бою им было сложно противостоять противнику, который, так же как и они, был мобилен и мог столь же эффективно поражать из луков издали. Таковыми, в частности, были персы, сумевшие в конце IV в. разбить вторгшееся в их пределы гуннское войско, забросав его множеством стрел (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B). Немаловажную роль в том поражении сыграла и обремененность гуннов захваченной добычей — этот фактор всегда серьезно ограничивал их мобильность (Мах. Тур. *Ном.* 94; см.: Maenchen-Helfen 1973: 138—139), порой заставляя их приостанавливать успешно развивающееся наступление (Амм. Марс. XXXI, 3, 8). Более того, гунны, возвращаясь из похода, могли утратить бдительность до такой степени, что при внезапном нападении даже весьма малочисленного противника они не только несли большие потери в живой силе, но и лишались награбленного. Именно это и произошло в начале 440-х гг., когда после неудачной осады гуннами сильной римской приграничной крепости Асем (см. примеч. 50) ее защитники решились на преследование уходящего врага, отягощенного добычей, но при этом абсолютно беспечного (Prisc. *fr.* 5 D = 9, 3 B; см. также: Thompson 1948: 85; 1999: 93).

Кстати, недостаточная бдительность гуннов сказывалась и в их пренебрежении к организации караульной службы: так, известно, что гуннские воины, служившие в гвардии западноримского главнокомандующего Стилихона, были предательски перебиты во время сна готом Саром (PLRE II: 978—979), одним из военачальников все того же Стилихона (Zosim. V, 34, 1). В качестве еще одного примера можно привести разгром гуннов бургундами около 430 г., когда последние в количестве трех тысяч человек в результате внезапного нападения одержали верх над десятитысячным гуннским войском (Socr. *Schol.* VII, 30, 6; Cassiod. *Hist.* XII, 4).

VIII. Полиоркетика

Практически ничего не известно о собственно гуннской фортификации в Юго-Восточной Европе. И это вовсе не случайно. Гунны, как и пришедшие после них другие народы центральноазиатского происхождения, в частности авары, не располагали своими специалистами по каменному строительству и использовали для соответствующих работ римских архитекторов, взятых в плен или нанятых по договору с имперскими властями (Thompson 1982: 9). Показательно, что в описанной Приском Панийским ставке Аттилы дома были деревянными, за исключением бани, построенной для Онегисия из камня его римским пленником-архитектором (Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B; Iord. Get. 178—179; см. также: Thompson 1947a; Скржинская 1997: 309, примеч. 510; Maenchen-Helfen 1973: 179—180; Blockley 1983: 385, n. 54; 386, n. 64). Представляется интересным вывод Э. А. Томпсона по поводу того, почему эта ставка, представлявшая собой, по сути, очень большую деревяню, к тому же не обнесенную никаким частоколом, была возведена среди широкой не покрытой лесом паннонской равнины: «Причина эта была военного свойства. Гунны хотели, чтобы их штаб-квартира находилась на ровном месте, где их конница могла свободно маневрировать и где не было шанса для неожиданного нападения...» (Thompson 1947a: 113). К этому необходимо лишь добавить, что Аттила, судя по всему, чувствовал себя в Паннонии в полной безопасности от какой бы то ни было внешней угрозы и поэтому не считал необходимым обнести свою ставку оборонительной стеной.

Вероятно, гунны вообще не строили каких-либо серьезных, т. е. каменных фортификационных сооружений, а при необходимости могли использовать те, которые им удавалось захватить у неприятеля в более или менее пригодном для последующего использования виде.

По-другому обстояло дело с гуннским искусством осады городов (полиоркетикой). На самом раннем этапе своего пребывания в Европе гунны предпочитали преодолевать вражеские укрепления за счет неожиданных стремительных нападений, и это дало повод их современнику утверждать (Amm. Marc. XXXI, 2, 8), что «из-за чрезмерной быстроты [гуннов] не приходится видеть их атакующими укрепления или грабящими вражеский лагерь» (*nec invadentes vallum nec castra inimica pilantes prae nimia rapiditate cernuntur*). Но в ходе своей экспансии в западном направлении они постепенно развивали навыки регулярной осады фортификационных сооружений в полном соответствии с имеющимися в этой области военно-техническими достижениями⁷⁷. Этот

⁷⁷ Впрочем, не исключено, что гунны применяли осадные орудия задолго до их прихода в Европу. См.: Вернадский 1996: 159: «Возможно, что гунны... ознакомились с осадной техникой в Китае». См. также: Кляшторный 1989: 253—254; Кляшторный, Султанов 2000: 68. Вообще же высказываемый порой скепсис по поводу способностей кочевников к ведению правильной и эффективной осады фортификационных сооружений далеко не всегда оправдан. Так, следует отметить, что савиры, кочевой народ азиатско-

процесс нашел классическое завершение в царствование грозного Атиллы⁷⁸, перед которым, в представлении древних, не могло устоять никакое каменное укрепление (*Iord. Get.* 210), не говоря уже об оборонительных объектах, по своей конструкции не рассчитанных на противодействие серьезным осадным операциям (*Proc. De aed.* IV, 5, 2—6). По всей очевидности, Атила сумел добиться этого путем активного использования на своей военно-инженерной службе пленных и дезертировавших к нему римских военных специалистов (см. разд. V), которые сооружали и эксплуатировали разного рода метательные машины (*μηχαναί*, *machinae*, *omnia genera tormentorum*), а также тараны (*κρούι*, *arietes*), находившиеся, по данным письменных источников, на вооружении его армии (*Prisc. fr.* 1b D = 6, 2 B; *Iord. Get.* 221; *Paul. Diac. HR XIV*, 9; *Greg. Tur. HF II*, 7).

Приск приводит детальное описание конструкции, а также применения гуннских осадных орудий (*Prisc. fr.* 1b D = 6, 2 B). В самом начале осадных операций в дело в большом количестве вступали *μηχαναί*. Каждая из таких машин представляла собой площадку из бревен, поставленную на колеса и укрытую плетнями из прутьев. Поверх плетней были настланы шкуры и кожи для защиты от вражеских снарядов, в том числе огненосных; внутри этого прикрытия находились лучники, стрелявшие через проделанные в нем окна по стоявшим на стенах защитникам укреплений; *μηχανή* приводилась в движение толчками ног обслуживающих ее людей. Задачей этого вида осадных орудий было поразить или отогнать неприятельских воинов, обороняющих стены. И только когда это в значительной мере удавалось, к укреплениям подводились *κρούι* — очень большие тараны, имевшие защитное прикрытия по образцу *μηχαναί*, под которым находилось подве-

го происхождения, появившиеся в Восточной Европе уже после гуннов, умели делать тараны такой конструкции, которая не была известна даже выдавшим виды византийцам и персам (*Proc. Bell.* VIII, 11, 26—34; 14, 4—5; см. также: Kazhdan et al. 1991: 1824, s. v. Sabiri; Southern, Dixon 1996: 161). Добавим в этой связи, что во время похода Забеггана, вождя «гуннов»-кутригуров, против Византии (в 559 г.) его воины штурмовали стены Херсонеса при помощи лестниц (*κλίμακες*) и осадных орудий (*μηχαναί ἐλέτολοις*: *Agath.* V, 21, 1), т. е. по всем правилам полиоркеттики. Но особую известность в этом деле приобрели авары — пожалуй, только их из всех остальных пришлых из Азии племен и можно сравнить в искусстве осады с гуннами Атиллы (см.: Whitby 1988: 173).

⁷⁸ Приведенная чуть выше цитата Э. А. Томпсона (Thompson 1947a: 113) продолжается словами: «...Частокол, полностью окружающий ставку (Атиллы. — В. Н.), подразумевал бы то, что защитники были подготовлены выдерживать осаду, а осада была чуждым для гуннов методом борьбы». Выше, в разд. III, уже отмечалось, что этот исследователь вообще отрицал умение гуннов вести регулярную, т. е. по всем правилам, осаду, а дошедшие до нас письменные данные, свидетельствующие как раз об обратном, он объявил заимствованиями из древнегреческой классики в лице Фукидда (Thompson 1945). Остается только повторить, что многие ученые справедливо оспаривают эту точку зрения (Blockley 1972: 22—27; 1981: 54; Baldwin 1980b: 53—56; Tausend 1985/1986: 270, Anm. 23; Whitby 1988: 67; Traina 1993: 288; Шувалов 1999б: 260—261, примеч. 3; ср.: Elton 1997: 84).

шенное на цепях между склоненными брусьями бревно с заостренным концом. Состоявший при таком таране персонал с помощью веревок оттягивал это бревно назад и затем отпускал его, в результате чего на стену обрушивались мощнейшие удары, в конечном итоге ее сокрушавшие. Уцелевшие же участки стен штурмовались при помощи осадных лестниц (κλίμακες).

С точки зрения сильного влияния римской военной технологии на гуннскую полиоркетику очень показательным, что *μηχαναί* Приска находят в своей конструкции соответствие с осадными машинами, описанными у Вегеция под названиями *vineae* и *plutei*, которые прикрывали продвижение осаждающих к укреплениям; по достижении этой цели при помощи первых производился подкоп под фундамент стен, а под защитой вторых велся обстрел защитников стрелами, камнями и метательными копьями с тем, чтобы согнать их со стен и затем подняться наверх по штурмовым лестницам (Veget. *ERM* IV, 15). То же самое можно сказать и о *κρούι*, по своему устройству вполне соответствовавших таранам, о которых рассказывают Аммиан Марцеллин и Прокопий Кесарийский (Аmm. Marc. XXIII, 4, 8—13; Proc. Bell. V, 21, 6—13). Можно утверждать, что в целом осадное оборудование гуннов имело много общего с позднеримским (см.: Southern, Dixon 1996: 160—167).

Сложнее обстоит вопрос с упомянутыми Иорданом «всеми видами метательных машин» (*omnia genera tormentorum*), которые Аттіла применил при осаде Аквилеи в 452 г. (Iord. *Get.* 221). Скорее всего, как и в случае с движущимися защитными навесами и стенобитными таранами, эти артиллерийские орудия также были аналогичны современному им римскому (Tausend 1985/1986: 268—269). Среди последних следует назвать различные виды катапульт и баллист, а также онагр и др., механизмы пуска снарядов из которых действовали на основе скручивания или натяжения (см.: Chevedden 1995; Southern, Dixon 1996: 152—158).

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о том, как европейские гунны штурмовали неприятельские укрепления, позволяют полностью согласиться со следующим выводом К. Таузенда: «...гунны владели едва ли не всем репертуаром позднеантичной полиоркетики» (Tausend 1985/1986: 275).

Отметим, что во время осады городов гунны блокировали их со всех сторон и грабили сельскую округу, как это имело место при попытке Динтцика, сына Аттілы, овладеть Базианом в Паннонии (Iord. *Get.* 272: *ad Basianam Pannoniae civitatem eamque circumvallans fines eius coepit praedare*).

IX. Укрепленный лагерь

Гунны создавали укрепленные лагеря, в которых они могли укрыться не только в ночное время суток, но и в случае неудачи в сражении. Для этого использовались повозки, обобщенно называемые в наших

источниках *plaustra* (Iord. *Get.* 210; Paul. Diac. *HR XIV*, 7) и *carpenta* (Iord. *Get.* 211). Повозки ставились достаточно плотно друг к другу, образуя внешнюю линию обороны. Для организации такого лагеря (*castra, quam plaustris vallatum*: Iord. *Get.* 210; *plaustrorum munimenta*: Paul. Diac. *HR XIV*, 7) применялись, очевидно, как уже упоминавшиеся выше телеги (ἄμαξαι) для перевозки плотов-понтонных (σχεδία) (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B), так и личные кибитки гуннских семей (*carpenta*: Amm. Marc. XXXI, 2, 10; ср.: *plaustra*: Max. Tur. *Hom.* 94). Укрывшись за ограждением из своих повозок, гунны очень плотно обстреливали подступы к нему из луков (Iord. *Get.* 213: *ab ipsorum [sc. Hunnorum] sagittariis intra septa castrorum locatis crebris ictibus arceretur accessus*).

Оригинальная идея использования в боевых действиях укрепленного лагеря, безусловно, принадлежала кочевым народам, в жизни которых повозки занимали чрезвычайно важное место. Такое укрепление могло надежно защитить от врага на открытой местности, причем создавалось оно, в первую очередь, не против пехоты, как раз обученной штурму фортификационных объектов, а для сдерживания атак конницы неприятеля. История устройства лагеря, со всех сторон закрытого телегами и кибитками (англ. *wagon laager*, нем. *Wagenburg*, чешск. *vozo v hradba*), в Восточной и Центральной Европе уходит своими корнями еще в скифскую эпоху и прослеживается вплоть до позднего средневековья. Укрепленный лагерь служил в качестве опорного пункта в бою и убежища на случай поражения, в нем хранились боеприпасы и продовольствие (подробно см.: Голубовский 1902; Плетнева 1964; Черненко 1984: 64—66; Żygulski 1994).

Очень возможно, что гунны окружали осаждаемые ими города сплошным кольцом своих кибиток и телег с целью полного их блокирования: на это как будто бы намекает причастие *circumvallans*, употребленное Иорданом в его цитированном выше сообщении об осаде Базиана Динтциком (см. разд. VIII).

Х. Наступательное оружие

Главным оружием гуннов был **сложносоставной лук**, основа которого (кибить) в виде двух дуг-плеч с прямой рукоятью-перехватом посередине была составлена из нескольких кусков дерева (иногда разных пород). Для придания всей конструкции большей гибкости к кибити приклеивались сухожилия, а ее концы и рукоять усиливались костяными и роговыми накладками. Этот вид стрелкового оружия, получивший в науке условное наименование «гуннский лук» (иногда в литературе его также называют «кумдарьинский» или даже «гунно-парфянский»), сформировался в последние века до нашей эры у кочевников восточной части Центральной Азии и затем постепенно распространился вплоть до Западной Европы, причем в этом процессе гунны сыграли очень важную роль (см.: Хазанов 1966: 33—40; 1970; 1971: 30—35; Савинов 1981; Худяков 1985; 1986: 26—30; 1993; Ве-

дерников и др. 1995: 7; Могильников 1992: 264; Засецкая 1994: 35—36; Горелик 1995: 364—371; Werner 1956: 46—50; Rausing 1967: 68—69, 110—111, 115—119, 122—128, 143—144, 150; Coulston 1985: 242—243; Bóna 1991: 167—170; Lebedynsky 2001: 176—177). Большие⁷⁹ и мощные рефлексирующие луки «гуннского» типа, как и конструктивно близкие им так называемые «сасанидские»⁸⁰, благодаря своей дальнобойности и высокой пробивной способности⁸¹ содействовали

⁷⁹ Средняя длина «гуннских» луков обычно определяется в 120—150 см. Для сравнения укажем, что сложносоставные луки из аварских погребений Юго-Восточной Европы имели длину в среднем от 110 до 135 см (Rausing 1967: 69). По данным военной литературы X в., луки, находившиеся на вооружении византийской копницы, были 15—16 палест в длину, т. е. примерно 117—125 см (Syll. 39, 4; Kolias 1988: 215—216; McGeer 1995: 213). Не без оснований считается, что это были луки «гуннского» типа (Haldon 1975: 39; McGeer 1995: 207).

⁸⁰ Т. е. луки с характерными длинными концами-«рогами», о них см.: Paterson 1969; Maenchen-Helfen 1973: 228—232; Каминский 1982; Nikonorov 1997: vol. 1, 52—53; Литвинский 2001: 42—45, 50—58. Вещественные находки луков этого типа на Северном Кавказе позволяют представить их размеры в длину — 1,2—1,5 м (Каминский 1982: 49), т. е. они вполне соответствовали по этому показателю «гуннским» лукам. Интересно, что, по утверждению византийского автора первой половины VI в. Прокопия Кесарийского, в его время персидские воины стреляли «из луков слабых и не очень натянутых» (ἐκ δὲ τόξων μαλακῶν τε καὶ οὐ λίαν ἐντεταμένων), и поэтому пушенные из них стрелы не пронзали доспехи римлян, тогда как последние, ведя обстрел из «луков чрезвычайно упругих и сильно натянутых» (ἐκ τόξων σκληρῶν τε ὑπεράγαν καὶ δεινῶς ἐντεταμένων), пробивали любую броню (Proc. *Bell.* 1, 18, 33—34; ср.: *Ibid.* 1, 1, 14—15). Несомненно, что луки у тех и у других были сложносоставной конструкции: у первых — «сасанидского» типа, а у вторых — «гуннского». По-видимому, данную информацию Прокопия следует интерпретировать в том смысле, что византийские луки были тяжелее персидских, и поэтому для стрельбы из них могли применяться более тяжелые стрелы, т. е. обладающие гораздо большей пробивной силой (Bivar 1972: 286).

⁸¹ О конструктивных особенностях и физико-технических характеристиках древних сложносоставных луков см.: Литвинский 2001: 47—55, 345—346. Что же касается их фактической и прицельной дальнобойности, то в этом вопросе еще нет полной ясности. Многое здесь зависело от размеров и веса каждого конкретного лука, особенностей его конструкции, габаритов стрелы и т. п. Существует мнение, что максимальная дальнобойность древних сложносоставных луков находилась в пределах 165—230 м, а эффективная — между 50—150 м (Stephenson 2001: 81). Также предполагается, что луки гуннов могли прозвать доспехи с расстояния в 100 м (Laing 2000: 130). Но обратимся к первоисточникам. Вегетий, который, возможно, был современником Аттилы (см. примеч. 21), сообщает (*Veget. ERM* II, 23), что римские лучники могли поражать цель на 600 шагов (*sexcentis pedibus*), т. е. с расстояния около 178 м (McLeod 1965: 7), а не 274 м (Coulston 1985: 290; Stephenson 2001: 81). По данным «Стратегикона» Маврикия (рубеж VI—VII вв.), дальность прицельного выстрела из лука могла составлять 133 м (McLeod 1965: 11; Bivar 1972: 283; Dennis 1984: 171, s. v. *bowshot*) или даже больше, например 225 м (McLeod 1965: 11). Исходя из сообщений византийских военных трактатов X в., дальность полета стрелы вычисляется в пределах 324,3—337,0 м (McLeod 1972: 80—82). Едва ли подлежит сомнению тот факт, что во всех этих примерах имелись в виду сложносоставные луки. Отметим далее, что некоторые сведения из средневековой мусульманской традиции позволяют предполагать, что фигурирующие в ней луки сложносоставной конструкции попадали в цель с расстояния примерно в 250 ярдов (= 229 м), а со 100 ярдов (= 91 м) пушенная из них стрела пробивала серьезные доспехи (Bivar 1972: 283). Плотный же обстрел из таких луков в исполнении

становлению тактики дистанционного боя, чрезвычайно эффективно применявшейся как центральноазиатскими хунну, так и генетически связанными с ними европейскими гуннами⁸².

Гунны, в том числе и их вожди, славились своим непревзойденным искусством в стрельбе из лука (εὐφροστάτη τοξεία: Olymp. fr. 18 D = fr. 19 B; Zosim. IV, 20, 4; Sidon. Carm. II, 266—269; Iord. Get. 128; Land. Sag. XII, 187; ср.: Greg. Tur. HF II, 8; Sidon. Carm. VII, 230—231; Prisc. fr. 1b D = 6, 2 B; Proc. Bell. V, 27, 27; VI, 1, 9—10). Иордан (Iord. Get. 255), характеризуя отношение гуннов к луку (arcus), подчеркивает, что «этот народ придает очень большое значение данному оружию» (gens ipsa eo telo multum praesumat). Сидоний говорит о «тщательно отделанных» луках и стрелах гуннов как о предметах их особой страсти: Teretes arcus et spicula cordi (Sidon. Carm. II, 266). Костяные детали луков происходят из гуннских погребений (Засецкая 1994: 35—36; Werner 1956: 46—50; Bóna 1991: 167—174). Необходимо также отметить, что, как показывает сам факт бытования в среде высшей гуннской знати чрезвычайно престижных по своему социальному значению моделей этого оружия (так называемых «золотых луков»), золотые накладки от которых были найдены в княжеских погребениях в Якушовицах, Печ-Усёге и Батасеке, лук у гуннов был не просто оружием — он рассматривался еще и в качестве символа власти (подробно см.: László 1951; Harmatta 1951; Fettich 1953: 171—177; Ковриг 1982: 8—11).

В сообщениях древних писателей о вооружении гуннов фигурируют не только сами луки (arcus: Sidon. Carm. II, 266; Iord. Get. 128; 255; Land. Sag. XII, 187), но и стрелы (missilia tela = spicula: Amm.

большой компактной группы стрелков был эффективен на расстоянии до 400 ярдов (= 365 м), хотя их реальная прицельная дальнбойность была значительно короче (Nyland 1996: 120). В контексте этой информации кажется уместным указать на интересный современный эксперимент, проведенный на базе баллистической лаборатории армии США с целью определения защитных свойств чешуйчатых панцирных доспехов. Вот его описание в той части, которая интересна для нас в первую очередь: «Для имитации отряда неприятеля была установлена специально изготовленная мишень. В вертикальную мишень размером 45 м по фронту и 18 м глубины при высоте в человеческий рост опытный стрелок из сложносоставного лука добивается стопроцентного попадания на расстоянии 90—270 м, а на дистанции 300 м и выше попадание составляет лишь 50 %» (Литвинский 2001: 345). Впрочем, это всего лишь результат лабораторного эксперимента, позволяющий только приблизительно смоделировать истинные боевые возможности и эффективность древних лучников, в том числе и знаменитых гуннских конных стрелков.

⁸² Хотя луки «гуннского» типа определено уже бытовали в первые века нашей эры у восточноевропейских сарматов, следует отметить, что находки костяных накладок от них крайне редки в погребениях, оставленных этими племенами. По всей видимости, сарматы явно не производили это оружие, отдельные образцы которого могли попадать к ним только в виде трофеев или подарков, тогда как сами они преимущественно использовали сравнительно небольшие сигмовидные луки т. н. «скифского» типа (Симоенко 1989: 60—63), безусловно, уступавшие «гуннским» в мощности (о «скифских» луках см.: Черненко 1981).

Marc. XXXI, 2, 9; βέλη: Prisc. *fr.* 1b D = 6, 2 B; sagittae: Hier. *Ep.* 60, 17; Iord. *Get.* 128; 249; 261 [ср.: Ibid. 213: sagittarii — 'лучники']; Land. *Sag.* XII, 187; σαγίτα⁸³: Malal. p. 358, 21; spicula: Sidon. *Carm.* II, 266; iacula: Sidon. *Carm.* VII, 236; tela: Merob. *Pan.* II, 80; Iord. *Get.* 206) и даже «позолоченные колчаны» (auratae pharetrae: Merob. *Pan.* II, 80). Точная длина гуннских стрел в источниках не указана, но представить их размеры позволяет находка колчанного набора в воинском погребении, раскопанном в помещении 7 на поселении Ак Тобе 2 в Южном Казахстане. В этом захоронении, связанном с гуннскими миграциями в конце IV—начале V в. в пределах Семиречья (Заднепровский 1992: 86—87), был обнаружен практически полный набор стрелкового снаряжения (Максимова и др. 1968: 74—77, рис. 31—33; см. также: Вóна 1991: 172, Abb. 3), включая сложносоставной лук «гуннского» типа длиной 120 см и берестяной колчан длиной 77 см и шириной 11 см, хранивший более двадцати стрел с железными наконечниками, камышовые древки которых имели длину 70—75 см⁸⁴.

Примечательно, что эти колчан и лук были помещены в большой берестяной футляр — горит, который был предназначен для транспортировки стрелкового оружия на марше, — это, в частности, подтверждается и тем фактом, что на луке тетива не была натянута, т. е. он находился в небоевом положении. Большие сложносоставные луки действительно имели один серьезный недостаток: при длительном нахождении с надетой тетивой они утрачивали свою гибкость. Поэтому уже с эпохи поздней античности применялись два способа их ношения — боевой и повседневный. Перед началом сражения на лук устанавливалась тетива и он помещался в горит крупных размеров, прикрепленный к седлу, как это показано на пластине из кургана 2, датируемого первыми веками нашей эры, который был раскопан в Орлатском могильнике близ Самарканда (Никоноров, Худяков 1999: 144, рис. 3/1, 4/2). По окончании боевых действий воины спускали тетиву (Plut. *Ant.* 46, 2; 49, 3; Plut. *Crass.* 30, 2), после чего укладывали луки в мягкие длинные и узкие налучья — последние появились, судя по иконографическим материалам из Средней Азии, Ирана и Месопотамии, не позднее парфянского времени (Пилипко 2001: рис. 229/21; Harmatta 1981: 193, fig. 6; Perkins 1973: pl. 39). На упомянутой выше пластине из Орлатского могильника футляр для натянутого лука соединен в один набор с колчаном и налучьем; у всадников-охотников, изображенных на другой пластине из этого же захоронения, налучье,

⁸³ Этот греческий термин (калька с лат. sagitta) как обозначение стрелы получил распространение в военном лексиконе уже в византийскую эпоху (см.: Kolias 1988: 218, 220, 226).

⁸⁴ Для примера: стрелы византийских воинов, по данным одного из военных трактатов X в., имели в длину 9 палест, т. е. около 70 см (Syll. 39, 4; Kolias 1988: 218). Длина стрел восточных (татарских, турецких, арабских) лучников эпохи позднего средневековья была в среднем 75 см (Бегайм 1995: 285).

судя по всему, скомбинировано с колчаном (Никоноров, Худяков 1999: 144, рис. 6). Изобразительные и, отчасти, вещественные данные наглядно демонстрируют, что и в раннем средневековье евразийские степняки носили луки со снятой тетивой в специальных длинных и изогнутых, иногда очень узких чехлах-налучьях. Изготовленные из кожи, они обычно подвешивались к поясу воина на ремешке при помощи пришитых к ним металлических петель (Крыганов 1996). Согласно византийским военным трактатам VI и X вв., на вооружении имперских войск находились широкие кожаные футляры для хранения лука с натянутой тетивой (θηκίον: Mauric. I, 1, 5; 6 M = I, 1, 14; 17 D; θηκάρια πλατέα: Mauric. I, 2, 2 M = I, 2, 14 D; Leon. Tact. VI, 2; θηκάρια δερμάτινα: Leon. Tact. V, 2; 3; θήκαι: Syll. 39, 4). Такие гориты были снабжены клапаном и подвешивались к седлу или поясу всадника (Haldon 1975: 21, п. 52). Кожаные футляры-гориты и чехлы-налучья для хранения больших луков «сасанидского» типа соответственно в боевом и небоевом положениях были найдены в раннесредневековых аланских погребениях Северного Кавказа (Каминский 1982: 50).

Вполне вероятно, что европейские гунны в IV—V вв. использовали какие-то из описанных выше видов горитов и налучий.

По всей очевидности, гуннские воины всегда имели при себе не один, а несколько луков. Косвенно это подтверждается тем фактом, что древнетюркские всадники возили с собой «два или три лука и тетивы в соответствующем числе» (Мандельштам 1956: 231; см. также: Harley Walker 1915: 667). В источниках X в. сообщается, что византийские пешие стрелки имели по два лука и по четыре тетивы (Praes. I, 35—36; Tact. 56, 38—39). В более раннем по времени «Стратегиконе» не указывается, сколько луков должны брать с собой византийские кавалеристы, но говорится о необходимости иметь в подсумках запасные тетивы к ним (κόρδα ἐκ περισοῦ ἐν τοῖς πουγγίοις: Mauric. I, 2, 2 M = I, 2, 15—16 D).

Согласно данным письменной традиции, на Востоке в древности и средневековье стандартный колчаный набор насчитывал 30 стрел (Обельченко 1992: 174—175; Алланиязов 1998: 36), хотя, конечно же, в отдельных случаях он мог быть меньшим или большим. К примеру, в армии Византии всадники на рубеже VI—VII вв. и в X в. имели в своих колчанах одинаковый запас стрел — 30 или 40 (Mauric. I, 2, 2 M = I, 2, 16—17 D; Syll. 39, 4⁸⁵); византийские пешие лучники на рубеже VI—VII вв. носили то же самое количество стрел (Mauric. XII, 8, 5 M = XII B 5, 3 D), тогда как в X в. — уже 100 стрел в двух колчанах (в одном 60 и в другом 40: Praes. I, 34—35; но ср.: Tact. 56, 37—38: 50 стрел в одном колчане). Но в любом случае 30 или даже несколько

⁸⁵ В тексте «Sylloge tacticorum» указано: λ' ἢ μ' ὀστοί, т. е. «30 или 40 стрел», но никак не «forty to fifty arrows», согласно Э. МакГиру, который цитирует этот же самый пассаж (McGeer 1995: 214).

больше стрел в одном колчанном наборе было явно недостаточно для серьезного сражения, поэтому стрелки должны были в ходе боя быстро пополнять свои опустевшие колчаны из специальных запасов и продолжать обстрел врага⁸⁶.

Что же касается скорострельности древних лучников, то даже по весьма приблизительным оценкам, основанным лишь на косвенных данных, она была, несомненно, высокой. К примеру, в XVII—XVIII вв. турецкие и татарские лучники были способны выпускать до 25 стрел в минуту (Lebedynsky 2001: 177). Уже в наши дни экспериментальным путем было установлено, что «тренированный стрелок может опустошить колчан с 15 стрелами за три минуты, а со 150 стрелами — за 30 минут» (Литвинский 2001: 116).

Интересно, что Аммиан Марцеллин, говоря о гуннских стрелах, упоминает только те из них, которые были снабжены костяными наконечниками, с большим искусством соединенными с древками и разнообразно изготовленными (*acutis ossibus pro spiculorum acumine arte mira coagmentatis et distinctis*: *Amm. Marc.* XXXI, 2, 9), что объясняется, конечно же, его особым интересом именно к этой, довольно экзотической их разновидности. Такие наконечники, как правило, делались вручную: с помощью ножа они вырезались из толстых костей животных, а их поверхность затем тщательно полировалась; для скрепления с древком в них высверливалась втулка (Черненко 1981: 103; Ведерников и др. 1995: 20—21). Следует иметь в виду то обстоятельство, что благодаря несложной технологии их изготовления костяные наконечники стрел для кочевников, особенно рядовых, действительно «являлись наиболее доступным, достаточно эффективным и распространенным средством поражения незащищенного противника в дистанционном бою» (Ведерников и др. 1995: 67). Но, несомненно, у гуннов времени Аммиана Марцеллина были и металлические (железные) наконечники, которые хорошо известны по находкам в археологических комплексах гуннского времени на территории Юго-Восточной Европы. Примечательно, что костяные наконечники стрел в них, наоборот, не обнаружены (Засецкая 1983; 1994: 36—39, 208—209), но это вовсе не означает, как порой предполагается (King 1987 [1995]:

⁸⁶ Так, известно, что в битве при Каррах парфянские конные стрелки, расстреляв свой боезапас, лишь ненадолго (и, очевидно, поочередно) покидали поле сражения, чтобы вновь наполнить колчаны стрелами, которые специально для этого перевозились на большом числе верблюдов, стоявших в тылу аршакидской армии (*Plut. Crass.* 25, 1; ср.: 21, 7). В византийских военных трактатах X в. говорится о том, что во время боевых действий позади последних рядов пехоты должны были следовать вьючные животные (мулы или ослы), на которых транспортировался дополнительный боезапас из расчета 15 000 стрел на каждое пехотное подразделение — по 50 для 300 лучников, не считая тех стрел, которые уже находились в их колчанах. Эти дополнительные стрелы прямо на передовую подносились специально назначенными бойцами из числа лучников и пращников, что позволяло участвующим в сражении стрелкам не отвлекаться и не терять времени на пополнение своих колчанов (*Praes.* I, 137—146; *Tact.* 56, 137—151).

81—82, 89), что сообщение Аммиана не заслуживает доверия. В частности, оно подтверждается тем фактом, что костяные наконечники стрел достаточно широко представлены в вещественных материалах культуры центральноазиатских хунну (Худяков 1986: 34—37, 39—42, 214—216; Могильников 1992: 265; Ведерников и др. 1995: 67). Находились они и на вооружении сарматов, германцев и некоторых других населявших Европу народов⁸⁷. Другое дело, что такие боеголовки были предназначены для поражения не прикрытого доспехами неприятеля, и поэтому, когда гунны столкнулись в Европе с применявшими серьезную панцирную защиту войсками, прежде всего римскими, они были вынуждены в значительной степени ограничить использование наконечников из кости (по крайней мере в боевых условиях), предпочтя им железные.

Согласно имеющимся археологическим находкам, гунны принесли с собой в Европу новые типы железных наконечников стрел, характерные для региона Центральной Азии (Засецкая 1983; 1994: 36—39, 208—209; Kazanski 1991: 135—136; 1993: 177), — это еще один аргумент в пользу восточного происхождения основного ядра гуннского племенного объединения.

Гунны, безусловно, оказали очень сильное воздействие на римско-византийскую практику стрельбы из лука, особенно на комплекс снаряжения стрелков. В нем, прежде всего, появилось чрезвычайно грозное оружие — большой сложносоставной лук «гуннского» типа. Но необходимо отметить, что некоторые новшества, обычно приписываемые гуннскому влиянию, на самом деле могли проникнуть на Запад при иных обстоятельствах. В частности, это новый способ натягивания тетивы лука, зародившийся в среде центральноазиатских кочевников и лишь условно называемый «монгольским», — при помощи большого пальца, обязательно защищенного (чтобы тетива не ободрала на нем кожу) специальным приспособлением в виде кольца из твердых материалов — кости, дерева или металла (см.: Reid 1992; Rausing 1967: 28). Была высказана точка зрения, что этот метод вошел в обиход римского и византийского воинства при посредстве гуннов (Coulston 1985: 275—278; Vivar 1972: 284—285), однако самая ранняя для территории Римской империи находка защитного перстня, надевавшегося на большой палец лучника, происходит из Дура-Европос в Сирии. Изготовленный из полированной кости, он был обнаружен, судя по всему, в

⁸⁷ На то, что сарматы изготавливали наконечники стрел из кости (ὄστεϊναὶ ἀκίδες ἐπὶ τοῖς ὀστοῖς), определенно указывает Павсаний, греческий писатель II в. н. э. (Paus. I. 21, 5; см. также: Хазанов 1971: 41—42). Костяные наконечники стрел из Нидам в Ютландии (Дания), происходящие из археологического контекста конца IV в. н. э. (Todd 1975: 176; Elton 1997: 63—64), могли появиться у обитавших там древнегерманских племен, если и не в русле местной традиции, то под влиянием скорее сарматов, чем гуннов, поскольку сармато-германские контакты в сфере военного дела были очень активными, что засвидетельствовано данными письменной традиции (Amm. Marc. XVII. 12, 1—3) и археологии (Šćukin 1993; Щукин 1994; Lebedynsky 2001: 65—68).

археологическом контексте, связанном со штурмом этой римской крепости войсками Сасанидов в середине III в. н. э., — другими словами, «монгольский» способ натягивания лука появился на восточных границах Рима значительно раньше последней трети IV в., когда гунны вступили в пределы Юго-Восточной Европы (James 1987). Впрочем, это вовсе не исключает возможности того, что именно под воздействием гуннов данное новшество уже прочно вошло в арсенал боевых средств римских и византийских лучников.

Другой пример — появление в арсенале восточноримских лучников колчанов, форма которых напоминает песочные часы (hour-glass) — с несколько «приталенным» туловом. Мнение о том, что они были заимствованы у гуннов в IV в. (Coulston 1985: 273—274; Bishop, Coulston 1993: 165), не находит поддержки в материалах, имеющих отношение к собственно гуннскому стрелковому снаряжению. Более того, время появления таких колчанов у восточноевропейских кочевников как будто бы не выходит за пределы VII в. н. э. (Крыганов 1990: 74, рис. 1/23, 24). К тому же, строго говоря, нет никаких доказательств, что «приталенные» колчаны были на вооружении самих римских стрелков, по крайней мере до VI в.

Оружием ближнего боя гуннам служили мечи, упоминаемые в источниках под разными терминами (ferrum: Amm. Marc. XXXI, 2, 9; ср.: Sidon. Carm. II, 298; VII, 249; ξίφος: Prisc. fr. 8 D = 13, 1; 15, 1 B; ср.: Ibid. fr 8 D = 12, 1 B; ensis: Merob. Pan. II, 83; ср.: gladius: Iord. Get. 183; Greg. Tur. HF II, 6). Кроме того, мы слышим об оруженосце или охраннике Аттилы, называемом *πλαθάριος* (Malal. p. 359, 5), букв.: 'меченосец' (от *πλάθη* — 'меч').

В качестве дополнения к тому немногому, что известно о гуннских мечах в письменной традиции, можно привести некоторые данные из «Вальтария» — латинского переложения X в. утраченной древнегерманской героической песни, связанной с эпическим циклом о Нибелунгах. В этом произведении, приписываемом монаху по имени Эккехарт из Сент-Галленского монастыря в Швейцарии, рассказывается история трех заложников при дворе гуннского царя Этцеля (исторического Аттилы⁸⁸): везеготского принца Вальтера Аквитанского, бургундской принцессы Хильдегунд и знатного франкского юноши Хагена (Nickel 1973: 138—139; см. также: Хойслер 1960: 410). В частности, сообщается, что, готовясь к побегу из ставки гуннов, Вальтер подпоясывается «по обычаю паннонцев» (pro ritu Panoniarum) двумя мечами — длинным двулезвийным (ensis) с левого бока и коротким однолезвийным (semispata, букв.: 'полумеч') — с правого. Впоследствии, в бою с нападшими на него франкскими витязями, Вальтер действует сначала длинным мечом, а затем, когда тот ломается, и коротким. Г. Никель предположил, что гунны (= паннонцы) действительно могли

⁸⁸ Об Аттиле как герое древнегерманских эпических сказаний см.: Váumli 1993; Шувалов 1999б.

использовать такой набор из двух мечей, и даже привел вещественные аналогии им — раннесредневековые мечи, найденные предположительно в Иране и декорированные в художественном стиле, характерном для находок позднегуннского времени из Венгрии (Nickel 1973: 131—135, 138—139, fig. 1—3, 18, 19)⁸⁹. Однако, несмотря на то что в основе героических преданий эпоса о Нибелунгах действительно лежит исторический факт — разгром гуннами германского племени бургунов в 437 г. (см.: Хойслер 1960; Адмони и др. 1972), военные реалии в «Вальтари» вполне могли иметь отношение уже не к гуннскому, а к последующему, аварскому времени. В этой связи примечательно, что у Эккехарта жители Паннонии называются также *Avaranses* — авары (Nickel 1973: 138, n. 12). Впрочем, сами авары могли заимствовать экипировку длинным и коротким мечами у потомков тех же гуннов, или же и у тех, и у других она появилась из общей центрально-азиатской традиции. Интересно, что, согласно археологическим данным, на вооружении гуннов были как мечи с длинными (до 90 см) прямыми двулезвийными клинками, так и прямые однолезвийные палаши (или тесаки; франк. *scramasaxes*) с клинками покорооче (50—60 см). Считается, что последние, найденные в гораздо меньшем количестве, появились в Восточной Европе вместе с гуннами (Werner 1956: 38—46; Засецкая 1994: 23—34; Bóna 1991: 175—176)⁹⁰.

⁸⁹ По орнаменту на их ножнах (а также на рукояти короткого экземпляра) в виде птичьих перьев, эти мечи обычно атрибутируются как сасанидские и датируются VII в. (Harper 1978: 83—84; Overlaet 1982: 195—206), но это, разумеется, вовсе не означает, что в эпоху раннего средневековья подобные мечи не могли использоваться также и в других регионах.

⁹⁰ Впрочем, М. Казанский сомневается, чтобы короткие палаши (*scramasaxes*), прототипы которых он выводит из Средней Азии и Закавказья, были принесены в Европу гуннами — последние, по его мнению, сами их быстро восприняли, уже находясь на Дунае (Kazanski 1991: 133; ср.: Lebedynsky 2001: 149—152). Как бы там ни было, следует иметь в виду, что 7 коротких (не более 59 см в длину) палашей были найдены японскими археологами в погребениях могильников Норузмахале, Хассанимахале, Галекути II и Шапир на юго-западном побережье Каспийского моря, в современной иранской провинции Гилян (Egami et al. 1966: pl. XVI, 12, XXXVI, 4; Sono, Fukai 1968: 26—27, 42—44, pl. XLIV, 8, XLV, 11, 12, XLVI, 6, 7, LXXVII, 11, 12, LXXIII, 8, LXXIX, 12, 15; Fukai, Matsutani 1980: 40, pl. 20, 6; 40, 5). Сами эти могильники, оставленные, вероятнее всего, племенами сармато-аланского круга (Заднепровский 1968), датируются в пределах I—III вв. н. э., и, таким образом, происходящие из них палаши являются на сегодня самыми ранними не только для Ирана, но и для западной части евразийского степного пояса. Правда, это вовсе не означает, что гунны не могли иметь подобное клинковое оружие еще до прихода в Северное Причерноморье, тем более что палаши определенно бытовали в воинской среде Центральной Азии и Южной Сибири еще с хуннской эпохи (Худяков 1986: 43—44, 79—81, 102, 120, 131). Существует точка зрения, что «палаши были заимствованы хуннами у сарматоидных ираноязычных кочевников, продвигавшихся по степному коридору на восток (в Восточный Туркестан) в IV—III вв. до н. э.» (Там же: 217). Впрочем, более или менее точное время и место появления этого вида клинкового оружия и — в связи с этим — направление его заимствования (с запада на восток или же с востока на запад) еще далеко не ясны.

Возможно, что гуннские воины действительно имели в своем распоряжении сразу два вида клинкового оружия — длинный двулезвийный меч и короткий однолезвийный палаш-тесак (Sinor 1981: 141; Nicolle 2000: 14). В этой связи обращают на себя внимание факты их совместного нахождения в некоторых могилах германской знати в Западной Европе (Kazanski 1991: 132—133). Не фигурируют ли первые в «Вальтарии» под термином *ensis*, а вторые — *semispata*?

Как и лук, меч считался у гуннов сакральным объектом: они поклонялись ему как богу войны (Prisc. fr. 8 D = 12, 1 B; Iord. Get. 183; см. также: Maenchen-Helfen 1973: 278—280). Культ меча как символа власти хорошо засвидетельствован у многих древних народов — скифов, аланов и др. (см.: Обельченко 1992: 157).

Сохранилось упоминание о гуннском тяжелом, украшенном золотом, поясе (*gravis... auro balteus*: Merob. Pan. II, 79—80), к которому, надо полагать, подвешивался не менее богато убранный меч.

Важно отметить, что ни один из письменных источников не называет в комплексе вооружения европейских гуннов ни дротики, ни какие-либо другие разновидности копья⁹¹. Данное обстоятельство, а также тот факт, что в Северном Причерноморье из памятников гуннской эпохи происходит только одна находка наконечника копья, позволяют согласиться с выводом, что «этот вид оружия не был распространен в гуннском войске» (Засецкая 1994: 35). Конечно же, речь не идет о полном отрицании самой возможности использования копий гуннами вообще — к примеру, короткие копья, по свидетельству древнекитайских авторов, были на вооружении центральноазиатских хунну (Таскин 1968: 34; Бичурин 1950: 40; Laufer 1914: 223). Впрочем, этот вид древкового оружия представлен в археологических данных хуннской культуры в довольно ограниченном количестве (Худяков 1986: 44, 46, 51).

Подобно другим кочевым народам Евразии (см.: Maenchen-Helfen 1973: 239—240; Sinor 1981: 141—142; Хазанов 1971: 50—51; Lebedynsky 2001: 202), гунны использовали в боевых действиях **лассо/аркан** (лат. *lacinia*, греч. βρόχος, σχοίνιον, σόκκος и др.). По словам Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXXI, 2, 9), гунны «опутывают врагов брошенными с размаха арканами, чтобы, обвязав члены сопротивляющихся, лишить их возможности усидеть верхом или уйти пешком» (*contortis laciniis illigant, ut laqueatis resistentium membris equitandi vel*

⁹¹ Скорее в качестве недоразумения следует рассматривать утверждение, основанное на источном переводе сообщения Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXXI, 2, 9) о гуннском боевом снаряжении в известной хрестоматии В. В. Латышева (SC: т. II, 338), что легкая кавалерия гуннов сражалась метательными копьями (Мерперт 1955: 159), поскольку римский историк вовсе не упоминает таковые, а говорит о стрелах (см. выше). Не находит поддержки в источниках и встречающееся порой в литературе мнение о том, что гунны имели на своем вооружении даже пики (Bruhn Hoffmeyer 1966: 116—117, 120; Dahmus 1983: 47; Nicolle 2000: 22; Hildinger 1997: 64), которое, к сожалению, нашло свое отражение в современных графических реконструкциях облика гуннского воина (Warry 1995: 213; Ferrill 1991: 143).

gradiendi adimant facultatem). Другой древний автор (Sozom. VII, 26, 8) указывает, что гунны, приготовив лассо, бросали его поднятой правой рукой, опираясь при этом на свой щит, с намерением утащить попавшую в петлю жертву к себе и своим соплеменникам (βρόχον παρασκευάσας, ἄσπίδι ἐπειρεϊδόμενος... ἀνασχών τὴν δεξιὰν ἀκοντίζειν... τὸ σχοινίον ἔμελλεν ὡς πρὸς ἑαυτὸν καὶ τοὺς ὁμοφύλους ἐλκύσων). Оценивая значение этого вида оружия для гуннского комплекса боевых средств, М. И. Артамонов писал, что, наряду с луком, «важнейшим предметом вооружения гуннов был аркан, который они ловко набрасывали на противника; стащив с лошади, они волочили его за собой, чтобы затем, в зависимости от обстоятельств, взять в плен или прикончить» (Артамонов 2001: 68). Необходимой составляющей техники владения лассо было умение захватить неприятеля врасплох, не позволяя ему предпринять какие-либо контрмеры. Конь же самого метателя лассо должен был быть приучен быстро останавливаться (Nyland 1996: 110).

Аркины крепились к седлу или же к поясу самого всадника — в последнем случае при помощи специального блока-грузила. Из могилы хуннского времени в Ильмовой пади (Забайкалье) происходит костяной предмет, интерпретируемый как блок от аркана (ГЭ-1354—125), а в древнетюркском захоронении 9 могильника Кудыргэ на Алтае был обнаружен его аналог из камня, подвешенный к поясу погребенного. Вот описание кудэргинского блока: «Прямое основание, округлая головка и два отверстия для продевания ремня, закрепленного, судя по сношенности, узлом в большом отверстии... — обычная форма подобных блоков» (Гаврилова 1965: 31, табл. XVII/3; Хазанов 1971: 51). Как показывает согдийская роспись начала VIII в. н. э. из помещения VI/41 на городище Пенджикент (60 км в востоку от Самарканда), всадник набрасывал лассо на своего оппонента одной (в данном случае правой) рукой, держа в другой смотанный конец веревки (Беленицкий 1973: ил. № 10; Lebedynsky 2001: 202). Следует отметить, что арабский писатель IX в. ал-Джахиз особенно подчеркивает умение кочевников-тюрок пользоваться лассо (Мандельштам 1956: 230—231), причем одним броском они могли поймать в петлю неприятельского всадника вместе с его конем (Nyland 1996: 109).

Для темы боевого применения лассо гуннами представляет интерес один из сохранившихся пассажей Олимпиодора (Olymp. fr. 17 D = 18 B), повествующий о том, что готский военачальник Сар был взят в плен воинами везеготского вождя Атаульфа при помощи арканов (σάκκοις)⁹². Учитывая, что в армии Атаульфа находились гунны (Zosim. V, 37, 1), можно предположить, что Сара скорее захватили именно они (Baldwin 1980a: 226), а не готы (Maenchen-Helfen 1973:

⁹² В некоторых рукописях на этом месте стоит слово σάκκοις ('мешков'), однако σάκκοις в данном контексте явно предпочтительнее (Gordon 1961: 39, 198, п. 9; Baldwin 1980a: 226; Blockley 1983: 183, 216, п. 48). Не годится здесь и перевод «зажав между щитами» (Скржинская 1999: 70).

240). Также обращает на себя внимание один эпизод из «Хронографии» Иоанна Малалы, в котором воевавший в рядах византийской армии гот Ареобинд встретился в поединке с персидским витязем. Ареобинд «имел при себе лассо по готскому обычаю» (ἐβάρσταζε καὶ σωκάρην κατὰ τὸ Γοτθικὸν ἔθος), и когда перс атаковал его с пикой наперевес, то, увернувшись вправо, он набросил на того аркан (ἐσόκκευσεν αὐτόν), стащил с коня и заколол (Malal. p. 364, 14—17). Присутствующее в этой истории выражение «по готскому обычаю» едва ли следует воспринимать буквально, поскольку сами готы в лучшем случае могли только позаимствовать лассо — это типичное оружие номадов — и технику обращения с ним у гуннов или аланов.

Имеется также свидетельство об использовании лассо в среде «гуннского» (= болгарского) воинства VI в. (Malal. p. 438, 11—13: σόκος = Theoph. A. M. 6031: σωκός). Добавим, что в «Стратегиконе» Маврикия, созданном на рубеже VI—VII вв., в составе снаряжения восточноримских кавалеристов фигурирует λωρόσοκκον (Mauric. I, 2, 7 M = I, 2, 42 D [= Leon. Tact. VI, 10]) — вероятнее всего, это не кожаный мешок («ein lederner Sack» — Dennis, Gamillscheg 1981: 81; «un săculeț de piele» — Mihăescu 1970: 53), а ременный аркан («a rawhide lasso» — Brown 1936: 449, n. 33; «a lasso with thong» — Dennis 1984: 13; см. также: Hyland 1996: 27—28; Elton 1997: 110, n. 61), который мог быть заимствован византийцами от номадов центральноазиатского происхождения (от аваров или же от их предшественников-гуннов).

XI. Защитное вооружение

Доспехи не были широко представлены в комплексе вооружения гуннов, что полностью соответствовало их тактике. Сообщается, в частности, что они употребляли щит. Это следует из рассказа Созомена (Sozom. VII, 26, 8) о попытке одного из гуннских воинов во время набега на Мезию пленить при помощи лассо Феотима, епископа города Тома: для того чтобы метнуть аркан, гунн «оперся на щит, как это обыкновенно делал, вступая в сношения с врагами» (ἀσπίδι ἐπερείδόμενος, ὥσπερ εἰώθει τοῖς πολεμίοις διαλεγόμενος). Поскольку в этом пассаже специально не оговаривается, был ли гуннский воин конным или нет, О. Менхен-Хельфен, решив, что тот в момент броска стоял на земле, пришел к выводу, которому затем последовал и Р. П. Линднер, что данный щит был слишком велик для использования верхом (Maenchen-Helfen 1973: 254; Lindner 1981: 8). Однако с этим категорически нельзя согласиться. Дело, прежде всего, в том, что лассо было оружием именно всадника, поскольку составной частью техники владения им было использование силы тяги скакуна с тем, чтобы утащить попавшую в петлю аркана жертву. С другой стороны, трудно себе представить, чтобы гунны ходили в разбойничьи набеги (а данный эпизод у Созомена следует рассматривать только в таком контексте) пешком — это, конечно же, нонсенс. Таким образом, упомянутый Со-

зоменом гуннский *âotîç* представлял собой, вероятнее всего, сравнительно небольшой и легкий деревянный щит⁹³, обтянутый кожей и потому вполне пригодный для применения в кавалерии. А это, в свою очередь, лишает Р. П. Линднера одного из аргументов (пусть и не самого главного) в пользу его теории о радикальной трансформации войска европейских гуннов (см. разд. VII). Подобный небольшой щит круглой формы фактически защищал только верхнюю часть туловища конного бойца от ударов вражеского оружия, тогда как его нижнюю часть в какой-то мере прикрывала высокая передняя лука седла жесткой конструкции (о последнем в составе гуннского всаднического снаряжения см. в разд. XII), которую поэтому при нападении стремились разрубить (Липец 1984: 68).

В нашем распоряжении имеются два конкретных упоминания о металлических гуннских шлемах. В одном случае головной доспех выступает под термином *cassis* (Merob. *Pan.* II, 83), причем здесь он явно позолоченный (*cassidis auratis facibus lux*), в другом — *galea* (Sidon. *Carm.* II, 255). Из контекста второго сообщения, принадлежащего перу Сидония Аполлинария и касающегося гуннской практики намеренного обезображивания лиц мужчин еще в детстве для большего соответствия их нуждам войны⁹⁴, был сделан вывод, что эти шлемы были снабжены наносниками и относились к известному позднеримскому типу *Spangenhelm* (Maenchen-Helfen 1973: 251—253), т. е. характеризовались конусовидной формой каркаса, который обычно состоял из четырех (иногда больше) направленных вверх металлических полос⁹⁵. Впрочем, упомянутые Сидонием боевые наголовья могли скорее принадлежать к шлемам другого, т. н. «конькового» (*ridge*) типа, которые в IV—начале V в. существенно преобладали среди других видов римских головных доспехов. Конструктивно они состояли из двух металлических скорлупообразных половин, причем каждая из них, в свою очередь, была либо цельной, либо набранной из нескольких (трех) пластин, и в том или ином виде обе половины скреплялись между собой продольной металлической полосой, своего рода «конь-

⁹³ Деревянные щиты применялись центральноазиатскими хунну, хотя, впрочем, они не представляли серьезной преграды для болтов, пущенных из мощных китайских арбалетов (Таскин 1968: 18). Но поскольку к моменту прихода гуннов их противники в Европе не располагали столько-нибудь действенным ручным стрелковым оружием, то щиты с деревянной основой должны были служить бойцам гуннской кавалерии достаточной защитой, по крайней мере, от вражеских стрел и дротов.

⁹⁴ Sidon. *Carm.* II, 253—255: «Затем, для того чтобы над щеками не выдавалась двойная трубка [носа], обвязанный вокруг [головы] бинт сдавливает нежные ноздри, чтобы они входили под шлемы» (Tum, ne per malas excrescat fistula duplex, obtundit teneras circumdata fascia nares, ut galeis cedant).

⁹⁵ Из последних работ, касающихся истории шлемов типа *Spangenhelm* см.: Overlaet 1982: 189—195; James 1986: 113—117, 128—134; Bishop, Coulston 1993: 172; Southern, Dixon 1996: 95—96; в них можно найти ссылки на предшествующую литературу по этой проблеме.

ком». Эти шлемы дополнительно снабжались наносником, нащечниками и пластиной для защиты шеи. В качестве их непосредственного прототипа справедливо рассматривается раннесасанидский железный шлем, который был найден в Дура-Европос в исключительно драматическом археологическом контексте, имеющем самое прямое отношение к осаде этой римской крепости на берегу Евфрата персидскими войсками в 250-е гг. Таким образом, для римских шлемов рассматриваемого типа достаточно надежно установлено восточное — по мнению С. Джеймса, парфяно-сасанидское⁹⁶ — происхождение (James 1986; Bishop, Coulston 1993: 167, 169—172; Southern, Dixon 1996: 92—95).

С точки зрения попытки атрибуции гуннских боевых наголовий, фигурирующих в тексте Сидония, особый интерес представляет тот факт, что железный шлем «конькового» типа, покрытый листовым серебром, был обнаружен в 1812 г. у с. Концешты (Молдавия) в погребении т. н. «гуннского князя», датированном временем около 400 г.; ныне он хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге (Matzulewitsch 1929: 125—126, Taf. 49; Засецкая 1994: 175, табл. 20/4). Несмотря на восточный генезис головных доспехов этого типа, нет никаких оснований думать, что сами гунны принесли с собой из Центральной Азии как этот, так и другие металлические шлемы. Скорее всего, они заимствовали их из римского комплекса защитного вооружения.

Само собой разумеется, что дорогостоящие металлические шлемы носили только представители гуннской знати, тогда как простые воины имели **изогнутые меховые шапки** (*galeri incurvi*: Amm. Marc. XXXI, 2, 6)⁹⁷, которые служили им и как средство защиты в бою.

Одно из немногих достоверных сообщений в классической нарративной традиции о гуннских **панцирях** принадлежит Сидонию в его описании конного поединка Авита, будущего западноримского императора, с гунном из армии Литория (*Sidon. Carm. VII, 289—294*)⁹⁸: в финале этого единоборства, в третьей своей атаке, римлянин пронзил копьем противника насквозь — так, что панцирь последнего оказался пробитым спереди и сзади (*Sed postquam prima, secunda, tertiaeque acta rota est, venit ecce et celsa cruentum perforat hasta virum, post confinia*

⁹⁶ Но к этому необходимо добавить, что для «коньковых» шлемов может быть назван еще один, причем даже более ранний прототип, чем доспех из Дура-Европос, — это наголовья бронированных всадников-катафрактов, которые были изображены в кушанской скульптуре I в. н. э. из дворца в Халчаяне на северо-западе далекой Бактрии (см.: Nikonov 1997: vol. 1, 53—54, vol. 2, fig. 28/d, 30/a). По этой причине, как кажется, все же правильнее видеть изначальное кушано-бактрийское влияние на данный вид римских шлемов, которое, безусловно, достигло пределов Римской империи при посредстве парфяно-сасанидского воинства.

⁹⁷ По-видимому, они же подразумеваются под термином *tiarae* у св. Иеронима, который противопоставляет их римским шлемам (*galeae*: Hier. Ep. 60, 17).

⁹⁸ Этот эпизод имел место в 436 г. (по поводу его исторического контекста см.: Thompson 1948: 67; 1999: 75).

dorsi cedit transfosso ruptus bis pectore thorax. Et dum per duplicem sanguis singultat hiatum, dividua ancipitem carpserunt vulnera vitam). Таким образом, этот thorax защищал не только грудь, но и спину. Возможно, он являлся доспехом типа широкораспространенной в античном мире двусоставной металлической кирасы, по-гречески θώραξ, поверхность которой часто искусно моделировала мускулы человеческого тела, — отсюда ее название «мускульная» (см.: Robinson 1975: 147—152; Stemmer 1978). Впрочем, доспехом, полностью закрывавшим тело противника Авита, вполне могла быть и кольчуга (лат. lorica hamata) — сплошная панцирная рубаха из сплетенных между собой металлических колец, изобретенная кельтами и воспринятая римлянами, а затем и другими народами, жившими в эпоху поздней античности на огромной территории от Европы до Восточного Туркестана (Robinson 1975: 164—173; Симоненко 1989: 67—68; Горелик 1995: 402). Такое предположение в известной степени подкрепляется двумя фактами: во-первых, две кольчуги, одна целая и одна во фрагментах, были найдены в погребальных комплексах гуннского времени на юге России — на сегодняшний день это единственные материальные свидетельства применения панцирной защиты гуннским воинством (Засецкая 1994: 39); во-вторых, к IV в. н. э. кольчуга стала стандартным нательным доспехом для Римской империи и сасанидского Востока, продемонстрировав на практике некоторые преимущества перед остальными видами брони (Bivar 1972: 276—278).

Наконец, в качестве еще одного варианта доспеха сраженного Авитом гунна можно рассматривать чешуйчатый панцирь (лат. lorica squamata, см.: Robinson 1975: 153—161), который, как и кольчуга, был широко представлен в позднеримском комплексе защитного снаряжения (Coulston 1990; Southern, Dixon 1996: 96—99; Elton 1997: 110—114; Stephenson 2001: 32—40). В принципе, любой из трех названных типов панцирной брони был пригоден для использования в кавалерии.

Нательный доспех (кирасу?) носил уже упоминавшийся выше (в разд. IV) безымянный гуннский правитель, который около 400 г. осуществлял контроль над одной из областей северопонтийского региона. Наш источник, епископ Амазеи Астерий, указывает, что это был «воинский панцирь, усыпанный сокровищами [досл.: 'имеющий кусты сокровищ'] (поскольку вооружение варваров хвастливо и чванливо)»: θώρακα τὸν πολεικόν... ὕλας ἔχοντα πλοῦτου (ἀλαζονικῆ γὰρ καὶ θρηπτομένη τῶν βαρβάρων ἢ πανοπλία) (Aster. *Hom.* 9, ср.: *Megeb. Pan.* II, 82; см. также: Maenchen-Helfen 1973: 249—250). В «Лексиконе» Свида (Суды) сохранился рассказ Приска Панийского о Зерконе, мавре по происхождению, который, попав в плен к гуннам, стал шутом их правителя Бледы, брата Аттилы. Зеркон повсюду сопровождал своего повелителя, в том числе и в военных походах, облачаясь при этом в специально изготовленный для него — с той целью, чтобы больше забавлять окружающих, — полный доспех (πελοπιμένην πρὸς τὸ γελοιώτερον

ἀναλαμβάνων ἐν ταῖς ἐξόδοις πανοπλίαν: Prisc. *fr.* 11 D = 13, 2 B [= Suid. s. v. Ζέρκων]). На этом список письменных свидетельств о гуннских панцирях заканчивается⁹⁹.

Не вызывает сомнения тот факт, что защитное снаряжение не получило широкого распространения среди основной массы гуннского войска, представлявшей собой легковооруженных конных стрелков. Ношение тяжелых и зачастую богато украшенных доспехов было прерогативой представителей гуннской аристократии и их дружинников, которые делали это, видимо, под римским влиянием. Поэтому у нас, безусловно, нет никаких оснований согласиться с точкой зрения А. М. Хазанова и И. П. Засецкой, допускающих существование в войске европейских гуннов подразделений тяжеловооруженной конницы (Хазанов 1971: 90; Засецкая 1994: 39).

Говоря о характере вооружения гуннов, следует иметь в виду то обстоятельство, что они, так же как аланы и готы, после побед над римлянами собирали и затем использовали их оружие (Oros. VII, 34, 5; Paul. Diac. *HR* XI, 15; Land. Sag. XII, 188)

ХII. Конское снаряжение

Во время битвы на Каталаунских полях, после того как гунны были вынуждены укрыться в своем укрепленном лагере, Атилл приказал соорудить внутри его костер из конских седел, в который он намеревался броситься, дабы не попасть живым в руки врагов (Iord. *Get.* 213: equinis sellis construxisse pyram; Paul. Diac. *HR* XIV, 7: ex equitatoriis ingentem pyram construxit). Эти equinae/equitatoriae sellae, вопреки скеп-

⁹⁹ Правда, О. Менхен-Хельфен приводит еще три сообщения, упоминающие, по его мнению, панцирное снаряжение гуннов (Maenchen-Helfen 1973: 248—251): Паката (Pacat. 33, 5 G = 33, 4 M), Меробавда (Merob. *Pan.* II, 82) и Прокопия Кесарийского (Proc. *Bell.* VI, 2, 21—22). Но если в указанной строке из «Панегирика» Меробавда панцирь, возможно, и присутствует (incendant gemmae chalybem), то свидетельство Паката о панцирной коннице Феодосия I (см. о ней также: Claud. V, 355—362; Levy 1971: 195—196; Syme 1968: 15) вовсе не означает, что в ней состояли и служившие ему в 388 г. гунны. Согласно Синезию (Synes. *DR* 4), в армии сына Феодосия, Аркадия (как, надо полагать, перед этим и у его отца) находилось множество всадников, из которых одни были лучниками (τοξόται), а другие — воинами в доспехах (θωρακοφόροι). Призванные Феодосием гунны, конечно же, представляли первых. Что же касается данных Прокопия, который упоминает очень прочный панцирь (θώραξ) на «массагете» Бохе, телохранителе византийского полководца Велизария, то здесь надо иметь в виду то обстоятельство, что он писал о «гуинах» = «массагетах» своего времени (VI в.), поэтому связь их защитного снаряжения с собственно гуннским IV—V вв. не представляется столь уж очевидной. К тому же очень возможно, что панцирь полагался Бохе, исходя из его статуса телохранителя, и вовсе не обязательно такой пательный доспех имели другие его соплеменники. Остается добавить, что, по свидетельству Агафия, в том же VI в. в войске «гуннов»-савиров находились тяжеловооруженные воины (Agath. III, 17, 5: ὀπλίται; ср.: III, 18, 4: τὰ ὀπλά περιβαλλόμενοι), т. е. оснащенные панцирной броней, но это опять-таки не может служить параллелью к комплексу защитного снаряжения их предшественников-гуннов.

сису О. Менхен-Хельфена (Maenchen-Helfen 1973: 208), несомненно, представляли собой настоящие деревянные седла, уже хотя бы потому, что волосяная набивка мягких седел, если бы таковые использовались в гуннской кавалерии, была бы совершенно непригодна в качестве топлива для костра (Werner 1956: 51; Кызласов 1973: 25). На бытование у гуннов седел жесткой деревянной конструкции с высокими луками определенно указывают находки в погребальных памятниках гуннской эпохи металлических обкладок ленчиков и передней луки, а также обивок по краям седел (Werner 1956: 50—53; Дмитриев 1979; Засецкая 1984; 1994: 45—50; Kazanski 1991: 137; 1993: 177; Kazanski et al. 1990: 53, 57—62; Bóna 1991: 68, 177, 179; Lebedynsky 2001: 197—199). Заметим, что деревянные седла были уже у центральноазиатских хунну, которые при необходимости могли сооружать из них временные наземные укрепления, ставя седла друг на друга на большую высоту (Кызласов 1973: 26—27; см. также: Могильников 1992: 265—266).

Хотя седла с деревянным каркасом, согласно археологическим данным, имели применение уже у скифов не позднее второй половины IV—начала III в. до н. э. (Граков 1971: 98; Мелюкова 1989: 97), а вещественные и изобразительные материалы свидетельствуют о том, что они были также и у сарматов (Кушаев 1978: 81, рис. 3/9—9а; Трейстер 1994: 190—191, рис. 7, 9, 11), жесткие седла с передней и задней высокими луками арочной формы широко распространились в Восточной Европе именно с приходом гуннов. Такие седла, появившиеся на востоке Центральной Азии еще задолго до гуннской экспансии в западном направлении, давали конным лучниками достаточно надежную опору при скачке и стрельбе даже при отсутствии стремян. Кстати, о последних. Совершенно неприемлемым представляется утверждение о том, что у гуннов были стремяна (Clark 1941: 53; Кларк 1953: 307—308; Howarth 1994: 20; Bruhn Hoffmeyer 1966: 115). Попытка же обосновать с археологической точки зрения саму возможность использования гуннами стремян тем, что они изготовлялись из органических материалов, которые не сохраняются в погребениях (Werner 1956: 53; Littauer 1981: 104), — не более чем гипотеза, требующая более строгих доказательств, нежели чисто логические рассуждения¹⁰⁰. Вообще же реальные стремяна, сначала деревянные, окованные листовым металлом, а потом и цельнометаллические, появились в странах

¹⁰⁰ Идея о гораздо более раннем, чем это обычно считается, появлении стремян, первоначально изготавливавшихся из органических материалов, уже неоднократно высказывалась в научной печати (Кызласов 1973: 31—35; Рунич 1973: 169; ср.: Dalton 1964: LXVIII; Кляшторный, Савинов 1994: 101, 102). По данному поводу уместно процитировать следующую сентенцию: «Так же трудно поверить в то, что знающие металлообработку народы использовали бы в течение длительного времени или же в большинстве случаев веревочные, кожаные или деревянные стремяна без изготовления их заменителей из бронзы или железа, как и считать, что неметаллические стремяна никогда не существовали, просто потому, что они не сохранились и не могут быть найдены при раскопках» (White 1966: 19).

Дальнего Востока в IV—V вв. н. э. (Амброз 1973: 83, 86; Крюков и др. 1979: 164—168; Вайнштейн 1991: 223; Littauer 1981: 102—103; Dien 1986: 33—35; Świątosławski 1990: 25—27). Не позднее середины I тысячелетия железные стремяна оттуда попали в Центральную Азию и Южную Сибирь (Кляшторный, Савинов 1994: 101—102; Шульга, Горбунов 1998), а затем, при посредстве местных всаднических народов, двинувшихся на запад, они были занесены в Европу. В ее восточной части этот элемент экипировки конника мог оказаться уже в конце V—первой половине VI в. (вместе с савирами?) (Измайлов 1990). Авары — представители следующей волны кочевых переселенцев из Азии — способствовали появлению стремян в Подунавье (Bivar 1955: 62—63; 1972: 287; Амброз 1973: 87—94; Haldon 1975: 22; Littauer 1981: 103, 105; Świątosławski 1990: 29—30; Lebedynsky 2001: 200). Произошло это, согласно археологическим данным, начиная с VII в., но на самом деле, по-видимому, все же несколько раньше — с конца VI в.¹⁰¹, поскольку стремяна, причем парные железные (σκάλαι σιδηραῖ δύο), уже упоминаются в «Стратегиконе» Маврикия — памятнике византийской военной мысли рубежа VI—VII вв. — как элемент восточноримского кавалерийского снаряжения, на состав которого как раз авары и оказали весьма существенное влияние (Mauric. I, 2, 7 M = I, 2, 41—42 D [= Leon. Tact. VI, 10]; ср.: Mauric. II, 8, 3 M = II, 9, 28 D).

Гунны же стремян, естественно, еще не знали, да, собственно говоря, для умелого использования своих луков и тактики они в этом новшестве особенно и не нуждались (Bachrach 1986: 26). Для этого им было вполне достаточно иметь под собой жесткое седло с высокими передней и задней вертикальными луками, которые давали им надежную опору при ведении эффективной стрельбы вперед и с оборотом назад¹⁰².

¹⁰¹ Однако следует иметь в виду, что достоверных данных об использовании стремян самими аварами для собственно военных нужд нет, по меньшей мере, до второй половины VII в. (Bachrach 1986: 25—26). Что же касается Западной Европы, где стремяна определенно появились не позднее второй половины VII в. (Дженито 1992), то, судя по имеющимся свидетельствам, они не получили сколько-нибудь заметного применения в военном деле вплоть до начала X в. (Bachrach 1985: 739—742; 1986: 24).

¹⁰² В этой связи особенно важно подчеркнуть, что не стоит излишне переоценивать роль стремян в развитии древней кавалерии вообще, тем более рассматривать их внедрение в качестве эпохального революционного скачка в военном деле, как это делает, например, Л. Вайт (White 1966: 1—38), да и другие исследователи (Кызласов 1973: 24, 30—31; Littauer 1981: 103—104; ср.: Амброз 1973: 81, 83). Слов нет, стремяна в самом деле сделали верховую езду гораздо более удобным занятием, чем это было прежде, и вдобавок предоставили конным воинам дополнительную опору для применения оружия, прежде всего рубящего действия. Однако, самое позднее, в последние века до н. э., т. е. еще задолго до появления стремян, кочевники Средней и Центральной Азии, а под их влиянием и конные войска таких могущественных государств, как Рим, Парфия и царство Сасанидов, использовали седла жесткой (деревянной) конструкции, снабженные либо выступами-«рогами» по углам (Connolly 1987; Hyland 1990b: 130—136; 1993: 45—51; Hutchinson 1998: 278, s. v. saddle, Roman; Dixon, Southern 2000: 70—74; Herrmann 1989: 763—769; Никоноров 2001: 115—116), либо передними и задними

Из элементов конской сбруи у гуннов источниками упоминаются уздечка (τοῦ ἵπλου ὁ χαλινός; Prisc. fr. 8 D = 13, 1 B), крюкообразные удила (*crispata lupata*)¹⁰³, покрытые листовым золотом (*aurea lamna*)

луками (Nikonov 1997: vol. 1, 54; vol. 2, 11, fig. 29/h; Никоноров, Худяков 1999: 147, рис. 4/1), которые надежно фиксировали посадку всадников и в достаточной мере предохраняли их от падения с коня даже при нанесении противнику сильного атакующего удара. Такие седла обеспечивали воинам как в тяжелом (катафрактном), так и в легком (стрелковом) снаряжении возможность эффективного применения оружия ближнего и дистанционного боя, невзирая на отсутствие столь необходимой, казалось бы, опоры на стремяна. Таким образом, вопреки распространенному мнению, можно утверждать, что отсутствие стремян не уменьшало боеспособность древней конницы (Coulston 1986: 61—62; Goldsworthy 1998: 244; Dixon, Southern 2000: 74; Hutchinson 1998: 300, s. v. stirrup, impact of). Внедрение упомянутых седел жесткой конструкции вполне компенсировало этот пробел в ее оснащении. И, очевидно, вовсе не обязательно связывать друг с другом появление жестких седел и изобретение стремян, тем более что последние вошли в обиход на несколько столетий позднее первых.

Правда, Дж. Херрманн высказала предположение, что прослеживающееся по некоторым памятникам сасанидского искусства появление в IV в. н. э. седла только с одной, передней лукой, которое заменило прежнее седло с выступами-«рогами», — это, скорее всего, свидетельство начала применения в Иране стремян, без опоры на которые использование нового седла в военном деле было бы делом безрассудным. Однако она в то же время признает, что в сасанидской иконографии нет ни одного изображения стремян, и решение данного вопроса невозможно без появления новых достоверных доказательств (Herrmann 1989: 769—772). В письменных же источниках самое раннее упоминание об употреблении стремян в Иране относится только к концу VII в. (White 1966: 18—19).

¹⁰³ Надо полагать, что здесь подразумеваются мундштучные (строгие) удила, нащечная часть которых имела форму изогнутых стержней-«рычагов». Данный тип удил состоял из грызла, конфигурация и конструкция которого могли быть самыми различными, и поперечины, соединенных между собой нащечными стержнями. При натягивании поводьев все это устройство жестко воздействовало на нижнюю челюсть и язык коня, что позволяло всаднику в очень значительной степени контролировать своего скакуна (см.: Leshnik 1971: 149; Azzaroli 1985: 120—121; Ковалевская 1977: 16—17), что было особенно важно в военном деле. Как правило, такие удила применялись в комбинации с металлическим намордником. Элементы узды этого типа хорошо известны среди римских древностей Европы первых веков нашей эры (Taylor 1975; Lawson 1982; Nyland 1990a; 1990b: 136—144; 1993: 52—65; Dixon, Southern 2000: 63—65), а вещественные и изобразительные материалы свидетельствуют о том, что мундштучные удила в сочетании с намордником бытовали также в Иране в позднепарфянский и раннесасанидский периоды (см.: Herrmann 1989: 758—763; Harper 1978: 28—30, 81—82; Nikonov 1997: vol. 1, 61, vol. 2, 17—18). Правда, те удила, которые происходят из археологических комплексов гуннского времени Юго-Восточной Европы, принадлежат к совсем другому виду — они не строгие, а простые биметаллические, составленные из двух прямых стержней, к концам которых крепились кольчатые или стержневые псалии (Засецкая 1994: 40—42; Kazanski 1991: 137—139; Lebedynsky 2001: 199; см. также: Ахмедов 2001). Однако отметим, что в Метрополитен Музее в Нью-Йорке хранятся везеготские железные мундштучные удила конца VII—начала VIII в. из Испании (Harper 1978: 82, fig. 27b), типологически, по форме и декору близкие более ранним иранским (сасанидским) удилам из этого же музея, датируемым III—V вв. (Ibid.: 81—82). Другими словами, это вещественное подтверждение использования узды рассматриваемого типа среди готов, восточная ветвь которых была тесно связана с гуннами, в известной степени может быть распространено и на последних.

(*Merob. Pan.* II, 81), и нагрудные **фалары**, украшенные драгоценными камнями (*falerae vario gemmarum fulgore praetiosae*: *Iord. Get.* 258). Из всаднических принадлежностей фигурируют **плети-нагайки** (φραγέλλια: *Callin. VH VI*, 2), известные также по находкам их деталей в погребениях гуннского времени (*Werner 1956*: 54; *Lebedynsky 2001*: 200—201)¹⁰⁴.

В древней литературной традиции особенно оттеняется любовь гуннов к украшению своего оружия и конского снаряжения золотом и драгоценными камнями (*Prisc. fr.* 8 D = 13, 1 B¹⁰⁵; *Aster. Hom.* 9; *Merob. Pan.* II, 79—83; *Iord. Get.* 258). В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что именно в гуннскую эпоху в ювелирном искусстве Юго-Восточной Европы сложился так называемый полихромный стиль, т. е. техника орнаментирования сделанных из золота и серебра или же покрытых золотой фольгой украшений и декоративных элементов предметов быта, включая оружие и конское убранство, вставками из цветного стекла и полудрагоценных камней (см.: *Засецкая 1975*; *1994*: 50—97; см. также: *Шувалов 2001*: 136—140; *Lebedynsky 2001*: 81—84). Все это, очевидно, отвечало эстетическим представлениям и вкусам гуннской и тесно связанной с ней восточногерманской и аланской знати, в том числе, естественно, представителей военной аристократии.

ХIII. Заключение

Итак, в свете данных письменной традиции, дополненных там, где это необходимо, археологическими материалами, военное дело европейских гуннов выглядит следующим образом. Основное ядро их войска состояло из отрядов легкой конницы, вооруженных большими мощными луками в качестве главного оружия, а также мечами (не исключено, что каждый воин, по крайней мере в отдельных случаях, мог иметь два меча — длинный двулезвийный и более короткий однолезвийный) и арканами (лассо). Предпочтение в тактике явно отдавалось

¹⁰⁴ Добавим, что нагайки сложносоставной конструкции — с рукоятями, снабженными бронзовыми накладками, и ремнями, на которые напущены бронзовые обоймы-утяжелители, — происходят из финно-угорских погребений IV—V вв. в районе средней Оки. Предполагается, что их устройство восходит к прототипам, бытовавшим в среде восточноевропейских кочевников позднесарматского круга (*Ахмедов 1991*). Важно отметить, что этот обязательный для каждого конного воина-кочевника предмет снаряжения, часто отделанный металлическими деталями, мог использоваться не только как средство управления кошем, но и в качестве оружия ближнего боя (*Бородовский 1987*; *Липец 1984*: 81—83; *Алланиязов 1998*: 87). Еще одной функцией нагаек была передача условных тактических сигналов (*Callin. VH VI*, 2; *Veget. ERM III*, 5; см. разд. VII). В письменной традиции VI в. встречается упоминание о нагайках (μάστιγες) у «гуннов»-кутригуров (*Agath. V*, 19, 11).

¹⁰⁵ Говоря об этом, *Приск*, тем не менее, отмечает очень скромное оформление меча, обуви и конской уздечки, которыми пользовался сам *Аттила*, что, очевидно, было отнюдь не характерно для других представителей гуннского нобилитета.

бою на дальней дистанции при поддержании постоянной высокой мобильности и маневренности, поэтому защитные доспехи, прежде всего металлические, не получили сколько-нибудь серьезного распространения в среде гуннского воинства, за исключением аристократов. Гуннская конница всегда атаковала первой, действуя в рассыпном строю, и в ходе сражения применяла различные тактические приемы и уловки (окружение неприятеля, притворное отступление, устройство засад) с тем, чтобы притупить бдительность и физически измотать неприятеля. Стратегия гуннов основывалась на факторе внезапности нападения, при этом они стремились глубоко проникнуть на вражескую территорию. Все эти особенности их военного дела, несомненно, восходили к военной практике центральноазиатского кочевого народа хунну (сюнну), с которыми значительная часть гуннского племенного объединения была связана своим происхождением.

Хотя многие восточные народы еще издревле применяли конный бой со стрельбой из луков, хунну, а вслед за ними и гунны развили его до наиболее оптимальной формы — боя преимущественно на дистанции, когда исход сражения решался не в рукопашной схватке, а в методичном и эффективном обстреле противника со значительного расстояния, т. е. с наименьшими для себя потерями¹⁰⁶. Появление же подобной тактики, в свою очередь, стало возможным только в результате изобретения дальнобойного лука сложносоставной (условно говоря, «гуннской») конструкции в восточной части центральноазиатских степей в последние века до нашей эры.

Благодаря своему превосходству в дальнобойном оружии и тактике, гунны одержали верх над сармато-аланскими и германскими племенами, превратившись в результате в крупнейшую военно-политиче-

¹⁰⁶ Само собой разумеется, что и до гуннов имели место примеры чрезвычайно эффективных действий оснащенной мощными дальнобойными луками конницы. Наиболее яркий из них — это битва при Каррах в 53 г. до н. э., в которой парфянские конные стрелки внесли весомую лепту в разгром римской армии Марка Красса (Medinger 1933). Наш основной источник Плутарх специально отмечает, что луки парфян были большими и мощными (τόξα κραταῖα καὶ μεγάλᾳ), и лучники, круто натягивая их, с огромной силой посылали стрелы в цель (Plut. Crass. 24, 4), легко пробивая щиты римской тяжелой пехоты (Ibid. 25, 6; ср.: 18, 3). Вне всякого сомнения, луки эти были сложносоставной конструкции, представляя собой вариант (или варианты) «гуннского» типа. Это исключительно эффективное стрелковое оружие было принесено в Иран из среднеазиатских степей при посредстве тамошних кочевников, которые активно привлекались на военную службу парфянскими Аршакидами. Однако при Каррах парфяне придерживались своей традиционной тактики, принципиально отличной от гуннской, и ее суть заключалась в строгой координации легковооруженных конных стрелков, составлявших основную массу их армии, со сравнительно немногочисленной бронированной кавалерией катафрактов, набранной из представителей знати. Именно такое тактическое взаимодействие легкой и тяжелой конницы, зародившееся в среде ираноязычных номадов Средней Азии как следствие их столкновений с армией Александра Македонского, принесло парфянам ту грандиозную победу (подробно см.: Никоноров 1995; Nikonov 1997: vol. 1, 21—23, 50—51).

скую силу Юго-Восточной и Центральной Европы конца IV—первой половины V в. Римская империя, особенно ее восточная часть, неоднократно испытывала силу гуннского оружия.

При грозном Аттиле армия гуннов испытала серьезную трансформацию — в ее состав были включены очень значительные контингенты пехоты, набранные главным образом из среды подвластных ему восточногерманских племен, что существенно повлияло на гуннскую тактику, которая прежде базировалась исключительно на использовании кавалерии. Именно это организационно-тактическое изменение явилось одной из причин неудачи войск гуннского правителя в битве на Каталаунских полях. Впрочем, нет и достаточно веских оснований утверждать, вопреки завоевавшему популярность мнению Р. П. Линднера, что собственно гуннская часть воинства Аттилы превратилась в пехоту.

Гунны оказали самое глубокое воздействие на вооружение и тактику не только подвластных им народов¹⁰⁷, но и — в том числе через институт наемничества — позднеримской и ранневизантийской армий (Darkó 1935: 463—469; 1948: 87—89; Bivar 1972: 281—284; Haldon 1975: 12; Coulston 1985: 243—244; 1986: 70; Bishop, Coulston 1993: 195, 205; McGeer 1995: 207, 211; Greatrex 1998: 39)¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Говоря о влиянии военного дела гуннов, в частности на остроготовов, следует также иметь в виду, что последние в организации своих боевых отрядов, возможно, испытали определенное воздействие традиционной для центральноазиатских кочевых народов «десятичной системы» (о ней см. примеч. 16), в соответствии с которой гунны формировали свои конные части (см.: Wolfram 1993: 13; 1990: 107).

¹⁰⁸ Так, согласно данным письменной традиции, при императоре Юстиниане (527—565) в войсках Византийской империи на первый план выдвигается конница, бойцы регулярных подразделений которой в качестве главного наступательного оружия использовали лук, причем с очень большой эффективностью. Прокопий Кесарийский специально подчеркивает, что восточноримские всадники, состоявшие под командованием полководца Велизария, были, как и их союзники-«гунны», отличными конными стрелками (Ῥωμαῖοι μὲν σφεδὸν τι ἄπαντες καὶ οἱ ξύμμαχοι Οὐννοὶ ἰπλοτοξόται εἰσὶν ἀγαθοί). По своим боевым качествам они заметно превосходили вооруженные силы италийских остроготовов, которые были одним из главных врагов Византии времени правления Юстиниана (Proc. *Bell.* V, 27, 27; см. также: Thompson 1965: 121—122; 1982: 77—78, 80—82; Kaegi 1963: 98; Bivar 1972: 286; Nyland 1996: 25). Проявили себя кавалеристы из состава имперских войск и под командованием Нарзеса — другого выдающегося военачальника той эпохи, сыграв исключительно важную роль в сражениях с франко-аламаннским воинством (Agath. I, 22, 1—7; II, 8, 1; 9, 2—6; 10; см. также: Kaegi 1963: 98—99; Fauber 1990: 117, 125—129; Nyland 1996: 26). Очень показателен и тот факт, что луки византийской конницы обладали большей мощностью по сравнению с аналогичным оружием их современников-персов (Proc. *Bell.* I, I, 14—15; 18, 33—34; см. примеч. 80). Все это, безусловно, говорит в пользу заимствования восточными римлянами сложносоставных луков «гуннского» типа и собственно гуннских тактических приемов — к последним относится классическое примененне Нарзесом тактики «приторного отступления» в бою с франками при Аримине (Agath. I, 22, 1—7).

XIV. Литература **

1. Издания трудов греческих и латинских авторов

- Agath. — *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* / Rec. R. Keydell. Berolini 1967.
- Ambros. *Ep.* — *Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi Epistolae* // PL. T. XVI. 1845. Col. 875—1286.
- Amm. Marc. — *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. I—II. Leipzig, 1978.
- Anonym. — *The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy* // *Three Byzantine Military Treatises* / Text, Translation, and Notes by G. T. Dennis. Washington, 1985. P. 1—136.
- Aster. *Hom.* — *S. P. N. Asterii Amaseae episcopi Homiliae* // PG. T. XL. 1863. Col. 163—478.
- Auson. — *Decimi Magni Ausonii Burdigalensis Opuscula* / Ed. S. Prete. Leipzig, 1978.
- Callin. *VH* — *Callinicos. Vie d'Hypatios* / Introduction, texte critique, traduction et notes par G. J. M. Bartelink. Paris 1971.
- Cassiod. *Chron.* — *Cassiodori senatoris Chronica ad a. DXIX* / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). T. XI. 1894. P. 109—161.
- Cassiod. *Hist.* — *M. Aurelii Cassiodori Historia ecclesiastica vocata Tripartita* // PL. T. LXIX. 1848. Col. 879—1214.
- Catull. — *Catulli Veronensis Liber* / Rec. A. Baehrens. Lipsiae, 1876.
- Chron. Gall. — *Chronica Gallica a. CCCCLII et DXI* / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). T. IX. 1892. P. 615—666.
- Claud. — *Claudii Claudiani Carmina* / Ed. J. B. Hall. Leipzig, 1985.
- Clem. Alex. *Strom.* — *Clementis Alexandrini Stromatum I—IV* // *Clementis Alexandrini Opera* / Ex rec. G. Dindorfii. Vol. II. Oxonii, 1869.
- CTh — *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis* / Ed. adsumpto apparatu P. Kruegeri Th. Mommsen. Vol. I/2. Editio tertia. Berolini, 1962.
- Dlugoss. — *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Lib. VII et VIII* / Textum recensuit et editionem curavit D. Turkowska. Varsaviae, 1975.
- Ennod. — *Magni Felicis Ennodi Opera* / Rec. Fr. Vogel // MGH (AA). T. VII. 1885.
- Eunap. *fr.* — *Eunapii Fragmenta* // HGM. Vol. I. 1870. P. 205—274 [D]; Eunapius // Blockley R. C. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes.* Liverpool, 1983. P. 1—150 [B].
- Exc. Vales. — *Excerpta Valesiana* / Rec. J. Moreau. Lipsiae, 1961.
- Evagr. — *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia* / Ed. with introduction, critical notes, and indices by J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898.
- Greg. Tur. *HF* — *Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri decem* / Ed. R. Buchner. Vol. I. Berlin, 1967.
- Hdn. — *Herodiani Ab excessu divi Marci libri octo* / Ed. C. Stavenhagen. Stuttgartiae, 1967.

** В обоих списках раздела «Библиография» указаны лишь те тома отдельных публикаций, которые были использованы в данной работе.

- Hier. *Adv. Jovin.* — S. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Adversus Jovinianum libri duo // PL. T. XXIII. 1845. Col. 211—338.
- Hier. *Comm. in Is.* — S. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Commentariorum in Isaiam prophetam libri duodeviginti // PL. T. XXIV. 1845. Col. 17—678.
- Hier. *Ep.* — Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Epistolae // PL. T. XXII. 1845. Col. 325—1224; Saint Jérôme. Lettres / Texte établi et traduit par J. Labourt. T. III—IV. Paris, 1953; 1989.
- Hor. *Carm.* — Q. Horati Flacci Carmina / Tertium rec. L. Mueller. Lipsiae 1898.
- Hyd. *Chron.* — Hydatii Lemici Continuatio chronicorum Hieronymianorum ad a. CCCCLXVIII / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). T. XI. 1894. P. 1—36; Hydace. Chronique / Introduction, texte critique, traduction, commentaire et index par A. Tranoy. T. I—II. Paris, 1974.
- Iord. *Get.* — Iordanis De origine actibusque Getarum (Getica) / Rec. Th. Mommsen // MGH (AA). T. VI/1. 1882. P. 53—138.
- Iord. *Rom.* — Iordanis De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum (Romana) / Rec. Th. Mommsen // MGH (AA). T. VI/1. 1882. P. 1—52.
- Isid. *Etym.* — Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Rec. W. M. Lindsay. T. I—II. Oxonii, 1966.
- Isid. *HG* — Isidori iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). T. XI. 1894. P. 267—295.
- Iust. — Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum / Ed. O. Seel. Stutgardiae, 1972.
- Joan. *Ant. fr.* — Joannis Antiocheni Fragmenta // FHG. Vol. IV. 1868. P. 535—622; Vol. VI/1. 1870. P. 27—39.
- Land. *Sag.* — Landolfi Sagacis Additamenta ad Pauli Historiam Romanam / Rec. H. Droysen // MGH (AA). T. II. 1879. P. 225—376.
- Leon. *Problem.* — Leonis VI Sapientis Problemata / Nunc primum ed., adnotatione critica et indice auxit A. Dain. Paris, 1935.
- Leon. *Tact.* — Leonis imperatoris Tactica. T. I (Prooemium et constitutiones I—XI continens) / Ad librorum mss. fidem ed., recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vári. Budapestini, 1917.
- Malal. — Ioannis Malalae Chronographia / Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831.
- Marcell. — Marcellini v. c. Comitis Chronicon ad a. DXLVIII / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). T. XI. 1894. P. 37—108; The Chronicle of Marcellinus / A Translation and Commentary (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) by B. Croke. Sydney, 1995.
- Mauric. — Mauricius. Arta militară / Ediție critică, traducere și introduce de H. Mihăescu. București 1970 [M]; Das Strategikon des Maurikios / Einführung, Edition und Indices von G. T. Dennis; Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981 [D].
- Max. *Tur. Hom.* — Sancti Maximi episcopi Taurinensis Homiliae // PL. T. LVII. 1847. Col. 221—530.
- Men. *Prot. fr.* — Menandri [Protectoris] Fragmenta // HGM. Vol. II. 1871. P. 1—131 [D]; The History of Menander the Guardsman / Introductory Essay. Text, Translation and Historiographical Notes by R. C. Blockley. Liverpool, 1985 [B].
- Merob. *Pan.* II — Fl. Merobaudis Panegyricus II / Ed. F. Vollmer // MGH (AA). T. XIV. 1905. P. 11—18; Clover F. M. Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary. Philadelphia, 1971. P. 64—68.
- Olymp. *fr.* — Olympiodori Fragmenta // HGM. Vol. I. 1870. P. 450—472 [D]; Olympiodorus // Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of

- the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983. P. 151—220 [B].
- Oros. — Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Ex rec. C. Zangemeister. Lipsiae 1889; Orose. Histoires (Contre les Païens) / Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. T. III. Paris, 1991.
- Pacat. — Panégyrique de Théodose par Pacatus // Panégyriques latins / Texte établi et traduit par E. Galletier. T. III. Paris, 1955. P. 47—114 [G]; Panegyricus Latini Pacati Drepani dictus Theodosio // XII Panegyrici Latini / Rec. R. A. B. Mynors. Oxonii, 1973. P. 82—120 [M].
- Paul. Diac. *HR* — Pauli [Diaconi] Historiae Romanae libri XI—XVI / Rec. H. Droysen // MGH (AA). T. II. 1879. P. 183—224.
- Paulin. Petric. *VM* — Paulini Petricordiae de vita Sancti Martini episcopi libri VI / Rec. M. Petschenig // CSEL. Vol. XVI. 1888. P. 17—159.
- Paus. — Pausaniae Graeciae Descriptio / Ed. M. H. Rocha-Pereira. Vol. I. Leipzig, 1973.
- Philostorg. — Philostorgius. Kirchengeschichte. Mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. 3., bearbeitete Aufl. von F. Winkelmann. Berlin, 1981.
- Plut. *Ant.* — Plutarchi Antonius // Plutarchi Vitae parallelae / Ed. K. Ziegler. Vol. III/1. Leipzig, 1971. P. 60—152.
- Plut. *Crass.* Plutarchi Crassus // Plutarchi Vitae parallelae / Rec. C. Lindskog, K. Ziegler. Vol. I/2. Lipsiae, 1914. P. 142—200.
- Praec. — The *Praecepta militaria* of the Emperor Nikephoros II Phokas (963—969) // McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995. P. 3—78.
- Prisc. *fr.* — Prisci Fragmenta // HGM. Vol. I. 1870. P. 275—352 [D]; Priscus // Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983. P. 221—400 [B].
- Proc. *Bell.* — Procopii De bellis libri I—VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I—II / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905.
- Proc. *De aed.* — Procopii VI libri de aedificiis // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. III/2 / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1913.
- Proc. *HA* — Procopii Historia quae dicitur arcana // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. III/1 / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1906.
- Propert. — Propertius. Elegies I—IV / Ed., with Introduction and Commentary, by L. Richardson, Jr. Norman, 1977.
- Prosp. *Chron.* — Prosperi Tironis Epitoma chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). T. IX. 1892. P. 341—499.
- Ps.-August. *Ep.* — Appendix tomi secundi operum Sancti Augustini, complectens aliquot epistolas ipsius nomine olim falso praenotatas // PL. T. XXXIII. 1902. Col. 1093—1162.
- Ps.-Aur. Vict. — Pseudo-Aurélius Victor. Abrégé des Césars / Texte établi, traduit et commenté par M. Festy. Paris, 1999.
- Salv. *GD* — Salviani De gubernatione Dei libri VIII / Rec. F. Pauly // CSEL. Vol. VIII. 1883. P. 1—200; Salvien de Marseille. Œuvres. T. II: Du gouvernement de Dieu / Introduction, texte critique, traduction et notes par G. Lagarrigue. Paris, 1975.
- Sidon. *Carm.* — Gai Sollii Apollinaris Sidonii Carmina // C. Sollius Apollinaris Sidonius / Rec. P. Mohr. Lipsiae 1895. P. 238—354; Sidoine Apollinaire. T. I: Poèmes / Texte établi et traduit par A. Loyen. Paris, 1960.

- Socr. Schol. — Socratis Scholastici Ecclesiastica historia / Ed. R. Hussey. T. II. Oxonii, 1853; Sokrates [Scholastikos]. Kirchengeschichte / Hrsg. von G. Chr. Hansen. Mit Beiträgen von M. Širinjan. Berlin, 1995.
- Sozom. — Sozomenus. Kirchengeschichte / Hrsg. von J. Bidez. Eingeleitet, zum Druck besorgt und mit Registern versehen von G. Chr. Hansen. 2., durchgesehene Aufl. Berlin, 1995.
- Stat. *Theb.* — P. Papinii Statii Achilleis et Thebais. Fasc. II: Thebais / Rec. Ph. Kohlmann. Lipsiae, 1884.
- Strabo — Strabonis Geographica / Rec. A. Meineke. Vol. II. Lipsiae, 1877.
- Suid. — Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. Pt. I—III. Lipsiae, 1928—1933.
- Syll. — Sylloge tacticorum quae olim «Inedita Leonis Tactica» dicebatur / In lucem prolata curis A. Dain. Paris, 1938.
- Synes. *Catast.* I — Synesii Catastasis I // Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944. P. 283—285.
- Synes. *Catast.* II — Synesii Catastasis II // Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944. P. 285—293.
- Synes. *DR* — Synesii De regno // Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944. P. 5—62.
- Synes. *Ep.* — Synesii Cyrenensis Epistolae / Rec. A. Garzya. Romae, 1979.
- Tact. — The *Taktika* of Nikephoros Ouranos, Chapters 56 through 65 // McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995. P. 79—167.
- Theodoret. — Theodoret. Kirchengeschichte / Hrsg. von L. Parmentier; bearbeitet ... von F. Scheidweiler. Berlin, 1954.
- Theoph. — Theophanis Chronographia / Rec. C. De Boor. Vol. I: Textum Graecum continens. Lipsiae, 1883.
- Theophyl. Sim. — Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887.
- Thuc. — Thucydidis De bello Peloponnesiaco libri octo / Rec. G. Boehme. Vol. I. Lipsiae, 1885.
- Veget. *DAM* — P. Vegeti Renati Digestorum artis mulomedicinae libri / Ed. E. Lommatzsch. Lipsiae, 1903.
- Veget. *ERM* — Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae, 1869; Flavius Vegetius Renatus. Epitoma Rei Militaris / Ed. with an English Translation by L. F. Stelten. New York; Bern; Frankfurt am Main; Paris, 1990.
- Verg. *Georg.* — P. Vergilii Maronis Georgica / Hrsg. und erklärt von W. Richter. München, 1957.
- Xen. *Anab.* — Xenophontis Expeditio Cyri (Anabasis) / Ed. C. Hude, J. Peters. Leipzig, 1972.
- Zonar. *Lex.* — Iohannis Zonarae Lexicon / Ed. I. A. H. Tittmann. T. II. Lipsiae, 1808.
- Zosim. — Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887; Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. T. II/2, III/1—2. Paris, 1979—1989.

2. Исследования и комментированные переводы источников

Адмони и др. 1972: Песнь о Нибелунгах / Изд. подгот. В. Г. Адмони, В. М. Жирмунский, Ю. Б. Корнеев, Н. А. Сигал. Л.

- Алланиязов 1998: *Алланиязов Т. К.* Военное дело кочевников Казахстана. 2-е изд., испр. и доп. Алматы.
- Амброз 1973: *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VII вв.) // СА. № 4. С. 81—98.
- Артамонов 2001: *Артамонов М. И.* История хазар. 2-е изд. СПб.
- Асеев и др. 1987: *Асеев И. В., Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д.* Погребение хуннского воина на горе Сул-Толгой // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск. С. 126—136.
- Ахмедов 1991: *Ахмедов И. Р.* Плетки из могильника у с. Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. А. П. Абрамова и др. М. С. 146—150.
- Ахмедов 2001: *Ахмедов И. Р.* Псалии в начале эпохи Великого переселения народов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 220—251.
- Бану-Лахути, Берзнев 1989: *Фирдоуси.* Шахнаме. Т. VI: От начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура, до конца книги / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. М.
- Беленицкий 1973: *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.
- Бехайм 1995: *Бехайм В.* Энциклопедия оружия: Пер. с нем. СПб.
- Бичурин 1950: *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.
- Боковенко, Засецкая 1993: *Боковенко Н. А., Засецкая И. П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // ПАВ. № 3. С. 73—88.
- Бородовский 1987: *Бородовский А. П.* Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск. С. 28—39.
- Браун 1899: *Браун Ф.* Разыскания в области готско-славянских отношений. I: Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле. СПб.
- Буданова 2000: *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.
- Вайнштейн 1991: *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М.
- Ведерников и др. 1995: *Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И.* Баллистика. От стрел до ракет. Новосибирск.
- Вернадский 1996: *Вернадский Г. В.* История России. Древняя Русь: Пер. с англ. Тверь; М.
- Гаврилова 1965: *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
- Голубовский 1902: *Голубовский П. В.* С какого времени можно проследить на юге России способ защиты табором? // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. Т. II. М. С. 72—79 [2-я паг.].
- Горелик 1990: *Горелик М. В.* Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск. С. 155—160.
- Горелик 1995: *Горелик М. В.* Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Ред. Б. А. Литвинский. М. С. 359—430.

- Граков 1971: *Граков Б. Н.* Скифы: Научно-популярный очерк. М.
- Грантовский 1970: *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Гумилев 1993: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.
- Гумилев 1998: *Гумилев Л. Н.* История народа хунну. Кн. 1—2 / Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М.
- Давыдова 1985: *Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.
- Давыдова 1995: *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.
- Давыдова 1996: *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.
- Дельбрюк 1994: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: Пер. с нем. Т. II: Германцы. СПб.
- Дестунис 1861: *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского // Ученые записки 2-го Отд. имп. Академии наук. Кн. VII/1. СПб. С. 1—112.
- Дженито 1992: *Дженито Б.* Стремена аварского типа в Италии // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. II / Ред. Б. А. Раев. Новочеркасск. С. 151—157, 185—186.
- Дмитриев 1979: *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4. С. 212—229.
- Ермолова 1984: *Ермолова И. Е.* Общественный строй гуннов последней четверти IV—начала V в. // ДГ. 1982 г. М. С. 229—238.
- Заднепровский 1969: *Заднепровский Ю. А.* [Рецензия] // СА. № 1. С. 304—307. Рец. на кн.: Egami N., Fukai S., Masuda S. Dailaman II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. Токуо, 1966.
- Заднепровский 1992: *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М. С. 73—87.
- Засецкая 1975: *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л.
- Засецкая 1982: *Засецкая И. П.* Погребение у села Кызыл-Адыр Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники культуры на территории СССР / Ред. А. М. Микляев. Л. С. 54—77.
- Засецкая 1983: *Засецкая И. П.* Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V вв.) // История и культура сарматов / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов. С. 70—84.
- Засецкая 1984: *Засецкая И. П.* Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А. И. Мелюковой и др. М. С. 68—78.
- Засецкая 1994: *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб.
- Засецкая 1996: *Засецкая И. П.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV—V в. н. э.). Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.
- Измайлов 1990: *Измайлов И. Л.* Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск. С. 61—70.

Иностранцев 1926: *Иностранцев К. А.* Хунну и Гунны (Разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е изд., доп. Л.

Каминский 1982: *Каминский В. Н.* О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА АН СССР. Вып. 170. С. 48—51.

Кларк 1953: *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. Экономический очерк: Пер. с англ. М.

Кляшторный 1989: *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке (III в. до н. э.—IV в. н. э.) // История древнего мира. 3-е изд., испр. и доп. [Кн. 3:] Упадок древних обществ / Под ред. И. М. Дьяконова и др. М. С. 243—254.

Кляшторный, Савинов 1994: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.

Кляшторный, Султанов 2000: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.

Ковалевская 1977: *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник (Пути и судьбы). М.

Ковриг 1982: *Ковриг И.* Погребение гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М. С. 6—13.

Колесников 1970: *Колесников А. И.* Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л.

Кондратенко 2001: *Кондратенко А. П.* Военное дело хунну // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья / Отв. ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев. Новосибирск. С. 5—10.

Коновалов 1976: *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ.

Корсунский, Гюнтер 1984: *Корсунский А. Р., Гюнтер З.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.

Крадин 2002: *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.

Крыганов 1990: *Крыганов А. В.* Азиатские элементы в вооружении ранне-средневековых восточноевропейских кочевников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск. С. 71—80.

Крыганов 1996: *Крыганов А. В.* Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 344—352.

Крюков и др. 1979: *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.

Кулаковский 1996: *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. I. СПб.

Кулаковский 2000: *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. ст., коммент. и карта С. М. Перевалова. СПб.

Кучма 2001: *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. СПб.

Кушаев 1978: *Кушаев Г. А.* Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА АН СССР. Вып. 154. С. 76—82.

Кызласов 1973: *Кызласов И. Л.* О происхождении стремян // СА. № 3. С. 24—36.

Кычанов 1997: *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.

Липец 1984: *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.

Литвинский 2001: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.

Магомедов, Левада 1996: *Магомедов Б. В., Левада М. Е.* Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. С. 304—323, 558—566.

Максимова и др. 1968: *Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата.

Маидельштам 1956: *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // ТИИАЭ АН КазССР. Т. I. С. 227—250.

Мандельштам 1975: *Мандельштам А. М.* К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск. С. 229—237.

Мелюкова 1989: *Мелюкова А. И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М. С. 92—100.

Мерперт 1955: *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. Т. XXIII. С. 131—168.

Миняев 1990: *Миняев С. С.* Азиатские аспекты «гуннской проблемы» // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул. С. 129—132.

Миняев 1998: *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб.

Могильников 1992: *Могильников В. А.* Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М. С. 254—273.

Нестеров 1990: *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Никоноров 1995: *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центр. Азии / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово. С. 53—61.

Никоноров 2001: *Никоноров В. П.* Парфянские седла // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В. М. Массон, Ашхабад. С. 115—116.

Никоноров, Худяков 1999: *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии / Ред. О. А. Митько. Новосибирск. С. 141—154.

Обельченко 1992: *Обельченко О. В.* Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н. э.—VII в. н. э. М.

Пигулевская 1941: *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.

Пилипко 2001: *Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.

Плетнева 1964: *Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. № 3. С. 133—140.

Плетнева 1982: *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.

Рец, Юй Су-Хуа 1999: *Рец К. И., Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии / Ред. О. А. Митько. Новосибирск. С. 42—55.

Ростовцев 1993: *Ростовцев М. И.* Парфянский выстрел // ПАВ. № 5. С. 98—107.

Руденко 1962: *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.

Рунич 1973: *Рунич А. П.* О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1. С. 163—170.

Савин, Семенов 1997: *Савин А. М., Семенов А. И.* Материалы гуннского облика из пещеры Камтыттукем в Горном Алтае: ксилотомический анализ // Культура народов Сибири. Материалы Третьих сибирских чтений / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб. С. 34—46.

Савинов 1981: *Савинов Д. Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск. С. 146—162.

Савинов 1998: *Савинов Д. Г.* О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы; М. С. 130—141.

Симоненко 1989: *Симоненко А. В.* Импортное оружие у сарматов // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов) / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск. С. 56—73.

Скржинская 1997: *Скржинская Е. Ч.* Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб.

Скржинская 1999: *Скржинская Е. Ч.* Олимпиодор Фиванский. История / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указ. Е. Ч. Скржинской / Под ред. П. В. Шувалова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.

Таскин 1968: *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). [Вып. 1.] М.

Таскин 1973: *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.

Таскин 1989: *Таскин В. С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 1: Сюнну. М.

Трейстер 1994: *Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевки (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. № 1. С. 172—203.

Удальцова 1974: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М.

Хазанов 1966: *Хазанов А. М.* Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Н. А. Кисляков, М. Г. Воробьева. М. С. 29—44.

Хазанов 1970: *Хазанов А. М.* Некоторые спорные вопросы истории сложных луков // СА. № 2. С. 273—276.

Хазанов 1971: *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.

Хойслер 1960: *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах: Пер. с нем. / Под ред. В. М. Жирмунского и Н. А. Сигал. М.

Худяков 1985: *Худяков Ю. С.* Сложный лук у народов Южной Сибири в первой половине I тыс. н. э. // ПАЭ. Вып. III. С. 46—51.

Худяков 1986: *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Худяков 1991: *Худяков Ю. С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Худяков 1993: *Худяков Ю. С.* Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск. С. 107—148.

Худяков, Цэвэндорж 1990: *Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д.* Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии / Отв. ред. А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск. С. 126—132.

Цэвэндорж 1985: *Цэвэндорж Д.* Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972—1977 гг.) // Древние культуры Монголии / Ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск. С. 51—87.

Черненко 1981: *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев.

Черненко 1984: *Черненко Е. В.* Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев. С. 59—75.

Шаровольский 1904: *Шаровольский И. В.* Древне-скандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа // Университетские известия. Г. XLIV. № 7. Киев. С. 1—37 [2-я паг.].

Шувалов 1999а: *Шувалов П. В.* К вопросу о влиянии аваров на позднеримское военное дело // Изучение культурного наследия Востока: Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге (23—25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб. С. 48—51.

Шувалов 1999б: *Шувалов П. В.* Немошь Аттилы (властитель гуннов глазами германцев) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Ред. Р. М. Шукуров. М. С. 259—276.

Шувалов 2001: *Шувалов П. В.* У истоков средневековья: двор Аттилы // ПСИКСВ. Вып. 3. С. 130—145.

Шульга, Горбунов 1998: *Шульга П. И., Горбунов В. В.* Стремя раннего типа из Алейской степи // снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул. С. 99—101.

Щукин 1994: *Щукин М. Б.* К вопросу о сармато-германских контактах // Проблемы истории и культуры сарматов: ТД / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград. С. 53—54.

Alexander 1973: *Alexander P.* Background: The Roman Empire at the Time of the Hunnic Invasions // Maenchen-Helfen O. J. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture / Ed. by M. Knight. Berkeley; Los Angeles; London. P. 464—485.

Altheim 1959: *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. I: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa / Mit Beiträgen von R. Göbl, H.-W. Haussig, R. Stiehl, E. Trautmann-Nehring. Berlin.

Altheim 1962: *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. IV: Die europäischen Hunnen / Mit Beiträgen von E. Lozovan, R. Stiehl und E. Trautmann-Nehring. Berlin.

Austin 1979: *Austin N. J. E.* Ammianus on Warfare. An Investigation into Ammianus' Military Knowledge. Bruxelles.

Azzaroli 1985: *Azzaroli A.* An Early History of Horsemanship. Leiden.

Bachrach 1969: *Bachrach B. C.* The Origin of Armorican Chivalry // TCul. Vol. 10/2. P. 166—171.

Bachrach 1973: *Bachrach B. S.* A History of the Alans in the West: From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis.

Bachrach 1985: *Bachrach B. S.* Animals and Warfare in Early Medieval Europe // *L'uomo di fronte al mondo animale nell'alto medioevo*. T. I. Spoleto. P. 707—751.

Bachrach 1986: *Bachrach B. S.* A Picture of Avar-Frankish Warfare from a Carolingian Psalter of the Early Ninth Century in Light of the *Strategicon* // *ArEMA*. IV. P. 5—27.

Bachrach 1992: *Bachrach B. S.* Some Observations on the «Goths» at War // *Francia*. Bd. 19/1. Sigmaringen. P. 205—214.

Bachrach 1994: *Bachrach B. S.* The Hun Army at the Battle of Chalons (451): An Essay in Military Demography // *Ethnogenese und Überlieferung. Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung* / Hrsg. von K. Brunner und B. Merta. Wien; München. P. 59—67.

Baldwin 1980a: *Baldwin B.* Olympiodorus of Thebes // *ACI*. T. XLIX. P. 212—231.

Baldwin 1980b: *Baldwin B.* Priscus of Panium // *Byzantion*. T. L/1. Bruxelles. P. 18—61.

Barnes 1979: *Barnes T. D.* The Date of Vegetius // *Phoenix*. Vol. XXXIII/3. Toronto. P. 254—257.

Barnes 1998: *Barnes T. D.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca; London.

Barnish 1992: *Barnish S.* Old Kaspars: Attila's invasion of Gaul in the literary sources // *Fifth-century Gaul: a crisis of identity?* / Ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge. P. 38—47.

Bäumli 1993: *Bäumli F. H.* Attila in Medieval German Literature // *AMHL*. P. 57—64.

Birley 1988: *Birley E.* The Roman Army: Papers 1929—1986. Amsterdam.

Bishop, Coulston 1993: *Bishop M. C., Coulston J. C. N.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome. London.

Bivar 1955: *Bivar A. D. H.* The Stirrup and its Origins // *OrA*. NS. Vol. I/2. P. 61—65.

Bivar 1972: *Bivar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // *DOP*. No. 26. P. 271—291.

Blockley 1972: *Blockley R. C.* Dexippus and Priscus and the Thucydidean Account of the Siege of Plataea // *Phoenix*. Vol. XXVI/1. Toronto. P. 18—27.

Blockley 1975: *Blockley R. C.* Ammianus Marcellinus: A Study of his Historiography and Political Thought. Bruxelles.

Blockley 1981: *Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. [Vol. I.] Liverpool.

Blockley 1983: *Blockley R. C.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool.

Bökönyi 1974: *Bökönyi S.* History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.

Bóna 1991: *Bóna I.* Das Hunnenreich. Stuttgart.

Brown 1936: *Brown F. E.* Arms and Armor // *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Sixth Season of Work (October 1932 — March 1933)* / Ed. by M. I. Rostovtzeff et al. New Haven; London; Prague. P. 439—466.

Bruhn Hoffmeyer 1966: *Bruhn Hoffmeyer A.* Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid. Granada.

- Budge 1914: *Budge E. A. W.* Assyrian Sculptures in the British Museum: Reign of Ashur-nasir-pal, 885—860 B.C. London.
- Burns 1984: *Burns T. S.* A History of the Ostrogoths. Bloomington.
- Burns 1994: *Burns T. S.* Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375—425 A.D. Bloomington; Indianapolis.
- Bury 1966: *Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire: From Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Vol. I. Amsterdam.
- Cameron 1970: *Cameron Al.* Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford.
- Cameron Av., Cameron Al. 1964: *Cameron Av., Cameron Al.* Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire // CQ. NS. Vol. XIV. P. 316—328.
- Chevedden 1995: *Chevedden P. E.* Artillery in Late Antiquity: Prelude to the Middle Ages // The Medieval City under Siege / Ed. by I. A. Corfis and M. Wolfe. Suffolk; Rochester. P. 131—173.
- Chrysos 1978: *Chrysos E. K.* The Title βασιλεύς in Early Byzantine International Relations // DOP. No. 32. P. 29—75.
- Clark 1941: *Clark G.* Horses and Battle-axes // Antiquity. Vol. XV (No. 57). Gloucester. P. 50—70.
- Clover 1971: *Clover F. M.* Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary. Philadelphia.
- Connolly 1987: *Connolly P.* The Roman Saddle // BAR (IS). 336. P. 7—27.
- Coulston 1985: *Coulston J. C.* Roman archery equipment // BAR (IS). 275. P. 220—366.
- Coulston 1986: *Coulston J. C.* Roman, Parthian and Sassanid Tactical Developments // BAR (IS). 297/1. P. 59—75.
- Coulston 1990: *Coulston J. C. N.* Later Roman armour, 3rd — 6th centuries A.D. // JRMES. Vol. 1. P. 139—160.
- Croke 1977: *Croke B.* Evidence for the Hun Invasion of Thrace in A.D. 422 // GRBS. Vol. 18. P. 347—367.
- Croke 1987: *Croke B.* Cassiodorus and the *Getica* of Jordanes // CPh. Vol. 82/2. P. 117—134.
- Crump 1975: *Crump G. A.* Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden.
- Dagron 1987: *Dagron G.* «Ceux d'en face». Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // TMem. 10. P. 207—232.
- Dagron 1993: *Dagron G.* Modèles de combattants et technologie militaire dans le *Stratègikon* de Maurice // ARB. P. 279—284.
- Dahmus 1983: *Dahmus J.* Seven Decisive Battles of the Middle Ages. Chicago.
- Dain 1967: *Dain A.* Les stratègistes byzantins // TMem. 2. P. 317—392.
- Dalton 1964: *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-Work. 3rd ed. London.
- Darkó 1935: *Darkó E.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins [1] // Byzantion. T. X/2. Bruxelles. P. 443—469.
- Darkó 1937: *Darkó E.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins [2] // Byzantion. T. XII/1—2. Bruxelles. P. 119—147.

Darkó 1948: *Darkó E.* Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'empire romain aux premiers siècles du moyen-âge // *Byzantion*. T. XVIII. Bruxelles. P. 85—97.

Dennis 1984: *Maurice's Strategikon*. Handbook of Byzantine Military Strategy / Transl. by G. T. Dennis. Philadelphia.

Dennis, Gamillscheg 1981: *Das Strategikon des Maurikios / Einführung*, Edition und Indices von G. T. Dennis; Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien.

Dien 1986: *Dien A. E.* The Stirrup and its Effect on Chinese Military History // *ArOr*. Vol. 16. P. 33—56.

Dixon, Southern 2000: *Dixon K. R., Southern P.* The Roman Cavalry: From the First to the Third Century A.D. New York.

Egami et al. 1966: *Egami N., Fukai S., Masuda S.* Dailaman II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. Tokyo.

Elton 1997: *Elton H.* Warfare in Roman Europe, A.D. 350—425. Oxford.

Fauber 1990: *Fauber L.* Narses: Hammer of the Goths. The Life and Times of Narses the Eunuch. New York.

Ferrill 1991: *Ferrill A.* The Fall of the Roman Empire: the military explanation. New York.

Fettich 1953: *Fettich N.* Le trouvaile de tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszéksós. Budapest.

Fukai, Matsutani 1980: *Fukai Sh., Matsutani T.* Halimehjan I. The Excavations at Shahpir, 1976. Tokyo.

Goffart 1989: *Goffart W.* Rome's Fall and After. London; Ronceverte.

Golden 1990: *Golden P. B.* The peoples of the south Russian steppes // *CHEIA*. P. 256—284.

Goldsworthy 1998: *Goldsworthy A. K.* The Roman Army at War: 100 B.C. — A.D. 200. Oxford.

Gordon 1961: *Gordon C. D.* The Age of Attila. Fifth-Century Byzantium and the Barbarians. 2nd printing. Ann Arbor.

Gordon 1974: *Gordon C. D.* Vegetius and His Proposed Reforms of the Army // *Polis and Imperium: Studies in Honour of Edward Togo Salmon* / Ed. by J. A. S. Evans. Toronto. P. 35—58.

Greatrex 1998: *Greatrex G.* Rome and Persia at War, 502—532. Leeds.

Haldon 1975: *Haldon J. F.* Some Aspects of Byzantine Military Technology from the Sixth to the Tenth Centuries // *BMGS*. Vol. 1. P. 11—47.

Harley Walker 1915: *Harley Walker C. T.* Jahiz of Basra to al-Fatḥ ibn Khāqān on the «Exploits of the Turks and the Army of the Khalifate in general» // *JRAS*. P. 631—697.

Harmatta 1951: *Harmatta J.* The Golden Bow of the Huns // *AArchASH*. T. I/1—2. P. 107—151.

Harmatta 1952: *Harmatta J.* The Dissolution of the Hun Empire. I. Hun Society in the Age of Attila // *AArchASH*. T. II/4. P. 277—305.

Harmatta 1981: *Harmatta J.* Parthia and Elymais in the 2nd Century B.C. // *AAntASH*. T. XXIX/1—4. P. 189—217.

Harper 1978: *Harper P. O.* The Royal Hunter: Art of the Sasanian Empire. New York.

Heather 1992: *Heather P. J.* Goths and Romans, 332—489. Oxford.

Heather 1995: *Heather P.* The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // *EHR*. Vol. CX. No. 435. P. 4—41.

Heather 1999: *Heather P.* Afterword // Thompson E. A. *The Huns* / Revised and with an afterword by P. Heather. Oxford; Malden. P. 238—264.

Heather, Matthews 1991: *Heather P., Matthews J.* The Goths in the Fourth Century. Liverpool.

Herrmann 1989: *Herrmann G.* Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe* / Ed. L. De Meyer et E. Haerink. Vol. II. Gent. P. 757—809.

Hildinger 1997: *Hildinger E.* Warriors of the Steppe: A Military History of Central Asia, 500 B.C. to 1700 A.D. New York.

Howarth 1994: *Howarth P.* Attila, King of the Huns: Man and Myth. London.

Humble 1989: *Humble R.* Warfare in the Middle Ages. Leicester.

Hunt 1998: *Hunt P.* Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians. Cambridge; New York; Melbourne.

Hutchinson 1998: *The Hutchinson Dictionary of Ancient and Medieval Warfare* / Gen. ed. M. Bennett. Oxford.

Hyland 1990a: *Hyland A.* The action of the Newstead cavalry bit // *JRMES*. Vol. 1. P. 67—72.

Hyland 1990b: *Hyland A.* Equus: the Horse in the Roman World. New Haven; London.

Hyland 1993: *Hyland A.* Training the Roman Cavalry. From Arrian's *Ars Tactica*. London.

Hyland 1996: *Hyland A.* The Medieval Warhorse: From Byzantium to the Crusades / With a Foreword by M. Prestwich. Conshohocken.

Hyland 1998: *Hyland A.* The Warhorse: 1250—1600. Stroud.

James 1986: *James S.* Evidence from Dura-Europos for the Origins of Late Roman Helmets // *Syria*. T. LXIII/1—2. Paris. P. 107—134.

James 1987: *James S.* Dura-Europos and the Introduction of the «Mongolian Release» // *BAR (IS)*. 336. P. 77—83.

Jettmar 1951/1952: *Jettmar K.* Hunnen und Hsiung-nu — ein archäologisches Problem // *AV*. Bd. VI/VII. S. 166—180.

Kádár 1952: *Kádár Z.* L'influence des peuples cavaliers nomades sur la formation des représentations médiévales de centaures // *AArchASH*. T. II/4. P. 307—319.

Kaegi 1963: *Kaegi W. E., Jr.* The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia // *Speculum*. Vol. XXXIX/1. Cambridge (Mass.). P. 96—108.

Kazanski 1991: *Kazanski M.* A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe — Ve s.) // *JRA*. Vol. 4. P. 123—139.

Kazanski 1992: *Kazanski M.* L'influence danubienne dans la steppe pontique pendant la seconde moitié du Ve siècle: le rôle des Angiskires // *Medieval Europe 1992. Death and Burial. Pre-printed Papers*. Vol. 4. York. P. 139—144.

Kazanski 1993: *Kazanski M.* Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IVe — Ve siècles // *ARB*. P. 175—186.

Kazanski et al. 1990: *Kazanski M., Pilet C., Vallet F.* Les influences danubiennes en Gaule à la fin du IVe s. et au Ve s. // *Attila, les influences danubiennes dans l'ouest et l'Europe au Ve siècle. Eglise Saint-Georges du Château, 23 juin — 1er octobre 1990 / Textes réunis et présentés par J.-Y. Marin*. Caen. P. 45—76.

Kazhdan et al. 1991: *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Prepared at *Dumbarton Oaks* / Ed. by A. P. Kazhdan et al. Vol. I—III. New York; Oxford.

Keegan 1993: *Keegan J.* A History of Warfare. New York.

King 1987 [1995]: *King Ch.* The Veracity of Ammianus Marcellinus' description of the Huns // *AJAH*. Vol. 12/1. P. 77—95.

- Kokowski 1993: *Kokowski A.* L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // ARB. P. 335—354.
- Kolias 1988: *Kolias T. G.* Byzantinischen Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Wien.
- Košelenko 1980: *Košelenko G. A.* Les cavaliers parthes. Aspects de la structure sociale de la Parthie // ALUB. 251. P. 177—199.
- Lacombrade 1951: Le Discours sur la Royauté de Synésios de Cyrène à l'empereur Arcadius / Traduction nouvelle avec introduction, notes et commentaire par Chr. Lacombrade. Paris.
- Laing 2000: *Laing J.* Warriors of the Dark Ages. Stroud.
- László 1951: *László Gy.* The Significance of the Hun Golden Bow. Contribution to the structure of the Hun Nomad Empire // AArchASH. T. I/1—2. P. 96—106.
- Lattimore 1962: *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers 1928—1958. London; New York; Toronto.
- Laufer 1914: *Laufer B.* Chinese Clay Figures. Pt. I. Prolegomena on the History of Defensive Armor // Field Museum of Natural History. Publ. 177. Anthropological Series. Vol. XIII/2. Chicago. P. 73—315.
- Lawson 1982: *Lawson A. K.* Studien zur römischen Pferdegeschirr // JRGZM. Jg. 25 (1978). S. 131—172.
- Lebedynsky 2001: *Lebedynsky I.* Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècle apr. J.-C.). Paris.
- Leshnik 1971: *Leshnik L. S.* Some Early Indian Horse-Bits and Other Bridle Equipment // AJA. Vol. 75/2. P. 141—150.
- Levy 1971: *Levy H.* Claudian's In Rufinum: An Exegetical Commentary. [With an appendix containing the author's 1935 edition of the text with Introduction and Textual Commentary.] [Cleveland].
- Liebeschuetz 1993: *Liebeschuetz W.* The end of the Roman army in the western empire // War and Society in the Roman World / Ed. by J. Rich and G. Shipley. London; New York. P. 265—276.
- Lindner 1981: *Lindner R. P.* Nomadism, Horses and Huns // PPr. No. 92. P. 3—19.
- Lindner 1982: *Lindner R. P.* What was a Nomadic Tribe? // CSSH. Vol. 24/4. P. 689—711.
- Littauer 1981: *Littauer M. A.* Early Stirrups // Antiquity. Vol. LV (No. 214). Newbury. P. 99—105.
- MacDowall 1999: *MacDowall S.* Late Roman Infantryman, 236—565 A.D. Oxford.
- MacDowall 2000: *MacDowall S.* Germanic Warrior, 236—568 A.D. Oxford.
- MacDowall 2001: *MacDowall S.* Adrianople, A.D. 378: The Goths crush Rome's Legions. Oxford.
- Maenchen-Helfen 1945a: *Maenchen-Helfen O.* Huns and Hsiung-nu // Byzantion. Vol. XVII (1944—1945). Boston; London; Istanbul. P. 222—243.
- Maenchen-Helfen 1945b: *Maenchen-Helfen O.* The Legend of the Origin of the Huns // Byzantion. Vol. XVII (1944—1945). Boston; London; Istanbul. P. 244—251.
- Maenchen-Helfen 1955: *Maenchen-Helfen O. J.* The Date of Ammianus Marcellinus' Last Books // AJPh. Vol. LXXVI/4. P. 384—399.
- Maenchen-Helfen 1973: *Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns: Studies in Their History and Culture / Ed. by M. Knight. Berkeley; Los Angeles; London.

- Matthews 1970: *Matthews J. F.* Olympiodorus of Thebes and the History of the West (A.D. 407—425) // JRS. Vol. LX. P. 79—97.
- Matthews 1989: *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. Baltimore.
- Matzulewitsch 1929: *Matzulewitsch L.* Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage. Berlin; Leipzig.
- McGeer 1995: *McGeer E.* Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington.
- McLeod 1965: *McLeod W.* The Range of the Ancient Bow // Phoenix. Vol. XIX/1. Toronto. P. 1—14.
- McLeod 1972: *McLeod W.* The Range of the Ancient Bow: Addenda // Phoenix. Vol. XXVII/1. Toronto. P. 78—82.
- Medinger 1933: *Medinger P.* L'arc turquois et les archers parthes à la bataille de Carrhes // RA. 6-e Sér. T. II (novembre — décembre 1933). P. 227—234.
- Mihăescu 1970: Mauricius. Arta militară / Ediție critică, traducere și introduce de H. Mihăescu. București.
- Milner 1996: Vegetius: Epitome of Military Science / Transl. with notes and introd. by N. P. Milner. 2nd rev. ed. Liverpool.
- Moravcsik 1958 *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Zweite durchgearbeit. Aufl. Bd. I—II. Berlin.
- Newark 1986: *Newark T.* The Barbarians: Warriors and Wars of the Dark Ages. Poole.
- Nicasie 1998: *Nicasie M. J.* Twilight of Empire: The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. Amsterdam.
- Nickel 1973: *Nickel H.* About the Sword of the Huns and the «Urepos» of the Steppes // MMJ. Vol. 7. P. 131—142.
- Nicolle 1999: *Nicolle D.* Medieval Warfare Source Book. [Vol. 1:] Warfare in Western Christendom. London.
- Nicolle 2000: *Nicolle D.* Attila and the Huns. Oxford.
- Nikonorov 1997: *Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria. 700 B.C. — 450 A.D. Vol. 1—2. Stockport.
- Olbrycht 1998: *Olbrycht M. J.* Parthia et ulteriore gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München.
- Overlaet 1982: *Overlaet B. J.* Contribution to Sasanian Armament in connection with a Decorated Helmet // IAnt. Vol. XVII. P. 189—206.
- Paschoud 1971: Zosime. Histoire nouvelle. T. I (Livres I et II) / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris.
- Paterson 1969: *Paterson W. F.* The Sassanids // JSAA. Vol. 12. P. 29—32.
- Perkins 1973: *Perkins A.* The Art of Dura-Europos. Oxford.
- Rausing 1967: *Rausing G.* The Bow. Some Notes on its Origin and Development. Lund.
- Reid 1992: *Reid W.* The Bowman's Thumb-Ring, Tool of Asia's warriors and hunters // MWZPM. VII. P. 248—262.
- Richardot 2001: *Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine (284—476). 2e éd. Paris.
- Richter 1974: *Richter W.* Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1—11) // Historia. Bd. XXIII/3. Wiesbaden. S. 343—377.
- Ridley 1984: Zosimus. New History / A Transl. with Commentary by R. T. Ridley. Canberra.
- Robinson 1975: *Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London.

- Roques 1987: *Roques D.* Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris.
- Rostovtzeff 1943: *Rostovtzeff M. I.* The Parthian Shot // *AJA*. Vol. XLVII/2. P. 174—187.
- Rudenko 1969: *Rudenko S. I.* Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin Ula. Bonn.
- Ščukin 1993: *Ščukin M. B.* A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les *umbo* de boucliers et les lances) // *ARB*. P. 323—333.
- Shaw 1982/1983: *Shaw B. D.* «Eaters of Flesh, Drinkers of Milk»: the Ancient Mediterranean Ideology of the Pastoral Nomad // *AS*. 13/14. P. 5—31.
- Shrader 1979: *Shrader Ch. R.* A Handlist of extant Manuscripts containing the *De re militari* of Flavius Vegetius Renatus // *Scriptorium*. T. XXXIII, n° 2. Gent. P. 280—305.
- Simonenko 2001: *Simonenko A. V.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // *EAnt*. Bd. 7. S. 187—327.
- Sinor 1972: *Sinor D.* Horse and pasture in Inner Asian history // *OrE*. Jg. 19/1—2. P. 171—183.
- Sinor 1981: *Sinor D.* The Inner Asian Warriors // *JAOS*. Vol. 101/2. P. 133—144.
- Sinor 1982: *Sinor D.* Réflexions sur la présence turco-mongole dans le monde méditerranéen et pontique à l'époque pré-ottomane // *AOASH*. T. XXXVI/1—3. P. 485—501.
- Sinor 1990: *Sinor D.* The Hun period // *CHEIA*. P. 177—205.
- Sinor 1993: *Sinor D.* The Historical Attila // *AMHI*. P. 3—15.
- Sono, Fukai 1968: *Sono T., Fukai Sh.* Dailaman III. The Excavations at Hasani Mahale and Ghalekuti, 1964. Tokyo.
- Southern, Dixon 1996: *Southern P., Dixon K. R.* The Late Roman Army. New Haven; London.
- Stelten 1990: *Flavius Vegetius Renatus. Epitoma Rei Militaris* / Ed. with an English Transl. by L. F. Stelten. New York; Bern; Frankfurt am Main; Paris.
- Stemmer 1978: *Stemmer K.* Untersuchungen zur Typologie, Chronologie und Ikonographie der Panzerstatuen. Berlin.
- Stephenson 2001: *Stephenson I. P.* Roman Infantry equipment: The Later Empire. Stroud.
- Sulimirski 1952: *Sulimirski T.* Les archers à cheval, cavalerie légère des anciens // *RIHM*. No. 12. P. 447—461.
- Świętosławski 1990: *Świętosławski W.* Strzemiona średniowieczne z ziem Polski. Łódź.
- Syme 1968: *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxford.
- Täckholm 1969: *Täckholm U.* Aetius and the Battle on the Catalaunian Fields // *OR*. Vol. VII. P. 259—276.
- Takáts 1960: *Takáts Z.* Some Chinese Elements in the Art of the Early Middle Ages of the Carpathian Basin // *EW*. Vol. 11/2—3. P. 121—134.
- Tausend 1985/1986: *Tausend K.* Hunnische Poliorketik // *GB*. Bd. 12/13. S. 256—281.
- Taylor 1977: *Taylor A. K.* Römische Hackamoren und Kappzäume aus Metall // *JRGZM*. Jg. 22/2 (1975). S. 106—133.
- Thompson 1945: *Thompson E. A.* Priscus of Panium, Fragment 1 b // *CQ*. Vol. XXXIX/3, 4. P. 92—94.

Thompson 1947a: *Thompson E. A.* The Camp of Attila // JHS. Vol. LXV (1945). P. 112—115.

Thompson 1947b: *Thompson E. A.* The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge.

Thompson 1948: *Thompson E. A.* A History of Attila and the Huns. Oxford.

Thompson 1965: *Thompson E. A.* The Early Germans. Oxford.

Thompson 1982: *Thompson E. A.* Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Madison; London.

Thompson 1999: *Thompson E. A.* The Huns / Revised and with an afterword by P. Heather. Oxford; Malden.

Todd 1975: *Todd M.* The Northern Barbarians, 100 B.C. — A.D. 300. London.

Todd 1988: *Todd M.* Everyday Life of the Barbarians: Goths, Franks and Vandals. New York.

Todd 1992: *Todd M.* The Early Germans. Oxford; Cambridge (Mass.).

Traina 1993: *Traina G.* De Synésios à Priscus: aperçus sur la connaissance de la 'barbarie' hunnique (fin du IVe — milieu du Ve siècle) // ARB. P. 285—290.

Warry 1995: *Warry J.* Warfare in the Classical World: An illustrative encyclopedia of weapons, warriors and warfare in the ancient civilisations of Greece and Rome. Norman.

Watson 1961: *Watson B.* Records of the Grand Historian of China. Vol. II: The Age of Emperor Wu, 140 to circa 100 B.C. New York; London.

Werner 1956: *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.

Wheeler 1988: *Wheeler E. L.* Stratagem and the Vocabulary of Military Trickery. Leiden; New York; København; Köln.

Whitby 1988: *Whitby M.* The Emperor Maurice and His Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford.

White 1966: *White L.* Medieval Technology and Social Change. Oxford.

Wiedemann 1986: *Wiedemann T. E. J.* Between men and beasts: barbarians in Ammianus Marcellinus // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / Ed. by I. S. Moxon et al. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney. P. 189—201.

Wirth 1967: *Wirth G.* Attila und Byzanz: Zur Deutung einer fragwürdigen Priscusstelle // BZ. Bd. 60. S. 41—69.

Wirth 1999: *Wirth G.* Attila: Das Hunnenreich und Europa. Stuttgart; Berlin; Köln.

Wolfram 1990: *Wolfram H.* Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. 3., neubearb. Aufl. München.

Wolfram 1993: *Wolfram H.* L'armée romaine comme modèle pour l'*Exercitus Barbarorum* // ARB. P. 13—15.

Wolfram 1997: *Wolfram H.* The Roman Empire and Its Germanic Peoples / Transl. by Th. Dunlap. Berkeley; Los Angeles; London.

Zaseckaja, Bokovenko 1994: *Zaseckaja I. P., Bokovenko N A.* The Origin of Hunnish Cauldrons in East-Europe // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies / Ed. by B. Genito. Napoli. P. 701—724.

Zuckerman 1994: *Zuckerman C.* Sur la date du traité militaire de Végèce et son destinataire Valentinien II // SCI. Vol. XIII. P. 67—74.

Żygulski 1994: *Żygulski Z. (Jr.)*. The Wagon Laager // FAH. Fasc. VII. P. 15—20.

WARFARE OF THE EUROPEAN HUNS IN THE LIGHT OF THE DATA OF GRAECO-LATIN LITERARY TRADITION

by
V. P. Nikonorov (Sankt-Petersburg)

The present paper deals with the military practices of the European Huns for the space of time from their penetration from the Trans-Volga steppes into the Northern Pontic area in 370s A.D. through the fall of their domination in South-Eastern and Central Europe c. 470 A.D. First of all, in order to reveal as better as possible the chief peculiarities of their warfare, a reply must be given to the old problem of correlating the eastern Central Asian people called Hsiung-nu, who were from the 2nd century B.C. onwards constant and dangerous enemies of China, on the one hand, with the European Huns, on the other. An analysis of various data, such as written sources, archaeological finds and anthropological observations, enables to share a point of view that the Hun horde intruding in the West must have consisted, at least in part, of the descendants of those Hsiung-nu who had departed in the 2nd century A.D. westwards from their homeland in Mongolia after the defeats caused by the Chinese and the Hsien-pi. The name «Huns» also covered the peoples of Finno-Ugrian and Middle Asian (Iranian) origins, who were involved in the movement of the departing Hsiung-nu on their long route to Europe.

In the light of ancient literary data (coming mainly from the works of Ammianus Marcellinus, Eunapius of Sardis, Olympiodorus of Thebes, Zosimus, Sozomen, Priscus of Panium, Jordanes, and some others), added when necessary with archaeological material, the basic components of the European Huns' warfare can be elicited as follows. The main kernel of their troops consisted of light cavalymen equipped with big (120—150 cm long at average) and powerful, composite, bows that were the Hun principal weapon of offence. They had the shape of two arches joined by a straight handle; their wooden stave, as a rule backed with sinew, was necessarily reinforced with bone and horn laths on its ears and handle to make the entire construction more flexible and, therefore, much more long-range. Bows of this type (which is only conditionally called by researchers «Hun» or «Qum Darya» or even «Hunno-Parthian») had originated in the eastern part of the Central Asian steppes during the last centuries B.C. and subsequently spread far westwards, including through the instrumentality of the Huns themselves. The appearance of such mighty, bone- and horn-reinforced, bows revolutionized very much ancient mounted warfare. The Huns, including their leaders, were particularly noted for their great skill of archery. The bow served, too, as a badge of power in their milieu.

For close fighting the Huns used the sword that was also esteemed by them as a sacral object personifying a god of war. Perhaps each rider could have a double set of bladed arms — a long two-edged sword and a short one-edged broadsword. One more important offensive arm was the lasso, a

very typical device for the nomadic peoples of Eurasia, which the Huns threw on their opponents at a middle range. On the other hand, it is to be noticed that none of the written sources lists javelins or other kinds of spear in the composition of Hun armament. This fact finds support in archaeological materials which have still provided us with the only spearhead uncovered in a Hun-epoch grave within the Southern Russian steppe. It is to be thought that this type of weaponry was rarely used in the Hun host at all.

Because of tactical reasons any heavy armour did not spread in the bulk of the Hun host, except for some of the noble warriors who wore costly metal helmets and corselets, rather under Roman inspiration. The rest, rank-and-file men, had curved fur-caps serving them as protectors, as well as not so big round shields made of wood and leather.

Regardless of some assertions in modern scholarship, the Huns were not acquainted with stirrups. At the same time, according to literary and archaeological data, they certainly used saddles of rigid, wooden, construction provided with the high front and rear arches. Such saddles allowed riders to have a firm seat on horseback when riding at full speed and shooting arrows both forward and backwards. Of other riding equipment of the Huns we hear of whips. Among Hun horse-harness articles our sources mention phalerae, bridle and a hook-like bit — the last is plausibly the curb intended for taking, in comparison with the simple two-part bit, the more severe control of a mount.

Written records testify to the use by the Huns of gold and precious stones to beautify their weapons and horse-outfit. This is confirmed as well by numerous finds of articles of everyday consumption, including arms and harness, adorned with gold and silver and ornamented in the so-called «polychromy» style, which have come to light from sites of the Hun epoch in South-Eastern Europe.

Strategy of the Huns was grounded on the factor of surprise which was achieved at the expense of their extraordinary speed of riding. As a rule, their raids were well planned with the obligatory employment of intelligence information. In the course of their invasions the Huns aimed at penetrating into the hostile territory as deep as possible.

In tactics they gave preference to fighting at a long distance with keeping permanent high mobility and manoeuvrability. The Hun cavalry always charged first and did that with swift movement, being about to decide the outcome of the battle as soon as possible. However, they did not go ahead at breakneck speed: their generals prepared military operations with great care, even thinking out the hour when to start the concrete action so that to have a possibility of saving in case of a failure. According to Ammianus Marcellinus' report, the Huns attacked in loose formation, literally «by wedge» ('cuneatim'), which probably had nothing with the real wedge-shaped order, but was rather a battle array consisting of detached units, each being composed in all likelihood on the basis of tribal or clan consanguinity of its members, like the «wedge» ('cuneus') of the ancient Germans. One

can mark out the two main phases of the Huns' tactics that were characteristic of them, at least, for the early stage of their conquests:

1. initial charge by the deep loose formation under the accompaniment of a terrible war cry and with intensive shooting at enemies from the bows from a distance;

2. middle-range and hand-to-hand combat, when the Huns, moving fast throughout the battle field, threw the lassoes on their foes and, approaching them face to face, fought with the swords.

Quite usual for the European Huns was the employment of various stratagems. The most important of these was feigned retreat, a very typical trick for the Eurasian nomads at all, intended to deceive and fatigue their adversaries, which was then followed by sudden return for fighting. While retreating, the Huns shot from the bows backwards with so high accuracy (the so-called «Parthian shot») that the persecutors, not expecting that, had serious losses in killed and wounded. Another Hun favourite stratagems were surrounding the enemy order and laying ambushes.

It is to be underlined once again that the Huns preferred to fight from a distance, not in close combat. Beyond any doubt, their strategy and tactics went back again to military practices of the Hsiung-nu. Although many Oriental peoples had been fighting since olden times with the bow on horseback, it was the Hsiung-nu and the Huns following them who developed horse-archery into the best form, viz. fighting mainly at a long distance, when the outcome of battle was decided not in hand-to-hand-combat, but in methodical and very efficient shooting at the enemy from a distance, i. e. with the least losses for themselves.

However, it should be noted that Hun tactical methods had become quite different under Attila, as one can see this in the case of the famous battle on the Catalaunian Fields in 451. It was caused by those changes which occurred by that time in the army of the Huns themselves who began already to rely not only upon cavalry but also upon infantry recruited from the midst of subdued Eastern Germanic tribes such as the Ostrogoths, the Gepids, the Scyri, and others. These infantry forces were very needful, especially for siege operations, fighting in forests and mountains, etc. However, the transition to the wide employment of soldiers on foot marked a decline of the Hun military power. In an open battle like that on the Catalaunian Fields, when large masses of infantry played a significant role and cavalry was hardly able to make the whole volume of their favourite tactical stratagems (ambushes, simulated retreats, etc.), the Huns lost their advantage before the foes, unlike what had been in previous times. True, it seems that there are no sufficient proofs, contrary to R. P. Lindner's theory which is widely accepted at present, to state that Attila's properly Hun soldiers were transformed in a considerable degree from cavalymen into combatants on foot.

There is a literary evidence, viz. from the so-called «Story about the Battle of the Goths with the Huns» preserved in the Scandinavian «Hervarsaga», to suppose that mounted forces of the European Huns were organ-

ized, after the Hsiung-nu model, in accordance with the «Asiatic decimal system» that was characterized by a division into tactic units numbering 10, 100, 1,000 and 10,000 men.

For capturing fortresses and fortified towns, according to literary evidence, the Huns had in their army, at least under Attila, special units to attend to missile engines and battering rams. Crews of such siege devices, except for archers who were drawn in shooting from the missile engines at the defenders on the walls, appear to have been recruited from foreign prisoners and deserters, not from the Huns themselves. These machines must have been built by Roman engineers in Hun service. The available testimonies of how the European Huns stormed enemy fortifications allow to assert that they had at their disposal practically all the means of the contemporary high-developed siegecraft and were able so to take even well-fortified strongholds.

The Hun forces included another auxiliary unit, viz. a stock of the heavy wagons carrying pontoons to get over any water and marshy obstacles. With their assistance there could be constructed a bridge over a river to move the siege engines up to the fortifications to be assaulted. To cross water streams there were used, in addition to the pontoons, boats made of single tree trunks, served by special boatmen. As a whole one may conclude that in Attila's days the special technical equipment of the Hun army was in keeping line with that of the Romans.

Deserving attention is also such a method of Hun warfare as the employment of wagons to make a fortified camp by placing them as its barriers. Its erection was intended for finding shelter at night time and in case of the defeat in battle. Apparently, the surrounding wagons were, on the one hand, the aforementioned carriers of the pontoons, and, on the other hand, individual light carts serving normally as means of transportation to contain both the Hun warriors' families while wandering and various supplies and booty.

The Huns made active use of psychological warfare. Among its means a particular place was occupied by their loathsome outward appearance which terrified very much their Roman and other opponents. Ancient authors paid considerable attention to the fact that the Huns had a custom of scratching all over the faces of new-born male children, although, in their opinion, these aliens were ugly even without this brutal an operation. Besides, the Huns strove for impressing the foes on battle-field by blowing the trumpets and, at the same time, by uttering the terrible war-cry.

A distinguishing feature of Hun psychological preparations for military actions were consultations with soothsayers on the outcome of the forthcoming battle and the performance of pagan rites before fighting. It is to be supposed that the shamans-soothsayers were always attached to the Hun army, and their duties included as well a witchcraft with the object of directing damage at enemies.

Some information can be drawn as concerning the military command hierarchy. It must be stated that the nature of power of the leader as a com-

mander-in-chief among the Huns had been changing radically since their invasion of Eastern Europe onwards: from some clan elder, chosen occasionally from among other those as a provisional general acting to be in charge of a raid or campaign, through the chief of a single tribe and, then, the supreme (often just nominal) chief of a tribal confederacy to the absolute monarch like the noted Attila. In the latter's reign, some important military functions were performed by individual representatives of the Hun highest martial aristocracy called *λογάδες* (literally «picked») by Priscus and 'ministri regii' (literally «royal companions») by Jordanes. Such were Onegesius and Edeco who, like their overlord, had a personal body-guard composed of loyal warriors, some of whom could be other by their origin than Huns. In addition to these two, Attila's closest retainers were as well such rulers of the subject Eastern Germanic peoples as Ardaric, the chief of the Gepids, and Valamer, the chief of the Ostrogoths. They both were very loyal to their sovereign and — the only from all other foreign princes in Hun service — enjoyed his love and confidence. Their own forces constituted a considerable part of Attila's army, and so their real influence upon his military policy had to be ponderable enough.

In Sozomen's story about the invasion of Thrace by the Hun ruler Uldin in 408/409 certain *λοχαγοί* are referred to in the composition of his troops. They were rather junior officers, each of whom may have been in command of a hundred soldiers.

Hun warriors were very willingly serving the foreigners for pay, sometimes even both hostile sides at one and the same time. But particularly famed they were in service of the Romans, taking the part of allies hired for money, most probably as 'comitatenses' — soldiers of the imperial field army. Worthy of note is that until the fall of the power of the Huns in South-Eastern Europe their rulers kept up active allied relations only with the Western Roman empire, the generals of which set their big hopes on Hun contingents acting in Gaul. As regards Byzantium, the Huns concluded with it just the peace treaties which did not contain any points concerning military co-operation. This fact must be explained by the fear of the Eastern Roman authorities, whose Danubian provinces were constantly under the threat of Hun invasions, to accept these barbarians for military service on the northern frontier. The main reason of that were so characteristic features of the Huns' behaviour as inconstancy and inclination to break the arrangements already signed, as well as their indefatigable passion for plunder. Such apprehensions were quite just, indeed, because, for instance, the Hun mercenaries conducted themselves in Gaul, i. e. in the province of the Western empire allied with them, like in a conquered country, committing every possible excesses there.

However, it appears that the Eastern Romans did not wish to employ the Huns as allies only in the northern, Balkan, provinces of their empire, where those would have been an additional factor of instability. Otherwise it was in the far, overseas, possessions of the Byzantine empire. The matter is that a small elite troop composed of *στρατιῶται Οὐννίγαρδαι* was dis-

posed in the early 5th century in Lybia Pentapolis. Judging by its denomination, these warriors were Huns by origin. According to our only source, Synesius, who saw them as a witness, they were in service of the chief Roman military commander of the province and were provided with remounts, martial outfit and pay by the emperor himself. They fought in accordance with the martial peculiarities characteristic of them — as mounted archers, and were praised as the best warriors of all the provincial forces. Often acting without assistance, these Huns were able to vanquish, in spite of their small number (just 40 men!), much more numerous enemies.

Seemingly, the Hun rulers tried to control the process of recruiting mercenaries from their own soldiery. And what is more, having become a sole monarch of the Huns in 445, Attila, planning to be on the wide offensive against both the Roman empires, prohibited his subjects to fight against himself at all. This situation changed only after the battle at Nedao in 454. Now, after the collapse of the state created by Attila, an initiative in hiring Hun mercenaries was taken up by the Byzantine authorities.

It is to be accentuated that the Huns influenced very deeply, by their introduction into European fighting practice of the powerful and long-range bows first and foremost, both offensive armament and tactics not only of the peoples subject to them, but also — through battling against imperial armies and providing them with mercenary forces from their own midst — of the Late Roman and Early Byzantine military.

ГАЛИЗОНЫ — ХАЛИБЫ — МОСХИ
(К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов
конца II—I тыс. до н. э.)

И. В. Пьянков (Великий Новгород)

Кобанская культура Кавказа до сих пор остается во многом загадочной для исследователей. Загадкой является, прежде всего, совершенно явная связь этой культуры с культурами Балкано-Дунайского региона, выражающаяся, по-видимому, и в генетической общности, и в контактах, осуществлявшихся, по крайней мере, с конца II по середину I тыс. до н. э. Близость проявляется во многих элементах культуры, но прежде всего в области металлургии и металлообработки, в том числе и в оружии (Козенкова 1989: 255, 262—267; Мелюкова 1979: 65, 69, 70, 187; Погребова 1984: 124—127. О более ранних этапах истории циркумпонтийской культурной зоны и металлургической провинции см.: Мерперт 1988; Черных 1988; Массон 1997). Интересно, что посредствующим звеном между этими двумя центрами в ряде случаев оказывается Северо-Западное Причерноморье, особенно его лесостепная зона (Козенкова 1989: 265; Мелюкова 1979: 65; Монгайт 1974: 207, 223). С другой стороны, кобанский очаг металлургии, видимо, имеет общие генетические корни с двумя другими близкими ему очагами, расположенными к северу и к югу от него, по крайней мере до Орду, — прикубанским и колхидским (Крупнов 1960: 79—82; 1957: 95—99), причем последний, может быть, даже древнее (с XIV в. до н. э.?) кобанского (с XII в. до н. э.) (Иессен 1951: 80; Микеладзе 1973: 144—146).

Я считаю, что имеющиеся факты лучше всего объясняются следующим образом: существовала некая каста металлургов — исходным пунктом ее был, скорее всего, карпатский очаг цветной металлургии, — продвигавшаяся на протяжении второй половины II тыс. до н. э., с одной стороны, в Северо-Западное Причерноморье, с другой — в Малую Азию, где, следуя вдоль северного ее побережья, достигла Кавказа. Расселяясь на столь обширном пространстве, члены касты продолжали поддерживать между собой тесные контакты. Эта мысль не нова, но в советской науке преобладала иная точка зрения, настаивавшая на непременно местном происхождении кобанской и родственных ей культур (историю вопроса см.: Козенкова 1989: 265; ср.: Крупнов 1960: 86—105; Пиотровский 1949: 52—54). Такая позиция оставляла открытыми многие вопросы.

Касты металлургов — это хорошо известное и широко распространенное явление, засвидетельствованное и исторически, и этнографически. Видимо, такие касты являются самой ранней формой специализации металлургического производства у большинства народов мира.

Напомним основные черты таких каст. Это замкнутые, эндогамные организации с наследственной передачей секретов ремесла. Специализация внутри общины может быть очень высокой, но в целом она обычно выступает как металлург-универсал. Металлургия является традиционным занятием таких общин, но не единственным и, в некоторых случаях, даже не основным. Образ жизни их часто подвижен, расселение их обычно определяется рудными месторождениями, хотя не всегда тесно связано с таковыми. Сами они входят в состав той или иной этнокультурной общности, но не ограничены их рамками и могут иногда оказаться в составе «чужой» общности. Отношения с соседями, которых они обслуживают, строятся на основе договоров, обычно ставящих их в подчиненное, «подданное» положение. Вообще отношение к металлургам и кузнецам в архаическом обществе всегда настороженное и опасливое, а социальный статус и престиж, в зависимости от обстоятельств, колеблется от самого низкого до весьма высокого. В этом плане каста металлургов очень близка аналогичным кастам колдунов и служителей культа архаических обществ, так что функции тех и других нередко сливаются. Отношение к металлургам переносится и на продукты их ремесла, особенно на оружие: оно персонифицируется и наделяется особой магической силой (Черных 1972: 183—196; Граков 1977: 14; Новик 1984: 195, 196. О реликтах подобных каст на современном Кавказе см.: Ардзинба 1988. Об отражении тех же отношений в археологии см.: Черных 1976: 168).

Можно ли обнаружить в Балканско-Дунайском регионе, в Северо-Западном Причерноморье, в Малой Азии и на Кавказе, в пределах второй половины II—I тыс. до н. э. — в зоне, сравнительно хорошо освещенной письменными источниками, — какое-либо племя, подходящее на роль искомого народа-металлурга? Мне кажется, такое племя есть, — это хорошо известные гализоны (*Ἀλιζώνες* с вариантами; приведенная форма является, видимо, исходной, вариант же «алазоны», *Ἀλαζόνες*, — результат «народной этимологизации»: Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 226). В нашей литературе под алисонами обычно имеется в виду народ, обитавший в Северо-Западном Причерноморье. Но в действительности указанный этноним (или его следы) распространен гораздо шире — по всей очерченной выше зоне. Обобщая разные сведения об алисонах, мы обнаружим их присутствие действительно вокруг всего Эвксинского Понта (Черного моря): к северу и востоку от него, вдоль его южного берега и далее на запад — по обе стороны от Пропонтиды (Мраморного моря) и Боспора (пролива Босфор). То, что мы знаем о самом народе алисонов, вполне соответствует описанной выше касте металлургов.

Самое раннее в античной литературе упоминание о гализонах принадлежит Гомеру (IX—VIII вв. до н. э.): гализоны пришли на помощь троянцам «издалека, из Алибы, откуда исходит серебро» (Илиада II, 856). По поводу этого изречения среди античных авторов развернулась широкая дискуссия, благодаря которой мы и получили основную массу сведений об интересующем нас народе. Эта дискуссия наиболее полно отражена в сочинении Страбона (I в. до н. э.—I в. н. э.).

Сам Страбон, воспринимая название «Алиба» (Ἀλύβη) как «Халиба» (Χαλύβη), видел в гомеровских гализонах халибов, которые в его время назывались халдеями и жили у юго-восточного побережья Эвксинского Понта (в районе Гиресуна), в горах, где разрабатывали железные, а ранее и серебряные рудники (Страбон XII, 3, 19; 20; XIV, 5, 23; 24). Но Страбон привлекает сведения и многих других авторов, своих предшественников, которые искали гомеровских гализонов и их горные разработки в иных местах, и цитирует с этой целью сочинения Аполлодора Афинского (II в. до н. э.) и Деметрия Скепсийского (первая половина II в. до н. э.), видимо, используя попутно и данные Эфора (IV в. до н. э.). А эти авторы, в свою очередь, воспользовались сведениями еще более ранних писателей. В итоге мы имеем в сочинении Страбона два блока сообщений о [г]ализонах. В одном из них речь идет об отдельных группах этого народа (Там же: XII, 3, 21—27). Мы узнаём, что Гелланик, Геродот и Эвдокс говорили об алазонах, живущих «над Борисфеном» (Днепром) (Там же: XII, 3, 21). Какие-то другие авторы помещали ализонов около Паллены (западный полуостров Халкидики). Гекатей Милетский (конец VI в. до н. э.) сообщал об алазонах, обитавших в селениях вдоль реки Одрисса, которая протекает по равнине Мигдонии из озера Даскилитиды (Маньяс) и впадает в реку Риндак (Симава), хотя город их Алазия уже тогда был безлюден (Там же: XII, 3, 22). Менекрат (конец IV—начало III в. до н. э.) помещал племя гализонов в горы, возвышающиеся над областью селения Мирлея (Там же: XII, 3, 22), — видимо, в Аргантонские горы над Мирлеей и Киосом (Там же: XII, 4, 3) (к северу от Гемликского залива). А его современник Палефат искал алазонов (я принимаю чтение Ф. Якоби: Jacoby 1923: 32) в области города Зелия (Там же: XII, 3, 22), в низовьях реки Эсеп (Гёнен). Наконец, сам Деметрий предпочитал искать это племя в области своего родного города Скепсиса, в верховьях Эсепа, где тоже находилось селение Алазоний (Там же: XII, 3, 23), — видимо, вблизи от какого-то месторождения серебра (Аргирий) и некоего опять-таки пустынного места (Там же: XII, 4, 23; XIII, 1, 45).

В другом блоке сведений о гализонах, об их «месторождениях серебра» и других заброшенных рудниках говорится в общем, но затем в связи с ними перечисляются отдельные древние рудники: Танталя и Пелопидов во Фригии и Сипиле, Кадма во Фракии и на Пангее, золотые копи троянца Приама в Астирах вблизи Абидоса (на азиатском берегу пролива Дарданеллы), от которых остались большие отвалы и шахты, рудники древнего фригийского царя Мидаса у горы Бермий,

рудники древних лидийских царей Гигеса, Алиатта и Креза в Лидии и в области между Атарнеем и Пергамом, где мы вновь встречаемся с покинутым селением и истощенными копиями (Страбон XIV, 5, 28).

К сведениям Страбона надо добавить данные некоторых других авторов. Так, Арриан сообщает о гализонах, обитавших по всему морскому побережью Вифинии — от северного изгиба понтийской береговой линии до Астакенского (Измитского) залива у Никомерии (Евстафий. Хом. Ил. В 824, р. 354). Надо учесть также сведения об олизонах (Ὀλιζῶνες) как фракийском народе (Суда s. v.) и о городе Олизон в Магнезии — ближайшей к Македонии области Греции (у ряда античных авторов, например у Страбона — IX, 5, 15; 16).

Обобщив все эти материалы, приходим к следующим выводам. Во-первых, гализоны — это люди, явно связанные с разработкой рудников и металлургией. Во-вторых, гализоны разбросанно, отдельными группами — видимо, в большей или меньшей близости от рудных месторождений — обитали на огромной территории, охватывавшей юго-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии: во Фракии и Македонии, во Фригии, Мисии и Вифинии, занимая малоазийское побережье примерно от Гераклеи Понтийской до Атарнея. На крайнем западе и крайнем востоке они заходят и на территорию соседних стран: Греции (Магнезия) и Лидии. На крайнем востоке несколько обособленными оказываются гализоны юго-восточного побережья Понта. Большинство групп этого племени фиксируется в прибрежных областях, — но, видимо, лишь потому, что последние были лучше известны греческим авторам. В-третьих, гализоны ближе всего ассоциируются с фригийско-фракийскими народами. Традиция, как видим, считала их рудокопами Фригии, Фракии и Мисии со времен мифологической древности. Затем они выступают горняками фригийских царей и, видимо, наследуются в качестве таковых лидийскими царями. Но к концу VI в. до н. э. деятельность гализонов во многих центрах затухает, и авторы IV—III вв. до н. э. знают о них, скорее всего, лишь по преданиям о заброшенных селениях и шахтах. Скептическое отношение Страбона к известиям о гализонах на западе Малой Азии и в Европе, видимо, тем и объясняется, что в его время в указанных местах реально такого народа уже не существовало.

Остановимся на отдельных группах этого народа. Начнем с гализонов Паллены. Они явно связаны с фригийскими рудниками горы Бермий. Страбон, описывая Македонию, говорит о реке Аксию (Вардар), о находящейся в этих местах горе Бермий и землях Халкидики, в частности о полуострове Паллена, упоминая и гализонов, живущих около Паллены (Страбон VII, фр. 23—28). Но здесь же, на севере Халкидики, между Аксием и Стримоном (Струмой) вокруг озера Больба обитают мигдоны (Страбон VII, фр. 11 и 36). Таким образом, ализоны как в Македонии, так и в Малой Азии оказываются живущими вместе с мигдонами. Видимо, ситуацию объясняет замечание Страбона о том, что гора Бермий некогда принадлежала бригам — европейским пред-

кам фригийцев (Страбон VII, фр. 25). Отсюда напрашивается вывод, что фригийское племя мигдонов, переселившееся в Азию с другими фригийцами (ср.: Страбон XII, 4, 4), очевидно, осваивало новые земли вместе со своими спутниками — алисонами.

Когда произошло это переселение? Ксанф Лидийский (V в. до н. э.), один из лучших древних знатоков истории малоазийских народов, сообщает, что фригийцы уже после Троянской войны пришли из Европы, из Фракии, с левой стороны Понта, и заняли область Аскании (оз. Изник) и Трояду, умертвив владыку Трои (Страбон XII, 8, 3; XV, 5, 29). Это утверждение хорошо согласуется с данными археологии, согласно которым разоренная после войны наследница Приамовой Трои (Троя VIIb, 1) сменилась новым поселением (Троя VIIb, 2), основанным людьми, пришедшими из Фракии, носителями одной из ранних культур фракийского гальштата, где-то около середины XII в. до н. э. (Гиндин, Цымбурский 1996: 181, 217; Мелюкова 1979: 21, 23). Возможно, что могущественные фригийские цари Гордий и Мидас — «золотой человек» античной мифологической традиции — еще владели рудниками Бермия на своей европейской прародине в VIII в. до н. э. Может быть, на это обстоятельство намекает громкий титул Гордия, сына Аскания: «прославленный царь Запада и Востока» (Дьяконов 1981: 57).

Рассмотрим теперь сведения об алазонах Борисфена (Днепра). Страбон (Страбон XII, 3, 21), сообщая об алазонах, живущих «над (или за: *ὑπέρ*) Борисфеном», ссылается, как мы видели, на некоторых ранних античных авторов, хотя цитирован здесь, скорее всего, не далее чем Эфор (IV в. до н. э.). Отражена же здесь, по всей вероятности, скифская география Гелланика (см. о ней: Пьянков 1994: 191, 192, 201, 202). Геродот (Геродот IV, 17; 52; 81) рассказывает об этих алазонах несколько иначе и более подробно. Суммировав все указания Геродота на местообитание этого племени, приходим к следующему: алазоны живут по течению Гипаниса (Южного Буга), выше каллипидов и ниже скифов-пахарей, к западу от Борисфена; по их земле, как и по земле скифов-пахарей, течет Эксампей, левый приток Гипаниса (Синюха с ее истоками Горный и Гнилой Тикич); именно около их земли более всего сближаются излучины Гипаниса и Тираса (Днестра).

В рассказе Геродота об алазонах, казалось бы, нет ничего, что указывало бы на них как на горняков и металлургов, зато у него есть интересное сообщение о колоссальном медном котле, отлитом и поставленном скифским царем в местности, откуда вытекает горький источник Эксампея (Геродот IV, 81), т. е., очевидно, в земле алазонов (Рыбаков 1979: 214). Но сам по себе этот факт, а также то, что местность и источник Эксампея носили еще название «Священные пути» (Геродот IV, 52), свидетельствует и об определенной культовой роли алазонов. И действительно, на Гипанисе — там, где Геродот нашел алазонов, Плиний, придерживающийся иной географической схемы, поместил авхетов (Плиний IV, 88). Авхеты же — этносоциальная группа (каста)

скифского общества, выполнявшая жреческие функции, а опекаемые ими культовые места на Гипанисе, возможно, действительно восходили к глубокой субстратной, «киммерийской», древности (Раевский 1977: 67, 114, 157). Если все это так, то выходит, что древние металлурги Северо-Западного Причерноморья, которых скифы получили «по наследству» от киммерийцев, приобрели у них жреческий статус. Интересно, что у Валерия Флакка мифический эпоним авхетов Авх хвалится «киммерийскими богатствами» (Флакк VI, 130—134). Не рудного ли происхождения эти «богатства» (*opes*)?

Если соседи алазонов находят на археологической карте Северного Причерноморья более или менее определенное место, то попытки найти археологическое соответствие для алазонов как обычного народа явно неудовлетворительны (Мелюкова 1989: 45). Может быть, это не случайно. Не являются ли памятниками алазонов следы металлургического производства (черной и цветной металлургии), в том числе бронзовых котлов, в поселениях лесостепной полосы от Днестра до левобережья Днепра VI—V вв. до н. э.? Любопытно, что уровень сложности и специализации этого производства выше, чем в Каменском городище IV в. до н. э. (Мелюкова 1989: 111, 115, 116), которое вообще отражает уже иную картину, нежели Скифия Геродота. Что же касается преемственности между скифской и доскифской металлургией Северо-Западного Причерноморья, то хотя ее и трудно установить (Черных 1976: 197, 198), она все же имела место (Кривцова-Гракова 1955: 132—135).

Наконец, особое значение имеют сведения о гализонах Северо-Восточной Малой Азии. Именно здесь, как мы видели, Страбон помещает гомеровых гализонов. Версия Страбона блестяще подтверждается урартскими данными. Сообщение одной из урартских надписей Русы II (VII в. до н. э.) (Меликишвили 1960: 341) давно уже убедительно истолковано как урартская версия событий, связанных с гибелью Фригийского царства Мидаса в 675 г. до н. э. (Дьяконов 1955: 524; 1989: 65; 1997: 328). В этой версии Фригия, Мелитена и Халиту выступают как некое единство. Мелитена (Мелид) при этом идентифицируется с Тогармой — доахеменидским Армянским царством (Дьяконов 1981: 49—63). Халиту, хотя и отождествляется со страной халдеев-халибов, но фонетически это урартское слово (*Ḫaliṭu*) еще ближе к названию [г]ализонов — [H]alidzōnes. По поводу передачи урартского *ṭ* (см. о нем: Дьяконов 1958: 34) греческой *ζ* ср.: урарт. *Uṭeruhī* = греч. *Βύζηρος*. Таким образом, и здесь, в современных событиях источнике, гализоны тесно связаны с фригийцами и протоармянами.

Но особенно важно то, что именно восточная, древнейшая по времени упоминания в источниках, группа гализонов прямо отождествлена Страбоном с халдеями и халибами. Название «халдеи» (*Χαλδαῖοι*) Страбон, по-видимому, считает поздней формой (Страбон XII, 3, 19). Но в действительности эта форма скорее диалектная разновидность названия «гализоны». Современник Страбона Менипп Пергамский,

пользуясь, однако, более ранними источниками, называет на месте Страбоновых халдеев страну Халдия (Стефан Византийский s. v.; Jacoby 1923: 358). Еще раньше и Софокл (V в. до н. э.) знал о халдеях примерно в тех же местах (Стефан Византийский s. v.). В восточных источниках халды упоминаются с древнейших времен и до средневековья. Еще урартский царь Менуа (начало VII в. до н. э.) говорил о стране Халдириулхи (Меликишвили 1960: 158), расположенной в районе Эрзерума и верховьев реки Чорохи (Микеладзе 1973: 143, 144), а Ущелье халдов и Крепость халдов, тоже в долине Чорохи, упоминаются в армянских источниках XI в. н. э. (Там же: 141, 142).

В греческих же источниках названия «халдеи» и «халибы» употребляются попеременно, без видимого различия. Так, Ксенофонт, описывая в «Анабасисе» современные ему события (рубеж V и IV вв. до н. э.), говорит о халибах (Ксенофонт. Анаб. IV, 7, 15; V, 5, 1), хотя иногда называет этот же народ и халдеями (Там же: V, 5, 16), а Диодор, передавая сведения о тех же событиях по независимому источнику, говорит уже только о халдеях (Диодор XIV, 29, 2).

Почему же восточные гализоны-халдеи получили еще второе название — «халибы»? Судя по словам Гомера, истолкованным Деметрием Скепсийским и Страбоном (Страбон XII, 3, 20; XIV, 5, 23; 24), так они были названы по своей стране [X]алиба (в местной ономастике чередование — начальное *h*/нуль — известно, см.: Дьяконов 1958: 42; *h* в греческом может передаваться как *к*, *х* или *ʿ*), известной рудными богатствами, в данном случае серебром. Страбон дает понять, что эта страна и есть те лесистые горы, возвышающиеся над Фарнакией, в стране халдеев, где имеется множество рудников, ныне железных, а некогда и серебряных (Страбон XII, 3, 19); иначе — это хребты Париадр (Восточные Понтийские горы) и Скидис (Северный Тавр), над Фарнакией и Трапезунтом, вплоть до Малой Армении (Там же XI, 2, 15; 14, 1; XII, 3, 18; 28). И соображения Страбона вполне резонны: действительно, восток Малой Азии на стыке Анатолийского и Армянского нагорий изобилует крупнейшими рудными месторождениями, разрабатывавшимися с глубокой древности.

Для того чтобы более точно определить место обитания страбоновых халибов, обратимся к свидетельствам очевидцев, которые сами прошли через их страну. Страбон отмечал, что страна халибов, обитающих выше Фарнакии, между тибаренами и саннами — бывшими макронами (Там же: XII, 3, 18; 28), находится на одном меридиане с Малой Арменией Верхнего Евфрата (Там же: XIV, 5, 22; 24), т. е. прямо к северу от нее. Из Армении, от верховьев Евфрата, в страну халибов шли и отступающие «десять тысяч» греческих наемников на рубеже V и IV вв. до н. э. Рассказ об этом походе дошел до нас от двух его участников: Ксенофонта в «Анабасисе» и еще одного — может быть Софенета, — известия которого сохранились у Диодора. Ксенофонт знал, что халибы живут по соседству с армянской областью, расположенной у истоков Евфрата, — видимо, за горным хребтом

(Ксенофонт. Анаб. IV, 5, 2; 34; ср.: Киропед. III, 1, 34; 2, 1), тем не менее греки пошли на восток, в обход хребта, в область Верхнего Аракса и правых притоков Чорохи, где обитали фасианы и таохи, и лишь отсюда спустились в страну халибов-халдеев, где, видимо, и переправились через реку [Г]арпас (Верхний Чорохи где-то в районе Байбурта), а затем пошли по равнине скифинов через большой и богатый город Гимниаду-Гимнасию (скорее в районе Гюмюшане, нежели Байбурта, ср.: Максимова 1956: 77, 130) до горы Фех-Хений (перевал Зигана), откуда уже начиналась земля макронов и прямой путь к Трапезунту (Ксенофонт. Анаб. IV, 5, 2—8, 1; Диодор XIV, 28, 1—29, 4). Отметим сразу, что скифины, упоминаемые лишь в описании похода «десяти тысяч», являются, видимо, частью тех же халибов-халдеев; так, во всяком случае, можно заключить, сопоставляя сведения о них с данными Страбона.

Есть основания считать, что в тех же самых местах обитали горные халибы и более ранних источников. Таковы, например, халибои Гекатея Милетского, с которыми на юге граничат армении (Стефан Византийский s. v.). Там же находились, как мы уже знаем, гализоны и халдеи ранних античных и восточных источников. В этих краях, очевидно, и нужно искать древнюю страну [Х]алиба. Давно уже признано, что впервые в источниках она появляется как страна Халива (Haliua) (Forbes 1950: 174), упоминаемая в документах хеттского царя Суппилулиумы (первая половина XIV в. до н. э.) рядом со страной Карна, т. е. Каренитидой (Эрзерум) (Микеладзе 1973: 142), еще во времена Страбона считавшейся то халибской, то армянской (Страбон XI, 14, 5). Может быть, это упоминание относится ко времени, когда балканских гализонов еще не было в стране, по которой впоследствии им было дано прозвище халибов. В качестве предварительной гипотезы можно высказать предположение, что название Халиба вообще принадлежит к глубоко субстратному местному слою топонимов, как-то связанному с рудными месторождениями.

Политически горные халибы всегда были тесно связаны с соседней Арменией и прежде всего с Малой Арменией. О тесной связи и переплетении исторических судеб халибов-халдеев и Армении в последние века до н. э. говорит, например, Страбон (Там же: XI, 14, 5; XII, 3, 28; 29). Видимо, тогда происходило слияние этого народа с армянами. А немного позже Плиний Старший (I в. н. э.) говорит уже об арменохалибах, обитающих за «огромными горами» Париадра, которые окружают «свободный город» Трапезунт (Там же: VI, 12, 29 — сообщение относится ко времени после 63 г. н. э., ср.: Максимова 1956: 314). Но связь эта была особого рода: она базировалась на горнодобывающей деятельности халибов.

Карта рудных месторождений востока Малой Азии показывает наиболее плотное сосредоточение древних горных разработок как раз в тех местах, которые мы и определили как страну халибов, включая и линию Байбурт — Гюмюшане; здесь имеются месторождения железа,

меди, серебро-свинцовых руд (Максимова 1956: 23). Участники похода «десяти тысяч» ничего не говорят о разработке рудных месторождений в стране горных халибов. Может быть, к тому времени она действительно потеряла свое прежнее значение, но, безусловно, не была прекращена совсем: об этом свидетельствует намного более позднее сообщение Страбона о добыче железа халдеями в его время (Страбон XII, 3, 19). Но расцвет горного дела, видимо, и здесь падает на времена фригийских Мидасов и Гордиев, на IX—VII вв. до н. э. Рудники халибов в Понтийских горах и на Северном Тавре были тогда главным источником железа и серебра для всей Передней Азии (Дьяконов 1989: 51, 63, 65; 1997: 316, 326, 328).

Но любопытно, что исходным местом, откуда шли металлы, была Мелитена (Мелид) — древнее Армянское царство Тогарма. Отсюда металлы — железо и серебро — шли далее на юг, в Ассирию, в течение IX—VII вв. до н. э., причем впервые ассирийский царь получил свинцовую руду прямо из этой области еще в конце XII в. до н. э. (Дьяконов и др. 1988: 108). Когда урартские цари заходили в страну Мелитеа в VIII в. до н. э., то и они уносили отсюда серебро в качестве дани (Меликишвили 1960: 299, 307); впрочем, когда веком раньше урартский царь совершил поход в страну таохов (Диауехи), то и от них он получил серебро (Там же: 158), — возможно, добытое подчиненными им халдеями (Халдириулхи). Видимо, через Мелитену и в Ионию шло серебро гомеровых гализонов из Алибы, так как малоазийские участки будущей «царской дороги» функционировали уже при Мидасе (Дьяконов 1989: 51, 63; 1997: 316, 326). За контроль над царством Мелид-Тогарма и «железным путем» вели упорную борьбу Фригия и Ассирия в VIII—VII вв. до н. э. (Дьяконов 1981: 50—60); союз Фригии, Мелида и гализонов (Халиту) около 680 г. до н. э. и явился завершением этой борьбы.

По-видимому, мы имеем здесь дело с типичными для касты древних горняков и металлургов отношениями, когда последние по договору предоставляют в распоряжение своих господ произведенную ими продукцию. В данном случае такими господами могли бы быть цари Армянского царства Мелид-Тогарма. И действительно, Ксенофонт рассказывает (Киропед. III, 2, 24), что некогда халдеи заключили соглашение с «владыкой Армении» (т. е. царем доахеменидского Армянского царства: Дьяконов 1956: 350—356), которое «и поныне сохраняет свою силу». Хотя Ксенофонт и на этот раз ничего не говорит о горно-металлургической деятельности халдеев, но все же отмечает, что условия договора касались хозяйственных занятий, предусматривали оборонительный союз и регулировали брачные отношения обоих народов (Киропед. III, 2, 23) — последнее было особенно важно для эндогамной, по сути, касты.

Но все это касается горных халибов. А кроме них существовали еще прибрежные халибы. К последним прежде всего и относятся обычные для античного мира представления о халибах как изобретателях и

неустанных производителей железа, которые «днем и ночью трудятся в подземных штольнях и в кузницах, а пламя их горнов и звон наковален видны и слышны с кораблей, плывущих вдоль морского берега» (Максимова 1956: 26, 27). Само слово *χάλυψ*, обозначающее у греков высококачественное железо и сталь, произведено, как известно, от названия халибов (Там же: 143).

По поводу определения места обитания этих приморских халибов в науке даже развернулась дискуссия, в известной мере связанная и с общим представлением о халибах. Согласно одной точке зрения, халибы — настоящий народ, с глубокой древности обитающий на одном месте, согласно другой, халибы — собирательное название для разных племен, занимавшихся добычей и обработкой железа. Сторонники первой точки зрения обосновывают свое мнение тем, что большинство античных авторов помещают халибов на участке побережья между Термодонтом и Керасунтом, противоречащие же им указания Геродота и Помпония Мелы они объясняют либо поздними интерполяциями, либо ошибками (Максимова 1956: 27, 28).

Но более внимательное изучение «большинства» античных сведений о приморских халибах показывает, что дело обстоит несколько сложнее. Во-первых, только Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает о халибах (Ксенофонт. Анаб. V, 5, 1) между моссинойками, живущими на запад от Керасунта (Там же V, 4, 2), и тибаренами, обитающими вплоть до Котиоры (Орду) на западе (Там же: V, 5, 3). Поскольку греки в Котиоре же и сели на корабли, то побережье Понта дальше к западу Ксенофонт не описывал. Халибы эти, как замечает Ксенофонт, немногочисленны и, может быть, поэтому в параллельном повествовании Диодора вообще остались неупомянутыми. Во-вторых, все другие авторы, сведения которых восходят к Гекатею Милетскому (Jacoby 1923: 31, 357), помещают халибов между тибаренами и левкосирами, на запад от Котиоры и тибаренов, и до реки Термодонт (Терме-Чай), где они обитают «вдоль Понта», причем в их земле оказываются гавань Генет, греческие город Стамена и крепость Ясония (мыс Ясун); к востоку от тибаренов помещены моссинойки, макроны, город Керасунт. Таким образом, уже на пространстве между Керасунтом и Термодонтом мы находим две разные группы халибов.

Помпонию Мелу, у которого в основе описания южного побережья Понта тоже лежат данные Гекатея (ср.: Jacoby 1923: 356, 357), как бы продолжает карту расселения халибов далее на запад: у него халибы живут и по Термодонту, и по Галису (Кизыл-Ирмак), и у больших греческих городов Амис (Самсун) и Синопа к востоку от Пафлагонии (Мела I, 105). Наконец, Аполлоний в «Аргонавтике» приписывает одному из аргонатов основание города Киоса на побережье Пропонтиды, в стране халибов (Аполлоний I, 1289—1323). А Киос, как мы уже знаем, согласно другой традиции входил в зону расселения гализонов. Таким образом, здесь ареал халибов прямо смыкается и даже накладывается на ареал гализонов, показывая, что и в крайних западных точ-

ках территории своего расселения халибы тождественны гализонам. При таком раскладе и упоминание в сочинении Геродота (Геродот I, 28) халибов среди племен, живущих к западу от Галиса, между пафлагонцами и мариандинами, уже не кажется добавлением малосведущего интерполятора. Кстати, Эфор, видимо, тоже помещал халибов к западу от Синопы, отводя им места внутри малоазийского полуострова, поскольку принадлежал к числу тех, кто проводил восточную границу этого полуострова через Синопу (Страбон XIV, 5, 23; 24).

Итак, складывается впечатление, что приморскими халибами считались небольшие группы гализонов, селившиеся в устьях рек и близ греческих городов практически по всему южному побережью Понта и Пропонтиды. Именно они и производили высококачественное «халибское» железо, которое считалось также синопским и амисским — и не только потому, что соответствующие города служили пунктами вывоза этого металла (Максимова 1956: 28, 143, 211). Сведения письменных источников в данном случае хорошо объясняются и дополняются археологическими материалами. Ныне в Восточном Причерноморье, между устьями Чорохи и Риони, обнаружено несколько древних очагов производства железа. Располагались они в устьях горных рек и их притоков, существовали с XI по VI в. до н. э. (расцвет — в IX—VII вв. до н. э.), хотя есть и более поздние памятники (Хахутайшвили 1977: 119—141; 1987; по поводу датировки см.: Медведская 1990: 269—273). Производство это базировалось в основном на речных магнетитовых песках и точно соответствует тому, которое описано Аристотелем как халибское (О чудесных слухах: 48). Очевидно, такие же очаги располагались и к югу и западу от устья Чорохи, в низовьях рек южного берега Понта, отмеченных в письменных источниках как места обитания халибов. С другой стороны, если бы до нас дошли более детальные древние описания берега от Чорохи до Риони, то, наверное, и там были бы указаны халибы.

Что же касается социального статуса береговых халибов, то Ксенофонт на этот счет дает прямые свидетельства современника и очевидца: халибы подвластны своим соседям моссинойкам, а живут большей частью разработкой железной руды (Ксенофонт. Анаб. V, 5, 1). Это сообщение давно уже было убедительно истолковано как указание на эксплуатацию халибов — уплату ими дани железом своим господам, моссинойкам (Максимова 1956: 30, 144). В таких же отношениях к соседним племенам или греческим городам, видимо, находились халибы и в других местах.

Поскольку мы нашли, что халибы — это те же гализоны, то было бы интересно проследить и по другим источникам, нет ли данных, подтверждающих общность культуры всех гализонских анклавов в такой специфической для халибов области, как производство высококачественного железа. Имеются работы, в которых обобщаются археологические материалы по железообработке скифского времени Лесостепного и Степного Причерноморья — с одной стороны, Кавказа с

Предкавказьем (включая кобанские памятники) — с другой. В них отмечаются существенные для наших выводов моменты: близость металлургических центров указанных регионов в целом и следы мощного производственного импульса со стороны Кавказа, признаки работы металлургов-профессионалов и переход к производству стали (Терехова и др. 1997: 71—77; Погребова, Раевский 1992: 178, 188).

В этой связи интересным представляется следующее наблюдение. В античной литературе именно халибы, единственные среди племен южного берега Понта, часто и упорно именуются скифами, а их железо — скифским. Это мы видим уже у Эсхила и его комментаторов, причем у него заметна и мистическая персонификация халибско-скифского меча (Семеро против Фив: 727 сл.; 941 сл.). В том же ряду стоит знакомое нам наименование «скифины» для части халибов, подкрепляемое названием гор, вокруг которых они жили, — «Скидис» (Scydises от основы *škuda-* 'скиф'), прямо названных Плинием (Плиний V, 99) Скифским хребтом. «Скифские» связи халибов давно уже обратили на себя внимание (Погребова 1984: 18—20), но убедительного объяснения не получили. Не проявились ли в них реальные связи халибов-халдеев со скифскими ализонами Поднепровья, память о которых сохранялась в местной традиции, а может быть, и подкреплялась продолжавшимися контактами?

Халибы вместе с халдеями и Халиту в отечественной литературе почему-то безоговорочно считаются кавказским (точнее, западно-грузинским) племенем, хотя достаточно веских оснований для такого мнения как будто нет. А если признать, что халибы — это те же гализоны (они же халдеи и Халиту), которые из рудных областей Балкано-Дунайского региона расселялись вместе с фригийско-фракийскими племенами, обосновавшись в конце концов в землях почти по всему периметру Черного моря, то указанное мнение окажется крайне маловероятным. Большую определенность в вопрос об этнической принадлежности гализонов и халибов вносит связь последних с мосхами, тоже давно признанная. То, что «мосхи» (Μόσχοι) — греческая передача того слова, которое известно в восточных источниках как «мушки», очевидно и никем не оспаривается. Но если халибы — кавказцы, то приходится считать таковыми и мосхов, искусственно отрывая их от мушковых и признавая «мушкизированными халибами» (Дьяконов 1968: 222; 1981: 58; 1989: 49).

Кто же такие мосхи и мушки? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшой экскурс в область этнической истории фригийско-фракийских народов, наметив хотя бы в самых общих чертах собственную позицию во взгляде на ряд проблем. Прежде всего, нам кажется, что представление о фракийцах как исконном земледельческом населении, обитавшем на Балканах, по крайней мере, с ранне-бронзового века (Гиндин, Цымбурский 1996: 186, 218—225), трудно согласовать с фактами. Мы ищем истоки фракийской общности в области срубной культуры, а движение ее носителей в Малую Азию счи-

таем следующим за хеттско-анатолийским этапом переселения степных индоевропейских племен из Причерноморья (Пьянков 1989: 111, 112; 1995: 36).

Первой фракийской (в широком смысле) волной явились мусы. Их название позже было зафиксировано многими источниками в разных формах: у греков это мёсы (Μοῖσοί) Дунайского региона и мисы (Μυσοί) Северо-Западной Малой Азии, у восточных народов (лувийцев, урартов, ассирийцев и др.) — мус[ш]ы и мус[ш]ки (Mus[š]a- и Mus[š]ki-) Малой Азии и Армянского нагорья, причем вторые формы, с -к- (это показатель множественного числа в армянском), сначала относились, видимо, к прямым предкам будущих армян, но впоследствии могли прилагаться к любому фригийско-фракийскому народу (Дьяконов 1981: 56, 57; 1989: 46—48; Дьяконов и др. 1988: 105—107). Эта первая волна датируется в основном еще XIII в. до н. э., и движение ее в Малую Азию предшествовало падению Приамовой Трои и Хаттусы.

Но античная традиция сохранила память и о ней, отличая ее от последующих волн — фригийской, трерской и вифинской (Страбон I, 3, 21; VII, 3, 2; XII, 3, 3; 8, 3; XIV, 5, 23). Еще Артемидор (на рубеже II—I вв. до н. э.) знал, что малоазийские мисы — переселенцы из области мёсов, живших в его время за Истром (Дунаем) (Страбон XII, 8, 1; ср.: VII, 3, 2; XII, 8, 3), а Аполлодор (II в. до н. э.), опираясь на сообщения более ранних авторов, указывал, что мисы некогда жили около Босфора Фракийского и в Вифинии, вокруг озера и реки Аскания, у Кизика и т. д. (Страбон XII, 4, 8; XIV, 5, 29). Имеются основания полагать, что воспоминания о той же волне сохранились и в поздней мифологической традиции в виде предания о походе Фрикса через Геллеспонт вплоть до Колхиды (Страбон I, 2, 39). Видимо, с теми же событиями связаны и многочисленные следы фригийско-фракийского и вообще балканского присутствия, обнаруживаемые в ономастике Малой Азии той же эпохи, вплоть до появления царского имени Митас (т. е. Мидас) где-то на территории будущей Малой Армении в XIII в. до н. э. Археология свидетельствует о продвижении в это время срубной культуры на запад и формировании на ее основе сабадиновской культуры в Поднепровье (XIV—XIII вв. до н. э.), о дальнейшем продвижении сабадиновцев на запад и юг и формировании культур Ноа и Косложени в Прикарпатье и Нижнем Подунавье (XIII—XII вв. до н. э.) (Дергачев 1997: 44—51) и, наконец, о появлении памятников этих культур срубного происхождения на юге Балканского полуострова (Микены III в-с 1: XIII в. до н. э.) и в Малой Азии (Троя VIIb 1—2: XIII—XII вв. до н. э.) (Черняков 1984: 34—39).

Собственно мушки (= мосхи), расселившиеся на пограничье Анатолийского и Армянского нагорий и, прежде всего, в Малой Армении — в долине Верхнего Евфрата (Карасу), и были принесены этой первой фракийской волной еще в XIII в. до н. э.; именно их, по видимому, можно считать прямыми предками армянского народа

(протоармянами) — этнической группой, хотя и родственной фригийцам, но отдельной от них (Дьяконов 1961: 357—359; 1968: 114—118). Вполне возможно, что уже в составе этих переселенцев находились балканские рудознатцы и металлурги гализоны — те самые, которые позже вошли в поле зрения Гомера и урартов и которые, видимо, здесь впервые получили название халибов. Такое предположение делает понятным, почему мушки упорно прорывались в область Верхнего Тигра и Муратсу (где находились богатейшие медные рудники Эргани-Мадени) и оседали там на протяжении XII—IX вв. до н. э., несмотря на сопротивление ассирийцев.

Из античных авторов только Геродот говорит о мосхах примерно в том же смысле, что и восточные источники о мушки. Его мосхи, входящие в XIX ахеменидскую сатрапию наряду с тибаренами, макронами, моссинойками и марами (Геродот III, 94), а непосредственно граничащие, по крайней мере, с тибаренами (Там же: VII, 78), соответствуют населению Малой Армении вместе с горными халибами.

Сведения других античных источников о мосхах относятся к отдельным анклавам этого народа, расселявшимся к северу от своего основного ядра и, по-видимому, прямо связанным с горными разработками и металлургией. Таковы мосхи Гекатея Милетского (VI в. до н. э.): «Племя колхов, соседнее с матиенами» (Стефан Византийский s. v.) — под матиенами здесь надо понимать полукочевые мидийские племена, расселившиеся тогда по Армянскому нагорью, включая и верховья Аракса с притоками (Пьянков 1979: 73). Позднее, при Страбоне (рубеж н. э.), эти же мосхи оказываются разделенными между колхами, иберами и армянами (Страбон XI, 2, 18). А еще позднее, во времена Прокопия Кесарийского (VI в. н. э.), месхи, живущие между Лазикой (прежней Колхидой) и Иберией, считаются уже «издревле подданными иберов» (Войны VIII, 2, 24—26). Здесь характерна постоянно подчеркиваемая «подчиненность» мосхов по отношению к соседям на протяжении веков — положение, свойственное кастам металлургов.

Внимательное изучение сведений о мосхах (подробнее о них см., например: Лордкипанидзе 1972: 111—113; Хазарадзе 1973: 115—118) позволяет сделать вывод о постепенном перемещении этого народа от северо-восточных пределов Малой Азии к Закавказью, к Грузии (Хазарадзе 1977: 153). Свидетельством такого перемещения может быть сам географический ареал, в пределах которого разные источники помещают «Мосхийские горы»: от водораздельных хребтов Евфрата, Чорохи и Куры, т. е. от исходной территории мосхов (ср. хребет Мешкит-даг у истоков Чорохи) до гор Аджарии и Гурии (Хазарадзе 1977: 146—152). Но, что особенно важно, имеются и свидетельства о проникновении мосхов еще далее на север, по ту сторону Большого Кавказского хребта. Гелланик (V в. до н. э.) и Палефат (IV в. до н. э.) говорят о мосхах, живущих вместе с хариматами рядом с керкетами, «выше них» (Стефан Византийский s. v. Хариматы), а Страбон — о мосхах, живущих между керкетами и колхами (Страбон XI, 2, 14).

Очевидно, и на севере шел тот же процесс и в то же время, что и на юге, хотя в последнем случае он и был засвидетельствован намного раньше ассирийцами: мосхи-мушки осваивали новые места в поисках рудных богатств, вступая в конфликты или договорные отношения с правителями местных племен и народов. Но почему в данном случае металлурги мосхов-мушки фигурируют лишь под своим этническим названием? Ответ прост: здесь они проникали в иноэтническую среду и, естественно, были известны прежде всего как иноплеменники (хотя на картвельской территории они, видимо, постепенно ассимилировались). Единственный след, который оставило после себя на Кавказе кастовое имя этих древних металлургов, — название реки Алазоний (Алазань) в Иберии, у верховий которой имеются богатые месторождения меди.

Введение гализонов-халибов в круг фракийских народов позволяет более полно представить и историю этой касты металлургов. Еще в те времена, когда носители срубной культуры продвинулись с востока в Поднепровье и здесь стала формироваться сабастиновская культура, создатели последней проникают в Карпатско-Дунайскую область и овладевают местными металлургическими центрами (XIV—XIII вв. до н. э.) (Дергачев 1997: 45; ср.: Черных 1976: 149, 197—201). Тогда-то, видимо, и появилась каста гализонов в составе фракийского этноса. Впоследствии гализоны расселялись вместе с фракийскими племенами, не теряя внутренних контактов. Археологически проследить этот процесс во всех деталях трудно, но ясно, что металлурги Днепра и Днестра, т. е. киммерийско-скифские гализоны, по крайней мере до V в. до н. э., сохраняли связь с Карпатско-Дунайской областью и Кавказом, что металлурги Юго-Восточного Причерноморья, т. е. гализоны-халибы, известные также как мосхи (племенное название), продвигались от северо-востока Малой Азии к Кавказу, а затем и перевалили через Большой Кавказский хребет, последовательно создавая на протяжении XIII (XIV?)—XI вв. до н. э. колхидский, кобанский и прикубанский металлургические очаги, и что, наконец, создатели этих последних и носители культуры фракийского гальштата сохраняли следы генетического родства и поддерживали постоянные контакты между собой (ссылки на соответствующую археологическую литературу см. в начале статьи).

В стране мосхов, между Колхидой и Иберией, находилось святилище Левкотеи (Вани), основанное Фриксом, и городок Фрикса (в районе Абастумани) (Страбон XI, 2, 17, 18). Левкотея — богиня-покровительница кузнецов, и городище Вани действительно изобилует следами металлургического производства, литья бронзы на месте, ювелирного дела (Лордкипанидзе 1972: 1984). Вани в аспекте нашей темы особенно ценно как свидетельство «культурной радиации», шедшей из Малой Азии на северо-восток, в Закавказье. Многочисленные связи и аналогии указывают на Верхний Евфрат, т. е. исходную территорию мосхов-мушки, и ведут далее на запад, в Каппадокию,

Фригию и даже Фракию, а также свидетельствуют о контактах с греками от архаической до эллинистической эпох, т. е. охватывают всю ту зону, где расселялись гализоны-халибы (об этих связях и аналогиях см., например: Лордкипанидзе 1992: 188—190, 201—203, 207, 210—212). По поводу источника такой «радиации» возникла даже дискуссия: были ли им мосхи (понимаемые как иберы) или непосредственно жители Малой Азии? (Цецхладзе 1994: 206, 207). Но если принять наше понимание мосхов, то предмет спора вообще исчезнет.

Памятники святилища Вани теоретически должны представлять культуру мосхов в чистом виде. Поэтому очень интересно было бы сопоставить их с памятниками кобанской культуры, чтобы выявить в последней собственно мосхский элемент, характеризующий пришлую касту металлургов, отделив его, скажем, от культуры автохтонов. Ведь в археологии «чаще всего мы сталкиваемся с остатками и следами потребителей продукции», а не самих мастеров, часто являвшихся «чужеродным телом» в социальном организме, находящемся с последним «в той или иной форме связи — экономической, социальной или политической» (Черных 1876: 168).

Гализоны-халибы были не первой и не единственной кастой металлургов. Их предшественниками и отчасти современниками в Передней Азии были библейские Каин и его потомки кениты — бродячие кузнецы и медники. Ближайшая к халибам область Тубал (горы Антитавра), известная своими медными изделиями, именовалась также Тубал-Каин (как и ее эпоним). Это имя иногда прилагалось, кажется, и к халибам; во всяком случае, у Плиния Старшего (Плиний VI, 11) в перечне племен рядом с халибами однажды появляются «племена кенов (Саенагит)». В Малой Азии еще до расселения гализонов, во времена Хеттского царства и ассирийских колоний, производились и обрабатывались медь и бронза, железо и сталь, серебро и т. д., причем в некоторых случаях, возможно, этим занимались кузнецы в специализированных поселениях, выплачивая дань металлами (Гиоргадзе 1988: 249—251; Янковская 1968: 28—34). Видимо, одно из древнейших названий железа действительно имеет западнокавказское (хаттское) происхождение, автохтонное для Малой Азии, хотя доказать, что именно от него происходит слово «халибы» (Иванов 1983: 107), мне кажется, было бы трудно.

Но в области металлургии бронзы с расселением фракийско-фригийских племен связаны значительные изменения. Именно в это время, во второй половине II—начале I тыс. до н. э., по всей циркум-понтийской зоне распространяются оловянистые бронзы (Черных 1976: 197); с самого начала характерны они и для кобанской культуры (Козенкова 1989: 266). Не случайно изобретателем олова считался фригиец Мидас (Ельницкий 1961: 48, примеч. 1). Господствовавшие до этого мышьяковистые бронзы вытесняются, сохраняясь лишь в немногих очагах. В этой связи очень показательное сообщение Аристотеля об особом способе выплавки меди моссинойками, которые, пользу-

ясь древними секретами, примешивают к меди не олово, а «особый сорт местной земли» (О чудесных слухах: 62). Моссинойки же, судя по ряду признаков, — восточнокавказский народ, автохтонный по отношению к гализонам.

Таково возможное объяснение циркумпонтийского металлургического феномена конца II—I тыс. до н. э. Проблема требует дальнейшей разработки.

Литература

Ардзинба 1988: *Ардзинба В. Г.* К истории культа железа и кузнечного ремесла // Древний Восток. Этнокультурные связи. М. С. 263—306.

Гиндин, Цымбурский 1996: *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.

Гиоргадзе 1988: *Гиоргадзе Г. Г.* Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. М. С. 238—262.

Граков 1977: *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.

Дергачев 1997: *Дергачев В. А.* Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонттийского региона. Кишинэу.

Доватур и др. 1982: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.

Дьяконов 1955: *Дьяконов И. М.* Урарту // Всемирная история. Т. I. М. С. 513—526.

Дьяконов 1956: *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л.

Дьяконов 1958: *Дьяконов И. М.* Материалы к фонетике урартского языка // Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.; Л. С. 27—53.

Дьяконов 1961: *Дьяконов И. М.* Хетты, фригийцы и армяне // Переднеазиатский сборник. М. С. 333—368.

Дьяконов 1968: *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван.

Дьяконов 1981: *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. № 2. С. 34—64.

Дьяконов 1989: *Дьяконов И. М.* Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М. С. 46—69.

Дьяконов 1997: *Дьяконов И. М.* Урарту, Фригия, Лидия // История Востока. Т. I. М. С. 312—331.

Дьяконов и др. 1988: *Дьяконов И. М., Янковская Н. Б., Ардзинба В. Г.* Северная периферия нижнемесопотамской цивилизации IV—II тыс. до н. э. // История Древнего Востока. Ч. 2. М. С. 21—117.

Ельницкий 1961: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.

Иванов 1983: *Иванов В. В.* История славянских и балканских названий металлов. М.

Иессен 1951: *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23. С. 75—124.

Козенкова 1989: *Козенкова В. И.* Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 252—267.

Кривцова-Гракова 1955: *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.

Крупнов 1957: *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М.

- Крупнов 1960: *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.
- Лордкипанидзе О. Д. 1972: *Лордкипанидзе О. Д.* К локализации святилища Левкотеи // ВДИ. № 2. С. 106—125.
- Лордкипанидзе 1984: *Лордкипанидзе О. Д.* Город-храм Колхиды. 2-е изд. М.
- Лордкипанидзе 1992: *Лордкипанидзе О. Д.* Городище Вани в общеколхидском контексте. Дискуссия об античном Вани // ВДИ. № 1. С. 184—212.
- Максимова 1956: *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.; Л.
- Массон 1997: *Массон В. М.* Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб. С. 124—133.
- Медведская 1990: *Медведская И. Н.* [Рецензия] // СА. № 2. С. 269—273. Рец. на кн.: Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987.
- Меликишвили 1960: *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М.
- Мелюкова 1979: *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.
- Мелюкова 1989: *Мелюкова А. И.* География и этногеография Скифии в трудах советских ученых. Скифская матерьяльная культура: деревянная и металлическая посуда; хозяйство, быт, торговля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 40—48, 110—120.
- Мерперт 1988: *Мерперт Н. Я.* Об этнокультурной ситуации IV—III тыс. до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М. С. 7—36.
- Микеладзе 1973: *Микеладзе Т. К.* К вопросу о периодизации истории древней Колхиды // ВспД. С. 126—155.
- Монгайт 1974: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.
- Новик 1984: *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.
- Пиотровский 1949: *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л.
- Погребова 1984: *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Погребова, Раевский 1992: *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток. М.
- Пьянков 1979: *Пьянков И. В.* Матианы и саспиры // VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку: ТД. М. С. 72—76.
- Пьянков 1989: *Пьянков И. В.* Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе. С. 111—112.
- Пьянков 1994: *Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. № 4. С. 191—207.
- Пьянков 1995: *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. № 6. М. С. 27—46.
- Раевский 1977: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Рыбаков 1979: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.
- Терехова и др. 1997: *Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Хазарадзе 1973: *Хазарадзе Н. В.* Гекатеевы матиены // ВспД. С. 111—119.

Хазарадзе 1977: *Хазарадзе Н. В.* К вопросу о локализации Мосхийских гор // *ВопДИ*. С. 146—153.

Хахутайшвили 1977: *Хахутайшвили Д. А.* К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии // *ВопДИ*. С. 119—141.

Хахутайшвили 1987: *Хахутайшвили Д. А.* Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси.

Цецхладзе 1994: *Цецхладзе Г. Р.* Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья // *ВДИ*. № 3. С. 188—209.

Черных 1972: *Черных Е. Н.* Металл — человек — время. М.

Черных 1976: *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

Черных 1988: *Черных Е. Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // *Древний Восток. Этнокультурные связи*. С. 37—57.

Черняков 1984: *Черняков И. Т.* Связи сабастиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем // *Северное Причерноморье (Материалы по археологии)*. Киев. С. 34—42.

Янковская 1968: *Янковская Н. Б.* Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М.

Forbes 1950: *Forbes R. J.* *Metallurgy in Antiquity*. Leiden.

Jacoby 1923: *Jacoby F.* *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I. Berlin.

HALIZONES — CHALYBES — MOSCHI
(On the circum-pontic caste of metallurgists
of the late 2nd—1st millennia B.C.)

by

I. V. P'iankov (Velikiĭ Novgorod)

The paper deals with a mystery of the Koban culture of the Caucasus. The author supposes this culture to have been founded in the late 2nd — 1st millennia B.C. by a caste of ancient metallurgists who lived in the whole Pontic region. The ancient writers called the people of this caste the Halizones, and those of them occupying the Southern Pontic region — the Chalybes. This caste had been formed in the Balkan-Danubian region within the 2nd millennium B.C., and in the end of that millennium they, together with the Musi, appeared in Asia Minor up to the Caucasus. In the Caucasus, the people of this caste were also called the Mushki or Moschi.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ДВУРЕЧЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Э. В. Ртвеладзе (Ташкент, Узбекистан)

Научными исследованиями установлено два основных центра происхождения металлических денег.

1. Греко-лидийский, объединяющий греческие города Ионийского побережья Малой Азии, находившегося в ту пору под властью лидийских царей, и остров Эгина, причем наиболее ранней — VII в. до н. э. и даже VIII в. до н. э. — среди четырех монетных систем (милетской, эвбейской, коринфской, фокейской) признавалась милетская монетная система (Зограф 1951: 40—41). Согласно последним данным, чеканка лидийских монет возникла не ранее 640—630 гг. до н. э., причем наиболее древние из сохранившихся монет чеканены около 615 г. до н. э. (Robinson 1956: 23—26).

Первые монеты чеканились из электра (естественного сплава серебра и золота). На лицевую поверхность монет наносились клейма с изображением головы льва и быка, удостоверяющие их полновесность и доброкачественность металла, что впервые позволило осуществлять торговые операции без взвешивания металла.

2. Китайский. Здесь своеобразные т. н. монеты-ножи и монеты-пики появляются впервые в небольшом царстве Шу, на северо-востоке Китая, в VII или начале VI в. до н. э. В это же время изредка выпускаются и монеты круглой формы с отверстием посередине, позднее, с эпохи ранней Хань, возникает традиционный тип китайских монет с квадратным отверстием и иероглифами по обеим сторонам (Robinson 1956: 41; Money 1997: 23—26).

Все ранние китайские монеты — бронзовые, отлитые в металлических формах из камня и глины. Золотые и серебряные монеты на ранних стадиях развития китайской монетной системы, впрочем как и позднее, не выпускались.

К числу самостоятельных центров происхождения металлических денег относят также древнеперсидские и древнеиндийские монетные системы, однако и та и другая возникли, вероятно, под влиянием греческих центров.

В ахеменидском Иране чеканка золотой (дарик) и серебряной (сикль) монет возникла при Дарии I, как полагают, в 518 г. до н. э., вскоре после завоевания Малой Азии персами. Существует, однако,

мнение, что монеты выпускались в Иране еще до Дария I, причем наиболее ранними из них были серебряные сикли (Дандамаев, Луконин 1980: 203; Зограф 1951: 42).

В Индии чеканка т. н. «клейменных монет» из серебра с разнообразными сплавами, украшавшими лицевую сторону, возникает под ахеменидским или греческим влиянием в V в. до н. э. Чеканка этих монет, называвшихся каршпаны, появляется вначале в Гандхаре на северо-западе Индии, а затем распространяется вглубь индийского полуострова. Несколько позднее здесь вырабатывается самостоятельный монетный тип, в частности четырехугольные монеты из серебра и бронзы (Бирюков 1995: 14).

Весьма рано, в V—IV вв. до н. э., возникает чеканка монет в финикийских городах Восточного Средиземноморья. Вместе с тем, именно греко-лидийская и китайская монетные системы оказали решающее влияние на возникновение и последующее развитие монетного дела на различных территориях Евразии: китайская — на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, а в VII—VIII вв. н. э. — в Средней Азии; греко-лидийская — в странах Средиземноморья, на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе, особенно в первых веках до н. э. — первых веках н. э., — в Средней Азии.

Возникновение денег, «этого товара товаров», — закономерный результат социально-экономического развития передовых цивилизаций древности. Длительный и сложный процесс товарообмена и развития розничной и международной торговли во II—начале I тыс. до н. э., пройдя через стадии обращения товаров-денег и металлических слитков определенных весовых стандартов, привел в конечном итоге к появлению металлических денег.

Ранние монеты отличались от металлических слитков тем, что они имели на одной или двух сторонах удостоверяющие их полновесность клейма-изображения. Первоначально эти клейма-изображения представляли собой сочетания различных геометрических фигур, изображения животных, птиц и рыб: льва, черепахи, тюленя, совы, тунца. Аналогичного характера клейма, но с преобладанием местных особенностей, в частности астральных символов, имелись на древнеиндийских монетах — каршапанах.

Лишь спустя некоторое время на монетах появляются надписи, изображения божеств, а в середине IV в. до н. э. при Александре Македонском — портретные изображения царей (Money 1997: 111—115).

В Лидии первые монеты чеканились из электра, а затем из серебра. Только при царе Крезе (561—546 до н. э.) распространилась монетная система, основанная на биметаллизме (одновременном употреблении золота и серебра), получившая затем широкое распространение в Древней Персии.

Уже в древнейших монетных системах — милетской, фокейской, эгинской, евбейской — существуют различные номиналы монет, битые по-своему для каждого весового стандарта. Приведение их к еди-

ной норме осуществляется в эпоху возвышения Македонии и создания государства Александра Македонского, когда в основу серебряных монет была положена так называемая аттическая система с тетрадрахмой весом 17,44 г, драхмой весом 4,36 г, оболлом 1,6 г (Зограф 1951: 39—55). С этих пор и на протяжении нескольких столетий аттическая система, с некоторым изменением веса основных номиналов монет, господствует во всех странах, попавших под влияние эллинистического мира, в том числе и в южных районах Средней Азии.

Средняя Азия не входила в число областей первоначального зарождения металлических денег, основной причиной чему являлся недостаточно высокий уровень социально-экономического развития. На протяжении многих веков до появления монет здесь употреблялись различные формы меновой торговли и, возможно, слиткового обращения, хотя конкретных объектов последнего на данной территории пока не найдено.

Проблема возникновения собственной монетной чеканки в Средней Азии до недавнего времени обсуждалась лишь в хронологическом и территориальном аспектах: где и когда впервые монета стала использоваться здесь в качестве средства обращения (Гафуров 1952: 87—92; Массон В. 1955: 46). Характер и особенности ранних этапов ее становления теоретически и конкретно на основе обширного нумизматического материала обоснованы в ряде исследований Е. В. Зеймалю, изданных в последние годы (Зеймаль 1983а; 1983б).

Согласно его мнению, возникновение денежного обращения и появление самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье происходило по следующей модели: первоначально сюда в качестве сокровища поступают иноземные монеты, затем по образцу иноземной монеты, наиболее «привычной» для той или иной области, стали чеканиться местные подражания ей, являющиеся не только начальной формой монетной чеканки, но и начальной формой денежного обращения в областях и странах, соседствующих с государствами, уже обладавшими развитым денежным обращением. Заключительная фаза этого процесса — выпуск самостоятельных монетных эмиссий в некоторых областях Среднеазиатского Двуречья. Однако, если даже согласиться с данным предположением, остается все же неясным вопрос о том, являлись ли селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты иноземными по отношению к Согду и Северной Бактрии, или же они обращались здесь в силу того, что обе эти области входили в состав эллинистических государств. Вопрос этот упирается в политическую историю Среднеазиатского Двуречья в III—II вв. до н. э., которая, в свою очередь, базируется на скудных сведениях письменных источников и тех же нумизматических данных.

Сомнительно, что селевкидские и греко-бактрийские монеты всегда выполняли здесь функции сокровищ, а не средств обращения, тем более что среди находок часто встречаются медные халки, очень редко выходившие за пределы того государства, где они чеканились. Воз-

можно, что привозными для территории Средней Азии являлись ахеменидские дарики и сикли (вероятно, найденные здесь, хотя обстоятельства их находок неясны) или монеты VI—V вв. до н. э.: статеры ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин, монеты царей Македонии из Амударьинского клада.

В последние годы где-то в Южном Туркменистане найден клад серебряных ахеменидских сиклей. Тем не менее ахеменидские монеты, являющиеся, вероятно, определенным вкраплением в мир натурального обмена, не оставили никакого следа в последующей истории монетного дела Средней Азии, они не стали основой для возникновения здесь впоследствии монетной чеканки, в то время как селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты на несколько веков определили процесс становления и развития денежного обращения и монетной чеканки в Средней Азии. Они явились тем базисом, на основе которого возникают здесь вначале подражательные эмиссии, а затем и свои монеты.

Очевидно также, что модель, предложенная Е. В. Зеймалем (это показывает анализ нумизматических данных), не была универсальной; в различных историко-культурных областях Среднеазиатского Двуречья становление самостоятельной монетной чеканки происходило иным путем, что уже показано нами (Ртвеладзе 1990: 170).

К настоящему времени накоплен огромный монетный материал, обеспечивающий возможность впервые дать достаточно подробную и содержательную периодизацию развития денежного обращения в Среднеазиатском Двуречье (разумеется, не ограничиваясь только его географическими рамками) вплоть до III—IV вв. н. э. К сожалению, почти полное отсутствие сведений письменных источников и эпиграфических данных не позволяет конкретизировать многие вопросы денежного обращения, связанные с курсом, финансовой политикой и т. д.

Первый период (вторая половина II тыс. до н. э.—первая половина I тыс. до н. э.).

Натуральный обмен и меновая торговля. Использование в качестве денежного средства товаров-денег и, возможно, металлических слитков. Конкретные объекты их пока не выявлены, но, судя по аналогии с другими странами, это могло быть зерно, скот, различные ремесленные товары, раковины и т. д. Обращает на себя внимание наличие на памятниках первой половины I тыс. до н. э. керамических круглых предметов, похожих по форме на монеты. Некоторые исследователи считают их фишками для игры (Дьяконов 1954: 121—140)¹², но не исключено, что они могли использоваться в качестве эквивалента монет или выполнять роль счетных единиц.

Второй период (V—конец IV в. до н. э.).

Знакомство населения юга Средней Азии с монетой. Обращение металлических слитков и первых ахеменидских монет. Появление местных надчеканов на ахеменидских монетах.

Сведения о находках монет указанного периода здесь имеются, но во всех известных случаях они предположительны: пока нет ни одной монеты этого времени, найденной при археологических раскопках.

По некоторым данным, ахеменидские дарики были якобы найдены на городище Афрасиаб, в Старом Термезе и в Керки.

В последние годы где-то в Южном Туркменистане, по одним данным, или в Хорезме, по другим, был найден клад серебряных ахеменидских сиклей с изображением лучника в тиаре на лицевой стороне и различного рода надчеканами.

Две монеты из этого клада опубликованы Д. В. Бирюковым, который пришел к выводу о возможности постановки вопроса о вхождении юга Средней Азии в сферу денежного обращения империи Ахеменидов (Бирюков 1995: 5—18). Вместе с тем наличие на этих монетах надчеканов позволяет говорить о них как о первой начальной форме обращения среднеазиатских металлических денег. Ахеменидские дарики и сикли, как считают, входили в состав Амударьинского клада, но обстоятельства, связанные как с его находкой, так и с последующим пополнением его состава, сомнительны.

Вместе с ними в состав клада входили и другие монеты VI—V вв. до н. э.: тетрадрахмы и драхмы греческих городов и ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин и монеты царей Македонии (Зеймаль 1979: 72—84). Однако даже если эти монеты происходят из Амударьинского клада, то они, скорее всего, использовались как сокровище, а не как средство обращения.

Вероятно, существовало здесь и слитковое обращение. Известно, что области Средней Азии, разделенные на три сатрапии, выплачивали в казну ахеменидских царей налог серебром, выраженный в весовой единице — таланте, равном 25,92 кг. Так, к примеру, Бактрия выплачивала 360 талантов, что составляло около 9 тонн (Геродот: III, 117).

Не исключено, что это была не просто аморфная масса серебра, а весовые слитки, по всей вероятности клейменные. Таким образом, в ахеменидское время (середины VI—конца IV в. до н. э.) в наиболее развитых областях Средней Азии уже существовали начальные формы денежного обращения: слитковое и монетное, в виде золотой и серебряной монеты, но еще в недостаточно развитом виде.

Нельзя упустить из виду и еще одно обстоятельство, связанное со знакомством среднеазиатских народов с монетой и указывающее возможный путь ее раннего проникновения в Среднюю Азию. Имеется в виду хорошо известный факт службы в армии и проживания бактрийцев, согдийцев и хорезмийцев в различных частях Ахеменидского Ирана, Греции и Египта. Они могли сами привозить ахеменидские монеты или передавать их на родину в Среднюю Азию посредством соответствующих банкирских домов (как дом Мурашу в Вавилонии) (Дандамаев, Луконин 1980: 40).

Вместе с тем исключительно редкие реальные находки монет этого времени в Средней Азии позволяют охарактеризовать его как пери-

од первоначального знакомства населения этого региона с монетой и возможного использования ее, в особенности надчеканенных сиклей, в определенных торговых операциях; при этом активную роль в торговле составлял натуральный обмен, а в выплате налогов — слитки драгоценных и полудрагоценных металлов определенных весовых стандартов.

Третий период (конец IV—середина II в. до н. э.).

В целом этот период характеризуется вхождением ряда областей Средней Азии (Бактрии, Согда, Парфии) в эллинистическую систему монетного дела; становлением и развитием здесь настоящих товарно-денежных отношений; проникновением денежных отношений в сферу мелкой рыночной торговли, что определяется находками медных (бронзовых) монет на многих городищах; разнофункциональным использованием монет в качестве денег, сокровища и т. д.; возникновением чеканки монет в Бактрии при Селевке I, а в греко-бактрийское время, возможно в Согде, — и возникновением первых монет, чеканенных от имени местного правителя (монеты Вахшувара конца IV в. до н. э. в Бактрии), и первых местных подражаний селевкидским монетам Антиоха I (в Согде в начале III в. до н. э.), и подражаний монетам Александра Македонского.

Весь этот период можно разделить на два этапа: 1) конец IV—середина III в. до н. э.; 2) середина—начало второй половины III в. до н. э. Для первого этапа характерно становление денежного обращения, что подтверждается находками (правда редкими) монет Александра Македонского (336—323 до н. э.), Селевка I (311—281 до н. э.) и Антиоха I (281—261 до н. э.) в Северной Бактрии и Согде.

Так, драхмы Александра Македонского или Селевка I (ранние выпуски этих монет не отличаются друг от друга) найдены в районе к. Дарбанд, около Старого Термеза (Северная Бактрия) и на городище Куня-Фазли (Южный Согд). Редкий тип драхм Селевка I обнаружен на городище Шахри-Мунк (Северная Бактрия). Дихалк Селевка I происходит с Афрасиаба (об этих находках см.: Зеймаль 1983б: 65; Ртвеладзе 1990а; Давутов 1997: 5—9). Большое число монет (47 экз. тетрадрахм и драхм Селевка I) имелось в составе Амударьинского клада (Зеймаль 1979: 75—78).

Расширение ареала товарно-денежных отношений и более интенсивное развитие их в Северной Бактрии и Согде происходит при Антиохе I. Монеты этого царя найдены в Тахти-Сангине — шесть халков (вес от 0,72 до 3,12 г), Старом Термезе — три драхмы и один халк, Кампыр-тепе — два халка, в районе Денау — один халк (Северная Бактрия), в Самарканде — халки, Курган-тепе — обол (Согд) (Зеймаль 1983а: 66—68; Ртвеладзе 1989: 48—57; Zeimal 1997: 91).

Преобладание среди этих находок халков указывает на достаточно развитое денежное хозяйство и, в частности, существование мелкой

розничной торговли. Следует отметить также, что селевкидские монеты от Селевка I до Антиоха II найдены и на территории, непосредственно прилегающей к Среднеазиатскому Двуречью в Ай-Ханум — 67 экз., среди них монет Антиоха I — 62 экз., Селевка I — 1 экз., совместного чекана Селевка I и Антиоха I — 3 экз., Антиоха II (261—246 до н. э.) — 1 экз. (Bernard 1985: 35—55).

Важнейшим событием этого периода явилось возникновение собственно бактрийского монетного чекана Селевкидов при Селевке I и Антиохе I. При Селевке I в Бактрах чеканили серебряные монеты крупного достоинства (тетрадрахмы, драхмы, хемидрахмы) с изображением на лицевой стороне головы Зевса, а на реверсе — Афины на колеснице, запряженной двумя слонами или четырьмя лошадьми, битые по аттическому весовому стандарту (вес драхмы — 4,27 г) (Newell 1941).

Исключение составляет одна серия с именем Селевка и Антиоха, битая в соответствии с древнеиндийским весовым стандартом каршапана, равным в практическом исполнении 3 г. При Антиохе I бактрийский чекан стал еще более разнообразным: выпускались золотые статеры и серебряные тетрадрахмы и драхмы, также битые по аттическому стандарту с изображением на лицевой стороне бюста Антиоха, а на оборотной стороне — головы рогатой лошади. Выпускались, вероятно, и медные халки, связанные с розничной торговлей.

Не исключено, что драхмы Антиоха I чеканились и в Согде (Массон В., Ромодин 1964: 100), что, в частности, подтверждается эмиссией здесь в конце III—II в. до н. э. согдийских подражаний драхам Антиоха I с головой рогатой лошади (Зеймаль 1983а: 68—78).

В этот период был осуществлен также выпуск первых монет, чеканенных от имени местного бактрийского правителя, а не от имени греческого царя Бактрии. Это монеты правителя Вахшувара, что явствует из арамейской легенды, помещенной на лицевой стороне: известны золотые статеры (бюст мужчины в киртаски / мужчина на квадриге вправо) и двойные статеры (голова Александра в слоновом шлеме / стоящая Ника влево).

В определении места и времени выпуска монет Вахшувара нет единого мнения, хотя Е. В. Зеймаль и И. М. Дьяконов относят их (наряду с монетами Андрагора) к раннепарфянскому (аршакидскому) чекану середины III в. до н. э. (Дьяконов, Зеймаль 1988: 15—19; там же литература вопроса). Вместе с тем И. Р. Пичикян настаивает на бактрийском происхождении монет Вахшувара — Оксиарта (Пичикян 1991: 308—309), тестя Александра Македонского и отца Роксаны, который после смерти Александра был, по данным Арриана, сатрапом Парапамисад. Однако не исключено, что, помимо Парапамисад, в состав контролируемой им территории входила и коренная область его владений — Северная Бактрия. В этой же области, в Байсунских горах, но северо-западу от г. Денау, расположен кишлак Вахшувар, название которого полностью совпадает с именем Вахшувар на вышеописанных

монетах. Аналогичное название местности отмечено нами и в Бабадаге на пороге в Чагам¹.

Само же слово Вахшувар, греческой калькой которого является имя Оксиарт, по мнению В. А. Лившица, означает «избранный [бога] Вахшу (или верящий в бога Вахшу, охраняемый богом Вахшу)» (Пичи-кян 1991: 308). Разведки, проведенные мною в кишлаке Вахшувар, выявили здесь городище Сар-тепе, нижний слой которого относится к первой половине—середине I тыс. до н. э. (Ртвеладзе 1981) Не исключено, что именно это место, сохранившее свое древнее название на протяжении более двух тысяч лет, было главной резиденцией бактрийского аристократа Вахшувара-Оксиарта и именно здесь находилась скала Оксиарта.

Более того, мне представляется, что и Амударьинский клад принадлежит роду Вахшувара-Оксиарта — виднейшему представителю северобактрийской аристократии в конце IV в. до н. э.

Второй этап третьего периода характеризуется дальнейшим развитием денежных отношений в Среднеазиатском Двуречье, расширением ареала и вовлечением новых районов, в частности Бухары, в денежные отношения, расширением сферы применения монет, появлением первых монетных кладов, свидетельствующих о наличии больших денежных средств у отдельных лиц, возникновением первых согдийских и бактрийских подражаний селевкидским и греко-бактрийским монетам — как первой стадии становления самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Междуречье. Разнообразие весовых стандартов обращавшихся здесь серебряных и медных монет (тетрадрахмы, драхмы, оболы, халки, дихалки), чеканившихся по аттической системе, — показатель явного прогресса товаро-денежных отношений, использования монет как платежного средства, средства обращения, а также, вероятно, как сокровища. Значительные по объему торговые операции, в том числе и международные, и межобластные, обслуживались серебряной монетой крупных достоинств, но, особенно в Северной Бактрии и частично в Согде, денежные отношения проникают и в мелкую розничную торговлю между городом и сельскими поселениями.

Данная характеристика подтверждается находками монет на многих городищах и поселениях южных и центральных областей Среднеазиатского Двуречья, конкретные примеры чему приводятся ниже.

Северная Бактрия. Здесь зафиксированы находки около 100 серебряных и медных греко-бактрийских монет различных достоинств. Среди них монеты Диодота, Евтидема, Антимаха, Агафокла, Евкратиды, Деметрия, Гелиокла, т. е. всех великих греко-бактрийских царей. Основная масса находок греко-бактрийских монет — более 70 экз. —

¹ Любопытно, что легенда, записанная нами в кишлаке Вахшувар и связанная с культом змей, говорит о перелете змей в Бабатаг через Захар-тепе (городище Будрач-Наманган).

концентрируется в приамударьинской зоне (Тахти-Сангин — 27 экз., Старый Термез — более 30 экз., Кампыр-тепе — 15 экз.). Второй район компактных находок этих монет (15 экз.) — долины Сурхандарьи и Кашкадарьи (Дальверзин-тепе, Денау, Регар, Хаитабад-тепе, Шахринау). Отдельные находки монет имеются и на других городищах и поселениях (Зеймаль 1983б: 43—58; Rtveldadze 1985: 61—76; Zeimal 1997: 90—91).

Согд. В общей сложности здесь зафиксировано более 10 отдельных находок монет, а также два монетных клада.

Кеш и Нахшеб. Найдено три обола Антимаха в Шахризябзе и халк Диодота на Сангир-тепе, а также клад, включающий оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратида (Ртвеладзе 1990а: 178).

Самаркандский Согд. Зафиксированы около 10 монет, в том числе драхмы Евтидема, тетрадрахмы Деметрия и Антимаха, Гелиокла и оболы Евкратида, найденные на Афрасиабе, в окрестностях Самарканда и в Пенджикенте (Ртвеладзе 1990а: 179—180).

Бухара. В восточной части Бухары на Тахмач-тепе найден клад, состоящий из 56 тетрадрахм Диодота, Евтидема (около 50 экз.) и Агафокла. Кроме того, в окрестностях Бухары (Ходжа, Обон) найдены тетрадрахмы Деметрия и Евтидема (Rtveldadze 1985: 63—69; Ртвеладзе 1990а: 180—181).

Хорезм. Доказательств существования в этой области денежного обращения для данного периода пока не имеется. Известны лишь три находки греко-бактрийских монет, которые попадали сюда, вероятно, в качестве иноземных, т. к. Хорезм не входил в состав Греко-Бактрийского царства. Это тетрадрахма Евкратида из Джанбас-калы, тетрадрахма Евтидема из Хивы и халк из Якке-Парана (Ртвеладзе 1990а: 182).

В других областях Среднеазиатского Двуречья находки греко-бактрийских монет пока отсутствуют. Таким образом, только в двух наиболее развитых областях этого региона — Северной Бактрии и Согде, находившихся под юрисдикцией греко-бактрийских царей, существовали денежные отношения, причем в Согде (вероятно, только в таких крупных городах, как Мараканда, Ер-Курган, Бухара) тогда в отдельных районах господствовал натуральный обмен.

Четвертый период (вторая половина II в. до н. э.—начало I в. н. э.).

После падения Греко-Бактрийского царства в начале II в. до н. э. под давлением саков и юечжей политическая ситуация в Среднеазиатском Двуречье полностью меняется. В Бактрии возникает конфедеративное юечжийское государство, Согд остается под номинальной властью также конфедеративного государства Кангюй, состоявшего из нескольких достаточно самостоятельных владений, управляемых юечжийскими династиями, тогда как в Хорезме, по-видимому, сохраняется древняя династия.

Важнейшей особенностью этого периода является повсеместное распространение почти во всех областях Среднеазиатского Двуречья,

за исключением Ферганы и Чача, чеканки подражаний греко-бактрийским монетам.

В начальной фазе эти подражания почти полностью воспроизводят свой прототип — греко-бактрийские монеты, затем происходит искажение греческих легенд и появление новых божественных символов, на заключительной фазе возникают подражания переходного типа со смешанной греческой и собственно арамейской легендой и изображениями местных правителей.

Эту стадию Е. В. Зеймаль справедливо оценивал как начальную в становлении самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье (Зеймаль 1975: 56—61). Причем в каждой области этого региона чеканились особые, свойственные только ей изображения. Так, в Северной Бактрии выпускались юечжийские подражания монетам трех греко-бактрийских царей — Деметрия, Евтидема и Гелиокла.

Наиболее широкий ареал, разнообразие типов и интенсивность чеканки имели бронзовые подражания монетам Гелиокла нескольких весовых стандартов — 23—26, 10—16, 3—5 г. — и двух групп. Первая группа — копия монет Гелиокла с незначительными изменениями, вторая группа — с изображением местного правителя и лошади (Массон В. 1956: 63—75; Ртвеладзе, Пидаев 1981; Зеймаль 1983б: 110—129).

На юго-востоке Северной Бактрии обращались серебряные подражания оболам Евкратида, весом 0,3—0,6 г (т. е., по существу, хемиоболы), на которых на определенной фазе развития появляется «портрет» местного правителя (Зеймаль 1984: 177—192). Определенное место в денежном хозяйстве этой области занимали мелкие бронзовые и серебряные подражания монетам Деметрия (Rtveladze 1996).

Юечжийские правители Северной Бактрии не чеканили серебряной монеты крупных номиналов, но ее недостаток восполнялся греко-бактрийским серебром, по-прежнему, как это показал Е. В. Зеймаль, находившимся в обращении, по-видимому, вплоть до начала I в. н. э.

Еще более пестрым был состав монетной массы, обращавшейся в различных областях Согда в этот период. Так, в области Самарканда широкое распространение имели мелкие серебряные подражания монетам Антиоха I, весом от 0,3 до 3,2 г (оболы, хемидрахмы и драхмы), чеканившиеся, вероятно, с конца III в. до н. э. и вплоть до I в. н. э. (Зеймаль 1983а: 68—75). Эти подражания Дж. Лернер относил к согдийскому чекану Евтидема в ту пору, когда он еще не узурпировал греко-бактрийский престол (Lerner 1996: 77). Судя по их находкам на городище Ер-Курган, они, наряду с подражаниями монетам Деметрия, имели хождение и в западной части Южного Согда. В районе Бухары в этот же период осуществляется эмиссия крупных серебряных подражаний тетрадрахмам Евтидема весом 13—16 г (Зеймаль 1978: 201, 208—210).

Между бухарским и самаркандским Согдом, по-видимому во второй половине II в. до н. э., начали чеканиться мелкие серебряные монеты, весом 2—3 г, принадлежавшие юечжийской династии Гиркода,

или Уркода, с изображением головы правителя на лицевой стороне и стоящей фигурой божества на оборотной стороне, сопровождаемой греческой легендой ΜΑΚΑΡΟΥ ΟΡΤΑΔΡΟΥ.

В этот же период в Хорезме впервые возникает чеканка собственной монеты — крупных серебряных подражаний тетрадрахам Евкратида весом 13—16 г. (Вайнберг 1977: 106).

Каждая из охарактеризованных групп монет имела узколокальный круг обращения и ходила, судя по топографии их находок, в пределах области, в которой они выпускались.

Таким образом, происходит сложение локальных денежных рынков, в которых потребности в монете обеспечиваются за счет собственного чекана. Даже в пределах одной крупной области, например Согда, складывается по крайней мере четыре таких локальных рынка.

Различны были и монетные системы в различных областях Среднеазиатского Двуречья. В Северной Бактрии чеканились и обращались монеты различных номиналов из серебра и бронзы. В Согде и Хорезме обращались только серебряные монеты, причем в Хорезме только крупного номинала, тогда как в Согде как мелкого, так и крупного номиналов. Роль «тетрадрахм» здесь, вероятно, исполняли подражания монетам Евтидема, которые, судя по топографии находок, обращались на территории всей области Согда.

Очевидно, что денежная система в Согде и Хорезме уже отходит от основанной на драхме аттической системы, сохранившейся несмотря на смену формы правления в Бактрии. Основными денежными единицами в Согде становятся «обол» и «тетрадрахма», в Хорезме — «тетрадрахма». Недостаток разменной монеты в Согде, по-видимому, восполнялся многочисленными эмиссиями мелкой серебряной монеты — «оболов» и кратных от него, тогда как в Хорезме в этом виде торговли по-прежнему, вероятно, господствовал натуральный обмен.

Изменяются и весовые стандарты монет, отходящих от аттических норм; так, вес подражаний тетрадрахам Евтидема и Евкратида лежит в пределах 13—16 г, при весе аттической тетрадрахмы 17,36 г.

Пятый период (I—первая половина III в. н. э.).

Денежное хозяйство этого периода в различных частях Среднеазиатского Двуречья кардинально меняется в связи с иной политической ситуацией. Происходит, в частности, дальнейший отход от эллинистических традиций монетного дела как в весовых стандартах и металлах монет, так и в иконографии и символических, взамен которым приходят местные азиатские нормы и традиции. Южная часть Среднеазиатского Двуречья со времени правления Вимы I Ток[то], сына Куджулы Кадфиза, по-видимому, со второй половины I в. н. э. входит в состав владений могущественного кушанского царя.

На протяжении всего периода от Вимы I Так[то] до Канишки II включительно денежное хозяйство этой области, состав монетной массы следовали государственной монетной политике кушанских царей.

Политическая стабильность, способствовавшая стремительному росту городов и селений, расцвету ремесел, сельского хозяйства, торговли, определила интенсивное развитие товарно-денежных отношений. Так, к примеру, на территории Северной Бактрии зафиксировано, по моим подсчетам, несколько тысяч кушанских монет отдельными находками и в кладах. Причем количество содержащихся в некоторых кладах монет исчисляется многими сотнями экземпляров, что говорит о скоплении значительных денежных средств у отдельных лиц. Товарно-денежные отношения интенсивно развиваются и в сельских поселениях, а также проникают в глубинные горные районы. Видимо, в этот период натуральный обмен если и сохраняется, то в значительной мере утрачивает свое былое значение.

В денежном обращении этого периода в Северной Бактрии можно выделить три этапа.

На первом этапе при Виме I Так[то] (Сотер Мегас) в обращении находились бронзовые монеты двух различных номиналов — крупные весом 8—9 г и мелкие весом 2—3 г. Они в весьма большом количестве найдены фактически на всех кушанских городищах Северной Бактрии (Ртвеладзе, Пидаев 1981: 37—39; Зеймаль 1983б: 160—178).

Весовые стандарты монет Вимы I отличаются от весовых стандартов монет его предшественника Куджулы Кадфиза, так же как и иконография и символика. Это, вероятно, говорит о возможной, небольшой по сути своей, денежной реформе, проводившейся Вимой I в пору его правления. О каких-либо золотых и серебряных монетах, чеканенных этим правителем, неизвестно, и остается неясным, монеты каких достоинств применялись для расчета при крупных торговых операциях: не исключено, что при подобных сделках применялось греко-бактрийское серебро, а также монеты Кушана (Герая), чьи тетрадрахмы и оболы известны уже в достаточно большом количестве.

Второй этап пятого периода связан с проведенной преемником Вимы I Так[то] Кадфизом II кардинальной денежной реформой, основанной на использовании серебра и меди и полностью изменившей монетную систему Бактрии, бытовавшую здесь с эллинистического времени.

Новая монетная система, введенная Вимой Кадфизом II, по-видимому под римским влиянием, была основана на золоте и бронзе. Основной денежной единицей стала золотая монета, условно названная «статером», вес ее — 8,3 г — почти точно совпадал с весом римского ауреуса — 7,6—8,1 г, но был меньше, чем вес аттического статера, — около или немногим более 8,6 г (Массон В., Ромодин 1964). В денежное обращение были введены также двойной статер весом 16,07 г и четверть статера весом 2,01 г.

Название «статер» для этих монет было введено в науку условно, однако, как показали материалы Дальверзинского клада, оно бытовало действительно. В кладе находились десять золотых брусков с надписями кхароштни, содержащими обозначения весовых стандартов —

статер, драхма, дхане. Сравнение веса брусков и количественного обозначения статеров в надписях показало, что вес последних колеблется от 17,08 г до 18,04 г при вычисленном среднем весе 17,08 г (Воробьева-Десятовская 1976: 72—79). По этой причине Г. А. Пугаченкова полагает, что, несмотря на употребление в надписях слова «статер», речь на самом деле идет о двойном статере, потому как вес статера — 8,03 г (Пугаченкова 1976: 64—71). Однако не исключено, что в них передан истинный вес обычного статера, так как в противном случае в надписях было бы обозначено именно два статера по отношению к драхам и дхане — местной весовой единице. Согласно содержанию надписей, один статер был приравнен к четырем драхам, средним весом 4,4 г, а одна драхма — к 5 или 6 дханам средним весом 0,77 г.

Употребление в надписях названий статера и драхмы показывает, что в кушанское время по-прежнему бытовали греческие обозначения основных весовых единиц, принятых здесь в эллинистическое время. Они, вероятно, применялись и для обозначения стоимостных единиц, как, к примеру, в Нии и Крорайне, согласно найденным здесь хозяйственным документам на пракрите (Воробьева-Десятовская 1976).

Изменились иконография и весовые стандарты бронзовых монет. В обращение были введены крупные халки весом 16—17 г, в большом количестве найденные на многих городищах Северной Бактрии.

Третий этап приходится на время правления Васудевы II и Канишки III, последних кушанских царей, которым принадлежала Северная Бактрия.

Сопоставление метрологических данных монет показывает, что они заметно изменяются к позднекушанскому времени, уменьшаясь в диаметре и весе. Уже при Хувишке бронзовые монеты постепенно падают в весе, а при Васудеве I и Канишке III происходит дальнейшая редукция основного бронзового номинала.

В правление Васудевы I чеканят бронзовые монеты, по-видимому, двух номиналов: 6—8 г и 9—11 г, тогда как при Канишке III — одного: 6—8 г (Ртвеладзе, Пидаев 1981: 40—41; Зеймаль 1983б: 205—229). Соответственно, видимо, изменяется и соотношение бронзовой и золотой монет, как и состав металла бронзовых монет, которые, в отличие от монет ранних кушанских правителей, чеканятся из двух- или трехкомпонентных бронз.

Приведенные данные позволяют предположить, что в позднекушанское время также была проведена денежная реформа, затронувшая, в первую очередь, область бронзовых номиналов: главной ее особенностью была замена громоздкой тяжеловесной монеты на более удобную в обращении на внутреннем рынке монету пониженного веса и уменьшенного диаметра. Имеющиеся данные (количественное соотношение находок монет) показывают, что в позднекушанское время объем товарно-денежных отношений сохраняется на высоком уровне как в городах, так и в селениях Северной Бактрии.

Аналогичную картину дает и анализ монетных кладов.

Клады первого этапа содержат только монеты Сотера Мегаса и никаких других предшествующего времени, в частности, монет «Варварского Гелиокла». Зарыли их, судя по всему, в начальный период раннекушанского времени.

Ко второму этапу относятся семь кладов: шесть из них содержат монеты Кадфиза II и Канишки I, и только в одном (клад из храма Окса) имеются монеты Сотера Мегаса. Фактически это означает, что монеты предшествующего времени в период правления Кадфиза II — Канишки I уже не играли видной роли или вообще выпадали из денежного обращения.

Ту же тенденцию полной смены старых монет новыми показывают клады третьего — позднекушанского этапа. К этому времени относятся пять кладов, в четырех из которых содержатся только монеты Васудевы и Канишки III и в одном — монеты Хувишки (клад из Кызыл-Кетмана). Время Хувишки, как представляется из анализа состава кладов, по-видимому, можно охарактеризовать как переходный этап от развитого к позднекушанскому этапу в денежном обращении, поскольку незначительная доля этих монет содержится в кладах как предшествующего, так и последующего этапов (клад монет Хувишки и Канишки из храма Окса и клад из Кызыл-Кетмана). Ни одной монеты раннекушанских правителей Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки I в составе кладов позднекушанских царей не имеется. Поскольку все клады, как это видно из их состава, являются результатом кратковременного накопления, то они отражают непосредственную картину денежного обращения на том или ином этапе. Отсюда напрашивается вывод, что замена старой монеты на новую в кушанской Бактрии происходила намного быстрее, чем предполагалось ранее, и что период циркуляции старых монет был ограничен во времени. Иными словами, есть основания говорить о вероятности изъятия старых монет из обращения и постепенной замене их новыми.

В Согде характер номинала монет и состав металла в этот период сохраняются («тетрадрахмы» и «оболы»), но появляются новые чеканы и монетные центры. Так, в Южном Согде чеканятся мелкие серебряные монеты весом 0,4—0,9 г (хемиоболы) с изображением Геракла и Зевса, но с согдийской, еще недостаточно понятной легендой из двух слов, в которой хорошо читается только слово MR'Y — 'правитель'. Эти монеты обращались на территории всей области, по-видимому, с середины I в. до н. э. и вплоть до IV в. н. э. (Зеймаль 1973: 68—73), когда их сменили бронзовые монеты со сценой единоборства. Если раньше были известны только единичные экземпляры (всего их было зарегистрировано более 20 экз.), то сейчас зафиксирована и находка клада этих монет в Тилимарине.

В Центральном Согде, в разных его частях, обращались следующие группы монет. В Самарканде, Пенджикенте и прилегающих к ним районах обращались мелкие серебряные монеты с изображением луч-

ника с согдийской легендой, передающей имена различных правителей а'št'm, βywrty, hprwrnh, kyδr, tyrak (Зеймаль 1983б: 269—277).

В низовьях Зеравшана, в Бухарском и частично Самаркандском Согде в обращении по-прежнему находились мелкие серебряные монеты группы Гиркода с изображением правителя на лицевой стороне и протомы лошади на оборотной стороне, с греческой и согдийской легендой. Вес этих монет колеблется в пределах 0,6—3,0 г, что означает, по-видимому, различия в номиналах (хемиоболы и оболы) (Зеймаль 1978: 207; Ртвеладзе 1990а: 181).

В самой Бухаре и прилегающих к ней районах чеканились крупные серебряные монеты «тетрадрахмы» весом 9—11 г, далеко отошедшие от аналогичных прототипов как в весовых стандартах, так и в иконографии: «портрет» Евтидема заменяется на изображение местного правителя, а греческая легенда — на согдийскую.

Таким образом, на протяжении всего этого периода рынки Согда были в полном объеме обеспечены как мелкой серебряной монетой различных номиналов, так и крупной монетой. Причем самые мелкие серебряные монеты весом 0,3—0,6 г заменяли отсутствующие здесь бронзовые монеты и играли роль разменной монеты, тогда как в больших торговых сделках в Согде применялись «тетрадрахмы» — подражания монетам Евтидема.

Причины отсутствия в Согде чеканки бронзовых монет — как в этот, так и в предшествующие периоды — остаются неясными. Увеличивающееся число находок кладов монет, содержащих только «тетрадрахмы» или только мелкие серебряные монеты, свидетельствует о скоплении больших денежных средств у определенного слоя населения Согда.

Состав монетной массы в Согде и Бактрии в этот период был совершенно разным по всем параметрам, что свидетельствует о кардинальных династических и государственных различиях. Бактрия входила в состав Кушанского царства, в Согде в этот же период правили в различных его частях четыре не зависящие друг от друга династии, что и нашло отражение в монетных чеканах (подражания тетрадрахмам — монеты Гиркода — монеты с лучником — монеты с Гераклом и Зевсом).

В Хорезме также происходят важные изменения в монетном деле: налицо полный переход от подражательных эмиссий к совершенно самостоятельной монетной чеканке.

Наиболее ранний этап становления монетной чеканки Хорезма представлен группой А. На монетах этой группы отчетливо прослеживается введение новых элементов — хорезмийской царской тамги и изображения всадника вместо Диоскуров на оборотной стороне и появление изображения царя на лицевой стороне. Всего в ней выделены три последовательные стадии, отражающие становление хорезмийского монетного чекана. Наиболее ранней признана монета, впервые опубликованная М. Е. Массоном и отличающаяся от тетрадрахм Евкратида деталями изображения лица на лицевой стороне и наличием

на оборотной стороне хорезмийской царской тамги — А I (Массон М. 1953: 164). Следующую стадию отражают монеты типа А II из Самаркандского музея, образцом для чеканки которых послужили, по мнению Б. И. Вайнберг, монеты типа А I (Вайнберг 1977: 50). Наконец, монеты типа А III демонстрируют при сохранении некоторых признаков предшествующих типов принципиально новые изменения: появление на лицевой стороне бюста безбородого царя, позади которого схематизированное изображение богини Ники, венчающей царя, а на оборотной стороне — всадника на едущем вправо коне. Монеты группы А — серебряные, по весовым данным близки к тетрадрахмам. Они датируются в пределах второй половины I в. до н. э.—начала I в. н. э. (Вайнберг 1977: 49—51).

Не решен, однако, вопрос о месте чеканки монеты первой стадии типа А I. В. М. Массон полагал, что они чеканились в районе Сырдарьи, тогда как С. П. Толстов отстаивал ее хорезмийское происхождение. Б. И. Вайнберг колеблется в определении места ее происхождения: не исключается чеканка этой монеты на юге Среднеазиатского Двуречья, а также чеканка ее в Хорезме после захвата данной области кочевыми племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрии. В то же время чеканку монет типов А II и А III она уверенно относит к Хорезму (Вайнберг 1977: 50; Ртвеладзе 1990а: 182—183).

Монеты группы Б представлены множеством типов с изображением на лицевой стороне бюста царя, а на оборотной стороне — едущего на коне всадника в сопровождении остатков искаженной греческой легенды и надписи хорезмийским письмом, передающей имя царя и его титул. В этот же период незадолго до времени правления царя Вазама-ра (тип Б V) возникает медный хорезмийский монетный чекан, а в его правление устанавливается стабильный тип медных монет.

Монеты Б I, которые Б. И. Вайнберг датирует серединой или третьей четвертью I в. н. э., свидетельствуют о новом и принципиально важном этапе монетного дела Хорезма — на них впервые появляются тамга, которая становится традиционной в монетном чекане Хорезма вплоть до конца VIII в., и местная легенда, содержащая имя царя и титул (Вайнберг 1977: 52). Монеты Б I демонстрируют уже полный разрыв с эллинистическими традициями, на них полностью исчезает искаженная греческая легенда, присутствующая на всех монетах предшествующих групп.

На протяжении всего этого периода в Хорезме существовали развитые денежные отношения, обеспечивавшие сферы крупной и мелкой рыночной торговли и базировавшиеся на серебре и бронзе. Однако, в отличие от Согда, здесь не выпускались мелкие серебряные монеты.

Таким образом в I—первой половине III в. н. э. в Среднеазиатском Двуречье существовали три большие нумизматические провинции, три локальные области денежных отношений, различающиеся весовыми стандартами и металлом монет: 1. Хорезм, где чеканились только крупные серебряные и бронзовые монеты разных номиналов; 2. Согд.

в котором выпускались крупные серебряные монеты одного номинала и мелкие серебряные монеты разных номиналов; 3. Северная Бактрия, входившая в сферу кушанской денежной системы, основанной на выпуске только золотых и бронзовых монет.

Можно предварительно говорить о выделении четвертой области — Ферганы, где, по-видимому, роль денег выполняли китайские бронзовые монеты у-шу.

Не исключено, что в сферу денежных отношений и начала чеканки собственной монеты в этот период вошел и Чач, однако для этого вывода данных еще недостаточно (Rtveladze 1998: 307—388).

Анализ данных показывает, что все монетные чеканы Среднеазиатского Двуречья имели узколокальную сферу обращения в пределах выпускавших эти монеты областей. Они не проникли как в соседние области и владения, так и за пределы Среднеазиатского Двуречья, обслуживая сферу местных рыночных отношений. Роль международной валюты на трассах Великого Шелкового пути, проходящих через этот регион, вероятно, выполняли кушанские, парфянские и римские монеты, находки которых зафиксированы далеко за пределами чеканивших их государств — в Индии, Средней Азии, Восточном Туркестане, Китае.

Характер денежных отношений во второй половине III—IV в. н. э., как бы переходном периоде от эпохи древности к эпохе раннего средневековья, значительно отличается от предыдущего периода и требует самостоятельного рассмотрения.

Крушение великих царств древности — Кушанского и Парфянского повлияло на общую политическую обстановку и подготовило почву для перехода к новой социальной системе. Важнейшими признаками этого времени стали массовое движение кочевых народов — кидаритов, хионитов и эфталитов, возникновение новых, более мелких, владений, смена династий в прежних владениях, политическое господство Сасанидского Ирана в Среднеазиатском Двуречье. Все это привело к изменению состава монетной массы и характера денежных отношений, к появлению новых центров монетной чеканки, к исчезновению эллинистических традиций как в иконографии, так и в метрологии и эпиграфике.

Литература

Бирюков 1995: *Бирюков Д. В.* У истоков денежного обращения Средней Азии: К проблеме ахеменидского влияния на генезис монетной формы денег в среднеазиатском регионе // НЦА. I.

Вайнберг 1977: *Вайнберг Б. И.* Монеты Древнего Хорезма. М.

Воробьева-Десятовская 1976: *Воробьева-Десятовская М. И.* Надписи письмом кхарошти на золотых предметах из Дальверзин-тепе // ВДИ. № 1.

Гафуров 1952: *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. М.

Давутов 1997: *Давутов Д.* Драхма Селевка с городища Шахри-Мунк // НЦА. II.

Дандамаев, Луконин 1980: *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.

Дьяконов 1954: *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. Т. XIX.

Дьяконов, Зеймаль 1988: *Дьяконов И. М., Зеймаль Е. В.* Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. № 1.

Зеймаль 1973: *Зеймаль Е. В.* Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СГЭ. Вып. XXVII.

Зеймаль 1975: *Зеймаль Е. В.* «Варварские подражания» как исторический источник // СГЭ. Вып. XI.

Зеймаль 1978: *Зеймаль Е. В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.

Зеймаль 1979: *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад: Каталог выставки. Л.

Зеймаль 1983а: *Зеймаль Е. В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.

Зеймаль 1983б: *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе.

Зеймаль 1984: *Зеймаль Е. В.* Подражания оболам Евкратиды // Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.

Зограф 1951: *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 26. М.; Л. С. 40—41.

Левушкина 1981: *Левушкина С. В.* Химический состав металла монет из Северной Бактрии // Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент.

Массон В. 1955: *Массон В. М.* Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. № 3.

Массон В. 1956: *Массон В. М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. Вып. XI.

Массон В., Ромодин 1964: *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 1. М.

Массон М. 1953: *Массон М. Е.* Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. № 3.

Пичикян 1991: *Пичикян И. Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.

Пугаченкова 1976: *Пугаченкова Г. А.* К открытию надписей кхарошти на золотых предметах Дальверзинского клада // ВДИ. № 1.

Ртвеладзе 1981: *Ртвеладзе Э. В.* Бронзовый кинжал из Вахшувара // СА. № 1.

Ртвеладзе 1989: *Ртвеладзе Э. В.* Селевкидские монеты из Кампыртепе // ОНУ. № 2.

Ртвеладзе 1990а: *Ртвеладзе Э. В.* Модели генезиса монетной чеканки в среднеазиатском междуречье // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент.

Ртвеладзе 1990б: *Ртвеладзе Э. В.* Новые открытия Узбекстанской искусствоведческой экспедиции // ВДИ. № 4.

Ртвеладзе, Пидаев 1981: *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент.

Ртвеладзе, Мусакаева 1986: *Ртвеладзе Э. В., Мусакаева А.* К истории денежного обращения в Западном Согде: Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема Бухары // ОНУ. № 6.

Bernard 1985: *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum. IV: Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris.

Lerner 1996: *Lerner J. D.* A Graeco-Sogdian Mint of Eothenus // RN.

Money 1997: *Money. A History.* London.

Newell 1941: *Newell E. T.* The coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York.

Robinson 1956: *Robinson E. S.* 1956. The date of the earliest coins // NC.

Rtveladze 1984: *Rtveladze E. V.* La circulation monétaire au Nord de l'Oxus à l'époque gréco-bactrienne // RN. VI-e Sér. T. XXVI.

Rtveladze 1996: *Rtveladze E. V.* Découvertes en numismatique et épigraphique gréco-bactriennes à Kampyrtepe // RN. T. 150.

Rtveladze 1998: *Rtveladze E. V.* Pre-Muslim Coins of Chach // SRAA. 5 (1997/1998).

Zeimal 1997: *Zeimal E. V.* Coins from the excavations of Takht-i Sangin (1976—1991) // Studies in Silk Road Coins and Culture. Kamakura.

ON THE DIVISION INTO PERIODS OF THE HISTORY OF COIN CIRCULATION IN THE MIDDLE ASIAN TWO-RIVER AREA IN ANTIQUITY

by

E. V. Rtveladze (Tashkent, Uzbekistan)

By now, within the Middle Asian Two-River area (including in Antiquity the regions of Northern Bactria, Sogdiana, Chorasmia, Ferghana and Chach) a huge amount of ancient coin material has been collected permitting to mark out five periods of the development of coin circulation there:

First (the latter half of the 2nd millennium to the former half of the 1st millennium B.C.) — a period of natural exchange and barter.

Second (the 5th to the late 4th centuries B.C.) — a period of the circulation of metal bars and Achaemenid coins as well as of the appearance of local over-strikes on the latter;

Third (the late 4th to the mid-2nd centuries B.C.) — a period of the formation and development of real commodity-money relations on the basis of the fact that Bactria and Sogdiana had become parts of the Hellenistic system of coinage;

Fourth (the latter half of the 2nd century B.C. to the early 1st century A.D.) — a peculiarity of this period is the almost general distribution in the region under review (with the exception of Ferghana and Chach) of imitations of the Graeco-Bactrian coins: this fact must be considered as an initial stage of the making of the local independent coinages.

Fifth (the 1st to the former half of the 3rd centuries A.D.) — a period of further digressing from the Hellenistic coinage traditions as to weight standards, coin metals, iconography and symbolics. Instead of them, there came local Asiatic standards and traditions. There were at that time at least three large numismatic provinces, three regions of money relations different from each other in weight standards and coin metals, — Chorasmia, Sogdiana and Northern Bactria.

The nature of money relations in the latter half of the 3rd — 4th centuries A.D. — a transition period from Antiquity to Early Medieval Times — differed very much from the previous one, and so it needs to be under special examination.

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ИДЕЙ ХРИСТИАНСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ*

Н. Ф. Саввониди (Санкт-Петербург)

В 1991 г. Василеостровский юношеский научный центр принял участие в раскопках на хоре Херсонеса Таврического (Гераклейский полуостров в пределах современного г. Севастополя). Руководство археологическим отрядом осуществляли О. В. Шаров (начальник отряда) и Н. Ф. Саввониди (заместитель начальника отряда). Исследования проводились под руководством заместителя директора Национального заповедника «Херсонес Таврический» Г. М. Николаенко. Хотелось бы выразить огромную благодарность Г. М. Николаенко, которая любезно предоставила автору возможность ознакомиться с материалами изучаемого периода, хранящимися в фондах Заповедника, и сделала ряд весьма полезных замечаний в процессе подготовки данной статьи к печати.

Раскопки проводились на территории земельного надела № 6, размежеванного в IV в. до н. э. (рис. 1). На поверхности этого надела до сих пор можно видеть стены, выложенные из материковой каменной породы. Стены, параллельные друг другу, возведены в направлении северо-восток—юго-запад. В древности эти стены служили опорой для виноградной лозы. Они аккумулировали тепло и влагу, создавая благоприятную среду для выращивания винограда (Щеглов 1978: 113). Расстояние между стенами варьировало от 1,2 до 4,4 м. Такое неравномерное распределение межстенного пространства свидетельствует о том, что участок использовался и как виноградник, и как фруктовый сад. Подобная система называлась римлянами *arbustum* (Катон. Земледелие: 7, 1).

На одном из полей надела размером $52,5 \times 52,5$ м, в его северной части, перпендикулярно оси плантажных стен на этом участке был заложен раскоп длиной 55 м и шириной 5 м. Всего на раскопе было вскрыто 8 каменных стен. Нумерация стен начинается с юго-востока. Пространство между стенами было заполнено землей и мелкими камнями. Исключение составлял только расположенный между 7-й и 8-й стенами участок, примыкавший к раскопу с юга. Поверхность его на-

* This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 827/1999.

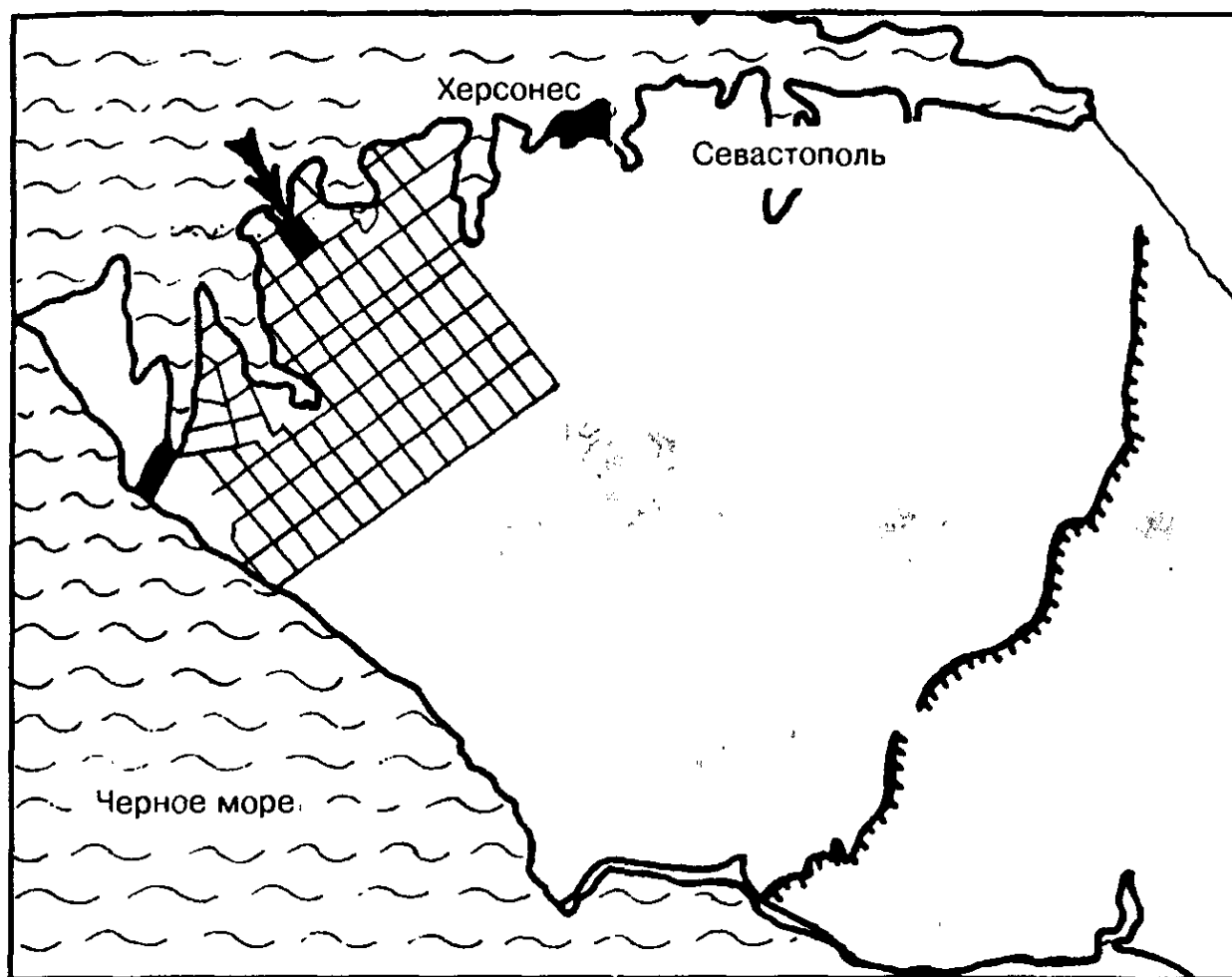

Рис. 1. Карта Гераклейского полуострова (по: Стржелецкий 1961: 181, рис. 19)

поминала по форме оплывший каменный курган, ограниченный с двух сторон стенами, что и послужило основанием для расширения раскопа в этом месте. Размеры прирезки составили 10,75 м в длину и 5,50 м в ширину.

После снятия дерна на лежащих беспорядочно камнях было обнаружено три участка концентрации керамики (рис. 2/1, 2, 3). На первом участке выявлены фрагменты трех сосудов (рис. 3/1—3), и по семь сосудов выявлено на втором (рис. 3/4—10) и на третьем (рис. 3/11—17) участках. Удалив слой камней, мы открыли три могилы (рис. 4/1—3) и две вырубленные в скале ямы (рис. 4/4—5).

Могила № 1 была вырублена в скальном материке. Она примыкает к южной стороне стены № 7 и имеет неправильную форму эллипса (длина 1,68, ширина 0,92, глубина 0,15 м). В заполнении могильной ямы, состоящем из пепла с обожженной глиной (рис. 5/1), обнаружены остатки человеческого скелета, медная монета, бронзовая пряжка, фрагменты обгоревшего дерева, пять железных гвоздей, донце стеклянного бальзамария (рис. 2/20) и фрагменты собирающегося почти полностью керамического блюда (рис. 2/18). Последнее, кстати, было деформировано под воздействием огня, но не во время обжига, поскольку на его поверхности сохранилась копоть.

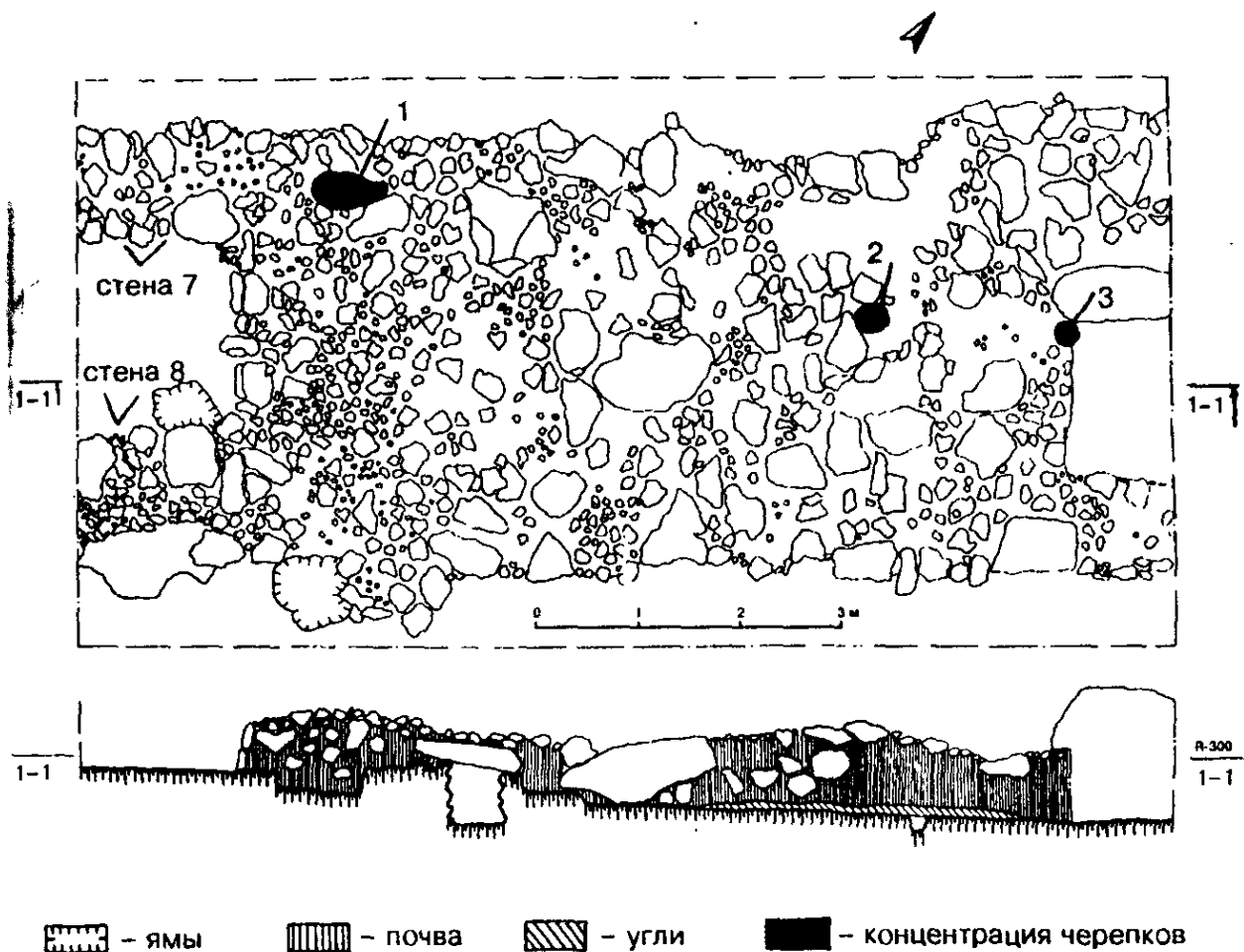

Рис. 2. План и разрез могильника после снятия верхнего слоя

Могила № 2 (рис. 4/3 и 6/3) была выложена из материкового камня в виде каменного ящика, цисты (длина 2,0, ширина 0,65, глубина 0,15 м). Сверху циста перекрывалась двумя крупными плоскими плитами. Как выяснилось позднее, эти плиты оказались кусками одного большого плоского закладного камня, расколотого еще в древности (рис. 7). Имело ли место ограбление, сказать трудно. Скорее всего нет, поскольку погребальный инвентарь сохранился полностью. Циста была заполнена сверху стерильными натечными слоями. На дне могилы в тонком слое пепла, не превышающем 0,10—0,15 м, были найдены кальцинированные человеческие кости и обожженные фрагменты нижней челюсти с зубами, а также медная монета и часть горла стеклянного бальзамария (рис. 3/21). В северо-западной части могилы стоял большой кувшин (рис. 3/19).

Могила № 3 была сооружена между стенами № 7 и 8 перпендикулярно их оси (рис. 4/2 и 6/2). Она примыкает с севера к могиле № 2, вырублена в скальном материке, в плане прямоугольная, с закругленными углами (длина 2,0, ширина 0,65, глубина 0,15 м). В юго-восточной части могильной ямы сохранились остатки человеческого скелета, кости лежали в ненарушенном анатомическом порядке. Покойник лежал на спине головой на юго-восток. Под костями прослеживается тонкая желтовато-красная прослойка истлевшего органического

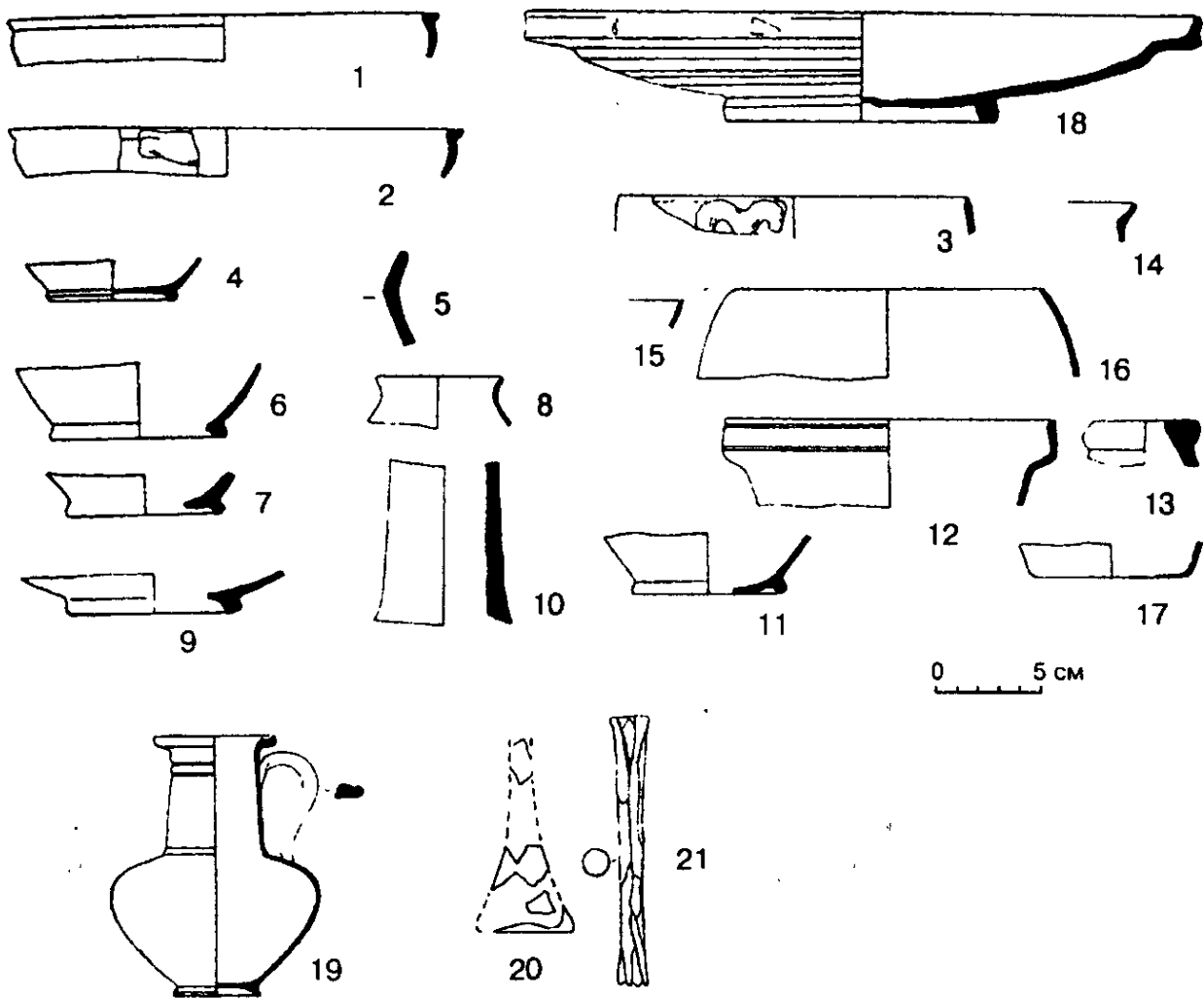

Рис. 3. Керамические и стеклянные сосуды из могильника

материала (циновка?). В ногах стояла очень плохо сохранившаяся керамическая чаша. Никаких признаков деревянного гроба или намогильного сооружения выявлено не было.

Яма № 4 была вырублена в скальном материке вдоль стены № 7 (длина 2,35, ширина 0,97, глубина 0,15 м). Заполнение ямы — стерильный грунт (рис. 5/1).

Яма № 5 (рис. 4/5) располагалась приблизительно в центре могильника. Она округлая в плане (диаметр около 0,9 м). Эта яма также была заполнена стерильным грунтом. Над ямой лежал огромный плоский кусок материковой породы, поставленный на ребро. Верхняя часть этого камня выступала над поверхностью насыпи. Установка его в геометрическом центре данного комплекса, скорее всего, неслучайна (стела?).

Итак, перед нами, видимо, семейная усыпальница, состоящая из трех захоронений и имеющая четкую архитектурно-планировочную идею. Хотя все три погребения отличаются друг от друга по ряду признаков, их можно считать единым закрытым археологическим комплексом. Наиболее вероятной представляется такая последовательность устройства могильных сооружений.

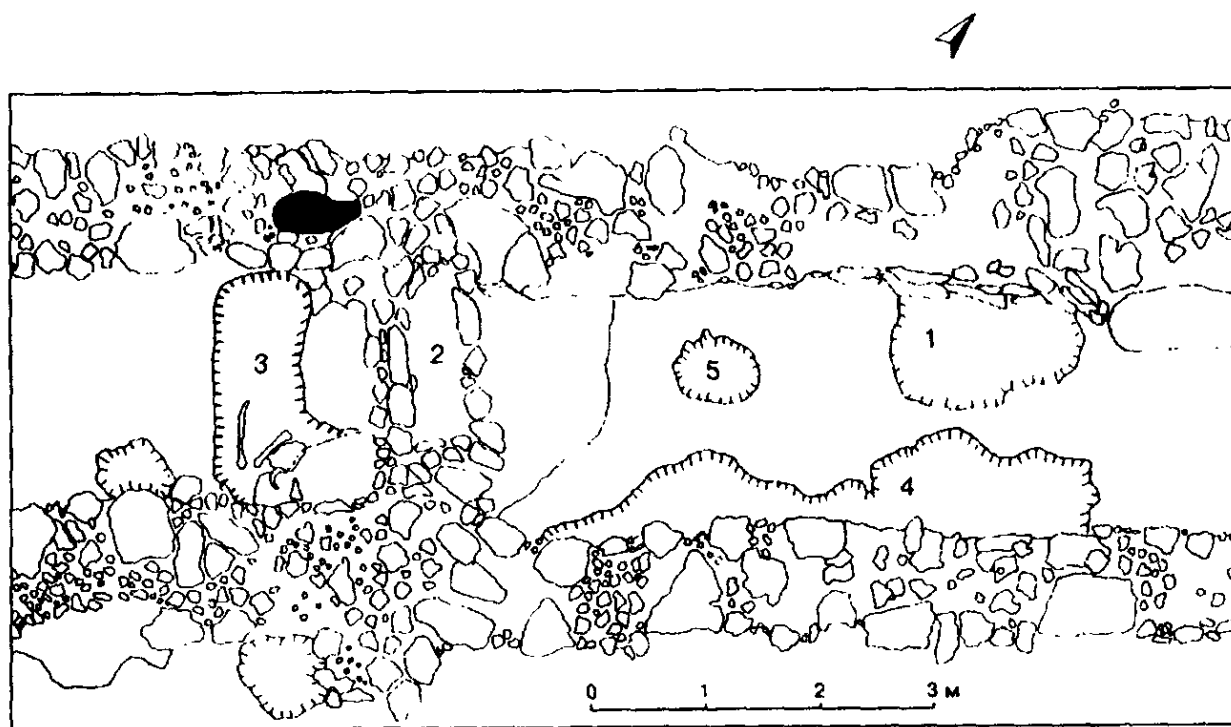

Рис. 4. Общий план могильника

Архитектурным центром могильника был, очевидно, каменный ящик, циста. Ориентировка погребений была продиктована расположением каменных стен и поэтому вряд ли может считаться существенным признаком. То есть могилы устраивали, исходя из уже заданного расположения стен, которые использовались в другом качестве. Это подтверждается исследованием погребений первых веков нашей эры на херсонесском некрополе (Зубарь 1982: 43, рис. 25). Вначале была устроена каменная циста (могила № 2). Кремировали покойника где-то рядом, после чего собрали пепел, заложили его в цисту вместе с сопроводительным инвентарем и закрыли закладной плитой. Через какое-то время, когда потребовалось похоронить еще одного покойника, южнее выкопали могилу вдоль стены № 8, совершили кремацию на месте и засыпали землей с камнями. Два этих погребения, судя по найденным в них монетам, были совершены в течение одного непродолжительного периода времени. В это же время, наверное, вырубили и яму № 4, то есть было подготовлено место для следующего, но почему-то не состоявшегося погребения. Можно предположить, что это был кенотаф.

Могила № 1 была вырублена в скальной породе. На ее месте был устроен погребальный костер (дно могилы и боковая поверхность стены № 7 сохранили следы огня), причем покойника предварительно положили в деревянный гроб, о чем свидетельствуют находки обгоревшего дерева и гвоздей. Кремация на месте погребения прослежена и на некрополе Херсонеса, находившемся непосредственно за стенами города (Зубарь 1982: 14). Керамические сосуды, использовавшиеся во время погребальной тризны, были брошены в погребальный костер или положены на крышку гроба (вот почему чаша (рис. 3/18) была де-

формирована). После кремации пространство между стенами засыпало землей и камнями. Погребальный инвентарь небогатый, но с обязательным «оболом Харона». Это говорит о том, что первый погребенный был херсонеситом греческого происхождения. Что касается монеты, ее удалось определить: она местной чеканки, время ее обращения 161—180 гг. н. э. (Анохин 1977: 154, рис. 18). Таким образом, захоронение было совершено не раньше последней трети II в. н. э. Этой дате не противоречит и сопровождающий материал. Так, чаша из могилы № 1 (рис. 3/18) аналогична чаше, найденной во время раскопок херсонесского некрополя, и датируется II—III вв. н. э. (Зубарь 1982: 65, рис. 38), а пряжка аналогична пряжкам рассматриваемого периода из раскопок других античных памятников Крыма (Амброз 1971: 101, рис. 1/3). Обряд погребения — кремация на месте — отмечен в 86 могилах херсонесского некрополя (Зубарь 1982: 14), зафиксирована кремация в деревянном гробу (Там же: 51).

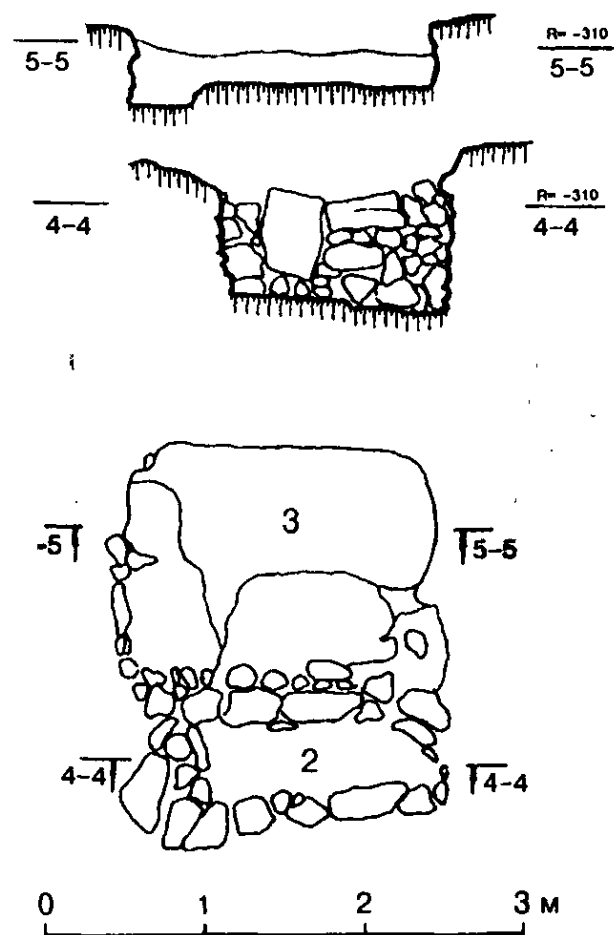

Рис. 6. Планы и разрезы могил 2 и 3

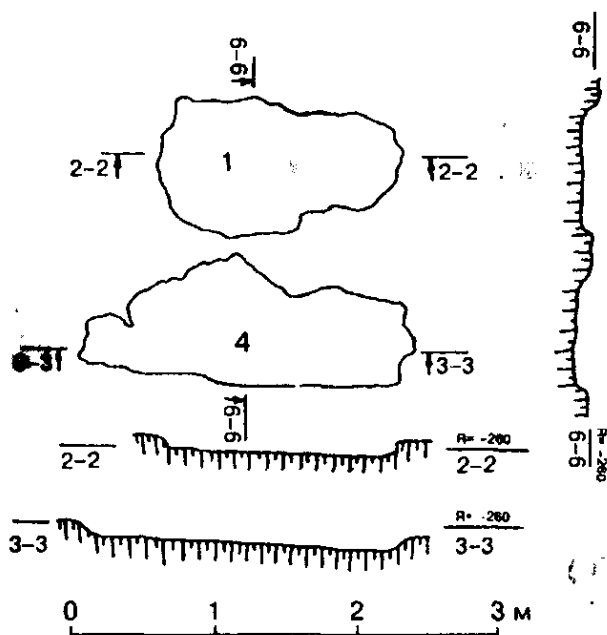

Рис. 5. Планы и разрезы могил 1 и 4

Захоронение в могиле № 2 также было совершено по обряду кремации, но, в отличие от предыдущего, тело было кремировано на стороне, поскольку на стенках цисты не обнаружено следов огня. После кремации пепел вместе с погребальным инвентарем был собран и уложен внутрь цисты. Кувшин, найденный в могиле, был, очевидно, наполнен вином и положен в могилу в это же время. Сопроводительный инвентарь также содержит традиционный «обол Харона». Монета из этого погребения аналогична монете, найденной в могиле № 1. Что касается устройства каменного ящика, цисты, то можно сказать, что подобные сооружения открыты не

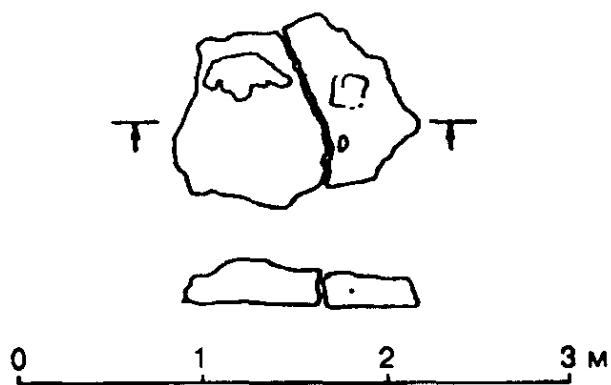

Рис. 7. Закладная плита из могилы 2

только в херсонесском некрополе (Зубарь 1982: 14), но и на территории материковой Греции и охватывают огромный по продолжительности период с VI в. до н. э. (Barakri-Gleni 1990: 174, fig. 3) до IV в. н. э. (Papadopulos 1991: 75, fig. 7).

Могила № 3 выше по уровню, чем остальные (см. разрез на рис. 2). Она отличается по обряду захоронения от двух других. Это

трупоположение на спине. Сопроводительный инвентарь, состоящий из одного предмета плохой сохранности (чаша в ногах), не позволяет точно датировать это захоронение. От двух предыдущих оно отличается и по обряду погребения, и по типу устройства могильного сооружения, а точнее — отсутствием последнего. В могилу вместе с погребенным не был положен даже традиционный «обол Харона».

Этот небольшой погребальный комплекс вызывает ряд вопросов.

Во-первых, использовалась ли в сельскохозяйственных целях земля, окружавшая могильник?

Во-вторых, почему изменился обряд погребения?

В-третьих, с чем связан выбор места погребения?

В-четвертых, каков был социальный статус погребенных?

Для того чтобы утвердительно ответить на первый вопрос, у нас нет прямых данных. Однако в нашем распоряжении археологические материалы, добытые в результате раскопок, проведенных в 1991 г. на территории того же надела № 6. Раскопки на этом участке, отстоящем от исследуемого могильника приблизительно на 100 м к северо-востоку, проводились отрядом В. Е. Еременко, под руководством заместителя директора Национального заповедника «Херсонес Таврический» Г. М. Николаенко. Последний, 4-й период использования плантажных стен на этом участке относится к первым векам нашей эры (Еременко 1991: 21). Кроме того, автор отчета делает вывод о том, что в начале данного периода «плантажный участок был перепланирован под садовые культуры» (Там же: 21). Таким образом, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что и окружавшая могильник земля с плантажными стенами также была вовлечена в активный севооборот.

Возможно, мы сможем найти ответы на последующие вопросы, проанализировав процессы, связанные с духовной жизнью в грекоговорящих провинциях римской империи и, в частности, в данном регионе в начале нашей эры.

Относительно обряда погребения, вернее, различных обрядов погребения, практиковавшихся в исследуемый период, можно сказать следующее. В Херсонесе в римское время практиковались оба способа погребения — и трупоположение, и трупосожжение (Зубарь 1982: 35).

Трупосожжение, в свою очередь, подразделялось на два вида: а) на месте; б) на так называемом «точкѣ», находившемся где-то неподалеку от захоронения (Там же: 51). По наблюдениям исследователей, на херсонесском некрополе преобладает трупосожжение второго типа, когда пепел после кремации собирали в урну и захоранивали (Там же: 52—53). Как видим, оба исследованных погребения и в этом отношении необычны. В могиле № 1 после кремации все оставлено на месте, а в могиле № 2 положено без урны в цисту. По данным раскопок херсонесского некрополя, трупосожжение преобладало на протяжении I—III вв. н. э., а с середины III в. н. э. кремацию начинает вытеснять обряд трупоположения (Зубарь 1982: 58). До настоящего времени нет единого мнения относительно оценки обряда трупосожжения. Некоторые исследователи рассматривают его как этнический показатель либо дорийцев (Rohde 1898; Колобова 1951: 31), либо ионийцев (Токарев 1976: 391). На исследуемом нами могильнике имеют место оба обряда, причем почти одновременно. По обряду трупоположения хоронили детей, но в могиле № 3 — останки взрослого человека. Процесс замены трупосожжения трупоположением начался в Риме во II в. н. э., а затем, с середины III в. н. э., охватил и римскую периферию (Тоупбее 1971: 40). Исходя из этого, можно предположить, что погребение в могилу № 3 было совершено позднее, чем в две другие, то есть в начале III в. н. э., в соответствии с изменившимися идеологическими представлениями. Существенным представляется также полное отсутствие какого-либо сооружения в могиле № 3. Труп просто был положен в могильную яму с одной чашей (в дорогу) и засыпан землей. Никакого обычного в таких случаях каменного или деревянного перекрытия выявлено не было.

Грунтовые могилы, по мнению В. М. Зубаря, как правило, «использовались бедными и средними слоями населения» (Зубарь 1982: 14).

Третий вопрос касается необычного выбора места для погребения — это виноградник с садом (*arbustum*). По результатам многолетних раскопок известно, что погребения I—II вв. н. э. «концентрировались главным образом в периболѣ и непосредственной близости от города» (Там же: 10). Раскопанный же погребальный комплекс находится среди плодовых деревьев и винограда. В 1992 г. неподалеку от описанного нами могильника были открыты еще два погребения того же времени, то есть II—III вв. н. э., устроенные также между плантажными стенами. Оба совершены по обряду трупоположения с довольно многочисленным инвентарем. Одно из погребений устроено в каменном ящике (Еременко 1992). Кстати, у греков и римлян виноград был связан с культом Диониса-Вакха, а у христиан это символ причащения верующих к учению Христа (Уваров 1908: 200—203). Возможно, объяснением может также послужить появившийся в первые века нашей эры в грекоговорящих провинциях Римской империи обычай устраивать т. н. «погребальные сады» (*kepotafon*) (Fraser, Nicholas 1958; 1962). Это не что иное, как результат изменившихся представлений о том, что «рай, с его идиллическим ландшафтом, природными прелес-

тями и небесными банкетами, мог иметь свое символическое отражение на земле» (Тоунбее 1971: 95). Очевидно, это связано не только с кризисом античной идеологии (Зубарь 1982: 58), но и с распространением в северопонтийских городах христианских представлений о загробном мире. В отличие от мрачного Аида греков, христианский рай представлялся весьма привлекательным для человека после его смерти.

Чтобы понять данный конкретный случай, необходимо проанализировать общую ситуацию и реконструировать картину идеологической жизни обитателей греческих городов Северного Причерноморья. Многие исследователи сходятся в том, что в Риме и в его провинциях происходили сложные процессы, связанные с распространением идей «восточной магии и астрологии, египетских, финикийских и малоазийских культов, митраизма, иудаизма и христианства, а также внедрением официального культа римских императоров» (Соломоник 1973: 56). В целом же во всем причерноморском регионе наблюдается мощная тяга к монотеизму (Максимов 1956: 423) и индивидуализация религии (Зубарь 1990: 62). Последнее подтверждается и скромным материалом из раскопанного нами комплекса — ни одно захоронение не содержит впускных погребений или подзахоронений.

Что касается христианства в северопонтийских городах, то в настоящее время нет единого мнения о том, насколько сильно было влияние этой религии в первые века нашей эры. Самым ранним из бесспорно христианских является надгробие из Керчи 304 г. н. э. «с изображением крестов и характерной формулой, начинающейся словами 'Enthase katakeitai'». (Соломоник, 1973: 57). В самом Херсонесе к несомненно христианским относится «надгробие... IV—V вв. н. э. с крестом и христианской формулой» (Там же: 58). К более раннему периоду (III—начало IV в. н. э.), относятся эпиграфические данные, в частности, надписи-дипинты христианских формул на керамических горшочках, которые, по предположению Э. И. Соломоник, свидетельствуют о существовании христианской общины в городах Северного Причерноморья в указанное время (Там же: 76).

Относительно социального статуса погребенных на хоре Херсонеса можно с уверенностью сказать, что они относились к т. н. «среднему классу». Отсутствие богатого инвентаря и мощных надгробных сооружений не позволяет отнести их к самому верхнему слою херсонеситов. Однако они, несомненно, были владельцами земли, где находилась усыпальница, иначе им вряд ли было бы позволено устраивать на ней некрополь. Это согласуется с мнением Э. И. Соломоник о том, что «египетские культы и христианство в городах Северного Причерноморья, и особенно в Херсонесе, имели адептов преимущественно в среде зажиточного населения» (Там же: 76).

В других грекоговорящих провинциях, например в Александрии, уже во II в. н. э. существовала крупная община христиан (Ранович 1949: 209). Очевидно, что между различными регионами Римской империи происходил интенсивный обмен, в том числе и обмен идеями, и

Херсонес не мог остаться в стороне от происходящих процессов (Кадеев 1981: 128—131).

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод о том, что рассмотренный выше небольшой погребальный комплекс хотя и косвенно, но все-таки свидетельствует о распространении идей христианства в Херсонесе в конце II—начале III в. н. э. Очевидно, изменение идеологии на фоне кризиса полисной системы было той питательной средой, которая способствовала становлению христианства и росту его влияния.

Литература

Амброз 1971: *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. // СА. №2.

Анохин 1977: *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.). Киев.

Еременко 1991: *Еременко В. Е.* Отчет о раскопках плантажного участка и усадьбы надела № 6 на Гераклеяском полуострове в 1991 г. // Архив Херсонесского гос. историко-археологического заповедника. Д. 3082/I-II.

Еременко 1992: *Еременко В. Е.* Гераклеяская экспедиция 1992 г. Дневник полевого исследования // Архив ИИМК РАН, 48406, ф. 35, оп. 1, 1992, д.10.

Зубарь 1982: *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев.

Кадеев 1981: *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.

Колобова 1951: *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Остров Родос IX—VII вв. до н. э. Л.

Кунина, Сорокина 1972: *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стекланные балзамарии Боспора // ТГЭ. Т. 13.

Ранович 1949: *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III веках. М.; Л.

Соломоник 1973: *Соломоник Э. И.* Из истории в северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам) // ВДИ. № 1.

Стржелецкий 1961: *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь.

Токарев 1976: *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.

Уваров 1908: *Уваров А. С.* Христианская символика. М.

Щеглов 1978: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.

Barakri-Gleni 1984: *Barakri-Gleni K.* Anaskafi tafon sto Argos // *Arkheologikon deltion*. Athens.

Fraser, Nicholas 1958: *Fraser P. M., Nicholas B.* The Funerary Garden of Mousa // *JRS*. Vol. XLVIII.

Fraser, Nicholas 1962: *Fraser P. M., Nicholas B.* The Funerary Garden of Mousa reconsidered // *JRS*. Vol. LII.

Papadopulos 1991: *Papadopulos J. K.* Roman Amphorae from the Excavations at Torone // *Arkheologiki Efimeris*. No. 128. Athens.

Rohde 1898: *Rohde E.* Psyche. Seelencult und Unterbllichkeit glaube der Griechen. Zweite verbesserte Auflage. Freiburg; Leipzig; Toengen.

Toynbee 1971: *Toynbee J. M. C.* Death and Burial in the Roman World. London.

ON THE SPREAD OF THE CHRISTIAN NOTIONS IN THE NORTHERN PONTIC AREA DURING ROMAN TIMES

by

N. F. Savvonidi (Sankt-Petersburg)

In 1991, in the course of archaeological excavations within the chora of Chersonesus (in the Crimea) there was discovered a funeral complex of three burials. Two of them were accomplished according to the rite of cremation, one — to that of inhumation. There were uncovered two coins of the local mint, and they are dated to the late 2nd — early 3rd century A.D. The burials were situated in a lot occupied with a vineyard and a garden, called by the Romans «arbustum». The dead were Greeks and belonged most likely to a family of the possessors of this lot. In 1992, two more analogous graves were excavated in an adjacent lot, also among fruit-trees. In this complex not only the place but also the presence of the two burial types do appear to be no by chance. Judging by the known epigraphic data, it was in those times that in many Greek-speaking provinces of the Roman empire there spread the rite to bury the departed in funeral gardens («kepo-tafon»). It is thought that this rite was connected with the change of the Greeks' notions concerning the next world. In turn, this was due to the influence of Christian eschatology. As the earliest real Christian monument found in the Northern Pontic area is still considered a 4th-century burial with the depiction of the cross. However, in the light of the burials in question it seems now quite possible to assume the earlier penetration of Christian notions in the midst of the Crimean Greeks.

БОЕВЫЕ ГАЗЫ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ ТАТАРО-МОНГОЛОВ*

В. Свентославский (Лодзь, Польша)

Хорошо известно, что монголы создали одну из крупнейших по территории средневековых империй. Много было причин их исключительных военных успехов. В научной литературе прошлых лет выявлены отличительные черты монгольской стратегии и военной тактики. Были отмечены, в частности, их отличная разведка вражеской территории и знание военной тактики неприятеля. Указывалось также, что новаторская, исключительно динамичная монгольская тактика была для врагов большой неожиданностью. Меньшее внимание до сих пор уделялось собственно оружию, которое использовали монголы. А оно было чрезвычайно функциональным и отлично приспособленным для реализации их военной тактики. Монголы умели заимствовать у завоеванных народов новые виды оружия и успешно использовать его в своих действиях (подробно см.: Świątosławski 1999). Они также были в состоянии, что в средневековье встречалось нечасто, реализовывать то, что в современном военном искусстве называется взаимодействием различных сил и средств. Примеры именно такого использования боевых средств можно проследить в блестяще организованной татаро-монгольским командованием военной кампании в Средней Европе весной 1241 г., когда на протяжении только одного месяца они сумели опустошить территории польских княжеств, Моравы и Венгерского королевства. В двух главных битвах этой кампании татаро-монголы применили нехарактерные для средневекового европейского воинства методы, которые оказались столь неожиданными и эффективными, что перед ними не смогло устоять среднеевропейское рыцарство.

Так, 11 апреля в сражении под Мохичи против венгров татаро-монголы вначале применили камнемётные машины, ставя своей целью сокрушить переднюю линию неприятеля. Это был редкий пример использования ими таких боевых машин в полевых действиях. 9 апреля в битве под Легницей татаро-монголы нанесли поражение полякам при

* Настоящая статья представляет собой полный текст доклада, прочитанного на международной конференции «Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе», которая состоялась в Санкт-Петербурге в сентябре 1998 г.

помощи боевых газов. Этот факт детально и очень образно был описан польским летописцем Яном Длугошем в его монументальном труде, представляющем историю польского королевства. Правда, некоторые сомнения может возбудить то обстоятельство, что эта летопись возникла в середине XV в., т. е. уже два века спустя после сражения при Легнице. Однако, как это убедительно показал Г. Лабуда, Длугош писал о татаро-монгольском вторжении XIII в. в польские княжества на основе утраченной к настоящему времени летописи, в которой были записаны донесения непосредственных участников этих трагических для поляков событий (см.: Labuda 1983).

Вот что пишет Ян Длугош: «Поляки не уступали и стремились победить. В течение некоторого времени обе армии вели ожесточенную борьбу между собой. Когда в ней погибла значительная часть выдающихся татар, поляки чуть не достигли полной победы. Татары, когда поредели их ряды, начали думать о бегстве. В татарской армии среди других флагов был один огромный, на котором был нарисован знак 'X'. На верхушке древка этого флага было подобие отвратительной черной головы с заросшим подбородком. Когда татары, чуть отступив, устремились в бегство, знаменосец этого флага начал как можно сильнее трясти древко с головой, торчащей высоко на нем. Повалили из головы тотчас и распространились над всей польской армией пар, дым и мгла с отвратительным запахом. От этого невыносимого зловония сражающиеся поляки теряли сознание и, еле живые, ослабевали и становились неспособными к борьбе. Известно, что татары с начала своего существования и до настоящего времени всегда применяли в войнах искусство предсказаний, гаданий и чар. Применили его также в то время в борьбе с поляками» (Turkowska 1975: 22; Mrukówna 1974: 24).

Итак, польский летописец сохранил свидетельство об оружии татаро-монголов, не известном в тогдашней Европе, которое, скорее всего, представляло собой боевые газы. Думать так позволяют следующие соображения. Монголы, будучи соседями Китая, могли именно оттуда перенять дымный порох и другие химические смеси, пригодные для использования во время боевых действий. Средневековые китайские и японские письменные источники говорят о применении монголами уже в XIII в. пороха, петард и снарядов с воспламеняющимися смесями против осаждаемых крепостей (Школяр 1980: 178, 329; Nihon... 1975; Szulc 1989: 89; Maroń 1993: 25).

Об использовании же монголами боевых газов мы имеем гораздо более скромную информацию. В одном из китайских источников указывается, что во время битвы в 1274 г. монголы выпустили «дым, окутавший все небо» (Дамдинсурен 1990: 110). Современными этнографическими исследованиями подтверждена монгольская традиция применения дыма как в домашнем хозяйстве (как средство от комаров), так и во время охоты, особенно на зверей, живущих в норах (Там же: 109—111). Из-за немногочисленности этих свидетельств тем ценнее для нас процитированный выше рассказ Яна Длугоша. Стоит бо-

лее тщательно присмотреться к отдельным его деталям и разобрать их по нескольким пунктам:

1. «Поляки не уступали и стремились победить. В течение некоторого времени обе армии вели ожесточенную борьбу между собой. Когда в ней погибла значительная часть выдающихся татар, поляки чуть не достигли полной победы. Татары, когда поредели их ряды, начали думать о бегстве».

Вышеприведенный фрагмент свидетельствует о том, что применение необычного оружия было неслучайным. Монголы решили применить газы, причем опасные для обеих враждующих сторон, лишь в кульминационный момент битвы, когда ее исход клонился в пользу поляков.

2. «В татарской армии среди других флагов был один огромный, на котором был нарисован знак 'X'. На верхушке древка этого флага было подобие отвратительной черной головы с заросшим подбородком».

В этой части автор представил некое таинственное приспособление, которое можно определить как украшенную предохранительным знаком емкость для смеси, способной в соответствующий момент выделять газ. Этот огромный флаг со знаком «X» вообще причинил прежним интерпретаторам текста Длугоша множество хлопот. Некоторые считали его плодом воображения летописца. Была даже выдвинута гипотеза, что это был боевой флаг несториан, воюющих в монгольской армии (Kubanek 1984: 167—174). Трудно что-либо сказать об игре воображения у Длугоша. Как кажется, такой писатель, как он, вполне смог бы придумать более эффектные знамена, под которыми воевали таинственные, происходящие, возможно, прямо из ада, кочевники. Так же трудно согласиться с несторианской интерпретацией флага. Хотя известно, что несториане жили на территориях, входивших в состав империи монголов, у нас нет ни малейшего подтверждения, что они участвовали в их походе в Среднюю Европу. Неизвестно также, имели ли они вообще собственные флаги и как те выглядели. Значительных размеров флаг с простым знаком «X» мог быть виден издали и являлся, таким образом, хорошо различимым сигналом опасности. Расположенная же на верхушке древка этого флага «черная голова с обросшим подбородком» — это, наверное, украшенный пучком волос округлый резервуар для смеси. Здесь прямо напрашивается мысль о сходстве с бунчуком — известным монгольским и турецким боевым знаком. Резервуар служил для распространения ядовитой смеси. Поскольку сам газ нельзя было хранить и перевозить, он производился, когда в резервуаре, содержащем компоненты газа, начиналась химическая реакция. Представляется вполне правдоподобным, что в этот резервуар были помещены составные части смеси, а также какое-то неизвестное вещество, при определенных действиях инициировавшее химическую реакцию, в результате которой выделялось большое количество ядовитого газа.

3. «Когда татары, чуть отступив, устремились в бегство, знаменосец этого флага начал как можно сильнее трясти древко с головой, торчащей высоко на нем».

В данном фрагменте указывается на логику поведения татаро-монгольских воинов, которые в ожидании газовой атаки отступили на значительное расстояние, чтобы избежать непосредственной угрозы их жизни. Это расстояние при обратном ветре было вполне достаточным, во-первых, чтобы избежать действия распространяющегося в воздухе газа, а во-вторых, чтобы после его распространения стремительно перейти в атаку на ослабленного врага. Заслуживающим внимания в этом фрагменте является и то, что знаменосец (использовавший, очевидно, достаточные средства личной химзащиты) начал трясти резервуар сразу после того, как его товарищи отступили на безопасное расстояние, и тем самым дал начало химической реакции. Возможно, что ее катализатором были тлеющие древесные угли, раскалявшиеся в процессе тряски. Этим простым, но очень эффективным способом и был получен чрезвычайно вредный газ, распространение которого в данном сражении решило его исход.

4. «Повалили из головы тотчас и распространились над всей польской армией пар, дым и мгла с отвратительным запахом. От этого невыносимого зловония сражающиеся поляки теряли сознание и, еле живые, ослабевали и становились неспособными к борьбе».

Этот фрагмент содержит подробную информацию об особенностях газа и о его действии на организм человека. Можно сделать вывод, что он был густой и тяжелый, тяжелее воздуха, так как не поднимался вверх, а удерживался так низко над землей, что его не могли избежать сражающиеся поляки. Этот газ имел сильный и неприятный для человека запах. Те, кто его вдыхал, были одурманены и неспособны к действию. Это был не обычный дым, возникающий в результате сжигания нетоксических органических веществ, и не дым, возникающий в результате сжигания черного пороха. Такие дымы не могут возникать в большом количестве из небольшой емкости, а их действие сводится к кратковременному пощипыванию глаз и горла. Ответ на вопрос о составе применяемой монголо-татарами смеси следует искать в средневековых китайских источниках. Как сказано выше, среди ряда изобретений, возникших на Дальнем Востоке и воспринятых монголами, были также разные смеси пороха, как зажигательные, так и газообразующие. Среди них могли быть и смеси, похожие на те, о которых в китайском трактате «Wujing zongyao» (XI в.) написано, что после их применения «крысы сдыхали, а у людей шла из носа и рта кровь». В упомянутом источнике сказано, что эти смеси были получены из переработанного растительного сырья: аконита (*Aconitum chinese*), корня растения, применяемого как традиционное средство от крыс, — возможно, аконита желтого (*Aconitum lycocotum linne*), кротона (*Kroton tigilium linne*), а также неопределенных соединений мышьяка (Needham 1986: 124; Szulc 1994: 184).

Вышеуказанные растения — аконит и кротон — повсеместно распространены в Европе и Азии, причем во многих культурах они издавна признаны хотя и как лекарственные, но в то же время и как очень ядовитые растения, опасные при их передозировке. Корень аконита, имеющий острый запах, напоминающий хрен, содержит сильно ядовитый алколоид — аконитин, особенно влияющий на нервную систему. Он вызывает рвоту и слюнотечение, тормозит работу сердца и парализует дыхательную систему. Его чуть увеличенная доза вызывает смерть человека (Bagiński, Mowszowicz 1963: 142).

Мышьяк и его соединения также принадлежат к разряду сильнейших и хорошо известных натуральных ядов. При перетапливании мышьяковой руды (арсеноспирита) получается трехокись мышьяка, т. е. белый мышьяк — один из известнейших и эффективных ядов вообще. В форме газа он тяжелее воздуха, поэтому годится для газовой атаки. Для человека смертельная доза составляет 1/10 грамма. Некоторые органические соединения мышьяка — арсины — это очень ядовитые густые газы «с отвратительным запахом». В XX в. их использовали как составные части боевых газов (люизит, стернит). При воздействии на соединения мышьяка слабой кислотой получают мышьяковистый водород — сильно ядовитый газ с сильным и неприятным запахом чеснока (Prebendowski 1964: 318—321; Bobrański 1992: 142).

Все сказанное свидетельствует в пользу того, что смесь, приготовленная по вышеупомянутому китайскому рецепту, очевидно, могла быть источником боевого газа, столь эффективно воздействовавшего на польскую армию при Легнице. Следует признать, что основные свойства ядовитых газов разных соединений мышьяка — удельный вес, плотность и неприятный запах — вполне соответствуют точному в деталях повествованию Яна Длугоша, благодаря которому стало известно еще об одной особенности военного дела татаро-монголов, а именно об использовании ими еще в XIII в. химического оружия.

Литература

Дамдинсурен 1990: *Дамдинсурен А.* Монголын зөвөгийн товч туух. Уланбаатар.

Школяр 1980: *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М.

Bagiński, Mowszowicz 1963: *Bagiński S., Mowszowicz J.* Krajowe rośliny trujące. Łódź.

Bobrański 1992: *Bobrański B.* Chemia organiczna. Warszawa.

Mrukówna 1974: *Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego.* Ks. VII. Przekł. J. Mrukówna. Warszawa.

Kubanek 1984: *Kubanek J. K.* Perimmane vexillum thartarorum chrzescijanie w wojskach mongolskich pod Legnicą w 1241 roku // *Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich.* Poznań. S. 167—174.

Labuda 1983: *Labuda G.* Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII w. w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji. Poznań.

Maroń 1993: *Maroń J.* Atak gazowy pod Legnicą. Fantazja czy rzeczywistość // *AUW. CIV.* S. 25—30.

Nihon... 1975: *Nihon shiso taikai*. T. 20. Tokyo.

Needham 1986: *Needham J. Science and Civilisation in China*. Vol. V. London.

Prebendowski 1964: *Prebendowski S. Chemia ogólna nieorganiczna*. Warszawa.

Szulc 1989: *Szulc S. Armia mongolska w świetle trzynastowiecznych źródeł japońskich // RH. LIV (1988)*. S. 86—90.

Szulc 1994: *Szulc S. Czy Mongołowie użyli prochu w bitwie pod Legnicą // Bitwa Legnicka. Historia i tradycja*. Wrocław; Warszawa. S. 176—198.

Świętosławski 1999: *Świętosławski W. Arms and Armour of the Nomads of the Great Steppe in the Times of the Mongol Expansion (12th—14th Centuries)*. Łódź.

Turkowska 1975: *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Lib. VII et VIII / Textum recensuit et editionem curavit D. Turkowska*. Varsoviae.

POISONOUS GASES IN TARTAR-MONGOL WARFARE

by

W. Świętosławski (Łódź, Poland)

In his account of the battle fought at Legnica (western Poland) between the Poles and the Mongols in 1241, the medieval Polish chronicler Jan Długosz relates an incident which might be considered as an instance of the use of battle gases by the eastern invaders. He writes, «The fierce battle between the two armies was in progress. When most of the outstanding Tartar were killed, the victory seemed to have been just within the Poles' grasp. ... In the Tartar army, among other flags, was an enormous one bearing an 'X' sign. It had an abominable black bearded human head at the top of the staff. When the Tartars retreated a few paces and were ready to escape, the standard-bearer began to shake the head stuck high on the staff. Clouds of vapour, smoke and fog of foul smell spread over the whole Polish army and the stench was so horrible and unbearable that the Poles nearly fainted and half dead and weak became incapable of fighting».

This account cannot be considered as pure fantasy. It seems to be a logical and precise description of the main elements of a gas attack: the action, the means used and the effects. The medieval Mongols borrowed smoke powder and other chemical mixtures used in warfare from the Chinese. Mentions were made of the use of battle gases by the Mongols. A Chinese source mentions that in a battle of 1274 the Mongols used smoke 'that covered the whole sky'. Recent ethnographic studies have confirmed that the ancient Mongols used poisonous smoke for domestic purposes (for example against mosquitoes) and when hunting, especially animals living in burrows.

This unconventional weapon was not used at Legnica at random but at a decisive point in the battle, when a continuation of traditional warfare could have ended in the Poles' victory. Długosz logically relates the sequence of actions performed by the Mongol warriors who had a good knowledge of the weapon's characteristics. Anticipating a gas attack, the Mongols re-

treated in order to evacuate the area to be attacked. The mysterious flag with the 'X' and the bearded head attached to the staff may have fulfilled a dual function. The container with a tuft of horsehair may have been a warning sign for the Mongol troops and it contained a gas-generating mixture. The gas was thick, heavy and smelly. It was neither an ordinary gas formed in combustion of non-toxic organic substances nor smoke produced by burning black powder, because it was impossible to obtain these types of gas in large quantities from a small container. Such gases could only make one's eyes and throat smart for a short while. Information about the composition of the gas-generating mixture can be found in medieval Chinese sources. An eleventh century Chinese work mentions a gas which caused «rats to die and people's mouths and noses to bleed». The mixture was made from plant components such as aconite (*Aconitum chinese*), croton (*Kroton tiglium linne*), the root of a plant used as a traditional rat killer (*Aconitum lycoctonum linne?*) and some arsenic compounds.

The above-mentioned plants occur in Europe and Asia. They have been used in medicine, but they are extremely poisonous. The aconite root affects the nervous system. It causes vomiting, salivation, heart and lungs failure. A larger dose causes the person's death. Arsenic and compounds of arsenic are among the oldest and best known in many civilization circles natural poisons. White arsenic, one of the most notorious and most effective poisons in history, is obtained as a by-product from the roasting of ores containing arsenic. Arsenious oxide is heavier than air and can be used in battle. Some organic compounds of arsenic are extremely poisonous, thick gases having an unpleasant odour (cf. Długosz's account!). In the 20th century they were used as components of battle gases such as lewisite and sternite. Another familiar arsenic compound is arsine. The gas, also called arsenic hydride, is a colourless poisonous gas having a strong unpleasant smell of garlic. It is produced by placing arsenic compounds in acid solutions. The characteristics of various poisonous arsenic compounds, namely their weight, density and unpleasant smell, match Długosz's description.

РЕДКИЙ БРОНЗОВЫЙ КУВШИН ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ *

А. И. Торгоев (г. Бишкек, Кыргызстан)

В коллекции бишкекского антиквара и нумизмата А. М. Камышева содержится бронзовый кувшин, найденный в г. Токмак в Чуйской долине (рис. 1). Кувшин литой, с гравированной орнаментацией, высота его 18 см. Отличительной чертой данного кувшина является слив-воделей, оформленный в виде хорошо смоделированной головы быка. Тулово каплевидной формы переходит в невысокий конический поддон. Орнаментация тулова композиционно разбита на три пояса. Орнамент верхнего и среднего поясов в виде «растрепанных» пальметт, скругленные лопасти которых направлены вниз. Аналогичен и орнамент нижнего пояса, только лопасти пальметт направлены кверху. Между средним и нижним поясом, в месте наибольшего расширения тулова, проходит неширокая рельефная полоса (при описании подобных сосудов А. С. Меликян-Ширвани называет ее «фризом»), украшенная стилизованными растительными побегам.

По литературе удалось собрать всего семь аналогичных сосудов:

1) кувшин из Берлинского музея исламского искусства (Melikian-Shirvani 1982: fig. 12);

2) кувшин из Берлинского музея исламского искусства (The Survey... 1936: 1292);

3) кувшин из Берлинского музея исламского искусства (Melikian-Chirvani 1991: fig. 12);

4) кувшин из Музея Виктории и Альберта (Melikian-Shirvani 1982: fig. 16);

5) кувшин из Института искусств в Чикаго (The Survey... 1936: 1296);

6) упомянутый А. С. Меликяном-Ширвани неопубликованный сосуд из Берлинского музея исламского искусства, в надписи на «фризе» которого указана дата — X в.;

7) сосуд из музея в Институте арабских исследований в Париже (Musée de l'Institut... 1987: 52—53).

* Большую благодарность за консультации в работе я приношу А. А. Иванову, Б. И. Маршаку и Г. Л. Семенову.

Все вышеуказанные сосуды происходят с территории Ирана и Афганистана. На территории бывшей Советской части Средней Азии, в Джамбуле, был обнаружен похожий кувшин. Но этот сосуд резко отличается по орнаментации, и слив его более напоминает голову хищного животного (волка) (Агапов, Кадырбаев 1979: 172, рис. 6).

Наверняка можно предполагать генетическую связь формы кувшина с формами сасанидских серебряных сосудов. Как показали исследования А. А. Иванова и Б. И. Маршака, для исламской металлообработки домонгольского периода характерна стабильность формы при изменчивости орнамента.

Известен еще ряд сосудов с каплевидной формой тулова. Сосуды, близкие по форме, но с оформлением слива в форме светильника-чирага широко известны, например, в собрании Музея Виктории и Альберта или в коллекции Арона (Allan 1990: 126, fig. 32). Датируются они в пределах X—начала XIII в. Кувшин с каплевидным туловом, с совершенно иным оформлением слива и поддона и, что наиболее важно, с отличной орнаментацией был найден в составе клада на городище Хауз-хан в Туркмении. Автор раскопок О. Г. Большаков датировал весь клад предмонгольским временем — XII—началом XIII в. (Большаков 1968: 117, рис. 53).

Для датировки сосуда по орнаменту необходимо привлечь еще ряд сосудов. А. С. Меликян-Ширвани обратил внимание на тождество орнамента опубликованного им сосуда из Музея исламского искусства в Берлине с вазой из собрания того же Музея (Melikian-Chirvani 1982: fig. 13). находка аналогичной вазы была сделана в слое Кванат-тепе в Нишапуре, автор раскопок О. Вилкинсон датировал вазу IX—X вв., Дж. Алан, подробно исследовавший нишапурский металл, более осто-

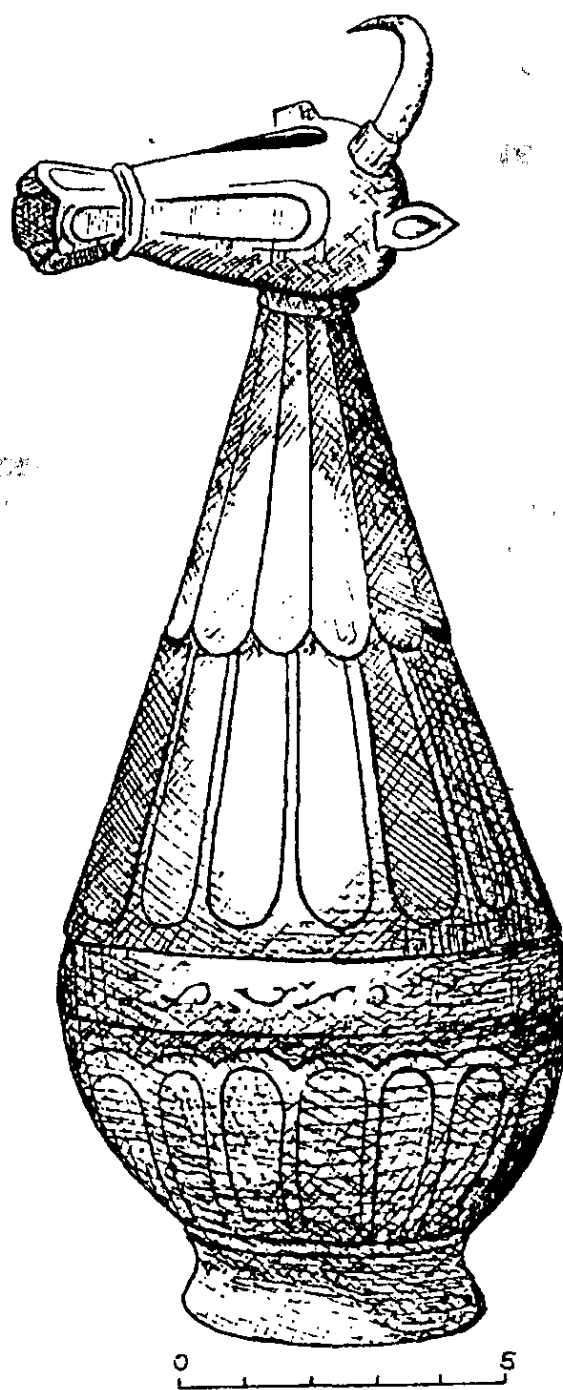

Рис. 1. Бронзовый кувшин из Чуйской долины

рожно датировал эту вазу в пределах IX—XII вв. (Allan 1982: 40, 41, № 90). Очевидно, что ваза должна датироваться X—XI вв. А. С. Меликян-Ширвани также датировал берлинскую вазу X—XI вв. Продолжая эту тему, в качестве аналогии можно привести орнаментацию горла известного сосуда с додекаэдрическим туловом, датируемого также X—XI в. (The Survey... 1936: 1292). В определенной близости всей группе кувшинов находится ваза из Британского музея (Word 1993: 33). Грани тулова этого сосуда составляют также рельефные «растрепанные» пальметты. Р. Уорд датирует этот сосуд X—XI вв. В очередной публикации вещей из большого клада бронзовых изделий с городища Будрач в Чаганиане приведена ваза, аналогичная вазе из Британского музея (Средняя Азия... 1999: табл. 84/3). Исследователь клада Дж. Я. Ильясов датировал клад первой половиной XI в. (Ильясов 1998: 42). Таким образом, получается, что кувшин из Чуйской долины должен датироваться в пределах со второй половины—конца X в. до середины—конца XI в. По орнаментации тулова наиболее близкими сосуду из Чуйской долины являются сосуды из Берлинского музея. На основании сходства орнаментации этих трех сосудов предлагается объединить их в отдельную группу внутри всех известных образцов. Очевидно, что полученная группа должна датироваться второй половиной X—XI в.

Гравированный орнамент в виде «растрепанных» пальметт или в вариации удлинённых овалов характерен для хорасанских центров металлообработки, например Нишапура. С большей долей уверенности можно отнести производство всей группы сосудов к Хорасанским центрам металлообработки. Мавераннахрское происхождение кувшина из Токмака вряд ли возможно, но и не исключено. Хотя надо заметить, что ни один кувшин в выделенной группе по приведенным описаниям не имеет инкрустации, столь характерной для хорасанских изделий.

Весьма интересен сосуд из Музея института арабских исследований в Париже. Судя по фотографии, верхняя часть этого сосуда очень похожа на светильник — чираг, поэтому в каталоге он неправильно интерпретирован как лампа. Рога приделаны к резервуару «чирага». Рифление тулова заканчивается «растрепанными» пальметтами. Орнамент нижней части тулова непонятен по фотографии. Во втором поясе орнамент выполнен в виде плетенки, образующей четырехлепестковую розетку, заключенную в круглый картуш, часто встречающийся на глазурованной керамике XI в. Поддон ажурный, что тоже более характерно для сосудов XI в. Вероятнее всего, изготовление этого сосуда надо относить к XI в.

Сосуд из Музея Виктории и Альберта А. С. Меликян-Ширвани датировал XI—XII вв. С этой датировкой можно согласиться. Интересно, что на этом сосуде появляются два круглых медальона в центре тулова на среднем орнаментальном поясе.

Для хорасанских сосудов после XI в., характерна более богатая орнаментация по сравнению с предыдущим временем. Примером этого и являются два последних сосуда, которые можно объединить в одну группу на основании сходства их декора. Орнаментация тулова этих кувшинов также разбита на три пояса. Орнамент в виде растрепанных пальметт нанесен только на верхний пояс. Средний пояс этих сосудов наиболее украшен, он отделен от верхнего полосой эпиграфического орнамента, выполненного пышным куфи. В центре тулова обоих сосудов выгравированы изображения птиц. На сосуде из Чикаго птица заключена в фигурный картуш, а на берлинском экземпляре — в круглый. Кроме того, по середине среднего пояса этих сосудов проходит дополнительная полоса орнамента в виде стилизованных растительных побегов, а на сосуде из Чикаго еще и выгравированы сердцевидные розетки также с растительным орнаментом. Нижний пояс у обоих сосудов гладкий и отделен орнаментальной полоской. У берлинского экземпляра орнамент в виде побегов ислими, а у чикагского сосуда — в виде плетенки.

Очевидно, что оба сосуда должны датироваться одним временем. В атласе А. Попа сосуд из Чикаго датирован XII или XIII в. А. С. Меликян-Ширвани, опубликовавший сосуд из Берлина, датировал его XIII в. К сожалению, чтения надписей обоих сосудов в публикациях не приводится, но скорее всего даты они не содержат. Из соображений осторожности уместно было бы датировать эти сосуды временем не ранее XII и до начала XIII в.

Бронзовые сосуды со сливом в виде головы быка и каплевидным туловом на поддоне в послемонгольское время не известны.

Литература

Агапов, Кадырбаев 1979: *Агапов А. П., Кадырбаев М. К.* Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата.

Большаков 1968: *Большаков О. Г.* О раскопках средневекового городища Хауз-хан в 1961 г. // КСИА АН СССР. Вып. 114.

Ильясов 1998: *Ильясов Дж. Я.* Средневековые бронзы Саганиана // Древние цивилизации Евразии. История и культура: ТД международной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, доктора исторических наук профессора Б. А. Литвинского. М.

Средняя Азия... 1999: *Средняя Азия в раннем средневековье.* М.

Allan 1990: *Allan J. W.* Metallwork of the Islamic World from the Aron Collection. New York.

Allan 1982: *Allan J. W.* Nishapur: Metallwork of the early islamic period. New York.

Melikian-Shirvani 1982: *Melikian-Shirvani A. S.* Islamic Metallwork from the Iranian World. London.

Melikian-Shirvani 1991: *Melikian-Shirvani A. S.* Les taureaux à vin et les cornes à boire de l'Iran islamique // Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Paris. P. 101—125.

Musée de l'Institut... 1987: *Musée de l'Institut du Monde Arabe.* Paris.

Survey... 1936: *The Survey of Persian Art*. Vol. 6. London; New York.
Ward 1993: *Ward R. Islamic Metallwork*. London.

A RARE BRONZE JUG FROM THE CHUI VALLEY

by

A. I. Torgoev (Bishkek, Kyrghyzstan)

The collection of A. M. Kamyshev, an antiquarian and numismatist from Bishkek, contains a jug of cast bronze decorated with an engraved ornament, which was found in the town of Tokmak (the Chui valley). Its particular feature is a pouring piece in the shape of a bull's head. There are six analogous vessels that came from Iran and Afghanistan. One may suppose a genetic link between the shape of our jug with those of Sasanian silver vessels. By its body ornament the jug from the Chui valley is most similar to the two vessels kept now in Berlin. The author proposes to unite these three in a distinct group among all the known specimens. It seems obvious that this group was manufactured in Khurasan within the latter half of the 10th—11th century.

ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ СОВЕТСКО-ЙЕМЕНСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (СОЙКЭ) ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОЙ АРАВИИ (эпиграфический аспект)

С. А. Французов (Санкт-Петербург)

Советско-йеменская комплексная экспедиция (СОЙКЭ), созданная на основании решения Совета Министров СССР от 27 августа 1982 г., проводила археологические, эпиграфические, историко-культурные, этнографические, лингвистические и антропологические изыскания на юге Аравийского полуострова в течение девяти полевых сезонов — с 1983 по 1991 г. Сегодня, когда наша наука ввергнута в нищету, поставлена, по существу, за грань выживания, полезно вспомнить, что финансирование экспедиции, составлявшее около 60 тысяч долларов США в год, было заложено в бюджет страны. В качестве основного объекта для полевых изысканий организаторы СОЙКЭ выбрали Хадрамаут, наименее исследованную историко-культурную область Южной Аравии. Научным руководителем экспедиции стал член Президиума АН СССР директор Государственного Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский, а ее бессменным начальником на протяжении первых семи полевых сезонов, с 1983 по 1989 г., оставался старший научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР яркий представитель школы И. Ю. Крачковского выдающийся арабист П. А. Грязневич, «доктор Бутрус», как с любовью и уважением называли его сами йеменцы.

В состав СОЙКЭ входило три отряда: археологический, лингвоэтнографический и историко-культурных исследований. Итоги работы московских и ленинградских археологов по программе экспедиции впечатляют. Открытие массовых местонахождений орудий олдувайского типа показало, что 1,5—2,0 млн. лет назад в Южной Аравии обитали древнейшие гоминиды, и следовательно, этот регион наряду с Восточной Африкой может по праву считаться колыбелью человечества (см.: Амирханов 1991). В течение девяти полевых сезонов проводились крупномасштабные изыскания на городище Райбун в западной части Внутреннего Хадрамаута. Археологам удалось раскопать четыре храма, два жилых дома, несколько захоронений. Богатым был и эпиграфический «урожай»: корпус древних хадрамаутских надписей, число которых прежде не превышало 400, пополнился приблизительно 2700 новыми текстами. Несмотря на то что в подавляющем большинстве

они дошли до нас поврежденными, в виде фрагментов, извлеченная из них уникальная информация дает возможность составить грамматику и словарь хадрамаутского эпиграфического языка, реконструировать обряды, верования, социальную структуру обитателей древнего Райбўна, позволяет установить, что в I тыс. до н. э. это поселение было весьма значительным, возможно крупнейшим, храмовым центром во внутренних районах Хадрамаута. Есть среди этих надписей и около двух десятков документов, выполненных на черенках пальмовых листьев, которые до сих пор остаются единственными памятниками такого рода, обнаруженными в конкретном археологическом контексте, а не в ходе «пиратских» раскопок. В конце мая 2001 г. первый выпуск издания райбўнских эпиграфических материалов, содержащий 458 текстов из храма Хадрāн (Райбўн I, зд. 1), был опубликован в международной серии «Инвентарь южноаравийских надписей»¹, а 21 июня 2001 г. он был официально представлен в Париже на заседании Академии надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres) ее членом-корреспондентом, редактором серии, директором Института семитских исследований при «Коллеж де Франс» Кр. Ж. Робеном. Раскопки хадрамаутского порта Қана' (Қāни') на побережье Индийского океана близ современного селения Би'р 'Али существенно дополнили наши представления о роли древнего Йемена в международной транзитной торговле.

Распад Советского Союза оказался для СОЙКЭ роковым. В конце 1991 г. она завершила свой последний полевой сезон. В настоящее время традиции комплексных исследований Южной Аравии в нашей стране не дает угаснуть Российская экспедиция в Йеменской Республике, возглавляемая московским археологом А. В. Седовым (ИВ РАН). К сожалению, отсутствие постоянного бюджетного финансирования и явно недостаточный объем средств, которые удается получить в различных фондах (в среднем он на порядок ниже, чем бюджет СОЙКЭ), не позволяют возобновить раскопки на городище Райбўн, скрывающем еще немало тайн. В этих условиях участники Российской экспедиции вынуждены ограничиться археологической разведкой, полевыми лингвоэтнографическими изысканиями, инвентаризацией и описанием собранных СОЙКЭ надписей, которые ныне хранятся в музее хадрамаутского города Сай'ўн. Резко сократились численность участников экспедиции (с десяти до двух-трех специалистов) и продолжительность полевых сезонов (с трех месяцев до трех-четырех недель). Не будет преувеличением сказать, что перспективы Российской комплексной экспедиции в Йемене неразрывно связаны с будущим России.

В данном сообщении речь преимущественно пойдет о некоторых предварительных результатах изучения эпиграфических материалов, собранных СОЙКЭ.

¹ См. библиографию работ автора данной заметки в Приложении к ней.

І. Палеография

Изучение райбунских надписей показало, что их относительная хронология, разработанная Г. М. Бауэром на основе лингвистических и палеографических особенностей (см.: Бауэр 1989: 154, рис. 1; 1995: 125, табл. 1; 126, табл. 2; 144, табл. 3), в общих чертах верна, хотя и нуждается в серьезных уточнениях. Так, представляется целесообразным выделить в развитии местной модификации южноаравийского письма не четыре, а два основных периода — ранний (VII—середина III в. до н. э.) и поздний (середина III—I в. до н. э.), первый из которых делится на три стадии. Благодаря многочисленным замерам, тщательно выполненным Г. М. Бауэром, удалось установить пропорции знаков, характерные для каждой из этих стадий, и свойственную им на протяжении раннего периода общую тенденцию к сужению (так, широкие, громоздкие буквы, типичные для его I стадии, к III стадии превратились в узкие изящные литеры). К сожалению, подавляющее большинство (более 95 %) надписей найдено в «слое разрушения», и потому их археологическая датировка затруднена. Лишь для считанных текстов удастся установить абсолютный возраст за счет радиоуглеродного анализа связанных с ними памятников материальной культуры, изготовленных из органики (деревянных рам и т. п.).

Райбунские надписи в очередной раз показали, что палеографическая схема Ж. Пиренн (Pirenne 1956), в середине 50—70-х гг. ставшая едва ли не общепринятой в сабеистике, полностью устарела и нуждается в замене.

II. Лингвистика

Благодаря надписям из Райбуна, появилась реальная возможность подготовить грамматику хадрамаутского эпиграфического языка. Прежде из малочисленных пространственных текстов, составленных на этом языке, удавалось вычленить лишь отдельные черты его морфологии и синтаксиса. Теперь же взору исследователя, занимающегося изданием эпиграфических памятников, собранных СОЙКЭ, открылась масса новых грамматических явлений.

В области фонетики подтвердилось давнее предположение проф. А. Бистона о том, что для хадрамаутского было характерно исчезновение интердентальных (Beeston 1962: § 8: 7; 1984: § H 2: 2). Оно нашло свое отражение, в частности, в изменении орфографии райбунских и других надписей, происходящих с территории вадй Хадрамаут и его боковых долин, при переходе от раннего к позднему периоду в середине III в. до н. э. В текстах совершенно перестает употребляться знак δ (*t*), и его замещает χ (*s³*), а вместо λ (*z*) практически повсеместно начинают писать $\#$ (*d*), который, тем не менее, передает фонему [z].

В области местоимения удалось обнаружить неизвестные ранее формы местоименных суффиксов: 1. $-s^3uw$ (3 л. ж. р. ед. ч. после имени в дв. ч. или мн. ч.); 2. $-s^1mn$ (3 л. дв. ч.).

В области глагола открыты новые личные формы глагола, например, *yf'lwn* (имперфект, 3 л. мн. ч.; см.: *k-ymrdwn* «когда они выздоравливали» в СОЙКЭ 2377 = РБ XIV/90 № 60/3 и *ywm/ygs^lmwn-m/Rhb-n* «когда они возводили (храм) Рахбән» в СОЙКЭ 1850 + 1866 = РБ I/89 зд. 4, сл. I № 279 + 297 + 306 а-б/10-11). Впервые в семитских языках пришлось столкнуться с *мїмацией* имперфектных форм, несущей, очевидно, ту же функцию, что и усиленное наклонение (*нїнация*) в арабском. На основании целого ряда контекстов установлено, что изъявительное наклонение имперфекта могло употребляться для описания действий, совершенных в прошлом (вероятно, с оттенком длительности, но без какой-либо модальности). Как и в некоторых других семитских языках (в иврите, арамейском), в хадрамаутском при сохранении дв. ч. имени исчезло дв. ч. глагола (с именем в дв. ч. согласуется глагол во мн. ч., например форма *f'lw* в перфекте).

В области имени установлена тенденция к исчезновению *мїмации*, выраженная, правда, слабее, чем в ма'йнском. Доказано, что в хадрамаутском языке на протяжении длительного периода сосуществовали как первоначальная форма определенного артикля *-hn*, так и более поздняя *-n*.

В области частицы обнаружены новые предлоги (*'lhy*, *'lhn*, *hy*) и союзы (*b-* *'br/dt*).

В области синтаксиса отмечено широкое распространение бессоюзного относительного придаточного предложения, выступающего в качестве второго элемента *status constructus* (ранее оно было выделено А. Бистоном для сабейского) (Beeston 1984: § 12: 2, 26: 4), впервые засвидетельствованы придаточные причины, цели и т. д.

Написание и издание «Грамматики хадрамаутского эпиграфического языка» является насущной и вполне осуществимой задачей, к выполнению которой следует незамедлительно приступить после публикации основного корпуса райбўнских текстов.

III. Формуляр и лексика

Анализ собранных СОЙКЭ надписей позволил выделить в них устойчивые формулы, причем установлена связь отдельных формул с храмами конкретных божеств, в особенности бога Сїна (Сийāна или Саййина)² и богини Зїт Химйам. Выделены основные типы текстов (коммеморативные, краткие и пространные посвятительные, покаянные, гробничные и пр.).

Посвятительным текстам, обращенным к определенным божествам, присущи свои лексические особенности. В целом известный нам лексический фонд хадрамаутского языка увеличился на порядок. Стало возможным создание «Хадрамаутского словаря» по образцу сни-

² О возможных вариантах чтения этого теонима см.: Французов 1994: 321, примеч. 2.

скавшего заслуженную известность среди специалистов «Сабейского словаря» (Beeston et al. 1982).

IV. Религия

Удалось установить, что в древнем Райбуне почитались такие божества, как ҳадрамаутский национальный бог Сйн, первоначально сабейская богиня Зāt Химйам и обнаруженная пока только в Райбуне 'Астар^{УМ}/'Астар^{УМ}, причем культы Сйна и Зāt Химйам имели наибольшее значение. Впервые в сабеистике сделан шаг на пути выяснения функций божеств, исходя не из абстрактных спекуляций, а из конкретного содержания текстов. Так, с просьбой исцелить от болезней обращались к Сйну, тогда как урегулирование супружеских отношений находилось в ведении Зāt Химйам.

Изучение одной из формул в покаянных текстах показало, что у древних жителей Райбуна существовало табу, напоминавшее 2-ю Заповедь — запрет изготавливать изображения божеств. Отсутствие таких изображений среди памятников йеменской древности заставляет предположить, что аналогичный запрет был присущ всей южноаравийской цивилизации.

V. Социальные институты

Для древнего Райбуна типичным было высокое социальное положение женщины. Велик был процент женщин-посвятительниц, в ряде храмов доходивший до 50 %. Во многих текстах упоминаются жрицы. В некоторых случаях конфликты между супругами решались не в пользу мужа.

Весьма интересной, с теоретической точки зрения, представляется проблема соотношения райбунского общества и Хадрамаутского государства. В надписях отсутствуют какие-либо данные о подчинении Райбуна центральной власти в Шабве на протяжении раннего периода. Что же касается позднего периода, то одновременное проведение орфографической реформы в поселениях вадй Хадрамаут и его притоков в середине III в. н. э. при отсутствии всяких ее следов в текстах из Шабвы, ее окрестностей и других районов, явно подчинявшихся ее власти, наглядно свидетельствует, что власть Хадрамаутского царства в этот период на территорию т. н. Внутреннего Хадрамаута не распространялась. Очевидно, общество Райбуна представляло собой переходный тип социальной организации (уже не первобытный, но пока догосударственный). В нем существовало имущественное неравенство и, следовательно, классовое деление, но отделенная от общества публичная власть не сложилась. В этих условиях велика была роль жречества. Нет сомнений, что орфографическая реформа — дело его рук.

В местной эпиграфике нет никаких упоминаний об участии посвященных в военных действиях, вообще о войне (за исключением одного

позднего фрагмента Raybūn 6, опубликованного Кр. Ж. Робеном (см.: Breton et al. [1980]: 104: pl. II), которые столь типичны для Сабы. По-видимому, Райбўн и другие поселения этого района в течение столетий были избавлены от подобных тягот, выполняя роль посредников в транспортировке благовоний из Дофара (Зафāра), где находились основные плантации южноаравийского ладана, в Шабву. Вследствие своего периферийного положения они задержались в развитии на догосударственной стадии на века. Резкое изменение расклада военно-политических сил в Южной Аравии накануне нашей эры оказалось для Райбўна роковым. Он гибнет в огне пожарищ, очевидно, в ходе войны Хадрамаута с Қатабāном³.

Следует отметить, что в райбўнских текстах нет никаких упоминаний о родах, влияние которых было столь заметным в большинстве других районов Южной Аравии. Возможно, это указывает на то, что разложение родовой общины и замена ее территориальной земледельческой общиной произошли в этом районе еще на пороге ранней древности.

На протяжении всего существования Райбўна высок был статус каменотеса, изготовлявшего в том числе и надписи (*grby-hn*).

В двух посвященных текстах, происходящих из Райбўна (СОЙКЭ 1142 = РБ XIV/87 № 16) и с городища Би'р Хамад (СОЙКЭ 941 = БХ/84 № 16), а также в гробничной надписи из грота ар-Рукба, расположенного в окрестностях современного селения ал-Хаджарайн, обнаружены датировки по эпонимам. Ранее во всей хадрамаутской эпиграфике подобные формулы были засвидетельствованы всего трижды. В результате общее число датированных таким образом текстов на хадрамаутском языке возросло в два раза. Удалось выяснить, что в древнем Хадрамауте существовали две различные системы эпонимата, одна из которых была связана с центральной властью этого государства, а другая применялась в западной части Внутреннего Хадрамаута (помимо Райбўна, прилегающего к нему района и Би'р Хамада, также в Хурайде [древнем Мазāбе]).

Выводы

Сравнение райбўнских текстов с надписями, обнаруженными в Би'р Хамаде и на некоторых других хадрамаутских городищах, показывает, что все они имеют очень много общих черт как по форме, так и по содержанию. Их палеография и языковые особенности вполне однотипны. Так, изучение эпиграфических материалов, открытых СОЙКЭ, позволяет выделить существовавший в I тыс. до н. э. во Внутреннем Хадрамауте особый периферийный вариант южноаравийской цивилизации, который условно можно назвать «райбўнским».

³ См. упоминание о *dr/Qtbn* 'катабāнской войне' в Raybūn 6.

Литература

Амирханов 1991: *Амирханов Х. А.* Палеолит Юга Аравии. М.

Бауэр 1989: *Бауэр Г. М.* Городище Райбун по данным эпиграфики // ВДИ. № 2. С. 153—157.

Бауэр 1995: *Бауэр Г. М.* Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983—1984 гг., общий обзор) // Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I: Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М. С. 112—152.

Французов 1994: *Французов С. А.* Три легенды об обращении в ислам хадрамаутских язычников // ПВ. Вып. 5. СПб. С. 306—332.

Beeston 1962: *Beeston A. F. L.* A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. London.

Beeston 1984: *Beeston A. F. L.* Sabaic Grammar. Manchester.

Beeston et al. 1982: *Beeston A. F. L. et al.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic) / Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvain-la-Neuve; Beyrouth.

Breton et al. [1980]: *Breton J.-Fr. et al.* Wādī Ḥaḍramawt: Prospections 1978—1979. Aden.

Pirenne 1956: *Pirenne J.* Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du Sud antique. T. I: Des origines jusqu'à l'époque himyarite. Brussel.

Приложение

Затронутые в данной заметке темы подробно рассмотрены автором этих строк в лекционном курсе «Древнее царство Хадрамаут и его роль в истории доисламской Южной Аравии», который был прочитан в июне 2001 г. в Практической школе высших исследований (Париж), а также в недавно вышедшем в свет первом выпуске полного издания надписей Райбūна (с переводом, комментариями и исследованием): *Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié par les soins de Christian Robin. T. 5: Frantsouzoff S. Raybūn. Ḥaḍrān, temple de la déesse 'Athtar^{um}/'Astar^{um} (avec une contribution archéologique d'A. Sedov). Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome 2001 (318 p. + 2 cartes + 1 plan + 7 fig. + 379 pl.). См. также мои статьи:*

а) опубликованные

О водопользовании в древнем внутреннем Хадрамауте // ЭВ. Вып. XXV. М., 1998. С. 130—151.

Общество Райбūна // Альтернативные пути к цивилизации. М. 2000: 302—312 [издан английский вариант: *The Society of Raybūn // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000. С. 258—265*].

Южноаравийская письменность и древнейеменская словесность: новые открытия, старые проблемы // Россия и Арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 7. СПб., 2000. С. 28—36.

An Analytic Computer Method for the Study of Ancient Yemenite Inscriptions and Mediaeval Islamic Manuscripts // Proceedings of the 6th International Confe-

rence and Exhibition on Multi-lingual Coomputing. Cambridge, 15—17 April, 1998. Cambridge, 1998 [единая пагинация отсутствует] (в соавторстве с И. Г. Тихоновой). Также опубликована в: Электронные базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 6. М., 1997. С. 108—122.

Die Frau im antiken Südarabien // Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem antiken Jemen. [Ausstellungskatalog.] München, 1999. S. 151—169.

Ḥaḍramitic Documents Written on Palm-Leaf Stalks // PSAS. Vol. 29. 1999. P. 55—65.

Le ḥaḍramoutique épigraphique et sa place dans le groupe des langues sémitiques // Russian Orientalists to the 36th ICANAS. Moscow, 2000. P. 68—76.

Une inscription ḥaḍramawtique provenant du temple de Siyān dhū-Alīm à Shabwa (Yémen) // Semitica. Cahiers publiés par l'Institut d'Études Sémitiques du Collège de France. 49. 1999. P. 155—160 (в соавторстве с Кр. Ж. Робеном).

The Inscriptions from the Temples of Dhāt Ḥimyam at Raybūn // PSAS. Vol. 25. 1995. P. 15—27.

Notices sur les stèles de Raybūn et les inscriptions de Shuka' // Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998. [Catalogue.] Paris 1997. P. 147, 148, 170. Немецкий перевод опубликован в кн.: Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Katalog der Ausstellung (Wien, Künstlerhaus, 9. November 1998 bis 21. Februar 1999). Wien, 1998. S. 327, 329: n° 256; S. 329: n° 257; S. 335—336: nn° 285, 286).

Old Ḥaḍramī Roots of an Enigmatic Qur'ānic Term // Cultural Anthropology of Southern Arabia: Ḥaḍramawt Revisited / Культурная антропология Южной Аравии. St. Petersburg, 1999. P. 34—44.

A parallel to the Second Commandment in the inscriptions of Raybūn // PSAS. Vol. 28. 1998. P. 61—67.

Regulation of conjugal relations in ancient Raybūn // PSAS. Vol. 27. 1998. P. 113—127.

Epigraphic evidence for the cult of the god Sīn at Raybūn and Shabwa // PSAS. Vol. 31. 2001. P. 59—67.

б) сданные в печать

Новые данные о хадрамаутском эпонимате // ЭВ. Вып. XXVI.

Развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н. э.—I-й половине I тысячелетия н. э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // ПВ. Вып. 10.

En marge des inscriptions de Raybūn (remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥaḍramoutique épigraphique) // Arabia. Vol. 1.

La mention du tailleur de pierre (*grby-n/ -hn*) dans les inscriptions sudarabiques // Raydān. Vol. 7.

Raybūn et la Mecque (Notes préliminaires) // Arabia. Vol. 1.

Remarques sur la géographie antique du Ḥaḍramawt dans l'antiquité et au haut Moyen Âge (matériaux pour sa carte historique) // ПВ. Вып. 11.

Le royaume antique du Ḥaḍramawt et son rôle dans l'histoire de l'Arabie du Sud pré-islamique. Résumé du cours // Annuaire de l'Ecole Pratique des Hautes Etudes. 2001.

**THE SIGNIFICANCE OF THE SOVIET-YEMENITE COMPLEX
EXPEDITION (SOYCE) FOR THE STUDY OF SOUTHERN
ARABIA (an epigraphic aspect)**

by

S. A. Frantsouzoff (Saint-Petersburg)

In this article the significance of the materials kept in the archives of the Soviet-Yemenite Joint Complex Expedition (SOYCE) for South Arabian Studies is estimated with a special attention paid to the epigraphic documentation discovered by the SOYCE archaeologists at an ancient site of Raybūn, situated in the western part of Inland Ḥaḍramawt, in the course of nine seasons of excavations from 1983 to 1991. The results of these field works are very impressive: four temples of local deities, two private houses and several necropolises were uncovered, and approximately 2700 inscriptions compiled in Hadramitic, an almost unknown language of ancient Yemen, were found. Albeit the majority of them are represented by tiny fragments, dozens of texts proved to be of great value for the elaboration of a new paleography of South Arabian script as well as for the study of the Hadramitic language, religious beliefs and social relations which regulated everyday life of the Raybūn inhabitants. A complete edition of epigraphic materials from Raybūn will contribute very much for multidisciplinary studies of the civilization of pre-Islamic Yemen. Its first issue has been recently published in the international series «Inventaire des inscriptions sudarabiques» (vol. 5). To create both the Hadramitic grammar and vocabulary is also very desirable.

НАУКОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Н. А. Хан (Киров)

В ведущейся в современной литературе дискуссии о ступенях и уровнях познания превалируют две точки зрения. Согласно первой из них, развитие знаний состоит из трех ступеней, вторая точка зрения по данному вопросу основана на диахронии эмпирического и теоретического знания. Представляется, что развитие археологии как любой фундаментальной науки со сложившимся понятийным аппаратом, многотрудной историей развития, институтами, кадрами основано на получении и организации конкретно-научного, т. е. археологического знания. Рост подобного знания можно адекватно выявить, воспользовавшись таким надежным методологическим приемом, как периодизация.

Периодизация истории археологической науки Средней Азии, основанная на понимании роста археологических знаний через понятие структуры археологического знания, была подсказана в свое время автору В. Н. Борязом. Автор придерживается развиваемого отечественной философией науки мнения, состоящего в том, что знание любой науки складывается из эмпирического и теоретического уровней. Следовательно, есть, вероятно, смысл перенести подобное суждение на историю развития археологической науки в Средней Азии. Доэмпирический период археологии Средней Азии закончился, по-видимому, к концу 20-х гг.

На теоретическом уровне — стадии объяснения, где В. М. Массоном в общем виде выделяются определенные виды — «археологическая интерпретация, социологическая и культурологическая интерпретация» (Массон 1996: 13), — происходит собственно объяснение-реконструкция исторических процессов и явлений.

Еще в довоенное время в СССР сложилось, как показал В. Ф. Геннинг, территориально-хронологическое деление, согласно которому археология советской Средней Азии, безусловно, до распада Советского государства являлась отдельным территориальным подразделением советской науки. Необходимо принять высказанную в литературе точку зрения, согласно которой переход от эмпирического к теоретическому уровню археологии Средней Азии наметился в середине 60-х гг., когда, по словам В. М. Массона (Массон 1970), начался процесс дифференциации знаний.

Основу науки, как известно, составляют ее кадры. Наукометрическое измерение кадрового потенциала среднеазиатской археологии позволило установить, что на период до 1992 г., т. е. до распада Советского Союза, приведшего к деструкции прежних научных связей, разрыву общесоюзного научного пространства, костяком кадрового потенциала являлись, благодаря сложившейся в бывшем СССР государственной системе подготовки и переподготовки кадров, высококвалифицированные работники, имеющие ученую степень. Для наукометрической оценки обеспеченности кадровыми ресурсами археологии Средней Азии были использованы соответствующие библиографические указатели. Учет индикатора «автореферат диссертации» (кандидатской или докторской) проводился прежде всего по признаку археологичности работы, т. е. принимались во внимание работы, содержащие результаты полевых археологических исследований, интерпретацию полученных материалов, работы по нумизматике, эпиграфике, горному делу. Не принимались во внимание работы, защищенные по архитектуре, театру, средневековым миниатюрам и т. п., имеющие к археологии косвенное отношение. Хронологизация ученой степени производилась на основании даты опубликования автореферата диссертации.

Согласно полученным подобным образом исходным данным, первый автореферат (вероятно, диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук¹) был опубликован в 1948 г. (Нильсен А. А.) (см. табл. I). Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что первую ученую степень доктора археологических наук, присужденную среднеазиатскому археологу без защиты диссертации, получил М. Е. Массон в 1936 г. (Лунин 1999). В послевоенное время первая докторская диссертация была защищена Я. Г. Гулямовым в 1949 г. К. В. Тревер также без защиты диссертации была присуждена в 1938 г. ученая степень кандидата исторических наук, а в 1939 г. — ученая степень доктора исторических наук (Заднепровский 1993).

Процесс подготовки кадров в период до 1965 г., согласно табл. I, разделяется на два хронологических этапа: первая половина 50-х гг. и первая половина 60-х гг. В 1954 г. было подготовлено сразу 11 кандидатов наук. Эта цифра осталась непревзойденной во все последующие годы. В указанном году защитились такие ныне известные ученые-археологи, как В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, О. Г. Большаков, Н. Н. Неразик, О. В. Обельченко, а также первый археолог-кандидат наук в Туркменистане Дж. Дурдыев.

С начала 60-х гг. подготовка кадров становится более систематической, более или менее регулярным стало появление ученых высшей квалификации — докторов наук. Очередной крупный показатель — 9 авторефератов кандидатских диссертаций — относится к 1966 г. Это, на наш взгляд, отражает качественные изменения как в кадровом по-

¹ Далее будем говорить кратко: кандидатская (докторская) диссертация.

тенциале археологической науки Средней Азии, так и в уровне полученных знаний, что совпадает со сменой периодов развития науки. В последующие годы подготовка кадров археологов-кандидатов наук носит планомерный и регулярный характер, и даже отсутствие данных по 1972 г. не сказывается на общей средней картине. То же самое можно сказать и о подготовке докторов наук, но здесь фиксируется «пик» в 1977 г. В этом году сразу 10 человек опубликовали свои авторефераты, в том числе 5 докторов наук, среди них М. А. Итина, Э. В. Сайко, Г. А. Кошеленко, Б. Я. Ставиский.

Таблица I

Подготовка кадров археологов-среднеазиатоведов

Годы	Кандидаты наук	Доктора наук	Годы	Кандидаты наук	Доктора наук
1948	1		1967	2	
1949		1	1968	3	1
1950			1969	5	1
1951	3		1970	1	
1952	1		1971	7	1
1953	2		1972		1
1954	11		1973	5	1
1955	1		1974	4	2
1956			1975	6	1
1957			1976	1	
1958	1		1977	5	5
1959			1978	1	1
1960	1		1979	3	1
1961	3	2	1980	4	1
1962	3	1	1981		2
1963	4		1982	5	3
1964	2	1	1983	2	
1965	4		1984		2
1966	9		1985	2	1
1967	2		1986	5	
1968	3	1	1987	3	
1969	5	1	1988	5	5
1970	1		1989	3	3
1971	7	1	1990	1	1
1972		1	1991	4	3
Всего за 44 года:				122	39

Таким образом, планомерный процесс подготовки кадров, начавшийся в среднеазиатской археологии в начале 60-х гг., во втором из рассматриваемых периодов ознаменовался интенсивным ростом числа археологов высшей квалификации. В то же время продолжали гото-

виться и кандидаты наук. Общее число подготовленных специалистов за рассматриваемый промежуток в 44 года (1948—1991) составляет 122 кандидата и 39 докторов. Следует учесть, что доктора наук, за исключением М. Е. Массона, К. В. Тревер (+ 2), защищали в свое время кандидатские диссертации. Следовательно, на 1992 г. археология Средней Азии располагала кадровым потенциалом, состоящим из 82 кандидатов и 41 доктора наук. Это означает, что из 123 археологов-кандидатов наук высшую квалификацию получили более 31,96 %.

Некоторое приближение для сравнения этих результатов можно получить из данных анализа кадрового потенциала археологии в Сибири (Деревянко и др. 1989), учитывая при этом, что учеными проделан ситуационный анализ. Из 170 археологов Сибири на конец 80-х гг. 21 (12 %) имеет ученую степень доктора наук, 68 (40 %) — кандидата наук.

Сравнивая результаты подготовки кадров археологов по двум выделенным периодам, отметим также и простое количественное увеличение числа кандидатов наук в 2,8 раза и числа докторов наук — почти в 7 раз, что особенно важно, поскольку это лишний раз иллюстрирует новое качественное состояние археологии Средней Азии.

Вместе с тем, на реконструктивном этапе развития археологии Средней Азии, как показывают данные наукометрического измерения (1965—1991), приведенные в табл. I, в процессе подготовки кадров выделяются два пика: 1-й, отмеченный выше, — в 1977 г., 2-й — в 1988—1989 гг., когда авторефераты опубликовали, в частности, Г. Ф. Коробкова, Е. Атагарриев, Ю. Ф. Буряков, В. Н. Пилипко, Э. В. Ртвеладзе, В. А. Ранов, Ю. Якубов.

Распределение кадров археологов-среднеазиатоведов по исследуемой территории приведено в табл. II, причем оно было разделено на два периода, поскольку можно считать установленным, что середина 60-х гг. является рубежом между двумя периодами.

В промежутке между 1948 и 1965 гг. наибольшее число кандидатских диссертаций было посвящено общей среднеазиатской тематике. Обратили на нее внимание и 3 доктора наук. Начиная с современного периода, резко увеличивается число докторских диссертаций, охватывающих проблемы археологии всей Средней Азии, а доля кандидатских диссертаций резко падает по сравнению с предшествующим периодом. Это объясняется тем, что развитие археологической науки в среднеазиатском регионе в советское время вышло на уровень обобщения накопленных материалов.

Материалы археологии Узбекистана стали в настоящее время предметом исследования в большом числе работ археологов, причем по количеству специалистов археология Узбекской ССР обогнала все остальные среднеазиатские республики. Рост числа подготовленных исследователей наблюдается в Туркменской и Таджикской ССР, причем, по материалам Таджикской ССР, больше было подготовлено докторов наук. В археологии Туркменистана большое число специалистов высшей

квалификации появилось только в 80-е гг. Среди них А. Губаев (1982), И. Н. Хлопин (1983), Е. Атагарриев (1988), В. Н. Пилипко (1989). Меньше всех в подготовке археологических кадров были использованы материалы археологии Киргизии.

Обобщая сказанное, следует заметить, что данное распределение говорит лишь о степени подготовки археологических кадров в разных республиках и может служить прямым свидетельством развития науки в сравнительном плане. Эти данные (табл. II) необходимо использовать в сочетании как с другими наукометрическими показателями, так и с методами, полученными социологическим путем.

Таблица II

**Распределение кадров археологии Средней Азии
по исследуемой территории**

Годы	Средняя Азия к. н./д. н	Узбекистан к. н./д. н	Туркменистан к. н./д. н	Таджикистан к. н./д. н	Кыргызстан к. н./д. н
1948—1965	14/3	7/1	9/0	6/1	0
1966—1991	7/17	39/6	21/6	15/7	4/0
Итого:	21/20	46/7	30/6	21/8	4/0

Попытаемся теперь выяснить распределение кадров археологов Средней Азии по сфере научных интересов в историко-научной ретроспективе (табл. III).

Таблица III

Распределение кадров по отраслям археологической науки Средней Азии

Годы	Сводные работы к. н./д. н	Камен. век к. н./д. н	Эпоха энеолита и бронзы к. н./д. н	Эпоха раннего железа к. н./д. н	Древние государства к. н./д. н	Эпоха средневеков. к. н./д. н	Общее число к. н./д. н
1948—65	2/2	4/0	4/0	4/0	7/0	15/3	36/5
1966—91	3/8	14/5	9/3	8/3	18/4	34/11	86/34
Итого:	5/10	18/5	13/3	12/3	25/4	49/14	122/39

В данном распределении мы также разделили поток наукометрических данных на два временных интервала. В первом отрезке времени наблюдается относительно равномерное распределение числа специалистов по отдельным археологическим отраслям, хотя заметно большее численное значение имеет отрасль «древние государства», а абсолютно большой показатель здесь представлен средневековым периодом (43,9%). Кроме того, средневековье «получило» также три докторские диссертации из пяти. Остальные две были посвящены раз-

новременным памятникам. Как уже отмечалось, публикации, посвященные эпохе средневековья Средней Азии, всегда имели высокое процентное соотношение (Хан 1991: 19). Распределение археологических кадров Средней Азии в рассмотренном отрезке времени (1948—1965) по своему соотношению весьма похоже на процентное соотношение археологических публикаций во временном интервале с 1941 по 1967 г.

В последнем периоде развития археологии, помимо увеличения числа специалистов, происходит перераспределение сферы их научных интересов, хотя, надо сказать, средневековье остается популярным разделом археологов. Увеличивается доля кандидатских диссертаций, посвященных каменному веку, а также эпохе античности. Если темы докторских диссертаций по археологии раннего железного века Средней Азии носили обобщенный характер, то темы по медиевистике были посвящены узким локальным районам, что косвенно свидетельствует о более глубокой проработке названных тем.

В периоде 1965—1991 гг. развития археологической науки, как видно из табл. I, подготовка специалистов высшей квалификации стала носить достаточно регулярный характер. Большинство докторских диссертаций (табл. III) этого периода было посвящено работам по медиевистике, причем при рассмотрении тематики диссертаций бросается в глаза достаточно четкое выделение раннего средневековья. В то же время резко возросло число кандидатских диссертаций по материалам медиевистики, из остальных периодов выделяется повышенный интерес к археологии каменного века и античности, что стало темой для 14 и 18 кандидатов наук, соответственно. В то же время показатель «сводные работы» по числу докторских диссертаций лишь незначительно уступает аналогичному показателю «эпоха средневековья», что неплохо коррелирует с показателем докторских диссертаций (17), посвященных всей территории Средней Азии (табл. II), а это не может не подтвердить интерпретационный уровень среднеазиатской археологии.

Наукометрическое измерение распределения археологов-среднеазиатоведов по отдельным отраслям археологической науки этого региона показывает, что он к моменту развала Союза был обеспечен кадрами высокой квалификации по всем ее отраслям.

Прежде чем завершить данную работу, снова вернемся к табл. I. Нетрудно заметить, что наукометрическими измерениями выделены «пики» в подготовке кадров среднеазиатских археологов в 1954, 1966, 1977, 1988 и 1991 гг. Это наводит на мысль о том, что крупные генерации кадров археологов Средней Азии происходили с определенным лагом в 11—12 лет, а последнее, в свою очередь, позволяет говорить о наличии хронологической тенденции. Разумеется, при условии сохранения *status quo ante* в научной политике, можно предположить, что очередная крупная генерация ученых должна была произойти в 2000—2001 гг.

После распада СССР научное пространство СНГ к настоящему времени стабилизировалось (Массон 2000: 83, 84). В настоящее время государства Центральной Азии самостоятельно строят политику в области подготовки, расстановки и воспитания высококвалифицированных кадров археологов, используя собственные специализированные советы и не прерывая прежних научных контактов.

Литература

Деревянко и др. 1989: *Деревянко А. П., Фелингер А. Ф., Холошкин Ю. П.* // Методические проблемы реконструкции в археологии и палеоэкологии. М. С. 33—43.

Заднепровский 1993: *Заднепровский Ю. А.* Камилла Васильевна Тревер (1892—1974) // РА. № 4. С. 239—244.

Лунин 1999: *Лунин Б. В.* Михаил Евгеньевич Массон // РА. № 2. С. 207—240.

Массон 1970: *Массон В. М.* Узловые проблемы среднеазиатской археологии // КСИА АН СССР. Вып. 122. С. 9—15.

Массон 1996: *Массон В. М.* Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Массон 2000: *Массон В. М.* 2000. Научное пространство СНГ и евразийские блоки культурного наследия // Культурное наследие Российского государства. Вып. II. СПб. С. 83—87.

Хан 1991: *Хан Н. А.* Становление и развитие археологической науки, государственной системы охраны памятников в Туркменистане: АКД. Л.

SCIENCE-METRICAL MEASURING OF CADRE POTENTIAL FOR THE ARCHAEOLOGY OF MIDDLE ASIA IN THE SOVIET PERIOD

by

N. A. Khan (Kirov)

Before the collapse of the Soviet Union the archaeology of Middle Asia was an individual branch of the Soviet archaeological science. In the middle of 1960s, there was outlined a transition from empirical to theoretical level of knowledge. This date may be considered as a border-line between the two periods of training highly skilled personnel for Middle Asian archaeology — candidates and doctors of historical sciences. Science-metrical measuring has revealed «peaks» in training of Middle Asian archaeologists — in 1954, 1966, 1977, 1988—1989. It has demonstrated as well that by the collapse of the Soviet Union the area of Middle Asia was provided with the highly skilled personnel for all the branches of archaeological science. The article has adduced, too, data on the training of experts for the individual republics.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
В МУЗЕЯХ СЕВЕРНОГО КИТАЯ**
(по материалам экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь»)

Ю. С. Худяков (Новосибирск)

В июле-августе 1990 г. на территории Китая работала международная экспедиция ЮНЕСКО «Шелковый путь». Экспедицию возглавляли координатор проекта ЮНЕСКО «Шелковый путь» Д. Дьен (Сенегал) и сопредседатель МАИКЦА А. Х. Дани (Пакистан). В составе экспедиции работали историки, археологи, этнографы, искусствоведы, лингвисты, экономисты, социологи Р. Стэмс (США), Т. Хольман (ФРГ), С. Рашман (ГДР), Ж. Дис (Франция), Н. Дьярбеклири и А. Тоган (Турция), Х. Соренсен (Дания), Ким Хо Донг и Кво Юнг Пиль (Южная Корея), Д. Ганболд (МНР), С. Тарапонг (Таиланд), Т. Сигимура (Япония), Сю Пиньфан, Ван Миньцзе (КНР), ученые из Ирана, Мексики, Ирака, Египта, Индии, Великобритании, Нидерландов. От нашей страны в работе экспедиции принимали участие акад. АН УзССР А. А. Аскарлов, д-р ист. наук Ю. С. Худяков, канд. ист. наук Ж. К. Таймагамбетов. Экспедицию сопровождали многочисленный административный и обслуживающий персонал, представители ЮНЕСКО, сотрудники миссии ЮНЕСКО в Китае, сотрудники китайской комиссии по делам ЮНЕСКО, представители министерства культуры КНР, представители провинций Шэньси, Ганьсу, СУАР, медицинский персонал, охрана. Работу экспедиции освещали журналисты из КНР, Японии, Южной Кореи, Канады, США, Боливии. Съёмочные группы телекомпаний «Асахи» (Япония), МБС (Южная Корея), центрального и местного телевидения КНР снимали документальные фильмы об экспедиции. Пресс-группа ЮНЕСКО выпускала газету «The Road», пресс-бюллетени, в которых фиксировались основные этапы деятельности экспедиции, публиковались выступления участников¹. Репортажи о работе экспедиции регулярно публиковались в газете «Чайна дэйли», выходящей на английском языке², передавались по центральному и провинциальному телевидению КНР.

Программа работы экспедиции предусматривала проведение автомобильного похода по маршруту Шелкового пути из г. Сиань в города Баоцзи, Ланьчжоу, Увэй, Дуньхуан, Хами, Турфан, Корла, Аксу, Каш-

¹ On The Road. 1990. № 3—5.

² Saluting ancestors down the Silk Road // China Daily. 1990. № 2800. P. 1.

гар. Автомобильный поход осуществлялся на легковых автомашинах и автобусах «Мицубиси», «Ниссан», «Тойота» в сопровождении машин охраны, медицинской службы и рефрижератора с продуктами и прохладительными напитками. Автопарк экспедиции насчитывал 15—17 машин и заменялся в каждой провинции. По ходу маршрута участники экспедиции имели возможность ознакомиться с известными памятниками истории, археологии и культуры, просмотреть коллекции музеев, посетить буддийские храмы, мусульманские мечети и мавзолеи, китайские и уйгурские деревни, предприятия традиционных промыслов, виноградники, карезы, базары, увидеть различные типы природных и историко-культурных ландшафтов. По ходу экспедиции ее участники проводили научные семинары и совещания, принимали участие в официальных мероприятиях и торжественных церемониях. В г. Дуньхуан был проведен научный семинар по проблемам буддийского искусства. По завершении работы экспедиции ее участники были доставлены специальным самолетом в г. Урумчи. Там состоялась научная конференция, посвященная изучению Шелкового пути.

Экспедиции сопутствовала обширная культурная программа, включавшая посещение спектаклей, концертов ансамблей китайской, уйгурской, монгольской, узбекской, таджикской музыки и танцев; катание на верблюдах и повозках, запряженных лошадьми; выезд в пустыню Такла-Макан и др.

Маршрут экспедиции начался в г. Сиань, административном центре провинции Шэньси, в прошлом г. Чанань, столице древних и раннесредневековых китайских государств. Именно в Чанани начиналась трансконтинентальная торговая магистраль, получившая в истории название «Великий Шелковый путь» (Лубо-Лесниченко 1988: 361). В провинции Шэньси сосредоточено большое количество известных исторических памятников, находится много музеев с археологическими коллекциями (Худяков 1991а; 1991б).

Двадцатого июля состоялось официальное открытие экспедиции, представление участников, фотографирование, выступления деятелей ЮНЕСКО, представителей комитета по науке и образованию КНР, провинций Шэнси, Ганьсу и СУАР, торжественный прием, организованный правительством Шэньси, встреча с учеными провинции.

В г. Сиань и его окрестностях было осмотрено несколько исторических, археологических и архитектурных памятников, музеев. Крупнейший из них — музей провинции Шэньси. В музее экспонируются многочисленные скульптуры, барельефы, стелы с иероглифическими надписями, с навершиями в виде драконов на постаментах-черепахах или прямоугольных базах. Эти памятники относятся преимущественно к периодам раннего и развитого средневековья.

В предметной экспозиции представлены разнообразные находки, относящиеся к периодам правления династий Цинь, Хань, Тан. Среди них предметы вооружения; стрела с бронзовым трехгранным наконечником, железный меч в ножнах с прямым перекрестьем и кольцевым

навершием; набор бронзовых поясных пластин, выполненных в зверином стиле. Весьма многочисленны терракотовые статуэтки, изображающие представителей различных народов: персов, греков, турфанцев. Есть статуэтки всадников в панцирях, верхом на лошадях в защитных пополах. Различные экспонаты свидетельствуют о торговых связях империи Тан со странами, лежащими на Шелковом пути. Это и овальная золотая дольчатая чаша с поддоном, вероятно сасанидская; и серебряный византийский кувшин с изображением танцующих обнаженных человеческих фигур, датированный 581 г. н. э.; и среднеазиатский кувшин со сливом; и среднеазиатские и мусульманские монеты.

Уникальный археологический комплекс представляет собой могила императора Цинь Шихуанди. Надмогильное сооружение представляет собой грандиозную искусственную земляную пирамиду, на вершину которой проложена лестница и сооружена смотровая площадка для туристов.

Музей терракоты, сооруженный в 1975 г. на месте раскопок, прилегающих к могильному холму ям с глиняными фигурами воинов и лошадей, расположен в 2 км от могильного холма. К настоящему времени открыто около 400 ям с терракотовыми статуями и погребенными людьми, 93 ямы для лошадей, более 100 могил рабочих строителей. Строительство могилы было начато в 246 г. до н. э. В строительстве было занято около 700 000 рабочих из провинций империи Цинь.

За период изучения могилы вскрыто три ямы с терракотовыми статуями, две из которых экспонируются в крытом павильоне. В первом раскопе, в широких траншеях с глиняными перемычками, выстроено в соответствии с принятыми правилами построения целое войско терракотовых солдат. Впереди три шеренги, за которыми две колонны солдат по 4 в ряд. Во 2, 3, 5, 7, 9 и 10-й колоннах по 3—4 лошади с остатками колесничной запряжки. В 3, 5, 9 и 10-й колоннах солдаты одеты в пластинчатые панцири. Колонны раскопаны не полностью. Часть фигур продолжает исследоваться и реставрироваться.

Второй раскоп значительно глубже первого. Статуи солдат и лошадей находятся на мощеном полу из квадратных кирпичей. Многие из них повреждены.

Статуи изготовлены в полный рост со всеми характерными деталями воинского убранства. Некоторые из них раскрашены. Заметна раскраска лиц. Ремни, связывающие пластины панциря и пропущенные поверх них, раскрашены в ярко-красный цвет.

В отдельном павильоне экспонируются находки, сделанные при раскопках. В центре павильона изготовленная из бронзы боевая колесница, запряженная четырьмя лошадьми. Колесница двухколесная. Кузов имеет высокий передний борт, перед которым стоит возница.

К левому борту кузова прикреплен с помощью двух обойм колчан. Приемник колчана сужается к днищу, имеет ступенчато срезанную горловину. Стрелы в колчане помещены бронзовыми наконечниками вниз, оперением вверх. Некоторые из них имеют ромбическое в сече-

нии перо и раздвоенный насад. Другие имеют тупое острие, округлое в сечении перо, втульчатый насад. Оперение трехлопастное. Древко стрелы завершается ушком для натяжения тетивы (рис. I/10).

На кузов колесницы спереди прикреплен арбалет. Он имеет сложносоставную м-образную кибить на длинном цевье с рукоятью и пластиной для спуска тетивы.

За спиной возницы кинжал в ножнах. Рукоять кинжала прямая с перекрестьем, пятью обоймами и навершием. Ножны имеют обойму, пластину и наконечник (рис. I/9).

Археологическая экспозиция имеется в музее буддизма. В витринах, посвященных периоду Си Чжоу, экспонируются бронзовые кельты, клевцы, нож с цельнолитой рукоятью и навершием и отогнутым лезвием. В витринах, относящихся к эпохе Цинь, имеются бронзовые двухлопастные наконечники копий, бронзовые кинжалы, двухлопастные, трехлопастные и трехгранные черешковые наконечники стрел, двусторонний железный наконечник с крюком (рис. I/1, 3).

Музей Баньпо представляет собой крытый павильон, в котором законсервирован участок раскопа неолитического поселения с котлованами жилищ, очагами, сосудами, печами для обжига сосудов. На участке поселения имелся глубокий ров. В одном из жилищ обнаружено погребение внутри двух вставленных один в другой сосудов. На стендах экспонируются каменные шлифованные топоры, тесла, проколки.

В других павильонах выставлены сосуды различных форм с орнаментом, каменные браслеты, просверленные клыки, раковины, костяные шпильки, тесла, лощила, костяные наконечники стрел, крючки, гарпуны.

В одном павильоне выставлены палеонтологические находки — скелеты ящеров, носорогов, слонов, оленей.

В другом павильоне экспонируются мумии, внутренности, остатки одежды. Одна из мумий в рогожном мешке, заколотом костяными шпильками. Вероятно, это чехол для погребения. Одна из мумий находится в стеклянной витрине с раствором. Мумификация, вероятно, естественная, т. к. некоторые мумии высохли с обнажением костей и опусканием мягких тканей.

Музей Стены г. Сианя включает участок крепостной стены города, построенной при династии Мин. В экспозиции имеются витрины, посвященные культуре Баньпо, периодам правления династий Си Чжоу, Цинь, Хань, Вэй, Суй, Тан, Мин. Выставлены керамические сосуды, бронзовые кельты, зеркала, терракотовые статуэтки, черепицы различных эпох. В витрине, относящейся к эпохе Хань, выставлены железный меч с прямым перекрестьем и палаш с кольцевым навершием. В г. Сиань были осмотрены некоторые архитектурные памятники: комплекс зимних дворцов императоров династии Тан — Хуа Тинь; монастырь и пагода Дайяньта. Монастырь был построен при династии Тан. Этот комплекс является действующим и по настоящее время. В храме проходит служба, однако он открыт для посещения туристами.

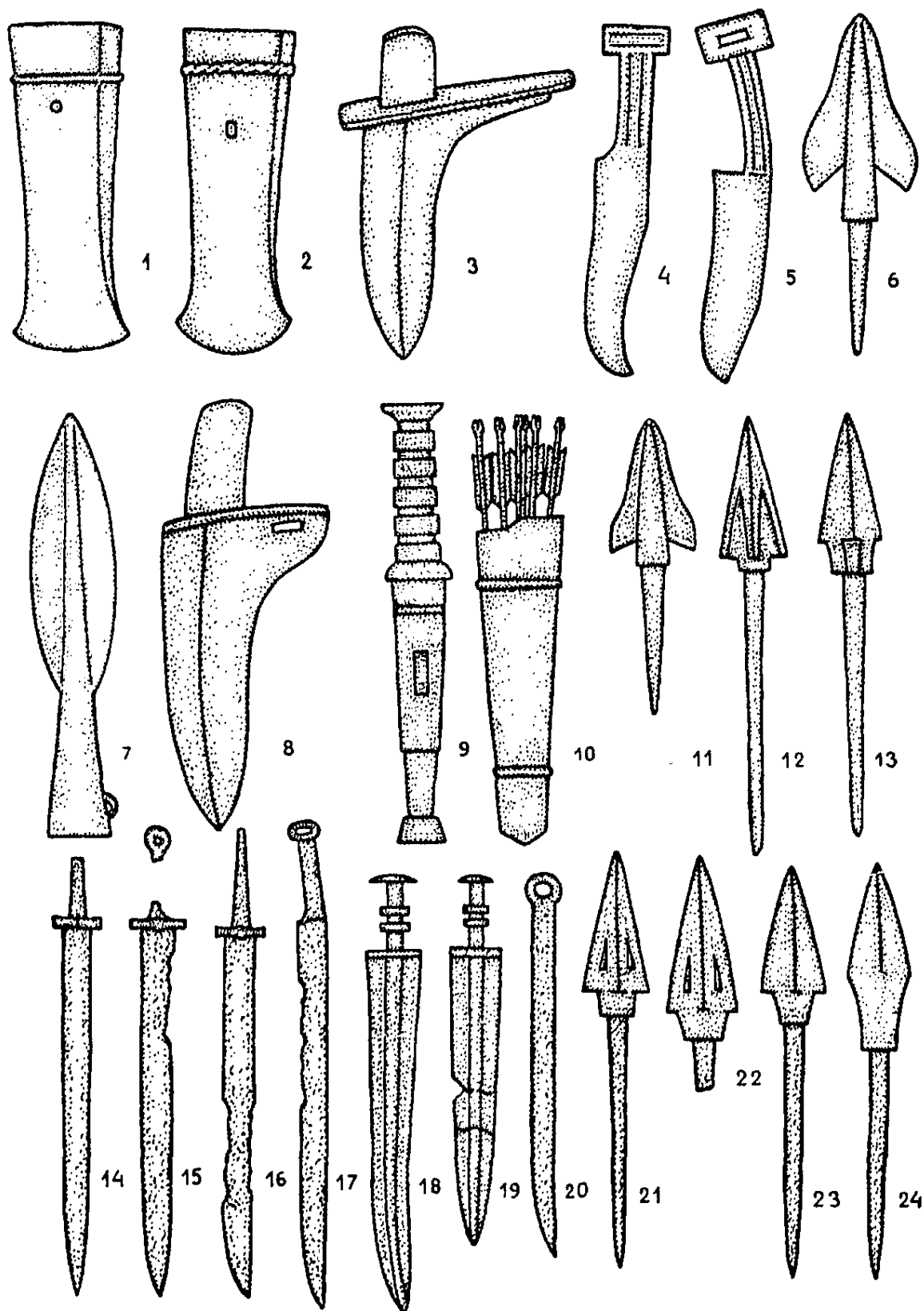

Рис. 1. Предметы из музеев провинции Шэньси:

1, 3, 4, 6—8, 11—13 — музей буддизма; 2, 5 — Чжаояньский музей; 9, 10 — музей терракоты; 14, 17 — музей Стены г. Сиая; 15, 16, 18—24 — музей Мао Линь; 1—6 — эпоха Западного Чжоу; 7—13 — эпоха Цинь; 14—24 — эпоха Хань

Пагода была построена при династии Тан. В 1547 г. она слегка накренилась в результате землетрясения, однако стоит до сих пор и открыта для посещения.

Мечеть г. Сианя была построена в 772 г. В дальнейшем неоднократно перестраивалась. Сохранилась каменная стела с надписью в честь построения мечети. Комплекс зданий, построенных в китайском стиле, входит в состав мечети и двора, подсобных помещений. Само здание мечети прямоугольное с несколькими дверьми, окнами, колоннами. Стены внутри здания и потолок расписаны изречениями из Корана.

В провинции Шаньси был осмотрен мавзолей Тянь Линь, включавший, судя по древним планам, до 370 зданий. Здесь находится могила принцессы Юньтай Гунчжу, дочери императора Гаоцзуна из династии Тан. Гробница имеет покатый вход-дромос со сводчатым потолком. Стены покрыты росписями. В стенах ниши с посудой и статуэтками. Внизу сводчатое помещение и каменный саркофаг, покрытый резьбой.

Могила была ограблена, однако при раскопках обнаружено около 4000 различных предметов. Они экспонируются в специальных павильонах. Большинство экспонатов — терракотовые и фарфоровые статуэтки и посуда. Статуэтки изображают слуг, всадников, верблюда с погонщиком, воина, лошадей, фантастического зверя. Выставлены золотые подвески, позолоченные дверные ручки, зеркала, миниатюрные стремена, копии фресок и резьбы, макет саркофага.

Могила императрицы У Цзытянь, жены императора Гаоцзуна, не раскопана. Она представляет собой высокий искусственно насыпанный земляной холм, на вершину которого ведет грунтовая дорога. По обе стороны дороги установлены каменные статуи львов, чиновников в 3—4 человеческих роста. Статуи стоят через определенные отрезки пути по обе стороны дороги лицом к ней, а львы — лицом к входу в аллею статуй. В начале подъема, ниже статуй львов, расположены группы по 30 статуй в рост человека. Они стоят со сложенными на груди руками. Изваяния одеты в халаты, подпоясанные ремнями с бляхами-оправами, с подвешенными каптаргаками и кинжалами, обуты в сапоги. У всех статуй срублены головы. Только у двух они обломаны не полностью, поэтому сохранились распущенные по плечам волосы и серьги в ушах, а в другом случае часть лица с узкими глазами, приплюснутым носом, усами и одутловатым подбородком.

Несколько статуй — люди, тоже с обломанными головами, держащие под уздцы лошадей. Лошади взнузданы, оседланы. На сбруйных ремнях большие кисти.

Вероятно, статуи изображают участников траурной церемонии: чиновников и послов вассальных племен. Многие статуи изображены в древнетюркской одежде. Вероятно, им обрубили головы после восстания, приведшего к образованию II Восточнотюркского каганата, когда тюрки вышли из подчинения у своего сюзерена — танского императора (Худяков 1998: 72—76).

Двадцать третьего июля экспедиция выехала из г. Сиань по маршруту Шелкового пути. При выезде была проведена торжественная

церемония проводов у памятника Чжан Цаню. Артисты изображали императора и императрицу, воинов, танцоров, музыкантов. В ходе театрализованного представления руководителям экспедиции было вручено знамя с эмблемой Шелкового пути.

По дороге к границе провинции Ганьсу экспедиция посетила несколько памятников и музеев.

Наиболее крупный из них — мавзолей Мао Линь, включающий могилы императоров и полководцев династии Хань. В составе комплекса могила полководца Хо Цюйбина, победителя хунну (сюнну). Она включает высокий насыпной земляной холм с лестницей и беседкой наверху, открытые павильоны с трех сторон холма. В центральной части находится скульптура, которая изображает лошадь, подавляющую кочевника с луком и копьем в руках. В боковых павильонах находятся статуи лошадей, быков, баранов, тигров, черепах, человечков. При памятнике находится музей, в котором выставлены разнообразные находки: бронзовые трехгранные наконечники стрел с железным черешком, бронзовые и железные мечи, палаш, железные кинжалы, бронзовые сосуды, зеркала, керамические сосуды, концевые диски черепицы, относящиеся к эпохе Хань (рис. 1/15, 16, 18—24).

В г. Баоцзи осмотрен первый из построенных в Китае храм Фаминци, начало сооружения храма относится к V в. н. э. Позже храм перестраивался при династиях Тан и Мин. В XVI в. сооружена большая пагода. В 1987 г. на площади храма была обнаружена подземная камера, вход в которую был закрыт тремя дверьми. В сокровищнице находились разнообразные предметы культа: керамическая копия дома, в которой хранились мощи; бронзовые статуи Будд и бодисатв; остатки книг; бронзовые монеты династии Тан; шелковые ткани; фарфоровые чаши; византийские стеклянные чаши, бокалы, бутылки; серебряные шкатулки; блюда, палочки; кружки; цветы; статуэтки, браслеты, ларцы; нефритовые коробочки, золотая чаша; бронзовый посох; штандарт. Все находки экспонируются в здании музея.

Вход в сокровищницу расположен рядом с пагодой. Внизу экспонируется дверь и фронтоны при входе в первую камеру, статуи будд, одна из которых золотая.

Во дворе комплекса находятся два храма со статуями будд и бодисатв. Эти храмы действующие, в них проходит служба.

В Чжаояньском музее была осмотрена экспозиция находок из могилы Чаочень, относящейся к эпохе Чжоу. В экспозиции представлены керамические сосуды, в том числе триподы, бронзовые сосуды, удила, пластины от колесниц, кельты, кинжалы; каменные тесла; ожерелья из нефрита и сердолика; прорисовки иероглифических надписей, пиктограмм, орнаментальных мотивов (рис 1/2, 5).

Двадцать четвертого июля экспедиция пересекла границу провинций Шэньси и Ганьсу. В восточной части провинции Ганьсу горный рельеф. Очень развито террасное земледелие. В этом районе был осмотрен памятник Грот Майцяшань. Он представляет собой буддийский пе-

щерный храм. На отвесной скале на большой высоте вырублены ниши, в которых находятся статуи будд, бодисатв и других персонажей буддийского пантеона. Есть статуи докшитов в устрашающих позах, гигантские статуи будд на поверхности скалы. Стены пещер покрыты росписями. Памятник начали сооружать в эпоху Цинь, однако его расцвет приходится на конец VI в. н. э.

В г. Ланьчжоу была осмотрена экспозиция музея провинции Ганьсу. В витринах выставлены палеонтологические находки, каменные изделия периодов палеолита и неолита. Большая площадь отведена крашеной керамике культуры яншао, мяодигоу, мацзяю, баншань, ма-чан. Экспонируются также тесла, мотыги, пряслица, браслеты, шилья, пастовые бусы. Выставлено тройное погребение.

На стенде культуры цицзя, относящейся к эпохе бронзы, выставлены бронзовые кельты, ножи, шилья, зеркала; кремневые наконечники стрел; каменные шлифованные тесла; нефритовые диски. На фотографии погребения эти диски лежат в области пояса скелетов людей (рис. III/1—7).

Одна витрина содержит находки культуры Сиба (Сыва), датированной XVI в. до н. э. Среди них бронзовый кельт с обручем на втулке; бронзовые ножи; бронзовые черешковые наконечники стрел удлиненно-треугольной формы; нашивные бляшки, браслеты; каменная булава; керамические пряслица со знаками (рис. III/8—17).

Несколько витрин посвящено периоду Си Чжоу. В них много бронзовых предметов вооружения: бронзовые кельты; втульчатые и черешковые клевцы; черешковые наконечники копий; двухлопастные наконечники стрел. Есть костяной трехлопастной наконечник стрелы. На копьях и кельтах имеется орнамент. Здесь же выставлены колесничные пряжки, бронзовые бляшки от конской узды из раскопок колесничной могилы — чэмакэна (рис. III/18—31).

Несколько находок относится к культуре Шацзин. Это бронзовый нож с кольцевым навершием; колокольчик; прорезная бляшка с шестью сферическими выступами, соединенными перемычками; удлиненная подвеска с большим количеством отверстий и ажурными краями (рис. III/1—4).

В соседней витрине выставлены находки предметов, выполненных в зверином стиле. Бронзовое навершие в виде головы грифона с большим клювом и глазами и бляха в виде свернувшегося в кольцо животного с большими ушами и длинным хвостом, от которого отходит вверх пламевидный выступ. На больших цветных фотографиях изображены то же навершие и подобная бляшка, у которой пламевидный выступ выполнен иначе (Худяков 1999а: 137—139).

Ряд находок относится к периоду борющихся государств (770—221 до н. э.). Среди них кинжал с обломанным железным клинком и бронзовой прорезной рукоятью; железное втульчатое копье с двухлопастным наконечником; железный кельт с широким лезвием; бронзовый меч с долой и ребром по оси клинка, прямым перекрестьем и

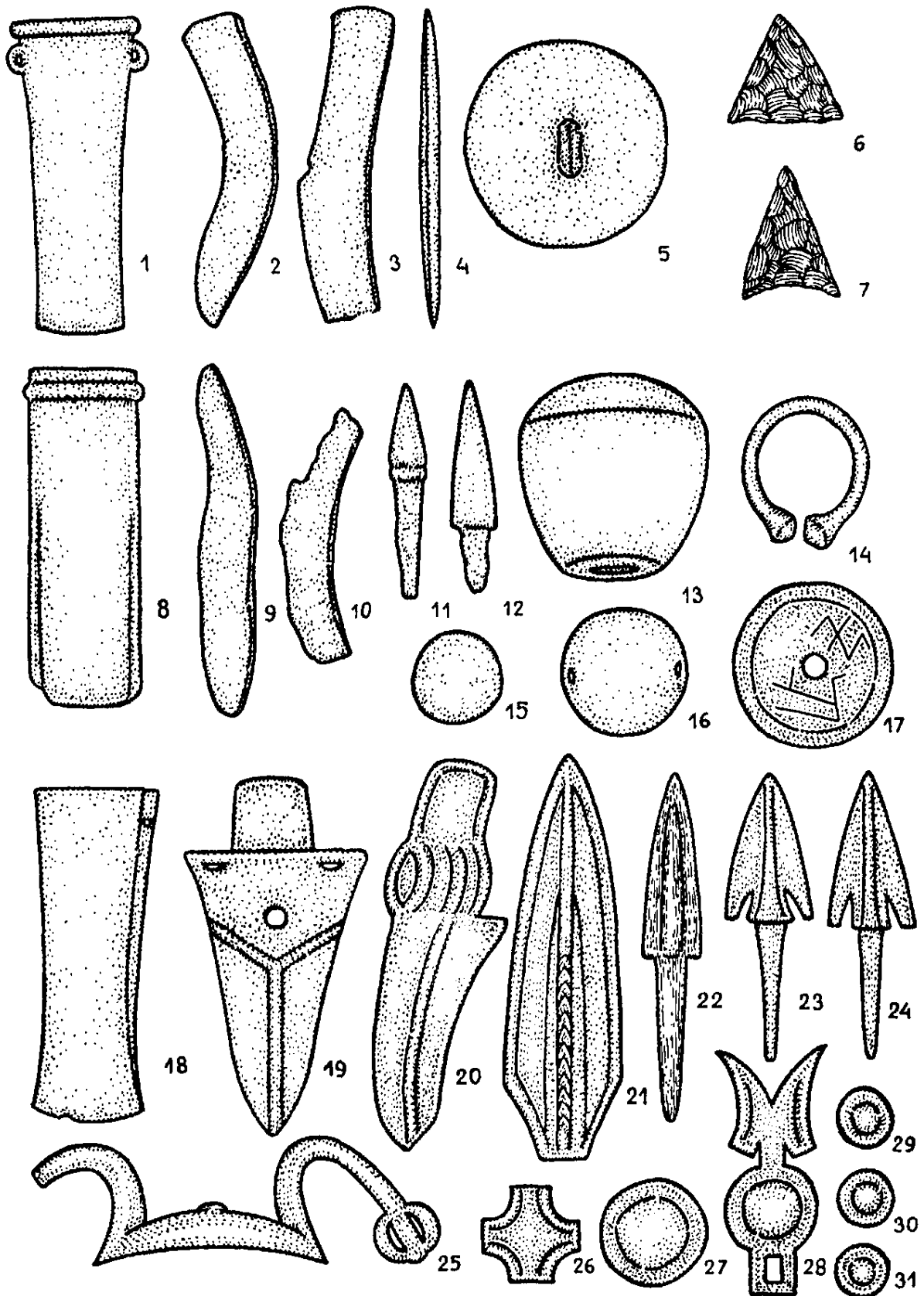

Рис. II. Предметы из музея провинции Ганьсу в г. Ланьчжоу:

1—7 — культура Цицзя; 8—17 — культура Сиба; 18—31 — эпоха Западной Чжоу

обоймой на рукояти, по долам клинка нанесен точечный орнамент (рис. III/5—8).

В витрине, относящейся к династии Хань, выставлено железное тесло; проушный топор с широким лезвием; бронзовый трехгранный

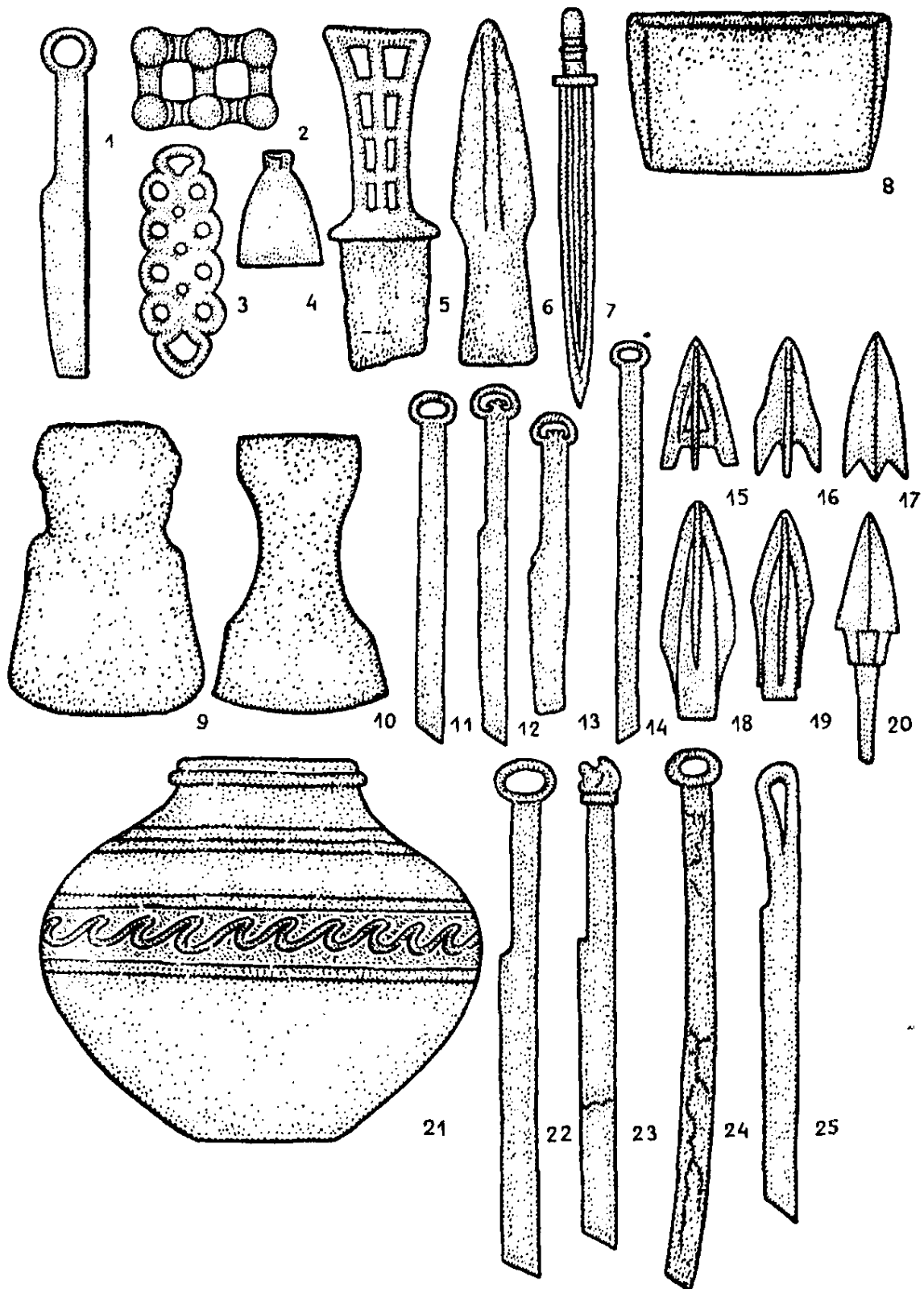

Рис. III. Предметы из музеев провинции Ганьсу:

1—10, 24 — музей провинции Ганьсу в г. Ланьчжоу; 11, 12 — музей г. Цзюцюань; 13 — музей Великой стены в г. Цзяогуань; 14—20, 25 — музей г. Дуньхуан; 21—23 — музей Храм культуры в г. Увэй; 1—4 — культура Шацзин; 5 — эпоха Весны и Осени; 6—8 — эпоха борющихся государств; 9—20 — эпоха Хань; 21 — эпоха Ранней Лян; 22, 23 — эпоха Северной Лян; 24 — эпоха Северной Вэй; 25 — эпоха Цзинь

наконечник стрелы. Ко времени династии Северная Вэй относится железный клинок, изогнутый в сторону лезвия с кольцевым навершием. Ко времени династии Суй и Тан относятся витрины с терракотовыми

статуэтками. В одной из них находится бронзовая позолоченная сердцевидная бляха с рельефным изображением всадника, стреляющего в тигра, который гонится за ним.

Есть находки, относящиеся к периоду династий Мин и Цин. В их числе бронзовый палаш с кольцевым навершием и железная кольчуга.

В других залах экспонируются предметы прикладного искусства народностей, населяющих провинцию Ганьсу, — казахов, тибетцев, бурят. В одном из залов есть копии петроглифов, среди них имеются сцены охоты пеших лучников.

В г. Увэй была просмотрена экспозиция музея Храм культуры, комплекс зданий которого построен при династии Мин. Два павильона посвящены археологическим находкам периода неолита, культуры мацзяо, периода династии Хань и Лян. Среди находок, относящихся к эпохе Хань, выделяются бронзовые трехгранные наконечники стрел с выемчатыми гранями и выступающей втулкой. В витрине, представляющей период династии Ранняя Лян (314—376 н. э.), выставлена гончарная сероглиняная ваза с валиком по венчику, раздутым туловом и плоским дном. Прочерченный орнамент в виде поясов из 3 горизонтальных линий на плечиках и 5 горизонтальных линий, разделенных волнистой линией, очень напоминает орнаментацию хуннских сосудов (рис. III/21).

В витрине, относящейся к периоду династии Северная Лян (397—439 н. э.), выставлены бронзовые ножи с кольцевым и фигурным навершием (рис. III/22, 23).

В павильоне, в котором выставлены стелы и скульптуры, имеется статуя, изображающая древнего тюрка или уйгура. У нее отбита голова, повреждены правое плечо и сосуд. Статуя изображает мужчину, стоящего со сложенными на груди руками, в ладони правой руки — сосуд, расширяющийся к венчику. Человек изображен в длиннополом халате, на него надет пояс с пряжкой, накладными бляхами-оправами, подвесными ремешками и каптаргаком (Худяков 1994: 72—77).

За г. Увэй экспедиция посетила участок Великой Китайской стены. Стена глинобитная, через определенные промежутки сохранились остатки башен. Данная часть стены построена при династии Мин. На поверхности встречаются фрагменты гончарной керамики.

В г. Чжанье был осмотрен Большой буддийский монастырь, в котором имеется несколько зданий. В одном из них находится статуя большого лежащего будды. Вдоль стен стоят статуи бодисатв. На стенах имеются фрески.

В другом здании находится археологическая экспозиция, включающая несколько витрин с находками различных эпох, начиная с периода борющихся государств. В витрине, относящейся к периоду «раньше династии Западная Хань», выставлены две бронзовые скульптуры оленей с поднятой головой и откинутыми на спину округлыми рогами, подобные рисункам на оленных камнях (Худяков 1999а: 139—140).

В витринах, относящихся ко времени династий Мин и Цин, выставлены железный шлем с козырьком и трубочкой для султана; деревянная кибить лука, стрелы с железными ромбическими наконечниками и деревянными древками, железный меч с фигурным перекрестьем и навершием, железная кольчуга.

В г. Цзюцюань осмотрен музей, в котором экспонируются находки периода неолита; бронзовые ножи и бляшки культуры Сиба, посуда, статуэтки, монеты; бронзовые палаши с кольцевым навершием; бронзовые трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой и черешком, принадлежащие эпохе Хань. В витринах, относящихся к периоду династии Цин, выставлены бронзовые зеркала, надписи, железный шлем с козырьком и трубочкой для плюмажа. В отдельной витрине выставлен костюм маньчжурского военачальника и шлем, украшенный резными пластинами, навершием с плюмажем и бармицей с многочисленными заклепками. Во дворе музея статуи музыкантов и статуя барана периода Цинь.

Затем была осмотрена экспозиция музея Большой стены. Здание музея стилизовано под башню и участок стены.

В экспозиции находятся копии найденных в Ордосе золотых украшений, выполненных в зверином стиле. В витрине, относящейся к эпохе Хань, выставлены бронзовые трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой; бронзовые трехлопастные наконечники стрел; бронзовые палаши и однолезвийный кинжал с кольцевым навершием. В витрине эпохи развитого средневековья выставлены копии серебряной чаши и бляшек от сбруйного набора. В экспозиции, посвященной эпохе Цин, выставлены стрелы с железными наконечниками и роговыми свистунками; железный меч с фигурным перекрестьем и навершием. На башне стены выставлены две бронзовые пушки.

Экспедиция посетила часть Великой стены, которая хорошо сохранилась, реставрирована вместе с встроенной крепостью и зданиями.

В окрестностях г. Дуньхуан экспедиция посетила грот Могао, пещерный буддийский монастырь. Комплекс пещер, сооруженных в отвесной стене высокой приречной террасы, начал создаваться при династии Северная Вэй в V в. н. э., функционировал при династиях Суй, Тан, Сун, Юань, Цинь и др. Всего комплекс насчитывает 492 пещеры. Было осмотрено 36 пещер, в которых имеются статуи будд, бодисатв, учеников, росписи на буддийские сюжеты на стенах и потолках, относящиеся к периодам правления различных династий от Северной Вэй до Цин.

В г. Дуньхуан был осмотрен музей. В экспозиции, посвященной эпохе Хань, выставлены бронзовые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел, бронзовый палаши с кольцевым навершием, железный меч, бронзовые и железные кинжалы с кольцевым навершием; пряжки, бляшки, кольца, крючья, подвески; из вещей, относящихся к периоду Цинь (265—420 н. э.), выделяется бронзовый кинжал с петлевидным навершием. Ко времени династии Тан относятся железные

наконечники стрел и два набора бронзовых поясных пряжек и бляшек-оправ, наконечников от тюркских наборных поясов (Худяков 1991в: 105—106; 1997: 175—178). К этому периоду относятся находки миниатюрных металлических псалий и стремян с пластинчатой петлей. В витрине, содержащей находки XI—начала XIII в. н. э., выставлены бронзовые бляшки, изображающие взнузданных и оседланных лошадей, и бляшка-тройник от конской сбруи (Худяков 1991г: 110—112; 1995: 180—194). К предметам эпохи Цинь относится железный кинжал с фигурным перекрестьем и навершием.

Второго августа экспедиция пересекла границу Синцзян-Уйгурского автономного района и прибыла в г. Хами.

В окрестностях города участники посетили раскопки могильника Уфу, расположенного на мысовидной глинистой террасе. Могильник огорожен забором, въезд на его территорию через ворота. На площади могильника несколько раскопанных частично засыпанных могил, небольшие западины от нераскопанных грунтовых могил, отмеченные флажками. Некоторые могилы закрыты картоном и присыпаны щебнем и песком, на всей поверхности могильника валяются фрагменты крашеной керамики, обломки костей, высохшие бревна от перекрытия могил.

Одна могила была вскрыта. Расчищены бревна перекрытия, уложенные поперек на края могильной ямы. Бревна затесаны и подогнаны друг к другу. Они несколько просели в яму. Могильная яма прямоугольная, не заполнена землей. Песок просыпался по углам ямы. Внутри могилы скелет женщины в сидячем положении, прислоненный к стенке ямы. Под черепом сохранились волосы, заплетенные в косы.

По оценкам китайских археологов, могильник относится к 1500—1000 гг. до н. э. (Худяков 1999б: 531—536). Судя по находкам, памятник должен относиться к сакской культуре середины I тыс. до н. э.

В г. Хами была осмотрена экспозиция музея. В витринах имеются находки, относящиеся к различным историческим периодам от палеолита до средневековья. В одной витрине представлены предметы из бронзы: вислообушный топор, изогнутые ножи с кольцевым навершием или навершием в виде головы барана, бронзовые двухлопастные наконечники стрел, относящиеся к периодам развитой и поздней бронзы (рис. IV/1—6). Бронзовый двуручный котел на поддоне относится к сакскому времени. Набор бронзовых бляшек, со сферическими выступами и отверстиями для подвешивания, и кольчатых бляшек, а также бронзовые трехгранные наконечники стрел с железными черешками относятся к хуннскому времени. К периоду раннего средневековья относится древнетюркское изваяние с личиной из массивного валуна (Худяков 1995б: 12—14; 1998: 592—599; 1998в: 215—219). К эпохе, предшествующей правлению династии Юань, относится сложносоставной лук с м-образной кибитью, обклеенной берестой и обмотанной сухожилиями, и колчан с карманом, на деревянной основе, с берестяным приемником. На горловине сохранилась костяная пластина, украшен-

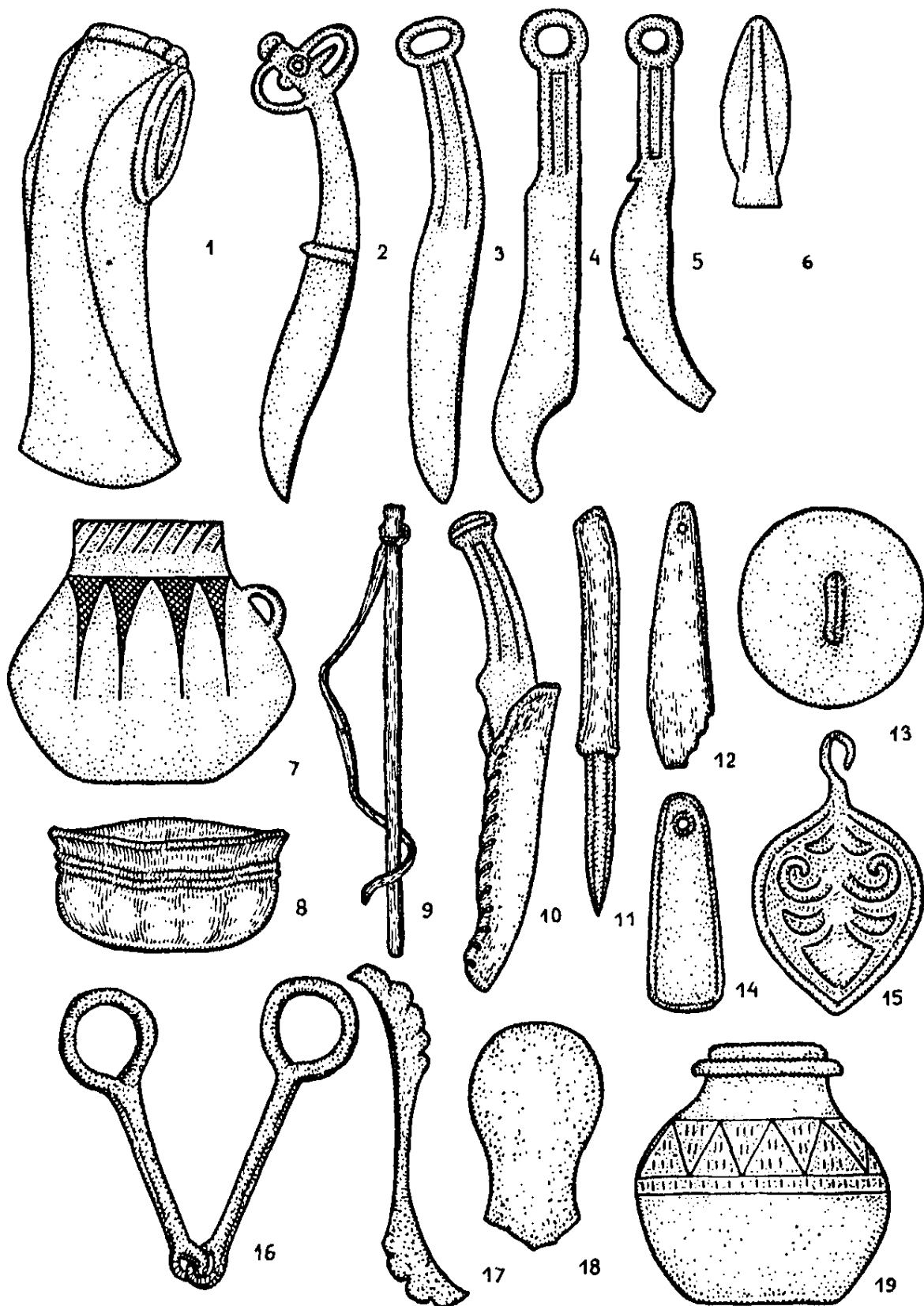

Рис. IV. Предметы из музеев Синцзан-Уйгурского автономного района:

1—15 — музей г. Хами; 16, 17 — музей г. Турфан; 18, 19 — музей г. Корла; 1—6 — эпоха бронзы; 7—15 — культура саков; 16—19 — культура хуннов

ная полосками циркульного орнамента. На стенке кармана костяная пластинчатая петля. В колчане и в витрине находится несколько стрел с длинными цилиндрическими деревянными древками. На древках железные линзовидные и ромбические в сечении наконечники, асим-

метрично-ромбической и боеголовковой формы с упором. Близ упора на древке обмотка, на противоположном конце древка — ушко (Худяков 1995в: 83—91; Khudyakov 1998: 91—97). Вероятно, к периоду развитого средневековья должны относиться массивные плоские железные черешковые наконечники стрел и втульчатый плоский наконечник дротика.

Один из залов музея целиком посвящен сакскому времени. В витринах разнообразные вещи: войлочные колпаки, кожаные сапоги, шерстяная одежда; роговой гребень, кожаный кисет, бронзовое зеркало, бубенцы, подвеска, нож в кожаных ножнах, шило с деревянной ручкой, бронзовый кельт с деревянной рукояткой, обвязанный кожаным ремешком, роговые трубки и пластины, каменный оселок, каменное грузило, кожаная плетка с деревянной рукояткой, деревянная чаша, керамический сосуд с расписным геометрическим орнаментом и ручкой (Худяков 1999б: 531—536) (рис. IV/7—15).

В г. Хами экспедиция посетила большую мечеть Адкара и мавзольей Гази Хан Вали, одного из первых мусульманских миссионеров в Китае, жившего в эпоху Тан.

Из Хами экспедиция прибыла в Турфан.

В окрестностях Турфана были осмотрены развалины городища Гаочан. На городище сохранились остатки глинобитных стен крепости и построек. На поверхности повсюду валяются фрагменты неорнаментированной гончарной керамики, иногда с черной или коричневой поливой, относящиеся к эпохе развитого средневековья (рис. V/3).

Были осмотрены склепы могильника Караходжа. Они имеют вход-дромос и камеру. На стенах дромосов и камер имеются цветные росписи. Изображены фигуры людей и цветы. В одном склепе находятся мумии с остатками шелковой одежды.

Экспедиция посетила буддийский пещерный монастырь Безеклик. На отвесной стене высокой террасы сделаны ниши, в которых сохранились остатки фресок на стенах и постаменты от сбитых скульптур будд и бодисатв. Большинство рисунков сильно повреждено.

На городище Цзяохэ сохранились остатки глинобитных построек, цитадели с развалинами дворца и храмового комплекса. На поверхности встречаются фрагменты черепицы и гончарной керамики. Городище существовало с эпохи Хань до периода правления династии Тан (рис. V/4, 5).

В музее г. Турфан экспонируются находки сакской культуры: деревянная посуда, кибить лука, стрелы с костяными и железными наконечниками, костяной свистункой и деревянными древками, бронзовые ножи, клевцы, двухлопастные наконечники стрел (Худяков 1995г: 5—25). К хуннскому времени относятся железные двусоставные удила со стержневыми, пропеллеровидными псалями и золотые нашивные украшения, розетка, полусферические бляшки, шарики. К уйгурской культуре относится сложносоставной лук с роговыми плечевыми накладками; колчан с карманом, имеющий твердую основу, берестяной при-

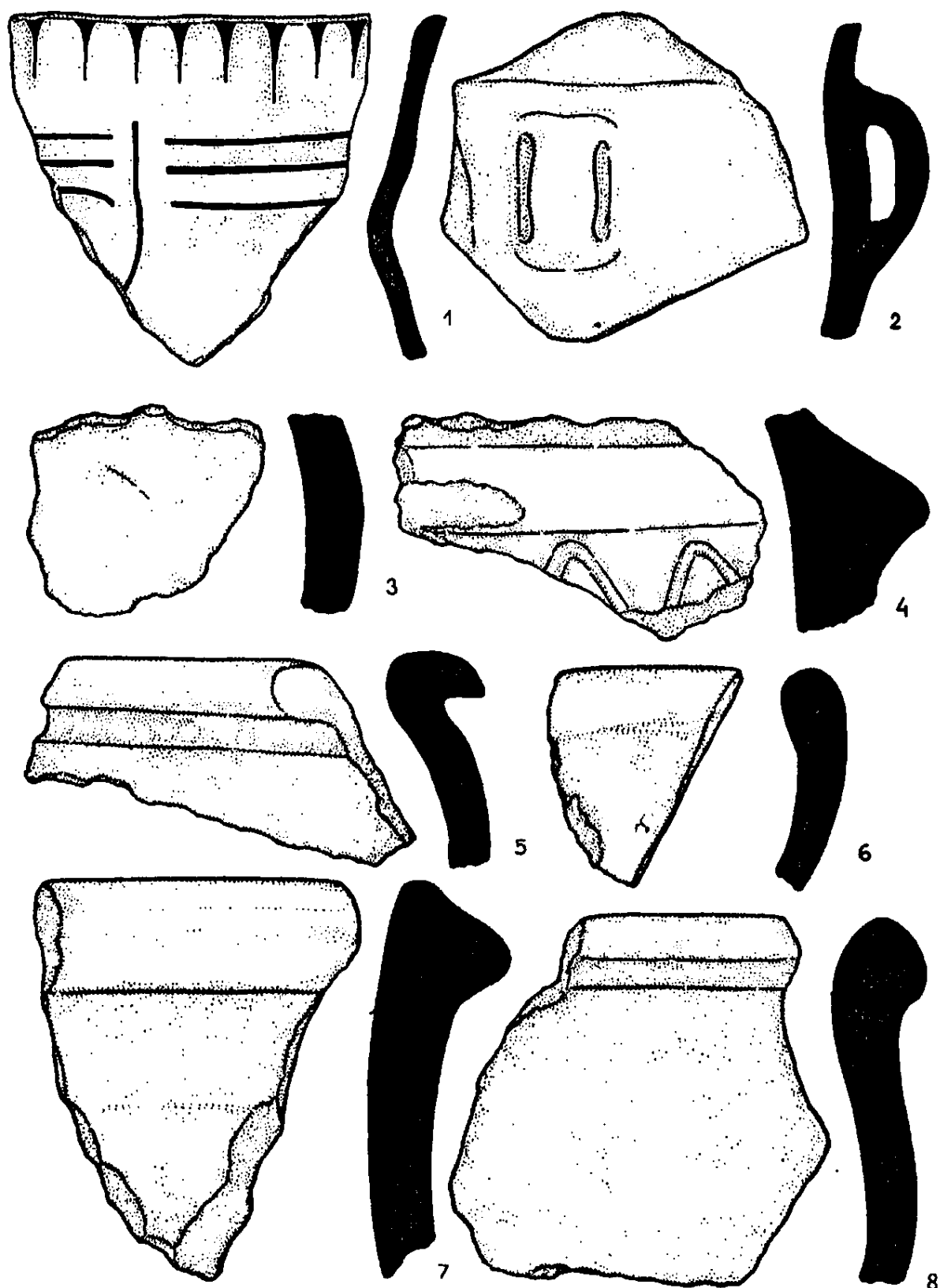

Рис. V. Фрагменты керамики с памятников Синьцзяна:

1, 2 — Уфу; 3 — Гаочан; 4, 5 — Цзяохэ; 6, 7 — Шорчук; 8 — Темин-гуай

емник и деревянную петлю. Поверх приемника роговые пластинки. В приемнике стрелы с деревянными древками и плоскими железными наконечниками. Древки окрашены близ ушка (Худяков 1995в: 83—91). К уйгурскому периоду относится деревянное седло с кожаным покрытием.

В г. Турфан осмотрены мечеть и минарет Амин минарасы. Во дворе мечети находится стела с надписями на уйгурском и китайском языках в честь основания мечети.

После Турфана маршрут экспедиции пролегал через Карашар в Корлу. В окрестностях г. Корла был осмотрен буддийский пещерный монастырь Ситэсин Мин Уй. В большинстве пещер ничего не сохранилось. Лишь в двух из них остатки фресок эпохи Тан. Затем экспедиция посетила развалины городища Шорчук. На всей площади памятника остатки глинобитных стен от зданий. На поверхности фрагменты гончарной керамики. Далее была осмотрена скала Темин-гуай, запиравшая проход через ущелье трассы Шелкового пути. Здесь стоял гарнизон, охранявший дорогу. На поверхности скалы фрагменты гончарных сосудов, обломки бронзовых монет, бронзовая бляха-оправа (рис. V/8).

На окраине г. Корла был осмотрен макет крепостной стены и ворот на Шелковом пути.

В музее г. Корла осмотрена археологическая экспозиция. Значительная часть находок относится к сакской культуре. Выставлены сосуды с ручкой и сливом, декорированные диагональной полосой геометрического орнамента: бронзовые удила, нож с кольцевым навершием, наконечник копья, ромбический втульчатый наконечник стрелы, кольцо с петлей, парные головки верблюдов; железный нож, костяные шипастые наконечники стрел, деревянная кибить лука и древко стрелы без наконечника (Худяков 1995г: 10—13; 1994б: 13—18). В экспозиции имеются фотографии курганных насыпей, погребений людей и лошадей, лошадиных голов и ног. В витринах, посвященных эпохе Хань, имеются бронзовые пряжки и обоймы, пластины, пояса, роговые накладки лука, железные трехлопастные наконечники стрел, нож, гончарный орнаментированный сосуд. Бронзовые пряжки, бляхи-оправы, наконечники, обоймы пояса относятся к древнетюркскому времени. Железные наконечники стрел относятся к эпохе Юань (Худяков 1993: 63—64; 1994в: 41—44). Ко времени правления династии Цинь относится железная сабля, шлем с кольчужной бармицей и кольчуга (Худяков 1995д: 34—42).

В одном из залов выставлены мумии, кожаные шапки, сапоги, деревянные сосуды, плети, одежда сакского времени.

Из Корлы экспедиция прибыла в г. Куча.

В музее г. Куча выставлены железные наконечники стрел, ножи хуннского времени, бронзовая бляшка, наконечник копья, гончарные сероглиняные и поливные сосуды (Худяков 1994г; 1996: 25—30; 1999в: 152—159). Экспонируются погребения. Одно парное, без инвентаря, другое одиночное, в дощатом гробу, раскрашенном красной краской. В этнографической экспозиции выставлены бронзовые сбруйные бляхи; стрелы с плоскими железными наконечниками, пластинчатый шлем с навершием и козырьком, деревянная передняя лука седла с бронзовыми заклепками.

В окрестностях г. Куча были осмотрены развалины городища Су-Баши. На площади сохранились стены цитадели, буддийская ступа, остатки построек. На поверхности встречаются фрагменты гончарной керамики.

Был осмотрен буддийский пещерный монастырь Кызыл. В пещерах сохранились остатки росписей на буддийские сюжеты. Затем был посещен буддийский пещерный монастырь Кызыл-каа. Ниши вырублены в отвесных стенах ущелья. На стенах и потолках пещер остатки фресок. На одной из них изображены фигуры тохарских воинов в кафтанах с отворотами на груди, с мечами и кинжалами на поясе (Le Coq 1928: 65—67).

Сотрудники экспедиции побывали в мечети Куча Дасы.

Из г. Куча экспедиция прибыла в г. Аксу, а оттуда в г. Кашгар.

В Кашгаре была осмотрена мечеть, посещены мавзолеи Махмуда Кашгари, Абак Хаджи, Юсуф Хаас Хаджифа. В окрестностях Кашгара осмотрена буддийская пагода.

В Кашгаре маршрут экспедиции завершился. Сотрудники экспедиции прибыли для участия в конференции в г. Урумчи, где был посещен музей Института археологии Синцзяна. В нем выставлены находки из раскопок памятника Лоулан на оз. Лоб-нор. В витринах выставлены сосуды, каменные топоры, мраморная статуэтка женщины периода энеолита, деревянные древки стрел, бронзовые котлы, бронзовые наконечники стрел, деревянная посуда, колоды, столбы, шерстяная одежда, войлочный колпак сакского времени, железные удила и стремяна древнетюркского времени.

В музее СУАР в г. Урумчи имеется большая археологическая экспозиция. В витринах есть каменные орудия эпохи палеолита. В витрине, где вещи датированы неолитом, есть бронзовый нож, костяной наконечник стрелы, роговая пряжка. В витринах, посвященных сакской культуре, выставлены керамические сосуды, бронзовые двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел, бронзовое зеркало с ручкой в виде козерога, бронзовый двуручный котел на поддоне. Здесь же бронзовый кельт и вислообушные топоры, которые должны относиться к периоду развитой бронзы. В витринах, относящихся к периоду культуры усуней, имеется железный котел «гуннского облика», бронзовые изогнутые ножи с кольцевым навершием, двухлопастной наконечник стрелы, топор с втулкой и петлей. Многие находки должны датироваться эпохой поздней бронзы и раннего железа. В экспозиции, относящейся к эпохе Хань, имеется сложносоставной лук с плечевыми роговыми накладками, деревянный цилиндрический колчан на кожаном ремне с древками стрел, железный трехлопастной наконечник стрелы, бронзовые двух- и трехлопастные наконечники стрел с раздвоенным насадом (Погребова, Раевский 1988: 168—173).

В витрине, относящейся к IV в. н. э., представлены терракотовые статуэтки воинов из могильника Астана и бронзовые поясные бляхи.

Большой интерес представляет каменное изваяние, изготовленное из оленного камня. У изваяния выделен головной убор, голова, уши, брови, глаза, нос, усы, рот, овал лица. В правой руке сосуд с ручкой, левая выше пояса. На поясе пряжка, каптаргак и кинжал. На обратной стороне видны фигуры оленей с ветвистыми рогами (Худяков 1997б: 243).

В экспозиции имеются материалы, относящиеся к уйгурскому времени. Среди находок чугунный колокол, железное копье, плоский железный наконечник стрелы, бронзовый тройник и сердцевидная бляха сбруи (Худяков 1995в: 86).

В витрине, относящейся к периоду династии Юань, представлен сложносоставной лук и древко стрелы с остатками трехлопастного оперения (Худяков 1994в: 41).

В витрине, относящейся к периоду династии Мин, экспонируются две кольчуги и два железных шлема. Один шлем имеет цельнокованый купол, другой — пластинчатый купол, наверху, чешуйчатую бармицу. В двух последних витринах находки должны относиться к местным культурам, т. к. известно, что Восточный Туркестан не входил в состав Юаньской и Минской империй.

Материалы экспедиции имеют важное значение для изучения культур древних и средневековых кочевников, саков, усуней, хуннов, древних тюрок, уйгуров, монголов и китайской культуры в эпохи древности и средневековья в районах, прилегающих к Шелковому пути. Многие находки, выставленные в музеях, никогда не публиковались. Они находят аналогии в синхронных культурах сопредельных регионов Южной Сибири и Центральной Азии и должны представлять интерес для специалистов по истории кочевых цивилизаций Центрально-Азиатского региона.

Литература

Лубо-Лесниченко 1988: *Лубо-Лесниченко Е. И.* Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.

Погребова, Раевский 1988: *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.

Худяков 1991а: *Худяков Ю. С.* Экспедиция ЮНЕСКО по проекту «Шелковый путь» на территории КНР // ИСО АН СССР СИФФ. Вып. 1.

Худяков 1991б: *Худяков Ю. С.* По «Шелковому пути»: Археологические коллекции в музеях Шэньси, Ганьсу и Синьцзяна // XXI НКОГК. Ч. 3.

Худяков 1991в: *Худяков Ю. С.* Распространение древнетюркской культуры в Восточном Туркестане (по материалам экспедиции ЮНЕСКО по Шелковому пути на территории КНР в 1990 г.) // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Худяков 1991г: *Худяков Ю. С.* Кыргызы в Восточном Туркестане // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек.

Худяков 1993: *Худяков Ю. С.* Предметы вооружения монгольского времени в музеях Синьцзяна // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ.

Худяков 1994а: *Худяков Ю. С.* Статуя древнего тюрка в музее «Храм культуры» города Увэй (КНР) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия философия и социология. № 1.

Худяков 1994б: *Худяков Ю. С.* Археология Центральной Азии: Методические указания к курсу «Основы археологии». Новосибирск.

Худяков 1994в: *Худяков Ю. С.* Предметы вооружения и сбруи монгольского времени из музеев Восточного Туркестана // *Altaica*. № 4.

Худяков 1994г: *Худяков Ю. С.* Материалы хуннского времени из музеев Восточного Туркестана // Проблемы изучения культурно-исторического наследия. Горно-Алтайск.

Худяков 1995а: *Худяков Ю. С.* Кыргызы в Восточном Туркестане // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек.

Худяков 1995б: *Худяков Ю. С.* Памятники культуры древних тюрков в Восточном Туркестане // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек.

Худяков 1995в: *Худяков Ю. С.* Вооружение турфанских уйгуров // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово.

Худяков 1995г: *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово.

Худяков 1995д: *Худяков Ю. С.* Предметы маньчжурского вооружения в музеях Ганьсу и Синьцзяна // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск.

Худяков 1996: *Худяков Ю. С.* Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // 100 лет гуннской археологии. Ч. 1. Улан-Удэ.

Худяков 1997а: *Худяков Ю. С.* Средневековая торевтика Восточного Туркестана // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа. Омск.

Худяков 1997б: *Худяков Ю. С.* Материалы древнетюркской культуры из Восточного Туркестана // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск.

Худяков 1998а: *Худяков Ю. С.* Скульптуры древних тюрков в империи Тан // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.

Худяков 1998б: *Худяков Ю. С.* Материалы древнетюркской культуры из музеев Восточного Туркестана // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск.

Худяков 1998в: *Худяков Ю. С.* Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.

Худяков 1999а: *Худяков Ю. С.* Предметы искусства звериного стиля из музеев провинции Ганьсу и проблема генезиса скифоидных культур Центральной Азии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск.

Худяков 1999б: *Худяков Ю. С.* Материалы сакского времени в музее г. Хами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V: Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.

Худяков 1999в: Худяков Ю. С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск.

Le Coq 1928: *Le Coq A. Von Land und Leuten in Ost Turkistan*. Leipzig.

Khudyakov 1998: Khudyakov Yu. The Turfan Uigurs' Bow and Arrows // IBIASCCA. Issue 21. Moscow.

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS IN THE MUSEUMS OF NORTHERN CHINA (ACCORDING TO THE UNESCO EXPEDITION «THE SILK ROUTE»)

by

Yu. S. Khudiakov (Novosibirsk)

In July and August 1990, an international expedition organized by the UNESCO worked in the territory of China. It comprised historians, archaeologists, ethnologists, historians of arts, linguists, economists and sociologists from many countries of the world. The program of the expedition activities embraced the conducting of a motor-car travel along the Great Silk Route within modern China. In the course of it the participants were able to make the acquaintance of the noted monuments of history, archaeology and culture; to look at museum collections, to visit Buddhist temples, Muslim mosques and mausoleums, as well as local Chinese and Uighur villages, enterprises of traditional crafts and bazaars; to see various types of natural and historic-cultural landscapes. The working program stipulated as well both the carrying out of scholarly seminars and meetings, and the participation in official arrangements and festive ceremonies. So, a seminar on problems of Buddhist art was held in Dunhuang. Upon the completion of the expedition a conference devoted the study of the Silk Route took place in Urumchi.

The author accentuates his acquaintance with the museum collections he saw in person as a participant of the expedition, which contain big numbers of interesting finds from various historical epochs. Many of the displays have never been published before. Particularly important are those having parallels with the ancient and medieval nomadic cultures of Central Asia and Southern Siberia.

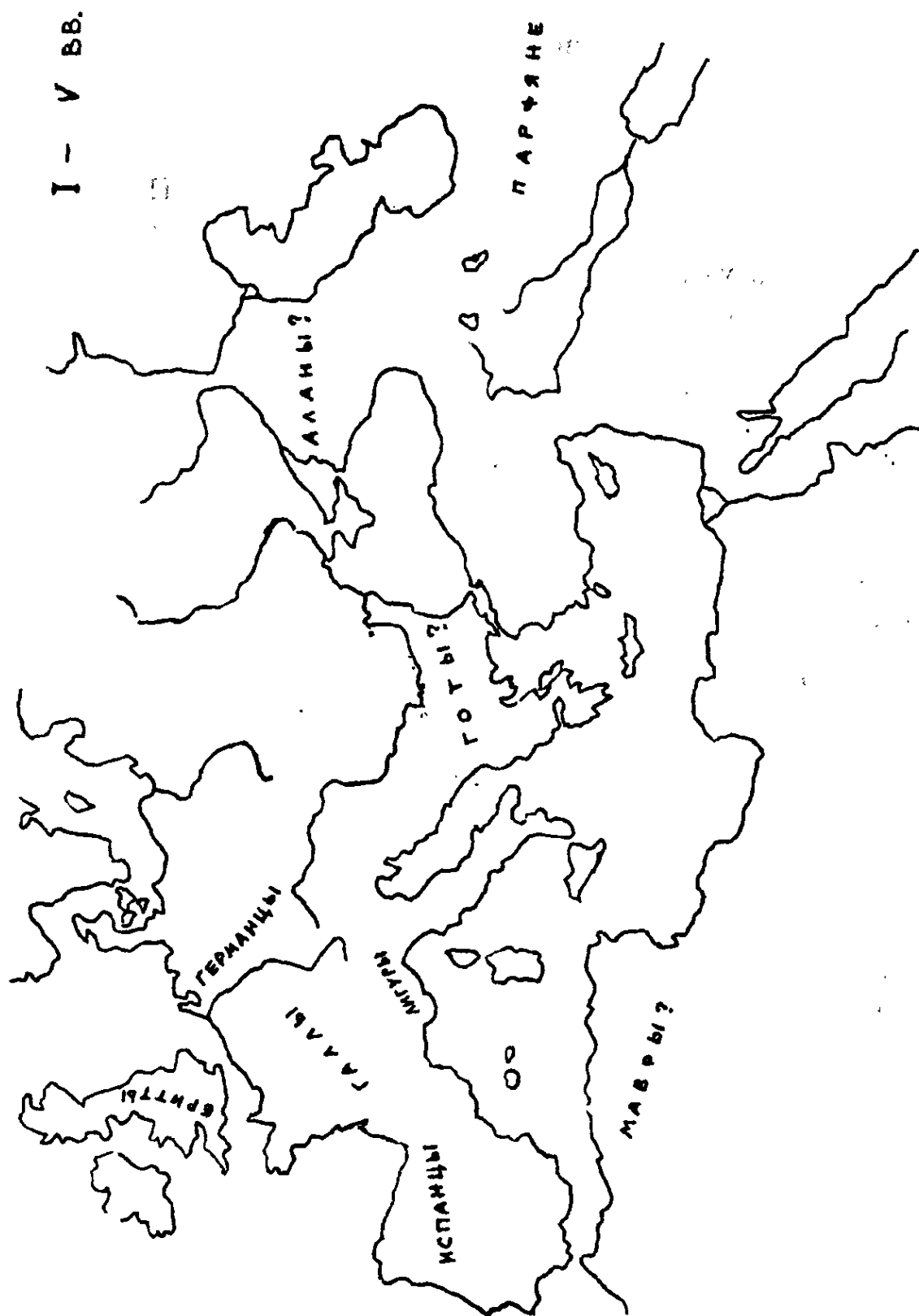
ВРАГИ ИМПЕРИИ (по трактату Псевдо-Маврикия) *

П. В. Шувалов (Санкт-Петербург)

Трактат Псевдо-Маврикия «Стратегикон»¹, посвященный строению и тактике восточно-римской армии, является первоклассным источником по военному искусству поздней античности. Он был написан автором (или авторами — см. разбор проблемы в: Шувалов [2002]), не только имевшим практический опыт, но и хорошо разбиравшимся в теории. Цель автора, по его словам, состояла в том, чтобы создать специальное пособие для начинающих, и притом такое, какое даст возможность в дальнейшем легко изучать специальные трактаты по отдельным военным вопросам (тактиканы, стратегиканы и т. д.). Следовательно, трактат должен был дать основы знаний в военном деле, в том числе терминологические, в связи с чем, по словам его автора (и судя по дошедшему до нас тексту трактата), он был написан простым языком, лишенным риторических прикрас и оборотов.

* Работа, легшая в основу данной статьи, была выполнена по проекту № 1721/841/1998 Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation и доведена до окончательного варианта во время моих пребываний в Париже на средства Open Society Institute, Assistance Foundation (гранты TAB 829 и NAT 058) и Maison des Sciences de l'Homme.

¹ Трактат Псевдо-Маврикия опубликован трижды. Научный интерес к первому изданию И. Шеффера (1664) уже потерян. Новое издание текста трактата было осуществлено Х. Михэеску (Mihăescu 1970) и явилось существенным шагом вперед, не лишенным, однако, недостатков. Новейшее издание текста трактата под руководством Дж. Денниса (Dennis 1981) оказалось также не без недостатков. В результате исследователи получили более современное издание текста, не заменившее, однако, издание Михэеску: при цитировании теперь требуется иметь под рукой оба издания одновременно. Ниже я придерживаюсь следующего более или менее традиционного словопользования и системы ссылок: *Псевдо-Маврикий* — автор окончательной редакции текста трактата, *Маврикий* — император Маврикий (582—602); *Mauric.* — ссылка на существующий текст трактата Псевдо-Маврикия (по изданию Денниса) — для удобства читателя я добавляю номера параграфов по изданию Михэеску (почему-то опущенные в издании Денниса), а также указываю в круглых скобках сложные случаи отличий в нумерации глав и книг в издании Михэеску от издания Денниса (простые случаи различной нумерации специально обычно в ссылках мною не указаны: (Mauric. VII, 1—16; 1a—17a; XII, 1—7; 8; 9; 10 ed. Mihăescu = Mauric. VII A: VII B, 1—17; XII A: B; C; D ed. Dennis)). Урбикий (Урвикий) — военачальник времени императора Анастасия (491—518), автор различных сочинений, в том числе сочинения «Epitedeuma».

Карта 1. Соседние с Римской империей народы в I—V вв.

Поэтому можно заключить, что автор сознательно не вводил в текст трактата расхожие риторические топосы (общие места). В то же время он, несомненно, так или иначе не мог не находиться под влиянием существовавших в то время в его среде воззрений и клише (см. подробно: Zástěrová 1971). Итак, трактат Псевдо-Маврикия — сугубо практически ориентированное специальное военное произведение, дающее редкую возможность заглянуть в глубины восточно-римской военной культуры. Он не только источник по отдельным варварским народам, но также содержит следы целостной этногеографической картины мира, существовавшей в среде восточно-римских военных. Поэтому данные трактата заслуживают целостного анализа. Чаще всего исследователи ограничиваются разбором только мест, связанных с наиболее «интересными» народами (аварами, франками, лангобардами и славянами), не проводя при этом целостного анализа этнокарты трактата, либо же исследуют текст лишь XI книги трактата, посвященной народам-врагам империи². Попытаемся, однако, взглянуть шире и разобрать все случаи упоминания варварских народов в трактате.

² В 1977—1978 гг. Дж. Уиитой в университете Миннесоты была завершена диссертация (Wiita 1988), почти прямо посвященная нашей теме. Он проанализировал этнические реалии в тексте трактата и их аналогии по другим источникам, однако не обратил внимания на лексику и композицию текста трактата, т. е. не прошел один из важнейших этапов критики источника — критику толкования. Кроме того, он не проводил анализа употребления этнонимов в тексте трактата. В результате его выводы оказались поверхностны и как бы подвешены в воздухе. Вопросы структуры и композиции текста трактата рассмотрены мною в специальной работе (Шувалов [2002]), ниже же я даю лишь отдельные наиболее важные выводы.

В 1987 г. была опубликована статья Ж. Дагрона (Dagron 1987), посвященная анализу данных, содержащихся в тексте XI книги трактата. Согласно этому исследователю (Dagron 1987: 207—209), по сравнению со взглядами Вегеция, у Псевдо-Маврикия имеется явный прогресс в развитии военного искусства, — в частности, это выразилось в том, что у Псевдо-Маврикия есть книга, посвященная тому, как надо «приспосабливаться» к различному врагу, т. е. книга XI. Кроме того, Ж. Дагрон вслед за Б. Застяровой (Zástěrová 1971) убедительно показал (Dagron 1987: 214 sq.), что взгляды автора книги XI находятся под сильным влиянием позднеантичной хорографии, разделившей все известные народы на группы в зависимости от населяемого ими земного пояса (т. н. теория среды). В частности, славяне у Псевдо-Маврикия удивительно похожи на белобрысых. Отрицать влияние хорографии на Псевдо-Маврикия бессмысленно, в особенности после убедительных доводов Ж. Дагрона и Б. Застяровой, однако, на мой взгляд, эти хорографические топосы не настолько жестко «программировали» Псевдо-Маврикия при написании им своего текста, чтобы сквозь призму этих топосов не проступала бы конкретно-историческая информация.

Небольшие обзоры данных XI книги содержатся во многих работах, посвященных трактату Псевдо-Маврикия (например: Aussenances 1906: 30—34; Удальцова 1969: 65—70; 1974: 301—308). Из работ, посвященных отдельным народам, укажу статью В. В. Кучмы (Кучма 1978: 6—11), раздел в «Своде древнейших письменных известий о славянах» (Кучма 1991: 364—393), соответствующее место у Д. Моравчика (Moravcsik 1983: 420—421) и упомянутую выше книгу Б. Застяровой (Zástěrová 1971).

Действительно, в «Стратегиконе» упоминается множество различных варварских народов. Эти упоминания рассыпаны по всему тексту трактата (см. табл. 1—2). Народы, упоминаемые в трактате, относятся к различным историческим периодам и распадаются на несколько групп. Часть этих упоминаний — упоминания персов и скифов — трудно отнести к какому-то узкому периоду истории античного мира, когда бы эти народы находились в соприкосновении либо с римлянами, либо с греками: контакты с народами под этими именами могли теоретически иметь место в любой период античной истории. Упоминания мавров и аланов явно указывают на римскую историю вообще или, соответственно, только императорского времени. Имена эрулов, готов, франков указывают на позднеантичный период. Часть имен явно анахроничны и попали в текст из более ранних источников: парфяне, лигуры, галлы, германцы, британцы и испанцы. Но, кроме того, есть упоминания и более новых народов — тех, которым восточноримские армии противостояли на протяжении достаточно короткого времени (анты, болгары, гунны), с которыми познакомились поздно и лишь через соседей (эфталиты), либо с которыми столкнулись на полях сражений лишь в поздний период — в 20—40-х гг. VI в. (склавы, лангобарды) или же еще позднее — в третьей четверти того же века (авары, тюрки). В целом, видимо, стоит выделять три основных слоя в этнонимии трактата: древний (какие-то классические тексты поздней республики), новый (позднеантичный период: V в.?) и новейший (VI в.). Упоминания в тексте этих последних народов имеют принципиальное значение для датирования трактата, и поэтому чаще всего разбором только этих мест и ограничиваются исследователи.

Кроме таких «текущих» упоминаний, в трактате имеется целая книга (XI), посвященная варварам — противникам империи. Эта книга представляет собой фактически отдельный трактат (Dagron 1987: 211), и ее структура заслуживает специального исследования. Здесь же стоит лишь отметить, что повествование идет по четырем главам, носящим следующие, видимо несколько условные, названия: «Как надо приспособиться к персам... скифам... белокрысым (блондинам) и склавам и антам». Собственно говоря, сам текст этой книги, кроме одного места, других народов-то и не знает, так что указанные в заголовках четырех ее глав народы являются либо своего рода сборными категориями, либо же категориями типичными. Следовательно, в одиннадцатой книге все реальные противники как бы сгруппированы в четыре большие группы. Бросается в глаза отсутствие в этом списке африканских народов и других ближневосточных народов кроме персов: им нет места также ни под одной общей рубрикой — ясно, что арабы не могли подразумеваться ни под скифами, ни под персами. Заголовки же глав XI книги, в отличие от основного текста, знают еще гуннов, аваров, тюрков, франков и лангобардов. Те же авары и тюрки появляются еще в отмеченном выше одном конкретном месте главы о скифах. Анализ данных, содержащихся как в отдельных главах, так и во всей XI книге

Частота упоминания варварских народов по разделам трактата *

		Разделы трактата (книги и их части)															
		Prae-fatio	I	II	III	IV	V	VI	VII A	VII B	VIII	IX	X	XI	XII A	XII B	XII D
Характеристика разделов	Содержание раздела	введение	основы и дисциплин. устав	основы тактики	строевая подготовка	засалы	обоз	упражнения	стратегия до боя	стратегия в день боя	советы полководцу	нападения	укрепления и оборона	враги	смешанные порядки	пеший порядок	охота
	кол-во стр. по изд. Dennis'a	6	34	34	46	16	8	8	14	24	34	34	16	38	22	72	20
	примерное соотношение объема разделов	0,2	1	1	1,3	0,5	0,2	0,2	0,5	0,8	1	1	0,5	1	0,7	2	0,5

* Цифры в ячейках таблицы против названий народов указывают на количество упоминаний. Учтены по указателям к изданиям Dennis'a и Mihaescu все случаи упоминания варваров в форме существительных (напр., «скифы») и прилагательных (напр., «скифский»). Народы распределены по группам, отличающимся друг от друга не только этнической характеристикой, но и временем появления у границ империи. Все подсчеты сделаны без учета оглавления в начале трактата и оглавлений в начале выделенных разделов.

Фоном, размером и позицией шрифта выделены:

- в ячейках основной части таблицы — заполненные ячейки (светлый фон и косая штриховка), в том числе случаи возможных поздних интерполяций (штриховка);
- в горизонтальной графе «Итого» — наиболее насыщенные упоминаниями разделы.

Знаками «?» и «??» отмечены ячейки, в которых, исходя из общей картины, следовало бы ожидать соответствующие упоминания.

Продолжение табл. 1

		Prae-fatio	I	II	III	IV	V	VI	VII A	VII B	VIII	IX	X	XI	XII A	XII B	XII D
Упоминания соседних с империей народов в тексте трактата	упоминаемый народ	количество упоминаний в соответствующих разделах															
	персы, персид. народ, персид. война							«?»				1		3			
	скифы + персы									1+1				1+1			
	по-римски или по-персидски		1													2	
	персы с римлянами			1										3			
	персы + эфталиты					1+1											
	авары					«?»		«??»				1		1			
	по образцу аваров		5										1				
	авары + турки			1+1											2+2		
	турки														1		
	скифы, скифские народы/война			1		1	1	3	1	1		1		2			2
	по скифскому образцу					1									1		
	булгарский																1
	скифы + уннские народы														1+1		
скифский + гуннский народ								1+1									

		Prae- fatio	I	II	III	IV	V	VI	VII A	VII B	VIII	IX	X	XI	XII A	XII B	XII D
Упоминания соседних с империей народов в тексте трактата	аланский							3									
	франки + лангобарды													1+1			
	белобрысые народы				1	1		«?»							2		
	готы							«?»								2	
	скифские народы готов					1											
	эрульский																1
	склавы + анты					«??»		«?»					1+1		3+3		1+1
	славянский																1
	парфяне + галлы											1+1					
	испанцы + лигуры											1+1					
	бритты											1					
	германцы											1					
	маврский																1
итого: 85 упоминаний	0	6	4	1	6	1	6	3	3	6	5	0	30	0	10	2	

Частота упоминания народов в трактате в целом

Таблица 2

По именам народов				По народам	По текстовым группам	По смысловым группам					
имена народов	итого упоминаний по именам народов	итого нейтральных упоминаний	итого враждебных упоминаний			итого упоминаний	итого упоминаний	по группам XI книги трактата ¹			по признаку организованности
				итого упоминаний	итого нейтральных упоминаний			итого враждебных упоминаний	итого упоминаний	итого нейтральных упоминаний	итого враждебных упоминаний
1	2	3	4	5	5	7	8	9	10	11	12
персы	14	8	6	14	15	персы: 14	8	6	имеющие строй: 55	28	26
эфталиты	1	1	1	1		?					
скифы	21 ^{II}	9	11	22	25 ^{III}	скифы: 36	16	20			
унны	1		1			1					
гунны	1		1								
авары	10	6	4	10	14						
турки	4	1	3	4							
булгары	1	1		1	1	4	4	0			
аланы	3	3		3	3	(тоже скифы?)					
готы	3	2	1	3	см. скифы ^{IV}	4	3	1			
эрулы	1	1		1	1	(тоже блондины?)					
блондины	4	1	3	4	4	блондины: 6	1	5	анархичные: 17 (12)	2	15 (10)
франки	1		1	1	2						
лангобарды	1		1	1							
склавы	6	1	5	6	11 (6) ^V	склавы и анты: 11 (6)	1 (1)	10 (5)			
анты	5		5	5							

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
парфяне	1		1	1	6 (1) ^{VI}						
галлы	1		1	1							
испанцы	1		1	1		—	—	—	—	—	—
лигуры	1		1	1							
бритты	1		1	1							
германцы	1		1	1							

^I В данных трёх колонках все имеющиеся упоминания варварских народов объединены по четырём группам, по которым автор трактата характеризует в одиннадцатой книге этнические особенности противников империи.

^{II} Одно упоминание имени скифов, включенное в данное число, относится на самом деле не к кочевникам-скифам, а к готам, поэтому в следующих колонках оно не учтено.

^{III} Включая данные по готам. См. след. примеч.

^{IV} По формальным критериям готы в трактате относятся к группе скифов, поскольку в единственном месте, где они упомянуты вместе с другим этнонимом, говорится о скифских народах готов. Впрочем, это место скорее восходит к какому-то источнику, чем отражает взгляды составителя нашего трактата.

^V Склады и анты в трактате всегда упоминаются вместе в устойчивом словосочетании. Поэтому неясно, следует ли одно такое парное упоминание считать за два или же за одно, т. е. учитывать ли анты отдельно от складов. Цифры в скобках отражают подсчёты без отдельного учёта антов.

^{VI} Все шесть упоминаний содержатся в одном контексте.

трактата, посвящена значительная литература. Не оспаривая большинство наблюдений предшественников, отмечу лишь что, на мой взгляд, к первоначальному (основному) тексту XI книги относятся упоминания только персов, скифов и белобрысых. Глава же о склавах и антах была добавлена позже (Шувалов [2001]), примерно тогда же, когда были вставлены и упоминания аваров, тюрков, франков и лангобардов (см. ниже).

Итак, обычно анализируются либо данные одной XI книги, либо отдельные сведения о наиболее поздних народах, либо же проводится прямое сопоставление данных Псевдо-Маврикия с данными других источников. Попытаемся, однако, взглянуть шире и разобрать все случаи упоминания варварских народов в трактате в целом как единую систему (или как системы).

Неевропейские народы

Из африканских народов в трактате один раз упоминаются *мавры* в словосочетании «маврский дротик» (ἀκόντιον μικρὸς Μαυρίσκιον: XII, В, 20, 1). Из дальних (не соседящих с империей) народов один раз упомянуты *эфталиты* (в несколько странной форме: Νεφθαλίται) в контексте описания их битвы с шахом Перозом.

Упоминания *персов* в трактате заслуживают особого рассмотрения, и в первую очередь потому, что автор трактата явно отделяет их от остальных соседей и, судя по его тексту, относит их, как бы мы сказали, к цивилизованным народам. Персы сравнительно хорошо известны автору, при том, что он обнаруживает пробелы в знании отдельных деталей¹.

Остальные упоминаемые в трактате народы соседнили с Восточно-римским государством в Европе или на Кавказе.

Кочевые народы Севера

Общим названием для северных кочевников в трактате явно служит слово «скифы». К их числу, по мысли позднейшего редактора трактата («Маврикия»), явно принадлежат авары и тюрки. Определенным синонимом к слову «скифы» является редко встречающееся в трактате слово «гунны». Принадлежат ли упоминаемые в трактате болгары к «скифам», неясно.

Скифы

Скифы упоминаются в трактате более 20 раз. Это наиболее часто упоминаемый в нем варварский народ. Во-первых, им посвящена вто-

¹ Эта противоречивость отразилась и в тексте Дж. Уииты: в одном месте он указывает на хорошее знание автором персов (Wiita 1988: 109), в другом на плохое (Ibid.: 110). Последнее входит в противоречие с выдвинутым самим же Уиитой предположением об авторстве Филиппика, хорошо знавшего восточные дела.

рая глава XI книги. В ней скифы — типичные степные кочевники. Скифы характеризуются здесь как раздробленные на массу различных соперничающих племен и родов, каждое (каждый) из которых находится под управлением множества вождей (XI, 2, 1. 22 ln. 5. 75—76). Над всеми скифами явно нет никакого единого начальства. Это, несомненно, указывает на то, что данные скифы — не гунны времени Атилы и не авары периода первого каганата². Обычно считается, что основной темой этой главы является рассмотрение военного дела аваров и тюрок, однако, как будет более подробно показано ниже, упоминания аваров и тюрок в данной главе скорее всего являются более поздними интерполяциями. Эти два народа, как указывает Псевдо-Маврикий в предполагаемой мною более поздней вставке в текст этой главы, как раз не типичны (!) для скифов, в первую очередь, своей централизованностью. Следовательно, протагонистом второй главы XI книги являются не авары и тюрки, а скифы, отождествленные кем-то из последующих редакторов текста с уннами (см. ниже). В пользу этого говорит и периодическое желание автора трактата сравнить скифов с персами (VII B, 11[11a], 8 ln. 46; XI, 1, 13. 22 ln. 48. 82) или римлянами (VII B, 11[11a], 1 ln. 8), т. е. с основными эталонными своего рода героями трактата³. Таких же сравнений с персами для других народов трактата не засвидетельствовано. Поэтому, на мой взгляд, следует считать, что скифы трактата относятся к числу так сказать «больших» противников империи, наряду с персами и белобрысыми (см. ниже).

Скифы нашего трактата — это, несомненно, типичные кочевники с огромным количеством коней, в т. ч. пристяжных (VII A Pr. [1], 12 ln. 34; VII B, 11[11a], 8 ln. 46; IX, 5, 5 ln. 34; XI, 2, 9—10 ln. 31—37), обитающие на открытых пустынных пространствах (V, 4 ln. 6) и неожиданно атакующие своеобразным растянутым в ширину рассыпным строем лучников-пикинеров, в том числе и сразу же после поражения, и активно использующие засады и ложное бегство с последующим разворотом (II, 1, 11 ln. 47; IV, 2 ln. 1. 8; VI Pr. [1] ln. 17; 1[2] ln. 1. 2; VII A, 13[14], 1 ln. 4; VII B, 11[11a], 1 ln. 8; XI, 1, 13. 22 ln. 48. 82; 2, 5. 12. 15—17. 18—20 ln. 21—22. 40—42. 52—65. 66—70; XII D[10], 8. 33 ln. 104. 159). Единственный раз под скифами понимаются не степные народы, а готы времен скифских войн III в. (IV, 3, 2 ln. 30), — но и там повествуется об успешном притворном бегстве этих скифов и заманивании ими войска императора Деция в болото. И лишь одно место с трудом поддается комментированию — скифский способ наведения переправы (XI, 4, 17 ln. 77).

² На тот факт, что скифы Псевдо-Маврикия — это не совсем те авары конца VI в., которых мы знаем по другим источникам, указал также и Дж. Уиита (Wiita 1988: 167—168), однако он остался верен общепринятой идее отождествления этих двух народов.

³ Важно, что постоянное сравнение римлян, персов, скифов и белобрысых характерно для родственного нашему трактату текста т. н. фрагмента Мюллера (Müller 1880), называемого также *De militari scientia*.

Итак, под скифами наш автор имеет в виду каких-то типичных степных кочевников — скорее всего гунно-булгар периода после распада единого гуннского царства в 453—455 гг. после смерти Аттилы и до вторжения аваров в Альфельд в 568 г.

Гунны

Гунны упомянуты в трактате один раз под именем «гунны», другой раз — под именем «унны». Гунны (в форме: Οὐννικόν⁴) упомянуты во введении к книге, повествующей о том, какие вопросы стратегии должен обдумать полководец к началу битвы (VII A, Pr. [1], 12 ln. 34). Говоря о том, как надо заранее готовиться к встрече с тем или иным врагом, автор перечисляет народы различного качества, не называя их, однако, по имени (впрочем, иногда можно узнать за этим описанием конкретного соседа империи — см. в конце статьи). В середине этого описания содержится упоминание скифов или гуннов (Σκυθικόν ἢ Οὐννικόν) и рекомендация нападать на них в феврале или марте, когда их кони ослаблены, и сражаться с ними как с лучниками, т. е., видимо (ср. выше по тексту источника о лучниках — ln. 33), рекомендуется побыстрее вступить в рукопашную на открытом месте. Выделение в этом в остальном «анонимном» перечне народов лишь «гуннов или скифов» под своим собственным именем связано, скорее всего, с особой формой зимнего содержания кочевниками скота на подножном корму — явлением, чуждым другим соседям империи. Тем не менее, любопытно, что только скифы заслужили персонального упоминания в этом месте трактата.

Тот же самый народ гуннов, но под другим этнонимом (унны — с мягким придыханием: Οὐννικοῖς⁵), упомянут в заглавии ко второй главе XI книги (XI, 2, рiнах ln. 2). Скорее всего, унны здесь добавлены к заглавию позже и до этого оно имело стандартную для XI книги форму. Можно предположить следующее развитие формы заголовка данной главы. Изначальный вариант названия «Как надо проспосабливаться к скифам» (Πῶς δεῖ Σκυθαῖς ἀρμόζεσθαι) был дополнен вскоре пояснением «т. е. уннским народам» τοῦτέστιν Οὐννικοῖς ἔθνεσιν, смысл которого сводится к мысли, что все Σκυθαῖς суть Οὐννοι. Кстати, показательно, что это дополнение так и не попало в соответствующий заголовок в начале книги и в начале трактата.

Итак, с одной стороны, в гипархетипе (и соответственно, скорее всего в архетипе) присутствовали в книгах VII A и XI два разных варианта этнонима, которые, несомненно, были внесены в текст разными лицами. С другой стороны, между этими же двумя частями тракта-

⁴ Таковую форму с густым придыханием дают все использованные издателями рукописи: MVNPLp, так что несомненно, что такая же форма была и в гипархетипе β.

⁵ Издатели не дают к этой форме никаких разночтений: имеющиеся рукописи MVNPA дают одно и то же чтение, которое, следовательно, было и в гипархетипе β.

та установлена достоверная связь («скифы»), свидетельствующая о принадлежности их одному автору или об использовании текста трех глав XI книги автором VII книги. Гунны в названии XI книги — скорее всего интерполяция. Предположить же, что упоминание гуннов в VII книге принадлежит самому автору, трудно: из 21 (!) случая упоминания скифов в трактате только эти два имеют дополнение с указанием на гуннов. Объяснить это каким-нибудь отличием контекста мне не удалось. Следовательно, скорее всего и тот и другой случаи упоминания гуннов — случайны, т. е. не исключено, что это позднеантичные глоссы, интерполированные в изначальный текст. Следовательно, первоначальный текст ничего не знал о гуннах, но описывал лишь скифов.

Булгары

Булгары упомянуты в трактате только один раз и то «отрицательно» — при описании одежды пехотинца: «А пояса — простые, и плащи (σαῦρα) не болгарские» (XII В [8], 1, 3 ln. 8). Текст этот — явно неотъемлемая часть трактата о пехотных порядках, составившего вторую часть последней книги трактата Псевдо-Маврикия (XII В).

Авары

Народ аваров, с которым империя познакомилась только в 552 г., упомянут в трактате 10 раз. Первые 5 упоминаний содержатся в главе, посвященной вооружению и оснащению кавалериста (I, 2, 2 [дважды]. 6. 8. 10 ln. 19. 20. 38. 47. 61). Все эти упоминания построены по одной модели — «по образу аваров» (πρὸς/κατὰ τὸ σῆμα τῶν Ἀβάρων). Везде в этих местах речь идет об оснащении кавалериста: он должен иметь аварские пики, аварское защитное вооружение себе на шею и на своем коне, аварскую одежду и аварскую палатку. Эти места являются неотъемлемой частью описания (I, 1; 2) тренировки, вооружения и оснащения новой конницы, т. е. конницы аварского образца. Обе эти главы (I, 1; 2), возможно, принадлежат автору последней четверти VI—начала VII в. Обе главы выглядят несколько странно в начале трактата, тем более что после них следуют по сути своей вводные главы о воинских рангах и частях вообще (I, 3; 4; 5) и военно-дисциплинарный устав (I, 6—8). Во всяком случае, не исключено, что текст I, 1—2, с одной стороны, и ядро следующего за ним текста I, 3—5, а также текст I, 6—8 и основной текст книг II и III, с другой стороны, принадлежат различным авторам⁶.

⁶ В пользу этого говорят отдельные несостыковки по сути и противоречия между этими частями трактата, привести их здесь целиком у меня нет возможности. Например, гл. I, 1—2 опережают последующие гл. I, 3—5 по употреблению терминов, определение которым дается только в гл. I, 3—5. Кроме того, в гл. I, 1—2 все всадники вооружены и пикой и луком по аварскому образцу, а в книгах II—III они же вооружены либо пикой со щитом, либо луком, в зависимости от ранга и функции.

Шестое упоминание содержится в главе, посвященной построению войска в две линии (II, 1, 6). Автор трактата в этом месте доказывает безусловное преимущество построения войска в несколько линий. Авары упомянуты здесь в контексте, позволяющем предположить позднейшую интерполяцию (даю предположительно интерполированный текст In. 20—27 в фигурных скобках): *«Поэтому и древние строили (войско) в зависимости от надобности мобильными отрядами или же по различным дивизиям и полкам {так же, как сейчас авары и турки строятся... Ведь они выстраиваются не одним построением, как римляне и персы... но второе... и третье построение делают, выделяя (стоящих) позади, в особенности тогда, когда они многочисленны и легко предпринимают различные нападения.} Мы считаем, что за построением всего войска в одном порядке, в особенности пикинеров, следует много сложностей. Случается ведь, когда при большой массе войска оно растянуто на большом... расстоянии, (войско) оказывается неравномерно (расставленным) и не подчиняющимся из-за величины построения...»*⁷ Действительно, в тексте до и после этого отрывка речь идет о том, что войско надо делить на отдельные части, чтобы в случае растягивания построения каждая из отдельных частей была бы автономна. Во вставке же речь идет несколько о другом — о построении в две или три линии. Текст без вставки читается легче⁸.

Седьмое упоминание об аварах содержится в IX книге (IX, 2, 3) в главе, посвященной ночным нападениям. При этом действия кагана аваров приведены здесь в качестве примера ночного нападения. Не исключено, что и это упоминание — последующая интерполяция. Общая структура текста такова: *«Ночные нападения бывают различные в зависимости от полководца. Одни ведь... как сделал Лусий, полководец римлян при Траяне. Другие... притворившись, что боятся противника...: {как поступил каган аваров под Гераклеей с римскими кавалеристами, расположившимися не в лагере безопасно вместе с пехотой, но снаружи без стражи.} Другие же...»*⁹ Подобная же кон-

⁷ Διὸ καὶ οἱ ἀρχαῖοι... εἰς δροῦγγους ἤτοι μέρη καὶ μοίρας διαφόρους πρὸς τὴν χρεῖαν ἔτασσον, {καθὼς νῦν Ἀβάρεις καὶ Τοῦρκοι τάσσονται... Οὐδε γὰρ ἐπὶ μιᾷς μόνης παρατάξεως ἐκτάσσονται, ὡς Ῥωμαῖοι καὶ Πέρσαι... ἀλλὰ δεύτεραν... καὶ τρίτην, κατ'οὐρανὸν διηρημένως τὰς τάξεις ποιοῦσιν, ὡταν μάλιστα ἐν πλήθει τυγχάνουσιν καὶ πρὸς διαφόρους ἐπελεύσεις εὐκόλως ἐγχειλοῦσιν.} <Τῷ> γὰρ ἐπὶ μιᾷς τάξεως τὸν πάντα στρατὸν γίνεσθαι, καὶ κατ'ἐξαίρετον κοντάτους, λογιζόμεθα πολλὰ ἐναντία ἐπακολουθεῖν. Συνβαίνει γὰρ πλήθος στρατοῦ ὄντος τούτου ἐπὶ πολὺ διάστημα... ἐκτεινομένου... ἄνισον καὶ ἀπειθῆ εὐρίσκεται ὡς μακρὰν τὴν τάξιν... (II, 1, 6—8 In. 19—29).

⁸ Впрочем, однако, нельзя не отметить, что далее текст главы (как и ее заглавие) посвящен теме построения войска в две линии.

⁹ Νυκτεριναὶ ἔφοδοι παρὰ τῶν στρατηγῶν γεγόνασιν. Οἱ μὲν... ὡπερ ἐποίησε Λούσιος ὁ στρατηγὸς Ῥωμαίων ἐπὶ Τραϊνοῦ. ἄλλοι... σχηματισάμενοι φοβεῖσθαι τοὺς ἐναντίους... {ὡπερ ἐποίησεν ὁ χαγὰν Ἀβάρων εἰς τὰ περὶ Ἡράκλειαν τοῖς Ῥωμαῖοις καβαλλαρίοις, μὴ ἀνασχομένοις ἐν φοσσάτ ἀσφαλῶς μετὰ τῶν πεζῶν ἀπληκεύειν, ἀλλ'ἔξωθεν ἀφυλάκτως.} Ἔτεροι... (IX, 2, 1—4 In. 2—14).

струкция (Одни... другие... другие же...) имеется и в предыдущей главе (IX, 1, 4—10 ln. 16—32), однако там нет никаких примеров («что/как сделал...»). Может быть, в начальном тексте не было примера с аварами: он не совсем подходит здесь по теме (потребовалось даже пояснение «римскими... без стражи»).

Еще три упоминания аваров содержатся в XI книге в главе о военном деле скифских народов (XI, 2, рiпах. 1. 3). Первое из этих упоминаний — упоминание аваров в заглавии — нарушает структуру заглавия и, несомненно, представляется поздней интерполяцией: «*Как следует подлаживаться к скифам, то есть к аварам и тюркам и другим уннским народам одинакового с ними образа жизни*»¹⁰ Второе и третье упоминания содержатся в начале текста главы в своеобразном отступлении от основной темы с нарушением жесткого порядка вопроса, по которому построено изложение этой и соседних глав: «*Скифские народы — (народы) одного образа жизни и порядка, они управляются многими (вождями) и праздные. {Только (народы) тюрков и аваров заботятся о военном порядке... Эти ведь, как управляемые одним (вождем)...} Они выдерживают жару и холод и другой недостаток необходимого...*»¹¹ Весьма вероятно, что текст, заключенный мною в фигурные скобки, является позднейшей вставкой в изначальный текст. Действительно:

суть этого отрывка (§ 1: только тюрки и авары беспокоятся о боевом строе; § 2: а еще тюрки многочисленны и свободны и воинственны; § 3: авары же — негоднейший, лукавый и опытнейший в войне народ под властью одного правителя, управляется страхом, а не любовью) не соответствует тексту до и после него: «сильные стороны национального характера всех скифов», а не тактика и численность только какой-то одной их части;

стиль этого отрывка совершенно отличен от стиля остального текста и текста других глав. Лексика также отличается, например, кроме как здесь, для передачи понятия «рукопашный бой» выражение *κατὰ συστάδην μάχην* употреблено в трактате только¹² один раз (XI, 4, 12) в тексте, имеющем явные следы переработки последним составителем трактата;

¹⁰ Πῶς δεῖ Σκύθαις ἀρμόζεσθαι, τοῦτέστιν Ἀβάροις καὶ Τοῦρκοῖς καὶ λοιποῖς ὁμοδαίτοις αὐτῶν Οὐννικοῖς ἔθνεσιν (XI, 2, рiпах ln. 1—3). Этот вариант названия главы кажется весьма нелогичным: сначала говорится, что речь пойдет о всех скифских народах, затем — что скифские народы суть то же самое (тоῦτέστιν), что авары и турки, и наконец — что речь пойдет также и о других народах из числа гуннских, которые, судя по всему, стоит приравнять к скифам.

¹¹ Τὰ Σκυθικὰ ἔθνη μιᾶς εἰσίν... ἀναστροφῆς τε καὶ τάξεως πολύαρχα τε καὶ ἀπράγμονα. {Μόνα δὲ τὰ τῶν Τοῦρκων καὶ Ἀβάρων φροντίζουσι τάξεως πολεμικῆς... Ταῦτα τοίνυν, ὡς μοναρχούμενα...} Ἀνέχονται δὲ καύσωνος καὶ ψύχους καὶ τῆς λοιπῆς τῶν ἀναγκαίων ἐνδείας... (XI, 2, 1—3 ln. 4—16).

¹² Mihăescu 1970: 406, s. v. συστάδην.

ни в одной другой главе данной книги нет характеристик какого-либо отдельного народа описываемой группы, в особенности столь негативных и попросту ругательных, как в этом отрывке об аvaraх;

начиная с середины § 3, со слов «они выдерживают жару» (ἀνέχονται δὲ καύσοντος), текст снова явно возвращается к описанию всех скифских народов и нигде более уже ни аvaraы, ни тюрки не упоминаются;

выше нашего отрывка говорится, что все (!) гуннские народы *едины в отношении порядков и образа жизни, будучи управляемы многими вождями и будучи ленивы*, и прямо вслед за этими словами наш отрывок начинается утверждением, что только вот тюрки и аvaraы не такие (*беспокоятся о военном строе, единоначальны*), — т. е. фактически второе отрицает первое. Здесь любопытно отметить, что Дж. Т. Деннис, переводя текст¹³, видимо, заметил эту несостыковку и, видимо невольно, подвел перевод под желаемое, кардинально изменив его смысл: слова μιᾶς ἐστίν... ἀναστροφῆς τε καὶ τάξεως πολυάρχᾳ τε καὶ ἀπράμονα он переводит как «are one... in their mode of life and in their organization, which is primitive and includes many peoples» (!!! — П. Ш.).

Итак, из 10 упоминаний об аvaraх безусловно не являются поздними интерполяциями только первые 5, расположенные все практически в одном месте I книги, сам текст которой скорее всего более поздний, чем основная часть трактата. Следовательно, по упоминаниям аvaraов можно датировать только первую книгу (или ее часть?) и последнюю (?) редакцию трактата, но не составление основного текста. Сам же первоначальный текст трактата не имел упоминаний ни о тюрках, ни об аvaraх.

Тюрки

Все упоминания о тюрках параллельны упоминаниям аvaraов (II и XI книги), и поэтому к тюркам относится все вышесказанное об аvaraх в соответствующих местах.

Германские народы

Общим названием для германских народов в трактате, судя по всему, является словосочетание τὰ ξανθὰ ἔθνη, которое я перевожу как «белобрысые/белокурые народы», «блондины». По крайней мере, по мысли позднего редактора трактата, к ним относятся лангобарды и франки. Относятся ли к ним также готы и эрулы, упоминаемые в трактате, неясно.

Белобрысые народы (блондины)

Белобрысые народы, или блондины, упоминаются в трактате четыре раза: два раза в третьей главе XI книги (см. ниже и раздел о фран-

¹³ Dennis 1984: 116.

ках и лангобардах) и по одному разу в III и IV книгах. В III книге блондины упомянуты в главе о тренировке эскадрона (III, 5, 6 ln. 32): при определенном маневре младшие командиры, прикрывая щитом свою голову и шею лошади, должны держать копье на плече на манер белобрысых народов (...καὶ τοὺς κοῦτοὺς ἀναβασταζόντων (sc. δεκαρχῶν κτλ.) ἐπὶ τοὺς ὤμους, ὡς τὰ ξανθὰ ἔθνη...).

В IV книге блондины упомянуты в конце главы о засадах против превосходящего по силам врага (IV, 1, 3 ln. 17): засады во время боя полезно использовать против белобрысых и других беспорядочных народов (...ἄλλερ ἐστὶ χρήσιμον κατὰ τῶν ξανθῶν καὶ ἄλλων ἀτάκτων ἔθνῶν). Любопытно, что здесь блондины выступают как классический пример народа, не имеющего строгого боевого порядка. В то же время в XI книге, посвященной именно разбору особенностей военного дела различных народов, в качестве такого народа выступают скорее славяне, чем блондины, хотя, впрочем, и последние охарактеризованы как «беспорядочные». Но в любом случае интересно, что о склавах и антах в процитированном месте из IV книги речи нет: в лучшем случае, они могли лишь подразумеваться. Значит, либо автор этого отрывка еще не знал или не выделял славян, либо же последующий редактор заменил упоминание о них на слова «и других...». Следовательно, так или иначе текст этого отрывка был создан во всяком случае еще до того, как славяне стали серьезно угрожать границам империи, т. е. до начала в 545 г. забалканских рейдов склавинов (Шувалов 1998: 13).

Блондинам посвящена, кроме того, третья, самая маленькая глава XI книги. Там белобрысые неустрашимы в битве, больше любят пеший строй, чем конный, хотя сражаются и в конном бою, разделены на различные роды и в бою действуют по законам родовой чести. Любопытно, что в этой главе ничего не говорится о восточных германцах (τὰ Γοτθικὰ ἔθνη), столь излюбленном общем обозначении германских соседей империи у авторов второй половины VI в., например у Прокопия Кесарийского, у которого оно включало, по крайней мере, остготов, вестготов, вандалов, гепидов (Proc. Bell. III, 2, 2). Видимо, под блондинами здесь подразумеваются вообще германские народы, а не только восточные германцы, т. е. также и малые германские народы Среднего Подунавья и германцы заальпийских территорий (франки, аламанны, свевы, тюринги, саксы)¹⁴.

¹⁴ Впрочем, теоретически не исключено, что здесь негласно противопоставлены таким образом западные и северные («блондины») германцы германцам восточным («готам»), и это противопоставление относится ко времени уже после падения остготского королевства, когда границы империи вплотную подошли к местам расселения западных германцев. В таком случае весь текст следовало бы датировать второй половиной VI в. Но это, как мне представляется, противоречит данным всего анализа текста XI книги.

Готы

Один раз готы упомянуты в словосочетании «скифские народы готов» (Σκυθικὰ τῶν Γότθων ἔθνη — IV, 3, 2 ln. 30) в контексте описания битвы с ними императора Деция во Фракии. Это явная цитата из более раннего источника, в котором для готов использовалось обозначение «скифы»: такое употребление этих этнонимов нигде в трактате более не засвидетельствовано. Другой раз (XII В [8], 1, 1. 2 ln. 2. 3) при описании снаряжения римского пехотинца упомянуты готские рубахи (ζωστάρια) и готская обувь (ὑποδήματα).

Судя по этим упоминаниям, готы никоим образом не мыслились автором трактата современными ему противниками империи. Наоборот, готы выглядят скорее уже инкорпорированными в римскую военную систему. Следовательно, возникает впечатление, что опыт войн Юстиниана против готов в Италии в 535—553 гг. не был актуален для автора этих отрывков, а это означает, скорее всего, что текст данных отрывков создавался либо до середины 30-х гг., либо же после 50-х гг. VI в., когда опыт италийских войн уже отошел на второй план.

Эрулы

Эрулы (герулы) упомянуты при описании вооружения римского пешего щитоносца (XII В [8], 4 ln. 3) в словосочетании «эрульские длинные мечи» (σπαθία).

Не стоит предполагать, как это делают некоторые исследователи, что это упоминание однозначно указывает на время написания текста: дескать, такое заимствование могло произойти только после того, как эрулы были приняты в качестве федератов императором Анастасием. Дело в том, что заимствование перспективных форм оружия происходит чрезвычайно быстро. Следовательно, и наш отрывок оказывается не столь узкодатированным.

Франки и лангобарды

Эти народы упоминаются в тексте трактата только в XI книге по одному разу и только в названии главы о белобрысых народах (XI, 3 ln. 1. 2); «*Как следует подлаживаться к белобрысым народам, {как то к франкам и лангобардам и другим одинакового с ними образа жизни}*»¹⁵. Далее в тексте главы речь идет только о белобрысых наро-

¹⁵ Πῶς δεῖ ἀρμόζεσθαι τοῖς ξανθοῖς ἔθνεσιν, {οἷον Φράγγοις, Λαγγοβάρδοις καὶ λοιποῖς ὀμοδαίτοις αὐτῶν}. Стилистически данный заголовок выглядит несколько странным: сначала говорится, что речь идет о всех блондинах, затем — что главные блондины суть франки и лангобарды, а в конце — что есть еще и другие блондины такого же образа жизни. Предположить же, что речь идет о других не-блондинах, трудно, так как непонятно, кто бы это мог быть с точки зрения автора трактата. Действительно, ведь все такого же образа жизни и есть блондины.

дах (XI, 3, 1 ln. 3). Представляется разумным предположить, что текст «как то франкам и лангобардам» (οἷον Φράγγοις «καί» Λαυυοβάρδοις) был добавлен к первоначальному тексту тогда, когда серьезными противниками империи из числа некогда многочисленных германских «белобрысых» народов (из этих «блондинов» во второй половине V—первой трети VI в. ближайшими соседями империи были вандалы, остготы, гепиды, эрулы, скиры, руги, свевы в Паннонии, остатки готов на Балканах и на Нижнем Дунае) остались лишь лангобарды после переселения в Италию и франки после столкновения с ними армии Нарзеса в конце готских войн. Слова же «и другим одинакового с ними образа жизни» (καί λοιποῖς ὁμοεικίτοις αὐτῶν) могли быть прибавлены позже самим автором или последующим редактором (может быть, в качестве глоссы?), сообразившим, что кроме лангобардов и франков есть еще и другие, например аламанны, бавары, вестготы, свевы в Испании. Отсюда та стилистическая нелепость, которая возникла в названии главы. В результате в заголовке к третьей главе франки и лангобарды стали единственными и как бы наиболее типичными представителями белобрысых народов во всем тексте трактата.

С лангобардами восточноримские военные были хорошо знакомы еще со времени готских войн, когда лангобарды, получив от Юстиниана утверждение захвата ими Паннонии, становятся союзниками империи. Однако серьезные военные действия империи с этими варварами относятся лишь к 569 г., так что вряд ли указанное место трактата с упоминанием лангобардов может датироваться периодом до 60-х гг.

С франками как военными противниками восточная армия столкнулась всерьез только во время юстиниановских войн с готским королевством преемников Теодориха Великого. Тогда франки во главе с королем Теодебертом вторглись в Италию летом 539 г. и тут же обратили в бегство восточноримское войско в битве под Тицином, поразив тела и дух врага своими метательными топорами — францисками (*Proc. Bell.* VI, 25, 2—16). Спустя более десяти лет они снова вторглись в Италию, но были наголову разбиты восточноримским войском в битве при Касулине в 554 г. — это было одно из эпохальных сражений юстиниановской эпохи. При этом восточноримский полководец Нарзес применил классическую тактику охвата конными лучниками пешего клина противника (*Agath.* II, 8—9). Характерно для франков этого времени полное отсутствие конницы как рода войск. В тексте же анализируемой главы нашего трактата мы ничего напоминающего эти события в Италии не находим: в трактате нет ни пешеходных клиньев франков, ни их тактики метательных топоров¹⁶. Наоборот, белобрысые народы с удовольствием сражаются и в конном, и в пешем бою (XI, 3, 1. 3. 4. 6. 7. 11 ln. 7. 8. 11—12. 13. 19. 23. 29), правда, при этом конный бой им менее удобен, судя по всему; они пренебрегают строем (τάξιως

¹⁶ На это совершенно не обратил внимания Дж. Уиита (*Wiita* 1988: 211—214, 219—220), из-за чего его выводы по белобрысым оказались некорректными.

περιφροῦσι — XI, 3, 7 ln. 22); оружие их состоит из щитов, пик и мечей (XI, 3, 2 ln. 10—11). Из всего этого следует вывод, что третья глава посвящена описанию не франков, а других народов. Скорее всего, это и не лангобарды, т. к. их имя стоит после франков. Следовательно, в главе описано военное дело каких-то других белобрысых народов. Имена же франков и лангобардов были добавлены туда позднее, скорее всего, после событий 569 г.

Итак, упоминания лангобардов и франков в трактате скорее всего являются более поздними интерполяциями. Соответственно они могут лишь указывать на время одной из поздних редакций XI книги и не относятся к основному этнонимичному слою трактата.

Славяне

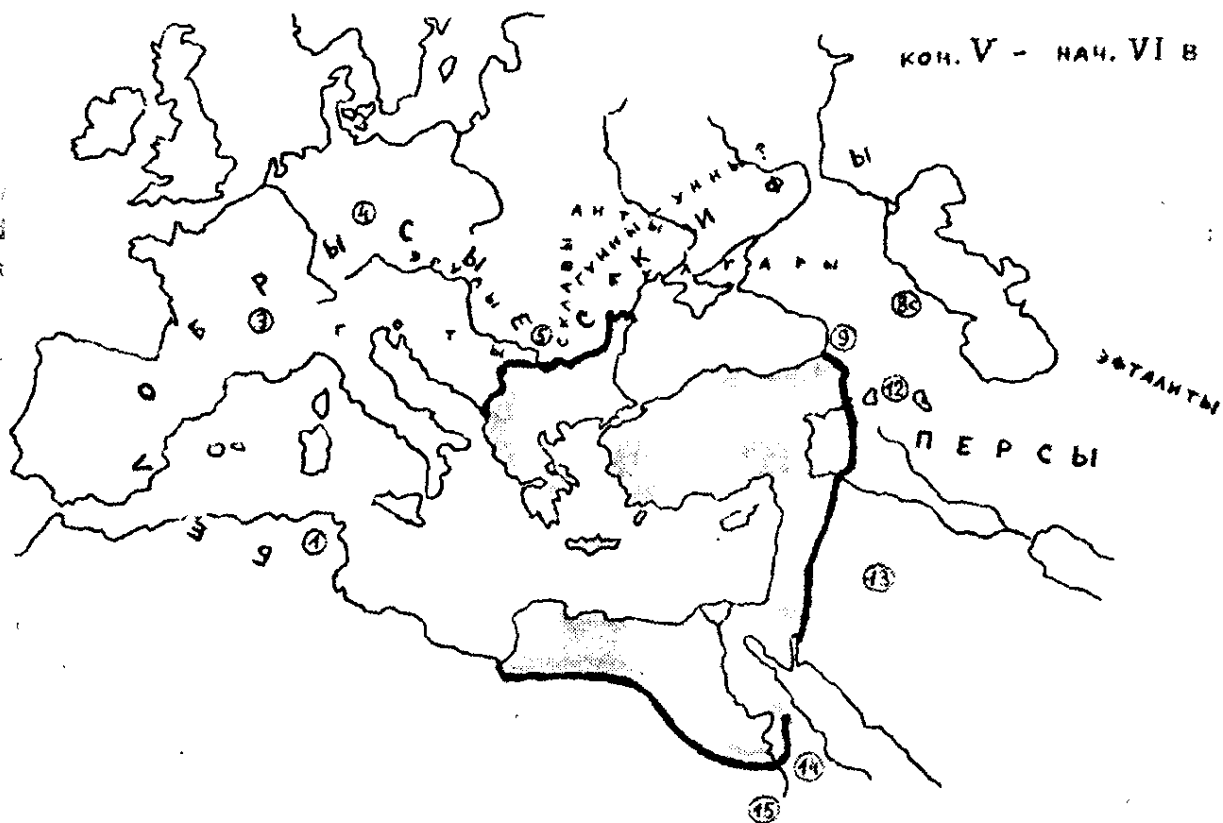
Упоминаниям славян в тексте трактата Псевдо-Маврикия я планирую посвятить специальное исследование. Здесь же следует лишь отметить, что по результатам предварительного исследования главы XI, 4, посвященной славянам, я пришел к выводу, что ее текст был написан другим автором, нежели текст трех других глав той же книги (XI, 1—3), посвященных персам, скифам и белобрысым. Присоединение же текста XI, 4 к тексту XI книги было осуществлено третьим лицом. Другие упоминания славян в трактате также, скорее всего, являются более поздними вставками в изначальный текст.

Общее сравнение всех упоминаемых народов: этнокарта трактата

В трактате, к сожалению, мало мест, где бы имелось развернутое сравнительное описание соседних с империей народов. Часть из них — простые сравнения в тексте XI книги по модели «не так/так же, как N».

Кроме того, во введении к XI книге есть разделение народов по их особенностям: «одни действуют (σπαρτηροῦνται) на войне более мужеством и устремленностью (θυμῶ) из-за переизбытка отважности (διὰ θράσους ἀμετρίαν), другие же нападают на врагов с разумением и порядком (συνέσει καὶ τάξει)». Из последующих глав той же книги с очевидностью вытекает, что под первыми в этом тексте имеются в виду белобрысые (XI, 3), а под вторыми — персы (XI, 1) и скифы (XI, 2). Анты же со склавинами (XI, 4) оказываются ближе к первым, однако не полностью схожи с ними. Следовательно, устойчивое разделение народов на «безрассудных» и «организованных» характерно для основного текста трактата и является как бы разделением высшего таксономического уровня, за которым следуют все остальные типы и классы народов.

Еще одно место в трактате заслуживает особого внимания: это перечисление враждебных империи народов в зависимости от их

Карта 2. Соседние с Римской империей народы в V—нач. VI в.

Пояснения к картам 2—4. Заливкой с жирной границей показана территория империи на соответствующий временной момент. Народы, упоминаемые в трактате, надписаны. Народы, не упоминаемые в трактате, даны цифрами в кружочках (см. список ниже). Из неназванных в трактате народов обозначены на соответствующей карте только те, которые в это время представляли какую-то серьезную политическую, не союзную империи силу

Народы, не упомянутые в трактате Псевдо-Маврикия:

1 — вандалы; 2 — вестготы; 3 — бургунды; 4 — тюринги; 5 — гепиды; 6 — аламанны; 7 — бавары; 8: а — кутригуры, в — утигуры, с — савиры; 9 — лазы; 10 — иберы; 11 — албаны; 12 — армяне; 13 — арабы (гассаниды, лахмиды и пр.); 14 — блеммии; 15 — нобаты

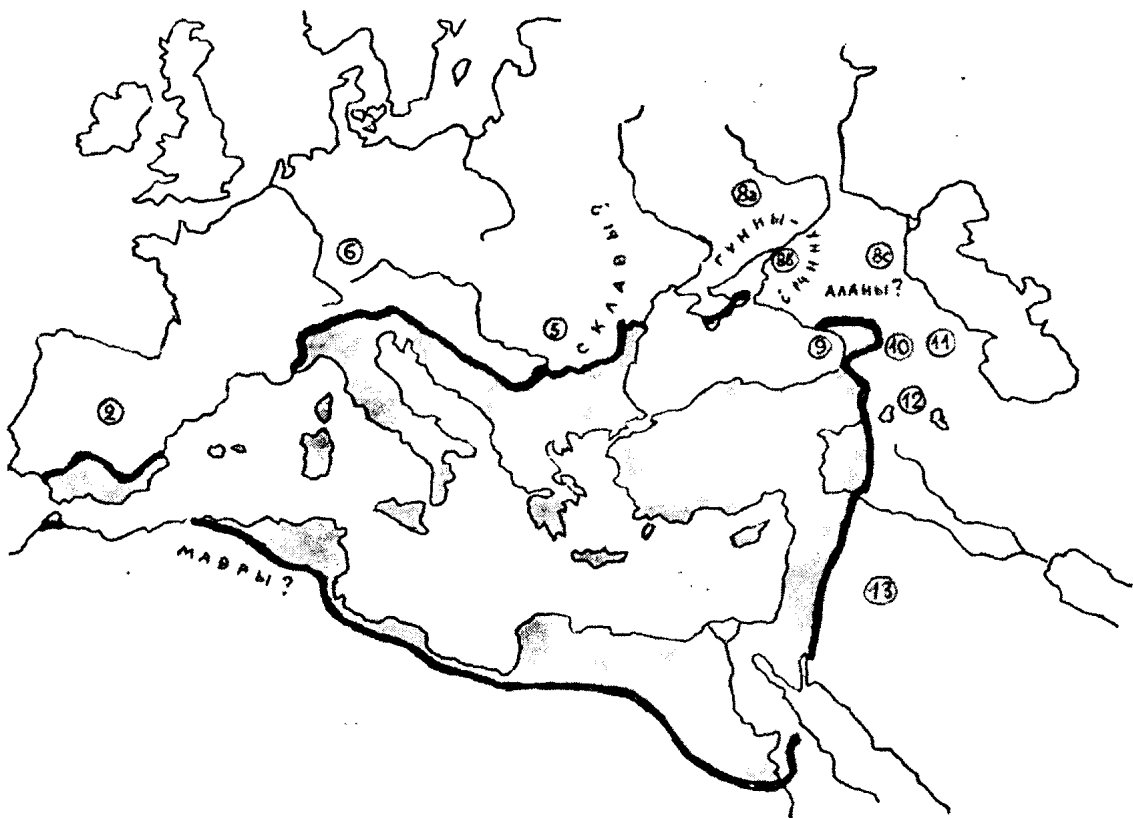
конкретных военных особенностей. К сожалению, за исключением одного случая, все пункты этого перечисления лишены отсылок к конкретным народам, но кое-что возможно прочесть между строк, используя другие места того же трактата. Итак, это перечисление (VII A, Pr. [1], 8—15 ln. 29—44):

1) войско, состоящее из различных народов (§ 8 ln. 29—30), — ср. ослабление скифов от бегства их подданных (XI, 2, 22 ln. 75—78);

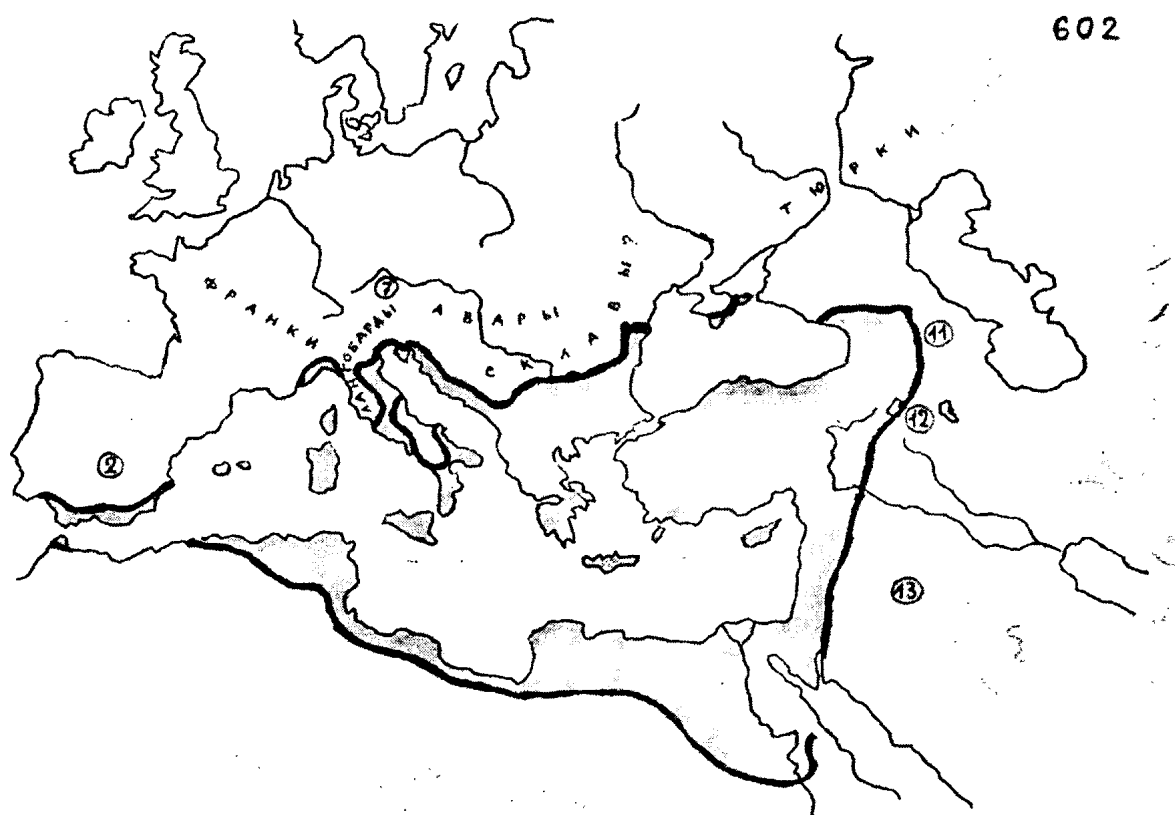
2) враги, имеющие различные меж собой взгляды (§ 9 ln. 31—32), — ср. сходное место о славянах, но в других словах и с более конкретными целями (XI, 4, 30 ln. 128—131), и другое место также в другом контексте (XI, 4, 14 ln. 65—68); впрочем то же, скорее всего, автор предполагает и для скифов;

3) копьеносный народ (κοῦτάτων — § 10 ln. 32—33) — это скорее всего белобрысы в случае конного сражения (см.: XI, 3, 11 ln. 29—30);

4) лучники (τοξόται — § 11 ln. 33—34) — это скорее всего персы (см.: XI, 1 ln. 15—17);

Карта 3. Соседние с Римской империей народы около 565 г.

Карта 4. Соседние с Римской империей народы около 602 г.

5) скифский или гуннский народ (§ 12 ln. 34—36) — см. выше;

6) враг, передвигающийся или становящийся лагерем без должной охраны (§ 13 ln. 37—38), — это могут быть скифы (см.: XI, 2, 11 ln. 38—39) и белобрысы (см.: XI, 3, 14 ln. 34—35);

7) народ, отважно и беспорядочно нападающий и неспособный выдерживать трудности (§ 14 ln. 38—42), — это точно белобрысы (см.: XI, 3 *passim*);

8) враг, сильный массой пехоты (§ 15 ln. 42—44), — может быть, это славяне (?), однако прямого соответствия нет (ср.: XI, 4, 15—16 ln. 70—73).

Обращает на себя внимание почти полное соответствие описания белобрысых народов в XI книге и здесь (VII A Pr. [1], 12 ln. 34 — см. выше под № 6): это свидетельствует либо о знакомстве автора данного текста с третьей главой XI книги, либо же о написании обоих текстов одним и тем же автором. То же можно предположить, но с меньшей достоверностью, и по отношению к главам 1 и 2 той же книги (персы и скифы — ln. 29—30). В отношении же главы 4 (склавы и анты) такого убедительного соответствия нет: видимо, ее писал другой автор и ее текст не использовался при написании текста введения к книге VII A.

Следует также поставить вопрос о так называемых «больших» народах в трактате — «персах», «скифах» и «блондинах», ясно, что это не конкретные народы, но собирательные своего рода эталонные образы, объединяющие различные народы. Любопытно, что в трактате не существует подобного же «большого» названия для склавов и антов, хотя и они удостоились отдельной главы в XI книге — наравне (!) с персами, скифами и блондинами. В результате эти два претендующих на родство народа на протяжении всего трактата так и «ходят парочкой». Что-то сходное происходит и с аварами и турками, для упоминания которых автор явно не согласен использовать простой образ большого народа «скифов»: видимо, скифы не были для него тождественны аварам и туркам, которые отличались какими-то особыми чертами (монархичностью и пр.). Важно, что те же большие народы присутствуют и в мюллеровском фрагменте.

Интересные результаты дает количественный анализ (см. табл. 1—2). Наиболее часто (с отрывом в два раза!) из отдельных народов в трактате упоминаются скифы, на втором месте идут персы, на третьем — авары, на четвертом — склавы, анты, блондины, турки, готы и аланы. Если же сравнить текстовые группы народов, то видно, что первое место по-прежнему с отрывом в два раза занимают скифы, второе — авары с турками и персы, третье — славяне и блондины. По группам XI книги нашего трактата: на первом месте (с отрывом в два с половиной раза!) — опять же скифские народы, второе место — персы, а за ними более или менее в одинаковом соотношении следуют блондины и славяне. Итак, первое место с существенным отрывом уверенно занимают скифы. Второе место (с небольшим отрывом) делят персы и авары, третье — блондины и склавы с антами. Если же не

учитывать возможные более поздние интерполяции, то из этого списка победителей выбывают авары и славяне, в остальном же распределение мест сохраняется.

Однако важно учитывать тот факт, что не все упоминания этих народов связаны с образом народа-врага: часть из них подразумевают мирные отношения и отношения сотрудничества или влияния в военной сфере. Поэтому представленная выше градация отражает градацию по степени известности авторам трактата не врагов империи, а просто соседних народов. Если же взять только упоминания народов как врагов, то картина получается несколько иная: на первом месте по-прежнему скифы, на втором — персы, склавы, анты, авары и блондины. Интересно, что часть народов упоминается в трактате только в «мирном» или нейтральном контексте (аланы, болгары, эрулы, эфталиты), часть — чаще в мирном, чем в военном (персы, авары, готы), часть — чаще во враждебном контексте (турки, блондины, склавы, скифы), а часть — исключительно во враждебном контексте (анты, гунны, франки, лангобарды и др.). Если из этого списка исключить единичные упоминания (и отдельно — ниже дано в скобках — учесть народы, упомянутые в более поздних частях трактата), то получится, что аланы автором трактата уже никоим образом не представлялись современным автору врагом, так же как, видимо, и готы. Персы (и авары), а также скифы были заслуживающим внимания и подражания врагом. Остальные народы не заслуживали, с точки зрения автора трактата, серьезного отношения — у них практически нечего было перенимать (это блондины, а также более поздние тюрки, склавы, анты, гунны). Итак, видно, что основными врагами автору трактата мыслились персы, скифы и блондины (и для позднего этапа — склавы, анты и авары).

Если же учесть, что народы самим автором трактата явно объединяются в группы (например, франки и лангобарды — это часть белобрысых), то картина окажется еще более сдвинутой в пользу скифов (см. табл. 2). Ну а если сравнить те же данные, «насиленно» распределив все мелкие народы между четырьмя группами, фигурирующими в XI книге трактата, т. е. между персами, скифами, блондинами, склавами и антами (например, принять, что готы — это часть блондинов), то получается, что скифские народы в таком широком смысле упоминаются чаще, чем все другие народы, вместе взятые.

Итак, ясно, что среди упоминаемых автором трактата народов наиболее часто упоминаются скифы, при этом они делят первое место с персами по «мирным» упоминаниям и безусловно лидируют по числу «враждебных» упоминаний, уступая первое место по относительной враждебности (по соотношению мирных и враждебных упоминаний) блондинам и склавам. Любопытно, что враждебность и «мирность» прямо коррелирует с анархичностью и любовью к порядку: те народы, которые характеризуются в трактате как анархичные и не

имеющие строя, воспринимаются автором трактата как более враждебные.

Упоминания различных народов рассредоточены практически по всем книгам трактата, но при этом одни книги более «этнографичны», другие менее (см. табл. 1). Если учитывать размер книг, то можно сказать, что наиболее «этнографичны» оказываются книги IV (о засадах), VI (о кавалерийских упражнениях) и XI (о врагах). Наименее «этнографичны» — введение, книги III (строевая кавалерийская подготовка), X (укрепления и оборона) и XII A (смешанные порядки). К книгам «средней этнографичности» принадлежат I (основы организации, вооружение кавалерии и дисциплинарный устав), II (основы кавалерийской тактики), V (обоз), VII A (стратегия до боя), VII B (стратегия в день боя), VIII (советы полководцу), IX (виды нападения), XII B (пеший порядок) и XII D (охота). Здесь следует отметить, что такое распределение книг в принципе не вызывает большого удивления, но отдельные моменты заслуживают внимания.

Во-первых, любопытно, что, в то время как дисциплинарные, строевые и тактические вопросы как пехоты, так и кавалерии (!) не сильно или совсем мало «этнографичны» (книги I, II, III, V, XII A, XII B), кавалерия упражняется в значительной степени по образцу или с учетом опыта варваров (книга VI) — скифов и аланов¹⁷.

Во-вторых, исходя из общей картины распределения упоминаний всех народов по книгам трактата, можно сделать некоторые наблюдения над отдельными народами. Наиболее хорошо соответствуют общей картине скифы, распределение упоминаний которых по книгам трактата практически повторяет общую картину. Ясно, что скифы притягивали к себе наибольшее внимание автора (или авторов) трактата. В нескольких же случаях отсутствие упоминаний в соответствующих местах вызывает недоумение (см. ячейки в таблице, отмеченные знаками вопроса). Действительно, если посмотреть на общее распределение по графам «Итого» и на распределение по разделам, то в случае с персами, блондинами, а особенно с аварами и славянами, картина откровенно дисгармонична. Так, отсутствуют упоминания авар и славян в IV (о засадах) и VI (о кавалерийских упражнениях) книгах и персов и белобрысых — в VI, т. е. в наиболее «этнографичных» книгах (ср. упоминания тех же народов в XI книге). У славян, судя по всему, просто не существовало еще в то время кавалерии как рода войск, так что умалчивание о них в VI книге не удивительно. Но вот отсутствие в книге о засадах славян и авар, столь искусных — по тек-

¹⁷ Ср. данные текста Вегетия, первая книга которого датируется в пределах 384—387 гг. (Zuckerman 1994), т. е. более чем на век раньше Псевдо-Маврикия: *exemplo Gothorum et Alanorum Hunnorumque equitum* (Veget. *ERM* I, 20); *Hunnorum Alanorumque patio* (Ibid. III, 26). Видимо, тема гуннско(= скифско)-аланской конницы была каким-то общим местом военной теории этого времени. Ср. также интересные мысли Х. Вольфрама о «союзе трех народов» конца IV в. — готов, гуннов и аланов (Wolfram 1990: 127, 304, 416, Anm. 8, 494, Anm. 109).

сту нашего же автора — именно в организации засад, прямо-таки вопиет! При том, что в других книгах по примеру авар рекомендуется оснащать и строить кавалерию, а славянское вооружение принято пехотой. Остается лишь предположить, что упоминания авар и славян были вставлены в текст трактата позже без систематического учета текста всех книг. Что касается персов и белобрысых, то, видимо, перенимать кавалерийский опыт у этих народов не считалось столь полезным, как опыт скифов и алан.

Впрочем, часть из упоминаний народов в трактате не имеет решающего значения для характеристики этногеографических представлений самого автора основного текста трактата (упоминания аланов, эрулов, булгар, мавров, готов, отчасти авар и склавинов), т. к. они представлены лишь определениями к тому или иному типу оружия, амуниции или военных приемов (например, «эрульские мечи»): вполне возможно, что, употребляя такие выражения, наш автор и его современники уже и не задумывались об этнической составляющей таких словосочетаний, как «склавинский дротик» или «булгарский плащ». По крайней мере, текст трактата оставляет этот вопрос открытым. Но несомненно, что такие словосочетания, вышедшие из-под пера профессионального военного, имеют решающее значение для реконструкции влияний на развитие военного дела.

Другая часть упоминаний народов в трактате явно анахронична и попала в текст из более ранних источников (парфяне, лигуры, галлы, германцы, британцы и испанцы, скифы-готы).

Но есть в трактате и сознательные развернутые упоминания более новых народов, которым восточноримские армии противостояли на протяжении IV—VI вв.: скифы, гунны, склавы, анты, франки, лангобарды, авары, тюрки. Кроме того, одна книга (XI) целиком посвящена проблеме того, каким образом надо воевать с различными народами, и в ней последовательно описываются три так сказать основных, или «больших», народа (τὰ ἔθνη) — персы, скифы и белобрысые. Позже к ней была добавлена глава, посвященная четвертому народу — славянам (точнее «народам склавов и антов»). Эта книга представляет собой фактически отдельное сочинение и достойна специального текстологического исследования.

Итак, можно подвести основные результаты исследования этнокарты «Стратегикона». Результаты количественного и качественного анализа упоминаний в трактате различных народов показывают, что в нем присутствует несколько одновременных этногеографических слоев. По меньшей мере, можно говорить о слое источников трактата, слое основной части трактата (восходящей к сочинению Урбикия?) и о слое позднейших редакций и интерполяций. К первому слою относится крайне мало народов, и говорить о какой-то целостной картине по отношению к нему нельзя, — ясно, что из своих источников автор нашего трактата заимствовал крайне мало этнонимов. Для автора основной части трактата (Урбикия?) основными врагами были гунно-булгар-

ские кочевники северных степей, называемые в трактате скифами. Несколько меньшую опасность представляли, судя по его тексту, Сасаниды (персы — в трактате) и лишь незначительную — германские белобрысые народы (уже не готы и еще не лангобарды с франками!). Любопытно, что автор этой части текста трактата не любит конкретные, т. е. живые этнонимы (например, «гунны», «булгары», «готы»), но охотно использует архаизирующие риторически окрашенные собирательные понятия («скифы», «белобрысые»). К *третьему слою* — слою *интерполяций и позднейших редакций* — относятся, в первую очередь, авары, тюрки, склавы, анты, франки и лангобарды. К этому времени возникает или резко усиливается опасность, исходящая от славян и от авар, при этом авары явно произвели большее впечатление на составителей трактата, чем славяне. Опасность же, исходившую, по мнению автора трактата, от франков, лангобардов и турок, видимо, не следует переоценивать: это были второстепенные враги. Автор (авторы) третьего слоя, в отличие от автора предшествующего слоя, конкретно историчен и упоминает конкретные этнические названия, не окрашенные риторическими штампами, что свидетельствует о большей прагматичности этих военных теоретиков, но в то же время, возможно, отражает и какие-то общие тенденции развития военно-политических знаний в империи.

Скорее всего, гунно-булгарские кочевники в Северном Причерноморье — как наследники гуннов великого Аттилы — представлялись военным теоретикам в начале VI в. основным противником империи, соизмеримым по многим показателям с традиционным врагом — Персией Сасанидов. Во второй же половине VI в. к ним добавились, во-первых, славяне (склавы и анты практически на равных), не оттеснившие, однако, протоболгар на второе место, и, во-вторых, авары, фактически затмившие гунно-булгар. Любопытно, что в трактате остались практически не отраженными большинство народов стран запада (вестготы, остготы, вандалы, бургунды, гепиды, аламанны), юга (арабы, блеммии, эфиопы) и востока (лазы, иберы, албаны, армяне). Западные народы отчасти так и остались поглощенными емким понятием «белобрысых», восточные же были оттеснены традиционным врагом — «персами». Зато наиболее подробно в трактате отражены народы северных степей и сопредельных лесостепных районов — из них осталась неназванной лишь огурская группа народов (кутригуры, утигуры, оногуры). Все это указывает на особые отношения автора и редакторов нашего трактата с северными соседями империи, с нижнедунайским пограничьем. Любопытно, что на этнокарте трактата практически не отразился опыт юстиниановых войн, что скорее всего указывает на время составления (конец V—начало VI в.?) и позднейшего редактирования (конец VI в.?) этого текста: опыт войн с вандалами, остготами, вестготами и кутригурами как бы прошел мимо авторов и редакторов нашего трактата.

Литература

1. Издания трудов греческих и латинских авторов

- Agath. — *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* / Rec. R. Keydell. Berolini, 1967.
- Mauric. — см.: Mihăescu 1970; Dennis 1981.
- Proc. *Bell.* — *Procopii De bellis libri I—VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I—II* / Rec. J. Haury. Lipsiae 1905.
- Veget. *ERM* — *Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris* / Rec. C. Lang. Lipsiae 1869.

2. Исследования

Кучма 1978: *Кучма В. В.* Славяне как вероятный противник византийской империи по данным двух военных трактатов // *Хозяйство и общество на Балканах в средние века*. Калинин. С. 4—15.

Кучма 1991: *Кучма В. В.* «Стратегикон» Маврикия // *Свод...* Т. I. С. 364—394.

Удальцова 1969: *Удальцова З. В.* Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия // *СВ*. 32. С. 61—76.

Удальцова 1974: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М.

Шувалов 1998: *Шувалов П. В.* Проникновение славян на Балканы // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки*. СПб. С. 5—28.

Шувалов [2002]: *Шувалов П. В.* Урбикий и Стратегикон Псевдо-Маврикия // *ВВ*. Т. 61 (в печати).

Aussaresses 1906: *Aussaresses F.* L'auteur du Strategicon // *REA*. Т. 8/1. P. 23—39.

Dagron 1987: *Dagron G.* «Ceux d'en face». Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // *TMem*. 10. P. 207—232.

Dennis 1981: *Das Strategikon des Maurikios* / Einführ., Ed. und Indic. von G. T. Dennis; Übersetz. von E. Gamillscheg. Wien.

Dennis 1984: *Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy* / Transl. by G. T. Dennis. Philadelphia.

Mihăescu 1970: *Mauricius. Arta militară* / Ed. crit., trad. și introd. de H. Mihăescu. București.

Moravcsik 1983: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin.

Müller 1880: *Müller K. K.* Ein griechisches Fragment über Kriegswesen // *Festschrift für Ludwig Urlichs (Strena philologa Ludovico Urlichsio oblata)*. Würzburg. S. 106—138.

Wiita 1988: *Wiita J. E.* The Ethnika in Byzantine Military Treatises. PhD Dissertation.

Wolfram 1990: *Wolfram H.* Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. 3., neubearb. Aufl. München.

Zástěrová 1971: *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha.

Zuckerman 1994: *Zuckerman K.* Chapitres peu connus de l'Apparatus Bellicis // *TMem*. 12. P. 359—390.

ENEMIES OF THE EMPIRE (THE NEIGHBOURING PEOPLES IN PSEUDO-MAURICE'S TREATISE)

by

P. V. Shuvalov (Sankt-Petersburg)

Pseudo-Maurice's treatise entitled «Strategikon» was written by the author (or authors) who not only were well experienced in warfare, but also gained an understanding of the military theory. It is an especially practical work providing a rare possibility to look at the depth of Eastern Roman martial culture. More often researchers either prefer to confine themselves to an examination of only those passages which deal with the most «interesting» peoples (such as the Avars, the Franks, the Langobards, the Slavs), not undertaking any analysis of the ethnic map of the treatise, or they study the only Book XI devoted to the nations hostile to the Empire. The present article has discussed all the references of barbarian peoples. Results of the quantitative and qualitative analyses of such references have shown that in the treatise there are several ethno-geographical layers taking place at different times. At least, one may speak of (1) a layer of sources of the treatise, of (2) one of its main portion (going back to the work of Urbicius?), and of (3) one of later wordings and interpolations. To the first layer belong just a few peoples. For the author of the second layer one of the principal enemies were the Hun-Bulghar nomads from the northern steppes, called the Scythians. A somewhat less danger came from the Persians and only a little one — from the Germanic tribes. It is curious to notice that this writer does not like concrete, i. e. living, ethnonyms (for instance, «Huns», «Bulghars», «Goths»), but makes use of collective, rhetorically coloured, denominations, such as «Scythians», «Tow-haired». To the third layer belong quite concrete mentions of the Avars, the Turks, the Slavs, the Ants, the Franks and the Langobards. By that time the Slavs and particularly the Avars were the most dangerous adversaries of the Eastern Empire. The other peoples were rather of secondary peril.

It is interesting that the «Strategikon» has practically nothing to do with the majority of the Western nations (such as the Wisigoths, the Ostrogoths, the Vandals, the Burgundians, the Gepids, the Alamanns), as well as with those from the south (the Arabs, the Blemmians, the Ethiopians) and from the east (the Lazians, the Iberians, the Albanians, the Armenians). The Western peoples appear to have been covered, at least in part, under the term «Tow-haired». The Easterners must have been obscured by the Persians — a much more traditional enemy for the Romans. At the same time, most detailed information is adduced concerning peoples from the northern steppes, with the only exception — the Oghur group of tribes is never referred to. All this testifies to some special relations of the author and the later editors of the treatise with the northern neighbours of the Empire. It is important to point out that the ethnic map of the «Strategikon» does not re-

flect the consequences of the wars fought by the emperor Justinian (527—565) against the Vandals, the Ostrogoths, the Kutrighurs. Therefore, this may be quite considered as evidence that the treatise had been composed in the late 5th — early 6th century and was subsequently re-edited in the late 6th century.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (по данным археологии) *

А. Я. Щетенко (Санкт-Петербург)

На пороге третьего тысячелетия информационно-технологическая революция все более нивелирует национальные особенности культурного наследия многих народов, в том числе и тех, истоки культурных традиций которых уходят в глубь тысячелетий и до настоящего времени органически вплетены в повседневную жизнь общества. Культурное наследие народов Индостана, колыбели одной из ярчайших цивилизаций человечества, относится к этой категории.

Изучение культурного наследия тесно связано с проблемой взаимодействия двух ее составляющих: традиции и инноваций¹. Культурная традиция, рассматриваемая как поток информации, наследуемый поколениями, содержит программы человеческой деятельности. Последние, выражая исторический опыт определенных исторических общностей, ориентированы на важные для выживания этих общностей устойчивые, стабильные характеристики природного окружения.

При резком изменении географической среды, а при определенных условиях и среды социальной, когда традиционные модели человеческой деятельности и их индивидуальные модификации оказываются неэффективными, — срабатывает механизм инноваций. Механизм инноваций, различный в разные эпохи, формировался как под влиянием природных катаклизмов (тектонические сдвиги, изменение гидрографии, наводнения, засухи, эпидемии), так и с появлением новых племен и новых идеологий. Если инновации принимаются социальной системой и адаптируются в измененных условиях, то они в виде новых стереотипов закрепляются в культурной традиции.

Этот механизм в диалектическом единстве прослеживается на протяжении всей истории народов Индостана². Однако выделение тради-

* Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, который был прочитан на Международной конференции «Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций», проходившей в Санкт-Петербурге в ноябре 1999 г. (см.: Щетенко 1999).

¹ В теоретическом плане эта проблематика обсуждалась в журнале «Советская этнография» (Маркарян 1981).

² В широком временном диапазоне эта тема рассмотрена в ряде статей индийских ученых в специальном разделе «Археология и традиция» журнала «Puratattva» (1978, № 8).

ций и инноваций в таком многополюсном мире, каким предстает перед нами древняя Индия, весьма сложная задача. Размеры территории и многообразие физико-географических зон приводит к появлению такого термина, как субконтинент, и заставляет рассматривать Индию как «мир в миниатюре». Разнообразие же индийского населения, отмеченное еще Геродотом³, позволило английскому историку Винсенту Смиту называть Индию этнологическим музеем.

Изучение культурного наследия может быть осуществлено лишь в самом общем виде, учитывая многообразие природных, социальных, этнических, идеологических и политических факторов, оказывающих постоянное влияние на этот процесс в течение тысячелетий. Для Индостана культурное наследие протоиндийской (древнеиндийской) цивилизации наиболее документировано как археологическими, так и этнографическими материалами и заслуживает специального исследования.

Природная среда Индостана, неизменная в основных своих параметрах в течение последних трех-четырёх тысяч лет⁴, обуславливала консерватизм культурно-хозяйственных типов жителей различных регионов этой страны. В исторической перспективе ее роль лучше всего выявляется при сопоставлении двух концепций, основу которых составляют коммуникабельность, учитывающая естественные барьеры (горы, реки, пустыни, джунгли) отдельных физико-географических регионов с их природными характеристиками, и культурная среда, основанная на традициях определенного типа ведения хозяйства, обуславливаемых теми же параметрами этих регионов⁵.

Первая концепция, основанная на археологических материалах, принадлежит одному из выдающихся индийских археологов С. Б. Суббарао (Subbarao 1958), вторая, обосновываемая письменными источниками, — известному австралийскому географу О. Х. К. Спейту (Sprete 1954; Спейт 1957).

Согласно Суббарао, с появлением хозяйства производящего типа происходит резкое разграничение человеческой ойкумены на области

³ «Что до индийцев, то это самый многочисленный народ из всех нам известных...» (Геродот III, 94); «В Индии есть много разных племен, говорящих на разных языках» (Там же: III. 98). Перевод по изд.: Стратановский 1972: 168, 169.

⁴ Проблема изменения природной среды в голоцене Индостана дискутируется с начала 20-х гг. XX в. Общепризнанной остается точка зрения, что в хараппскую эпоху засушливые периоды чередовались с фазами увлажнения, определявшими разные ландшафтные зоны, близкие современным (Щетенко 1979: 53—57).

⁵ Недавно предложена иная, более умозрительная концепция, первоначально разработанная для культур Нового Света, но теперь адаптированная к первобытной истории Индостана (Shaffer 1992). Археологический материал подгоняется под готовую схему (в которой есть культурная традиция, эра, фаза, интерактивные системы), призванную заменить три хараппских цикла С. Б. Суббарао (Subbarao 1958). Я придерживаюсь традиционной концепции, как и большинство индийских коллег, если судить по последней монографии Б. Б. Лала, посвященной хараппской цивилизации (Lal 1997: Щетенко 1998в).

притяжения или постоянные нуклеарные регионы и области изоляции (*cults de sac*), между которыми располагаются области относительной изоляции. Последние характеризуются разной степенью их удаленности от главных магистральных путей движения людей и культур. Они различаются между собой и демонстрируют усложненную культурную схему, так как их изоляция часто нарушалась неоднократными вторжениями, в результате чего возникал культурный симбиоз: традиции местных аборигенов ассимилировали инновации пришельцев. Таким образом, вся схема развития материальной культуры в Индии может быть определена как одна горизонтальная экспансия более высоких культур, ведущая к перемещению, сокращению и изоляции более низких культур в различных частях страны, в различные периоды и на различных культурных уровнях. Отличия в сельской местности обязаны особенностям культурной среды (*milieu*) первых большемасштабных земледельческих обществ в различных регионах. Подобное взаимодействие различных факторов (природных и антропогенных) приводило к фундаментальному единству индийской культуры с сопровождающим ее многообразием (Subbarao 1958: 12; Щетенко 1994б).

Согласно концепции Спейта, уже в середине I тыс. до н. э. можно наметить возникновение некоторых очагов или опорных баз, которые постоянно сохраняли свое значение в исторической географии Индии. Для ареала протоиндийской цивилизации выделим главные очаги северной части Индостана. «Это Гандхара в долине Пешавара и Потвара; Саптасиндху, сужающаяся вниз по течению своих семи рек и переходящая в Пенджаб, пятиречье; Курушетра, или Сирхинд; Делийский доаб, или междуречье Сатледжа и Джамны; Панчала в доабе Джамны и Ганга и Рохилкханд; Саураштра (Катхиавар) и Гуджарат — четыре крупных царства, существовавших уже в эпоху Магадхи» (Спейт 1957: 166, рис. 33). Основу этих постоянных исторических очагов составляют физико-географические характеристики и доступность их для культурных и политических влияний из Центральной и Юго-Западной Азии.

На протяжении всей истории Индии наблюдалось совпадение нуклеарных областей С. Б. Суббарао и границ исторических очагов, как точно подметил О. Х. К Спейт, соответствующих основным сельскохозяйственным районам, приуроченным к аллювиальным равнинам (Спейт 1957: 167), хотя существовали и исключения (Subbarao 1958: fig. 7). И всякий раз, когда они совпадали, наблюдается расцвет и консолидация культурных региональных сил. Эти примеры плодотворного симбиоза традиций аборигенов основных центральных регионов с инновациями пришельцев хорошо прослеживаются по данным письменных арийских источников.

Ригведа, санхиты, пураны послужили основой для воссоздания классической индийской культуры, которая стала продуктом сложного процесса взаимодействия и влияния различных культур, существовавших в разные периоды истории на территории современного Индо-

стана. Индийский образ жизни, мифология, религия в том виде, в каком они известны в классический период, включают в себя целый ряд местных и иноземных разновременных элементов.

Выявление этих особенностей стало возможным благодаря успехам археологического изучения древнейшего прошлого Индостана и обилию этнографических материалов, имеющих у малых народностей и племен Индостана (адиваси), сохранивших образ жизни, идеологию и пережитки родоплеменных отношений до наших дней⁶. Именно последнее обстоятельство объясняет тот факт, что этноархеология как научная дисциплина возникла в Индии как бы спонтанно⁷, задолго до ее появления в США (Шнирельман 1984)⁸.

Наиболее интересные результаты применения этноархеологического подхода дает исследование древнеиндийской (хараппской) цивилизации и одновременных ей культур Индостана (Щетенко 2001а; 2001б).

Археологические раскопки, открывшие в начале 20-х гг. XX в. хараппскую культуру в долине Инда, к концу этого века определили ее как формативную стадию протоиндийской цивилизации, к которой восходят многие традиции материальной и духовной сфер классического периода индийской культуры. Дополнительная информация появилась в результате успешной дешифровки протоиндийской письменности, предпринятой российскими учеными во главе с Ю. В. Кнорозовым⁹. Это позволило в определенной степени приоткрыть мир религиозных представлений протоиндийской цивилизации, восстановить основной пантеон божеств, космогонию и космографию, имеющие связь не только с культами арийских пришельцев, но и с местным дравидоязычным населением.

Широкомасштабные археологические исследования последних тридцати лет значительно увеличили количество археологических источников (Lal 1997; Щетенко 1992; 1994а; 1995; 1998в). Изменилось представление о единой хараппской культуре долины Инда, поскольку ее памятники найдены не только далеко на востоке (Аламгирпур), но и на юге (Даймабад). Можно говорить о центральном (долина Инда), западном (предгорья Белуджистана), восточном (долина Гхаггара-Сарасвати) и южном (Катхиавар, Кач, эстуарии Нарбады, Тапти) регио-

⁶ Общая характеристика «адиваси» дана в статье Б. П. Супрунович (1967).

⁷ Пионерами этноархеологического подхода были Д. Д. Косамби, Х. Д. Санкалия, Б. Б. Лал, У. А. Фейрсервис, Б. и Ф. Р. Олчины, М. К. Дхаваликар, Дж. Л. Поссел и др.

⁸ Кредо новой науки сформулировал П. Дж. Уотсон: «Теоретическими основами для этноархеологии является использование аналогий, полученных путем современных наблюдений, чтобы с их помощью интерпретировать прошлые события и процессы» (Watson 1979).

⁹ Основные этапы этой работы изложены в серии выпусков «Proto-Indica», а итоговые результаты опубликованы руководителем коллектива (Кнорозов 1975; 1981) и в коллективном сборнике (Knozov, Albedil, Volchok 1981).

нах древнеиндийской цивилизации. Они, в свою очередь, имеют более мелкие локальные варианты (иногда их именуют ветви), которые могут быть названы по наиболее изученным памятникам: хараппский, калибанганский, дхолавирский и пр.

Региональные варианты протоиндийской цивилизации могут иметь хронологическое значение, выявляя динамику освоения различными племенами носителей хараппской культуры новых территорий. Истоки протоиндийской цивилизации, долгие годы связываемые с предгорьями Белуджистана и долиной Инда, получают новое подтверждение в материалах из раскопок французских археологов в Мерхгархе (Jarrige, Lechevallier 1979: 533—534). Американские археологи открыли прехараппские слои (с самыми ранними находками протоиндийских иероглифов), датируемые серединой IV тыс. до н. э. в Хараппе (Kenoyer 1991; Lal 1997). В Катхиаваре стратиграфическая колонка и серия радиоуглеродных определений Роджди, подтверждаемая данными из Сомнатха (Прабхас-Патана), кажется, выявляет еще один очаг возникновения древнеиндийской цивилизации, истоки которого также датируются серединой IV тыс. до н. э. (Lal 1997: 248—249).

Именно с этого времени, как предсказал на более скромных материалах Белуджистана еще 30 лет назад У. А. Фэйрсервис, уже можно говорить о начале «регионализации» халколитических культур Индостана (Fairservis 1967: 6—9). В свое время он имел в виду только северо-западный регион, но теперь его заключение можно распространить и на южную область, где прехараппские комплексы во многом аналогичны ранее известным в долине Инда, хотя и имеют свою специфику¹⁰. Следовательно, уже в эту эпоху можно говорить о начале возникновения местных культурных традиций конкретного региона, о появлении первых центральных областей притяжения С. Б. Суббарао, ставших в дальнейшем базой исторических очагов О. Х. К. Спейта.

Эта специфика, обусловленная природной средой и культурными традициями, сохраняется до середины II тыс. до н. э., а в Катхиаваре, возможно, даже до XIII в. до н. э., когда основные города долины Инда (Хараппа, Мохенджо-Даро и др.) уже несколько столетий лежат в руинах. Ибо только в Лотхале (в постхараппском периоде В) найдены печати «Персидского залива», фиксирующие самый поздний этап торговых контактов с западными цивилизациями. Здесь же, в четвертой поздней фазе хараппского периода А, впервые появляются кости лошади. В материалах соседнего Рангпура (в 30 км от Лотхала) в постхараппском периоде III найдены терракотовые головки этих животных (Rao 1963: 137, fig. 50; pl. XXX A/3). Кости истинной домашней лошади

¹⁰ Одним из показателей такой специфики является отсутствие терракотовых женских статуэток на поселениях Катхиавара и в восточном регионе древнеиндийской цивилизации, в долине Сарасвати-Гхаггара. Возможно, это является хронологическим критерием: оба района вторично осваивались в позднехараппское время.

ди (*Equus caballus* Linn.) присутствуют только в постхарапских комплексах Индостана¹¹, особенно в зоне распространения культуры серой расписной керамики (Painted Grey Ware), что еще раз свидетельствует о появлении арийских племен значительно позже эпохи расцвета древнеиндийской цивилизации¹².

Широкомасштабные раскопки в различных экологических зонах Индостана заставляют внести коррективы в общепринятое мнение о сугубо городском характере харапской культуры¹³. Уже в конце 70-х гг. намечалась иерархия типов поселений, связанная с их размерами и характером строительных материалов определенных регионов (Щетенко 1979: 118). Самый распространенный материал — сырцовый кирпич стандартного размера (соотношение сторон 4 : 2 : 1) использовался во всех регионах древнеиндийской цивилизации, но в бассейне Инда (включая долину Гхаггар-Сарасвати) дополнительно применялся и обожженный кирпич (Мохенджо-Даро, Харappa, Банавали), а на Макранском побережье, в Катхиаваре и Каче использовались также каменные блоки — либо как кладка-фундамент (Али-Мурад, Балакот, Соткакох, Суткагендор), либо как дополнительная облицовка стен (Дхолавира). В Суркотаде камень и галька, смешанные с глиной, дополняли сырцовую архитектуру.

Как свидетельствует этнография, облик современных деревень, отражая региональные особенности конкретной экологической ниши, имеет сходство — как в распространении определенного типа построек, так и в использовании строительных материалов (Спейт 1957: 192—193, рис. 36), — восходящее к перечисленным выше строительным прототипам древнеиндийской цивилизации. Так, на северо-западе (район Качхи) в Пираке план и интерьер постройки II тыс. до н. э. в точности воспроизводится руинами дома, оставленного индийской семьей в 1947 г. (Jarrige 1985: fig. 1, 2). В одном из домов Мехргарха (период IV) следы деревянной перемычки найдены над дверью, высота которой была лишь 1,1 м. В других постройках обнаружены крыши из

¹¹ В Суркотаде (Гуджарат) эти кости появляются в периоде I C (Arch 1971—1972: pl. XXXI/C), хотя кости эквидов отмечены уже в позднехарапских слоях (Там же: 21).

¹² Позднее появление лошади и хронология постхарапских комплексов Индостана — два важных аргумента против отождествления ариев с разрушителями протоиндийской цивилизации. Первоначальная датировка Ригведы (около 1200 г. до н. э.), ставшая основой гипотезы прихода ведических ариев в Индию, опиралась на предположение Макса Мюллера, что сутры (sutras) были созданы около 600—200 гг. до н. э., а предшествующие им литературные периоды имели продолжительность в 200 лет каждый. Сейчас это кажется маловероятным: «Были ли ведические гимны составлены около 1000, или 1500, или 2000, или 3000 г. до н. э., решительно нет никакой возможности когда-либо определить» (Muller 1979: 91).

¹³ В дискуссии индийских ученых о двух этапах первобытной «урбанизации» крайней точки зрения придерживается Д. Чакрабартти, полагающий, что в Индии всегда преобладало крестьянское население, определявшее ее экономический уклад и политическое устройство. Город как экономический феномен появился лишь в историческое время (Chakrabarti 1972—1973: 32).

ряда деревянных стропил, уложенных параллельно друг другу и поддерживаемых снизу поперечными балками. Крыши могли быть покрыты камышом (тростником) или ветвями и обмазаны сверху глиной для защиты от ливней и жары, как это было отмечено в рухнувших остатках кровли в Калибангане. Такие строительные приемы и стандарты дверей существуют и в наши дни в деревнях Индостана.

Не менее примечательно стойкое сохранение домостроительных традиций хараппского времени в сельской местности Северной Индии, где двор с хозяйственными постройками (кормушками и поилками для скота) является основой домохозяйства. Обычное среднее хараппское домовладение, как свидетельствуют раскопки в Калибангане (JArch 1968—1969: 28—32, pls. XXXI—XXXIX; Thapar 1974; 1975; 1985: 53—56; Lal 1979), представляет собой открытый двор, с трех сторон окруженный жилыми комнатами с нишами в толще стен. С четвертой стороны находились широкие ворота для прохода скота и повозок, запряженных волами. Внутри двора устроены кормушки для фуража, а в землю вкопаны донца больших глиняных сосудов, служившие поилками для скота. Перед воротами, снаружи, к домам пристроены небольшие глинобитные платформы (*chabūtarās*) — сиденья для отдыха. Плоские крыши построек сооружены из деревянных балоков (брусьев) и прутьев, обмазанных землей. Приготовление пищи осуществлялось во дворе на очагах типа «тандыр», бытующих и сегодня в деревнях Раджастхана. В отличие от Хараппы с ее общественным зернохранилищем и обмолотом снопов в деревянных ступках (*okhals*) в центре круглых кирпичных платформ, в Калибангане зерно обмолачивали прямо во дворе на земляном полу. Такие же дворы и дома до сих пор преобладают в сельских областях Харианы и Пенджаба. Это яркий пример сохранения традиций «организации жизненного пространства» (термин Леруа Гурана), обусловленных природной средой определенной экологической ниши, несмотря на появление новых материалов и технологий.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнения, что в хараппское время подавляющее число поселений были мелкими (менее 1 га, типа неукрепленного Аллахдино или городища Суркотада), они и образовывали сельскохозяйственное окружение для немногочисленных крупных центров. По данным пакистанских ученых, только в Холистане в бассейне Гхаггар-Сарасвати их насчитывалось 264 (Mughal 1990b: 150). Из 400 памятников, учтенных мною (Щетенко 1979: 215—217), лишь четыре поселения, по мнению одних ученых (Mughal 1990a: 159, fig. 1), или девять, как считают другие (Lal 1997: 236, fig. 12/1), по своим характеристикам (размеры, фортификация, планировка) могут претендовать на статус региональных центров.

Огромные площади таких хараппских «столиц», как Мохенджо-Даро (83 га) и Ганверивала (81,5 га), а также прехараппского городища Ракхигархи (80 га) требуют дальнейших топографических исследований и изучения горизонтальной стратиграфии. По аналогии с процес-

сом постепенного освоения территорий Мехргарха (Пакистан) или Саразма (Таджикистан), можно ожидать, что самые крупные памятники протоиндийской цивилизации представляют собой скопление разновременных поселений (укрепленных в том числе), группировавшихся вокруг водоема (озера или искусственного пруда), что зафиксировано в Мохенджо-Даро и Хараппе. Открытие в Хараппе на холме Е прямоугольного городища, расположенного перпендикулярно «цитадели» М. Уилера, кажется, подтверждает это предположение (Щетенко 1998б: 12). Об этом же свидетельствует и топография современных индийских деревень, стойко сохранившая эту традицию до наших дней (Спейт 1957: 666).

В культуре серой расписной керамики долины Ганга размеры поселений также были невелики; большинство из них, по современным понятиям, являлись деревнями. Как справедливо замечает Н. Р. Банерджи: «...мы не должны делать заключения о них на основании сегодняшних стандартов. Ни одно из более поздних поселений не поражает размерами. В частности, древние укрепления Удджайна не превышают 1,60 × 1,20 км, хотя источники характеризуют их как большие — *visala*. Подобно этому крупное поселение культуры серой расписной керамики, занимающее 13,7 га, входит в группу из 14 маленьких поселений, найденных Р. Мугхалом в Пакистане. Четыре из них имели площадь от 1,1 до 2,1 га, три были менее 1 га, остальные — от 3 до 4 га» (Банерджи 1985: 90). С другой стороны, именно с носителями культуры серой расписной керамики связано появление в долине Ганга таких элементов городской архитектуры, как оборонительные стены, ворота и башни, то есть возникновение фортификации относится к пост-хараппскому времени, пограничному с поздней фазой зрелой хараппы.

Изменились представления о единообразии планировки поселений с характерной дихотомией (цитадель, нижний город) и стандартностью их застройки (Щетенко 1998а; 1998б). Раскопки Банавали и Дхолавиры выявили более сложные схемы фортификации. Пентагон городища Банавали с остатками рва — фортификационный прием, нехарактерный для хараппской культуры, но похожие схемы укреплений известны в долине Ганга (Mate 1969—1970: fig. 2—7), заселенной в раннеисторические времена арийскими племенами.

Четырехчастная схема Дхолавиры (цитадель, средний город, нижний город, пригород) и дворец убедительно демонстрируют сложность социальной структуры древнеиндийской цивилизации в эпоху ее расцвета. Круглые полированные колонны дворца, установленные на квадратных базах, на тысячелетие удревняют этот архитектурный прием, предвосхищая расцвет гандхарского искусства эллинистической эпохи. Колонны, изготовленные из местного светло-кремового известняка¹⁴, пока являются уникальными для хараппского зодчества¹⁵. Отне-

¹⁴ Залежи этого известняка находятся у Джунагарха, в 50 км от вод Камбейского залива (Дешпанде 1956: 31). «Этот прекрасный строительный камень светло-кремового

сение же их, как и всего дворцового комплекса (с усложненной фортификацией и двухъярусной системой коммуникаций), к достижениям древнеиндийской цивилизации документируется уникальной надписью из 10 больших (37 × 27 см) хараппских иероглифов, составленных из кусочков пасты и выложенных на поверхности одной из террас дворца (Щетенко 1998б: 16)¹⁶.

С другой стороны, открытие в Дхолавире прямоугольного водоема со ступенчатыми спусками — аналога большому бассейну Мохенджо-Даро — выводит этот тип сооружений из разряда уникальных (Щетенко 1998б: 15). Типологически они являются прямыми предшественниками резервуаров со ступенчатыми спусками раннеисторического (арийского по своей сути) периода, которые раскопаны в долине среднего Ганга в Срингаверапуре (Lal, Dikshit 1978—1979: fig 1, pl. I, II)¹⁷. Аналогичные бассейны, именуемые «танками», широко используются современными жителями Декана в качестве водоемов для резервных запасов воды (Спейт 1957)¹⁸. Это наглядно демонстрирует преемственность традиций древних земледельцев Индостана, выявляемую с помощью археологических и этнографических материалов.

В то же время, необычная планировка поселений Дхолавира и Банавали еще раз косвенно свидетельствует, наряду с другими материалами, о более позднем возрасте южного и восточного ареалов протоиндийской цивилизации.

Временной фактор в сочетании с природными барьерами играл важную роль в освоении племенами скотоводов, каковыми являлись арии, новых территорий (лессовые равнины, джунгли), непривычных для их образа жизни, что препятствовало быстрому распространению культурных достижений, обмену информацией и идеями. Взаимодей-

цвета, легко поддающийся обработке, известен как 'порбандарский камень', идущий на экспорт» (Спейт 1957: 613). По моему мнению, и в древности этот камень доставлялся в Дхолавиру, расположенную недалеко от побережья, водным путем через Качский залив и Малый Ранн — в то время продолжение Качского залива (Спейт 1957: рис. 115).

¹⁵ Полированные колонны дворца Дхолавиры — важный аргумент в споре о существовании объемной скульптуры у носителей протоиндийской цивилизации. Долгие годы хараппская скульптура (торс юиоши из Хараппы, бюст жреца, фигурка принца и головки мужчин из Мохенджо-Даро, и др.) рассматривались некоторыми учеными как творение мастеров более поздней эллинистической эпохи.

¹⁶ Возможно, дворцу были присущи и культовые функции. В упомянутой надписи хорошо сохранился протоиндийский блок иазвания праздника (удвоенный знак «колеса с шестью спицами»), трактуемый филологами как «праздник солнцестояния, солнечный праздник», к которому были приурочены специальные жертвоприношения (Гуров 1975: 53).

¹⁷ В стратиграфической колонке этого памятника представлены все этапы постепенного проникновения с запада археологических носителей арийских племен, начиная с культуры серой расписной керамики, датируемой в этом районе XI—X вв. до н. э. (Lal, Dikshit 1978—1979: 1)

¹⁸ В этой связи так называемый «док» Лотхала (его объем 35 630 куб. м) может быть рассмотрен как одна из разновидностей емкостей для хранения запасов воды (Leshnik 1968).

ствие разных культур ярче всего выявляется на примере освоения Индии арийскими племенами, которое растянулось во времени на тысячелетия для районов Южного Декана и последствия которого в разных регионах Индостана также были не однозначными. Инновации, принесенные арийскими племенами, медленно и постепенно усваивались и поглощались культурной средой оседлоземледельческих общин. Одновременно шел и процесс ассимиляции пришельцев местными племенами, адаптационные механизмы приспособления которых к природной среде определенных регионов растянулись на столетия.

Расширение границ страны ариев шло в постоянной борьбе с этим местным разноэтническим населением Индостана, получившим у пришельцев обобщенное название — даса (*dāsa*). Именно эти разноязычные племена, находящиеся на разном уровне социальной организации, задолго до этого, в течение столетий, в межплеменной борьбе первыми осваивали плодородную долину Ганга (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 134).

Сначала арии заняли только *Саптасиндху* — территорию от Кабула до Джамны, сохраняя основные элементы своей скотоводческой культуры. Лишь к началу I тыс. до н. э. они миновали Гогру, а позднее продвинулись через горы Виндхья в пределы Северного Декана. Арийские племена, возможно, уже частично ассимилированные местными аборигенами, проникли и за Нарбаду¹⁹, но *Дакшинапатха* (южная страна), или Декан, за исключением области лав Махараштры, так и осталась в основном дравидской.

В этой связи особого внимания заслуживает недавно раскопанная оригинальная планировка городища около Кунтаси²⁰. Как и большинство поселений в Каче, оно укреплено. Его укрепления и другие постройки сооружены из местных материалов — валунов на известковом растворе с глиняной обмазкой, иногда из сырцовых кирпичей стандартного формата (4 : 2 : 1) — на каменных фундаментах. Крепость в форме квадрата (площадь 1,5 га), обнесена двойными параллельными стенами, с единственным проездом (ширина 3 м) с восточной стороны. Дома расположены по периметру четырех внутренних стен, оставляя свободную площадь в центре. Пять больших строений тракуются археологами как зернохранилища, а большой жилой комплекс — как резиденция правителя. Материалы типичны для постхарапского време-

¹⁹ Их предшественники харапские племена имели свои передовые поселения (Бхагатрав, Телод) не только в эстуариях Нарбады и Тапти (Arch 1957—1958: 13—17; Щетенко 1968: рис. 3), но достигли и верховий Годавари, где клад художественных изделий и культурный слой позднехарапского времени в стратиграфической колонке Даймабада свидетельствуют о торговой фактории — аналоге северо-западного форпоста протоиндийской цивилизации в Шортугае.

²⁰ Маленькая деревня (район Раджкот, Гуджарат), в 2,5 км от которой на правом берегу речки Пхулки, впадающей в залив Малый Ранн, расположено поселение (площадь холма 2 га, высота 7 м), известное у жителей под именем Биби-но-Тимбо. Материалы двух периодов зрелой и поздней харappy без перерыва, датируются по двум датам ¹⁴C соответственно — около 2200—1900 и около 1900—1700 В.С. (Dhavalikar 1991: 10).

ни этого региона — грубоватая расписная керамика обычных типов и очертаний (кувшины S-образной формы и кувшины с закраиной у горла — ledge-necked jars), кроме чаш с ручками-кнопками (stud-handled bowls), столь типичных для Гуджарата; глиняные модели повозок; фаянсовые, стеатитовые и трубчатые сердоликовые бусы (но ни одной с травленным декором); единственная квадратная фаянсовая печать с резным линейным узором (аналог есть в Хараппе среди печатей позднего типа), но отсутствуют печати с надписями²¹.

Планиграфия Кунтаси — первое свидетельство появления принципиально новой схемы планировки, вероятно, связанной с новым экономическим укладом — скотоводством. Ядро поселения составляет площадь с общественными строениями — резиденцией правителя, общественными хранилищами и пространством для содержания скота. Этот принцип организации пространства характерен для городищ скотоводческих племен евразийских степей, самыми яркими из которых являются Аркаим и Синташта (Генинг и др. 1992). Бытовая материальная культура свидетельствует о сохранении хараппских традиций, тогда как правителями этой крепости могли быть уже арийские раджи.

Первые исследователи древнеиндийской цивилизации (Дж. Маршалл, Э. Маккей, М. С. Ватс), отмечая сходство в области как материальной, так и духовной культуры цивилизации долины Инда с поздней индийской традицией, опирались в основном на личные наблюдения жизни и быта индийской деревни начала XX в. Орудия труда, транспортные средства, бытовая утварь, посуда, украшения, так же как и социальные институты и религиозные представления, являли собой яркий пример консервативного уклада, неизменного в течение тысячелетий. Тома этих исследователей (Marshall 1931; Mackay 1938; 1943; Vats 1940) стали основным фондом археологических источников для реконструкции жизни древних индусов, живших до эпохи, зафиксированной в ведах, и вошли во все хрестоматии и энциклопедии многих стран мира. Новейшие открытия археологов Индии и Пакистана второй половины XX в. позволяют дополнить наблюдения первооткрывателей протоиндийской цивилизации.

Улучшение методики археологических раскопок и применение междисциплинарного подхода в исследовании и интерпретации археологических остатков позволили зафиксировать уже в поле многие элементы сельскохозяйственной практики, сохранившиеся до наших дней. Разные формы земледелия (богара, искусственная ирригация, перелог) в различных экологических зонах Индостана существовали у халколитических и неолитических племен, современников древнеиндийской цивилизации, освоивших аллювиальные почвы крупных рек и

²¹ Аналогичная картина прослежена в Дхолоавире. В эпоху расцвета (стадии III, IV) печати имеют изображения (обычно животных) и надписи, в период упадка (VI) на них сохраняются иероглифы, но без рисунков, что заставляет вспомнить дохараппскую стадию III, где на печатях были только рисунки.

плодородные черные регуры Махараштры (Щетенко 1979: 130—131, 174—177). В долине Инда, где снимают два урожая (раби и хариф) в год и отмечают по земледельческому календарю сезонные праздники, связанные с разливами рек, корни этих традиций, зафиксированные в ведических текстах, восходят к хараппской культуре (Fairervis 1967: 10, fig. 5; 1975).

Особенно ярко определяющая связь природной среды с сельскохозяйственной практикой конкретного региона выявлена в бассейне Гхаггара-Сарасвати. Здесь, в 50 м к югу от городских стен Калибангана, зафиксированы остатки пахотного поля прехараппского времени (IArch 1968—1969: 29, 31, pl. XXXIX; Lal 1970—1971: 2, pl. I, II). Оно было покрыто слоем песка, что фиксирует временной разрыв. Затем, сверху, часть поля перекрывают постройки развитой фазы хараппской культуры. Поле имеет парные борозды, пересекающиеся под прямым углом. Одни идут по оси запад—восток, вторые — север—юг. Первые пары борозд имели промежутки в 0,30 м, а вторые — 1,90 м. Эту схему боронования можно сравнить с современной (Lal 1970—1971: 3, pl. III; Lal 1997: pl. XXVIII/B). Сегодня практикуют посадку лошадиного горошка в борозды с короткими интервалами, а горчицы — в борозды с широкими промежутками (Lal 1970—1971: 3, pl. IV; Lal 1997: pl. XXVIII/C). Такая схема объясняется тем, что Калибанган расположен на 29° северной долготы и возделываемые растения (горошек и горчица) принадлежат к зимнему урожаю. В течение этого сезона солнце освещает южное полушарие, и более длинные, чем летом, тени падают на землю в северном направлении. Поэтому растения горчицы растут в западно-восточных бороздах и дают длинные тени над лошадиным горошком, защищая его от солнечных лучей, которые замедляют его рост. Такая схема пахотного поля и севооборот из двух культур (лошадиный горошек и горчица) практикуются и в наши дни в Северном Раджастхане, Хариане, Пенджабе и Западном Уттар Прадеше.

В свое время Д. Д. Косамби, один из пионеров этноархеологического подхода в Индии (Щетенко 2001б), блестяще продемонстрировал по персидской миниатюре XIX в. (рис. 1) однообразие работ сельскохозяйственного цикла: вспашку поля при помощи одноручной сохи в упряжке пары быков-зебу; подготовку борозд и рыхление земли мотыгами; посев и затапывание семян (вероятно пшеницы) в землю. Здесь же присутствуют и другие земледельческие орудия: палка-копалка, тяпка, заступ-лопата, а также бытовая утварь крестьян: глиняные сосуды трех форм, один из них — кувшин для воды (*lotā*), плетеные корзины. Как писал автор: «В данном случае изображены земледельческие работы в Кашмире, однако в любом другом районе Индии единственное отличие могла бы составить одежда крестьян» (Косамби 1968: 28, рис. 1). Та же агротехника использована и при посадке рассады риса (рис. 2), она реконструирована ученым по другой миниатю-

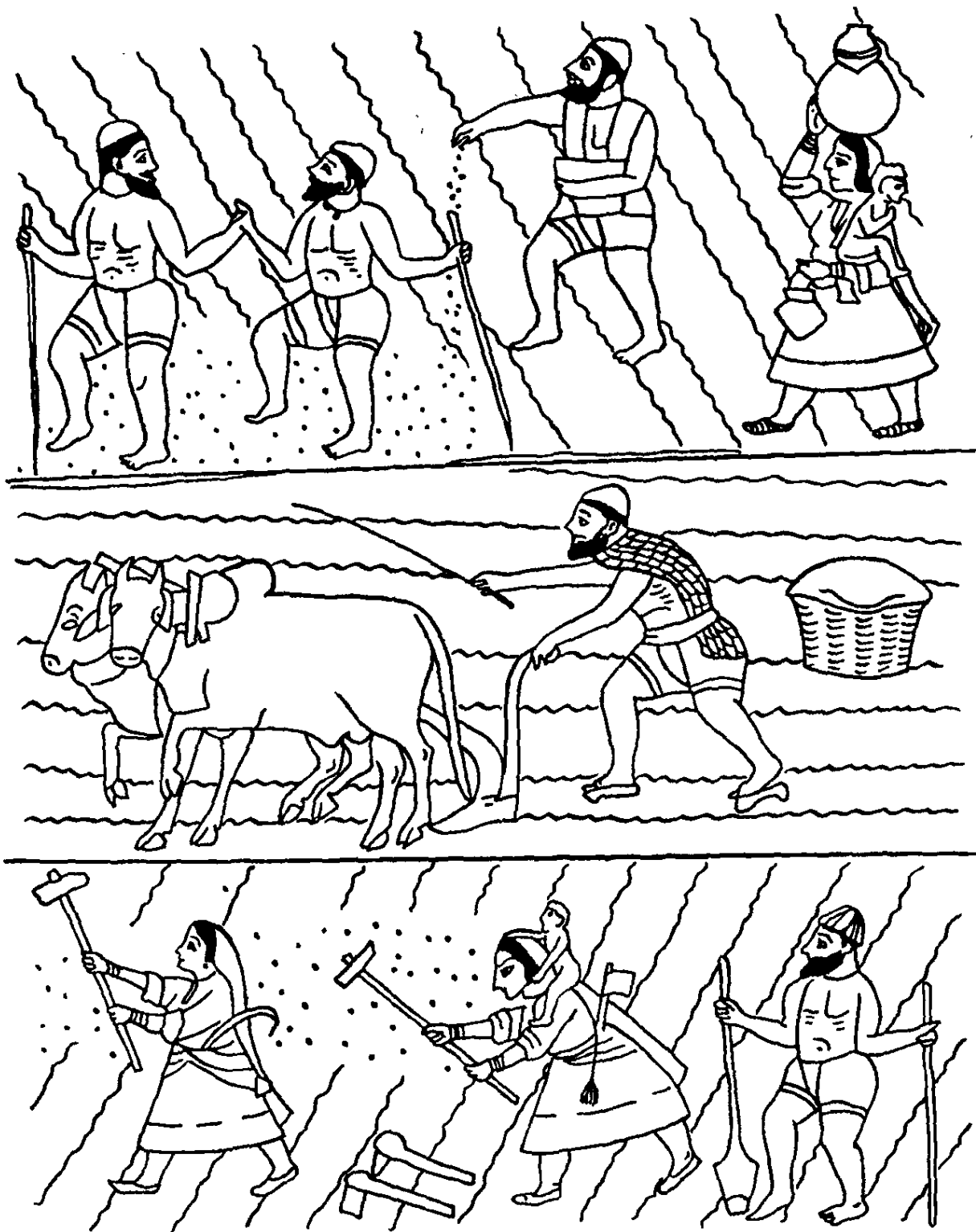

Рис. 1. Сельскохозяйственные работы в Кашмире (по: Косамби 1968: рис. 1)

ре (Косамби 1968: 29, рис. 2). Но здесь, в отличие от Калибангана, парной культурой севооборота являются бобы.

Особенно важно на последнем рисунке изображение каналов, столь необходимых при возделывании риса. Но и возделывание пшеницы (основной культуры древнеиндийской цивилизации) требует постоянной культивации и ирригации. Установлено, что орошение должно производиться не просто колодезной водой — *kupas*, но каналами — *khanitrima* (оба названия упоминаются в Ригведе), а они, как

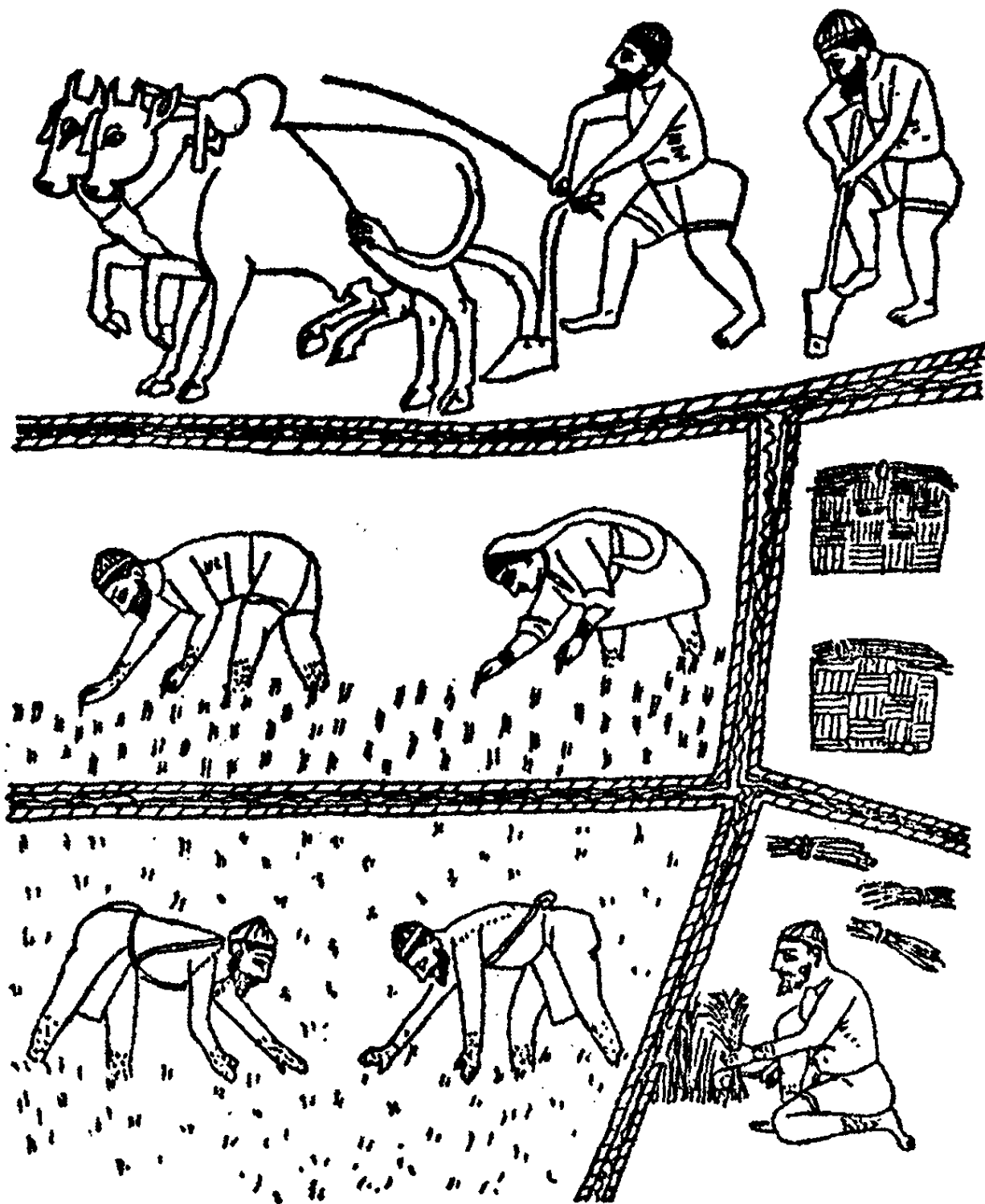

Рис. 2. Посадка риса, орошаемого каналами (по: Косамби 1968: рис. 2)

считает Б. Н. Пури, могут быть вырыты только с помощью железных орудий. Первые железные орудия появляются в эпоху средней фазы культуры серой расписной керамики (Дикшит 1985: 77), когда осваиваются территории долины Ганга с более плотными, чем в бассейне Инда, почвами. В раннеисторическую эпоху, согласно сведениям, полученным Р. С. Шармой из Атхарваеды, в долине Ганга применяется плуг из твердого дерева *khadira* с металлическим (несомненно железным) лемехом. Встречаются в Атхарваеде и других текстах этого времени упоминания о 4, 6, 8, 12 и 24 впряженных в плуг быках при

пахоте на твердых почвах (Банерджи 1985: 90). Железо, безусловно, играло заметную роль в этой тяжелой работе. Следует отметить, что ни одно из медных орудий предшествующего периода (за исключением, возможно, плоского топора-кельта для рубки деревьев) не может быть названо только земледельческим, а не охотничьим или рыболовным.

В Удджайне найдены фрагменты лопаты и лома вместе с отпечатками плетеной корзины для переноски грунта в земляном валу, датированными культурой серой расписной керамики (Банерджи 1985: 89). А очень твердое дерево *khar* (*Acacia ferruginea*), использованное для сооружения палисада того же периода, не обязательно обрабатывалось сталью, а могло быть обработано орудием из оловянной бронзы, наличие которой чисто умозрительным путем отрицает Б. Н. Пури. После открытия небольшого канала в Лотхале (Rao 1973; 1985), оборонительного рва Банавали и особенно регулярных каналов Дхोलавиры появились убедительные доказательства возможности существования таких сооружений до появления железных орудий.

И в наши дни в индийской деревне по прежнему традиционно используются те же реликтовые формы орудий труда, частично упомянутые уже в работе Д. Д. Косамби. Это заступы-лопаты, мотыги, палки-копалки, а для обработки и уборки урожая — соха и двухколесные арбы²². Их терракотовые (реже — медные) модели широко представлены в коллекциях из хараппских поселений древнеиндийской цивилизации: целая терракотовая копия *sohi* найдена в Банавали (Lal 1997: pl. XXXVII/B), а похожие на нее фрагменты — в Мохенджо-Даро и Хараппе.

Среди орудий труда до сего дня для рубки деревьев и мелкого кустарника используются надетые на деревянную рукоять проушные топоры (в Раджастхане их называют — *a paraśu*), похожие на терракотовую модель из Мохенджо-Даро (Mackey 1938: vol. II, pl. CXIII/1). Рыболовные крючки, аналоги современным, найдены почти во всех пунктах протоиндийской цивилизации. Каменные зернотерки, песты и терочники современных деревень почти не отличаются от хараппских аналогов.

Транспортные средства — терракотовые модели повозок и колесики к ним — найдены на большинстве поселений (Marshall 1931: vol. III, pl. CLIV/7, 10). По конфигурации и размерам они напоминают современные двуколки Синда, о чем уже писал Дж. Маршалл (Marshall 1931: vol. II, 554; vol. III, pl. CLIV/11). В Хараппе расстояние между двумя колесами (ширина колеи) модели — 1,08 м (Wheeler 1947: 85, pl. XXXV/B). Эти же пропорции, учитывая масштаб, соблюдаются и у современных повозок Синда. Несколько иную форму имеет медная модель из Хараппы (Vats 1940: vol. II, pl. CXXV/35), напоминая одну

²² В 1969 г. в деревне Суван-Вахан около Мохенджо-Даро мне довелось наблюдать и фиксировать на киноплёнке применение этих орудий при сельскохозяйственных работах.

из повозок (местное название — *ekkā*), используемых и сегодня в Восточном Пенджабе. Следовательно, тысячелетние традиции изготовления повозок имели местную специфику, обусловленную природными факторами и характером используемого вьючного животного.

Ряд форм хараппской керамики — сосуды типа *kamaṇḍalu* из Мохенджо-Даро (Mackay 1938: vol. II, pl. LXVI/22, 28), тарелки-противни на трех ножках для приготовления хлеба (*pātā* или *chakalā*) из Алангирпура (Lal 1997: fig. 7/3, 15), миниатюрные детские чашечки с носиком, или «рожки» Калибангана, сосуды для воды (*lotā*) — до сих пор используются в быту и в сельской местности, и в городах. Особенно консервативна технология изготовления хозяйственной посуды. На плоской поверхности дна тарелок для теста видны отпечатки листьев или гравия, что указывает на способ их ручной лепки: кусок глины разминался на сухом песке или листьях. Таким же способом до сих пор в Декане и Мадхья-Прадеш делают аналогичную посуду, известную под названием *pālās* или *kāthāroṭs*. Те же формы повторяются и в медно-бронзовой посуде хараппцев и современных индусов: горшки, сковородки, кубки, вазы, и особенно специфическая форма — кухонное блюдо — *hāṇḍīs*.

Украшения наиболее консервативный элемент костюма. Женщины племени Марвари (Раджастхан) и сегодня носят большое число браслетов (местное название — *pāyala*) на предплечьях и запястьях рук, вызывая в памяти браслеты обнаженной «танцовщицы» из Мохенджо-Даро — бронзовой фигурки, ставшей классической (Mackay 1938: vol. II, pl. LXXIII/5). Терракотовая статуэтка и гравированное изображение женщины на каменной стеле из хараппских слоев Банавали (Lal 1997: pl. XLVIII/A) демонстрируют тип широкого, в форме песочных часов, браслета, который и по сей день под именем *damarū* весьма популярен у женщин Гуджарата и Раджастхана, особенно у модниц племени Рабари в Каче (Lal 1997: pl. XV/B).

Золотой полый конус, звучащий на хинди как *chauk* (Marshall 1931: vol. III, pl. CXLVIII/A, 2), сохранился до наших дней как налобное украшение у женщин Раджастхана и Харианы. А некогда он был популярен и у мужчин. Как писал в конце 30-х гг. М. С. Ватс: «Чауки являются основными из украшений среди индусов Северной Индии, где каждый мужчина, богатый или бедный, должен подарить их на свадьбу своей невесте. Это украшение сейчас надевают, главным образом, только на религиозные или важные домашние церемонии» (Vats 1940: vol. I, 442). Металлические (золото, серебро, бронза, медь) кольца, часто со спиральным орнаментом, а также перстни с разными драгоценными и полудрагоценными камнями носят на пальцах представители обоих полов, как и в древности. Пояса, известные по терракотовым фигуркам (Lal 1997: pl. XLVII/C), почти вышли из моды в городах, но сохранились в сельской местности у женщин.

Особого упоминания заслуживают терракотовые женские статуэтки Мехргарха, где тысячи (!) фрагментов и целых экземпляров выяв-

ляют эволюцию их иконографии (периоды IV—VII) в течение десяти веков — от середины IV до середины III тыс. до н. э. (Jarrige, Lechevallier 1979: 522, fig. 40). На фигурках хараппского периода волосы часто нарисованы черной краской, а пробор посередине головы намечен красной полоской. Возможно, это имеет какую-то связь со столетней практикой женщин Индии накладывать ярко-красную метку (*sindūra*) на срединный пробор волос (*māṅga*), что означает у индусов замужнее положение женщины.

Косвенным подтверждением древности практики раскрашивания определенных участков тела обитателями Индостана служат новейшие открытия. При исследовании древесных углей из всех хараппских слоев Рохиры оказалось, что растение *Henā* (*Lawsonia inermis*) культивировалось для получения порошка, служившего сырьем для пасты, которой раскрашивали ладони и ногти. Одновременно определено и *pārijāta* (*Nyctanthes arbor-tristis*) — декоративное растение с ароматными цветами, которые открываются на ночь и закрываются утром. К этому типу благоухающих цветов относится и жасмин (*Jasminum sp.*), угли которого недавно раскопаны на поселении Сангхол в районе Лудхиана, в индийском Восточном Пенджабе (Lal 1997: 161). Современные сельские жители до сих пор используют аналогичные средства.

Типы некоторых туалетных принадлежностей, часто идентичных по размерам и функциям с хараппскими прототипами, в наши дни можно купить на любом рынке. Стандартный набор трех медных вещей, впервые найденный при раскопках в Хараппе, а затем обнаруженный и на других поселениях, состоит из пинцета (щипчиков), заостренного тонкого стержня и слегка уплощенного предмета (Vats 1940: vol. II, pl. CXXV/1; Lal 1997: fig. 8.1/11). Пинцет предназначен для удаления нежелательных волосков с внутренней стороны века, а заостренный стержень — для прочистки щелей между зубами. В современном наборе третий предмет, иногда с крохотной чашечкой на конце, служит для удаления серы из ушей. Вероятно, элите хараппцев принадлежали квадратной формы гребни из слоновой кости с широкой центральной частью и зубьями на противоположной стороне (Maskey 1938: vol. II: pl. C/15). Их точные параллели существуют и сегодня: в деревнях — деревянные гребни, в городах — пластиковые. Медные сурьмяные стержни (Vats 1940: vol. II, pl. CXXV/33) и инструменты для обработки ногтей (Ibid.: vol. II, pl. CXXV/39) распространены повсеместно в современной Индии.

Это относится и к детским игрушкам: терракотовые фигурки, диски, маски, погремушки, свистульки. Игральные кости (с точками от 1 до 6) и шахматные фигурки из глины и камня (Raо 1985: fig. 103; pl. CCXVII/B, pl. CCXXI/A) хараппской эпохи близки современным, хотя промежуточные этапы их эволюции археологически не установлены.

Различные аспекты духовного наследия древнеиндийской цивилизации отчетливо проявляются в социальной стратификации и религии как ведийского, так и современного индийского общества. Традици-

онно считалось, что открытая археологами древнеиндийская цивилизация превосходила по уровню развития общество вед, поскольку она была городской, а последнее — сельским. В итоговой монографии Б. Б. Лал, подводящей итоги научного исследования протоиндийской цивилизации в XX в., дается аргументированный пересмотр многих устоявшихся концепций, включая и социальный статус ведийской общины (Lal 1997: 284—287). По мнению индийского ученого, в основе этих заблуждений лежит поверхностное изучение и неадекватное толкование арийских текстов²³.

Археологические исследования последних лет, как показано выше, свидетельствуют, что общество протоиндийской цивилизации не было однородным: существовала многоступенчатая иерархия поселений, отражавшая сложность его социальной структуры. Крупные региональные центры прехараппской эпохи (Калибанган, Кот-Диджи, Мохенджо-Даро, Ракхигархи, Хараппа) были окружены многочисленными городками и деревнями (в Холистане их 264). Эта периферия по облику материальной культуры весьма схожа с древними поселениями ариев, судя по описаниям их быта. Основу общества ариев составляли семья и деревенская община (*gana*) во главе с *гананати* (Ригведа II, 23, I; X, 112, 9), использовавшие для защиты укрепленные поселения (*pur*).

Трактовка археологами крупных региональных центров весьма различна — от простых вождеств (Lal 1993: 69—77) до предшественников государств или империй, объединенных в конфедерацию в более позднюю эпоху (Lal 1997: 236). Комплексы с северной чернолощенной керамикой (Northern Black Polished Ware) вместе с железными изделиями в течение 600—100 гг. до н. э. занимают территории (не освоенные во времена культуры серой расписной керамики), на которых появляются укрепленные города. По мнению ряда ученых, этот процесс следует связывать с данными буддийского источника Ангуттара Никая о возникновении укрепленных столиц, по крайней мере, 16 махаджанатад, или царств, и республиканских конфедераций в Северной Индии (Банерджи 1985: 91).

Уже в ранних текстах Ригведы, анализу которых посвящено исследование Б. Б. Лала, есть ссылки на города, укрепления, морские путешествия и торговлю — все компоненты городского уклада, выявленного при раскопках поселений древнеиндийской цивилизации (Lal 1997: 284—285). Так, укрепленное поселение (*pur*) иногда имеет даже 100 стен (*śatabhuji*); слово 100, очевидно, применялось для обозначения большого числа. В Дхолавире с его четырехчастной структурой (цитадель с дворцом, средний, нижний город и пригород) раскопаны десятки стен разного назначения. Достаточно данных в Ригведе и о морских путешествиях, морских судах и морской торговле. Корабли

²³ К тем же заключениям пришел в свое время и С. Б. Суббарао, полагая, что освещение формативного периода протоистории народов Индостана вплоть до эпохи Маурья (V в до н. э.), основанное на литературных источниках ариев, неверно (Subbargo 1958: 24).

строились с тремя мачтами (*tirbandhur*) и/или 10 веслами (*daśāritra*) и даже 100 веслами (*śatāritra*) (Ригведа I, 116, 5). В обращениях к боже-ству Соома описываются огромные богатства, доставляемые морским путем отовсюду.

О сложности политического устройства и организованной администрации ранневедического общества говорят термины, обозначающие: 1) королевства и правителей различного статуса (*rāṣṭra*, *rājā*, *jyeṣṭharāj*, *samrāj*, *janarāj*); 2) советы и общественные собрания (*sabhā*, *samiti*); 3) различные категории административных постов (*adhyakṣa*, *dūta*, *nidhāpati*, *rathaspati*, *senānī*). Очевидно, что ведическое общество находилось не на пастушеской (как ранее предполагалось), и даже не на простой сельской стадии своего развития, которые оно давно прошло. Перед нами сложное стратифицированное общество (возможно ряд региональных элит) с иерархической структурой во главе с правителями, жрецами, с организованной администрацией, живущими в укрепленных городах и процветающими за счет сухопутной и морской торговли. Медные пластинки из Мохенджо-Даро с «плетеным» орнаментом (о них ниже), ассоциируемые в более поздние эпохи с институтами власти, косвенно подтверждают наличие таковых и в хараппское время. Так, городской и сельский компоненты ведических времен служат мостиком между жизненными укладами современных народов Индостана и древнеиндийской цивилизацией.

Как писал в свое время Г. Чайлд: «...религия дает наиболее яркие доказательства индийского характера цивилизации долины Инда. Многие непонятные предметы могут получить удовлетворительное объяснение при обращении к индийскому культу» (Чайлд 1956: 261). Еще раньше Е. И. Замятин отметил: «Самые чудесные, самые нелепые сказки (далее он упоминает и мифы. — А. Щ.) всякой страны — построены все-таки из земли, деревьев, зверей этой страны» (Замятин 1990: т. 2, 296, 298). Сугубо индийская флора и фауна субконтинента, не известные в других странах²⁴, наложили свой неповторимый отпечаток на облик духовной культуры (изобразительное искусство, культы, религию) обитателей Индостана, начиная с первых наскальных изображений мезолитической эпохи до современности.

В течение 2000 лет существования религиозные представления протоиндийской цивилизации претерпели существенные изменения, что нашло свое отражение в иконографии. Изображения на печатях и керамике, разнообразная терракота позволяют воссоздать как основные этапы, так и главных персонажей древних культов, а в какой-то степени — и порядок их отправлений. Дополнительная информация появилась после первых успешных дешифровок хараппской письмен-

²⁴ Упомянем лишь некоторые из них, считаемые священными: деревья — ашваттха, акация, баньян, бель, кокосовая пальма, маргоса, ним, шами; растения — дурва, дарбха, куша, туласи и многие другие. Большинство этих видов связаны мифологически с различными боже-ствами индуистского пантеона и одновременно с почитанием ряда животных, таких как буйвол, бык-зебу, носорог, слон, тигр, змеи и пр.

ности. Это дало исследователям возможность выявить исконные местные элементы, зафиксировать арийский элемент и уточнить соотношение обоих в классической индийской культуре. Комплексное исследование протоиндийских материалов позволило воссоздать пантеон божеств и целую систему религиозных представлений, связанных с календарем и сезонными праздниками, с космографией и космогонией хараппцев. Выявилась эволюция протоиндийских религиозных представлений и мифологии в последующей культуре Индии (Волчок 1972а; 1972б).

В ранних памятниках господствует культ богини и бога буйвола — свидетельство предыдущей зооморфной стадии, которую можно рассматривать как субстратную для протоиндийской цивилизации. Она уходит корнями в неолитическую, а судя по наскальным изображениям, и в мезолитическую эпоху — петроглифы Адамгарха, Бхопала и Лекхахьи (Щетенко 1979: рис. 15, 16). Эта стадия опирается на изображение только представителей индийской фауны и флоры. В дальнейшем, с установлением и расширением контактов с соседними странами и появлением новых животных и растений, эти образы будут синкретически преобразованы в сложную систему религиозных представлений, освященную мифами и легендами сначала устной, а затем и письменной традиции.

В эпоху зрелой хараппы начинается процесс антропоморфизации богов. Отдельные мифические личности, восходящие к неолитической эпохе, исчезают, уступая место новым образам. Яркий пример тому — женский силуэт с поднятыми руками — образ богини плодородия в неолите, известный по наскальным изображениям и сохранившийся в религии дравидоязычных и мундоязычных племен Центральной Индии. В хараппских материалах он представлен единичными знаками на статуэтках, керамике и одном трехгранном оттиске. Подавляющее число женских фигурок на печатях изображены с опущенными руками. А иконография классических религий Индии полностью утратила этот образ. В это время в хараппских материалах появляются антропоморфные божества, священные животные и деревья, обряд жертвоприношений на низких платформах, или «столиках».

Весьма показательна эволюция образа буйвола, которому посвящено специальное исследование (Волчок 1982). Буйвол — архаичское высшее зооморфное божество на тотемном уровне, вероятно, было связано с правящим кланом, а его иконография (как и его супруги буйволицы — верховной богини) — с мировым деревом. В дальнейшем в процессе совершенствования системы смены власти в обществе верховный бог был отождествлен с планетой Юпитер и период ее обращения был положен в основу культовой и практической хронологии протоиндийцев. На царской печати из Мохенджо-Даро (Маскау 1938: vol. II, pl. XCIV, № 420) верховный бог, ранее трактовавшийся как прообраз Шивы в облике покровителя животных Пашупати (Marshall 1931: vol. I, 52—55), изображен в образе Владыки мира, покровителя

одного из 12-леть в 60-летнем цикле Юпитера (*Брахиспатичакра* в письменной традиции). Бог с рогами буйвола на голове, увенчанными схематической кроной мирового дерева, сидит на троне в итифаллическом состоянии (рис. 3/1). Его окружают тигр, слон, носорог и буйвол, интерпретируемые как символы четырех сторон горизонта — черта, судя по письменным источникам, характерная для религиозных представлений индийцев, начиная с ведического периода. В хараппских текстах выявлено несколько имен верховного бога: «Звезда», «Великая звезда» [Юпитер], «Владыка времени». Формально устанавливается тождество имен верховного бога с древним «бог-буйвол» (Волчок 1982: 67).

Отмечен также уникальный знак — «человек с рогами буйвола»: он встречается один раз в значении «бог-буйвол» (имеется в виду Юпитер). Популярность его культа демонстрируется количественным преобладанием (более 50) имен буйвола, которые, как правило, сопровождают жертвенные или праздничные тексты. В изображениях буйвол передается разнообразно: в сложных сценах в сочетании с другими персонажами или изолированно, как на печатях. Иногда он представлен только рогами, имеющими характерный развал. Эта схема уходит в прехараппское время: яркие образцы таких рогов есть на керамике Калибангана и Кот-Диджи (рис. 3/2). Поздние влияния этой символики прослеживаются в орнаментации керамики (рис. 3/3, 5) в постхараппских халколитических культурах Декана и в позднем периоде IC неолитического Бурзахома (Thapar 1985: fig. 15).

В Калибангане недалеко от платформы с «очагами» и рядом с прямоугольным кирпичным «ящиком» с костями быка и рогами оленя, найдена глиняная табличка с изображением рогатого существа на одной стороне (рис. 3/4) и схематической фигуркой человека, ведущего на поводу какое-то животное (Lal 1997: pl. XXXII/B), — на другой. Вся сцена трактуется как жертвоприношение божеству, головной убор которого позволяет отождествлять его с прото-Шивой-Пашупати (Lal 1997: 229)²⁵.

Изображение рогов буйвола в сочетании с ветками или растениями весьма характерно для дравидоязычных племен Центральной и Южной Индии. Так, среди находящейся на стадии первобытнообщинного строя одной из групп скотоводов гондов — бисонхорн-мариа Бастаре

²⁵ В Лотхале также есть свидетельства жертвоприношения животных: в доме фазы III поверх низкой платформы («жертвенный алтарь») расчищена кирпичная оградка («жертвенная яма»), где находились обожженные фрагменты челюстей быка, диско-видная золотая подвеска, сердоликовая бусина, расписные черепки кувшина и большое количество золы (Rao 1979: 218). Сцена на печати с богиней под «аркой» (Maskey 1938: vol. II, pl. XCIV, № 430) трактуется иногда как жертвоприношение человека-воина, чтобы увязать этот пассаж с культом индуистской богини победы Дурги (Parola 1992: 230). Однако слишком смелая идентификация неясного предмета как головы человека справедливо отвергается археологами (Lal 1997: 228).

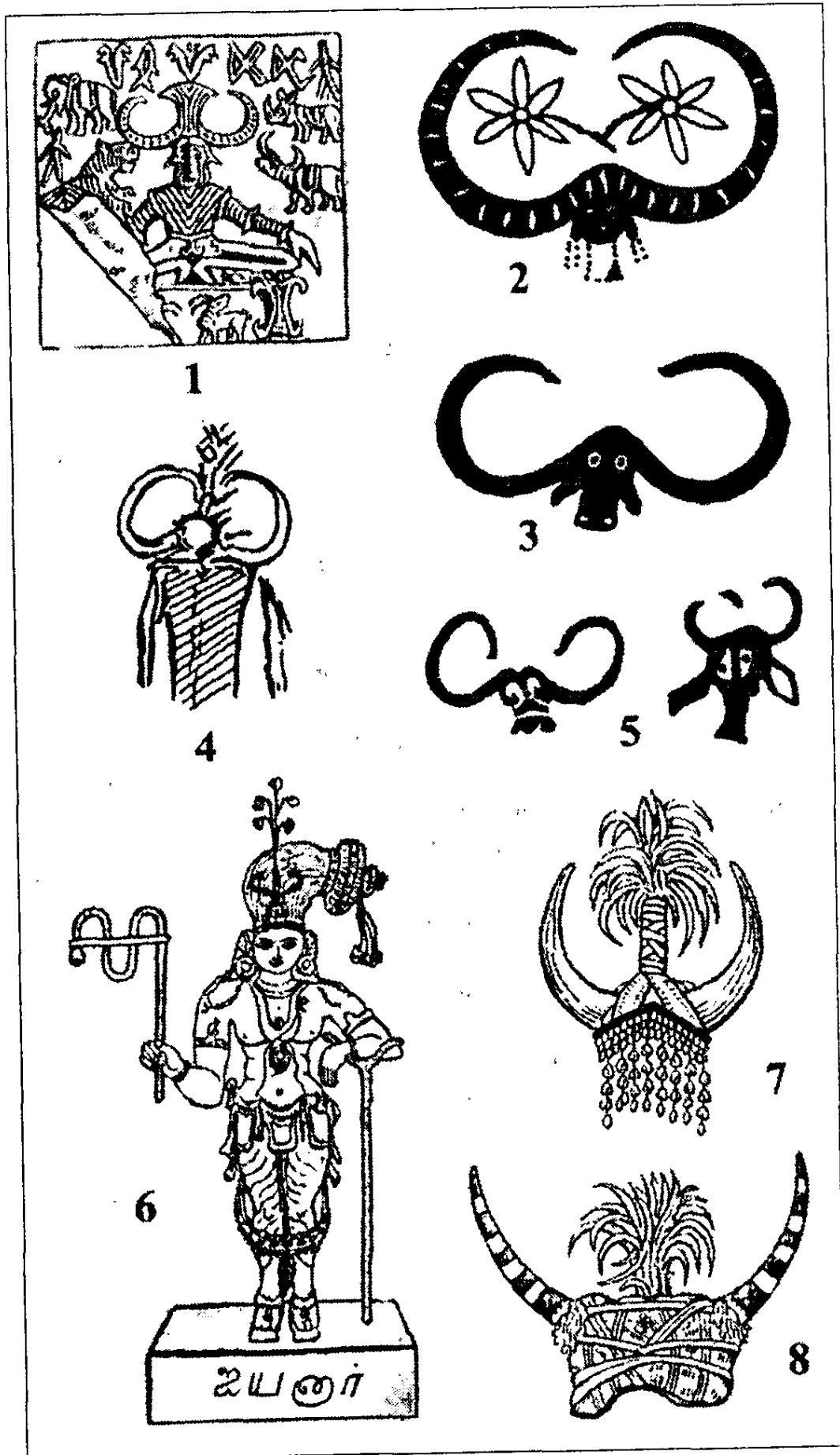

Рис. 3. Культ буйвола:

1 — печать из Мохенджо-Даро (Mackay 1938: vol. II, pl. XCIV/420); роспись на керамике
 2 — Кот-Диджи, 3 — Бурзахом (Thapar 1985: fig. 15); 4 — гравировка на глиняной табличке — Ка-
 либанган (Lal 1997: pl. XXXII/B); 5 — Нагда, 6 — дравидийский бог Айнара (Jouveau-Dubreuil
 1937: fig. 36); 7, 8 — мужские головные уборы племени гондов (Elwin 1951: fig. 56, 61)

(имя буйвола включено в этническое название этого племени) почитание культа буйвола занимает первое место. Для ритуальных свадебных танцев изготавливаются сложные мужские головные уборы, основную часть которых образуют рога буйвола с растительным «плюмажем» (Elwin 1951: fig. 56, 61), напоминающие приведенные выше археологические примеры (рис. 3/7, 8). В «короне» дравидийского бога Айнара (Jouveau-Dubreuil 1937: fig. 36) рога и цветущая ветвь также занимают центральное место (рис. 3/6). Таким образом, археологические и этнографические материалы наглядно демонстрируют почитание культа буйвола на протяжении нескольких тысячелетий: от тотемной стадии охотников-собирателей мезолитической эпохи до наших дней в среде первобытных скотоводов.

Култ Матери-Богини, как с самого начала интерпретировались терракотовые женские статуэтки, широко представлен в протоиндийской культуре. Недавно предложено новое объяснение этого явления. Полагают, что часть терракоты, включающая изображения бытовых сцен (помол, стирка, кормление и пр.), так же как и гротескные фигурки с явно выраженными карикатурными чертами, представляет собой проявление народной, бытовой культуры (During Caspers 1979: 345). Хотя, по моему мнению, при изучении терракоты необходим тщательный типологический анализ этого важного археологического источника и строгий учет стратиграфического положения находок. Возможно, гротескные изображения приходят на смену культу Матери-Богини вместе с увеличивающимся числом мужских статуэток и появлением фигурок лошадей, что отражает иной этап в развитии идеологии, связанный с первыми контактами с арийскими племенами.

Об этом же свидетельствует и появление в постхарапских комплексах с серой расписной и северной чернолощеной керамикой костяных антропоморфных идолов с «глазковым» орнаментом (рис. 4А). Это новое божество характерно для скотоводческих племен эпохи поздней бронзы и раннего железного века, но отдельные параллели «глазкового» орнамента прослеживаются и в памятниках протоиндийской цивилизации (Sinha 1981: 101—103), и в одновременных культурах Западной Азии (Dhavalikar 1965: 537—538).

Кроме культа Матери-Богини, широко распространенного среди земледельческих племен Евразии, выявляются и специфические индийские культы и верования. Это поклонение деревьям (в первую очередь ашваттхе — мировому, или космическому, дереву), птицам, животным (особенно буйволу, быку-зебу), жертвоприношения деревьям и божествам. Часть их сохранилась и в современной Индии. Поклонение Шиве, лингамам и йони — довольно универсально²⁶, а поклонение

²⁶ Впервые, после раскопок в Мохенджо-Даро, Дж. Маршалл определил предметы цилиндрической формы из известняка, алебастра, раковин, фаянса, пасты как лингамы, а полые кольца — как йони, связав оба типа предметов с истоками культа Шивы (Marshall 1931: vol. I, 58).

деревьям и животным и жертвоприношения — преобладают в сельских местностях. Ряд терракотовых статуэток в позах йоги рассматривается учеными в качестве свидетельства того, что это явление зародилось уже в хараппское время (Rao 1973: fig. 75; Lal 1997: 278, fig. 14/5).

В древней Индии, по свидетельству вед, не было храмов. Их место занимали небольшие святилища для отправления религиозных обрядов, главным образом для совершения жертвоприношений. Центром святилища было священное дерево на низкой подставке-алтаре, где находились изображения местного божества, жертвенные и культовые предметы. Эти святилища и были, по мнению С. Дж. Диля, первыми «храмами» в истории индийской иконографии (Diehl 1956). В такой форме они существуют, наряду с индуистскими храмами в честь Шивы и Вишну, и в наши дни в сельской местности, особенно на юге Декана у дравидийских народов.

Вопрос о существовании храмов в хараппских поселениях по-прежнему дискутируется (Щетенко 2000). Общепризнанным остается наличие святилищ с «алтарями» огня, бассейнов для омовений, священных деревьев и мест жертвоприношений. Последнее блестяще подтверждается прочтением иероглифов на печатях с изображением животных (Кнорозов 1981: 53, табл. 3). На них указаны сезон жертвоприношения и божество, которому они подносились.

Специального исследования заслуживает современная обрядовая роспись на земле (Буланова 1986). Эта традиционная роспись возникла, возможно, еще в первобытном обществе на основе представлений древних обитателей различных частей Индостана об окружающем их мире в связи с их верованиями и обрядами. Некоторые знаки, по моим наблюдениям, восходят к наскальной росписи неолитической эпохи, а в районах Центральной Индии и к мезолитической эпохе. В наши дни сохранились лишь декоративный и церемониальный аспекты этого искусства, а тайны древней символики хранятся брахманами и недоступны простым смертным.

Обрядовая роспись под разными названиями представлена во всех районах Индостана и является прерогативой женщин. Она пронизывает всю повседневную жизнь как сельского, так и городского жителя и, как правило, приурочена к какому-либо событию: к определенному празднику, началу сева или сбору урожая, к свадьбе, рождению ребенка и пр. В Махараштре она известна под названием *raṅgavalli*. В северных районах на хинди она звучит как *rangoli* (на бенгальском — *alpanā*) и используется только во время праздников или при проведении определенных церемоний; на юге, где на тамильском она называется *kolam*, — это ежедневный ритуал, осуществляемый женщинами, особенно в деревнях. Многочисленным божествам индуистского пантеона соответствует множество специфических символов и знаков обрядовой росписи. Назовем лишь некоторые из них, восходящие к орнаментации хараппской керамики и к рисункам на печатях: солярные знаки, свастика, трезубец, полумесяц, лотос, трилистник или пятилист-

ник растения бильвы и др. Многие из них в классический период будут связаны с культом Шивы.

Особого упоминания заслуживает так называемый «переплетенный» орнамент (популярен у тамилгов в росписи *колам*), впервые зафиксированный на медных пластинках из Мохенджо-Даро²⁷. Обратные стороны пластин имеют одинаковые надписи, состоящие из четырех хараппских иероглифов (рис. 4/В, 1, 2). На экземпляре, открытом Э. Маккеем, сверху есть еще линия из трех или, возможно, четырех знаков, которые раскопщик считал вторичной допиской²⁸.

Мотив «переплетенного» орнамента в неизменном виде устойчиво сохраняется в индийской традиции: он присутствует на терракотовом штампе (рис. 4/В, 3) из храмового комплекса Таксилы (Marshall 1951: vol. II, 437; vol. III, pl. 204/k), на тарелках с подписями раннеисторических правителей Гуджарата (рис. 4/В, 4), на кирпичях строений Тадж Махала и стенах Аллахабадского форта раннего средневековья (Sarkar, Pande 1969—70: 45, fig. 1), обозначая либо существование культа Солнца, либо простой орнаментальный мотив (рис. 4/В, 5). До наших дней он бытует среди разнообразных узоров в напольной живописи, особенно на юге Декана.

Уникальной является роспись, сохранившаяся на полах комнат хараппских поселений Калибанган и Балакот (Dales 1979: 260, fig. 8), разделенных расстоянием в 500 км. Этот сплошной узор в виде пересекающихся окружностей встречается и на хараппской керамике, но, что особенно важно, сохранился в несколько измененном виде в напольной росписи *колам* у племен Южной Индии (Durai 1929: pl. E; Layard 1937: fig. 8; Буланова 1986: табл. 1/28).

В обрядовой росписи символ *кунди*, олицетворяющий единение лингама и йони, кроме магических схем (Буланова 1986: табл. I/10—11, 19, 26, 29—30, 33; II/3; III/22), представлен в виде фигуры мужчины-женщины Ардхаваришвары, означающей союз бога со своей шакти (Бэшем 1977: 333). Истоки его прослеживаются в росписи посуды постхараппских культур Центральной Индии. Так, на дне небольшой чаши с загнутым венчиком нарисована пара (мужчина и женщина) в позе сексуального контакта (Щетенко 1968: рис. 26/1 — крайний левый). В Индостане это самое раннее изображение, и наиболее близкая (по смыслу) параллель происходит из неолитического поселения Лакер-

²⁷ Одна пластинка оказалась в комнате 30 дома I позднего периода раскопа VS (Marshall 1931: vol. II, 400; vol. III, pl. CXVIII, 5), вторая — найдена на участке G раскопа DK (Mackay 1938: vol. I, 364—365; vol. II, pl. XCIII, 4).

²⁸ Мое прочтение основной надписи, с опорой на глоссарий и принципы дешифровки Ю. В. Кнорозова (1981: 66—71), звучит так: «Власть (могущество) царя великой (верховой) звезды». Оно совпадает с текстом советских ученых, где «великая звезда» отождествляется с Юпитером (Кнорозов, Albedil, Volchok 1981: 96, № 3350, 3352). Это не противоречит смысловой нагрузке орнаментального мотива, сопровождавшего подписи правителей Гуджарата. Дописка из четырех знаков сделана вторично и означает, по моему мнению, жертвенную надпись священному пипалу в третий сезон.

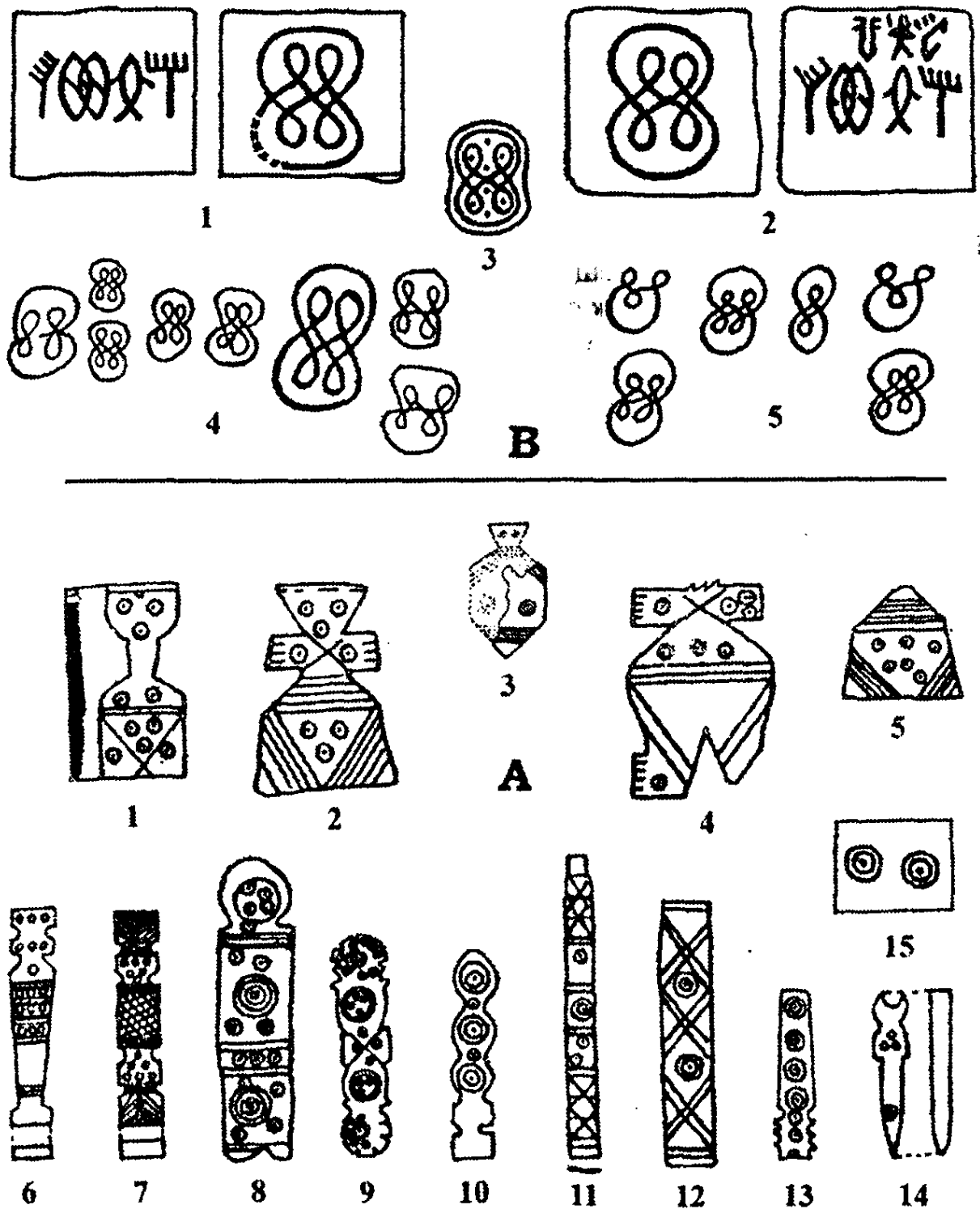

Рис. 4. Орнаментальные мотивы:

А. Плакетки с «глазковым» орнаментом. Кость и рог (Sarkar, Pande 1969—1970: fig. 1);
 В. Переплетенный орнамент. 1 (Marshall 1931: vol. III, pl. CXVIII/5) и 2 (MacKay 1938: vol. II, pl. XCIII/4) — медные таблички из Мохенджо-Даро; 3 — терракотовый штамп. Таксила (Marshall 1951: vol. III, pl. 204/k); 4 — символы, сопровождающие подписи правителей Гуджарата; 5 — метки на кирпичках (Sarkar, Pande 1969—1970: fig. 1)

сия в Апулии (Италия), где внутри горшка находится аналогичный рисунок (Crawford 1957: 42, fig. 11). Схематичные фигурки мужчины и женщины, заключенные в ромб (индийский образец — в круге), объединены двойным квадратом с точкой внутри, что, возможно, символизирует лингам, помещенный в йони (рис. 5).

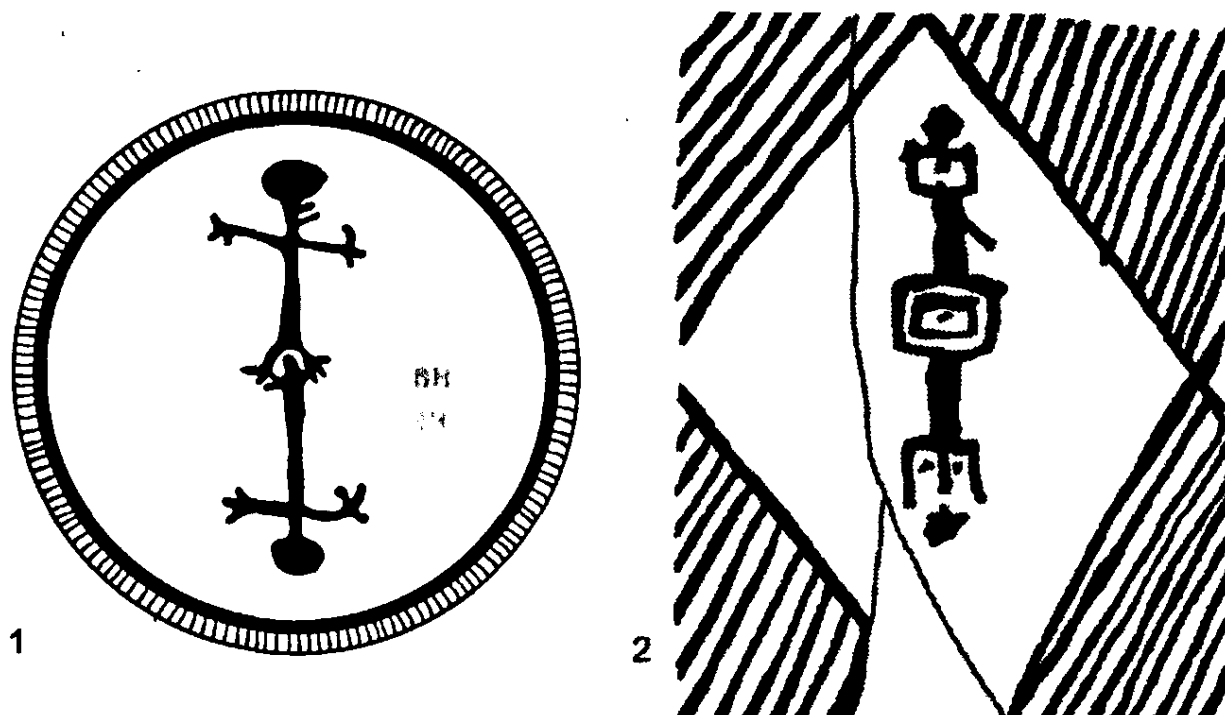

Рис. 5. Прототипы символа кунди в росписи сосудов:

1 — поселение Даймабад. Фаза III. Махараштра, Индия. (IArch 1958—1959: 16, fig. 7); 2 — неолитическое поселение Лакерсия в Апулии, Италия (Crawford 1957: 42, fig. 11)

Такая дальняя переключка идей отмечена и на другом символе. Это трилистник, украшающий одеяние «принца-жреца» из Мохенджо-Даро (Marshall 1931: vol. III, pl. 98). Его символике посвящена значительная литература, обобщенная в работе А. Парполы (Parpola 1985). Проверая гипотезу Э. Маккея о ближневосточных истоках трилистника, финский лингвист приходит к выводу о конвергентном возникновении в хараппской и в дравидийской (а частично и в месопотамской) культурной среде многих идеологических концепций и культовой практики, которые становятся центральными в поздних индийских религиях. Подчеркивая роль дравидоязычных даса (*dāsas*) как наследников хараппских традиций, наиболее близких к традициям тантризма шакти (*Śākta*), ученый идентифицирует их с носителями одновременных им археологических культур эпохи бронзы Северо-Западной Индии, Бактрии и Северо-Восточного Ирана (Parpola 1985: 402). Это означает, что арийские элементы в культурном наследии народов Индостана появляются не в постхараппское время, а значительно раньше, в середине III тыс. до н. э., и связаны они частично с Месопотамией.

В этой связи заслуживает внимания исследование российского лингвиста А. А. Ваймана. Изучая хозяйственный архив древних Суз (около 1500 клинописных текстов), датируемый первой третью III тыс. до н. э., он пришел к выводу, что не менее трети всех протоэламских знаков (их почти 400) были заимствованы из протошумерской письменности. Удалось установить, что протоэламские тексты принадлежали тем самым ариям, которые упоминаются в классическом памятнике древней Индии Ригведе. Согласно дешифровке, протоэламский

знак — логограмма «сам царь» — заимствован из протошумерской письменности и изображает печать (таково, по-видимому, было и его первоначальное значение у шумеров). Как пишет ученый: «Представляется весьма возможным, что на языке Ригведы или на чрезвычайно близком к нему санскрите рассматриваемый протоэламский знак — рисунок печати — можно прочесть как *sva-rāj* ('сам царь'), причем *sva* является местоимением 'сам', а *rāj* — существительным 'царь' (Вайман 2000: 4).

С религиозными представлениями связана и погребальная практика протоиндийской цивилизации и современных народов Индостана. Обряд кремации, широко практикуемый в современной Индии, восходит к весьма отрывочным сведениям из самого раннего арийского источника (Ригведа X, 14—16; 18). В этих четырех разделах десятой мандалы есть упоминания погребального обряда, связанного с трупосожжением, а также богов Варуны, Ямы и, что особенно важно, Агни, с именем которого ассоциируется почитание огня. А для археолога важно и упоминание о прибытии на небо и не сожженных (Ригведа X, 15), т. е. какая-то часть умерших предавалась земле по обряду трупоположения. В более поздних текстах (Атхарваведа, Тайттария брахмана) сохранилось описание весьма сложного и разработанного ритуала погребального обряда, что позволяет ретроспективно относить его возникновение к временам создания Ригведы. Однако на археологических материалах реконструкция погребального обряда, связанного с кремацией тела умершего, практически неосуществимая задача. Как показал на среднеазиатских материалах А. М. Мандельштам (скрупулезно изучивший письменные арийские источники по немецким переводам), лишь конструкция могилы, наличие в ней кальцинированных костей человека и сопровождающего инвентаря с солнечной символикой, возможно, связанной с культом бога Агни, позволяют лишь очень приблизительно относить скотоводов эпохи поздней бронзы Центральной Азии к одному из ранних потоков арийских племен (Мандельштам 1968: 102—106)²⁹.

Уже первооткрыватели протоиндийской цивилизации отмечали незначительное количество погребений хараппской культуры, объясняя этот факт наличием обряда кремации у жителей долины Инда (Маскау 1938: vol. I: 648)³⁰. Вероятно, эта точка зрения имеет право на

²⁹ Одна из попыток связать кремацию с жертвоприношением огню по образцу вед предпринята на материалах поздних этапов земледельческой культуры сапалли (Аванесова 1995: 66). Однако так называемый сакральный комплекс (Там же: рис. 1), раскопки которого я наблюдал в 1991 г. (во время экспедиции ЮНЭСКО «Шелковый путь») и снял на цветные слайды, заслуживает более тщательного изучения с учетом как вертикальной, так и горизонтальной стратиграфии.

³⁰ Косвенным подтверждением этого могут служить такие архитектурные детали протоиндийских городищ, как контрфорсы, расположенные у речных потоков. И сегодня в Индии и Непале (мои дневниковые записи 1981—1982 гг.) на аналогичных по конструкции и местоположению сооружениях — «гхатах» — на погребальных кострах сжигаются трупы, а их остатки и пепел спускаются в воду.

существование, ибо за 80 лет раскопок количество захоронений увеличилось незначительно по сравнению с огромными площадями вскрытых памятников (только в Мохенджо-Даро раскопано более 40 га). Так, среди 400 хараппских поселений лишь Хараппа, Калибанган, Лотхал, Банавали и Суркотада сопровождаются могильниками, как правило, вынесенными за стены городища.

Все эти могильники, судя по материалам, разновременны и представляют, очевидно, с одной стороны, кладбища переселенцев с Запада, а с другой — захоронения местных аборигенов, соседей хараппской цивилизации. Об этом говорят хронологически разные типы погребений пришельцев. Самые ранние — так называемое погребение шумерского купца в деревянном гробу могильника «R» в Хараппе, расчлененные костяки в «урнах» могильника «H» Хараппы и одновременно им аналогичные захоронения в сосудах постхараппских по времени энеолитических племен Центральной Индии (Щетенко 1968: 62—69). Самые поздние — грунтовые могилы Суркотады — никак не связаны ни с погребениями двух могильников Хараппы, ни с тремя типами могил Калибангана и погребениями Лотхала. Причем типологически могилы Суркотады (грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами) резко отличаются от всех типов хараппских погребений. Среди последних есть могильные ямы, выложенные по периметру сырцовыми кирпичами, и кенотафы с большим числом гончарной посуды; возможно, были и деревянные конструкции, — все эти типы отмечены в культурах эпохи бронзы Ирана и Средней Азии (Аскарлов 1977; Саррианиди 1990), но отсутствуют в неолите и мезолите Индостана (Щетенко 1977), где простые могильные ямы являются прототипами могил Суркотады. Антропологические материалы немногочисленных краниологических серий подтверждают смешанный характер населения протоиндийской цивилизации³¹.

Изучение культурного наследия древнеиндийской цивилизации свидетельствует, что на определенном этапе своего развития (в последней трети II тыс. до н. э.) она частично утратила ряд характерных черт цивилизации городского типа: регулярность планировки, архитектурный стиль, приемы строительной техники, письменность, систему мер и весов. Произошла деэволюция (термин Б. Б. Лала) исторического процесса. Сохранилось лишь все, связанное с сельскохозяйственной практикой (системы землепользования и орошения, орудия труда, транспорт), с бытовым укладом (керамика, утварь, украшения), с религиозными верованиями (сезонные праздники, культы, жертво-

³¹ Уже первая серия (14 черепов) из поздних слоев (но не могил) Мохенджо-Даро продемонстрировала различные антропологические типы: австралоиды, монголоиды и четыре средиземноморских типа; последние связывались с миграцией народов из Западной Азии (Marshall 1931: vol. II, 638—44). Дополнительные материалы из погребений Лотхала подтвердили эти различия, хотя и под другими современными названиями (Keppedy 1981). Древнейшее население Индостана было весьма пестрым по своему антропологическому и этническому составу (Абдушелишвили и др. 1976: 95 сл.).

приношения), частично — с социальной стратификацией в деревне. Эти сохранившиеся черты являются частью и сутью повседневной жизни человека и не зависят от влияния торговли или уклада городской жизни. С другой стороны, в долине Ганга наблюдается вторая фаза возникновения поселений городского типа, которые, как показано выше, во многом наследовали отдельные архитектурные приемы и методы строительства хараппских городов долины Инда.

Вероятно, скотоводческая арийская культура постепенно растворилась в местном субстрате большесемейных земледельческих общин разных регионов Индостана. Ее носители были ассимилированы аборигенами. Арии не изменили хозяйственный уклад и образ жизни аборигенов, влияние их культуры коснулось племенной верхушки, а количественное преобладание местного населения со временем «переплавало» нововведения пришельцев, создав сложный симбиоз из верований и религиозных представлений тех и других, но оставив в неприкосновенности деревенскую (сельскую) общину — основу живучести индийского общества, которую не поколебали последующие многочисленные волны завоевателей письменных эпох, включая двухсотлетнее колониальное владычество англичан. Она же — сельская община — явилась той социальной и в определенной степени экологической средой, что способствовала сохранению традиционного образа жизни, деятельности, мировоззрения и религиозных культов, впитавших в себя все многообразие тысячелетней истории народов Индостана, сохранивших в своей повседневной практике положительный опыт, накопленный предшествующими поколениями. Древнеиндийское общество хараппского и классического периодов можно рассматривать как выражение специфической «адаптивно-адаптирующей системы» (Маркарян 1972: 196—197), позволившей в изменившихся экологических условиях долины Ганга завершить процесс классообразования и сохранить в традициях хозяйственной и общественной жизни культурное наследие протоиндийской цивилизации.

Таким образом, главным носителем культурного наследия народов Индостана является консервативный сельский уклад, и поэтому так справедливо звучит утверждение Махатмы Ганди, сформулировавшего в начале XX в. основную идею стойкости традиций индийского общества: «Индия живет в своих деревнях».

Литература

Абдушелишвили и др. 1976: *Абдушелишвили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М.* Совместные советско-индийские антропологические исследования в Индии в 1974—1975 гг. // СЭ. № 6. С. 89—98.

Аванесова 1995: *Аванесова Н. А.* Новое в погребальном обряде сапалинской культуры // АВ. № 4. С. 63—72.

Аскарлов 1977: *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.

- Банерджи 1985: *Банерджи Н. Р.* Влияние появления железа на материальную культуру Индии // ИБ МАИКЦА. Вып. 8. С. 84—93.
- Бонгард-Левин, Ильин 1969: *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия: Исторический очерк. М.
- Буланова 1986: *Буланова Н. В.* Индийская обрядовая роспись на земле // СЭ. № 4. С. 123—135.
- Бэшем 1977: *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М.
- Вайман 2000: *Вайман А. А.* Дешифровка протоэламской (арийской) письменности: логограмма «сам царь» (санскритское *sva-gāj*) // К 80-летию Отдела Востока. СПб. С. 3—5.
- Волчок 1972а: *Волчок Б. Я.* Протоиндийские божества // Сообщ. об исслед. протоиндийских текстов II. Proto Indica. М. С. 246—304.
- Волчок 1972б: *Волчок Б. Я.* Протоиндийские параллели к мифу о Сканде // Сообщ. об исслед. протоиндийских текстов II. Proto Indica. М. С. 305—312.
- Волчок 1982: *Волчок Б. Я.* К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов // СЭ. № 3. С. 54—69.
- Генинг и др. 1992: *Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Гуров 1975: *Гуров Н. В.* Протоиндийский блок названия праздника // Сообщ. об исслед. протоиндийских текстов. Proto Indica: 1973. М. С. 52—53.
- Дешпанде 1956: *Дешпанде С. Д.* Западная Индия: Географический обзор. М.
- Дикшит 1985: *Дикшит К. Н.* Время появления железа в Индии // ИБМАИКЦА. Вып. 8. С. 74—83.
- Замятин 1990: *Замятин Е. Н.* Избранные произведения: В 2 т. М.
- Кнорозов 1975: *Кнорозов Ю. В.* Классификация протоиндийских надписей // Сообщ. об исслед. протоиндийских текстов. Proto Indica: 1973. М. С. 4—15.
- Кнорозов 1981: *Кнорозов Ю. В.* Протоиндийские надписи: К проблеме дешифровки // СЭ. № 5. С. 47—71.
- Косамби 1968: *Косамби Д. Д.* Культура и цивилизация древней Индии. Исторический очерк. М.
- Мандельштам 1968: *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.
- Маркарян 1972: *Маркарян Э. С.* Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.
- Маркарян 1981: *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы культурной традиции // СЭ. № 2. С. 78—96.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Страна Маргуш. Ашхабад.
- Спейт 1957: *Спейт О. Х. К.* Индия и Пакистан: Общая и региональная география. М.
- Стратановский 1972: Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л.
- Супрунович 1967: *Супрунович Б. П.* Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии // СНВ. Вып. V. С. 73—88.
- Чайлд 1956: *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Шнирельман 1984: *Шнирельман В. А.* Этноархеология — 70-е годы // СЭ. № 2. С. 100—113.
- Щетенко 1968: *Щетенко А. Я.* Древнеземледельческие культуры Декана. Л.

Щетенко 1977: *Щетенко А. Я.* Мезолит Индостана // КСИА АН СССР. п. 149. С. 124—127.

Щетенко 1979: *Щетенко А. Я.* Первобытный Индостан. Л.

Щетенко 1992: *Щетенко А. Я.* Комплексное изучение древнеиндийских мятников // АВ. № 1. С. 204—207.

Щетенко 1994а: *Щетенко А. Я.* Реконструкция хозяйства хараппцев (по палеоботаническим материалам Рожди) // АВ. № 3. С. 211—214.

Щетенко 1994б: *Щетенко А. Я.* Концепция культурно-хозяйственных зон Бендапуди Суббарао // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологич. семинара. СПб. С. 36—39.

Щетенко 1995: *Щетенко А. Я.* Новое серийное издание по проблематике древнеиндийской цивилизации // АВ. № 4. С. 244—248.

Щетенко 1998а: *Щетенко А. Я.* Фортификация поселений древнеиндийской цивилизации // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Междунар. коиф. 2—5 сентября 1998 г. СПб. С. 58—62.

Щетенко 1998б: *Щетенко А. Я.* Планиграфия поселений древнеиндийской цивилизации // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематич. науч. конф. СПб. С. 11—16.

Щетенко 1998в: *Щетенко А. Я.* Фундаментальный труд по древнеиндийской цивилизации // АВ. № 5. С. 331—341.

Щетенко 1999: *Щетенко А. Я.* Культурное наследие древнеиндийской цивилизации // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Междунар. конф. СПб. С. 55—59.

Щетенко 2000: *Щетенко А. Я.* К проблеме интерпретации святилищ древнеиндийской цивилизации // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематич. науч. конф. СПб. С. 10—15.

Щетенко 2001а: *Щетенко А. Я.* Этноархеология первобытного Индостана // Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб. С. 67—69.

Щетенко 2001б: *Щетенко А. Я.* Этноархеологический подход в изучении древнейшей истории Индостана // Интеграция археолог. и этнографич. исслед. Нальчик; Омск. С. 45—47.

Chakrabarti 1972—1973: *Chakrabarti D. K.* Concept of Urban Revolution and the Indian Context // *Puratattva*. No. 6. New Delhi. P. 27—32.

Crawford 1957: *Crawford O. G. S.* Eye Goddess. London.

Dales 1979: *Dales G. F.* The Balakot Project: Summary of Four Years Excavations in Pakistan // *SAA* 1977. Vol. 1. Naples. P. 241—273.

Dhavalikar 1965: *Dhavalikar M. K.* «Eye Goddesses» in India and their West Asian Parallels // *Anthropos* 60. P. 533—540.

Dhavalikar 1991: *Dhavalikar M. K.* Merchant traders of Western India // *The Indian Ocean Review*. Vol. 4. N 4. P. 3—15.

Diehl 1956: *Diehl C. G.* Instrument and Purpose. Studies on Rite and Rituals in South India. Lund.

Durai 1929: *Durai H. G.* Preliminary Note on Geometrical Diagrams (Kolam) from the Madras Presidency // *Man*. No. 60.

During Caspers 1979: *During Caspers.* Caricatures, Grotesques and Glamour in Indus Valley Art // *SAA* 1977. Vol. 1. Naples. P. 345—374.

Elwin 1951: *Elwin V.* The Tribal Art of Middle India. Oxford.

Fairservis 1967: *Fairservis W. A.* The Origin, Character, and Decline of an Early Civilization // *American Museum Novitates*. No. 2302. New York. P. 3—48.

Fairservis 1975: *Fairservis W. A.* The roots of ancient India. 2nd ed. Chicago.

Jarrige 1985: *Jarrige J.-F.* Continuity and Change in the North Kachi Plain (Baluchistan, Pakistan) at the Beginning of the Second Millennium BC // *SAA* 1983. Vol. 1. Naples. P. 35—68.

Jarrige, Lechevallier 1979: *Jarrige J.-F., Lechevallier M.* Excavations at Mehrgarh, Baluchistan: Their Significance in the Prehistorical Context of the Indo—Pakistan Borderlands // *SAA* 1977. Vol. 1. Naples. P. 463—535.

Jouveau-Dubreuil 1937: *Jouveau-Dubreuil G.* Iconography of Southern India. Paris.

Kennedy 1981: *Kennedy K. A. R.* Skeletal biology // *Archaeology*. Vol. 34/1. P. 23—24.

Kenoyer 1991: *Kenoyer J. M.* Urban process in the Indus tradition // *Harappa Excavations 1986—1990*. Madison. P. 29—60.

Knorozov, Albedil, Volchok 1981: *Knorozov Y. V., Albedil M. F., Volchok B. Y.* Proto-Indica: 1979. Report on the Investigation of the Proto-Indian Texts. Moscow.

Lal 1970—1971: *Lal B. B.* Perhaps the Earliest Ploughed Field so far Excavated Anywhere in the World // *Puratattva*. No. 4. New Delhi. P. 1—3.

Lal 1979: *Lal B. B.* Kalibangan and the Indus civilization // *Essays in Indian Protohistory*. Delhi. P. 65—97.

Lal 1993: *Lal B. B.* A glimpse of the social stratification and political set-up of the Indus civilization // *Harappan Studies*. Vol. I. New Delhi. P. 63—71.

Lal 1997: *Lal B. B.* The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Mature and Decline). New Delhi.

Lal, Dikshit 1981: *Lal B. B., Dikshit K. N.* Sringaverapura: A Key-site for the Protohistory and early History of the Central Ganga Valley // *Puratattva*. No. 10 (1978—1979). New Delhi. P. 1—7.

Layard 1937: *Layard J.* Labyrinth Ritual in South India // *Folklore*. Vol. XLVIII. P. 115—183.

Leshnik 1968: *Leshnik L. S.* The Harappan 'Port' at Lothal: Another view // *American Anthropologist*. Vol. 70/5. P. 911—922.

Mackay 1938: *Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohenjo-daro. Vol. I—II. Delhi.

Mackay 1943: *Mackay E. J. H.* Chanhudaro excavations 1935—1936. New Haven.

Marshall 1931: *Marshall J.* Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. Vol. I—III. London.

Marshall 1951: *Marshall J.* Taxila. Vol. I—III. Cambridge.

Mate 1969—1970: *Mate M. S.* Early Historical Fortifications in the Ganga Valley // *Puratattva*. No. 3 Varanasi. P. 58—69.

Mughal 1990a: *Mughal M. R.* The Harappan «Twin Capitals» and Reality // *JCA*. Vol. XIII/1. P. 155—162.

Mughal 1990b: *Mughal M. R.* The protohistoric settlement patterns in the Cholistan desert // *SAA* 1987. Vol. I. Rome. P. 143—156.

Muller 1979: *Muller F. M.* Physical religion. New Delhi.

Parpola 1985: *Parpola A.* The Harappan 'Priest—King's' Robe and the Vedic Tārpya Garment: Their Interrelation and Symbolism (Astral and Procreative) // *SAA* 1983. Vol. 1. Naples. P. 385—403.

- Parpola 1992: *Parpola A.* The 'Fig Deity Seal' from Mohenjo-daro: Its Iconography and Inscription // SAA 1989. Madison. P. 227—36.
- Rao 1963: *Rao S. R.* Excavation at Rangpur and other Exploration in Gujarat // An. No. 18—19. New Delhi. P. 5—207.
- Rao 1973: *Rao S. R.* Lothal and the Indus civilization. Bombay.
- Rao 1985: *Rao S. R.* Lothal — a Harappan port town (1955—1962). Vol. II. New Delhi.
- Sarkar, Pande 1969—1970: *Sarkar H., Pande B. M.* A Note on the a Knot Design from Mohenjo-Daro and Its Occurrence in Later Times // Puratattva. No. 3. Varanasi. P. 44—45.
- Shaffer 1992: *Shaffer G.* The Indus Valley, Baluchistan and the Helmand Traditions: Neolithic through Bronze Age // Chronologies in Old World Archaeology. 3rd ed. Chicago; London. Vol. I. P. 441—464; Vol. II. P. 425—446.
- Sinha 1981: *Sinha A. K.* Ivory and Bone Plaquettes — A Note // Puratattva. No. 10 (1978—1979). New Delhi. P. 101—103.
- Spate 1954: *Spate O. H. K.* India and Pakistan. A General and Regional Geography. London.
- Subbarao 1958: *Subbarao S. B.* The Personality of India. 2nd edition. Baroda.
- Thapar 1974: *Thapar B. K.* New traits of the Indus civilization at Kalibangan // SAA 1973. Leiden. P. 90—110.
- Thapar 1975: *Thapar B. K.* Kalibangan: a Harappan metropolis beyond the Indus valley // Expedition. Vol. 17/2. P. 19—32.
- Thapar 1985: *Thapar B. K.* Recent archaeological discoveries in India. Paris.
- Vats 1940: *Vats M. S.* Excavations at Harappa. Vol. I—II. New Delhi.
- Wheeler 1947: *Wheeler R. E. M.* Harappa, 1946: the defenses and cemetery R 37 // AnIn. No. 3. P. 58—130.
- Watson 1979: *Watson P. J.* The Idea of Ethnoarchaeology // Ethnoarchaeology: Implications of Ethnography for Archaeology. New York.

CULTURAL HERITAGE OF THE ANCIENT INDIAN CIVILISATION

(based on archaeological data)

by

A. Ya. Shchetenko (Sankt-Petersburg)

Ethnoarchaeological approach allows to reveal individual aspects of the cultural heritage of the modern peoples of Hindustan, which have had its roots in the Harappan civilization and the Classic period of ancient India. Additional information has been obtained in consequence of the decipherment of Harappan hieroglyphs by Russian scholars headed by Yu. V. Knorozov. For the space of thousands a defining factor of the origin and development of so great a phenomenon as the Indian civilization was the natural environment of the Indian sub-continent with its inimitable fauna and flora. It is the natural environment providing unique specimens of cultural milieu that lies in the basis of the conceptions of cultural-economic zones of proto-historical Hindustan (see Subbarao 1958; Щетенко 19946) and of historical «hearths» or «centres» elucidated by written tradition (Spate 1954).

In the sphere of material culture it has become possible to reconstruct a scheme of the location of settlement patterns, types and hierarchy of settlements, architectural models and building methods, types of irrigation, agricultural cycles, implements, means of locomotion, structure of herds of domestic animals, etc. In the sphere of spiritual culture it has become possible to reconstruct some religious notions. So, revealed have been cults of worshipping the sacred trees and animals, lingam and yoni. Also, determined have been the pantheon of principal and secondary deities.

Mahatma Gandhi in the early 20th century had formulated the main idea of stability of traditions in the Indian society as follows: «India lives in her villages». Indeed, the principal basis of Indian cultural heritage always was the conservative village community.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОРИЕНТАЛИСТЫ

ВИКТОР РОМАНОВИЧ РОЗЕН — ОСНОВАТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Е. Васильева (Санкт-Петербург)

Выдающийся русский ученый Виктор Романович Розен (1849—1908) был создателем научного востоковедения в России. Человек огромной эрудиции, разносторонних интересов и широких взглядов, а также необыкновенного обаяния, приветливости, сердечной доброжелательности, он отдал все свои знания, силы и жизнь ученикам, коллегам, русскому просвещению в широком смысле и завоевал русскому востоковедению достойное место в западноевропейской науке.

И по прошествии почти столетия после смерти личность В. Р. Розена, щедро одаренного от природы живым аналитическим умом, благородством души, отзывчивым характером (что находят многочисленные подтверждения в воспоминаниях его современников, учеников и последователей), привлекает к себе внимание. В конце XIX и начале XX в. В. Р. Розен, как выразился о нем Н. Я. Марр, являлся *spiritus movens* (движущим духом) русского востоковедения.

Виктор Романович (далее: *В. Р.*) родился 21 февраля 1849 г. в Ревеле в немецкой семье, происходящей от эстляндского дворянского рода фон Розен, уходящего корнями во Францию XVII в. В 1859 г. В. Р. поступил в Эстляндскую дворянскую гимназию *Ritter- und Dom-schule*, основанную в далеком 1319 г., и окончил ее досрочно в 1866 г. Уже в гимназические годы ярко проявились способности и интерес В. Р. к филологии и изучению языков. Его родным языком был немецкий, русским он владел в совершенстве, говорил по-английски, свободно писал по-французски, хорошо знал латынь и греческий, изучал еврейский. В те же годы В. Р. ознакомился с библиотекой богословских и восточных книг, находившейся в доме, где жила его семья. Это повлияло на выбор его будущей специальности. Совершенно сознательно он остановил свое внимание на востоковедении, а не на классической филологии, предвидя именно в этой области широкое поле деятельности.

В Санкт-Петербургский университет В. Р. поступил семнадцати лет (в 1866 г.) и с большим увлечением стал заниматься арабистикой. После окончания университета с золотой медалью он продолжил свое образование, пройдя школу у европейских ученых. В. Р. почитал за

счастье учиться у «шейха» арабистов Флейшера в Лейпциге, ценя его не только как идеального профессора, но также и как истинно великого человека, лишённого мелкого самолюбия и эгоизма. В. Р. усвоил и оценил строгие методы, разработанные филологией на Западе, и позднее, когда сам стал профессором и деканом факультета восточных языков, строил преподавание языков на научных приемах западной школы. Он также настаивал на том, чтобы молодые специалисты проходили специальные курсы под руководством выдающихся западноевропейских востоковедов. Сам же регулярно, вместо отпуска, посещал европейские страны с целью изучения арабских рукописей и общения со специалистами.

В 1872 г. В. Р. защитил магистерскую диссертацию «Древнеарабская поэзия и ее критика». Он был глубоко убежден в необходимости изучения древнеарабской поэзии, что позволило бы оценить духовное наследие арабов, вошедшее как составной элемент в богатую литературу, созданную на арабском языке трудами покоренных народов. В. Р. намеревался сделать эту тему своей узкой специальностью и проделал значительную работу, изучая рукописи разных собраний. Однако позднее, когда он узнал, что подобные исследования уже были выполнены его коллегами на Западе и ждали лишь возможности опубликования, он, все более сознававший задачи арабистики, увидел дело, более актуальное для арабской филологии в тот момент — издание каталогов всех рукописных собраний. Случай такой представился ему в 1875 г. При подготовке к III Международному съезду востоковедов директор учебного отделения при Азиатском департаменте М. А. Гамазов поручил В. Р. составить описание арабских рукописей для задуманного им общего описания научных коллекций учебного отделения. В. Р. «с живейшим удовольствием» принял это предложение. В 1877 г. он издал на французском языке «Описание арабских рукописей Института восточных языков при министерстве иностранных дел» и взялся за описание персидских рукописей того же собрания. Став в 1879 г. членом Академии наук, он «счел своим долгом продолжить труд своих предшественников, академиков Френа и Дорна» по описанию арабских рукописей Азиатского музея АН. Труд этот В. Р. опубликовал в 1881 г., в 1885 г. он издал описание арабских рукописей коллекций Марсильи в Болонье, в 1886 г. — описание персидских рукописей Института восточных языков, в 1891 г. — описание рукописей по бабизму, входящих в собрание библиотеки того же института. Эти публикации способствовали становлению научного направления в изучении литературы и истории народов Востока.

Описывая рукописи, изучая подробно наиболее интересные из них, В. Р. собрал огромный материал для своей дальнейшей работы. В собрании учебного отделения министерства иностранных дел он обнаружил никому не известную рукопись Джахиза, знаменитого арабского писателя IX в., и у него зародилась мысль собрать и издать все уцелевшие сочинения этого автора. Внимание Розена сосредоточилось на

арабской литературе и культуре ислама в IX в., когда арабский язык стал общим литературным языком для всех народов, входивших в состав арабского халифата. От этого периода ожесточенной борьбы, когда арабские идеи все больше подвергались чуждым влияниям, сохранилось лишь несколько крупных сочинений. Джахиз был одновременно «философом и богословом, натуралистом и филологом, обладая ненасытной жаждой знания и неутомимым трудолюбием», он являлся представителем всех идей того времени и был любимым автором В. Р. Розена. В издании источников Розен видел следующий этап в научном подходе к изучению филологии и истории восточных стран.

Минимальные требования, предъявляемые к любому историческому труду по востоковедению, он, пользуясь случаем, изложил в рецензии на книгу Машанова «Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда». Они сводились к следующему: «1) наличие в распоряжении исследователя важнейших изданных источников и пособий; 2) тщательная и всесторонняя критика источников и вытекающая из нее правильная оценка значения каждого отдельного известия или показания; 3) возможная точность и аккуратность в отделке деталей».

В 1878 г. совместно с византинистом А. А. Куником он издал и перевел «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах». Более фундаментальные труды по изданию текстов вышли в 1883 и 1884 гг. Многочисленные служебные обстоятельства постоянно отвлекали В. Р. от его основной задачи.

Начав преподавать арабский язык и литературу в университете после защиты диссертации, он сразу столкнулся с проблемой отсутствия хорошего пособия. Совместно с профессором В. Ф. Гиргасом В. Р. подготовил и опубликовал «Арабскую хрестоматию», в которую вошли тексты Ибн-Кутейбы, Джахиза, Динавари и других, собранные им во время самостоятельного изучения рукописей в европейских библиотеках. Такое пособие весьма способствовало серьезной подготовке студентов к научной деятельности. Хрестоматия эта и до сих пор считается лучшей, и ею пользуются современные студенты и преподаватели.

В 1875 г. В. Р. принял самое деятельное участие в подготовке III Международного съезда востоковедов, который состоялся в Петербурге летом 1876 г. Он был приглашен в состав организационного комитета как секретарь по иностранной переписке. Политическая ситуация между Россией и Западными странами в тот момент была чрезвычайно сложной и лишь благодаря личным связям В. Р. с зарубежными коллегами и его такту удалось привлечь в организационный комитет представителей зарубежных востоковедов. Успех конгресса был полностью обеспечен усилиями Виктора Романовича, его энтузиазмом и энергией.

В разные годы В. Р. неоднократно принимал участие в международных съездах в Берлине (1881), Лейдене (1883), Вене (1886) и других.

Широкие историко-культурные интересы В. Р., его критический подход к изучению источников, способность к смелым гипотезам и обобщениям с полным блеском проявились в его докторской диссертации «Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского» (1883). По просьбе византистов А. А. Куника и В. Г. Васильевского В. Р. собирал из арабских рукописей сведения по истории русско-византийских отношений. Во время летней командировки 1879 г. он обнаружил в парижской Национальной библиотеке рукопись, ошибочно приписываемую Саиду Антиохийскому. Внимательно изучив ее, В. Р. выяснил, что рукопись составлена Яхьей Антиохийским, сыном Саида. Своим исследованием В. Р. доказал, что сведения из этой рукописи конца X и первой половины XI в. были использованы арабским историком XIII в. ал-Макиным, известиям которого византисты придавали большое значение как источнику для описания событий в Византии в X в. Таким образом, открытие В. Р. имело для византистов большое значение, т. к. был обнаружен источник, почти современный описываемым событиям. Вслед за этим, благодаря своей наблюдательности, В. Р. удалось установить, что автором рукописи был врач, чье имя В. Р. отыскал в списке врачей соответствующего времени. Он списал рукопись, намереваясь опубликовать ее полностью. Но для подготовки такого издания необходимо было иметь свободное время. Ведь издание только одного фрагмента этой рукописи, относящегося к периоду царствования Василия Болгаробойцы, вместе с комментарием составило 632 страницы.

Занятия в университете отнимали много времени, кроме того, все ученики Розена постоянно получали его консультации в его рабочем кабинете дома. В. Р. щедро делился знаниями, он продолжал руководить своими учениками и после окончания университета. В каждом коллеге и ученике он видел человека, близкого ему лично.

Например, по воспоминаниям А. А. Васильева, который начал у В. Р. курс арабского языка вместе с В. В. Бартольдом и П. М. Мелиоранским, а потом перешел на историко-филологический факультет, Розен случайно встретился ему два года спустя. Задушевная беседа, какую умел вести только В. Р., решила всю дальнейшую судьбу А. А. Васильева. В. Р. посоветовал ему использовать знание арабского и греческого языков для изучения истории Византии и направил его к В. Г. Васильевскому. Сотрудничество, помощь и ободрение со стороны В. Р. продолжались до самой его кончины.

В 1883 г. во Флоренции В. Р. обнаружил рукопись христианского историка X в. Агапия Манбиджского и доказал, что некоторые сведения Абу-л-Фараджа и ал-Макина почерпнуты из этого источника. Обширная статья с изложением содержания, фрагментами перевода и исследованием рукописи была опубликована в «Журнале министерства народного просвещения» в январе 1884 г. Позднее изучение рукописей Агапия продолжил А. А. Васильев, которому Розен сумел устроить поездку на далекий Синай.

Большим достоинством и заслугой В. Р. было создание научной школы, научной атмосферы, наполненной новыми, прогрессивными идеями, живой творческой мыслью, которые объединяли вокруг него молодых специалистов. «Его убеждением было, что ученый не должен удовлетворяться замыканием в свою узкую специальность, как бы она его ни привлекала, ученый постоянно должен пересматривать установившиеся взгляды и идти к новым обобщениям. Обобщения важны и нужны, без них будет застой».

В феврале 1885 г. В. Р. был избран управляющим Восточного отделения Русского археологического общества, и это обстоятельство вовлекло его в круг новых проблем. Для того чтобы оживить деятельность общества, В. Р. организовал новый печатный орган «Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества», редактором которого он оставался до своей кончины. С самого начала новое периодическое издание расширило свой диапазон за счет публикации статей не только по археологии, но и по всем отраслям востоковедения, предоставляя русским ученым возможность публиковать свои статьи и знакомиться с новыми научными достижениями коллег. Организаторский талант и научный авторитет В. Р., а также глубокое убеждение в необходимости и важности создания сначала школы русских арабистов в университете, а теперь русского научного периодического издания подвигли его отказаться от своего собственного научного творчества, к которому он был подготовлен, как никто другой. Постепенно он раздал своим ученикам и коллегам накопленные с большим трудолюбием и интересом материалы. Издание текстов Джахиза он уступил голландскому востоковеду Фан-Флотену, П. М. Мелиоранскому — тему и материал для докторской диссертации «Араб филолог о турецком языке» (СПб., 1900), К. А. Иностранцеву — выписки из сочинения Джахиза «Приметы и поверья», послужившие темой магистерской диссертации «Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии» (СПб., 1907), капитальную работу — список с летописи Агапия Манбиджского — А. А. Васильеву. Чтобы совершать подобные поступки, как справедливо заметил Н. И. Веселовский, «одного сознания для такого, можно сказать, самопожертвования еще мало; нужно еще нечто другое, что бывает далеко не у всякого, нужно бескорыстное желание блага другим, желание придти на помощь людям, работающим на ученом поприще, и поделиться с ними своими изысканиями, своими знаниями».

Последние годы жизни В. Р. был всецело поглощен подготовкой и выпуском первого русского научного периодического журнала, который объединил вокруг себя специалистов им же созданной школы и вывел русское востоковедение на мировой уровень. Он сам вел библиографический отдел и постоянно публиковал рецензии на новую научную литературу и не только в своей области, но и по всем отраслям востоковедения. На страницах ЗВОРАО помещено более 70 его рецен-

зий. Всего В. Р. успел подготовить к изданию 18 томов. Смерть настигла его внезапно на 59-м году жизни 10 января 1908 г. Последний том «Записок» вышел посмертно и содержит некрологи, составленные Н. А. Медниковым, Н. Я. Марром и В. В. Бартольдом. ЗВОРАО имели также громадное значение для всех последующих поколений русских востоковедов. После революции ученики В. Р. продолжили его дело в «Записках коллегии востоковедов». Несмотря на свое немецкое происхождение, как отметил П. К. Коковцов, Розен был большим русским патриотом и настаивал на том, чтобы русские ученые, и востоковеды в частности, писали свои работы на русском языке. Сам он тоже следовал этому принципу. Он старался распространить свой журнал во всех востоковедных центрах на Западе и на Востоке, считая русское востоковедение одним из важнейших факторов русской культуры, и стремился подтолкнуть западноевропейских ученых к осознанию необходимости изучения русского языка. Русская наука, по словам Н. И. Веселовского, стояла у него на первом плане, и он радовался ее успехам во всех отраслях.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ
• НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВЕСЕЛОВСКИЙ
(по материалам фотоархива ИИМК РАН)

Н. А. Лазаревская (Санкт-Петербург)

В фотоархиве Института истории материальной культуры хранятся материалы, связанные с археологическими работами выдающегося востоковеда и археолога Николая Ивановича Веселовского (1848—1918). Подавляющее их количество относится к раскопкам, проводившимся Николаем Ивановичем регулярно с 1889 по 1917 г. в течение 29 полевых сезонов на юге России. Коллекция эта велика, и лишь сравнительно небольшую ее часть составляют негативы и отпечатки, относящиеся к исследованиям ученого в Средней Азии. В конце статьи приведен список, в котором указаны эти материалы.

Свою полевую археологическую деятельность Николай Иванович Веселовский начал именно в Туркестанском крае, куда был командирован с 15 ноября 1884 г. по 15 ноября 1885 г. Императорской Археологической комиссией, которая «поручила профессору Санкт-Петербургского университета, ориенталисту Н. И. Веселовскому, произвести систематические раскопки как на Афрасиабском городище, так и в других наиболее интересных пунктах этого района, и вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении» (Отчет 1891: LXI). Главным результатом этой поездки стали четырехмесячные раскопки на городище Афрасиаб, которые открыли эллинистические материалы, «впервые установившие существование в домусульманском Туркестане искусства, находившегося под влиянием греческого» (Бартольд 1921: 349). Помимо археологических работ, он «при разъездах своих успел скупить у местных жителей значительное количество древностей и между прочим приобрел в Самарканде для Археологической комиссии три большие коллекции разнообразных предметов древности...» (Отчет 1891: LXXX). Еще в 1883 г. установилось знакомство Веселовского с самаркандским любителем древностей купцом Мирзой Абдуллой Бухари (в русских документах Мирза Бухарин, Мирза Абдуллин), у которого Н. И. Веселовский приобрел на средства Археологической комиссии коллекцию древностей, поступившую затем в Эрмитаж, где она и последующие поступления от Бухарина составляли долгие годы один из основных компонентов среднеазиатских собраний Эрмитажа (Лунин 1979: 129—130).

Следующий этап работ Н. И. Веселовского в Средней Азии связан с изучением, научной фиксацией, охраной и проектами реставрации всемирно известных памятников зодчества, в основном в Самарканде. В 1895—1896 и 1898—1899 гг. он возглавлял работы специальной историко-архитектурной экспедиции. «...Благодаря тому, что состоянием этих сооружений заинтересовался г. Министр Финансов С. Ю. Витте и выразил готовность оказать свое содействие в этом деле, несомненно имеющем национальное значение, явилась возможность приступить к описанию самаркандских мечетей» (Отчет 1897: 48). При работе были использованы материалы Археологической части «Туркестанского альбома». Эти изыскания получили свое завершение в 1905 г., когда вышел альбом, посвященный мавзолею Гур-и-Эмир, первый и, к сожалению, единственный из предполагавшейся серии. В 1895 г. также производились небольшие раскопки на Афрасиабе.

Кроме того, в фотоархиве хранятся материалы, связанные с экспедицией на средства Русского комитета для изучения Средней Азии и научной фиксации мечети Ходжи Ахмеда Яссевии в городе Туркестане, которой Н. И. Веселовский руководил в 1905 г. В фотоархиве имеются материалы к опубликованным работам Н. И. Веселовского «Гератский котелок» и «Греческие изображения на туркестанских оссуариях», снятые по заказу ученого.

1. Альбом О. 2427/48—75, негативы III 16433—16444. Кол. 163/771—813. Нег. — 52, отп. — 36. Древности коллекции Н. И. Веселовского из Ирана: кувшины, чаши, чернильница, подсвечники, перечница и витрины с древностями. Древности коллекции Н. И. Веселовского, купленные им у Мирзы Бухарина и происходящие с Афрасиаба в Самарканде: обломки глиняных оссуариев, фигурки животных и др., керамика. Фонд ИАК.

2. Альбомы Q 131—134, Q 358. Инв. № 35877—36259. Нег. — 383, отп. — 257. Материалы поездки Н. И. Веселовского в Самарканд в 1895 и 1898 гг.: мавзолеи Биби-ханым, Гур-эмир, Шах-и Зинда, мазар Ходжа Абди-Бирун, Ишрат-хана — наружные виды и детали. Глиняные статуэтки, изделия и фрагменты оссуариев, найденные на Афрасиабе. Сн. И. Ф. Чистякова, П. П. Покрышкина, 1895, 1898 гг. Фонд ИАК.

3. Альбом F 109/25—54. Инв. № 83842—83870. Отп. — 30. Фотографии древностей из коллекции Н. И. Веселовского. Сн. D. Przedecki, Skierniewice. Фонд ИАК.

4. Альбом F 168/7—24. Кол. 329/23—40. Отп. — 18. Материалы к работе Н. И. Веселовского об Афрасиабе. Самарканд: терракотовые головки, статуэтки и глиняные оссуарии. Сн. 1890—1907 гг. Фонд ИАК.

5. Альбомы Q 135/1, 30, 32—33, 44; Q 493/1—5, 9—29. Инв. № 83—84, 87—103, 105, 109—124, 1126—1127. Нег. — 35, отп. — 31. Пересъемка из «Туркестанского альбома»: Самарканд, развалины городища Шахи-Зинда — входной портал, мавзолеи, детали, мечеть Гур-Эмир — надпись надгробия. Кыш-Дахбит, б. Зеравшанский округ: портал вхо-

да на кладбище. Сауран: минареты. Мешхед-и-Мисриан: мавзолей, развалины городища. Аулие-Ата, б. Сырдарьинской обл. — мазар, наружный вид. Самарканд — мавзолей Шахи-Зинда. Ташкент — медресе Барак-хан. Ходжент — мазар Маслохатдина, наружный вид. Шахри-сябз — Ак-Сарай, фасад портала. Сн. И. Ф. Чистякова, 1896, 1898 гг. Фонд ИАК.

6. Альбом Q 480/8, 27—60, 63. Инв. № 7756—7759, 11041, 16008—16009, 16013—16621, 16616а, кол. 228/100, 123—151. Нег. — 54, отп. — 37. Материалы к работе Н. И. Веселовского «Гератский котелок»: коробочка медная, инкрустированная серебром. Подсвечники медные № 1—6 (по Н. И. Веселовскому) из мечети Хаджа Ахмета Яс-сави в г. Туркестане: общие виды и детали, надписи. Гипсовые слепки со щитков перстней из Афрасиаба, Самарканда, снятые для Н. И. Веселовского. Шлем бронзовый с бармицей и арабскими надписями, хранящийся в Гос. Эрмитаже (снят для Н. И. Веселовского). Сн. И. Ф. Чистякова, 1907, 1910, 1912—1914, 1916 г. Фонд ИАК.

7. Альбом Q 521/20—22. Кол. 334/783—785. Отп. — 3. Статуэтки и головки терракотовые, происходящие из Афрасиаба, Самарканд, и приобретенные Н. И. Веселовским. Гос. Эрмитаж. Фонд А. А. Бобринского.

8. Альбом Q 658/20—22. Инв. № 8138—8143. Нег. — 6, отп. — 6. Материалы к работе Н. И. Веселовского «Гератский котелок»: коробочка медная, инкрустированная серебром, с изображением сидящих фигур в медальонах и с восточной надписью. Из собрания Штиглица. Сн. И. Ф. Чистякова, 1907 г. Фонд ИАК.

9. Альбом Q 659/12—32. Инв. № 6735—6742, 7117—7119, 7161—7167, 7364—7367, 7418—7420, 8128, 10867. Нег. — 22, отп. — 21. Бронзовые сосуды с восточными надписями и орнаментом из собрания Комаровского (сняты для Н. И. Веселовского). Древности собрания Эрмитажа, снятые по заказу Н. И. Веселовского: бронзовая чаша с арабской надписью из коллекции Вельяминова-Зернина, ларец бронзовый с арабской надписью и орнаментом, два восточных сосуда с надписью с орнаментом, сосуд бронзовый, восьмигранный, орнаментированный, с восточными надписями, сосуд бронзовый, каннелированный, с арабскими надписями и ручками-кольцами, сосуд бронзовый восточный, с орнаментом в медальонах и восточной надписью, монета Уртукила, 585 г. Сн. И. Ф. Чистякова, 1906 г. Фонд ИАК.

10. Альбом Q 660/23. Инв. № 10839. Нег. — 1, отп. — 1. Древности, снятые по заказу Н. И. Веселовского: сосуд медный, восточный, в собрании Ф. Мартина. Сн. И. Ф. Чистякова, 1910 г. Фонд ИАК.

11. Альбом Q 673/3—14, 20—21, 26—27. Инв. № 741—742, 1049—1050, 1632—1634, 1882, 1998—2000, 3687, 7279—7283. Нег. — 20, отп. — 17. Раскопки на Афрасиабе в Самарканде в 1885 г.: глиняные примитивные статуэтки, оссуарии и крышка оссуария в виде человеческого бюста. Древности, привезенные Н. И. Веселовским из Самарканда в 1896—1899 гг. и происходящие из Афрасиаба: обломок плиты

с изображением человеческого лица, горло глиняного сосуда; глиняные сосуды и обломки глиняных орнаментированных сосудов; поливной сосуд с орнаментом и арабской надписью; кирпич резной. Деревянные резные двери из мечети Гур-Эмир, Самарканд, привезенные Н. И. Веселовским в 1895 г. Гос. Эрмитаж. Материалы по архитектурным памятникам Средней Азии: мечеть Биби-Ханым в Самарканде, портал и северо-западный минарет, ныне не существующий (репродукция с фото Щусева). Материалы к работе Н. И. Веселовского «Греческие изображения на туркестанских оссуариях»: фрагмент оссуария с рельефным изображением. Сн. И. Ф. Чистякова, 1898—1900, 1903, 1907 г. Фонд ИАК.

12. Альбом О.1611/65, негативы III 13300—13003, 13473, I 22472. Инв. № 18327—18332. Нег. — 6, отп. — 1. Древности, приобретенные Н. И. Веселовским в Туркестане: подсвечник чугунный. Сн. И. Ф. Чистякова, 1915 г. Фонд ИАК.

13. Негативы IV 247—254, III 2418, II 13158. Инв. № 54323—54330, 54408, 54471. Нег. — 10. Древности, приобретенные Н. И. Веселовским у Мирзы Бухарина в Самарканде в 1888—1889 гг.: глиняные статуэтки, сосуды, светильники, мелкие поделки, бронзовые курильница и светильник, сетка медная, узорчатая. Гос. Эрмитаж. Сн. В. Г. Дружинина, 1890 г. Фонд ИАК.

14. Негатив II 25977. Инв. № 1461. Нег. — 1. Материалы по архитектуре Средней Азии: мечеть Биби-Ханым в Самарканде — минарет, ныне не существующий (репродукция с фото А. Мишона). Сн. И. Ф. Чистякова, 1898 г. Фонд ИАК.

15. Негативы II 37923—37925, 37928—37929. Инв. № 18385—18387, 18390—18391. Нег. — 5. Фрагменты терракотовых статуэток и наклепных рельефных украшений. Сн. И. Ф. Чистякова, 1917 г. Фонд ИАК.

Литература

Бартольд 1921: *Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // ЗВОРАО. Т. XXV.

Лунин 1979: *Луниин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент.

Отчет 1891: Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882—1889 гг. // ОАК.

Отчет 1897: Отчет Императорской Археологической комиссии за 1895 г. // ОАК.

ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

В. М. Массон (Санкт-Петербург)

Иосиф Абгарович Орбели (1887—1961) в своей активной научно-исследовательской работе и кипучей научно-организационной деятельности занимался многими разделами гуманитарного знания — историей, филологией, историей искусства, эпиграфикой и археологией. Это было обусловлено широтой его научных взглядов и интеллектуального кругозора, а проявилось уже в ходе профессиональной университетской подготовки. Поступив на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по отделению классической филологии, И. А. Орбели (далее: И. А.) затем приступил к занятиям на факультете восточных языков по армяно-грузинско-персидскому разряду и окончил оба факультета в 1911 г. Выпускное сочинение («Этнография Кавказа по сведениям древних греческих и латинских писателей») выполнялось им по отделению классической филологии. Модные с середины XX в. комплексные направления в естественных науках вроде биофизики и биохимии реализовывались в гуманитарных школах Санкт-Петербурга в конце XIX—начале XX в., особенно в сфере ориенталистики, где весьма часто востоковедная подготовка в области филологии и лингвистики соединялась с полевыми археологическими исследованиями, широко разворачивавшимися в это время особенно в ранее малоизученных регионах Центральной Азии, да и в других областях. Один из ярких примеров тому — деятельность Н. И. Веселовского, востоковеда по образованию, оставившего прекрасный труд по истории Хивинского ханства по письменным источникам и прославившего вместе с тем отечественную археологию блестящими открытиями Майкопа и скифской гробницы в Келермесе. Не случайно ленинградская школа среднеазиатской археологии 30—40-х гг. XX в. создавалась учеными, имевшими за плечами востоковедное образование и значительный опыт работы с вещественными памятниками в музейных собраниях Эрмитажа.

В процессе своей многоплановой деятельности И. А. также занимался вопросами археологии. Прежде всего это касается его регулярного участия в археологических работах в Ани, развернутых Н. Я. Марром. И. А. возглавлял музей древностей в Ани, подготовил и издал его каталог, опубликовал работу «Развалины Ани». Круг научных интересов

молодого ученого все более расширялся. Во время командировки в Турцию И. А. рекогносцировочно ознакомился с центром урартской цивилизации в Ване, о чем он в 1912 г. сделал доклад на заседании Восточного отделения Русского археологического общества. В 1916 г. в результате продвижения отечественных войск представилась прямая возможность организации экспедиции в Ван, что и было осуществлено ВОРАО. Сравнительно кратковременные раскопки на Топрак-кале проводил Н. Я. Марр, а работами на Ванской скале руководил И. А. Здесь был обнаружен первоклассный эпиграфический памятник — части стелы урартского царя Сардури. Интерес к урартским древностям И. А. неизменно сохранял и в огромной степени способствовал их изучению и соответствующим экспедиционным исследованиям. Реализовывались и другие полевые исследования. Так, в 1928—1929 гг. он осуществил поездку в Дагестан, где изучал каменные рельефы. Из его выступлений на заседании ВОРАО можно отметить доклады о крестных камнях-хачкарах и серебряных ковшах армянского производства.

Неизменно стремившийся к оперативной реализации результатов исследовательской деятельности, И. А. особое внимание уделял издательскому производству. С этой целью он обучался в Академической типографии наборному делу, что имело особое значение для публикаций восточных текстов и эпиграфических материалов. Современные ученые, используя достижения оргтехники, могут за письменным столом осуществлять компьютерный набор, макетирование и даже распечатку своих трудов, чего еще не было в 20-е гг. прошлого века, когда профессор Орбели трудился в типографии рядовым наборщиком, стремился привлекать к этому делу и других ученых. Эта сторона деятельности в определенной мере сохраняет свое значение для востоковедческих публикаций, особенно лингвистического и эпиграфического характера.

И. А. организационно участвовал и в деятельности археологических учреждений страны. Когда в 1919 г. Н. Я. Марр создавал на основе Императорской археологической комиссии Государственную академию истории материальной культуры, первоначально именовавшуюся Российской, он привлек к этой своей деятельности ближайшего ученика и соратника. И. А. был ученым секретарем ГАИМК, заведовал Отделом археологии и искусства Армении и Грузии, который позднее сменил свое название на Сектор средневекового Кавказа, Передней Азии и Причерноморья. Практические познания в области печатного дела способствовали его деятельности как заведующего издательством ГАИМК, и именно он осуществил издание первого выпуска «Известий ГАИМК». Н. Я. Марр с самого начала утвердил статус действительного члена ГАИМК, каковым И. А. был с 20 августа 1919 г. по 22 марта 1931 г. Довелось ученому и возглавить учреждение, созданное его учителем и патроном. После смерти Марра в 1934 г. ГАИМК в пору лихолетья потрясли смены руководителей, как правило, попадавших на плаху «большого террора». В 1937—1939 гг. И. А. был директором

Института истории материальной культуры, в который была преобразована ГАИМК, лишенная самостоятельного статуса и включенная в состав Академии наук СССР. Эта должность была для Орбели дополнительной к его основной деятельности как директора Государственного Эрмитажа. В феврале 1939 г. его на этом посту сменил М. И. Артамонов.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ — ИСТОРИК

В. А. Якобсон (Санкт-Петербург)

Игорь Михайлович Дьяконов (1915—1999) был крупнейшим советским и российским востоковедом, и его кончина ощущается всеми, кто знал его и его труды, как величайшая и невосполнимая потеря для нашей и мировой науки. Его беспримерная для XX в. разносторонность позволяла ему одинаково успешно работать и в языкознании, и в истории, создавать блестящие художественные переводы древневосточных текстов и историко-филологические исследования этих текстов и писать основополагающие труды в таких специальных отраслях знания, как мифология и социальная психология. Каждая из его работ, от первой до последней, сохраняет и еще долго будет сохранять свою научную ценность, хотя сам он постоянно говорил, что при нынешних бурных темпах развития науки даже самые лучшие работы (за исключением, разумеется, публикации текстов) быстро устаревают, а надолго сохраняется лишь основанная ученым школа. Игорь Михайлович (далее: И. М.) создал научную школу, состоящую из историков, лингвистов и филологов, которые работают во многих странах мира и успешно продолжают дело своего учителя. Он остается для нас примером интеллектуальной честности, безупречности, готовности оказать любую помощь, заботы об учениках. Он мало занимался непосредственной педагогической деятельностью, не читал обширных лекционных курсов для студентов, но не жалел времени для занятий и консультаций с аспирантами и молодыми учеными. И. М. подчеркивал, что занятия эти приносят обоюдную пользу, много раз говорил (и написал в своих мемуарах), что у него были замечательные учителя, но еще больше он учился у своих учеников. Каждый из его учеников скажет, однако, что все мы многому научились из книг и статей И. М., но больше всего пользы нам принесло непосредственное общение с ним в процессе обсуждения наших и его идей и работ. И. М. был беспощадным критиком, он никогда не щадил чужого самолюбия, считая, что истина важнее, но точно так же он воспринимал и критику собственных идей и работ. Чрезвычайно важными и полезными для всех нас были его фантастическая эрудиция, удивительное чутье на важнейшие в данный момент проблемы, умение эти проблемы четко сформулировать и наметить возможные пути к их решению, а также безоглядная

щедрость, с которой он раздавал идеи. Благодаря ему мы жили в атмосфере, побуждавшей всех нас работать «с весельем и отвагою», искать истину, а не делать карьеру. Даже все вместе мы не можем заменить его одного, но сейчас видно, что он был не совсем прав, говоря о быстром старении любых работ. Во всяком случае, это не относится к его работам. Практически все они, от самых первых до самых последних, сохраняют свое значение и, очевидно, будут сохранять его еще долго. Именно по этой причине следовало бы, видимо, собрать и переиздать его статьи, разбросанные по многочисленным и подчас малоизвестным журналам и сборникам, и сделать их таким образом более доступными для нынешнего младшего поколения исследователей.

Кем был И. М. в наибольшей степени — лингвистом или историком? В обеих этих отраслях знания он оставил нам выдающиеся труды, но сам он считал себя прежде всего историком, а лингвистика была для него в первую очередь орудием исторического исследования. В сущности, любой специалист по древнему Востоку, чем бы он ни занимался, должен быть и является одновременно и историком и лингвистом (наши ученые степени игнорируют этот факт), но в реальной действительности каждый из нас является более или менее узким специалистом. Один лишь И. М. обладал едва ли не всей полнотой знания о древнем Ближнем Востоке — и не в последнюю очередь потому, что до последнего дня сохранял жадный интерес к новому, категорически не желая почивать на лаврах. Однако, как уже сказано, осознавал он себя в первую очередь историком — в самом широком смысле этого слова. Данная статья и посвящена рассказу об этой его ипостаси, а столь длинное предисловие представляется необходимым для того, чтобы читатель мог яснее представить себе, насколько своеобразным историком был И. М. Дьяконов.

Рассказ о его трудах в области истории лучше вести в хронологическом, нежели в тематическом порядке. Так читателю будет более удобно и более понятно движение И. М. к тем обобщающим трудам, которые он создал в последние два десятка лет своей жизни. Уже первые опубликованные им работы показали характерное для него неразрывное слияние исторических и лингвистических штудий. Самая ранняя из них — «К истории значений одного термина (от коллективного родового жилища до мирового города)» — была опубликована в 1937 г. в представляющем ныне библиографическую редкость журнале «Лингвист». Она была посвящена значению аккадского термина *алу* (шумерск. *уру*), его этимологии и социальному смыслу. Интересно, что много лет спустя эта статья была переиздана на английском языке почти без изменений или дополнений, дополнить пришлось только библиографию. Уже в довоенные годы он опубликовал ряд работ, показывающих его пристальный интерес к политической, экономической и культурной истории древнего Ближнего Востока. Во время войны, служа в действующей армии, И. М. мысленно сочинял свою будущую кандидатскую диссертацию «Развитие земельных отношений в Асси-

рии», которую и защитил уже в 1946 г., а в 1949 г. издал под тем же названием свою первую монографию. Эта неказистая книжица, основанная на далеких от совершенства изданиях клинописных текстов, книжица, в которой из-за отсутствия необходимых шрифтов ассирийские тексты транскрибированы кириллицей, и поныне сохраняет свое основополагающее значение не только для разрабатываемых в ней вопросов, но и как решающий шаг к превращению ассириологии из науки преимущественно филологической в одну из отраслей исторической науки. Все исторические и социологические выводы в ней опираются на скрупулезный филологический анализ документов. Теперь это стало само собой разумеющимся, но начало такому подходу положил И. М. В первые послевоенные годы им опубликованы также статьи, посвященные социальным терминам и социальным группам (словам) в древней Месопотамии и послужившие основой для будущих новых монографий. Тогда же он опубликовал перевод и исследование чрезвычайно интересного и важного текста, известного в науке как «Зерцало царей» и до сих пор привлекающего внимание исследователей: «Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.» (ВДИ. 1946. № 3). Это исследование политической идеологии древней Месопотамии, проблемы, к которой он и в дальнейшем сохранял неизменный интерес. Наконец, в 1950 г. в «Хрестоматии по истории Древнего мира» были опубликованы переводы целого ряда важных клинописных текстов. Этой работе И. М. и в дальнейшем уделял много внимания, заботясь о тех, кому клинописные тексты в оригинале недоступны. В 1951 г. были изданы «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту» (ВДИ. 1951. № 2—4). И тогда же началась его многолетняя совместная работа с В. А. Лившицем над дешифровкой и изданием парфянских документов из Старой Нисы, работа, которую довести до благополучного конца могли только исследователи, одинаково хорошо разбирающиеся и в истории, и в истории письма, и в языкознании. Эти документы стали одним из важнейших источников для очень плохо документированной истории парфян. В эти же годы появляются первые статьи Дьяконова по социальной, политической и экономической истории Шумера. Перечислить и охарактеризовать их все здесь невозможно, однако следует назвать статью «Реформы Уруккины в Лагаше» (ВДИ. 1951. № 1). В те времена степень изученности шумерского языка была намного ниже, чем теперь, но эта работа сохраняет свое значение и является важным вкладом в изучение социально-экономических отношений в раннем Шумере. В следующем году впервые на русском языке выходят комментированные переводы важнейших клинописных законодательных памятников (ВДИ. 1952. № 3—4; совместно с И. М. Дунаевской и Я. М. Магазинером). С 1955 г. начинает выходить многотомная «Всемирная история», где перу И. М. принадлежат множество глав. Это издание в целом, разумеется, давно устарело, но главы, написанные Дьяконовым, послужили основой для его дальнейших работ. В 1956 г. выходит вторая из его «историче-

ских» монографий — «История Мидии: От древнейших времен до конца IV в. до н. э.» (М.; Л., 1956). История Мидии основывается на месопотамских и античных текстах и данных археологии, собственно мидийских письменных памятников, как известно, не существует. Написать такую работу мог только человек, имеющий непосредственный доступ к вышеуказанным текстам и археологическим памятникам. Книга и сейчас является одной из важнейших работ по истории древнего Ирана и была издана в переводе на персидский язык.

В 1959 г. выходит книга «Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер». Она родилась из докторской диссертации И. М. и во многих отношениях опередила свое время, фактически положив начало исследованию социально-экономической истории Шумера. Без цитирования этой книги и сейчас не обходится ни одна серьезная работа по истории Шумера. Видимо, в связи с работой над этой книгой И. М. обратился к проблеме общины на древнем Востоке и посвятил ей целый ряд статей. В них впервые столь основательно показана роль общины как политической и экономической организации свободных и полноправных граждан, сущность и роль общинного землевладения на разных этапах древней истории, организационная структура общины и ее удивительная живучесть. В сущности, он и здесь положил начало новому направлению исследований, действительному и ныне; община, благодаря ему, вышла из исключительного ведения этнографов и теперь привлекает внимание также историков, экономистов и социальных психологов. Сюда же примыкают и очень важные статьи «Проблемы собственности: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.» (ВДИ. 1967. № 4) и «Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии» (ВДИ. 1968. № 3). В этих работах И. М. говорит о трех видах собственности — государственной, храмовой и лично-семейной, а также об обществе, состоящем из свободных полноправных общинников, царских и храмовых людей, находящихся в различной степени зависимости, и рабов. Эти классификации с тех пор являются практически общепринятыми. К вышеназванным статьям примыкает также статья «Рабы, илоты и крепостные в ранней древности» (ВДИ. 1973. № 4). Все эти работы были переизданы за рубежом.

Образцом применения лингвистики для понимания истории и праистории конкретного этноса служит книга И. М. Дьяконова «Предыстория армянского народа (История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне)» (Ереван, 1968). Такую книгу мог, разумеется, написать только человек, в полной мере владеющий всеми историческими и лингвистическими методиками. Она не только дает убедительное решение чрезвычайно запутанного и спорного вопроса о происхождении армянского народа, но имеет и более общее значение. Книга доказывает гетерогенность любого этноса и лишает оснований любые рассуждения о «чистокровности», «авто-

хтонности», которая всегда относительна, ограничена во времени, о «генофонде», который всегда является смешанным, и об «исторических правах», которых не существует, ибо не существует единственно автохтонного на данной территории народа. Наряду с другими работами И. М., она приводит к неопровержимому выводу, что происхождение любого этноса следует рассматривать в трех невязанных и разновременных аспектах: биологическое происхождение, происхождение языка и происхождение культуры.

С 1982 г. начала выходить в свет созданная по инициативе и под руководством И. М. коллективная работа «История древнего мира» в трех томах. Это был своеобразный курс лекций, учитывающий самые последние достижения науки и предназначенный как для самого широкого читателя, так и для студентов и преподавателей. Книга оказалась настолько удачной, что три тиража общим счетом около 150 000 экземпляров разошлись мгновенно, а первый том был издан в США в переводе на английский язык. Фактически книга приобрела статус учебника и сохраняет его до сих пор. Многие лекции в этом трехтомнике написаны самим Дьяконовым. А со следующего года начала выходить «История древнего Востока» — многотомное и детальное исследование, ряд разделов в котором (фактически — монографий) написан И. М.; он же был и ответственным редактором первого полутома. Книга представляет большую ценность как для специалистов, так и для всех, кто нуждается в авторитетном справочном издании. К сожалению, вышли в свет лишь два первых полутома, но сейчас появилась надежда, что издание будет продолжено.

Важное теоретическое значение имела статья «‘Номовые государства’, ‘территориальные царства’, ‘полисы’ и ‘империи’. Проблемы типологии» (ВДИ. 1982. № 2; совместно с В. А. Якобсоном). В этой статье даются определения важных для исторической науки терминов и разъясняется сущность такой новой для древности формы государства, как империя.

И. М. всегда интересовался социальной психологией и подчеркивал ее значение для правильного понимания исторических процессов и событий. Одним из самых интересных и трудных для понимания проявлений социальной и индивидуальной психологии является миф. Он же порождает и наибольшие споры. Достаточно сказать, что не существует общепринятого определения понятия «миф». Дьяконов выпустил в 1990 г. книгу «Архаические мифы Востока и Запада», осознанно и намеренно дискуссионную и, как всегда, содержащую большое количество оригинальных идей и богатейшие материалы для размышления. Основная идея этой книги состоит в том, что миф есть развернутый троп, замещающий логические категории и процедуры, которые еще не выработаны человеческим разумом или которые разум по тем или иным причинам не может (не хочет) использовать. Такой взгляд на миф, несомненно, и сам сразу же стал предметом споров. Он, видимо, не исчерпывает сущность и функцию мифа, но, несомненно, по-

зволяет объяснить многие его особенности и свойства. Эта книга И. М., как и все другие, была встречена с большим интересом, и в 1993 г. в Гетеборге вышел ее английский перевод.

В 1990 г. вышла еще одна его монография — «Люди города Ура» (серия «Культура народов Востока». Вып. 2). В последнее десятилетие вышло несколько книг, посвященных этому знаменитому городу древней Месопотамии, но они не повторяют, а дополняют друг друга, ибо посвящены различным аспектам проблемы. Такое внимание к Уру объясняется тем, что он наиболее хорошо раскопан и дал богатейшие археологические и текстовые материалы. И. М. поставил перед собой и успешно решил задачу показать повседневную хозяйственную, культурную и религиозную жизнь и быт одного из важнейших городов Вавилонии первой половины II тыс до н. э. Из разрозненных, часто не имеющих конкретной привязки документов он сумел составить ряд семейных архивов, которые охватывают порой не одно поколение и даже позволяют выявить «адреса» отдельных семей. Читатель как бы лично посещает жилой дом, мастерскую, лавку, школу, храм. Многие документы приведены в книге в переводах. Если правда, что «история — это воскрешение», то «Люди города Ура» — одна из немногих книг, которые полностью соответствуют этому определению.

Последней монографией И. М. Дьяконова стала книга «Пути истории: от древнейшего человека до наших дней» (М., 1994). Она представляет собой обобщение его теоретических штудий в области истории. И. М. никогда не был ортодоксальным марксистом в советском, крайне упрощенном понимании этого термина (т. е. начетчиком), но всегда придерживался материалистического взгляда на историю, исходил из представления об единстве мирового исторического процесса и об общих закономерностях его развития. Собственно говоря, без этой презумпции история не может считаться наукой, и почти все историки осознанно или неосознанно ею руководствуются. При этом существуют три основных подхода к истории конкретных цивилизаций, стран и народов — стадиальный, цивилизационный и смешанный. На самом деле каждый из этих подходов имеет свои преимущества и свои недостатки. Подход И. М. — чисто стадиальный, с той оговоркой, что разные народы проходят одни и те же стадии в разное время. Не являясь универсальным, такой подход позволяет автору сделать ряд оригинальных и интересных выводов. Так, по его мнению, мировая история делится на восемь фаз: первобытная, первобытнообщинная, ранняя древность, имперская древность, средневековье, стабильное абсолютистское постсредневековье, капиталистическая и посткапиталистическая. Переход от одной фазы к другой определяется и сопровождается коренными переменами в социальной психологии и перестройкой всей системы ценностей. Существенную роль играет также развитие и совершенствование средств насилия — не только технических, но и организационных и психологических. При таком подходе вопрос о том, что первично, бытие или сознание, утрачивает

смысл: бытие и сознание взаимно влияют друг на друга, т. е., если использовать термин кибернетики, находятся в обратной связи друг с другом. Эта книга есть своего рода *Summa Historiae*, попытка увидеть и показать читателю самое важное в истории человечества, опуская при этом второстепенные подробности, чтобы сделать ее удобообозримой. Различение важного и второстепенного требует, конечно, колоссальных знаний, а так как никаких знаний все равно не хватит, еще и грандиозной интуиции. В своей книге, охватывающей всю человеческую историю, И. М. вышел далеко за пределы своей «епархии» и оказался перед необходимостью пользоваться данными из вторых рук. Но в этом случае такова была его принципиальная и сознательная установка, ибо теория истории может базироваться только на твердо установленных, бесспорных фактах. И это ему, видимо, удалось: хотя эта сравнительно небольшая книга чрезвычайно густо насыщена фактами и событиями и содержит богатейший материал для размышлений, никто еще не поймал И. М. на фактической ошибке. Что же касается его теоретических построений, они вызвали в научном мире очень большой интерес. Книга вышла также и на английском языке в издательстве «Cambridge University Press» (перевод выполнен самим автором, и потому английский текст тоже является аутентичным), кроме того, поступили заявки на издания на испанском и португальском языках и на опубликование английского текста в Интернете. Основная дискуссия по этой книге, видимо, еще впереди.

В последние годы своей жизни И. М. был тяжело болен, но по мере сил продолжал работать. Последней из его статей, посвященных теоретическим проблемам истории, была статья «Гражданское общество в древности» (ВДИ. 1998. № 1; совместно с В. А. Якобсоном). В ней рассматриваются спорные вопросы структуры древнего общества и, тем самым, вопросы определения ранних стадий развития человеческого общества. По-видимому, общество древности было гражданским обществом, т. е. решающую роль в нем играли полноправные граждане. Отличие древности от средневековья в том и состоит, что в древнем обществе всегда существовала значительная группа людей, считавших себя субъектами общественной жизни и культуры, а люди средневековья считали себя объектами этой жизни.

В данной статье удалось более или менее подробно охарактеризовать лишь монографии И. М. Дьяконова и некоторые его статьи. Охарактеризовать или хотя бы упомянуть их все нет никакой физической возможности. Но необходимо еще раз подчеркнуть, что все его работы, включая даже статьи для энциклопедий, до сих пор сохраняют свое значение и будут сохранять его еще долго. Школа же его переживает сейчас упадок, ибо некому заменить ушедшего от нас ее создателя и главу. Поэтому остается лишь уповать на то, что труды Игоря Михайловича Дьяконова привлекут в нашу науку нового молодого гения, который и займет вакантное место.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 1100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА САМАНИДОВ

Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург)

Международная научная конференция «1100-летие образования государства Саманидов» проходила в г. Санкт-Петербурге 28—29 апреля 1999 г. Она была организована при поддержке Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Администрации Санкт-Петербурга.

В работе конференции приняли участие ученые Санкт-Петербурга, Москвы, Республики Таджикистан и Франции. К конференции были изданы тезисы и сборник докладов под названием «1100-летие образования государства Саманидов». Работа конференции проходила в Таврическом дворце. В Купольном зале дворца была открыта выставка «Таджикистан — годы независимости». Конференцию открыл приветственным словом губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев. В своем выступлении он остановился на сотрудничестве ученых России и Востока. В частности, В. А. Яковлев отметил, что Петербург и в настоящее время является центром изучения истории Средней Азии и что представители более чем ста национальностей имели возможность получить в нем высшее образование. Затем с приветственным словом выступил Генеральный секретарь Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ М. И. Кротов.

На конференции были заслушаны около 10 докладов ведущих ученых России и Таджикистана. В том числе с докладом на тему «1100 лет образования государства Саманидов» выступил президент Республики Таджикистан Э. Ш. Рахмонов. В своем докладе он отметил, что важно отличать современный Таджикистан от исторического Таджикистана, только недалёковидные люди могут путать эти два понятия. Э. Ш. Рахмонов особо подчеркнул, что в Центральной Азии нельзя провести географические границы между народами и государствами. Цивилизации накладывались одна на другую с ведущей политической ролью того или иного этноса в тот или иной период. Он отметил, что такую ведущую политическую роль сыграл таджикский народ в эпоху Саманидов. Доклад В. М. Массона (Санкт-Петербург), академика РАЕН, академика АН Туркменистана, был посвящен теме «Значение саманидского государства для политической и культурной истории Цен-

тральной Азии». В своем докладе он говорил о том, что важнейшим политическим результатом саманидской эпохи стало утверждение в Средней Азии централизованной бюрократической монархии. Как тенденция, она существовала до начала XX в., т. е. до правления последних эмиров Бухары. Остановившись на вопросе этногенеза, В. М. Массон подчеркнул, что саманидское время было важным этапом этногенеза, хотя ученым еще предстоит большая работа для решения этой проблемы. В своем докладе на тему «Таджикское эхё и саманидское государство» академик АН Таджикистана Н. Н. Негматов останавливался на этапах центральноазиатской истории. Он выделил шесть цивилизаций: авестийскую, ахеменидскую, эллинистическую, парфянскую, кушанскую, хорезмо-сакскую — и на базе этих цивилизаций выделил еще сасанидскую общесобирательную макроцивилизацию, согдийскую макроцивилизацию, тохаристанскую макроцивилизацию, микроцивилизацию Хорезма и блок Саманидский. Он отметил, что саманидский социально-культурный феномен опирался на богатую политическую историю цивилизации предков и самих таджиков древнейшего, древнего и раннесредневекового периодов. Ряд докладов был посвящен конкретным вопросам. Так, доклад д-ра ист. наук Б. И. Маршака (Санкт-Петербург) был посвящен проблеме хорасанско-мавераннахрского культурного синтеза в эпоху Саманидов и его историческим корням. Профессор М. Миршахи (Париж) свой доклад посвятил теории знания и световидения у философов эпохи Саманидов. У. М. Мирсаидов, академик, президент АН Республики Таджикистан, в своем докладе останавливался на проблемах из истории научной мысли эпохи Саманидов. Профессор С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург) сделал доклад на тему «Саманиды и кочевники».

Работа конференции широко освещалась в средствах массовой информации. Вечером 29 апреля для участников конференции и санкт-петербургской общественности в помещении Академического театра им. А. С. Пушкина мастерами искусств Таджикистана был дан концерт.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА»

В. М. Массон, В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)

23—25 ноября 1999 г. в Санкт-Петербурге на базе Института истории материальной культуры РАН была проведена Международная конференция на тему «Культурное наследие Востока». Помимо ученых Санкт-Петербурга (из ИИМК РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Института истории искусствознания РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа) и других городов Российской Федерации

(Великого Новгорода, Кирова), в конференции приняли участие представители Узбекистана, Азербайджана, Франции. Были также присланы доклады исследователей из США, Польши и Израиля. К конференции был издан сборник материалов под названием «Изучение культурного наследия Востока: Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций» (Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1999)*.

В соответствии с намеченной проблематикой на конференции были представлены доклады самого широкого тематического и хронологического диапазона. Они касались древних и средневековых культур Египта, Месопотамии, Китая, Кавказа, Центральной Азии и регионов, где проявлялось взаимодействие или прямое воздействие восточных эталонов и традиций (Северо-Западное Причерноморье, Вятско-Камский регион). Наряду с докладами об эпохе первых цивилизаций, например по Шумеру, рассматривались и материалы нового и новейшего времени, касающиеся, в частности, музыкальных традиций народов Среднего Поволжья и отражения конфуцианских идей в экономических реформах современного Китая. Были заслушаны доклады, посвященные археологической проблематике (в том числе и по музыкальной археологии, охватывающей вопросы древнего инструментоведения), анализу письменных источников, а также лингвистическим, филологическим и нумизматическим разработкам. Так, группа сообщений была связана с изучением памятников древних письменностей Ирана и Средней Азии. Истоки педагогики были продемонстрированы на примерах шумерских учебных текстов, содержащих тесты, оценивающие интеллектуальный уровень учеников. Целый блок докладов рассматривал культурные традиции, их развитие и взаимодействие в среде древних кочевников Центральной Азии и Южного Приуралья. Большая группа выступлений была посвящена традициям музыкальной культуры, в том числе песенного фольклора. Источниковедческая оценка информации письменных источников была предложена в сообщениях, анализирующих данные как античной, так и восточной литературных традиций (в частности, среднеперсидского текста «Денкард», подводящего итог авестийской традиции, и палийского трактата «Милиндапаньха», где впервые и аргументированно ставится вопрос о греко-буддийском философском взаимовлиянии). В историографическом плане был важен доклад, прочитанный французским ученым директором Французского института по изучению Центральной Азии проф. В. Фурньо, об общей картине исследований по центральноазиатской тематике во Франции, в котором было специально подчеркнуто наличие негативной тенденции к недооценке значимости работ российских исследований в изучении этого региона.

* Полный текст некоторых докладов (Н. Альмеевой, А. Я. Щетенко) публикуется в настоящем томе ЗВОРАО, в разделе «Статьи и заметки».

В целом представленные на конференции доклады и сообщения выявили на конкретных данных обширное поле культурного наследия, в котором проявилась очень важная для культур Востока тенденция к преемственности традиций. Методологическая и теоретическая оценка этих материалов позволила поставить вопросы, важные для современной общественно-политической ситуации. Так, было подчеркнуто неоправданное стремление, особенно ярко проявляющееся в России на местах и в новых независимых государствах, ставить вопрос о сведении этнического наследия к наследию лингвистическому. В широком плане именно культурное наследие является важнейшим компонентом этнического наследия и этнической традиции, что и было наглядно продемонстрировано во многих докладах и сообщениях.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА ИМЕНИ ТУРКМЕНБАШИ

А. Аширов (Ашгабат, Туркменистан)

Национальный институт рукописей Туркменистана имени Туркменбаши был создан в 1993 г. по постановлению Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова. Институт рукописей является научным учреждением, осуществляющим исследования в области изучения духовного и культурного наследия туркменского народа и народов Востока. Одной из важнейших задач Института рукописей является обеспечение сохранности, изучение письменного наследия старины и доведение его до широких масс. Институт рукописей оснащен современной техникой и оборудованием, отвечающими мировому стандарту. В институте созданы все условия для практического использования рукописного наследия в научной и информационной целях. В рукописном фонде института хранятся более 10 000 рукописных материалов, относящихся к различным отраслям науки и культуры. Эти рукописи написаны в основном на туркменском, арабском и персидском языках. Институт рукописей организует экспедиции и научные командировки по Туркменистану и за пределы республики для выявления и сбора письменных памятников среди населения, благодаря чему рукописный фонд Института ежегодно увеличивается.

Структура НИРТ имени Туркменбаши:

1. Отдел текстологии.
2. Отдел научного описания и каталогизации.
3. Отдел фольклора.
4. Отдел источников истории туркмен.
5. Отдел источников туркменского языка.
6. Отдел консервации и реставрации.
7. Отдел перевода и публикации.

Институт рукописей проводит научные конференции, посвященные изучению духовного наследия в международном масштабе. Институт имеет научные связи с аналогичными институтами зарубежных государств, таких как США, Англия, Франция, Германия, Индия, Иран, Пакистан, Турция, Армения, Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Россия и др.

Адрес Национального института рукописей Туркменистана имени Туркменбаши: 744000, г. Ашгабат, ул. Пушкина, 13а.

Телефон: 35-01-77. Факс: 35-01-79.

УНИВЕРСИТЕТ ХАЗАР — НОВОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Г. Исмаилзаде (Баку, Азербайджан)

В 1991 г. в Баку, столице Азербайджана, решением Совета Министров Республики было учреждено первое частное высшее учебное заведение — Университет Хазар, призванный подготовить для независимой республики высококвалифицированных англоязычных специалистов, соответствующих международным стандартам.

Инициатором создания в очень сложное для республики в общественно-политическом отношении время нового по структуре высшего учебного заведения была группа молодых ученых, возглавляемая талантливым математиком доктором физико-математических наук проф. Г. Исаханлы. Усилиями этой группы за некоторое время в Азербайджане были созданы и успешно проведены в жизнь новые модели системы образования, которые получили признание общественности не только республики, но и зарубежных стран.

В настоящее время Университет Хазар — крупное учебное заведение, в котором действуют такие важные факультеты, как факультет прикладных и медицинских наук, факультет права и социальных наук, факультет гуманитарных наук, факультет экономики и менеджмента, выполняющие в тесном сотрудничестве с целым рядом передовых университетов мира, зарубежными компаниями, различными государственными и частными финансовыми организациями, крупными научно-образовательными центрами Азербайджана важные программы в области образования и науки.

Значительная часть профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников Университета Хазар — это признанные ученые ведущих высших учебных заведений мира. И не случайно, что в проводимом Информационным агентством США конкурсе Университет Хазар был признан лучшим из более чем 70 представленных университетов. Он был удостоен Золотой премии Международной организации «Менеджмент глобального качества» (Лондон). А в результате опросов, проведенных Студенческим советом при Министерстве образования Азербайджанской республики и редакцией журнала «Азербайсан Дцнйасы» Университет Хазар назван лучшим университетом 1998 г.

Трудно переоценить деятельность научных институтов и центров при Университете Хазар, к которым относятся Институт исследования Кавказа и Центральной Азии, Институт американоведения, Центр образования и информации, Словарный и энциклопедический центр и др., изучающие, соответственно, важные проблемы по всеобщей истории Кавказа и Центральной Азии, роль США в политике, экономике, международных отношениях, культурных и научно-образовательных процессах; собирающие информацию и обменивающиеся ею на междуна-

родном уровне, решающие вопросы, связанные с работой и учебой в Университете Хазар, и, наконец; готовящие двуязычные и многоязычные энциклопедические словари и различные справочники.

На высоком уровне в Университете Хазар находится и издательское дело, чему способствует наличие самостоятельного издательства и типографии. За короткое время в Университете издан ряд монографических трудов известных ученых мира. В Университете на английском языке издаются научные журналы: «Journal of Azerbaijani Studies», «Khazar Journal of Mathematics», трехязычная газета «Khazar View» и др.

Довольно обширна и значительна деятельность департамента истории, возглавляемая кандидатом исторических наук Розой Аразовой. Департамент постоянно проводит и регулирует целую серию программ по важным проблемам отечественной и всеобщей истории, организывает научные конференции и симпозиумы по актуальным вопросам истории и встречи с признанными учеными мира. В деятельности департамента особое место занимает курс лекций и семинаров по истории мировых цивилизаций.

Значительным событием в жизни департамента истории и в целом всего Университета Хазар стало издание журнала «Азербайжан Археолоэийасы», призванный осветить вопросы становления, развития и достижения не только отечественной, но и мировой археологии.

Почтовый адрес Университета Хазар: Баку, 370096, ул. Мехсети, 11. Телефон: 99412/217927, факс: 99412/989379. E-mail: khazar@khazar.org

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЗАДНЕПРОВСКОЙ (1926—2001)

Л. М. Всевиов, В. П. Никопоров (Санкт-Петербург)

Ушла из жизни Татьяна Николаевна Заднепровская — замечательный, сильный и одновременно очень добрый и исключительно скромный человек, ученый-библиограф от Бога. Для всех, кто общался с ней в последнее время, ее смерть была совершенно неожиданной. Со стороны казалось, что она, как и всегда, полна сил, творческих планов — твердо намеревалась завершить редакцию и корректуру эпохального труда последних 20 лет своей жизни — справочника «Русская археологическая литература: Библиографический указатель. 1900—1917». И это несмотря на серьезное недомогание, которое, впрочем, представлялось ей самой и временным и не столь обременительным. Одним словом, не было заметно ни малейших признаков скорого расставания с жизнью. «Вот полежу в первый раз в жизни из-за болезни в больнице и выйду — нельзя долго засиживаться, много работы», — примерно такие слова говорила Татьяна Николаевна накануне своего отъезда на лечение одному из авторов этого некролога. Мы тепло попрощались, оба уверенные, что ненадолго, но, как потом оказалось, навсегда...

Татьяна Николаевна Заднепровская родилась 24 февраля 1926 г. в Ленинграде. Ее прадед, Н. П. Вагнер, был известным ученым-биологом, журналистом и писателем, писавшим под псевдонимом «Кот Мурлыка». Она росла на Васильевском острове в квартире своего деда П. Н. Вагнера, который был преподавателем Морского Кадетского корпуса, вышел в отставку в чине адмирала, а в свое время окончил Академию художеств по классу профессора А. И. Куинджи. Отец, Н. П. Вагнер, любовь и восхищение к которому она сохраняла всю свою жизнь, был морским офицером, окончил Морской Кадетский корпус, а затем и физический факультет Петербургского университета. После революции он работал в Гидрографическом управлении, много преподавал.

В 1937 г. отец был арестован НКВД и в самом начале 1938 г. расстрелян. Мать Татьяны Николаевны, М. Ф. Вагнер, урожденная Парланд, племянница и крестница известного архитектора А. А. Парланда, была выслана на десять лет в далекую башкирскую деревню. Девочку спасла, взяв в свою семью, ее вторая бабушка — П. М. Парланд, которая также жила на Васильевском острове. Война и блокада, голод и

Фото 1. Татьяна Николаевна Заднепровская со своим любимым котом Тишкой (лето 2001 г.)

ных и преподавателей: М. И. Артамонова, А. Н. Бернцтама, К. М. Колобовой, И. Ю. Крачковского, Н. Н. Пунина, В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер и др. В археологической экспедиции в Средней Азии она познакомилась с Ю. А. Заднепровским, ставшим впоследствии одним из крупнейших российских специалистов по археологии Ферганы и среднеазиатских кочевников. В 1950 г. Татьяна Николаевна вышла за него замуж и стала его верным другом и помощником. Они прожили вместе 49 лет (см. фото 2), вырастили двоих очень хороших детей. В те же далекие годы она познакомилась с Натальей Григорьевной Горбуновой — другим петербургским крупным исследователем древностей Ферганы и Средней Азии, с которой ее всю жизнь связывала самая крепкая дружба.

После окончания университета Татьяна Николаевна пришла работать в библиотеку Института истории материальной культуры (в дальнейшем Ленинградского отделения Института археологии) АН СССР (сейчас — Институт истории материальной культуры РАН) и с ней связала всю свою жизнь. В библиотеке сложился очень хороший творческий коллектив, который, наряду с обработкой новых поступлений в фонды и обслуживанием читателей, вел также и колоссальную справочно-библиографическую работу. Под руководством заведующей биб-

смерть самых близких и родных людей навсегда оставили глубокий след в душе Татьяны Николаевны. Во время блокады она, как и многие другие ленинградские подростки, трудилась на оборонном заводе, где обтачивала корпуса для снарядов, потом она работала в санэпидстанции Василеостровского района. За свой труд в то тяжелейшее время она была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Татьяна Николаевна мечтала о высшем образовании и в 1947 г. поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Сначала училась на кафедре искусствоведения, потом увлеклась археологией. Посещала лекции замечательных уче-

Фото 2. Татьяна Николаевна и Юрий Александрович Заднепровские на кухне своей квартиры в Санкт-Петербурге (1990-е гг.)

лиотекой Н. А. Винберг, прекрасного человека и специалиста, Татьяна Николаевна начала заниматься археологической библиографией. С Н. А. Винберг ее связывали большая духовная близость и глубокое внутреннее родство, а также преданность делу и самоотверженное трудолюбие.

В 1950-е гг. разрабатывались и совершенствовались основные принципы создания библиографии археологической литературы. По замыслу авторов, в полном объеме учитывалась не только вся собственно археологическая литература, но и общеисторические труды, содержащие разделы по древней истории, а также работы по истории искусства, ремесел, архитектуре, эпиграфике, нумизматике, сфрагистике, начиная с древнейших времен вплоть до конца XVII в. Привлекались также важные для археологов работы по смежным дисциплинам — геологии, этнографии, палеоантропологии, палеоботанике и палеозоологии. В основу систематизации литературы были положены два основополагающих принципа — территориальный и хронологический, соответствующий общепринятой археологической периодизации. Учет хронологии и местонахождения самых разнообразных археологических памятников требовал большой эрудиции. Безусловно, эта работа была бы невозможна без специальной археологической подготовки ее авторов, к тому же она велась в тесной координации с сотрудниками ИИМК/ЛОИА, которые, понимая огромную ее важность, никогда не отказывались дать необходимые консультации.

В результате, при непосредственном участии Татьяны Николаевны Заднепровской, свет увидели 8 томов уникального, не имеющего аналога в других гуманитарных науках, библиографического справочника «Советская археологическая литература. Библиография»¹. Без преувеличения можно сказать, что эти тома в темно-вишневом переплете очень хорошо известны всем археологам нашей страны, да и многим их коллегам за ее пределами, и являются для них всех, по сути, настольными книгами. Существенным и органичным дополнением к этой серии, фактически ее первым в хронологическом порядке томом, должна стать упомянутая выше библиография российской археологии за 1900—1917 гг. — любимое, хотя и с очень сложной судьбой, детище Татьяны Николаевны, которому она отдала чрезвычайно много моральных и физических сил и времени, но выход которого в свет она, к огромному сожалению, не увидит. Сейчас рукопись этой книги находится в издательстве «Петербургское Востоковедение» в стадии подготовки к публикации. Что ж, уже скорое ее появление станет настоящим памятником неутомимой творческой деятельности Татьяны Николаевны и одновременно данью ее светлой памяти.

Следует добавить, что Татьяна Николаевна была также автором ряда тематических библиографий по археологии Средней Азии, которые ей заказывали, в том числе, и специалисты из-за рубежа².

Последние два года жизни были для нее очень непростыми, это было время невосполнимых потерь. В 1999 г. после тяжелой болезни скончался ее муж, Юрий Александрович Заднепровский, незадолго перед этим вернувшийся из очередной археологической экспедиции в Фергане³. Через год ушла из жизни ее лучшая подруга, Наталья Григорьевна Горбунова...⁴ Надо отметить, что Татьяна Николаевна как человек чрезвычайно сильного и волевого характера, прошедший самую суровую школу сталинских репрессий и ленинградской блокады, стойчески перенесла эти тяжелейшие утраты. Никто из окружающих ее людей, родственников или знакомых, ни тогда, ни когда-либо до этого не видели ее пессимизма или отчаяния. Оставшиеся ей годы жизни она твердо намеревалась посвятить своим близким и работе.

¹ См.: Приложение, № 7, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22.

² Например, библиография парфянской археологии, которую Татьяна Николаевна написала по просьбе одного из крупнейших авторитетов в области археологии Ирана французского ученого российского происхождения Р. Гиршмана. см.: Приложение, № 15.

³ См.: Васильев В. И., Савельев Н. С., Федоров В. К. Памяти Ю. А. Заднепровского // УфАВ. Вып. 2. 2000. С. 191; Массон В. М. Памяти Ю. А. Заднепровского // АВ. 2000. № 7. С. 375—376; Ставиский Б. Я. Памяти Юрия Александровича Заднепровского (1924—1999) // РА. 2001. № 1. С. 180—182. а также: Приложение, № 29.

⁴ См.: Маршак Б. И., Качалова Н. К., Брыкина Г. А., Козенкова В. И. Памяти Натальи Григорьевны Горбуновой (1927—2000) // РА. 2001. № 3. С. 185—187; Смирнова Г. И. Памяти Натальи Григорьевны Горбуновой (1927—2000) // АСГЭ. Вып. 35. 2001. С. 7—8.

Но силы человеческие не беспредельны... 7 октября 2001 г. Татьяна Николаевна Заднепровская скоропостижно скончалась в одной из больниц Санкт-Петербурга. Так уж получилось, что после панихиды в церкви на Конюшенной площади, где в 1837 г. отпевали Александра Сергеевича Пушкина, траурный кортеж, по причине крупномасштабных ремонтных работ, развернувшихся в связи с предстоящим празднованием трехсотлетнего юбилея Санкт-Петербурга (в 2003 г.), не смог проехать к месту назначения по кратчайшему пути, а был направлен постовым милиционером в объезд. Но какой! Из-за этой, казалось бы, случайности прощальный маршрут получился просто великолепным: по набережной реки Мойки, Невскому проспекту и Дворцовой набережной, как раз мимо Эрмитажа, который Татьяна Николаевна очень любила, и Института истории материальной культуры РАН, работе в библиотеке которого она отдала лучшие годы своей жизни. Стояла хорошая осенняя погода, было очень грустно, но одновременно как-то светло. Вот таким, глубоко символичным, оказалось наше прощание с Татьяной Николаевной Заднепровской. Вечная ей память!

Приложение

Список печатных работ Т. Н. Заднепровской

1. Советская археологическая литература за 1951 г. // СА. Т. XIX (1954). С. 351—390 (совместно с Н. А. Винберг).
2. Советская археологическая литература за 1952 г. // СА. Т. XXII (1955). С. 275—321 (совместно с Н. А. Винберг).
3. Советская археологическая литература за 1953 г. // СА. Т. XXVII (1957). С. 335—383 (совместно с Н. А. Винберг).
4. Советская археологическая литература за 1955 г. // СА. 1957. № 4. С. 234—273 (совместно с Н. А. Винберг).
5. Советская археологическая литература за 1956 г. // СА. 1958. № 4. С. 258—306 (совместно с Н. А. Винберг).
6. Библиография по археологии и древней истории Сыр-Дарьи и Семиречья: (1821—1956 гг. Хронологический указатель) // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. 1959. С. 270—307 (совместно с Е. И. Агеевой).
7. Советская археологическая литература: Библиография. 1941—1957. М.; Л., 1959 (совместно с Н. А. Винберг и А. А. Любимовой).
8. Советская археологическая литература за 1954 г. // СА. Т. XXIX—XXX (1959). С. 297—345.
9. Советская археологическая литература за 1957 г. // СА. 1959. № 4. С. 282—327 (совместно с Н. А. Винберг).
10. Советская археологическая литература: Библиография. 1918—1940. М.; Л., 1965 (совместно с Н. А. Винберг, Р. Ш. Левиной, А. А. Любимовой).
11. Литература по первобытной археологии Средней Азии на языках народов СССР // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 266—285.
12. Советская археологическая литература: Библиография. 1958—1962. Л., 1969 (совместно с Р. Ш. Левиной, А. А. Любимовой, Л. М. Всевиовым).

13. Книги по археологии Средней Азии и Казахстана, опубликованные в 1974—1975 гг. // УСА. Вып. 4. 1979. С. 92—93.
14. Советская археологическая литература: Библиография. 1963—1967. Л., 1975 (совместно с Р. Ш. Левиной, А. А. Любимовой, Л. М. Всевиовым, А. Г. Рытовым).
15. [Zadneprovskaya T. N.] Bibliographie de travaux soviétiques sur les Parthes // StIr. T. 4/2. 1975. P. 243—260.
16. Советская археологическая литература: Библиография. 1968—1972. Л., 1980 (совместно с Р. Ш. Левиной, Л. М. Всевиовым).
17. Список печатных работ Г. П. Сосновского // СА. 1981. № 1. С. 116—117.
18. Советская археологическая литература: Библиография. 1973—1975. Л., 1983 (совместно с Р. Ш. Левиной, Л. М. Всевиовым).
19. Основная современная советская литература по археологии эпохи раннего железа Средней Азии и Казахстана (1959—1982 гг.) // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984. С. 97—122 (совместно с Ю. А. Заднепровским).
20. Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1976—1978. Л., 1986 (совместно с Р. Ш. Левиной, Л. М. Всевиовым).
21. Исследования Кара-Тепе в Старом Термезе в 1975—1985 гг.: Библиографический указатель // ИБМАИКЦА. Вып. 12. 1987. С. 118—129.
22. Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1979—1981. Л., 1989 (совместно с Р. Ш. Левиной, Л. М. Всевиовым).
23. Список печатных работ К. В. Тревер // РА. 1993. № 4. С. 239—245.
24. Список печатных работ Ю. А. Заднепровского // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994. С. 7—21.
25. Церковно-археологические комитеты России и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб., 1995. С. 46—55.
26. Церковно-археологические учреждения и их роль в охране и изучении памятников церковной старины России // Церковная археология. Ч. 3. СПб.; Псков, 1995. С. 37—40.
27. К истории библиографии отечественной археологии // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 62—65.
28. Начальные этапы отечественной библиографии по археологии // Древности. Вып. 25. М., 1997. С. 156—164.
29. Киргизский Шлиман (Памяти Ю. А. Заднепровского) // История, культура и экономика юга Киргизстана: Материалы Междунар. науч. конф. Т. 1. Ош, 2000. С. 7—12.
30. Список научных трудов Б. А. Латынина // Судьба ученого. СПб., 2000. С. 14—17.
31. Список опубликованных работ Н. Г. Горбуновой // АСГЭ. Вып. 35. 2001. С. 9—14.
32. Русская археологическая литература: Библиографический указатель. 1900—1917. СПб. (в печати).

НОВЫЕ КНИГИ (РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ)

НОВЫЕ КНИГИ ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

К. М. Байпаков (Алматы, Казахстан)

Древнее золото Казахстана / Вступ. ст. К. Акишева, А. Акишева; Сост. К. Акишев, А. Джумадиева, Ф. Григорьев. — Алматы: Didar, 1998. — 80 с.

В альбоме из серии публикуются художественные золотые изделия, хранящиеся в музее археологии Института археологии и в Центральном государственном музее Республики Казахстан. Это фотографии артефактов, которые относятся к различным хронологическим периодам — от эпохи бронзы до позднего средневековья. Представленные в альбоме материалы известных памятников, таких как Иссык, Тасмола, Бесоба, Тенлик, Жалаулы и др., — яркое свидетельство богатейшей и многогранной культуры древнего Казахстана.

Авторы вступительной статьи на различных примерах показали унаследованную казахскими мастерами-ювелирами непрерывную традицию создания великолепных произведений искусства, в которых заключался объемный символизм миропонимания древних народов Казахстана.

Древняя бронза Казахстана / Вступ. ст. К. Байпакова; Сост. К. Байпаков, А. Джумадиева, Ф. Григорьев. — Алматы: Didar, 1998. — 80 с.

Альбом из серии «Памятники культуры Казахстана» представляет изделия бронзолитейного производства, берущего свои истоки во втором тысячелетии до н. э. Материалы альбома составлены из коллекций музея археологии Института археологии им. А. Х. Маргулана и Центрального государственного музея Республики Казахстан. Эти материалы — различные орудия производства, украшения, предметы вооружения, предметы культового назначения и т. д. — яркое свидетельство высокого искусства былых времен.

Автор вступительной статьи осветил непрерывающуюся традицию бронзовых дел мастеров. Зародившись в глубокой древности, искусство литья,ковки, чеканки совершенствовалось, изменялось, впитывая в себя новые черты. Солярно-астральный культ андроновской и бегазы-дандыбаевской культур, звериный стиль саков, савроматов, усуней и кангюев, образный мифологический символизм тюрков явились гармоничными частями древнего художественного наследия Казахстана.

Древняя керамика Казахстана / Вступ. ст. и сост. К. Байпакова. — Алматы: Didar, 1998. — 80 с.

В альбоме публикуются многочисленные предметы керамического производства, находящиеся в фондах Музея археологии Института археологии. Они были найдены при раскопках могильников, а также городищ Отрар, Тараз, Талгар, Куйруктобе, Кулана. На страницах этого альбома представлены

наполненные духом древности наиболее выразительные кувшины, вазы, светильники, дастарханы, антропо- и зооморфные скульптурки, крышки, украшенные резным орнаментом, и многое другое.

Во вступительной статье рассматриваются общие вопросы формирования, хронологии, развития, взаимовлияния различных стилей керамического искусства, изучаются аспекты возникновения новых стилей, связанных с созданием школ гончарного ремесла, которые, сохраняя художественные традиции предшествующих времен, пытались внести неизвестные ранее формы и средства выразительности.

Савельева Т. В., Зиняков Н. М., Воякин Д. А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. — Алматы: Гылым, 1998. — 228 с.

Многолетние систематические археологические исследования средневековых городищ Талгар и Алматы позволили накопить большую коллекцию изделий из железа. Это многочисленные предметы домашней утвари и хозяйственный инвентарь, сельскохозяйственные орудия труда и кузнечный инструментарий, оружие и многое другое. Предметы этой коллекции уже описывались и типологизировались.

Целью данной работы ставится изучение материала посредством металлографического анализа. Результаты исследований позволили выделить технологические приемы, которые использовались в производстве железных изделий кузнецами средневековья. Констатация же стали ледебуритного класса (тигельная сталь) является открытием современного металловедения.

Смагулов Е. А., Григорьев Ф. П., Итенов А. О. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. — Алматы: Гылым, 1999.

В монографии обобщены итоги почти семидесятилетнего периода археологических исследований городища средневекового Туркестана. Памятник рассматривается как сложный археолого-архитектурный комплекс, важнейшей составляющей которого является культурный слой городища, окружающий известные архитектурные объекты.

Работа состоит из шести глав. На основе доступных письменных источников предложен очерк истории г. Туркестана. Делается вывод о недостаточности только письменных свидетельств для решения ряда проблемных вопросов в истории города, освещения историко-культурных аспектов.

Впервые на основе детальных визуальных наблюдений и анализа крупномасштабных аэрофотоснимков и топографических планов дается полное описание топографии памятника. Приведены материалы по стратиграфии его древнейшей части — городища Культобе. Рассматривается проблема преемственности раннего поселения Ясы и позднесредневекового Туркестана, столицы Казахского ханства.

В свете накопленных археологических данных и наблюдений реконструируется историко-топографическая эволюция города, освещаются отдельные моменты истории культуры. Развитие города рассматривается в контексте региональной истории. Показана роль идеологического фактора наряду с другими в становлении и развитии одного из важнейших городских центров Казахстана.

Работа рассчитана на специалистов-археологов, историков, краеведов и всех интересующихся историей Центральной Азии.

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. — Алматы: Гылым, 1998. — 216 с.

В монографии К. М. Байпакова на основе обширного археологического материала предлагается рассмотрение феномена древней и средневековой истории, известного под названием «Великий Шелковый путь».

Многолетние раскопки в сопоставлении с письменными источниками позволили автору проследить расположение трасс Шелкового пути на территории Казахстана, локализовать ряд городов, воссоздать картину сложнейших вопросов культуры и религиозных воззрений, торговли и быта минувших эпох.

Магистральные караванные пути и многочисленные их ответвления являлись проводниками не только диковинных товаров, но и художественных стилей, религий, способствуя тем самым их взаимообогащению и взаимопроникновению. Именно в Казахстане складывается самобытная городская цивилизация, впитавшая в себя разноэтнические традиции, особенности оседлой и кочевой культур, наследие различных конфессий.

Приведенный иллюстративный материал дополняет основные моменты данной работы.

Таймагамбетов Ж. К., Нохрина Т. И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). — Туркестан: Мирас, 1998.

Пещера была обнаружена Х. А. Алпысбаевым в 1958 г. и исследовалась им в 1959 и 1973 гг. Однако материалы остались неопубликованными. В 1992 г. работа в пещере проводилась совместной Казахстано-Российской комплексной археологической экспедицией.

В монографии впервые дается геоморфология района пещеры Караунгур, полная характеристика разреза раскопа, а также данные археологии, палеозоологии, одонтологии.

Книга представляет интерес для всех, кто интересуется древней историей Казахстана.

Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Наскальные изображения Семиречья. — Алматы: Фонд «XXI век», 1998. — 207 с.

В монографии рассматривается комплекс вопросов, связанных с изучением памятников наскального искусства Семиречья. На основе материалов более чем десяти святилищ авторы предлагают систему датирования наскальных рисунков в комплексе с другими видами археологических памятников. Рассмотрение же семантических выкладок сюжетных изображений приводит к интересным интерпретациям. На основе функционального признака производится типологизация святилищ и определяется их функциональное назначение.

Книга снабжена большим количеством черно-белых иллюстраций и цветных фотографий.

Mar'jasev A. N., Gorjacev A. A., Potapov S. A. Choix petrogliphes du Semrich'e / Felsbilder in Siebenstromland // Repertoire des petrogliphes d'Asie Centrale. — Paris: Diffusion de Boccard, 1998.

Монография посвящена исследованию петроглифов Семиречья. Подробно рассматриваются наскальные рисунки Тамгалы и Джунгарского Алатау.

представленные тремя местонахождениями: Ешкиольмес, Малый Койташ и Шолактау.

Авторы делают выводы об изменениях стилистического, тематического и технического плана в изображениях эпохи бронзы, сакского времени и средневековья. Прослеживается преемственность петроглифического искусства. Раскрывается средневековая традиция нанесения петроглифов.

Работа содержит большое количество черно-белых иллюстраций.

L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'eta' del bronzo alle brandi magrazioni / A curadi G. A. Popescu, C. S. Antonini, K. Baipakov. — Milano: Electa, 1998.

Каталог знакомит с богатой и самобытной культурой Казахстана. Изделия из кости, камня, металла, дерева, а также керамика и сюжетные композиции наскальной живописи представлены яркими цветными фотографиями. Приведены различные карты и таблицы.

Во вступительных статьях повествуется о вопросах истории, экономики, культуры, об общественных отношениях в эпоху бронзового, раннего железного веков, великого переселения народов.

Особенно выразительны изделия из золота. Это материалы широко известного кургана Иссык, Жалаулинского клада, случайные находки урочища Каргалы.

Цель издания каталога — ознакомление Италии с древней культурой Казахстана.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Berel — Берел. Альбом. — Алматы: ОФ Берел, 2000. — 56 с.

Издание знакомит с предварительными результатами исследований Берельских курганов, полученными в ходе работ международной археологической экспедиции под руководством З. С. Самашева в 1998—1999 гг. (Катонкарагайский район ВКО). Публикуемые материалы освещают уникальные находки из некрополя кочевой элиты скифо-сакского времени (IV в. до н. э.), сохранившиеся благодаря феномену вечной мерзлоты, — мумифицированные останки людей и лошадей, убранство которых оформлено в лучших традициях звериного стиля и представляет собой высокохудожественные образцы древнего искусства.

Горбунов А. П., Самашев З. С., Северский Э. В. Вечная мерзлота — хранилище древностей. — Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана; ОФ Берел, 2000. — 64 с.

В книге рассматриваются условия формирования искусственной подкурганной вечной (многолетней) мерзлоты в некоторых каменных курганах Берельского могильного комплекса. Благодаря подкурганной мерзлоте впервые в Казахстане получен уникальный материал для проведения исследования проблем палеогенетики и передачи древнего генетического кода (ДНК) последующим поколениям. Прекрасная сохранность находок обусловила редчайшую информационную ценность материала, который предоставляет широкие возможности для реконструкции ряда аспектов материальной и духовной культуры скифо-сакских племен, особенностей погребального обряда, религиозно-мифологических представлений кочевников, а также для уточнения хронологической колонки существования культур древних номадов Алтая.

Маргулан А. Х. Сочинения: В 14 т. Т. 1: Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / Сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. — Алматы: Атамура, 1998. — 400 с.

Первый том издания посвящен анализу памятников Центрального Казахстана эпох неолита и бронзы. Автором обобщены все исследованные им самобытные памятники бегазы-дандыбаевской культуры — кульминационного этапа эпохи бронзы Центрального Казахстана, развившейся на основе древнего горного дела и металлургии. Большое внимание уделяется проблемам периодизации памятников, исследованию вопросов ирригации и хозяйственного уклада, строительного, ювелирного, керамического и др. искусств. История бегазы-дандыбаевской культуры рассматривается в тесной связи с социальными процессами того времени.

Книга богато иллюстрирована. Она рассчитана на научных работников, преподавателей, студентов исторических факультетов вузов, а также на широкий круг читателей, интересующихся древней историей Казахстана.

СЕРИЯ «ОШ-3000 И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ КЫРГЫЗСТАНА» (Вып. 1: Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998. Вып. 2: Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999)

Ю. Г. Кутимов (Санкт-Петербург)

Специальным указом президента Кыргызской республики от 25 марта 1996 г. год 2000-й объявлен годом всенародного празднования 3000-летия города Оша, который является главным административным, экономическим и культурным центром Южного Кыргызстана и играет ключевую роль в современной политической жизни страны.

Судя по археологическим источникам, в основе сложения современного города первоначально лежали функции культового центра, связанного с одной из главнейших святынь Ферганской долины — горой Сулайман-Тоо. На одном из ее склонов расположено датированное заключительными веками эпохи поздней бронзы древнее поселение чувствской культуры, служившее, по всей видимости, местом обитания служителей культа. Множество обнаруженных на склонах горы наскальных рисунков, среди которых присутствует большое число солярных, растительных и зооморфных изображений, свидетельствуют об исключительном значении Сулайман-Тоо в первобытных верованиях местных племен. Находясь в истоке формирования одного из важнейших культовых и идеологических центров древней Ферганы и выступая на протяжении многих веков в качестве сакрально объединяющего фактора в процессах урбанизации древнего населения Ферганской долины, Сулайман-Тоо не потеряла своего значения вплоть до настоящего времени и играет огромную роль в духовной жизни местных жителей, являясь одним из главных объектов почитания мусульман.

В рамках подготовки к празднованию юбилея 3000-летия г. Оша под патронажем правительства республики была развернута широкомасштабная работа по изучению культурно-исторического наследия народов Кыргызстана, в которой приняли участие ученые из различных стран — Кыргызстана, России, Казахстана, Узбекистана и др. Одной из главных задач данной программы является развитие научного и интеллектуального потенциала Кыргызста-

на, способствующее укреплению международных научных и культурных связей республики. За четыре прошедших года в этом направлении был выполнен большой объем работ: организованы несколько научно-теоретических и научно-практических международных конференций, посвященных истории и культуре Кыргызстана, а также при участии археологов из Бишкека, Санкт-Петербурга, Москвы, Самарканда и других городов проведены комплексные археологические исследования на территории современного Ошского оазиса с целью изучения новых памятников древней и средневековой истории Оша.

Одной из первостепенных задач программы «Ош-3000» является публикация материалов изучения культурного наследия народов Кыргызстана, в числе которых особое место занимают материалы, полученные в ходе подготовки к празднованию юбилея 3000-летия г. Оша. С этой целью была задумана и реализована целая серия сборников научных статей под общим названием «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана», идейным организатором и ответственным редактором которой является проф. В. М. Массон. В настоящее время в свет вышли первые два выпуска из этой серии, в их издании приняли участие более 40 исследователей из различных стран.

Выпуск № 1 под названием «Изучение древнего и средневекового Кыргызстана» включает в себя три тематических раздела. Первый раздел («Древности материальной культуры. Ранние кочевники и земледельцы») объединяет ряд статей, посвященных вопросам древней истории Кыргызстана и Ферганской долины. Раздел открывают две статьи Ю. А. Заднепровского (Санкт-Петербург) — «Начальный этап истории изучения древней Ферганы и города Ош», в которой исследователь представил небольшую историографическую сводку о первых попытках научного изучения исторического прошлого Оша, и «Новый архитектурный комплекс в долине реки Тар (Ошская область)», где Ю. А. Заднепровский дал краткую характеристику исследованным Ферганской экспедицией ЛОИА еще в 1987 г., но не известным в литературе трем мазарам позднесредневекового времени, расположенным в Советском районе Ошской области. Статья В. М. Плоских (Бишкек) «Краткий исторический экскурс в историю кыргызов и Кыргызстана» знакомит читателя с основными этапами развития истории кыргызского народа вплоть до настоящего времени. В статье С. Я. Перегудовой (Бишкек) «Древняя Фергана по письменным источникам и археологическим материалам» особое внимание уделяется вопросам развития строительно-архитектурных традиций у населения юго-восточных районов Ферганской долины начиная с эпохи раннего железа и кончая ранним средневековьем. Аналогичный круг вопросов рассматривает в своей статье «Динамика развития земледельческих оазисов Ферганы» Г. А. Брыкина (Москва). В статье К. И. Ташбаевой (Бишкек) «Основные проблемы археологии Кыргызстана» дана краткая оценка развития археологической науки в Кыргызстане за последние пятьдесят лет, ее основные достижения и проблемы, которые ждут своего решения в будущем. Т. С. Нуридинова (Ош) в своей статье «Монетные находки из Ошской области и ее окрестностей» на основе составленного ею свода находок различных монет, обнаруженных на территории Ошского оазиса, проводит краткий анализ товарно-денежных отношений населения Ферганской долины с соседними областями Средней Азии в III—IX вв. В совместной статье В. П. Мокрынина и В. М. Плоских (Бишкек) «Новые данные о колебаниях уровня озера Иссык-Куль за последние 3000 лет» представлены результаты подводных археологических исследований, на основе которых авторы составили хронологическую шкалу регрессий и трансгрессий уровня озера Иссык-Куль начиная с эпохи конца поздней бронзы и кончая

средневековьям. Статья А. Камышева (Бишкек) «Древности Кыргызстана из антикварных магазинов» посвящена описанию случайных находок металлических изделий эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Кыргызстана, которые в последнее время все чаще стали встречаться в антикварных магазинах г. Бишкека.

Второй раздел данного сборника («Изучение средневековой эпохи и истории периода Кокандского ханства») полностью посвящен вопросам истории, археологии и культурологии Южного Кыргызстана в период развитого средневековья. Раздел начинается статьей И. Б. Молдобаева (Бишкек) «Древний Ош: проблемы и перспективы изучения», в которой автор рассматривает проблему преемственности исторического развития Ошского региона. Совместная работа В. А. Воропаевой и В. Д. Горячевой (Бишкек) «Великий Шелковый путь и культурные взаимосвязи Тянь-Шаня и Ферганы» посвящена вопросам обусловленных развитием торговых отношений культурных контактов различных племен, обитавших вдоль трассы Великого Шелкового пути. В статье А. А. Асанканова и К. Малтаева (Ош) «Обряды культа огня у кыргызов» представлены материалы этнографических исследований кыргызов Ферганской долины и описаны некоторые обычаи, связанные с культом огня. В статье Б. Д. Кочнева (Самарканд) «Средневековый Ош в свете нумизматики» рассмотрены некоторые вопросы истории Оша по данным монетного чекана. В статье Б. Э. Аманбаевой (Бишкек) «Средневековая баня-хаммам в Оше» представлены предварительные итоги изучения одного из главных археологических объектов предстоящего юбилея — общественной бани, датируемой X—XII вв. Статья Д. Б. Сапаралиева (Бишкек) «Сведения документальных источников о населении г. Ош и его окрестностей» посвящена вопросам этнической и демографической ситуации в Ошском регионе во второй половине XVIII—начале XIX в. Раздел завершают несколько статей молодых кыргызских исследователей на кыргызском языке.

В третьем разделе («Хроника. Рецензии. Сообщения») собраны главным образом краткие заметки о состоявшихся в Кыргызстане научных конференциях, посвященных юбилею «Ош-3000», и рецензии на опубликованные в 1997 г. научные издания, посвященные вопросам древней истории Кыргызстана.

Успешно проведенные в 1997—1998 гг. и продолженные в 1999 г. работы по научному изучению культурного наследия народов Кыргызстана нашли поддержку со стороны международного сообщества в рамках финансового содействия проекту «3000-летний юбилей города Ош и международное академическое сотрудничество», одобренному ЮНЕСКО. Основные результаты этой работы суммированы во втором выпуске сборника из серии «Ош-3000». Вышедший осенью 1999 г. под названием «Новое о древнем и средневековом Кыргызстане», он включает в себя большое число научных статей различного плана, тематически объединенных в четыре раздела.

Первый раздел («Ош, Фергана, Кыргызстан: вопросы истории и культуры») открывает статья В. М. Массона (Санкт-Петербург) «Урбанизационные процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры», в которой исследователь выделяет основные этапы урбанизации древней Ферганы и рассматривает особенности сложения местных урбанизационных обществ в контексте историко-культурного взаимодействия древнего населения данного региона Средней Азии. Ряд статей этого раздела посвящены изучению наскальных изображений Кыргызстана. В совместной статье Б. Э. Аманбаевой (Бишкек) и Е. Г. Дэвлет (Москва) «Петроглифы Сулайман-Тоо» и статье Л. Ведутовой (Бишкек) «Реконструкция семантики изображений следов чело-

века в наскальной графике Сулайман-Тоо» представлены результаты изучения наскальных изображений горы Сулайман-Тоо, их семантическая и хронологическая интерпретация. Аналогичный круг вопросов рассматривается в статье Ю. С. Худякова (Новосибирск) и К. Ш. Табалдиева (Бишкек) «Петроглифы Кара-Тоо» и статье К. И. Ташбаевой «Новые исследования Саймалы-Таша». Статья Г. Ф. Коробковой «Мезолитические охотники и собиратели Ферганской долины» посвящена проблемам изучения древнейшего прошлого Ферганской долины — эпохе палеолита и мезолита. Актуальным вопросам миграций древних племен на рубеже старой и новой эры на территории Центральной Азии посвящена статья К. Абдуллаева (Ташкент) «Сарматы или юэчжи?». Новые, не изданные ранее, материалы раскопок Кара-Булакского могильника публикует в своей статье «Еще раз о Кара-Булакском могильнике» Н. Г. Горбунова (Санкт-Петербург). В совместной статье Б. Э. Аманбаевой (Бишкек) и Д. А. Абдуллоева (Санкт-Петербург) «Предарабский Ош в свете раскопок» представлены результаты раскопок Акбуринского городища за 1998 г. На основе исследования химического состава металлических изделий В. Д. Рузанов (Самарканд) в своей статье «Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста» предлагает иной взгляд на вопросы хронологии чустской культуры Ферганской долины. Статья В. А. Кольченко (Бишкек) «К типологии оссуариев Чуйской долины» посвящена проблемам типологизации оссуариев, найденных в Чуйской долине. Актуальным вопросам древней истории Кыргызстана посвящены статьи А. Камышева (Бишкек) «О начале денежного обращения в Семиречье», А. Е. Захаровой (Ош) «Памятники жилой и культовой архитектуры старинного Оша», В. А. Галибина и Ю. А. Заднепровского (Санкт-Петербург) «Стекло средневековых городов Оша и Узгена», Ч. Джумагулова (Бишкек) «Эпиграфические памятники города Оша» и Т. Кененсариева (Ош) «Ош и Ошский оазис: взаимодействие кочевого и оседлого типов общественной жизни».

Второй раздел («Тюркологические разработки») представлен статьями С. Мамытова (Бишкек) «К проблеме этимологии слова 'Ош'», Ю. А. Заднепровского (Санкт-Петербург) «Тюрки в Фергане», А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова (Новосибирск) «Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии», Г. В. Длужневской (Санкт-Петербург) «К характеристике культуры центральноазиатских (енисейских) кыргызов», Р. Х. Сулайманова (Ташкент) «Проблемы родины Заратуштры и этнокультурная ситуация в Средней Азии начала I тыс. до н. э.», К. Ж. Малтаева и Э. Ж. Сулайманова (Ош) «Фергана и Ошский оазис: международные культурные и торговые связи».

В третьем разделе («Вопросы истории и литературы позднего средневековья и нового времени») опубликованы работы Б. Абдулгазиевой (Самарканд) «Могильник XIII—XIV вв. Чордона в Андижане», Т. Д. Джуманалиева (Бишкек) «Город Ош в эпоху позднего средневековья», Д. Б. Сапаралиева (Бишкек) «К истории взаимоотношений кыргызов с эмиром Тимуром и тимуридами XIV—XIX вв. до н. э.», С. А. Мамытова (Бишкек) «Истоки письменной литературы кыргызов», А. К. Абетекова (Бишкек) «Кыргызстанская петроглифика: некоторые вопросы изучения и интерпретации» и Г. И. Хамраева (Бишкек) «Язык уйгуров Ферганской долины».

В последнем, четвертом разделе данного выпуска — «Хроника» представлен итоговый отчет о работе Международной научной конференции «История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху», проведенной в 1998 г. в Оше и посвященной 3000-летию этого города.

Последующие выпуски из серии «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана» должны выйти к октябрю 2000 г.

**PROSPECTIONS ARCHEOLOGIQUES EN BACTRIANE
ORIENTALE. VOL. 2: LYONNET B. CÉRAMIQUE ET PEUPLEMENT
DU CHALCOLITHIQUE À LA CONQUÊTE ARABE. PARIS,
1997. 447 P.; VOL. 3: GARDIN J.-C. DESCRIPTION DES SITES ET
NOTES DE SYNTHÈSE. PARIS, 1998. 370 P.**

В. М. Массон (Санкт-Петербург)

Книги представляют собой второй и третий тома итоговой публикации французских археологических изысканий в Северо-Восточном Афганистане, проводившихся в 1974—1978 гг. под руководством Ж.-К. Гардена. Эта область, названная Ж.-К. Гарденом «Восточной Бактрианой», лежит как бы на периферии плодородных равнин, образующих основной центр бактрийской цивилизации. Экспедиция Ж.-К. Гардена тщательно исследовала как равнинные, так и горные части (хотя последние не в полном объеме) этого региона. Несмотря на казалось бы окраинное положение, здесь существовали важные центры древних культур и цивилизаций. Один из них — хараппское поселение Шортугай — уникальный центр древнеиндийской цивилизации, выдвинутый на многие тысячи километров за пределы метрополии. Другой — Ай-Ханум, греческий город на Амударье, раскапывавшийся экспедицией П. Бернара и давший уникальный материал о бактрийском эллинизме. Видимо, местной столицей кушанской эпохи было крупное городище Калаи-Зал, обнаруженное экспедицией Ж.-К. Гардена, но пока не раскапывавшееся. Первый том трудов экспедиции, подготовленный П. Жантелем, увидел свет в 1989 г. и был посвящен палеогеографии и остаткам ирригационных систем (Gentelle 1989).

Стратегия работ состояла в фиксации памятников для составления того, что в отечественной традиции именуется археологической картой. Вместе с тем особое внимание уделялось природной среде в связи с развитием ирригации, что удачно осуществил П. Жантель.

Третий, итоговый, том, подготовленный самим Ж.-К. Гарденом, сконцентрировал данные о памятниках, его можно назвать каталогом. Во втором томе Б. Лионне тщательнейшим образом характеризует и интерпретирует собранный на этих памятниках подъемный материал, почти исключительно керамический. Его описание ведется по тщательно организованной схеме, хотя предельная фрагментарность затрудняет фундаментальные типологические разработки. В общем плане Ж.-К. Гарден описывает и сами памятники, сопровождая ряд из них схематичными планами. Классификация памятников дается в самой общей форме, да и то в интерпретационном разделе, где говорится об укрепленных поселениях, просто поселениях-домах, выдающихся центрах и прочих (р. 135). Далее приводятся и количественные параметры для трех групп — более 15 га, от 6 до 15 га и менее 6 га (р. 136). Приведенный материал позволяет и более дробную поселенческую типологию с учетом ряда параметров, включая и планировку памятников. Опыт таких разработок неоднократно осуществлялся рядом исследователей, в том числе и по материалам Средней Азии. Насколько можно понять, исследования были ориентированы на сбор исключительно подъемного материала, что, видимо, было оговорено контрактом с афганским руководством. Вместе с тем, осуществление на ряде памятников небольших разведочных шурфовок и просто зачисток позволило бы получить более выразительный керамический материал, чем одни те черепки, над которыми трудилась Б. Лионне. Но как бы то ни было, в трудах

экспедиции суммирован огромный информационный материал, причем, что особенно ценно, осуществлена привязка его к палеографической ситуации с реализуемой перспективой выхода на оценку ирригационных возможностей исследуемых районов. По тщательности выполнения это уникальный случай для археологии Афганистана, да и Ирана, где столь сплошное обследование замкнутого региона пока не проводилось.

Естественно, что массовый новый материал открывает новые возможности для интерпретационных оценок, и это успешно осуществляется обоими авторами. При этом они широко используют результаты исследований в Средней Азии, знание которых, вообще говоря, является отличительной и положительной чертой большинства французских археологов, работающих в регионе Среднего Востока — Центральной Азии. На среднеазиатские схемы во многом опирается Б. Лионне в организации керамических материалов и особенно в трактовке вопросов культурогенеза.

Обстоятельно трактует эти вопросы Ж.-К. Гарден, четко организовав вторую часть своей книги. Здесь глава шестая — «Синописис» — посвящена общему обзору памятников по хронологическим этапам (р. 105—124). Таких периодов выделяется восемь, но фактически рассматриваются лишь семь: пора халколита и бронзового века; поздней бронзы, раннего железа и ахеменидское время; периоды греко-бактрийский; кушанский; эфталито-тюркский и исламский. Ж.-К. Гарден выделяет и симбиозный этап «греко-кушанский», который основан скорее на общеисторических соображениях, чем на конкретных археологических материалах. В своей характеристике Ж.-К. Гарден объединяет также два ранних периода — так называемый халколит и среднюю бронзу. Последний период, блестяще представленный Шортугаем и рядом материалов, собранных экспедицией на разных памятниках, сомнений не вызывает. Другое дело проблема дохарапского периода, именуемого халколитом. Материалы здесь крайне малочисленны и фрагментарны и, хотя Б. Лионне посвятила почти двадцать лет назад им специальную статью (Lyopnet 1982), четкая атрибуция их остается неясной, так же как и проскальзывающие высказывания о неких белуджистанских связях в этих материалах. Что эти материалы трудны для интерпретации, подчеркивает в своей итоговой публикации и Ж.-К. Гарден (р. 106). Видимо, не приходится говорить о наличии здесь, в Северо-Восточной Бактрии, так же как и во всей Бактрии в целом, раннеземледельческой культуры, которая бы могла оставить выразительный комплекс материальных объектов. Скорее всего, и харапское первоначальное поселение, и цивилизация бронзового века застали здесь лишь потомков охотников и рыболовов с угасающими традициями местного неолита.

Весьма обширна и обстоятельна глава седьмая — «Вопросы общеисторической проблематики» (р. 125—166). Здесь трактуются вопросы освоения территории, что благодаря усилиям группы П. Жантеля носит весьма обоснованный характер, вопросы поселенческой археологии, вопросы поселения и смешения народов. При этом анализ как бы отталкивается от конкретных материалов, добытых экспедицией, ведется на широком фоне с превосходным знанием литературы и всех публикаций, включая и русскоязычные. Предлагаемые Ж.-К. Гарденом взвешенные исторические оценки, безусловно, представят немалый интерес для исследователей Средней Азии. Показательно, что, судя по всему, Восточная Бактрия проходит те же циклы развития, что и основные центры среднеазиатских цивилизаций поры древности, таковы расцвет в кушанское время с освоением новых ирригационных районов и градостроительством и перепад в пору, названную Ж.-К. Гарденом эфталито-тюрк-

ским периодом. Вероятно, еще не исчерпаны на данном материале возможности подходов поселенческой археологии с выделением ирригационных районов — оазисов с внутренней типологией входящих в их состав памятников, отражающих динамику исторического процесса.

Специфической является заключительная глава, посвященная тому, что именуется процессуальной археологией, где Ж.-К. Гарден, автор специфического направления этой области, предлагает своего рода самоанализ приводившихся выше его разработок и заключений. Во всяком случае, все три тома трудов экспедиции являются фундаментальным вкладом в археологию Афганистана, где в настоящее время идет разграбление памятников с последующей распродажей добытых объектов на антикварных базарах Ирана и Индии.

Библиография

Gentelle 1989: *Gentelle P.* Données paléogéographiques et fondement de l'irrigation. Paris.

Lyonnet 1982: *Lyonnet B.* Etablissements chalcolithiques dans N. E. de l'Afghanistan: leur rapports avec les civilisations du Bassin de l'Indus // *Paleorient*. T. 7/2 (1981). Paris. P. 57—74.

ВОСТОЧНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В НЕМЕЦКОМ ДВУХТОМНОМ ИЗДАНИИ «STUDIEN ZUR MUSIKARCHÄOLOGIE: I, II». HRSG. E. NICKMANN U. A. RAHDEN 2000

(Orient Archäologie. Bd. 6, 7)*

Мешкерис В. А. (Санкт-Петербург)

К началу XXI в. в изучении культурного наследия Востока при активном содействии Международного общества «International Study Group on Music Archaeology» формируется особая отрасль знания — восточная музыкальная археология. Актуальность этой науки, соответствующей профилю Берлинского археологического института, обоснована в предисловии к двум тематически объединенным фолиантам. Р. Эйхманн делает акцент на преобладающем интересе авторов штудий к странам Азиатского континента, выявляя существенную роль Востока — одного из главных очагов зарождения музыкальной древневосточной культуры.

Публикуя доклады конференций последнего десятилетия (1993—1998), редакторы двухтомника Э. Хикманн и Р. Эйхманн преследовали цель не только издать итоги межконтинентальных исследований, но и создать базовый фундамент восточной музыкальной археологии, а также проблемно-теоретический стабильно действующий форум разнопрофильных специалистов в этой области, основой которой, как отмечает Э. Хикманн, является междисциплинарное комплексное изучение археологических артефактов.

* Bd 6: Papers from the 8th Symposium of the Study Group on Music Archaeology (ICTM), Limassol, 26—30 August, 1996 and other Contributions.

Bd 7: Papers from the 1st Symposium of the International Study Group on Music Archaeology at Monastery Michaelstein. May 18—24, 1998.

Первый том представляет собой публикацию докладов симпозиума в Лимассоле (Кипр) в 1996 г., посвященных изучению струнных инструментов (хордофонов). Дополнительно в этот том включены материалы предшествующих Лимассольскому симпозиуму конференций в Дели в 1993 г. и в Турине в 1995 г., темой которых явилось изучение наскального искусства. Евразийский материал первобытной музыкальной археологии присутствует как в характеристике разнородных категорий «музыкальных» находок (в докладе М. Отте), так и в анализе явлений конвергенции стадияльно сходных архаических эпох в развитии художественного мышления в сфере примитивных мусических искусств, отраженных в наскальных изображениях (в статье В. Мешкерис). Публикация ранее неизвестных материалов локального значения касается общих проблем систематической интерпретации художественных образов. М. Д. Патхан предложил иллюстрированную классификацию музыкальных сюжетов и традиционных инструментов в наскальном искусстве Центральной Индии (Пахмархи), существующих в этой стране с эпохи мезолита до настоящего времени в музыкальной практике и в качестве этнографических объектов.

Тема Передней Азии в контексте с изучением истоков музыкальной культуры Востока решается и в информационной литературе о новых конкретных «музыкальных» находках, в углубленном анализе материала с позиций органонологии. Состояние науки, изучающей переднеазиатские струнные инструменты, воспринятые в Евразии, отражает ряд докладов. Проблема генезиса арфовидного переднеазиатского инструмента освещена И. Брауном в статье «Древнейшее изображение арфы (Мигиддо, конец IV тыс. до н. э.). Воздействие на классические и одновременные культуры». Автор, видя в изображении треугольной арфы, обнаруженном в Мигиддо — древнем городе близ Иерусалима, прототип аналогичной арфы из Киклады, датированной одним столетием позже, устанавливает преемственную связь между переднеазиатским и эгейским струнным инструментарием.

Б. Лавергрэн в обобщающем исследовании «Начало и конец угловой арфы» раскрывает в органологическом аспекте устойчивую традицию в конструкции ближневосточной угловой арфы, которая, после усовершенствования в деталях, была воспринята музыкальной культурой Среднего и Дальнего Востока и, несмотря на облегченную трансформацию конструкции, сохраняла первоначальную геометрическую форму на протяжении трёх тысячелетий (II тыс. до н. э.—XX в. н. э.). С. А. Рашид — автор тома «Mesopotamia», в серии «Altertum» в известном издании «Musikgeschichte in Bildern», анализируя конкретные «музыкальные находки», восстановил структуру струнных инструментов III тыс. до н. э. Р. Эйхманн в статье «Струны и лады», обратившись к историческому инструментоведению, предложил убедительную реконструкцию египетской лютни II тыс. до н. э., предложив правдоподобную модель звучащего древнего инструмента, его форму, способ крепления струн и систему ладов. В этом уникальном исследовании автор разработал основательную методику реконструкции древнейших музыкальных инструментов не только на основе визуального изучения сохранившихся и дошедших до нас деталей инструментов, но обязательного знания истории музыки, привлечения критически исследованных источников, междисциплинарного подхода к изучению объектов, в котором непременно должен присутствовать сравнительный анализ с аналогичными инструментами соседних стран изучаемых исторических эпох и современными этнографическими данными.

Новой страницей восточного исторического инструментоведения явилась типологическая и хронологическая характеристика струнного инструментария доарабской Средней Азии, снабженная сводными иллюстративными таблицами. Обобщающее исследование в корне изменило представление о древней музыкальной культуре этой страны, инструментальное искусство которой являлось до недавнего времени пробелом в истории доарабской музыки Среднего Востока (статьи В. Мешкерис и Н. Васильевой).

Широкий регион Средней и Центральной Азии охвачен в полемическом докладе Б. Брентьеса «Музыкант, шаман или полководец?», посвященном интерпретации изображения персонажа с дуговой арфой (?) на каменной джамбульской стеле. В исследовании привлечены пространные историко-культурные, археолого-этнографические параллели (парфянская нумизматика, скифская торевтика, памятники этномузыкологии Венгрии).

Второй том включает материалы IX Международного симпозиума музыкальных археологов, состоявшегося 18—24 мая в Германии (Михельштейне). Симпозиум был организован, как и предыдущие 8 конференций, Международным обществом «Study Group on Music Archaeology» во главе с Е. Хикманн (Ганновер) и Р. Эйхманном (Берлин), которые и стали ответственными редакторами издания. В форуме приняли участие ученые из 18 стран — Австрии, Германии, Великобритании, Греции, Дании, Израиля, Иордании, Испании, Ирландии, Китая, Нидерландов, Норвегии, Перу, Польши, России, Словакии, США, Франции, Чили и Японии. Эта археолого-музыковедческая конференция была посвящена памяти выдающегося ученого — египтолога-музыковеда Ганса Хикманна (1908—1996), автора тома «Египет» в издании «Musikgeschichte in Bildern». Отдавая дань светлой памяти глубокому исследователю в области восточной музыкальной археологии, авторы вступительных статей Е. Хикманн и В. Бахманн ярко характеризовали его незаурядное творчество и самоотверженную научную деятельность.

Восточная музыкальная археология во II томе представлена как наука, охватывающая широкие просторы Азиатского континента. В книге наряду с кругом проблем, связанных с изучением Переднего и Среднего Востока, присутствует тематика зарубежного Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Одно из направлений музыковедческой египтологии, продолжающей исследования Ганса Хикманна, основано на анализе прямого соотношения развитых металлообрабатывающих ремесел с эволюцией музыкального инструментария (Р. Дренкбабн, Е. Пуш). Статья Л. Маннихе воссоздает картину разнообразного богатства музыкальной культуры, самобытной и вместе с тем впитавшей чужеземные влияния, при дворе фараона Эхнатона и его супруги Нефертити. Статьи, посвященные регионам Передней Азии и Кавказа, главного региона древней музыкальной культуры, представляли итоги исследований и новейших открытий. Р. Эйхманн в докладе «Влияние металлообрабатывающей техники на музыку Переднего Востока» рассматривает художественную культуру в соответствии с техническим прогрессом в металлообрабатывающем производстве с эпохи Халколита (IV тыс. до н. э.) и приходит к выводу о том, что в течение ряда тысячелетий дохристианской эпохи инструментарий эволюционировал не столько под воздействием технологического прогресса, сколько от изменений условий в ритуально-культурной и церемониальной практике. Музыка сопровождала религиозные обряды, празднества, придворные торжества и победные сражения. Б. Лавергрэн в статье «Сохранившиеся серебряные свирели из Ура, 2450 г. до н. э.» осуществляет реконструкцию древних аэрофонов на основании изучения металлических фрагмен-

тов инструментов, которые ныне находятся в Музее Филадельфии (их тростниковые вдувные части утрачены). Органологическому исследованию сопутствует экскурс, в котором рассказывается о примитивных тростниковых флейтах, приводятся сведения о связи древних аэрофонов с погребальной обрядностью и культовой символикой. В месопотамской мифологии свирель фигурирует как атрибут пастушеского бога Думузи (супруга Иннаны), а в греческих легендах она становится излюбленным инструментом Силена-Марсия. Уникальная расшифровка шумеро-вавилонской нотописы, опубликованная в I томе (А. О. Килмер, И. Смит) дополнена во II томе исследованием музыкальных терминов древнемесопотамских текстов (О. Килмер). Универсальная проблема соотношения письменных и археологических свидетельств явилась темой специального раздела. Она затронута в статье Р. Шумахера о специфике идиофонов Юго-Восточной Азии и развита И. Брауном в статье «Некоторые заметки о музыкальной истории Палестины. Письменные или археологические свидетельства?». В ней раскрывается мифотворческая суть библейских текстов о существовании в древности в этой стране богатого разнообразного инструментария, но о нем, как показали раскопки, палестинская музыкальная археология располагает пока скудными данными.

Нельзя не отметить плодотворный труд М. Шоуль «Изображение хеттских музыкальных инструментов с учетом письменных свидетельств» как эффективный пример комплексного разноаспектного подхода к изучению памятников музыкальной культуры. В статье В. Бахманна «Инструменты раннебронзового века Анатолии» дана характеристика новых открытий струнного инструментария на территории Турции и подвергнуты профессиональному анализу археологические хордофоны, что позволило опровергнуть ранее существовавшую гипотезу об отсутствии в этой стране арфовидных инструментов хеттского происхождения и сделать вывод о развитой древней музыкальной анатолийской культуре. Хронологическая систематизация музыкальных инструментов бронзового века Леванта, разработанная Г. Сейделем, может служить основой в решении проблем исторической периодизации и дальнейших обобщений. В работе К. Х. Кушнаревой впервые поднимается проблема зарождения и развития музыкальной культуры древнего Кавказа как единого региона. Статья строится на обзоре новейших материалов, не использованных ранее в данном контексте. Свод памятников музыкальной археологии хронологически охватывает первобытные эпохи от VI тыс. до н. э. (свирель из селения Чох, Дагестан) по II тыс. до н. э. (серебряный кубок с ритуальными сценами с участием музыкантов — из царского кургана Карашамба, Армения) и включает наскальные рисунки, изображающие танцевально-музыкальные архаические обряды. Можно говорить о том, что музыкальная культура Кавказа уже с незапамятных времен проникала во все слои населения (от пастухов до представителей высшего общества).

В. П. Никоноров в статье «Использование ударных инструментов в военном деле древнего Востока: парфянские и среднеазиатские свидетельства» анализирует данные письменных источников от античности до нового времени вкупе с имеющимися археологическими и этнографическими материалами о боевом применении литавр и барабанов в древней Средней Азии. Перспективное востоковедческое направление в изучении истории музыки Средней Азии наметилось в статье Н. Е. Васильевой «Музыкальные термины в пехлевийских сочинениях в сравнении с музыкально-археологическими находками древней Средней Азии». Как отметила в предисловии к изданию Е. Хикманн, музыковедческий опыт восстановления строя грифных инструментов-хордо-

фонов древнего Согда, осуществленный В. А. Свободовым в статье «Реконструкция струнного строя археологических хордофонов», является новаторским и может быть перспективным в изучении древних музыкальных инструментов.

В статье В. А. Мешкерис «Древние истоки музыки в художественном наследии Западного Китая (рельефы Чан-те-фу и среднеазиатские параллели)» выявлены согдийские музыкальные темы и инструменты, изображенные на погребальных памятниках VI в. н. э. Западного и Восточного Китая, подтверждающие тесное взаимодействие художественных культур стран Среднего и Дальнего Востока на Великом Шелковом пути. Дальневосточная зарубежная музыкальная археология — Китая, Японии, стран Юго-Восточной Азии — представлена статьями Ву Цоу, Ванг Циху, Суми Гуни, Р. Шумахера, посвященными итогам изучения традиционных инструментов и музыкальных сюжетов, интерпретации новых «музыкальных» находок. Географическая и хронологическая характеристика, основанная на открытиях последних лет в Китае, позволила М. Вагнер разработать обобщающую историческую периодизацию от эпохи позднего неолита до III в. до н. э. и сделать вывод о существовании в древнем Китае развитого инструментария, в состав которого входили разнообразные инструменты — окарины, флейты, губные органы, барабаны и колокола, ставшие с эпохи Цоу главными идиофонами в культовой и церемониальной музыке.

Рассмотренный двухтомник, охватывая основные проблемы восточной музыкальной археологии и отражая основные направления исследований, будет тем самым способствовать развитию этой науки, совмещающей данные археологии и исторического музыкознания.

НОВЫЕ КНИГИ О ДРЕВНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Б. Я. Ставиский (Москва)

Б. И. Вайнберг. Этногеография Турана в древности: VII в. до н. э.—VIII в. н. э. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1999. — 359 с.: карты и схемы.

Завершению многолетней работы над темой этой монографии способствовали гранты, полученные ее автором в итоге Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994—1995 гг. (№ ZZ5000/193 Международный научный фонд, фонд «Культурная инициатива»), издание книги осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 98-01-16163.

Работа посвящена 60-летию Хорезмийской экспедиции (и конечно, что подразумевается само собой, памяти основателя и первого руководителя Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции — С. П. Толстова, непосредственного учителя Б. И. Вайнберг, от которого она унаследовала широкий подход к тематике стоящих перед нею, а ранее — перед ним научных проблем).

Эта монография представляет собой исследование истории размещения древних народов на территории Турана — Туранской низменности, т. е., по мнению географов, региона от Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от степной полосы на севере до южных окраин крупных пустынь Каракум и Кызылкум на юге. Автор полагает и пытается показать, что «этот регион был единой экосистемой, в которую входили земельцы и скотоводы полупустынной и пустынной зон, связанные между со-

бой сложными культурными, этническими и политическими отношениями» (с. 3). Исследуемая эпоха от VII в. до н. э. до VIII в. н. э. была «иранским» периодом в истории региона — от начала железного века «до начала сплошной его тюркизации. Последнее особенно относится к восточной части региона, где в VIII—IX вв., согласно письменным источникам, уже известны только тюркские народы и племена (печенеги, огузы и т. д.)» (Там же).

С целью исследования данной эпохи Б. И. Вайнберг обращается к самым разнообразным (и разновременным, вплоть до современности) данным, о чем свидетельствует уже одно перечисление названий частей этой книги. Помимо «Введения» (с. 3—15) и «Заключения» (с. 297—307), ее составляют:

Часть I. Общие вопросы экологии и палеогеографии (с. 16—65). Глава 1. Палеогеография Приаралья (Дельтовые протоки Амударьи и Узбой. История обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий. Узбой. Восточное побережье Каспийского моря. Древняя дельта Сырдарьи). Глава 2. К вопросу об изменениях климата в Приаралье.

Часть II. Экология и этническая история. Исторические параллели и некоторые закономерности (с. 66—121). Глава 1. Формы хозяйственного освоения естественных ресурсов. Глава 2. Хозяйственная и этническая территория в историческом аспекте (Восточный Прикаспий. Низовья Сырдарьи и Западный Казахстан. Низовья Амударьи).

Часть III. Археологические комплексы и их ареалы (с. 122—194). Глава 1. Археологические комплексы с широкими ареалами (Оружие. Гончарная керамика. Строительство и архитектура. Погребальные обряды). Глава 2. Восточный Прикаспий (Узбой, Прибалханье, Устюрт). Глава 3. Низовья Амударьи. Глава 4. Низовья Сырдарьи.

Часть IV. Историческая этнография северной части Средней Азии в свете данных письменных источников (с. 195—296). Глава 1. Общие географические представления в письменных источниках (Древнеперсидские источники. Авестийская география и этногеография. Античная география о Средней Азии. Общие географические сведения о северных областях Средней Азии в китайских хрониках. Ранние арабские географы о территории Туранской низменности). Глава 2. Восточный Прикаспий. Глава 3. Низовья Амударьи (Формирование новой этнической группы в раннем железном веке в Присарыкамышской дельте Амударьи. Юечжи. Сакараваки. К вопросу о тохарах). Глава 4. Районы Нижней и Средней Сырдарьи (Дахи. Ариаки Птолемея. Кангюй, Кангха, Кангары. Хазары. Байандуры. Некоторые общие вопросы раннего этапа тюркизации населения в присырдарьинских районах).

Можно сказать, что, используя расширенную источниковедческую базу (палеогеография, экология, исторические модели, археологические материалы, разноязычные и разновременные письменные источники, лингвистические и этнографические данные), Б. И. Вайнберг предложила новые решения ряда исторических проблем и вопросов этнической истории, над которыми задумывались многие ученые последнего века уходящего тысячелетия.

В результате большой проделанной работы Б. И. Вайнберг (и ее коллегами по экспедиции и по изучению северных областей Средней Азии и по Казахстану вообще) в рассматриваемой монографии поистине «по-толстовски» обрисована широкими мазками картина истории региона от эпохи бронзы и раннего железа вплоть до современности. Все эти аспекты требуют и, надеемся, получат углубленное критическое рассмотрение рецензентов-специалистов в разных отраслях знаний. Пока же отметим как явно заслуживающие

внимания, например, четкое выделение региона Турана как единой экосистемы и трех составляющих его историко-культурных областей (Восточный Прикаспий, низовья Сырдарьи и Западный Казахстан, низовья Амударьи); заключение о преемственности хозяйства в них, несмотря на смену этносов и языков их населения; ряд интересных, пусть даже не всегда полностью доказанных, мыслей и обобщений. Книга Б. И. Вайнберг (как некогда и труды ее учителя) подталкивает мысль исследователей к дальнейшей разработке многих исторических, историко-культурных и этнологических проблем и вопросов. В этом, представляется, состоит главная ее значимость.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм / Под ред. Б. А. Литвинского. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2000. — 584 с.; ил.

Этот очередной (четвертый) том как бы завершает серию коллективных монографий, обобщающих труды отечественных ученых — археологов, востоковедов, историков культуры и искусства — об обширном регионе Центральной Азии, лежащем на северо-западе КНР и граничащем с республиками бывшей советской Средней Азии и Казахстаном, а также с Афганистаном, Пакистаном и Индией. О том, как обозначать этот регион, дискуссии идут давно, поскольку за долгие века и даже тысячелетия на его землях расселялись, а то и сменяли друг друга многие этносы, не говоря уже об изменениях политической обстановки, когда хозяевами его оазисов и пастбищ оказывались то пришельцы из Великой Степи, то иммигранты из Индии или Средней Азии, китайцы или тибетцы, древние тюрки и т. п. Принятое в Китае обозначение региона как Синьцзян — Уйгурский автономный район — отражает лишь поздний этап истории, когда регион прочно вошел в состав Китая, а основным населением здесь стали тюркоязычные уйгуры. Столь же условно название «Восточный (или Китайский) Туркестан», ибо значительную часть обитателей региона в древности и в предисламскую эпоху составляли ираноязычные этносы — саки, согдийцы и др. Не зря один из видных исследователей региона Аурел Стейн (1862—1943) придумал даже термин «Сериндия», наиболее точно отражающий географическое расположение региона между Китаем и Индией, но, увы, оставивший без внимания его тесные этнические и историко-культурные связи с ранним населением Средней Азии и степей Евразии.

Российская наука и в царское и в советское время была в авангарде изучения Сериндии — Синьцзяна — Восточного Туркестана, признанием чего явились решения XII и XIII Международных Конгрессов ориенталистов в Риме (1899) и в Гамбурге (1902). В соответствии с этими решениями Русский комитет был наделен функциями центрального органа Международной ассоциации для исследования Центральной и Восточной Азии с местопребыванием в Петербурге при Министерстве иностранных дел. Русский комитет, согласно Уставу Ассоциации, издавал на русском языке свои «Известия», а на французском — «Bulletin de l'Association Internationale». Таким образом, именно наши ученые были вправе обобщить сведения, собранные наукой об этом интереснейшем регионе Евразии.

Поскольку в советское время выпуск серийных изданий был возможен только с позволения Идеологической комиссии ЦК КПСС, Издательство восточной литературы нашло «выход» в выпуске сборников и коллективных монографий без указания их порядковых номеров, а лишь слегка варьируя названия. Так было с серией из шести сборников «Материалов Совместной археологической экспедиции на Кара-тепе в Старом Термезе», выпущенных с

1964 по 1998 г. Так поступило издательство и с коллективными монографиями «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье». Поэтому вполне оправданно присутствие в рассматриваемом издании 2000 г. (на с. 3, даже до «Введения»), списка всех четырех томов этой серии. Первый (не названный по номеру) том ее вышел под редакцией Л. С. Тихвинского и Б. А. Литвинского, остальные три — под редакцией Б. А. Литвинского. Под общим титулом серии — «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье» каждый том имел еще подзаголовки: первый — «Очерки истории», второй «Этнос. Языки. Религии», третий — «Хозяйство, материальная культура», четвертый — «Архитектура. Искусство. Костюм». Подзаголовки не всегда точно отражают состав томов, но позволяют отличать их один от другого. Да и в силу различной изученности материалов разные темы и сюжеты нередко получали, конечно, весьма разное освещение, тем более что в написании каждого тома серии участвовали разные и по методу, и по стилю, и по степени подготовленности авторы.

В первом томе, выпущенном в 1988 г., главу 1 — «История изучения» — написали Б. А. Литвинский и А. П. Терентьев-Катанский (с дополнениями М. В. Крюкова), главу 2 — «Каменный век» — В. А. Ранов, главу 3 — «Бронзовый век» — Н. А. Антонова, главу 4 — «Ранний железный век» — М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, главу 5 — «Восточный Туркестан в свете античных источников» — И. В. Пьянков, главу 6 — «Восточный Туркестан в III в. до н. э.—IV в. н. э.» — М. В. Крюков, главу 7 — «История Восточного Туркестана в VII—X вв.» — А. Г. Малявкин (с дополнениями Б. А. Литвинского), главу 8 — «Великий шелковый путь» — Е. И. Лубо-Лесниченко.

Во втором томе, увидевшем свет в 1992 г., главы 1 и 7 — «Тохары» и «Памятники тохароязычной письменности» — написаны Вяч. Вс. Ивановым; главы 2 — «Хотано-саки», 3 — «Индийцы», 5 — «Тибетцы» и 9 — «Памятники индийской и тибетской письменности» — М. И. Воробьевой-Десятковской (раздел главы 2 — «Памятники хотано-сакской письменности VIII—X вв.» — Л. Г. Герценбергом); главы 4 — «Хунну и тюрки» и 10 — «Памятники древнетюркской письменности» — С. Г. Кляшторным. Автор глав 6 — «Китайцы» и 11 — «Памятники китайской письменности» — А. И. Чугуевский; главы 8 — «Памятники согдийской, среднеперсидской, парфянской, бактрийской, новоперсидской письменности» — А. Л. Хромов; главы 12 — «Антропологический очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана» — В. Н. Алексеев; главы 13 — «Современные результаты этнических процессов в Восточном Туркестане» — Л. А. Чвырь и А. М. Решетов; главы 14 — «Буддизм» — Б. А. Литвинский (кроме раздела «Рукописи буддийских канонических текстов I тыс. н. э., обнаруженные в Восточном Туркестане и Средней Азии», написанного М. И. Воробьевой-Десятковской); главы 15 — «Манихейство» — Б. А. Литвинский и Е. Б. Смагина; главы 16 — «Христианство» — А. Б. Никитин.

Среди авторов третьего тома серии, изданного в 1995 г., много ученых, участвовавших в предыдущих томах. Главу 1 — «Горное дело. Ремесло» — написал Б. А. Литвинский, а раздел «Ткачество» — Е. И. Лубо-Лесниченко; главу 2 — «Сельское хозяйство» — Е. В. Антонова; главу 3 — «Бытовой инвентарь» — Б. А. Литвинский; он же автор главы 4 — «Погребальные памятники» (кроме разделов «Могильник Астана», «Могильник Ярхото» и «Погребальные маски и покрытия», написанных Е. И. Лубо-Лесниченко); главу 5 — «Вооружение» — М. В. Горелик; главу 6 — «Денежное обращение Восточного Туркестана» — Е. В. Зеймаль.

Обращаясь вновь к четвертому тому, вышедшему в 2000 г., сразу отметим заметное сокращение количества авторов: их всего четыре, причем только один (Б. А. Литвинский) участвовал во всех предыдущих. Помимо Б. А. Литвинского, автора «Введения» (с. 4—12) и раздела «Архитектура и строительное дело», самого большого в томе (с. 13—217), в нем приняли участие: недавно ушедшая от нас Н. В. Дьяконова, написавшая раздел «Изобразительное искусство» (с. 218—295), — хранитель коллекций из Синьцзяна в Государственном Эрмитаже и одна «из лучших современных знатоков восточнотуркестанского искусства», как характеризует ее во «Введении» составитель и редактор тома; С. А. Яценко, представитель нового направления в науке — «костюмологии», автор раздела «Костюм» (с. 296—384); С. Кибирова, написавшая раздел «Музыкальная культура» (с. 385—536), уйгурский композитор и музыковед, по мнению редактора — «единственный специалист, работающий в этом направлении».

Не во всем можно согласиться и с ответственным редактором (и основным автором серии), и с авторским коллективом четвертого тома, не говоря уже о весьма разношерстном (в смысле специальностей, методов работы, пристрастий и т. п.) составе авторов предыдущих томов. Однако нельзя не поблагодарить Б. А. Литвинского за организацию, а весь мощный творческий коллектив — за безусловно успешное завершение грандиозной работы, обобщившей исследования отечественных ученых по истории, исторической географии, этнической и социальной истории, этнологии и антропогенезу, архитектуре и искусству, материальной и духовной культуре Восточного Туркестана — Синьцзяна, с учетом основных достижений наших зарубежных коллег.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ. 1985—1987 /

Сост.: Р. Ш. Левина, Л. М. Всевинов. СПб. 1999.

А. Я. Щетенко (Санкт-Петербург)

Библиографический указатель «Советская археологическая литература. 1985—1987» является очередным, десятым, юбилейным томом библиографии по советской археологии. Как и предыдущие выпуски этого фундаментального издания, вышедшие в 1959—1997 гг. и содержащие работы с 1918 по 1984 г.¹, новый указатель подготовлен к печати и опубликован сотрудниками отдела Библиотеки Российской Академии наук при Институте истории мате-

¹ Нумерация томов потребовалась в связи с тем, что № 4 за 1975 г. был пропущен в настоящем издании и восстановлен мною по Библиографии 1997 г. (№ 9).

1) Советская археологическая литература: Библиография. 1918—1940. М.: Л., 1965; 2) Советская археологическая литература: Библиография. 1941—1957. М.: Л., 1959; 3) Советская археологическая литература: Библиография. 1958—1962. Л., 1969; 4) Советская археологическая литература: Библиография. 1963—1967. Л., 1975; 5) Советская археологическая литература: Библиография. 1967—1972. Л., 1980; 6) Советская археологическая литература: Библиография. 1973—1975. Л., 1983; 7) Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1976—1987. Л., 1986; 8) Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1979—1981. Л., 1989; 9) Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1982—1984. СПб., 1997.

риальной культуры Российской Академии наук². Его составители Р. Ш. Левина и Л. М. Всевиов пользовались постоянными консультациями сотрудников Института. Редакционную коллегию, в которую входили такие крупнейшие российские археологи, как З. А. Абрамова, В. М. Массон, А. Н. Щеглов, В. Л. Янин, возглавил директор ИИМК РАН Е. Н. Носов.

Как отмечают авторы: «В библиографическом указателе учтена вся отечественная литература по археологии, а также труды по древней истории и истории средних веков, по истории науки и техники, основанные на археологических материалах, работы по истории искусства и архитектуры и по смежным дисциплинам — эпиграфике, нумизматике, сфрагистике, геральдике, исторической географии. Включены основные работы по четвертичной геологии, палеогеографии, палеозоологии, палеоботанике, палеоантропологии, палеодемографии, а также по этнографии и языкознанию, содержание которых связано с проблемами археологии» (с. 5). Библиографический указатель, включающий 14 295 работ, состоит из шести частей: первые — «Общий отдел» и «Археология СССР» — занимают основную часть издания (с. 7—411), остальные — «Археология зарубежных стран», «Работы зарубежных авторов», «Дополнения к указателям 1918—1984 гг.», «Рецензии 1985—1987 гг.» — уместились на 11 страницах.

Две первые части имеют по шесть разделов, внутри которых, по предметному и хронологическому принципам, выделены отдельные рубрики. Первые разделы — «Итоги и задачи археологических исследований в СССР» (с. 7), «Теория и методы археологии» (с. 8—17), «Общие вопросы ранних этапов истории» (с. 17—21) — содержат публикации, предназначенные главным образом археологам.

В четвертом разделе — «Организация и история археологической науки в СССР» — в рубрике «Конгрессы, съезды, конференции и совещания» выделим встречи ученых по востоковедческой тематике. Это «Бартольдские чтения — 84 и 87» (Москва); Всесоюзные конференции: «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока» (Москва, 1984), «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» (Ташкент, 1985), «Культура и искусство Киргизии» (Ленинград, 1983), Четвертая тюркологическая (Ашхабад, 1985); Массоновские чтения — 85 (Ташкент); Международные конференции — XXXI ассириологов (Ленинград, 1984) и «Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века» (Алма-Ата, 1985); конгрессы: 5-й Международный тюркологический (Стамбул, 1985) и Всемирный археологический (Саутгемптон, 1986); симпозиумы: советско-американский по археологии Средней Азии и Ближнего Востока (Самарканд, 1983), 2-й всесоюзный по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 1984), советско-индийский по археологии Средней Азии и Индии (Ашхабад, 1984) и два советско-французских — по археологии Средней Азии с древнейших времен до раннего железа (Париж, 1985) и по контактам центральноазиатских культур с соседними регионами (Алма-Ата, 1987); Всесоюзная школа молодых востоковедов (Москва, 1986); Научная сессия к 100-летию академика И. А. Орбели (Ленинград, 1987); Республиканское совещание «Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху» (Ашхабад, 1987).

² Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 99-01-161167.

В рубрике «Зарубежные научные связи советских археологов» — статьи В. М. Массона, Р. М. Мунчаева, Н. Н. Негматова — обобщена информация о зарубежных экспедициях и о советско-американском сотрудничестве в изучении цивилизаций Востока³.

В рубрике «Научные учреждения и музеи» (с. 34—38) раскрыта деятельность основных гуманитарных учреждений АН СССР — Института археологии и Института востоковедения. Это статьи О. Ф. Акимушкина и Ю. А. Петросяна о восточных рукописях; очерки об истории и культуре Восточного Туркестана Б. А. Литвинского; отчет С. И. Мараховой об итогах 30-летних исследований по египтологии, коптологии и папирологии. Здесь же — информация Е. Н. Мещерской о работе Ленинградского отделения Палестинского общества, о заседаниях Бюро Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА), о публикациях Эрмитажа и др.

В разделе «Преподавание» (с. 53—55) отметим учебные пособия: «Археология зарубежной Азии» — коллективный труд Г. М. Бонгард-Левина, Д. В. Деопика, А. П. Деревянко, С. Р. Кучеры, В. М. Массона; «Искусство Древнего Востока: (Древний Египет и Передняя Азия)» В. Б. Блэка.

В рубрике «История археологии» представлена «Personalia» (с. 63—76), где помещены работы трех жанров: архивное наследие, юбилейные панегирики и некрологи выдающимся ученым. Они посвящены таким знаковым фигурам российской и советской науки, как В. А. Городцов, М. П. Грязнов, П. П. Ефименко, В. А. Жуковский, А. А. Иессен, К. А. Иностранцев, А. П. Окладников, С. И. Руденко, С. П. Толстов и многие другие.

В разделе «Библиография» (с. 76—81) заслуживают внимания два тома «Истории Таджикистана», обзоры Информационного бюллетеня МАИКЦА и «Работы советских ученых по древней Передней Азии».

Среди рецензий на иностранные издания (с. 78—80) отметим отклики на исследования по древнеиндийской цивилизации и по археологии древней Бактрии. К ним примыкают рецензия на археологическую карту Афганистана и анализ «Новой серии монографий в изданиях Французской археологической делегации в Афганистане». Интересен разбор книги Д. И. Маккуина «Хетты и их современники в Малой Азии».

В периодических изданиях, кроме очередных томов (7, 8, 15 и 17) «Археологии СССР», назовем пять выпусков (8—12) Информационного бюллетеня МАИКЦА.

В рубрике «Справочники и словари» помещена двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира» — ценнейший источник для историков и востоковедов.

В шестом разделе — «Археология и смежные дисциплины» (с. 81—95) — собрана литература по четвертичной геологии и палеогеографии, палеозоологии и палеоботанике, палеоантропологии, этнографии, исторической географии и языкознанию.

Вторая часть — «Археология СССР» (с. 96—411) — состоит из четырех разделов, содержащих «Сводные труды и работы о разновременных памятниках» от эпохи палеолита до средневековья в четырех регионах: Европейская часть СССР, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Сибирь и Дальний Восток.

В разделе «Средняя Азия и Казахстан» (с. 327—364) среди сводных трудов заслуживает упоминания восьмой том «Археологии СССР» — «Древней-

³ Взгляд американской стороны на это сотрудничество отражен в предисловии К. К. Ламберг-Карловского к монографии Ф. Т. Хибберта (Lamberg-Karlovsky 1994).

шие государства Кавказа и Средней Азии» (Отв. ред. Г. А. Кошеленко), сборники «Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока» (Отв. ред. Б. А. Литвинский) и «Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства» (Отв. ред. Б. Б. Пиотровский), монография Г. А. Пугаченковой «Из художественной сокровищницы Среднего Востока». Несколько работ Б. А. Литвинского посвящены вопросам истории культуры Бактрии—Тохаристана и древним связям Индии и Средней Азии.

В разделах «Эпоха неолита, энеолита и бронзы» и «Эпоха раннего железа» сосредоточена литература по проблемам взаимодействия культур Центральной Азии и древнего Востока. Монография К. К. Курбансахатова «Энеолит Анау» отмечает 100-летие начала раскопок в Туркменистане. Книга Т. М. Ширинова «Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья» отражает успехи экспериментально-трассологических методов в археологии.

В работах раздела «Древние государства (Греко-Бактрия, Парфия, Кушанское царство)» обсуждаются проблемы истории и культуры таких эталонных памятников, как Зар-тепе, Старый Термез, Фаяз-тепе, Нур-тепе, Старая Ниса, Тахти-Сангин, Топраккала, Хива, древний Самарканд и Афрасиаб, Кампырп-тепе, Кобадан, Кара-тепе, Еркурган, Айртам, Дальверзин-тепе. Отметим монографию Е. В. Зеймаля «Древние монеты Таджикистана».

В разделе «Средневековье» опубликованы полевые отчеты и исследования по искусству, религии, нумизматике, вопросам хронологии и культурно-исторических связей памятников, ставших классическими для отечественного и зарубежного востоковедения. Это — Отрар, Ташкент, Хива, Самарканд и Афрасиаб, Пенджикент, Кобадан, Бухара, Шахрисябз.

Из фундаментальных монографий назовем лишь некоторые: К. М. Байпаков. «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI—нач. XIII в.)», В. А. Грошев. «Ирригация Южного Казахстана в средние века», Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. «Средневековая культура Тохаристана», Т. К. Ходжайов. «Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья», К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. «Отрар в XIII—XV вв.», Е. А. Атагарриев. «Средневековый Дехиستان», М. М. Ашрафи. «Бехзад и развитие бухарской школы миниатюры XVI в.», Н. В. Ракуц. «Орнаментация одежды XV—XVII вв. по данным центральноазиатских миниатюр». Здесь же отметим ряд богато иллюстрированных альбомов искусствоведческой тематики.

В разделе «Сибирь и Дальний Восток» обращает на себя внимание литература, связанная с историей племен Центральной Азии. Это сборники — «Древности Сибири и Дальнего Востока» (Отв. ред. В. Е. Ларичев), «Проблемы археологии Северной и Восточной Азии» (Отв. ред. С. В. Маркин, С. А. Гладышев), «Скифо-сибирский мир» (Отв. ред. А. И. Мартынов) — и статьи, посвященные кочевым народам евразийских степей широкого временного диапазона: от скифской эпохи до позднего средневековья. Среди них — монография А. В. Давыдовой «Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье», посвященная сунну. Весьма разнообразна и тематика работ о тюрках. Здесь и сообщения Д. Д. Васильева, Вл. А. Семенова, Ю. И. Трифонова, С. Г. Кляшторного, И. В. Кормушина, Г. О. Туденова. Культу коня и вооружению кочевников посвящена итоговая монография Ю. С. Худякова «Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии». Специального упоминания заслуживают статьи М. Е. Килуновской и А. А. Ковалева об оленных камнях скифского времени. Новые идеи предложены в работах Н. Г. Рубленко и Э. В. Шавкунова.

В рубрике «Дальний Восток» основная литература посвящена истории и культуре средневековых бохайцев и чжурчженей: ряд статей В. Э. Шавкунова о вооружении чжурчженей и монография В. Е. Медведева «Приморье в конце I—нач. II тыс.: Чжурчженьская эпоха». Интересны исследования С. М. Тупикина «О центральноазиатской параллели некоторым знакам на чжурчженьской керамике» и Э. В. Шавкунова «Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчженей».

В третьей части — «Археология зарубежных стран» (с. 412—436) — в разделе «Азия» выделим ряд сборников: «Древние культуры Китая» (Отв. ред. В. Е. Ларичев), «Древние культуры Монголии» (Отв. ред. Р. С. Василевский), «Древняя Анатолия» (Отв. ред. Б. Б. Пиотровский) — и монографий: «Индия в древности» Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина, «Древний и средневековый Иран» В. Г. Луконина, «Человек в культуре древнего Ближнего Востока» И. П. Вейнберга, «Ancient Afghanistan» В. М. Массона. Интересен альбом В. И. Сарианиди «Бактрийское золото: Раскопки некрополя Тилля-Тепе в Северном Афганистане» и серия его работ о цивилизации Бактрии и Маргианы.

Отдельные публикации посвящены проблемам земледельцев и скотоводов Древнего Востока и новым археологическим открытиям; к ним примыкает хеттская тематика. Новый этап в изучении древнеиндийской цивилизации охарактеризован В. М. Массоном, а новые подходы в интерпретации ее письменности предприняты М. Ф. Альбедиль, Л. Л. Левизи и Б. Я. Волчок. А. Н. Бадер анализирует «Развитие военного дела у индоарийских племен по данным Ригведы».

В средневековой тематике выделим монографии А. Т. Адамовой и Л. Т. Гюзальян «Миниатюрные рукописи поэмы „Шахнаме“ 1333 г.», Т. Х. Акопяна «Ани — столица средневековой Армении», В. Н. Карцева «Зодчество Афганистана», Н. С. Николаева «Художественная культура Японии XVI ст.», К. В. Тревер и В. Г. Луконина «Сасанидское серебро».

В четвертой части — «Работы зарубежных авторов, опубликованные в советских изданиях, и переводная литература» (с. 436—444) — в первую очередь следует перечислить книги археологов и востоковедов: «Государство Селевкидов» Э. Бикермана, «Зороастрийцы: Верования и обычаи» М. Бойс, «Забывтое царство» Л. Вулли, «Хетты» О. Р. Генри, «Ладья под пирамидой: (Царская ладья фараона Хеопса)» Н. Дженкинса, «Древняя Эбла: (Раскопки в Сирии)» (Общ. ред. И. М. Дьяконова), «Их величество пирамиды» В. Заморовского, «Боги, гробницы, ученые: Роман археологии» К. В. Керама, «Библейские холмы» Э. Церена, «Искусство Монголии с древнейших времен до нач. XX в.» Н.-О. Цултема, «Эллинизированный Восток: Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии» Д. Шлюмберже. Вторую группу составляют статьи и тезисы докладов, опубликованных по материалам рубрики «Конгрессы, съезды, конференции и совещания» с добавлением работ по итогам двух встреч в Ташкенте: «Городская среда и культура Бактрии—Тохаристана и Согда» (1986) и «Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда: античность, раннее средневековье» (1987).

Два указателя — именной (с. 447—495) и смежных дисциплин (с. 496—501), а также «Список сокращений» (с. 502—506) завершают рецензируемый том.

Как отмечают Р. Ш. Левина и Л. М. Всевиов, вся литература просмотрена *de visu* и лишь единичные названия отмечены звездочкой — знак работы, недоступной составителям. При такой, поистине титанической, работе, без при-

менения компьютера, в тексте удалось избежать опечаток, если не считать нескольких описок⁴.

Библиографические указатели «Советская археологическая литература» являются полезными справочными пособиями для широкого круга исследователей: археологов, востоковедов, историков, краеведов, этнографов и все тех, кто интересуется историей и культурой древнейших периодов человечества. Зарубежные специалисты также пользуются этим изданием, поэтому желательно снабдить следующий том английским переводом титула и оглавления, тем более что уже с 1979 г. журнал «Советская археология» перешел в своем оформлении на английский язык — общепризнанный язык международного общения.

Вероятно, при современных темпах развития информационных технологий в России, целесообразно рассмотреть возможность размещения библиографического указателя такого уровня в глобальной информационной сети ИНТЕРНЕТ. В ИИМК РАН создан собственный сайт, где можно оформить соответствующий раздел с краткими комментариями на русском и английском языках. Технические возможности сегодня у института есть, а его интеллектуальный потенциал зримо демонстрируют все тома библиографического указателя «Советская археологическая литература», и особенно последний — 10-й, наиболее совершенный из опубликованных ранее.

Библиография

Носов 1999: *Носов Е. Н.* Институту истории материальной культуры РАН 80 лет // АВ. № 6. С. 9—14.

Lamberg-Karlovsky 1994: *Lamberg-Karlovsky C. C.* Foreword. Initiating an Archaeological Dialogue: The USA—USSR Archaeological Exchange // *Hiebert F. T.* 1994. *Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia.* Cambridge (Mass.). P. XVII—XXX.

⁴ Так, на с. 386 стоянка Усть-Карабула вместо Красноярского отнесена к Краснодарскому краю; на с. 6 в последнем абзаце (и в «Содержании» на с. 512) надо исправить цифры на 1985—1987 гг.; на с. 54 ошибка в слове Египет, на с. 442 — в слове Мезомернка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
АДД — Автореферат докторской диссертации.
АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
- ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР. М.
ВВ — Византийский временник. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИИСИД — Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М.
- ВолДИ — Вопросы древней истории. Тбилиси.
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ИАН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ИБМАИКЦА — Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
- ИИРГО — Известия Императорского Русского географического общества. СПб.
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИСО АН СССР СИФФ — Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия «История, филология и философия». Новосибирск.
- КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
КСИЭ АН СССР — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.; Л.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
НКОГК — Научная конференция «Общество и государство в Китае». М.
НЦА — Нумизматика Центральной Азии. Ташкент.

- ОАК — Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПАЭ — Проблемы археологии и этнографии. Л.
- ПВ — Петербургское востоковедение. СПб.
- ПК — Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. Л.
- ППВ — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М.
- ППИПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.
- ПСИКСВ — Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб.
- РА — Российская археология. М.
- СА — Советская археология. М.
- СВ — Средние века. М.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах. М.
- СНВ — Страны и народы Востока. М.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад/Душанбе.
- ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
- ТД — Тезисы докладов.
- ТИИА АН УзбССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
- ТИИАЭ АН КазССР — Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- УфАВ — Уфимский археологический вестник. Уфа.
- ЭВ — Эпиграфика Востока. М.; Л.
- ЮТ — Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикской археологической экспедиции. М., 1983.
- AAntASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AArchASH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- ACI — L'Antiquité Classique. Bruxelles.
- ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
- ActIr — Acta Iranica. Téhéran; Liège.
- AJA — American Journal of Archaeology. Concord.
- AJAH — American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.).
- AJPh — American Journal of Philology. Baltimore.
- ALUB — Annales littéraires de l'Université de Besançon. Paris.
- AMHI — Attila: The Man and His Image / Ed. by F. H. Bäuml and M. D. Birnbaum. Budapest, 1993.
- AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.

- AMIT — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
 AnIn — Ancient India. New Delhi.
 AOASH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
 AOr — Archív Orientální. Praha.
 ARB — L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Textes réunis par F. Vallet et M. Kazanski. Condé-sur-Noireau, 1993.
 ArEMA — Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden.
 ArOr — Ars Orientalis. Ann Arbor.
 AS — Ancient Society. Leuven.
 AUW — Acta Universitatis Wratislaviensis. Wrocław.
 AV — Archiv für Volkerkunde. Wien.
 BAI — Bulletin of the Asia Institute. Detroit etc.
 BAR (IS) — British Archaeological Reports. International Series. Oxford.
 BIA — Bulletin of the Institute of Archaeology. London.
 BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies. Southampton.
 BMs — Bibliotheca Mesopotamica. Malibu.
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
 BZ — Byzantinische Zeitschrift. München.
 CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago.
 CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden.
 CHEIA — The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. by D. Sinor. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990.
 CHI 3 (1) — The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Ed. by E. Yarshater. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney 1983.
 CPh — Classical Philology Chicago.
 CQ — The Classical Quarterly. Oxford.
 CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. Vindobonae.
 CSSH — Comparative Studies in Society and History. Cambridge; New York; Melbourne.
 DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington.
 EAnt — Eurasia Antiqua. Berlin; Mainz.
 EHR — English Historical Review. Harlow.
 EI — Encyclopaedia Iranica / Ed. by E. Yarshater. New York etc.
 EW — East and West. Rome.
 FAH — Fasciculi Archaeologiae Historicae. Łódź.
 FHG — Fragmenta historicorum Graecorum / Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit C. Müllerus. Vol. I—V. Parisiis, 1868—1884.
 GB — Grazer Beiträge. Graz; Horn.
 GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham.
 DN — Divine name
 HGM — Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Vol. I—II. Lipsiae, 1870—1871.
 IAnt — Iranica Antiqua. Leiden; Gent.
 IArch — Indian Archaeology. New Delhi.
 IBIASCCA — Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Moscow.
 JA — Journal Asiatique. Paris.

- JAOS — Journal of the American Oriental Society. Worcester.
 JCA — Journal of Central Asia. Islamabad.
 JHS — The Journal of Hellenic Studies. London.
 JRA — Journal of Roman Archaeology. Ann Arbor.
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
 JRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz; Bonn.
 JRMES — Journal of Roman Military Equipment Studies. Newcastle upon Tyne.
 JRS — The Journal of Roman Studies. London.
 JSAA — The Journal of the Society of Archer-Antiquaries. Canterbury.
 LSNEE — Aalto P., Pekkanen T. Latin Sources on North-Eastern Eurasia. Pt. I—II. Wiesbaden, 1975—1980.
 MAIBL — Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Paris.
 MAs — Mélanges Asiatiques. St.-Petersbourg.
 MGH (AA) — Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berlin.
 MMJ — Metropolitan Museum Journal. New York.
 MSHAG — Mémoires de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Genève. Genève.
 MWZPM — Muzeum Wnętrz Zabytkowych w Pszczynie: Materiały. Pszczyna.
 NC — The Numismatic Chronicle. London.
 NF — Neue Folge.
 NS — New Series.
 NZ — Numismatische Zeitschrift. Wien.
 OR — Opuscula Romana. Lund.
 OrA — Oriental Art. London.
 OrE — Oriens Extremus. Wiesbaden.
 PG — Patrologiae cursus completus: Patrologia Graeca / Accurante J.-P. Migne. Parisiis.
 PL — Patrologiae cursus completus: Patrologia Latina / Accurante J.-P. Migne. Parisiis.
 PLRE I — Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: A.D. 260—395. Cambridge, 1971.
 PLRE II — Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II: A.D. 395—527. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1980.
 PPr — Past and Present. Oxford.
 PSAS — Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London.
 RA — Revue Archéologique. Paris.
 RAAO — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale. Paris.
 REA — Revue des Etudes Anciennes. Bordeaux.
 RH — Roczniki Historyczne. Poznań.
 RIHM — Revue Internationale d'Histoire Militaire. Paris.
 RN — Revue Numismatique. Paris.
 SAA — South Asian Archaeology.

- SC — Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (*Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis*). Т. I—II. СПб., 1893—1906.
- SCI — *Scripta Classica Israelica*. Jerusalem.
- SKAW — *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. München.
- SRAA — *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura.
- StIr — *Studia Iranica*. Paris.
- TCul — *Technology and Culture*. Chicago.
- TMem — *Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation Byzantines* [= *Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance*]. Paris.
- YCS — *Yale Classical Studies*. New Haven.
- YOS — *Yale Oriental Series: Babylonian Texts*. New Haven.
- ZDMG — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Leipzig.
- ZN — *Zeitschrift für Numismatik*. Berlin.

**ЗАПИСКИ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ЗВОРАО)**

Том I (XXVI)

Редактор и корректор — *Н. В. Надеждина*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен
в издательстве «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
ЛР № 065555 от 05.12.1997

Подписано в печать 08.07.2002
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная
Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Объем 35 печ. л.
Заказ № 3569

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

книжные серии

Orientalia

Памятники культуры Востока

**Памятники культуры Востока:
Санкт-Петербургская научная серия**

Драгоценные строфы китайской поэзии

Мир Востока

Archaeologica Petropolitana

Slavica Petropolitana

Ethnographica Petropolitana

Миф, эпос, религии Востока

Архив российского востоковедения

Современная проза Востока

Сокровенный свет

Культура и идеология мусульманского Востока

а также

периодические издания

альманах

«Петербургское востоковедение»

журнал

«Кунсткамера. Этнографические тетради»

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Д. В. ИВАНОВ

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Версия 2.0

Настоящая монография представляет собой вторую версию первого в отечественной социологии исследования, посвященного разработке концепции виртуализации — принципиально нового направления теоретического анализа общественных изменений. Предлагаемая концепция демонстрирует читателю возможности социологического воображения как стратегии создания яркой и одновременно научно корректной картины социальных процессов на рубеже XX—XXI вв. Разрозненные представления об экономических, политических, технологических, культурных переменных — доктрины постиндустриальной экономики, постмодернизма, компьютерной революции и т. п. — увязаны в целостное видение современного общества метафорой *виртуальной реальности*, которая разворачивается в социологическую модель, способную объяснить множество фактов и тенденций, наблюдаемых в различных сферах жизни.

Определяющая характеристика виртуальной реальности любого рода — это замещение реальных вещей/действий их образами/симуляциями. Такое замещение автор выявляет в основных институциональных сферах: экономике, политике, науке, искусстве, семье.

Книга адресована исследователям, преподавателям, студентам и аспирантам, специализирующимся в области социологии, социальной философии, экономики и политологии.

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**книжную серию — лауреата конкурса АСКИ
«Лучшая книжная серия 2001 года»**

в серии вышли:

**Е. А. Торчинов
ДАОСИЗМ
«ДАО ДЭ ЦЗИН»**

**Т. В. Ермакова,
Е. П. Островская
КЛАССИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ**

**А. А. Хисматулин
СУФИЗМ**

**А. А. Накорчевский
СИНТО**

**Е. А. Торчинов
ДАОССКИЕ ПРАКТИКИ**

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**книжную серию — лауреата конкурса АСКИ
«Лучшая книжная серия 2001 года»**

в серии вышли:

**В. В. Емельянов
ДРЕВНИЙ ШУМЕР:
ОЧЕРКИ КУЛЬТУРЫ**

**М. Ф. Альбедиль
ИНДУИЗМ**

**Т. В. Ермакова,
Е. П. Островская
КЛАССИЧЕСКИЕ
БУДДИЙСКИЕ ПРАКТИКИ-I**

**М. А. Родионов
ИСЛАМ КЛАССИЧЕСКИЙ**

**А. С. Мартынов
КОНФУЦИАНСТВО
«ЛУНЬ ЮЙ»**

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**книжную серию — лауреата конкурса АСКИ
«Лучшая книжная серия 2001 года»**

в серии готовятся:

**Е. А. Торчинов
ФИЛОСОФИЯ
БУДДИЗМА МАХАЯНЫ**

**Е. А. Островская
ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ**

**Ю. А. Иоаннесян
БАХАИ**

**В. В. Емельянов
РИТУАЛ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ**

**В. Ю. Крюкова
ЗОРОАСТРИЗМ**

**Т. В. Ермакова,
Е. П. Островская
КЛАССИЧЕСКИЕ
БУДДИЙСКИЕ ПРАКТИКИ—II**

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

в серии «Orientalia»

Е. А. РЕЗВАН

КОРАН И ЕГО МИР

Книга удостоена диплома ЮНЕСКО
за вклад в культуру мира и ненасилия и
диалог между цивилизациями

Исследование Е. А. Резвана — результат пятнадцати лет работы по изучению текста Корана и других коранических источников. Многочисленные публикации автора, предшествовавшие написанию данной работы, позволили ему сформулировать основную цель исследования по-настоящему широко: роль и место Корана в жизни мусульманского общества, история изучения этого памятника на мусульманском Востоке и в Европе, апробация новых компьютерных методик учета и анализа имеющегося материала, связанного с ранней историей Корана. Своеобразие подхода обусловлено двумя взаимосвязанными задачами: рассмотрением различных аспектов взаимоотношений внутри системы «Коран—общество» (Коран и общество Аравии рубежа VI—VII вв.; Коран и мусульманское общество VIII—XX вв.; Коран в Европе и России) и поисками путей разрешения методологических проблем ранней истории Корана на основе новых информационных технологий.

Книга содержит более 100 цветных и черно-белых иллюстраций. Кроме того, часть ее тиража планируется дополнить аудиозаписями различных стилей рецитации на CD-ROM. Только таким образом читатель сможет получить представление о различиях, допускаемых существующей традицией. Диск содержит образцы рецитации первой суры Корана «Ал-Фатиха», дает краткую информацию о стилях рецитации. Аудиозапись сопровождается демонстрацией образцов коранической каллиграфии из собрания СПбФ ИВ РАН.

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Н. Э. АЛЕСКЕРОВА

СУФИЙСКОЕ БРАТСТВО ГЮЛШАНИЙА

Представляемая вниманию читателя книга является первым на русском языке исследованием, посвященным деятельности зародившегося в Табризе во II половине XV в. суфийского братства Гюлшанийа, бывшего ответвлением широко распространенного на Ближнем Востоке братства Халватийа.

Деятельность Гюлшанийа представляет большой интерес как с точки зрения суфийской практики, так и в историко-политическом аспекте. Хронологические рамки работы включают поздний этап эволюции суфизма, а именно XV—XVI вв. В исследовательской части книги прослеживаются особенности образования и развития братства Гюлшанийа, а также пути и методы его распространения во многих странах мусульманского Востока.

В книгу также включены переведенные на русский язык наиболее значимые фрагменты агиографического сочинения одного из видных последователей Гюлшанийа Мухйи Мысри Гюлшани «Манакиб-и Ибрахим-и Гюлшани». Эти фрагменты преимущественно посвящены биографии основателя братства — шейха Ибрахима Гюлшани, а также политическим событиям, происходившим на Ближнем и Среднем Востоке в XV—XVI вв. Кроме того в книгу вошли отдельные части трактата другого члена Гюлшанийа Шемлели-заде Ахмада-эфенди «Шиве-йи тарикат-и Гюлшанийа», в котором автор описал ритуально-обрядовую практику братства.

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КИТАБ АЛ-ХАРАДЖ

«Китаб ал-харадж» — один из самых ранних дошедших до нас памятников мусульманской письменной традиции и самое первое сочинение ханафитской школы мусульманского права. Эта книга, написанная в VIII в. в эпоху легендарного халифа Харуна ар-Рашида и по его велению, отражает систему мусульманского налогообложения в широком смысле слова: здесь представлено около 550 преданий как о различных видах налогов, так и о формах наложения наказаний за правонарушения против Бога и против человека времен становления мусульманской общины и образования Халифата. Книга может быть интересна самому широкому кругу читателей и специалистов.

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**АБУ ХАМИД МУХАММАД
АЛ-ГАЗАЛИ АТ-ТУСИ**

КИМИЙА-ЙИ СА‘АДАТ (ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ)

ЧАСТЬ 1: УНВАНЫ 1-4. РУКН 1

Достигнув высот славы, всеобщего почитания, известности и обретя еще при жизни статус «Довода ислама», виднейший мусульманский мыслитель и теолог Мухаммад ал-Газали ат-Туси (1058—1111) и поныне слывет одним из самых известных авторов мусульманского мира.

Книга «Эликсир счастья» представляет собой уникальный памятник средневековой философской мысли, отличающейся безукоризненной логикой и ясностью изложения. Эта работа — одна из немногих, созданных автором на персидском языке, и интерес к ней не иссякает на протяжении вот уже девяти столетий.

Настоящее издание представляет собой перевод первых четырех показателей (*унван*) покорности Богу и первого столпа (*рукн*), названного автором «Религиозные отправления».

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18

Тел/факс: (812) 311 62 83

Адрес нашего издательства в Интернет:

E-mail: pvcentre@mail.ru

www.pvcentre.agava.ru

*По поводу приобретения книг нашего издательства
просьба обращаться в ЗАО ИТД «Летний сад»*

В Санкт-Петербурге:

197136, Санкт-Петербург, Большой проспект П. С., д. 82

(ст. метро «Петроградская», флигель во дворе).

Тел.: (812) 232 21 04. Факс: (812) 233 19 62.

E-mail: letnysad@mail.wplus.net

В Москве:

ул. Б. Никитская, д. 46 (ст. метро «Баррикадная»).

Тел.: (095) 290 06 88, магазин-салон;

Б. Предтеченский пер., д. 7, склад-офис

(ст. метро «Краснопресненская»).

Тел.: (095) 255 01 98. E-mail: letsad@aha.ru

*По поводу приобретения книг серий «Slavica Petropolitana» и
«Ethnographica Petropolitana» просьба обращаться*

в книготорговую фирму «Крафт+».

Тел/факс: (095) 186 93 78. E-mail: kraft@podlipki.ru.

Санкт-Петербург: тел/факс: (812) 141 23 37

По поводу заказа книг нашего издательства

наложенным платежом по почте

просьба обращаться по адресу:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9,

Издательство Санкт-Петербургского университета,

отдел «Книга-почтой».

Тел.: (812) 328 77 63. Факс: (812) 328 44 22

E-mail: books@dk2478.spb.edu

За пределами Российской Федерации:

KUBON UND SAGNER

BUCHEXPORT-IMPORT GmbH

Heßstraße 39/41, Postfach 34 01 08

München, Deutschland-80328

WWW.PVCENTRE.AGAVA.RU